РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Неизвестные страницы ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
1997

ББК 72.3
Н45

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова

Составители
В.В.НАУМКИН (отв.редактор), И.М.СМИЛЯНСКАЯ

Редактор издательства
В.В.ВОЛГИНА

Неизвестные страницы отечественного востоковеде-
Н45 ния. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 392 с.: ил.
ISBN 5-02-017877-2

В сборнике рассматриваются драматические судьбы ученых, представляющих отечественное академическое и практическое востоковедение 1920–1940-х годов, – арабистов А.Я.Борисова, М.М.Аксельрода, А.М.Шами; характеризуется роль акад. И.Ю.Крачковского в создании Московской группы Института востоковедения. Впервые публикуются «Записки» о деятельности Российского Палестинского общества И.Ю.Крачковского и его переписка с акад. А.Е.Крымским, содержится поэма на восточный сюжет арабиста В.А.Эбермана, описание архива иранист Ф.М.Маркина и другие материалы.

ББК 72.3

Научное издание

Неизвестные страницы
отечественного востоковедения

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *В.В.Волгина*. Младшие редакторы *Н.В.Беришвили, Л.Б.Годунова*
Художник *Э.Л.Эрман*. Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *М.Г.Гущина*. Корректоры *Е.В.Карюкина, И.Г.Ким*
Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

ЛР № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 15.08.95. Подписано к печати 30.09.97. Формат $60\times90^1/_{16}$
Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. п.л. 24,5+0,5(вкл.). Усл.кр.-отт. 25,0
Уч.-изд. л. 27,2. Тираж 600 экз. Изд. № 7638. Зак. № 2747 . «С» – 1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

© В.В.Наумкин, И.М.Смилянская,
составление, 1997
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 1997

ISBN 5-02-017877-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый сборник, по замыслу его составителей, начинает серию работ о судьбах, научных достижениях и духовном опыте российских ориенталистов. Хорошо известно, что изучению истории науки востоковеды издавна придавали большое значение, достаточно сослаться на работы П.С.Савельева, В.В.Григорьева, В.В.Бартольда и И.Ю.Крачковского. И это естественно: осмысление научного и жизненного пути предшественников является неотъемлемым условием непрерывного движения науки, сохранения и развития в среде ученых культурных традиций.

В серии сборников предполагается публиковать биобиблиографические и историографические исследования, воспоминания об ушедших ученых, их неопубликованные труды, переписку, а также обзоры их архивов и т.п.

Настоящая работа открывается тремя небольшими монографическими исследованиями о жизни и творчестве арабистов А.Я.Борисова, А.М.Шами и М.М.Аксельрода. При их написании были использованы уникальные источники – тщательно собранные рассказы родных и друзей и собственные воспоминания К.Б.Старковой, младшей современницы и друга Борисова. Борисов, Шами, Аксельрод были людьми неординарными; до известной степени они олицетворяют различные социально-психологические типы нашего общества 20–30-х годов XX столетия, и это придает исследованиям о них особый интерес.

Они были представителями одного поколения, вступившего в жизнь в самом конце XIX – начале XX в. Их творческая зрелость пришлась на драматические в истории России двадцатые и тридцатые годы. Ушли они из жизни в пору своего творческого расцвета, не достигнув и 45 лет. Все трое приняли Октябрьскую революцию, хотя, по-видимому, каждый по-своему связывал с ней осуществление собственных общественных идеалов.

Они различались происхождением: А.Я.Борисов родился и вырос в старообрядческом окружении (правда, его родители

порвали с религиозными традициями и ушли в революционное движение), он рано познакомился с религиозно-полемической литературой и затем увлекся библеистикой и семитологией. А.М.Шами и М.М.Аксельрод происходили из зажиточных еврейских семей; испытав тяготы национального неравенства, они вступили в политическую жизнь через членство в левой сионистской организации «Поалей-Цион», которая в 20-х годах XX в. влилась в ВКП(б). Их интерес к Ближнему Востоку, где располагалась еврейская прародина, определился стремлением к революционному преобразованию арабского и еврейского миров.

А.Я.Борисов оставил заметный след в науке. Получив систематическое образование, он смог полностью отдаться избранному делу, следуя творческим принципам академической науки, имевшей серьезную востоковедную школу мирового ранга. Яркая творческая одаренность гармонично соединилась у него с высокой нравственностью. Война, болезнь и смерть рано оборвали его труды, и многие замыслы остались неосуществленными.

А.М.Шами не получил высшего гуманитарного образования и оставался более публицистом, политическим деятелем и партийным функционером, нежели кабинетным ученым. Человек незаурядного общественного темперамента, фанатично преданный коммунистической идее, он не был чужд макиавеллевскому принципу «цель оправдывает средства». В его трудах поиск научной истины подчас заменялся служением интересам политической борьбы и приверженностью партийно-правительственному курсу, которому он следовал с дисциплинированностью партийного деятеля. Вместе с тем тесное соприкосновение Шами с социально-политической действительностью арабского мира обогатило его практическими знаниями, позволило внести свою лепту в научные представления о современном общественно-политическом и экономическом положении Ближнего Востока. Личная судьба Шами была трагичной: он погиб в 1937 г. по воле создателей того режима, которому он беззаветно служил.

М.М.Аксельрод, правовед и арабист, был человеком яркой одаренности, сочетавшим научные поиски с практической деятельностью дипломата и разведчика. Выбор этого пути отчасти определялся его темпераментом: в мае 1936 г. он написал своей сестре, что собирается, оставив службу (в иностранном отделе ОГПУ), посвятить себя чтению лекций, однако при этом он прибавил: «Долго ли выдержит моя натура эту "тихую пристань", не знаю». В отличие от своего друга Шами, Аксельрод в своих научных изысканиях руководствовался поиском научной истины. Его анализ был трезв, взвешен, политически зрел. Но и он, будучи приверженным коммунистическому идеалу, веря, что этот

идеал претворяется в политической линии партии, прошел путь соучастия в политике партии, прежде чем осознал, какому Молоху он служил. И прозрение стало личной драмой Аксельрода еще до ареста в 1938 г., о чем говорят воспоминания его ученицы и сверстницы Х.И.Кильберг.

Итак, перед нами предстают три трагически оборвавшиеся жизни арабистов 20–30-х годов. Невольно приходят на ум слова непременного секретаря Российской академии наук, индолога С.Ф.Ольденбурга, сказанные еще в 1918 г. и позже процитированные И.Ю.Крачковским: «Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой науки (имеется в виду востоковедение. — *И.С.*), а как длинен ее мартиролог...»

В неожиданном и, к сожалению, драматическом свете выступает в контексте материалов сборника фигура В.А.Эбермана, специалиста в редкой области арабо-персидских культурных взаимодействий. Этот одаренный филолог дважды арестовывался и в 1937 г., находясь в ссылке в Орле, утонул в реке во время купания. В память об ученом публикуется его поэтический труд — «Венок сонетов». Стихи были написаны в лагере Медвежья Гора Белбалтлага и переданы друзьям на Колыме, куда он был отправлен после второго ареста, с просьбою их сохранить, и, таким образом, спустя более чем полвека дошли до нас. Они послужат оригинальным вкладом в ориенталистическое направление русской поэзии. Публикации предшествует краткий очерк о Василии Александровиче, принадлежащий перу Т.А.Шумовского.

Остальные материалы настоящего сборника как бы оттеняют ту или иную сторону жизни, деятельности и пристрастий наших знаменитых предшественников – академиков И.Ю.Крачковского и А.Е.Крымского. Так, в статье А.О.Тамазишвили «Академик И.Ю.Крачковский в Московской группе Института востоковедения АН СССР» и его же публикации «Записок о деятельности Российского Палестинского общества», принадлежавших перу Крачковского, нашли освещение малоизвестные страницы научно-организаторской деятельности Игнатия Юлиановича. Опираясь на архивные документы и эпистолярные источники, А.О.Тамазишвили сумел показать роль Крачковского в создании Московской группы востоковедов, объединившей московских и заброшенных войной в Москву ленинградских ориенталистов.

Из публикации становится очевидным, что И.Ю.Крачковский на первых порах пытался избежать превращения нового научного объединения в очередную «бюрократическую инстанцию» и при создании группы ратовал за возрождение традиций Восточной комиссии Императорского Московского археологиче-

ского общества, успешно издававшего до революции свои труды — «Древности восточные». Однако новые управленческие структуры допустили создание группы только в рамках Академии наук.

И.Ю.Крачковский не без основания опасался, что новая организация востоковедов станет конкурентом ленинградскому Институту востоковедения АН. Речь шла не о здоровом соревновании двух разных школ, а о вытеснении классического академического востоковедения новым востоковедением, узко идеологизированным и занятым преимущественно изучением новейшей истории. Его предчувствия оправдались: систематически подвергая критике научную деятельность ленинградских ориенталистов за ее историко-филологическую направленность, московские востоковеды добились перевода в 1950 г. базисного Института востоковедения из Ленинграда в Москву и значительной переориентации научной востоковедной деятельности в область политико-социологических проблем. И тем не менее в то время И.Ю.Крачковский придал новый импульс деятельности московских востоковедов, укрепив интерес к классическому циклу историко-филологических исследований, что позднее способствовало осознанию пагубности для науки разрыва исследований традиционного и современного Востока.

Три записки о Палестинском обществе раскрывают еще одну сторону научно-организаторской деятельности И.Ю.Крачковского — его заботу о восстановлении научной работы в недрах Палестинского общества и стремление сформулировать программу этой работы, исходя из опыта дореволюционных занятий Палестинского общества с учетом особых задач советского востоковедения и современного уровня мировой науки.

Надо сказать, что И.Ю.Крачковский, как и А.Е.Крымский, тяготился научно-организаторской работой, справедливо полагая, что она подчас бесплодно отнимает силы и время у научной работы. Он негодовал на невыносимые трудности, чинимые научно-административной деятельности бесконечным правительственным реформированием учебных и научных учреждений («...почти месяц я обретался в обычной летней прострации, когда после нашей "деловой" жизни со всей ее суетой не только писать, но даже говорить не хочется», — жалуется он А.Е.Крымскому в письме от 13 июня 1928 г.). Еще больше раздражала его слабая результативность этой деятельности, которую он поэтому называл «толчением воды в ступе». Записки о Палестинском обществе, в которых он на протяжении четверти века терпеливо повторяет и развивает свои идеи относительно желательного направления научной деятельности общества, ярко свидетельству-

ют о том, сколько энергии тратилось на отстаивание, казалось бы, очевидных истин. Тем не менее и этот труд Крачковского не пропал втуне, он способствовал хотя бы временному подъему деятельности общества, когда его возглавляла Н.В.Пигулевская.

Наконец, бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия является переписка А.Е.Крымского и И.Ю.Крачковского, которая также издается впервые. Потребность Крымского, прозаика и поэта, изложить на бумаге свои переживания превращает его письма в важный документ эпохи: он ярко обрисовывает страницы тяжелой жизни общества 30-х годов и драматические судьбы украинской интеллигенции.

Завершает материалы сборника обзор Е.А.Дорошенко скромного архива ираниста – практического работника Маркина. Этот обзор до известной степени проливает свет на вопросы подготовки в востоковедных заведениях того времени практических работников.

И.М.Смилянская

К.Б.Старкова

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ БОРИСОВ

10 июля 1942 г. в Орехово-Зуеве, на пути из осажденного Ленинграда, скончался талантливый советский семитолог Андрей Яковлевич Борисов. Имя его широко известно в науке благодаря сделанной им находке арабского оригинала латинской версии «Теологии» псевдо-Аристотеля. Интересны исследования А.Я.Борисова в области му'тазилитской литературы, а также его искусствоведческие и эпиграфические работы. Он был любимым и последним учеником академика П.К.Коковцова, преемником его не только в области «чистой» гебраистики, но и в более широких рамках семитологии вообще. Как известно, любая область знаний в наше время настолько раздвигает свои границы, что специалисты-универсалы становятся крайне редким, подчас исключительным явлением и уже не могут иметь преемников по всему кругу своих интересов, как бы ни были талантливы их ученики. Русская и советская семитология долго была счастлива в этом отношении: энциклопедистами были как П.К.Коковцов, так и молодой его ученик, в последние десять лет перед войной фактически заменивший своего учителя и в преподавании семитских языков, и в разработке семитологических дисциплин. По своему возрасту — он умер, едва достигнув 39 лет, — А.Я.Борисов долгие годы мог бы возглавлять советскую семитологию, но ученик пережил учителя всего на полгода.

I

А.Я.Борисов происходил из крестьянской старообрядческой семьи, родоначальник которой, выходец из центральных областей Московского государства, еще в начале XVIII в. поселился на Ветлуге в 7 верстах от озера Светлояр (теперь село Владимирское). А.Я.Борисов хорошо знал своих предков вплоть до того Бориса, кому он обязан своей фамилией. Ветлужская старообрядческая старина имела в его жизни немаловажное значение, однако родители А.Я.Борисова были людьми уже иного

© К.Б.Старкова, 1997

склада, далеко отошедшими от обычаев старообрядчества. Дед А.Я.Борисова по матери, Фрол Исаич Исаев, выходец из той же среды, оторванный солдатчиной от земли, на службе получил кое-какие медицинские сведения и после службы работал фельдшером в Петербургской губернии. Он постарался дать своей единственной дочери лучшее по своим возможностям образование: она окончила Царскосельскую женскую гимназию. По окончании учебного курса Анна Фроловна стала преподавательницей рабочей школы за Невской заставой и вошла в социал-демократический кружок, руководимый М.И.Калининым. Одним из активных деятелей этого кружка был Яков Андреевич Борисов, по профессии также народный учитель. Революционная деятельность Я.А.Борисова привела его к четырехгодичному заключению в Петропавловской крепости с последующей ссылкой в Сибирь. В мае 1902 г., перед самым отправлением в ссылку, Я.А.Борисов обвенчался с Анной Фроловной в Петербургской пересыльной тюрьме. Молодая женщина проводила мужа в Сибирь, провела с ним некоторое время и затем возвратилась к отцу, который тогда работал фельдшером в селе Валговицы (ныне Кингисеппский р-н Ленинградской области). Там 11/24 мая 1903 г. у нее родился сын, будущий семитолог. Ребенок был очень слаб, но к полугоду своего существования окреп настолько, что мать совершила с ним большое путешествие к родителям мужа и далее к мужу в Сибирь. Тем не менее болезненность и хрупкость организма сохранились у А.Я.Борисова на всю жизнь и в первую очередь способствовали его безвременной гибели. Раннее детство А.Я.Борисов провел почти исключительно на попечении деда и бабки Исаевых, так как мать часто отвлекалась заботами о муже и поездками к нему, а в 1905 г. у нее появился второй ребенок. В 1908 г. дед А.Я.Борисова оставил службу в Валговицах и перебрался с семьей в Нарву. В том же году умерла маленькая сестра А.Я.Борисова, а мать его поступила на так называемые Рождественские медицинские курсы, бывая с этих пор в Нарве эпизодически. Ребенок вырос у деда и бабушки, к которым у него на всю жизнь осталась самая глубокая привязанность. При минимальном образовании, при самых простых вкусах и привычках дед А.Я.Борисова, по его рассказам, отличался выдающимся умом и широкими интересами. Его мировоззрение оказало несомненное влияние на умственное и нравственное развитие внука. По своей болезненности А.Я.Борисов выучился грамоте для человека его способностей сравнительно поздно: в восьмилетнем возрасте. Но наряду с обычной русской грамотой он сразу познакомился со старославянской письменностью и языком, так что в 10 лет свободно читал в под-

линниках авторитетов раскола, сочинения которых в рукописях и старинных изданиях хранились в этой семье.

После ссылки Я.А.Борисов поселился в Петербурге, где стал заведовать одной из лучших в городе ремесленных школ. Устроившись на месте окончательно, родители А.Я.Борисова захотели взять сына к себе. В 1913 г. А.Я.Борисов поступил в гимназию. Родители его поддерживали дружеские связи с людьми, причастными к революционной деятельности. Так, например, близким другом семьи был известный народоволец Герман Лопатин, который уделял много внимания маленькому А.Я.Борисову, рассказывая ему увлекательные истории из средневековой жизни. Из рассказов родителей и их друзей А.Я.Борисов в первую очередь вынес неприятие социального строя дореволюционной России. Мне не раз приходилось слышать от него при воспоминаниях прошлого: «Если бы я жил до революции, я бы непременно стал революционером», — замечание тем более характерное, если принять во внимание необыкновенную сосредоточенность А.Я.Борисова в области избранной им науки.

С другой стороны, живые впечатления давали ему в детстве летние поездки на Ветлугу к родителям отца. Здесь все было проникнуто кержацкой стариной. Какое значение имели эти путешествия для будущего гебраиста, показывает то обстоятельство, что сознательное стремление изучить язык, на котором в подлиннике написана Библия, возникло у него в двенадцатилетнем возрасте под влиянием чтения памятников древней славянской литературы. Наиболее радостными днями детства А.Я.Борисова были те, которые он, обычно в каникулярное время, проводил в Нарве. К концу четвертого года жизни в Петербурге его слабое здоровье настолько ухудшилось, что врачи посоветовали увезти ребенка из города. Вместе с матерью он вернулся в Нарву к деду, где события первой мировой войны и революции задержали его надолго. В Нарвской гимназии А.Я.Борисов продолжал свое образование, увлекаясь в то же время зарисовками и изучением памятников старины, которыми так богата Прибалтика.

Здесь А.Я.Борисов подружился с мальчиком из еврейской семьи, который изучал древнееврейский язык. Получив от товарища первые сведения в этой области, А.Я.Борисов скоро присоединился к своему другу в занятиях и в 3—4 года настолько овладел языком библейского и позднейших периодов, что, еще будучи подростком, с успехом давал уроки древнееврейского в довольно многочисленной в Нарве того времени еврейской среде. (Первоначально, читая тексты Библии параллельно на древнееврейском и русском языках, он, не имея грамматики, сам выводил грамматические правила на основе подмеченных морфологи-

ческих явлений.) К этому его вынуждало тяжелое материальное положение, в котором очутилась семья. Сначала первая мировая война, затем интервенция и гражданская война сильно нарушили экономику края. В 1919 г. Нарва вошла в состав образовавшейся Эстонской республики, и возвращение в Петроград, к отцу, на время оказалось невозможным. Одного заработка уроками было недостаточно, и молодому Борисову пришлось искать дополнительные занятия: работать каменщиком, рабочим на кирпичном заводе, давать концерты на балалайке, которой владел мастерски, но, как правило, и этого не хватало, чтобы быть сытым. И неизменно, в любой обстановке, иногда после целого дня тяжелого физического труда, будущий ученый занимался специальностью, читал и переводил древнееврейские тексты, и путь ориенталиста вырисовывался перед ним достаточно ясно. Многочисленные, вызванные нуждой перерывы в ученье были причиной того, что среднюю школу А.Я.Борисов закончил в Нарве только в 1923 г. После недолгих скитаний по Эстонии ему удалось поступить в Дерптский (Тартуский) университет на филологический факультет, где он занимался по разряду славянской филологии, в то же время продолжая углублять и расширять свои знания древнееврейского языка, штудируя главным образом светские тексты средневековых поэтов испано-арабской школы. Здесь же он впервые начал изучать арабский язык. Его учителями в Тарту были Т.Мазинг и А.Бульмеринг. В это время А.Я.Борисов уже настолько свободно владел средневековым еврейским языком и настолько усвоил стиль литературы того времени, что сам без труда мог подражать ее образцам.

Тарту привлекал А.Я.Борисова не только выдающимся научным составом преподавателей и богатой университетской библиотекой, но и живописным положением города и памятниками старины. Его поражали традиции средневековья, которые сохранялись в быту немецкой части студенчества и процветали в помещениях корпораций с их старинной музейной утварью. Обычаи немцев-корпорантов, стремившихся воскресить давно ушедшую эпоху, казались дикими на взгляд русского студента, выходца из демократической среды. В то время члены корпораций чувствовали себя хозяевами Тарту и держались вызывающе по отношению к юношеству других национальностей и к самим обывателям городка. Кровавые драки с посторонними и дуэли между корпорантами были заурядным явлением. А.Я.Борисов знал несколько случаев со смертельным исходом, о чем он и через много лет вспоминал с волнением. Пребывание А.Я.Борисова в Тарту ограничилось несколькими месяцами, так как в начале 1924 г. длительные хлопоты его матери и его самого увенчались

успехом, и семья получила возможность выехать в Советский Союз.

По возвращении в Ленинград осенью того же года А.Я.Борисов поступил на Восточное отделение Ленинградского государственного университета и без перерыва, систематически, прошел его курс. Он занимался по разряду семитских языков. Основным его преподавателем и научным руководителем был академик Павел Константинович Коковцов, под руководством которого он работал над библейскими, а также средневековыми философскими и поэтическими текстами, изучал семитскую эпиграфику и арамейский язык с его диалектами. Арабским языком А.Я.Борисов занимался в основном с академиком Игнатием Юлиановичем Крачковским. На третьем курсе А.Я.Борисов начал работать в Рукописном отделении Публичной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина, исследуя источники еврейского и еврейско-арабского отделов коллекции Фирковича.

Еще в студенческие годы им были обнаружены рукописи особой версии «Теологии Аристотеля» и анонимная, как он окончательно доказал, рукопись «Маḳāлат ал-вудӯх». В это же время его особенно интересовала личность философа-поэта XI в. Соломона Ибн Габироля[1], но, к сожалению, этот интерес ни тогда, ни впоследствии не смог выразиться в большой монографии.

Теоретическую подготовку к исследованию средневекового Ближнего Востока и мавританской Испании А.Я.Борисов вполне сознательно сочетал с ознакомлением с жизнью современного Востока Средней Азии. С этой целью в 1926 г., во время летних каникул, он предпринял самостоятельную поездку в Среднюю Азию, побывав в Ташкенте, Бухаре и Самарканде. Больше всего ему хотелось увидеть жизнь народа. Помимо посещения музеев, библиотек, осмотра исторических памятников, развалин крепостей и мечетей он тратил много времени на скитания по улицам старого города в Ташкенте, по глухим закоулкам Бухары и Самарканда. Ему приходилось ночевать в чайханах, во дворах мечетей или просто среди развалин древних городских стен. Везде он пытливо присматривался к жизни узбекского и таджикского населения, к обычаям, обрядам, одежде. Естественно, он уделял много внимания быту и культуре среднеазиатских, в особенности бухарских, евреев. Он интересовался книгами и рукописями синагогальных книгохранилищ «гениз» и знакомился с местными особенностями обрядов, с местными поверьями и легендами. Тогда же он встретился в Ташкенте со среднеазиатским гебраистом З.Л.Амитиным-Шапиро, который обратил внимание на его выдающиеся познания в области гебраистики и способствовал его знакомству с местными достопримечательностями и наиболее

интересными для приезжего людьми. Живые впечатления от поездки на Восток А.Я.Борисов попытался по возвращении в Ленинград выразить в литературно-художественном произведении, в пьесе, имевшей темой, как можно судить по сохранившимся отрывкам, революционное движение в национальной среде Средней Азии. Это произведение, написанное стихами и прозой, осталось незаконченным.

В 1928 г. А.Я.Борисов окончил университетский теоретический курс, а через год с успехом защитил дипломную работу, тему для которой дал ему упоминавшийся трактат «Маḳāлат ал-вудӯх». Еще до защиты дипломной работы Борисов попал в число практикантов Азиатского музея, где работал в отделе еврейских книг и рукописей[2]. Но через 9 месяцев после поступления А.Я.Борисова институт практикантов при Академии наук СССР был упразднен, и ему пришлось искать другие занятия. 3 февраля 1930 г. он был зачислен в Еврейский отдел Государственной Публичной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина сперва на должность помощника библиотекаря, в дальнейшем он получил звание библиотекаря 1-го и, позднее, 2-го разряда[3]. Обязанности его заключались главным образом в выдаче читателям еврейских книг и газет, по возможности он стремился совмещать эту работу со специальными занятиями в Рукописном отделении. Там он составлял инвентарь еврейских, еврейско-арабских и самаританских рукописей. Особенно ценен составленный им каталог самаританских рукописей, который представляет образцовое научное описание, а не простой инвентарный список, как это характерно для большинства рукописных каталогов коллекции Фирковича. Осенью 1933 г. А.Я.Борисов ушел из Публичной библиотеки и через несколько месяцев поступил в аспирантуру при Государственном Эрмитаже по отделению культуры и искусства Древнего Ирана, где занимался под руководством К.В.Тревер. В это время он основательно изучил персидский средневековый язык и литературу в ее наиболее трудной для усвоения отрасли — пехлевийской письменности. В течение нескольких месяцев 1935 г., одновременно с преподаванием в ЛИФЛИ[4], он вел работу в Институте Книги, Документа, Письма АН СССР в качестве научного сотрудника. Здесь он был занят инвентаризацией всех семитологических коллекций, куда входили пальмирские тессеры, пунические надписи и монеты, еврейские рукописи, магические чаши с надписями и монеты, амхарские документы, сирийские надписи, рукописи и документы. Он начал работу над книгой об арамейской палеографии, но завершить ее помешали чрезмерная обширность и распыленность материала, а также отсутствие необходимой литературы. Мате-

риалы Института Книги, Документа, Письма легли в основу издания коллекции еврейско-арамейских магических чаш, которое А.Я.Борисов подготовил для Института истории. К сожалению, этот труд не вышел из печати и утерян издательством[5]. В эти же годы им был написан ряд статей. Из выступлений его на съездах ученых с докладами следует отметить сообщение об иллюстрациях астрологического трактата Танкалуши Вавилонского, прочитанное на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии, состоявшемся в Ленинграде в сентябре 1935 г. Летом 1935 г. он здесь же на Первой сессии арабистов сделал доклад «Об открытых в Ленинграде му'тазилитских рукописях», темой которого послужила одна из наиболее интересных его находок среди материалов второго Собрания Фирковича. В 1937 г. А.Я.Борисов получил предложение прочесть на заседании секции философских наук АН СССР в Москве доклад об Ибн Сине (Авиценне) по случаю 900-летия со дня смерти философа; заседание, однако, не состоялось. В октябре того же года имела место Вторая сессия арабистов, отметившая юбилей Ибн Сины, на которой А.Я.Борисов выступил с сообщением: «Авиценна как врач и философ»[6].

После окончания аспирантуры в 1938 г. А.Я.Борисов работал в Государственном Эрмитаже старшим научным сотрудником. С 1939 г. он возобновил работу над «Теологией Аристотеля», поставив себе цель наметить и по возможности выяснить основные проблемы, выдвигаемые историей этого произведения. Монография на эту тему должна была стать докторской диссертацией (степень кандидата филологических наук была присуждена ему в 1937 г. Университетом без защиты диссертации). Работа продвигалась успешно, большая часть ее была закончена и приведена в готовый вид к весне 1941 г. В мае того же года А.Я.Борисов уехал в Среднюю Азию, чтобы присутствовать при вскрытии гробницы Улугбека в Самарканде. Из Самарканда он вскоре направился в Ташкент, куда его привлекало большое собрание восточных рукописей Среднеазиатской Публичной библиотеки (теперь Отдел восточных рукописей Института востоковедения АН Республики Узбекистан). Здесь он занимался арабскими и персидскими рукописями сочинений средневековых неоплатоников. В этих занятиях его застала война.

Несмотря на уговоры своих ташкентских доброжелателей, А.Я.Борисов немедленно по объявлении военных действий решил вернуться в Ленинград. Дирекция Государственного Эрмитажа, в командировке от которого он состоял, выслала ему телеграмму с предложением остаться на месте, но она уже не застала его в Ташкенте. После трудного путешествия он прибыл в Ле-

нинград к середине июля и сразу включился в работу по эвакуации Эрмитажа, перейдя на казарменное положение. С этой спешной и напряженной работой он соединял дежурства по охране здания, так как состоял членом пожарной команды МПВХО. Сперва все внимание сотрудников Гос. Эрмитажа было направлено на упаковку и отправку вверенных им ценностей. Вскоре после того как два эшелона ушли из Ленинграда, было нарушено железнодорожное сообщение и начались усиленные воздушные налеты, пришлось сосредоточить работу на охране оставшихся частей коллекций и здания музея. Началась долгая, памятная пережившим ее ленинградцам блокадная осень с ранними заморозками, тяжелыми бомбардировками и обстрелами и изнурительным голодом. Затем ее сменила еще более суровая зима. Несмотря на исключительно трудные условия, А.Я.Борисов не прекращал своей научной деятельности. Именно в это время с необычайной яркостью проявились в нем сила и целеустремленность ученого. В длительные часы дежурств в холодных помещениях он не переставал просматривать доступную научную литературу, разрабатывать и обсуждать планы будущих статей и, как бы в предчувствии близкого конца, начал подводить итоги сделанному. В эти месяцы он быстро заканчивает «Проблемы так называемой Теологии Аристотеля» и одновременно работает над серией небольших статей из истории древнерусской литературы. Тогда же у него явилась мысль прочесть в университете цикл лекций по истории средневековой арабской и еврейской философии для маленькой группы интересующихся. Как следовало ожидать, обстановка зимы 1941/42 г. помешала осуществить это намерение. В декабре 1941 – январе 1942 г. А.Я.Борисов впервые испытал два приступа той тяжелой болезни, которая через полгода оборвала его жизнь. Организм был заметно ослаблен, но А.Я.Борисов мужественно смотрел в глаза возможному смертельному исходу. Все его статьи, не изданные к тому времени, были им собраны в одном месте и снабжены примечаниями, указывающими, где и как их издать в случае смерти автора. Дирекция Государственного Эрмитажа дважды предоставляла ему возможность эвакуироваться из Ленинграда самолетом и настаивала на его отъезде. Однако он в обоих случаях отказался, в первый раз из-за состояния больной матери, находившейся при нем, в другой раз не решившись расстаться с дочерью-подростком. В начале февраля мать А.Я.Борисова умерла. За месяц перед этим он испытал не менее тяжелую утрату – смерть своего учителя П.К.Коковцова, который был его руководителем и другом в течение семнадцати лет и бескорыстно помогал ему своей колоссальной эрудицией. В феврале 1942 г. нача-

лись приготовления к эвакуации Ленинградского университета, с которым должен был отправиться вместе с семьей и А.Я.Борисов. По несчастной случайности ему пришлось переменить намерение в самый день намеченного отъезда и в результате задержаться в Ленинграде еще на несколько месяцев. В марте он утратил также и отца. Несмотря ни на что, его интерес к научным вопросам не ослабевал. После отъезда университета, он сделался сотрудником Института востоковедения АН СССР, где уже перед самой эвакуацией прочел доклад о восточных связях в древнерусской литературе. Это было его последнее научное выступление. 26 июня А.Я.Борисов выехал из Ленинграда. Он был слаб и изнурен условиями девятимесячной блокады, но общее его состояние еще не было тяжелым. Первые девять дней путешествия прошли благополучно, но на 10-й день появились признаки дизентерии, принявшей сразу тяжелое течение. 7 июля он был снят с поезда и отправлен в больницу г. Орехово-Зуево. Болезнь протекала бурно, больной ясно видел свое положение и не обманывался надеждой. Он умер 10 июля 1942 г. Больница похоронила его в братской могиле ореховского кладбища.

А.Я.Борисов был человеком высокого роста, прекрасно сложенным, с удивительно легкой и красивой походкой. Неправильные, крупные черты его чисто русского лица освещались иногда привлекательной, совершенно детской улыбкой. Постоянная работа мысли придавала ему особое выражение. Украшением его были густые, слегка вьющиеся темно-русые волосы и руки на редкость изящной формы. Он отличался мягкостью характера и добротой и был уступчив во всем, что не касалось интересов науки. В этой области он был упорен, настойчив, мог преодолеть любые затруднения и препятствия, добиваясь намеченной цели. Доброжелательно относясь к людям, он был сдержан в общении, чему способствовала сильная застенчивость, свойственная ему, но в дружеских отношениях он был на редкость искренен и откровенен. Исключительная правдивость составляла вообще его характерную отличительную черту.

Наиболее ярким и типичным свойством личности А.Я.Борисова была талантливость. Он был талантлив во всем, на что направлял свое внимание. Редкие способности к языкам, гуманитарным наукам вообще, также к математике, особое уменье комбинировать факты и идеи, которое создает ученого, — все это было выражено в нем с предельной силой. Но, кроме того, он был музыкален, прекрасно рисовал; его графические способности вызывали удивление знатоков эпиграфики и палеографии: он мог писать четко и изящно любым известным ему шрифтом. В юности он писал стихи. Не обладая ораторским даром, он го-

ворил легко и плавно, не затрудняясь изложением мысли, рассказывать же о виденном или прочитанном мог артистически. В нем сильно было развито чувство юмора, которое оживляло и его речь.

А.Я.Борисов был ученым-просветителем. Делиться с другими своими знаниями доставляло ему удовольствие, и он охотно читал научно-популярные лекции в лекториях Гос. Эрмитажа и университета. Его патриотическая деятельность во время блокады уже охарактеризована. С отзывчивостью А.Я.Борисов делился своими научными навыками с младшими или менее опытными товарищами и никогда не жалел времени, хотя часто его не хватало для собственной научной работы, чтобы помочь начинающему усвоить некоторые приемы и методы научного исследования. Тем более внимательно он относился к своим ученикам.

II

Преподавательскую деятельность А.Я.Борисов начал с первых месяцев 1934 г. на филологическом факультете ЛИФЛИ после ареста преподавателей М.Н.Соколова и В.А.Эбермана и продолжал ее на филологическом факультете Ленинградского университета до эвакуации. Вначале А.Я.Борисов вел вспомогательные курсы арабского и древнееврейского языков и основные для гебраистов и арабистов младших курсов. В дальнейшем он читал такие сложные гебраистические дисциплины, как средневековая светская поэзия евреев, еврейская историческая литература, средневековая арабская и еврейская философия. Из общесемитологических дисциплин нужно отметить преподавание им семитской эпиграфики и в особенности курс введения в изучение арамейского языка с последующим полуторагодичным семинаром по арамейским текстам. Насколько мне известно, подобного курса в русской семитологии не существовало, и после смерти А.Я.Борисова он уже не скоро повторился. В своем курсе А.Я.Борисов изложил подробную классификацию системы многочисленных диалектов арамейского языка. Попутно он давал четкую характеристику языковых особенностей диалекта, одновременно отмечал его место в семье семитских языков, степень изученности и историческое значение той культуры, к которой относится данный вид письменности. Не следует забывать, что в то время известной монографии Розенталя еще не существовало[7], и курс А.Я.Борисова был вполне оригинален. Как преподаватель он всемерно стремился пробудить у студентов интерес к тому или иному вопросу науки и содействовать развитию спо-

собности или по крайней мере желания ориентироваться самостоятельно в изучаемом материале. На определенных фактах он любил показывать, как возникают и развиваются научные проблемы. Именно поэтому он гораздо выше ценил правильно поставленный учеником вопрос, нежели самый точный и подробный ответ, основанный на заучивании материала. Будучи филологом по призванию, он старался развить в своих учениках филологические способности, с тем чтобы каждую деталь текста они умели бы рассматривать на фоне той исторической обстановки, в которой изучаемый памятник существовал. Когда занятия со студентами вполне его удовлетворяли, он старался углубить их, дополняя обязательные университетские курсы индивидуальными занятиями с чтением более сложных текстов.

III

Первую научную работу А.Я.Борисов написал в 25-летнем возрасте, так что весь период его деятельности охватывает 14 лет, включая сюда и девять месяцев ленинградской блокады. Список его трудов насчитывает около 40 научных статей, одна из которых утеряна, не сохранились и исследования о Спинозе и Достоевском.

По объему печатные работы А.Я.Борисова скромны: обычно они занимают от 0,5 до 1,5 печ. листа. Более крупными размерами отличаются его последние статьи. Сам А.Я.Борисов находил такую форму удобной для себя и неоднократно говорил, что чувствует к ней наибольшую склонность. На самом же деле есть все основания думать, что эта особенность его статей лучше всего объясняется отсутствием в его жизни условий для создания больших монографий, так как основное рабочее время было занято преподавательской и музейной работой. Однако каждая из его работ вводит в научный оборот какой-то новый факт, до тех пор либо совсем неизвестный, либо нетвердо установленный. За этим фактом часто обрисовывается сложная проблема или группа проблем. Подобные факты А.Я.Борисов любил называть «кирпичиками», из которых строится здание науки, и считал, что если за всю жизнь ученый прибавит к стройке несколько таких «кирпичиков», то одно сознание этого должно с избытком вознаградить за все встреченные на пути трудности.

А.Я.Борисов называл себя филологом, полагая, что этот термин точнее всего обозначает характер его научных интересов. По широте тематики, как было сказано, его следует считать семитологом-энциклопедистом. Среди семитологических дисциплин

ассиро-вавилонскую клинопись он сознательно оставил в стороне. Кроме того, зная эфиопский язык, он мало им занимался и специальных работ по этой отрасли не оставил. Из числа северо-западных семитских языков он меньше интересовался угаритским, хотя следил за раскопками в Рас-Шамре и материалами их пользовался в своем курсе семитской эпиграфики.

В широком диапазоне его деятельности отчетливо прослеживаются два основных направления, вокруг которых преимущественно группируются написанные им работы. Во-первых, это средневековые еврейско-арабские памятники светской литературы; во-вторых, проблемы истории семито-иранской письменности и истории материальной культуры, главным образом эпохи эллинизма и раннего средневековья.

Самостоятельность мысли и идейная принципиальность А.Я.Борисова сказались наглядно в таком важном для истории нашей гуманитарной науки обстоятельстве, как отношение к «теории Марра», господствовавшей в лингвистике и литературоведении в те годы. Будучи хорошо знакомым с основными принципами воззрений Н.Я.Марра, А.Я.Борисов в своих научных занятиях ни в какой мере их не разделял. Его методы работы исключали всякую возможность применения «палеонтологического анализа» или других приемов того же рода. По своей прямолинейности и честности он не считал возможным маскировать каким-нибудь образом свои филологические установки и прямо опирался на традиции русской семитологии, усвоенные в школе Коковцова. Это же проявлялось в его преподавательской деятельности. Ни одна из составленных им программ не отражает ни единого пункта «теории нового языкознания», ни в одной нет даже упоминания имени Н.Я.Марра. На вопросы о причинах этого обстоятельства А.Я.Борисов без малейшей уклончивости отвечал, что на основании принципов теории Марра составить реальную учебную программу нельзя, а если бы это и удалось, то обучать по ней семитским языкам невозможно.

Филологический метод, выработанный семитологической школой П.К.Коковцова, с успехом применял А.Я.Борисов во всех своих исследованиях. Своеобразие творческих приемов А.Я.Борисова заключается в очень тонких наблюдениях, обусловленных пристальным вниманием к тексту, к любой его, иногда чрезвычайно мелкой, но отличительной детали и затем в умении осмыслить и, следовательно, объяснить каждую такую деталь. При этом на первый взгляд ничтожная и случайная мелочь в результате такого объяснения приобретает смысл и часто указывает на стоящее за ней значительное явление. Группируясь, такие явления объясняют обстоятельства возникновения

памятника, помогают установить личность автора или пролить новый свет на его деятельность. Сумма фактов, описанных и осмысленных в исследовании, приводит всегда к строго доказательному общему выводу. Можно заметить, что, как правило, такой вывод опровергает уже установившееся мнение, введенное в научный обиход в свое время вопреки недостатку доказательств кем-нибудь из крупных авторитетов, за которым без проверки следовали остальные. Именно особой вдумчивостью своего анализа А.Я.Борисов обязан тем крупным достижениям, каких он добился в работе. Его открытия не случайны и не являются результатом одного того обстоятельства, что коллекция Фирковича представляет поистине «золотое дно» для семитолога-медиевиста. Многие проходили мимо фрагментов рукописей, часто не имеющих ни конца, ни начала, не содержащих ни имени автора, ни указания на место и время переписки. От умения вчитываться в них в первую очередь зависит успех исследователя, и это умение А.Я.Борисов развил до высокой степени.

IV

В области изучения памятников еврейско-арабской литературы А.Я.Борисов разрабатывал преимущественно две темы, формально определяемые по признаку языка: арабоязычная философия и светская поэзия на древнееврейском языке. В области арабоязычной философии особое внимание А.Я.Борисов уделял той ее струе, которая связана с культурой городских общин евреев мавританской Испании, Египта и Северной Африки. Соломон Ибн Габироль, Исḥāḳ Исрā'ӣлӣ, Ӣӯсуф ал-Баṣӣр, 'Алӣ ибн Сулеймāн — вот те авторы, творчество которых его занимает по преимуществу. Кроме того, он усиленно изучал философские псевдоэпиграфы, как это видно из его статьи о псевдо-Бахье и в особенности из трудов о «Теологии Аристотеля», не говоря о его занятиях трактатами «Тайна тайн» и «Книга о яблоке», материалы о которых он внимательно собирал. Изучая преемственность и взаимные связи памятников средневековой арабоязычной философии, А.Я.Борисов не противопоставлял друг другу вклады, сделанные в этой области арабской и еврейской народностью. Он видел общую связь не только в том факте, что обе народности пользовались одинаково родным для них арабским языком, но главным образом в социально-экономических условиях, которые в обстановке средневекового города были у них близки. Конфессиональные различия и связанные с ними культурно-бытовые особенности создавали почву для воз-

никновения особых деталей в общем течении средневековой идеологии и способствовали возникновению новых путей распространения связанных с ними идей.

Вскоре после статьи «Новые материалы к вопросу о псевдо-Бахье»[8], отчасти одновременно с ней, А.Я.Борисов написал свои первые работы об открытой им новой версии арабского оригинала латинского текста псевдоэпиграфа, знаменитого в науке под условным названием «Теологии Аристотеля»[9]. Как известно, этот памятник служит одним из основных первоисточников для истории средневекового неоплатонизма. Открытие новой версии сразу установило ошибочность принятого на основе работ немецкого ученого V.Rose предположения о том, что переводчик на латинский намеренно исказил арабский текст «Теологии», снабдив его «тенденциозными вставками в духе христианской схоластики». Один из интересных моментов истории памятника указан в статье об источниках волюнтаризма Соломона Ибн Габироля, философские принципы которого прежде могли считаться оригинальными, но происхождение которых А.Я.Борисов считает возможным объяснить из пространного текста «Теологии». Попутно он указывает на элементы учения о воле у других еврейских мыслителей, основываясь при этом на текстах, иногда впервые вводимых в науку. Из статей видно, что уже в те годы А.Я.Борисов работал над подготовкой к изданию найденных им текстов «Теологии» и что эта работа уже близилась к концу.

Вторая крупная проблема, получившая новое освещение в связи с найденным А.Я.Борисовым материалом, – это история му'тазилитской литературы. К этой теме обращены две его статьи, обе написанные в 1935 г.[10]. В одной из них он дает описание важнейших фрагментов рукописей сочинений авторитетов му'тазилитства, которые он обнаружил среди второго Собрания Фирковича, всего 13 фрагментов, в общей сложности около 1100 листов арабского текста. Вторая статья[11] много шире по содержанию и особенно интересна для исламоведов и историков средневековой философии. К трем ранее известным источникам для истории му'тазилитской догматики А.Я.Борисов присоединяет еще четвертый: библиотеки караимов. Этот основной вывод статьи важен сам по себе, но помимо того в этой сравнительно небольшой работе А.Я.Борисов ставит на обсуждение главнейшие вопросы развития идеологии мусульманского мира средневековья. Он намечает четыре основных направления идеологии и каждое из них связывает со взглядами определенной социальной группировки феодального общества Ближнего Востока. Это положение, принятое им в качестве рабочей гипотезы, без сомнения, нуждается в проверке, дополнении и уточнении. Из наме-

ченных четырех направлений философской мысли эпохи халифата особое внимание, как следовало ожидать, А.Я.Борисов уделяет античной философии, «одетой в оболочку арабской речи»[12]. После этого он рассматривает доктрину му'тазилитства, определяя ее как схоластику ислама. Он отмечает ее близость к учению философских школ буддизма, указывая таким образом на ее положение в средиземноморском философском цикле. Этим последним термином ученый определял комплекс философских традиций, существовавших и развивавшихся в бассейне Средиземного моря, имея исходной точкой античную Грецию[13]. В той же статье намечена историческая линия развития му'тазилитства. Статья завершается перечнем новых рукописных источников, обнаруженных в Ленинграде.

Помимо этих основных в исследованиях А.Я.Борисова проблем он обогащает историю арабоязычной философии группой новых фактов. Здесь нужно иметь в виду следующие его статьи:

1) «Some New Fragments of Isaak Israeli's Works» – пополняет научное наследство врача-философа X в. новыми рукописями оригинальных сочинений на арабском языке и неизвестных еврейских переводов с них.

2) «Заметки о литературном наследии Юсуфа ал-Басйра» – сообщают о новых фрагментах основного сочинения названного автора, так называемой «Мансуровой книги». При слабой изученности вопроса эта небольшая статья существенно подвигает вперед дело изучения творчества интересного караимского мыслителя.

3) «О времени и месте жизни караимского писателя Али ибн Сулеймана» – уточняет сведения о биографии средневекового филолога, о котором такой специалист, как М.Штейншнейдер, мог сказать только, что о личности его вообще ничего не известно[14].

4) В этом же ряду можно назвать статью-доклад «Авиценна как врач и философ», едва ли не наиболее популярную из работ ученого. Кроме той общей характеристики деятельности Ибн Сины, которая отражена в самом заглавии, она, так же как и статья о му'тазилитских рукописях, содержит ряд важных обобщений, ценных для истории арабоязычной философии. Что касается ее специального содержания, то смело можно сказать, что большинство научно-популярных статей об Авиценне, написанных в СССР по случаю его тысячелетнего юбилея, базировалось в той или иной степени на ней.

Очерк научной деятельности А.Я.Борисова будет неполон, если ограничиться рассмотрением одних напечатанных трудов.

К сожалению, приходится отметить, что наиболее обширная по объему, наиболее важная по значению часть его научного наследия до сих пор находится в рукописях. Между тем без знакомства с его рукописными трудами нельзя составить верного суждения о его вкладе в такую, например, сложную и своеобразную отрасль знания, как средневековая светская поэзия евреев. Две напечатанные при его жизни заметки по этой теме: 1) «Заметки о поэзии Моисея ибн Эзры» и 2) «Новые данные о редакторе "дйвāна" Иехуды Галеви» опять-таки вводят в науку новые факты[15]. Несмотря на краткость обеих статей, А.Я.Борисов и здесь сумел дать интересные обобщения с оценкой этой отрасли литературы. Но наиболее полное представление о ней дает обширный очерк под заглавием «Светская поэзия евреев мавританской Испании», цель которого – познакомить читателя-неспециалиста с этим интересным разделом средневековой литературы. По своему характеру работа несколько напоминает известную статью акад. И.Ю.Крачковского «Арабская поэзия» и, вероятно, могла бы иметь аналогичное значение, будь она издана. Следует отметить и выполненные в статье переводы средневековых стихотворений. Они созданы на основе строгого филологического анализа и в то же время отличаются художественностью. В особенности выделяется прекрасный перевод очень трудного стихотворения Иехуды Халеви (XI–XII вв.) «'Айин недйбā».

Точно так же, не прибегая к рукописному наследию А.Я.Борисова, невозможно проследить и еще одну сторону его деятельности, на первый взгляд неожиданную и выражавшуюся, в частности, в исследовании истории древнерусской литературы под заглавием: «К вопросу о восточных связях древнерусской литературы»[16]. Первоначально статья называлась «Случайные заметки», однако затронутые ею темы вряд ли можно считать случайными в работе А.Я.Борисова. Как мы видели, интерес к литературе древней Руси зародился у него уже в юном возрасте и сохранялся в течение всей жизни. Начитанность в этой области сделала его выдающимся знатоком. К его палеографической эрудиции – а русская палеография, как известно, не всегда легка даже для специалиста – неоднократно прибегали за советом столь видные авторитеты, как И.А.Бычков и В.В.Майков.

Статья о восточных связях древнерусской литературы направлена против того течения в историографии нашей национальной литературы, которое ограничивает культурные связи древнейшего периода почти исключительно Византией. А.Я.Борисов подчеркивает, что византийская культура очень многое вынесла с Востока. «Памятники византийской письменности,

коренящиеся в античной традиции, проникали на Русь лишь в единичных случаях, тогда как произведения, несущие на себе явственные признаки восточного происхождения, жили на русской почве интенсивной жизнью...»[16а]. История русской литературы в представлении автора тесно связана с историей современного ей русского искусства и материальной культуры. В памятниках искусства домонгольской Руси византийские формы настолько переработаны и осложнены, что сами эти памятники могут рассматриваться как самобытные произведения. Автор «Случайных заметок» отказывается видеть в этом «провинциальную отсталость древней Руси», так как в таком случае элементы византийского искусства были бы обеднены на русской почве, на самом же деле они здесь обогатились и развились. В этой части А.Я.Борисов базируется главным образом на работах Д.В.Айналова. Сложность древнерусской культуры должна была найти отражение в литературе. Знакомство автора с русской литературой этого периода приводит его к выводу о том, что «прямые книжные связи с литературами Кавказа, а также иранских и тюркских народов, по-видимому, исключаются». Зато отчетливо выявляется знакомство с литературой семитов: арабов, сирийцев и евреев. Автор заканчивает эту часть статьи обзором тех экскурсов, которые ученые-слависты предпринимали в область востоковедения, подчеркивает при этом их случайность и немногочисленность. Вторая часть статьи А.Я.Борисова устанавливает восточные источники для двух памятников русской письменности: знаменитого «Стиха о Голубиной книге» и рассказа о двуглавом человеке из Толковой Палеи. Третий раздел статьи занят терминологией двух переводных трактатов по логике, сохраненных литературой так называемых «жидовствующих». Авторами их, как выяснил П.К.Коковцов, должны считаться ал-Газали и Моисей Маймонид. А.Я.Борисов поставил перед собой задачу сравнить терминологию оригинала и перевода. Эта часть статьи не закончена. Статья не исчерпывает накопленный им материал к истории древнерусской культуры. Как он сам в ней указывает, он предполагал в дальнейшем заняться сюжетами палейных рассказов «О царе Адарьяне и об Ужичкой (Савской) царице». Помимо того, еще в 1937 г. он имел намерение написать работу о звериных мотивах в древнерусской живописи.

Оставшиеся в рукописях сочинения А.Я.Борисова по своей тематике в большинстве примыкают к наиболее значительной линии его творчества, т.е. к истории арабоязычной философии, о которой на страницах настоящего очерка говорилось довольно подробно.

Две готовые статьи, предназначенные осуществить критическое издание философских текстов вместе с филологическим

анализом, выполненные на основе рукописных материалов, продолжают начатое уже в ранний период деятельности А.Я.Борисова изучение философских сочинений Исḥāḳа ибн Сулеймāна ал-Исра'или. Одна из них, по объему скорее монография, содержит арабский текст и русский перевод «Книги о субстанциях» (Китāб ал-джавāхир). Тексты оригинала и перевода снабжены обширным комментарием. Работе предпослано теоретическое введение, в котором устанавливается место Исра'или в развитии еврейско-арабской философии, приводится его биография и перечень сочинений и их рукописей. Введение определяет также терминологию философа в связи с его научно-философскими воззрениями. Обе работы написаны в промежутке между 1936 и 1939 гг. Примерно в тот же период А.Я.Борисов подготовил полный перевод упоминавшегося уже анонимного «Ясного трактата о сущности души и духа» (Маḳāлат ал-вудӯḥ фи ма'нā ан-нафс ва-р-рӯх). К сожалению, в бумагах ученого сохранилось лишь начало перевода, и где находится остальная часть — неизвестно.

До сих пор не издана, хотя совершенно готова к печати, маленькая заметка научно-популярного характера «Карта мира из географического сочинения времени Низами». Заметка, очевидно, предназначалась для какого-нибудь сборника памяти Низами.

V

Помимо указанных выше исследовательских работ А.Я.Борисов оставил после себя ряд научно-популярных статей, заметок, отчетов о научной работе, которые напечатаны в различных справочных изданиях. Сюда относятся очерки: «Арабская культура» (История культуры, т.1), «Сасанидский Иран» — глава из многотомника «История СССР», «Ахеменидский Иран» (таблицы и текст к «Атласу по истории культуры и искусства Древнего Востока»), «Сирийская литература» (т.X «Литературной энциклопедии»), «Обзор восточных материалов» – в Отчетах Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Видимо, случайным среди трудов А.Я.Борисова приходится считать его очерк «Из старых морских небылиц», написанный для детского журнала. В очень живой литературной форме А.Я.Борисов знакомит маленького читателя со средневековыми восточными сказочно-приключенческими рассказами о морских путешествиях. На русском языке, насколько мне известно, эти легенды появляются впервые, поэтому их мог бы с интересом прочесть и взрослый.

За время своей деятельности А.Я.Борисов не написал ни одного некролога, ни одной биографии. Но такая работа была им задумана в самый последний период жизни из желания увековечить память любимого учителя. В его бумагах сохранился план статьи-монографии (6 печ.л.) о П.К.Коковцове. Она должна была состоять из подробной биографии ученого с характеристикой предков и семьи вообще и из очерка всей его научной и общественной деятельности. Материал для статьи должен был дать архив покойного академика, после его смерти поступивший в Архив АН СССР (Ленинград). Осуществись этот замысел, советская наука располагала бы, вероятно, образцовым жизнеописанием крупного русского востоковеда.

VI

Несколько раз на протяжении этого очерка отмечалось, что изучение «Теологии Аристотеля» следует считать капитальным трудом А.Я.Борисова. Над этой темой он работал около 15 лет. Несмотря на тот интерес, который возбудили в научной среде его ранние статьи на тему «Теологии», они кажутся лишь предварительными этюдами в свете его последней итоговой работы. Хотя книга не закончена из-за внезапной смерти автора, она должна быть признана наиболее значительным его произведением, которое следует напечатать при первой возможности. Исследование озаглавлено: «Проблемы изучения так называемой "Теологии Аристотеля"». Эта работа, по замыслу А.Я.Борисова, должна была составить первую часть обширной монографии под названием «Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке», вторая часть которой называлась «Из философского наследия Исḥāḳа ал-Исра'или» и третья – «Книга о субстанциях». Все три части объединялись, по плану автора, общим для них введением.

Подготовительная работа по сбору материалов к монографии, которая должна была стать докторской диссертацией, окончилась к 1939 г. Около этого времени А.Я.Борисов начал ее писать. План монографии о «Теологии Аристотеля» был составлен настолько тщательно и продуманно, что, когда автор огласил его на специальном заседании, акад. И.А.Орбели заметил, что только план диссертации заслуживает докторской степени. По плану книга состоит из вводной части и пяти глав. В настоящее время существуют налицо вводная часть, первые три главы целиком, самое начало четвертой и половина последней главы с изложением содержания введения и первых семи из четырнадцати трактатов, составляющих всю «Книгу Теологии». Эпиграфом

к своей работе А.Я.Борисов взял слова французского арабиста Карра де Во о «Теологии»: «Здесь, несомненно, налицо одна из наиболее любопытных историй апокрифа, какие имеются в философской науке»[17]. Во Введении А.Я.Борисов обрисовывает место интересующего его памятника в общем течении человеческой культуры и ту роль, которую он играл в ней на протяжении более чем тысячелетия. Как известно, в основу «Теологии» легли извлечения из книги «Эннеады» философа александрийской школы Плотина (III в.). Первоначальная греческая версия перерабатывалась при переводах на сирийский, арабский и латинский языки и должна рассматриваться как один из основных источников неоплатонизма на средневековом Востоке. История «этого важнейшего памятника арабской философской литературы», говоря словами А.Я.Борисова, является одним «из интереснейших моментов истории античного философского наследия на Востоке». Цель своей работы А.Я.Борисов с присущей ему скромностью определяет в следующих выражениях: «Моя настоящая статья, являющаяся результатом долголетних, хотя, к сожалению, всегда отрывочных и неполных занятий "Теологией Аристотеля", представляет лишь своего рода черновой эскиз... Цель, которую я себе здесь ставлю, в достаточной мере ограничена: я намерен, в самых общих и приблизительных чертах, лишь наметить наиболее выдающиеся из вопросов, сложной сетью которых "Теология Аристотеля" опутана, пожалуй, в такой степени, как никакой другой памятник интеллектуальной культуры арабского средневековья. Я признáю мою задачу выполненной, если мой настоящий набросок послужит тем семенем, из которого вырастет в будущем труд, достойный одного из интереснейших моментов истории античного философского наследия на Востоке».

Несмотря на столь сдержанную оценку своей роли в разработке проблем, связанных с изучением «Теологии Аристотеля», можно думать, мы не ошибемся, если скажем, что труд А.Я.Борисова является той путеводной нитью, придерживаясь которой исследователь найдет возможность не только разобраться во множестве сложных вопросов происхождения и истории как памятника вообще, так и отдельных его версий, но также сделать определенные выводы, которые, не будучи, быть может, окончательными, тем не менее дадут возможность воссоздать историю этой загадочной книги. При этом история «Теологии» на всем протяжении исследования, и в законченных частях, и в не дошедшей до нас главе, как можно видеть из черновых материалов к ней, связывается с историей того общества, в котором она обращалась и идеологические потребности которого она удовлетворяла. Основным же средством осуществления этой задачи

служит глубокий и тонкий филологический анализ текста как самой «Теологии Аристотеля», так и соприкасающихся с ней памятников. Это тот инструмент, мастерски владея которым А.Я.Борисов порой добивается поразительных результатов, приходя к точным и строго доказательным выводам. Далее он пользуется этими выводами уже в качестве историка.

На основе произведенного анализа А.Я.Борисов приступает к наиболее интересному пункту диссертации – изложению литературной истории памятника. По мнению самого автора, это наиболее сложная и трудная часть исследования: «История этой неоплатонической книги связана с разнообразнейшими историческими и историко-культурными вопросами, из которых многие в настоящий момент представляют собою неразрешимые загадки, и потому вполне понятно, что проблемы данной главы, при всей их исключительной увлекательности, отличаются особенной сложностью». Поэтому автор предупреждает, что в этой главе будут встречаться многочисленные историко-культурные экскурсы, цель которых направлена на то, чтобы осветить ряд темных моментов в истории книги. Основные периоды ее существования А.Я.Борисов распределяет по языковому принципу, так как, по его мнению, «этот принцип, при всей его кажущейся формальности, выражает существо дела с большей определенностью, чем это представляется на первый взгляд». Вся глава в целом, по-видимому, подтверждала это положение, но, как было указано, к сожалению, от нее сохранились только вступительная часть и буквально несколько предложений, относящихся к первому, «греческому» периоду, а именно краткое изложение биографии Плотина. В бумагах А.Я.Борисова, сохранившихся вместе с рукописью диссертации, находится ряд набросков, выписок из источников и пособий по теме недостающей главы, в то время как рабочий материал к остальным главам совершенно отсутствует. В связи с тем что бумаги и книги А.Я.Борисова были упакованы все вместе[18], самое наличие записей только к четвертой главе приводит к предположению, что целиком она была оформлена лишь в голове автора, а не на бумаге, так как в противном случае А.Я.Борисов при отъезде из Ленинграда в числе остальных набросков непременно взял бы черновик неоконченной главы. В последних местах пребывания А.Я.Борисова в Ленинграде разыскать после войны что-нибудь, способствующее восстановлению последней части «Проблем... Теологии», не удалось. Как бы то ни было, глава осталась незавершенной, но уцелевшие записи дают возможность проследить направление мысли исследователя и показывают богатство материала, который должен был ее обосновать.

VII

Как исследователь материальной культуры А.Я.Борисов объединяет знание эпиграфики, археологии и искусствоведения. В Гос. Эрмитаже он занимался в основном памятниками иранского (сасанидского) и среднеазиатского искусства, но, кроме того, в качестве семитолога работал над эрмитажным собранием пальмирских тессер, еврейско-арамейских и мандейских магических чаш и семитоязычных печатей, продолжая таким образом труд, начатый еще в ИКДП. Интересовался он также миниатюрами рукописей, в исследование которых внес свой вклад[19]. Определить своеобразие искусствоведческого метода А.Я.Борисова должен кто-нибудь из его товарищей, специалистов в этой области, но одна характерная черта отчетливо видна и наблюдателю не искусствоведу. Я имею в виду его стремление систематически пользоваться для выявления существенных моментов истории материальной культуры письменными источниками: книгой и рукописью. В этом целиком сказывается филологический интерес исследователя. Не удовлетворяясь одним описанием памятника, А.Я.Борисов всегда стремится установить его значение, связь с другими предметами того же или преемственных культурных периодов. Так, сочинение мусульманского географа XIV в. способствует объяснению астрологических представлений среднеазиатского населения V – VII вв.[20]. Изображения на серебряных блюдах сасанидского Ирана, быть может, отражают образцы книжной миниатюры той же среды и эпохи[21]. Небольшая резная печать сасанидского времени показывает, что христиане, обитавшие в государстве Сасанидов, приспосабливали зороастрийскую глиптику к своим вкусам и потребностям, нейтрализуя «языческое» магическое «действие» специфически христианскими эмблемами[22]. Те же христиане-сирийцы передали арабам термин «наус», которым арабские источники обозначают гробницу в зороастрийском погребении[23].

Особенно наглядно метод А.Я.Борисова выступает в тех его статьях, где он затрагивает вопрос о культуре и литературе древнего язычества Вавилонии, сохранившегося в средние века, т.е. харранских сабиев и мандеев. Идеология мандейства, как говорит он в одной из своих работ, – это язычество, которое сохраняет «яркие пережитки древней вавилонской религии в том ее виде, в котором она жила в сознании народа долгое время спустя после политического падения Вавилона, вобрало в себя разнородные элементы многочисленных культов, сталкивавшихся на почве Ирака в эпоху парфян и сасанидов и в первые времена арабского господства: различных гностических сект, не

всегда известных нам даже по имени, иудейства, христианства, манихейства, зороастризма и даже, вероятно, ислама»[24].

Не менее сложные проблемы встанут перед исследователем при попытке заняться теми арабскими источниками, которые сохранили нам сведения о литературе харранских сабиев. Известно, что два памятника упомянуты у «загадочного набатейца», как называет А.Я.Борисов Абу Бекра Ахмеда ибн Вахшию (X в.). Испытывая большой интерес к его основному сочинению — «Книге о набатейском земледелии», А.Я.Борисов тем не менее не успел исследовать его специально. Но другой трактат Ибн Вахшии, «Книга Танкалуши Вавилонского об образах градусов сфер», подал ему материал для двух печатных заметок и нескольких устных сообщений. Одна из этих заметок[25] разъясняет имя «Танкалуша» как изменение греческого имени Τευκρος (Тевкр) на почве пехлевийской графики.

Этот, казалось бы, незначительный факт устанавливает наличие пехлевийского перевода одного из интересных позднегреческих текстов, который при этом впоследствии был использован арабами. Как выяснил сам А.Я.Борисов, этот немаловажный вывод, к которому он пришел самостоятельно, за тринадцать лет до появления в печати его работы был предвосхищен известным итальянским арабистом К.Наллино. Разумеется, такое совпадение независимо сделанных выводов придает им особую устойчивость, однако эта «ошибка» очень смущала А.Я.Борисова, хотя она и объясняется тем обстоятельством, что иностранная научная литература поступает иногда в библиотеки с большим опозданием. Интересно, что К.Брокельман в первом томе известных «Supplementa» к «Истории арабской литературы» в примечании к слову «Танкалуша» ссылается на заметку А.Я.Борисова, а не на более раннюю статью Наллино[26].

Материалы древней астрологический иконографии А.Я.Борисов использовал и впоследствии, работая над раскрытием значений изображений на среднеазиатских оссуариях[27]. В результате этих исследований яснее определился ряд особенностей местного среднеазиатского культа и мифологии домусульманского Согда. Изучение изображений на оссуариях привело А.Я.Борисова к тому выводу, что культура древнего Согда имела связь с культурой харранских звездопоклонников. По его предположению, через Согд харранская иконография проникла даже в Китай, где вызванные ею образы можно различить в некоторых памятниках китайского искусства[28]. Интересно проверить эти выводы теперь в связи с новыми данными современных раскопок в районе древней Согдианы. Итоги работы А.Я.Борисова над ранним искусством Средней Азии подведены самим ученым в

одной из его последних статей под заглавием «Мифологические изображения в искусстве древнего Согда»[29]. Для нее он воспользовался материалом последних по тому времени раскопок, в частности Варахшинского дворца. По определению автора, эта статья — «небольшой свод нескольких предварительных наблюдений, один из тех многочисленных и скромных камней, из которых в будущем должно создаться величественное здание истории согдийского искусства»[30]. Основная мысль и этой и предшествующих ей аналогичных работ заключается в стремлении показать ошибочность сложившегося представления о доминирующих культурных очагах. При этом на передний план выдвигается самостоятельное значение культуры, в частности искусства древнего Согда. «Раскопки, быть может, покажут, что многие замечательные явления, до сих пор обычно относимые к Ирану и даже к Передней Азии, в действительности ведут свое начало из искусства древнего Согда» (там же, с.2). Как известно, раскопки все время подтверждают эту мысль.

Из последних работ этого рода следует упомянуть задуманную им статью об инталии с согдийской надписью из собрания Самаркандского музея. По словам А.Я.Борисова, этот ценный памятник «может служить исходной точкой для отличия согдийских резных камней от иранских» (там же, с.2).

В качестве искусствоведа А.Я.Борисов не забывал и основную свою специальность — гебраистику. Его интересовало еврейское народное искусство, в особенности живопись. Он собирал материал для статьи об еврейских рукописных миниатюрах с изображениями животных. Как основу для нее он использовал иллюстрации одной рукописи Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. Незадолго до начала войны он собирался предпринять поездку в Могилев, чтобы на месте изучить знаменитые изображения знаков зодиака «Старой синагоги». Этот памятник еврейской старины дотла разрушен во время войны, и задуманная работа навсегда останется невыполненной. Последние месяцы своей жизни А.Я.Борисов был занят мыслью организовать после войны в Гос.Эрмитаже отделение истории еврейского искусства. Вероятно, для этой цели он готовил проспект очерка истории еврейского искусства, но успел написать только несколько первых страниц введения к нему.

В эпиграфике А.Я.Борисов занимался главным образом памятниками арамейского письма. Помимо издания группы пальмирских тессер заслуживает упоминания его исследование надписей Арташеса (Артаксия), царя Армении, найденных у озера Севан в Армении, и надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). Эти тексты ценны как источники по истории ранних

периодов жизни народов Закавказья. После смерти А.Я.Борисова надписи неоднократно привлекали внимание специалистов в Советском Союзе и за его пределами, и потому небесполезно, нам кажется, напомнить, что именно ему принадлежит заслуга первого связного чтения, перевода и истолкования этих надписей, хотя работа над ними продолжается и теперь. Война и ее последствия стали причиной того, что статьи А.Я.Борисова появились в печати после его смерти с большим запозданием[31], на ту же тему написана работа известного грузинского семитолога Г.В.Церетели, и в научной литературе больше известна последняя[32].

Некоторые из работ А.Я.Борисова по арамейской эпиграфике вообще не увидели света. К таким относится сообщение об арамейских надписях из Арабиссона[33]. Здесь А.Я.Борисов собрал и изложил весь материал, связанный с этими интересными астрологическими текстами из Малой Азии (Каппадокия, III в. до н.э.), и дал им свою интерпретацию. Другая утраченная статья посвящена одному из особенно сложных и пока мало изученных вопросов истории народов Ближнего Востока. Статья описывает интересную коллекцию Эрмитажа (бывшую раньше в ИКДП) – собрание магических чаш. Коллекция состоит из нескольких десятков глиняных чаш, покрытых еврейско-арамейскими письменами. По содержанию это заклинания против злых духов и насылаемых ими напастей, текст заговоров свидетельствует о синкретизме верований. Подобные вопросы автор ставит и частично разрешает во вводной части статьи, после которой следует публикация текста и комментированного перевода к нему последовательно для каждой чаши. К сожалению, работа еще при жизни автора была утеряна Институтом истории АН, который взял на себя ее издание. Ни оригинала, ни копий у автора не сохранилось, и он считал невозможным для себя восстановить ее заново. Вряд ли можно и теперь надеяться на повторение его работы в близком будущем, так как тексты исключительно трудны для чтения и интерпретации и вопрос о магических чашах вообще еще слишком мало изучен.

Помимо теоретического изучения памятников материальной культуры А.Я.Борисов в течение своей недолгой жизни успел принять участие и в той огромной практической работе, которая ведется археологами нашей страны. Он был участником начального периода двух больших археологических кампаний. Летом 1936 г. он сотрудничал в экспедиции Гос.Эрмитажа на раскопках урартской крепости в Анберде, в окрестностях Еревана, на склоне горы Арагац. В числе других работ им были выполнены зарисовки местности района раскопок. Второй археологической кам-

панией для него были раскопки городища Тали-Барзу в Средней Азии (6 км к югу от Самарканда). Здесь он вел работы на одном из участков раскопа. Им лично было найдено собрание монет и керамических изделий, среди которых особенно интересен хум (глиняный сосуд) с изображением крылатого человека-быка[34]. Эта находка послужила темой статьи К.В.Тревер «Гопатшах – пастух-царь»[35].

VIII

Изложенное выше дает возможность сделать общую оценку места А.Я.Борисова в востоковедной науке. Его научные убеждения были выработаны им постепенно и испытаны в практической деятельности. Единство исторического процесса для него было руководящей научной истиной, которая систематически направляла его исследования и давала ему возможность ориентироваться в самых запутанных вопросах истории человеческой культуры. На этой основе он строил обобщение накопленного теоретического материала. Это показывают такие его работы, как статья о значении открытых в Ленинграде му'тазилитских рукописей, «Проблемы изучения так называемой "Теологии Аристотеля"», «Еврейская поэзия мавританской Испании», статьи об искусстве Средней Азии и многие другие. Элементы обобщения в той или иной форме присутствуют в каждой статье А.Я.Борисова, потому что он как немногие умел видеть за единичными фактами общую связь. Рассматривая историческое развитие как единый процесс, он стремился в своих трудах помочь вскрыть ту роль, которую в нем играли малые народы и малоизвестные этнические и конфессиональные группы. Об этом свидетельствует его интерес к харранским сабиям, мандеям, му'тазилитам средневекового общества. В его работе о согдийском искусстве ведущая роль культуры Средней Азии обрисована с исключительной рельефностью. Содружество самых различных народностей в деле создания культурных ценностей показано им в заметках по истории древнерусской литературы и в статье о миниатюрах к «макамам» ал-Харири, не говоря о других очерках.

Отысканием тем для своих работ А.Я.Борисов никогда не затруднялся и не понимал, как могут затрудняться этим другие. В каждой известной ему области знания он видел столько нерешенных проблем и неустановленных фактов, что их с избытком достанет на всех, лишь бы исследователь обладал способностью к добросовестному наблюдению и передаче фактов. Как уже говорилось, каждая из его собственных работ делает новый вклад

в науку. Он всегда имел множество планов, вытекавших из его широких интересов, и нет сомнений, что при всей интенсивности его деятельности в каждом из ее направлений остались обдуманные, но не осуществленные проекты работ. Некоторые из них упоминались на страницах настоящего очерка.

Когда встречаешь в нашей востоковедной литературе упоминания об А.Я.Борисове, большей частью мимолетные, замечаешь в них общую черту, непроизвольно подчеркивающую безвременность его смерти: эпитеты «талантливый» и «молодой ученый». «Труды выдающегося молодого ученого-востоковеда А.Я.Борисова, широко образованного медиевиста, прочно войдут в советскую науку», – пишет о нем товарищ по работе в Гос.Эрмитаже[36]. «Одним из самых талантливых востоковедов нашего времени» называет его известный семитолог и арабист Г.В.Церетели[37]. Еще теплее отзываются о нем пережившие его потерю как личную утрату товарищи по кафедре семитологии Ленинградского университета. Известный арабист-лингвист Н.В.Юшманов, чл.-кор. АН СССР, пишет о нем в письме от 12 сентября 1943 г.: «Андрея Яковлевича любили все товарищи — и как талантливого, оригинального ученого, и как скромного, простого человека. Я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь сказал хоть одно плохое слово про Андрея Яковлевича». Узнав о его смерти, ненадолго переживший его ассириолог А.П.Рифтин писал: «Лишь очень немного людей могут понять и прочувствовать, что значит для нашей науки трагическая кончина Андрея Яковлевича»[38]. Число подобных отзывов без труда можно увеличить, но вряд ли в этом есть надобность. Быть может, важнее и интереснее для истории нашего востоковедения та оценка, которую дают А.Я.Борисову его учителя, ученые старшего поколения, академики П.К.Коковцов и И.Ю.Крачковский. Отзыв об А.Я.Борисове, который был составлен его ближайшим учителем П.К.Коковцовым при представлении своего ученика к степени кандидата филологических наук, был написан в таких лестных выражениях, что А.Я.Борисов, дав мне его прочесть, по свойственной ему сдержанности просил никому этот отзыв не показывать. Способности А.Я.Борисова к творческой работе П.К.Коковцов ценил выше собственных. Для знавших доходящую до резкости прямоту суждений выдающегося семитолога высота его оценки показательна.

Деятельность А.Я.Борисова обрисована И.Ю.Крачковским в «Очерках по истории русской арабистики» следующим образом: «...в области философии совершенно исключительные находки дал известный и раньше арабско-еврейский фонд Фирковича в Публичной библиотеке Ленинграда. Здесь обнаружена А.Я.Бо-

рисовым (ум. в 1942 г.) арабская версия знаменитой "Теологии" псевдо-Аристотеля, которая послужила оригиналом для латинского перевода, игравшего большую роль в развитии средневековой мысли. Не меньшее значение для истории мусульманской религиозной философии имеют открытые им же значительные фрагменты произведений му'тазилитского направления; важность их для востоковедной науки можно сравнить только с недавно обнаруженными сочинениями того же течения в Йемене у господствующего там толка зейдитов»[39]. И далее там же: «Уже покинув Ленинград, не вынес последствий всего пережитого в нем более молодой ученик П.К.Коковцова, А.Я.Борисов, умерший 10 июля 1942 г. в Орехово-Зуеве (род. в 1903 г.). Он был разносторонним семитологом и иранистом с очень основательной подготовкой в области арабистики; открытие им арабского оригинала латинского перевода "Теологии" псевдо-Аристотеля, которое он, к сожалению, не успел завершить полным подготовлявшимся им изданием, представляет крупное событие в науке»[40]. Сохранившаяся рукописная характеристика его, составленная И.Ю.Крачковским[41], дополняет отзыв П.К.Коковцова и подтверждает его: «Как и академик Коковцов[42], я имел возможность и счастье следить за первыми учебными и научными шагами А.Я.Борисова; как и он, я считаю его не просто даровитым, но определенно талантливым работником, с очень хрупкой организацией, требующей особенно бережного отношения, со способностями, выходящими далеко за пределы наших обычных нормальных представлений. И теперь уже мы имеем в его лице ученого, которым может гордиться наше время и наша наука. Было бы нетрудно привести немало случаев, когда его даже мелкие заметки, печатающиеся у нас так медленно и с таким трудом, производили буквально фурор у крупных авторитетных, всеми признанных представителей западной науки». И дальше, о статьях своего ученика: «Все они говорят не только о глубоком знании разнообразных областей арабской и еврейской письменности, но и о большой оригинальности и инициативности мыслей, которые позволяют сразу поставить вопрос по-новому и, иногда одним штрихом, совершенно меняют общепринятую научную формулировку».

В свете подобных высказываний яснее представляется значение утраты А.Я.Борисова для востоковедной науки сегодняшнего дня. Это значение уже заранее предчувствовал Н.В.Юшманов: «Потеря А.Я.Борисова ощущается как непоправимая брешь в наших скудных кадрах по семитологии и по востоковедению вообще. Еще больше будет ощущаться эта тяжелая утрата в дальнейшем, когда наступит мирное время и нам придется возобно-

лять научно-педагогическую деятельность по... редким и трудоемким дисциплинам... Приходится думать о продолжении его дела, а это задача не из легких...»[43]. Кадры в семитологии пока не увеличились, но в сравнительно небольшой срок открылись для нее новые широкие перспективы, и как раз в тех областях, которыми интересовался А.Я.Борисов: интенсивные археологические раскопки в Средней Азии и на Кавказе, находка в Нисе целого архива арамейско-парфянской письменности, необычайная находка древнееврейских и арамейских рукописей и документов в окрестностях Мертвого моря и др.

Учитывая, как уже говорилось, короткий срок жизни А.Я.Борисова, значение его многочисленных трудов и высокую оценку, которую они заслужили в глазах наиболее компетентных советских востоковедов, кажется, можно с уверенностью сказать, что в лице А.Я.Борисова востоковедение потеряло «великую научную силу», пользуясь выражением крупного русского востоковеда, сказанным в память тоже слишком рано ушедшего товарища. Привожу его слова целиком, так как, на мой взгляд, они полностью отвечают тому представлению, которое складывается о А.Я.Борисове: «Великая научная сила – это великий ученый в возможности; называя так человека, мы как бы говорим, что он, по своей эрудиции и дарованиям, мог бы составить эпоху в науке, если бы не те или иные условия»[44]. Для А.Я.Борисова эти роковые условия создала самая страшная война, какую знало человечество, она оборвала дело его жизни, которая могла бы дать еще так много.

В заключение хотелось бы отметить при этом, что не только его диссертация, но и остальные неопубликованные статьи еще очень далеки от того момента, когда их рукописи можно будет списать в архив. Они имеют серьезное значение сейчас и сохранят его долгое время. К сожалению, у нас готовые работы умерших товарищей подчас слишком легко и беззаботно сдаются навсегда в архив. Между тем опубликование всего научного наследия А.Я.Борисова вполне возможно и, более того, необходимо, так как его ненапечатанные работы представляют важный вклад в науку.

А.Я.Борисов прожил короткую, но яркую жизнь. Он был предельно искренен в своих научных убеждениях и творил свое, как он говорил, «маленькое дело» с большой и чистой душой. Многое из сделанного им навсегда останется в сокровищнице человеческого знания. Настоящий сухой очерк лишь слабо выражает стремление отдать посильную дань уважения и признательности его памяти.

19 января 1989 г.

[1] Письмо к этнографу-гебраисту З.Л.Амитину-Шапиро, написанное летом 1926 г. в г. Ташкенте.

[2] Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г. I. Азиатский музей. Л., 1930, с. 216.

[3] Все даты, касающиеся служебной деятельности А.Я.Борисова, заимствованы из его автобиографии, написанной им в последние месяцы жизни к защите докторской диссертации.

[4] Ленинградский институт философии, лингвистики и истории.

[5] Сведения о работе А.Я.Борисова в ИКДП мною заимствованы из сообщений его товарища и сотрудника по ИКДП Ю.Я.Перепелкина.

[6] *Борисов А.Я.* Авиценна как врач и философ. – Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М.–Л., 1938, № 1–2, с. 51–73.

[7] *Rosenthal Fr.* Die aramäistische Forschung seit Th.Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1939.

[8] *Борисов А.Я.* Новые материалы к вопросу о псевдо-Бахье. – Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. Л., 1929, № 10, с. 775–797.

[9] *Борисов А.Я.* Арабский оригинал латинской версии так называемой «Теологии Аристотеля». – Записки Коллегии востоковедов. Л., 1930, т.V, с. 83–98; *он же.* Об исходной точке волюнтаризма Соломона Ибн Габироля. – Изв. АН. Отд. обществ. наук. Л., 1933, № 10, с. 755–768.

[10] *Борисов А.Я.* Му'тазилитские рукописи Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. – Библиография Востока. Л., 1936, вып.8–9, с. 69–95; *он же.* Об открытых в Ленинграде мутазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли. – Труды Первой сессии арабистов. М.–Л., 1937, с. 113–125.

[11] Прочитана как доклад на Первой сессии арабистов.

[12] *Борисов А.Я.* Об открытых в Ленинграде мутазилитских рукописях, с. 116.

[13] Там же, с. 117.

[14] *Borisov A.* Some New Fragments of Isaak Israeli's Works. – Академия наук – академику Н.Я.Марру. Л., 1935, с. 621–628; *Борисов А.Я.* Заметки о литературном наследии Юсуфа ал-Басира. – Изв. АН СССР. 1935, № 3, с. 273–285; *он же.* О времени и месте жизни караимского писателя Али ибн Сулеймана. – Палестинский сборник. Вып.2 (64–65). М.–Л., 1956, с. 109–114.

[15] *Борисов А.Я.* Заметки о поэзии Моисея Ибн Эзры. – Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1936, № 4, с. 99–117; *он же.* Новые данные о редакторе «дивана» Иехуды Галеви. – Памяти академика Н.Я.Марра (1864–1934). М.–Л., 1938, с. 338–343.

[16] Первая часть статьи издана под названием: «К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе» (Палестинский сборник. Вып. 29 (92). М., 1987, с. 154–167).

[16а] *Борисов А.Я.* К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе, с. 156.

[17] Титульный лист рукописи. Цитата приведена во французском оригинале: C'est certainement là l'une des plus curieuses histoires d'apocryphe qu'il y ait en philosophie... (Avicenne, 1901, с. 73).

[18] Сохранением рукописного наследия А.Я.Борисова наша наука обязана в первую очередь заботам чл.-кор. АН СССР Н.В. Пигулевской и В.И.Беляева.

[19] *Борисов А.Я.* Миниатюры «Книги Макам» ал-Харири. – Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 171–178.

[20] *Борисов А.Я.* К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. – Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа (далее – ТОВЭ). Л., 1940, т.II, с.25–49.

[21] *Борисов А.Я.* Об одном иллюстрированном астрологическом трактате сасанидского времени (краткое изложение доклада). – III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Ленинград, сентябрь 1935. Доклады. М.–Л., 1939, с.31–33.

[22] *Борисов А.Я.* Эпиграфические заметки. III. Об одной группе сасанидских резных камней. – ТОВЭ. 1939, т.I, с.235–242.

[23] *Борисов А.Я.* О значении слова «паус». – ТОВЭ. 1940, т.III, с.301–311.

[24] *Борисов А.Я.* Эпиграфические заметки. II. Мандейская магическая чаша Эрмитажа. – ТОВЭ, т.I, с.228.

[25] *Borisov A.* Sur le nom «Tankaloùchâ». – Journal Asiatique. 1935, avril-juin, p.300–305.

[26] *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Supplementband 1. Leiden, 1937, с.430.

[27] *Борисов А.Я.* К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях; *он же.* Изображение гороскопа на среднеазиатском оссуарии (не напечатано).

[28] *Борисов А.Я.* Мифологические изображения в искусстве древнего Согда (машинопись).

[29] Написана летом 1941 г. для Ташкентского института искусствоведения (не напечатана).

[30] *Борисов А.Я.* Мифологические изображения в искусстве древнего Согда. Машинопись (41 с.).

[31] *Борисов А.Я.* Надписи Арташеса (Артаксия), царя Армении. – Вестник древней истории. 1946, № 2, с.97–104. Краткий вариант статьи напечатан при жизни автора на армянском языке в газете «Советакан Хайастан», Ереван, 16.II.1941; *он же.* Надпись на серебряной чаше из Бори. – Сообщения Гос. Эрмитажа. 1947, № 4, с.8–11.

[32] *Церетели Г.В.* Эпиграфические находки в Мцхета – древней столице Грузии. – Вестник древней истории. М., 1948, № 2.

[33] Прочитано осенью 1938 г. в научном заседании Гос. Эрмитажа, посвященном памяти археолога Я.И.Смирнова.

[34] *Якубовский А.Ю.* Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. – ТОВЭ. Т.II, с.51–70.

[35] *Тревер К.В.* Гопатшах – пастух-царь. – Там же, с.71–86.

[36] *Банк А.В.* Памяти погибших. – Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1948, т.V, с.51.

[37] *Церетели Г.В.* Эпиграфические находки в Мцхета, с.53.

[38] Письмо от 13 августа 1942 г., Саратов.

[39] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т.V. М.–Л., 1958, с.134.

[40] Там же, с.170–171.

[41] Написано для утверждения А.Я.Борисова в степени кандидата филологических наук (см. выше).

[42] В тексте: Коковцев.

[43] Письмо из Алма-Аты от 23 марта 1943 г.

[44] *Мелиоранский П.* Василий Васильевич Болотов. – Византийский временник. СПб., 1900, т.7, с.615.

Г.М.Емельянова

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ ШАМИ
(Илья Наумович Тепер, 1893–1938)

Одним из проявлений начавшегося весной 1985 г. в России процесса социально-экономического и духовного обновления стали деидеологизация анализа истории советского общества, ликвидация ее многочисленных «белых пятен», восстановление исторической справедливости в отношении большого числа необоснованно репрессированных государственных и общественных деятелей, представителей науки, культуры, духовенства.

К подобным историческим «белым пятнам» принадлежит период становления марксистского востоковедения, разработки формационного анализа восточного общества, типологии национально-освободительных революций. Первое поколение советских востоковедов являлось не только свидетелем, но нередко и активным участником процесса революционного «пробуждения Азии». Его представители обостренно сознавали свою сопричастность и гражданскую ответственность за судьбы народов Востока.

Вместе с тем непосредственное вовлечение в события, начатые революционным переворотом в России в октябре 1917 г., осложняло беспристрастный, объективный подход советских востоковедов к происходившим в странах Азии и Африки процессам. Желая скорейшей деколонизации и ускорения социально-экономического развития этих стран, многие российские ориенталисты того времени упрощенно и схематично представляли уровень развития этих стран, характер и движущие силы развернувшегося в них национально-освободительного движения.

Кроме того, на теоретические взгляды востоковедов, как и представителей других отраслей общественных наук, значительное, если не определяющее влияние оказали канонизированные партийные установки сталинской эпохи.

Невосполнимую потерю востоковедение понесло в мрачный период сталинских беззаконий и произвола, когда судьбы многих востоковедов, разработчиков концепции развития восточных обществ, были поломаны. Сотни ученых были репрессированы

© Г.М.Емельянова, 1997

или подверглись всякого рода гонениям. Их научные труды не были допущены к читателю. Сколько восходящих звезд на востоковедном небосклоне было погашено! Скольких талантливых педагогов лишились последующие поколения ориенталистов!

Однако, как известно, история не приемлет эмоций и сослагательного наклонения. Она уже состоялась, и потому одной из задач нынешнего поколения российских востоковедов является реконструкция всех этапов отечественной ориенталистики со всем ее трагизмом и подвижничеством.

Робкие попытки разобраться в сути происходившего в науке, в том числе и в востоковедении, были сделаны в период начавшегося после XX съезда КПСС непродолжительного периода социально-духовной оттепели. Однако тогда они завершились неудачей.

Только теперь, на исходе XX в., благодаря начавшимся на территории бывшего СССР процессам либерализации и демократизации возникла новая интеллектуальная атмосфера и появились условия для объективного научного анализа его прошлого[1].

Отечественная арабистика в числе других отраслей востоковедения жестоко пострадала в сталинское лихолетье нашей истории. Жизни многих арабистов были прерваны в самом расцвете. Среди них был Александр Моисеевич Шами.

А.М.Шами (И.Н.Тепер)[2] родился в окрестностях Одессы в 1893 г. в еврейской патриархальной многодетной семье среднего достатка[3]. Семья его владела несколькими коровами и кормилась за счет продажи мяса и мясопродуктов на рынке. Дома разговаривали на идише и бережно чтили национальные традиции и обычаи. Дети с раннего возраста приучались к труду, помогали взрослым ухаживать за скотом.

В возрасте семи лет А.Шами поступил в начальную школу. Но многочисленные домашние обязанности в скором времени заставили его оставить учебу.

В 1906–1907 гг. А.Шами работал «мальчиком» в молочном магазине. В 1907 г. он тяжело заболел менингитом, который приковал его к постели почти на три года. Лишь семнадцатилетним юношей А.Шами занялся интенсивным самообразованием.

Заметим, что в Одессе в начале века имелись для этого весьма благоприятные условия. Одесса, являясь крупным международным морским портом, была одним из самых развитых городов Российской империи. Одних только типографий в Одессе тогда насчитывалось около тридцати. Они издавали книги на разных языках, в том числе на идише.

В 1911 г. А.Шами успешно сдал экстерном экзамены за пять классов реального училища. В 1912–1913 гг. он брал частные

уроки французского, немецкого, английского языков, а также различных технических дисциплин.

Полученные таким образом неплохие знания позволили А.Шами в августе 1913 г. поступить на математический факультет университета Сорбонны во Франции.

Однако из-за материальных трудностей семьи А.Шами в мае 1914 г. вернулся в Одессу и вынужден был зарабатывать на жизнь частными уроками.

Экономический хаос, политический кризис, охватившие Россию в годы первой мировой войны, пробудили у А.Шами серьезный интерес к общественно-политическим проблемам. Вопреки семейной традиции «политического абсентеизма» он сделал выбор в пользу активной гражданской позиции и оставался верен ему до конца.

В начале 1915 г. А.Шами поступил на работу рабочим-паяльщиком на одесскую фабрику металлических изделий. Свою политическую деятельность он начал в рядах анархистов, вступив в нелегальный анархистский кружок. В этот период А.Шами жадно изучал общественно-политическую литературу, труды представителей зарубежной и отечественной общественной мысли. Детальное изучение теории и практики анархизма вызвало у него довольно быстрое разочарование в этом идейно-политическом движении. Начиная с 1917 г. свои социальные идеалы А.Шами стал связывать с деятельностью левых эсеров. Вступив в эту партию, он стал активным пропагандистом в массах ее программных требований: провозглашения демократической республики, политических свобод, введения рабочего законодательства, социализации земли.

А.Шами участвовал в Февральской революции. В марте 1917 г. он был избран от своей фабрики членом исполкома Одесского совета.

Октябрьскую революцию А.Шами воспринял с воодушевлением. Однако в бурном водовороте революционных событий было трудно сориентироваться в широком спектре левых организаций. Увлеченный пропагандой социал-сионистов, апеллировавших к демократическому социалистическому решению еврейского вопроса, А.Шами в ноябре 1917 г. вступил в еврейскую социал-демократическую партию «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона»)[4]. Социальную базу этой партии составляли студенты и часть интеллигенции еврейского происхождения, наиболее обостренно чувствовавшие проявления антисемитизма и видевшие в программе поалей-ционистов путь к национальному возрождению еврейского народа.

Теоретической платформой «Поалей-Цион» являлся «рабочий сионизм», идеологом которого был Б.Борохов (1881–1917)[5].

В его основе лежал тезис о том, что еврейский национализм имеет прогрессивный характер и является непременным условием построения социализма и что социальное освобождение еврейских трудящихся возможно только после создания еврейского «национального очага».

Распространение сионистских идей среди еврейского населения России в начале XX в. было связано прежде всего с проводимой царским правительством политикой экономической, политической и моральной дискриминации евреев. Кроме того, правящие круги умело разыгрывали «еврейскую карту» в условиях нараставшего социального напряжения в стране, вызванного падением жизненного уровня народа. Используя еврейское происхождение некоторой части буржуазии, власти умело направляли народное недовольство в русло антисемитизма. Руководители царской охранки цинично заявляли о стремлении решить еврейский вопрос в России посредством высылки евреев за пределы страны и организации погромов.

В России в начале XX в. возникли различные как по социальному составу, так и по декларированным целям сионистские организации[6].

А.Шами стал активным членом «Поалей-Цион». Он много ездил по Украине, пропагандируя идеи «рабочего сионизма» среди трудового еврейства. В марте 1918 г. он, выполняя задание партии, организовал в окрестностях Одессы еврейскую сельскохозяйственную артель – прообраз еврейских кибуцев в Палестине.

А.Шами проявил недюжинные организаторские и деловые способности, что позволило ему в скором времени стать одним из руководителей одесской секции партии «Поалей-Цион».

Начавшаяся гражданская война на время прервала активную партийную деятельность А.Шами. В феврале 1919 г. он добровольцем ушел в Красную Армию. Его направили в 1-й интендантский полк, воевавший на Киевском фронте. Когда в результате контрнаступлений петлюровцев[7] отряды Красной Армии сдали Киев, А.Шами в числе других красноармейцев был оставлен для ведения подпольной работы на оккупированной территории. Однако вскоре подпольщики были обнаружены петлюровцами и направлены в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. В ходе налета Богунского полка на Киев А.Шами бежал из тюрьмы и добрался до Кременчуга. Там ему пришлось надолго задержаться из-за сразившего его тифа.

После выздоровления в феврале 1920 г. он поступил на работу в редакцию газеты «Кременчугские Советы», где проявил

себя способным корреспондентом. По рекомендации газеты А.Шами в октябре 1920 г. был направлен на учебу в Одесский сельскохозяйственный институт (ОСИ). Его зачислили на факультет растениеводства.

Во время учебы в институте А.Шами возобновил свою деятельность в «Поалей-Цион». После успешного завершения учебы в ОСИ в 1922 г. А.Шами в составе партийной группы был направлен в Палестину. Он жаждал скорейшего воплощения в жизнь идей социал-сионизма.

Пребывание на палестинской земле, непосредственное участие в реализации сионистских планов по «рабочей колонизации» и созданию кибуцев в Палестине вызвали у А.Шами горькое разочарование в социал-сионистской идеологии. Он понял, что сионистские лозунги «завоевания земли», «завоевания труда», «завоевания рынка» прикрывали фактический захват земли, принадлежавшей арабам; изгнание арабских рабочих с еврейских плантаций и промышленных предприятий; организацию бойкота арабских товаров в целях обеспечения еврейской торговой монополии.

Болезненно реагировавший на оскорбление национальных чувств, А.Шами был потрясен шовинизмом по отношению к арабам, который сознательно культивировался сионистами и британскими властями в Палестине. Его результатом было разжигание вражды между арабским и еврейским населением Палестины посредством создания изолированных от арабов ишув (еврейских общин), идеологической антиарабской обработки евреев-иммигрантов.

Жестокая реальность уничтожила социал-сионистские иллюзии А.Шами. Он пережил глубокую идейно-нравственную драму. Однако он не покинул Палестину. Порвав организационно и идейно с сионизмом, А.Шами решил посвятить себя разоблачению его теории и практики. Идейные и политические искания привели его в мае 1924 г. в ряды Коммунистической партии Палестины (КПП).

КПП была образована в 1919 г. С 1919 по 1921 г. она называлась Социалистическая рабочая партия Палестины. Партия действовала нелегально. В 1921 г. она была разгромлена, а ее члены арестованы. С 1924 г. КПП возобновила свою деятельность. Первоначально она объединяла евреев-иммигрантов из стран Европы. Тогда их идейно-теоретические взгляды характеризовались эклектизмом.

Нельзя не сказать, что метаморфоза, подобная той, что произошла с А.Шами, случилась и со многими другими поалей-ционистами[8].

В КПП быстро оценили революционный энтузиазм, организаторский талант А.Шами. В начале 1925 г. он был избран членом ЦК КПП и стал практически вторым по значимости лицом в руководстве КПП после ее генерального секретаря В.Абузяма[9].

Костяк партии палестинских коммунистов составляли яркие личности, убежденные революционеры. Их объединяла не только общность идеалов, но и товарищеские взаимоотношения. Искренняя дружба связала А.Шами с В.Абузямом, И.Бергером[10], Надабом[11], М.Ибушиц.

А.Шами много ездил по стране, знакомился с ее народом, осваивал арабский язык.

В Палестине А.Шами серьезно заинтересовался историей этой древнейшей страны и стран Ближнего Востока в целом. Особенно его занимали проблемы, связанные с проникновением западных держав в арабские страны, и прежде всего вопрос еврейской колонизации Палестины. Свое ви́дение происходивших в Палестине событий он излагал в нелегальных партийных изданиях, прокламациях и воззваниях. В них он резко критиковал колонизационную политику сионистов и их английских покровителей.

А.Шами выступал в различных палестинских городах и селениях с разъяснениями позиции партии по насущным проблемам страны. Его простота, искренность, фанатичная вера в торжество принципов свободы, равенства, братства притягивали к нему людей. Он был превосходным оратором революционного зажигательно-агитаторского типа, умел найти и выдвинуть нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал слушающих. Он призывал трудовой народ Палестины — феллахов, рабочих, бедуинов, ремесленников и мелких торговцев независимо от национальности и вероисповедания сплотиться в единый фронт «для отпора английским и еврейским империалистам».

Значительный вклад А.Шами внес в развитие палестинского профсоюзного движения. Он был тесно связан с «рабочей фракцией Гистадрут», возникшей в 1922 г. внутри еврейского националистического профцентра Гистадрут[12] и руководствовавшейся принципами пролетарского интернационализма. Члены фракции заявляли о своей солидарности с Профинтерном. Фракция создала во многих городах и населенных пунктах Палестины агитационные клубы, занимавшиеся распространением среди арабов и евреев написанных по-арабски и на иврите листовок и прокламаций интернационального содержания. Среди их постоянных авторов был и А.Шами. Свободное владение обоими языками,

яркий, образный стиль снискали ему немалую популярность среди трудового населения Палестины.

Деятельность коммунистов среди рабочих вызывала недовольство со стороны английской колониальной администрации. Против них начались гонения. Значительное число руководителей КПП подверглось арестам. Только в 1924 г. было арестовано около 70 человек.

Политическая дискриминация усугублялась экономическими санкциями в отношении коммунистов: члены КПП и сочувствовавшие им увольнялись с работы, не допускались на биржи труда, лишались пособий по безработице.

Кроме того, интернационализм палестинской компартии наталкивался на культивируемые колониальными властями и сионистами национализм и религиозную нетерпимость. Демократические призывы КПП к дружбе и сотрудничеству арабских и еврейских трудящихся рассматривались ими как «большевизм»[13].

Репрессии и произвол не остановили палестинских коммунистов, которые стали играть заметную роль в политической жизни Палестины во второй половине 20-х годов. Изменения произошли и во внутрипартийной жизни. Начался процесс арабизации партии.

Вместе с тем классовый подход, применявшийся коммунистами, в том числе и А.Шами, к анализу общественно-политических реалий различных стран, создавал неадекватную картину, сужал потенциал революционных движений.

Идеологические взгляды и политическое поведение А.Шами, как, впрочем, и большинства членов компартий афро-азиатского региона, входивших в Коминтерн[14], были жестко детерминированы директивами Исполкома Коминтерна. Слабая возможность для коммунистов Востока самостоятельно определять свой стратегический и тактический курс в зависимости от конкретной расстановки общественно-политических и этнорелигиозных сил неизбежно таила в себе опасность постепенного отрыва партии от масс.

Если в начальный период деятельности Коминтерна (I–IV конгрессы: 1919–1922 гг., т.е. при жизни В.И.Ленина) была разработана и проводилась в жизнь относительно реалистическая политика решения национального вопроса, нацелившая коммунистов на сближение со всеми антиимпериалистическими, патриотически настроенными силами Востока во имя борьбы за национальную независимость, то в последующий период начался постепенный отход от этих принципов национальной политики и усилились левацкие, экстремистские подходы[15].

Узость классового подхода и обусловленные ею враждебность в отношении буржуазии колониальных и полуколониальных стран и переоценка революционных потенций восточного рабочего класса, неизменно содержавшиеся начиная с 1925 г. в соответствующих решениях Коминтерна, естественно, не могли не сказаться на взглядах и деятельности А.Шами и других палестинских коммунистов.

В дальнейшем в своих исследованиях общественно-политической обстановки в арабских странах А.Шами неизменно исходил из коминтерновских установок, что существенно снижало научную ценность его оценок и выводов.

В Палестине А.Шами встретился с В.Б.Луцким[16]. Со временем это знакомство переросло в дружбу, которой оба они очень дорожили и были верны до самой смерти. А.Шами способствовал в 1924 г. приему В.Б.Луцкого в КПП[17].

В начале 1925 г. А.Шами по рекомендации Исполкома Коминтерна был переведен на работу в Коммунистическую партию Сирии и Ливана[18]. А.Шами был избран секретарем ЦК КПСЛ.

Напомним, что Сирия в те годы переживала подъем национально-освободительного движения против французских колонизаторов[19]. Сирийские коммунисты принимали в нем активное участие. Первоочередной задачей они считали мобилизацию всех слоев трудового народа на борьбу за национальную независимость. Однако стать влиятельной политической силой, а тем более возглавить это движение коммунисты не могли.

Руководствуясь решениями Коминтерна по национально-колониальному вопросу, сирийские коммунисты недооценивали революционные возможности национальной буржуазии и других непролетарских слоев сирийского общества.

Оказавшись в новых условиях, А.Шами с присущими ему энергией и энтузиазмом целиком погрузился в партийную работу. Он ездил по сирийским городам и селениям, непосредственно участвуя в организации там партийных ячеек, профсоюзов рабочих и крестьян, а также комсомольских организаций.

В 1925 г. при активном участии А.Шами в Алеппо объединились две марксистские группы: «Спартак» и возглавляемая Юсуфом Язбеком организация «Аш-Шимали» («Северянин»)[20].

Организаторскую деятельность А.Шами сочетал с журналистикой, став одним из ведущих корреспондентов органа КПСЛ газеты «Аль-Инсанийя» («Человечество»), которая начала выходить с июля 1925 г. А.Шами являлся автором издававшихся на арабском и французском языках воззваний КПСЛ[21]. Его популярность среди сирийских рабочих и крестьян вызывала озабоченность и раздражение у французских колониальных вла-

стей. Имя «русского еврея Тепера» тогда часто упоминалось на страницах местной и французской печати.

По воспоминаниям известного советского арабиста А.М.Голдобина[22], близко знавшего А.Шами, о его популярности среди сирийских рабочих свидетельствовал хотя бы тот факт, что во французской буржуазной прессе его нередко сравнивали с Лоуренсом[23].

Апогеем национально-освободительной борьбы в Сирии стало народное антифранцузское восстание 1925–1927 гг.[24]. Сирийские коммунисты приняли в нем активное участие. К началу ноября 1925 г. восстанием была охвачена вся Сирия. Военные действия перебросились в Ливан. Общая численность армии повстанцев доходила тогда до 40 тысяч человек.

В ходе восстания коммунисты выступали за отмену французского мандата и предоставление Сирии и Ливану независимости. Они выдвинули лозунг единения конфессионально и этнически разнородного населения Сирии в борьбе против единого врага – Франции. Кроме того, они развернули пропагандистскую работу среди солдат французских оккупационных войск, призывая брататься с трудящимися Сирии и Ливана и обратить оружие против своих классовых врагов.

А.Шами принял самое живое участие в антифранцузском восстании[25]. Его горячие обличительные и зовущие к борьбе речи были слышны во многих сирийских городах и селениях.

Французские колониальные власти на «подрывную» деятельность КПСЛ, которую они рассматривали как «руку Коминтерна», ответили репрессиями. В декабре 1925 г. А.Шами и ряд других руководителей КПСЛ подверглись аресту. Над ними состоялся суд. Коммунистам инкриминировались антигосударственные действия, направленные на подрыв существующего общественного устройства. А.Шами был назван в числе главных зачинщиков и инициаторов «беспорядков» и приговорен к смертной казни.

Этот приговор вызвал возмущение демократической общественности страны. КПСЛ начала кампанию за отмену смертных приговоров и пересмотр дел А.Шами и его товарищей. С аналогичными требованиями, обращенными к французскому правительству, тогда выступили компартия Франции и ее печатный орган – газета «Юманите»[26].

Расправа над сирийскими коммунистами в условиях нараставшей непопулярности колониальной политики Франции внутри страны грозила серьезными внутри- и внешнеполитическими осложнениями для французского правительства. В создавшейся обстановке оно санкционировало пересмотр коло-

ниальными властями в Сирии приговора в отношении А.Шами и других лидеров КПСЛ. В июле 1926 г. колониальный суд заменил им смертную казнь пожизненной высылкой из Сирии.

С июля по декабрь 1926 г. А.Шами вновь работал в ЦК КПП. Однако в условиях постоянных преследований со стороны английских колониальных властей, усилившихся после сирийских событий, оставаться ему в Палестине и на Ближнем Востоке в целом стало крайне опасно.

По договоренности между руководством КПП и Исполкомом Коминтерна, достигнутой в январе 1927 г., А.Шами, И.Бергер, а также ряд других руководителей КПП были переведены на работу в Восточный секретариат ИККИ. И.Бергер стал представителем КПП в ИККИ, а Шами – его заместителем.

Смена характера деятельности позволила А.Шами заняться исследованием национально-освободительного движения на Арабском Востоке. В этот период он много и жадно читал научные работы по истории и экономике стран Востока, истории международного коммунистического движения, истории ВКП(б), снова и снова штудировал труды классиков марксизма-ленинизма в поисках ответов на вопросы, поставленные жизнью. Ведущим методологическим путеводителем для него были работы и выступления И.В.Сталина.

В Москве в июне 1927 г. А.Шами был принят в ряды ВКП(б). Принимая партийный билет за номером 3032014, А.Шами в духе свойственной ему революционной патетики поклялся всю свою жизнь без остатка отдать делу освобождения трудового народа во всем мире. Для А.Шами это были не просто высокие слова, означавшие недосягаемый теоретический идеал, а реальная жизненная установка. Он безмерно дорожил званием коммуниста. Как вспоминала А.Л.Львова, А.Шами «всем своим обликом, образом жизни и убеждениями являл собой пример несгибаемого большевика, одержимого идеей освобождения угнетенного человечества от рабства».

В 1927 г. вышли в свет первые научно-публицистические статьи А.Шами, посвященные истории колониального проникновения европейских держав на Восток, национально-освободительной борьбы в арабских странах и роли в ней пролетарского течения, возглавляемого коммунистами. Наибольший интерес у А.Шами вызывали Палестина и Египет. А.Шами начал регулярно печататься в журналах «Революционный Восток»[27], «Коммунистический Интернационал»[28].

Среди первых публикаций А.Шами была статья в журнале «Коммунистический Интернационал» (1927, № 8) под названием «Классовая и национальная борьба в Палестине». В ней ав-

тор, обобщив опыт своего многолетнего пребывания в Палестине, проанализировал сложившуюся там социально-экономическую, классово-политическую и этнорелигиозную обстановку. Статья, содержавшая ценный фактический материал, была написана несколько эмоционально и патетически. Ей был свойствен упрощенный подход к анализу экономического строя, классовой структуры палестинского общества.

Заметим, что к подобным методологическим приемам при исследовании обстановки в странах Востока прибегало большинство начинающих советских востоковедов. Переоценивая степень развития капитализма на Востоке и, естественно, остроту социальных конфликтов, они делали вывод о противоречиях между национальной буржуазией и национально-освободительным движением и актуальности руководства им со стороны пролетариата[29].

Эта точка зрения отражала политические установки И.В.Сталина по национально-освободительному движению на Востоке, сформулированные в его выступлении 15 мая 1925 г. на собрании студентов в КУТВе. В соответствии с ними страны Востока были сгруппированы по степени экономического развития и уровню национально-освободительного движения. При этом возможность достижения единого фронта с национальной буржуазией допускалась только в самых отсталых странах, типа Марокко. В остальных же, в том числе и в Египте, Сирии, Палестине, за национальной буржуазией отрицалось значение «антиимпериалистической силы» из-за ее размежевания на революционную (только мелкая буржуазия) и соглашательскую (национальная буржуазия как таковая), которая уже «спаялась» с империализмом. Таким образом, понятие единого национального фронта сужалось до «блока рабочих и мелкой буржуазии», которые должны были сосредоточить огонь критики против «соглашательской национальной буржуазии»[30]. Выдвигалась явно не отражавшая реальное положение вещей идея гегемонии пролетариата в национально-революционном движении, в борьбе за политическую независимость. Коммунистическим партиям азиатских стран, таким образом, рекомендовалось проводить линию на раскол с другими антиколониальными партиями и организациями, объединявшими непролетарские социальные слои, прежде всего национальную буржуазию и патриотически настроенных феодалов и духовенство. Естественно, что подобный подход неминуемо обрекал компартии на отрыв от широких народных масс.

Теоретически ошибочным и политически несостоятельным было также включение многими востоковедами-марксистами

наиболее развитых в социально-экономическом отношении арабских стран в общую типологическую группу с Китаем и автоматическое перенесение на них оценок, сделанных на основании анализа революционного движения в Китае. Это способствовало закреплению неверных подходов к определению уровня и степени развития самостоятельного рабочего и крестьянского движения и роли буржуазного национализма в борьбе за национальное освобождение.

Нужно оговориться, что теоретические построения, основанные на коминтерновских установках по национально-колониальному вопросу, хотя и преобладали в советской востоковедной науке в конце 20-х – начале 30-х годов, но не были единственными. Оставались ученые, сохранившие приверженность традициям российского востоковедения[31].

Разработка проблем национально-освободительного движения в арабских странах потребовала от А.Шами изучения характера, форм и механизма функционирования созданной западными державами на Арабском Востоке колониальной системы.

Во второй опубликованной статье А.Шами «Военная опасность в арабских странах»[32] рассматривался процесс трансформации британской колониальной политики от военно-силового к замаскированному косвенному присутствию посредством привлечения на свою сторону представителей туземной феодально-бюрократической верхушки.

В дальнейшем в центре научных изысканий А.Шами был Египет. Этот выбор был во многом детерминирован распространенным в конце 20-х годов в востоковедных кругах мнением о том, что Египет из-за особой остроты социально-классовых противоречий являлся потенциальным центром революционной борьбы на Арабском Востоке[33].

Освоению египетской тематики содействовала командировка А.Шами вместе с арабским коммунистом Юсуфом Ибрагимом летом 1927 г. по линии Коминтерна в Египет. В течение года А.Шами находился в Египте на нелегальном положении под именем Габали. Он участвовал в работе Коммунистической партии Египта[34].

Наряду с партийной деятельностью А.Шами изучал политическую обстановку в Египте. Он установил контакты с представителями различных политических партий: «Вафд», Либерал-конституционалистов, «Иттихад», «Хизб аль-Ватан».

В конце 1928 г. А.Шами и ряд других коммунистов были арестованы по обвинению в подрывной деятельности. Всем им грозило пожизненное тюремное заключение. Однако усилиями Советского правительства удалось обменять А.Шами и его това-

рищей на нескольких английских подданных, задержанных в Москве по аналогичным мотивам.

12 декабря 1928 г. группа коммунистов, в которую вошел А.Шами, была отправлена теплоходом из Александрии в Одессу.

По возвращении в Москву А.Шами возобновил работу в ИККИ.

Своими оценками обстановки в Египте в конце 20-х годов А.Шами поделился на страницах «Коммунистического Интернационала» (1927, № 29) в большой статье «Англия и Египет (К итогам англо-египетского конфликта)». Использовав интересные статистические данные (к сожалению, автор не указал их источник), А.Шами проследил процесс экономического и политического закабаления Египта Англией. Была показана роль Египта как источника хлопка, важного рынка сбыта товаров и сферы помещения капиталов. Особое значение Египта в ближневосточной стратегии Великобритании определялось, по мнению автора, наличием на его территории Суэцкого канала, расположенного на «великом имперском пути» из Средиземного моря в Индийский океан. Именно для обороны этого пути англичане активно содействовали созданию в Египте современной инфраструктуры, строительству военных аэродромов и морских портов.

С другой стороны, как подчеркивалось в статье, из-за сравнительной хозяйственно-экономической развитости Египта, его «чрезмерной культурности», наличия в нем достаточно влиятельного национального движения, питаемого развитым национальным чувством, Англия не могла ощущать себя там в безопасности. Именно этим объясняется то, что с середины 20-х годов XX в. она стала переходить к экономическому и военно-политическому освоению Судана, создавая как бы «второй эшелон» своего присутствия на Ближнем Востоке.

Значительное место в статье было уделено социальным последствиям насаждавшейся Англией в Египте и Судане хлопковой монокультуры – массовому разорению крестьянства.

В целом данная статья отличалась большей объективностью по сравнению с предыдущими работами А.Шами. Показательно, что в ней автор, несмотря на приверженность коминтерновским принципам, достаточно трезво оценил политические потенции египетского рабочего класса. Он писал, что распыленность египетского рабочего класса и отсутствие зрелого революционного руководства ослабляли политический потенциал египетского пролетариата. По мнению А.Шами, «крестьянство из-за аморфности и неорганизованности вообще не было способно на самостоятельные политические действия». В связи с этим при-

знавалось, что фактическим руководителем освободительного движения в Египте на том этапе были буржуазные националисты. На левом фланге национальной египетской буржуазии находилась партия «Хизб аль-Ватан» («Партия Отечества»), представленная «интеллигенцией» (в особенности студенческой), мелкой буржуазией, в меньшей степени – рабочими и феллахами. Эту партию, девизом которой было «Никаких переговоров с англичанами, пока они не эвакуируются из Египта», А.Шами определял как наиболее непримиримую к англичанам. В идеологическом плане «Хизб аль-Ватан», по мнению А.Шами, представляла собой «конгломерат... египетского народничества, остатков панисламизма, некоторого туркофильства».

Как наиболее влиятельную в политической жизни Египта А.Шами справедливо называл партию «Вафд»[35]. Оценивая социальный состав этой партии, А.Шами отмечал, что «наряду с крупными землевладельцами в ней имелись и феллахи, и ремесленники, и купцы, и интеллигенция, и промышленная буржуазия... но опорой были середняцкие и зажиточные слои крестьянства и зажиточная городская демократия».

На правом фланге египетского политического спектра А.Шами расположил партию Либеральных конституционалистов («Ахрар Дустури»)[36], объединившую крупных земельных собственников, высшее чиновничество и компрадорскую буржуазию, и партию «Иттихад» («Единение»), представленную традиционной феодальной аристократией, крупными торговцами и высшей бюрократией. Эти партии стабильно занимали антинациональные проимпериалистические позиции. Им покровительствовали англичане и египетский король Фуад, гротескно описанный А.Шами.

Отмечая неэффективность египетского парламента, А.Шами вместе с тем рассматривал его как механизм «вовлечения в политическую жизнь масс».

Правительство Египта являлось, как считал А.Шами, своеобразным буфером, подвергаясь нападкам как со стороны «полновластного английского верховного комиссара, так и фрондирующего, но робкого парламента».

На ту же тему англо-египетских отношений в 1928 г. была написана другая статья А.Шами – «К разрыву англо-египетских переговоров»[37]. В ней излагалась история англо-египетских отношений начиная с момента объявления английского протектората над Египтом в 1914 г.

Работа в Восточном секретариате ИККИ сблизила А.Шами с коммунистами из других стран Востока, как арабских, так и неарабских. Поскольку перед странами Востока стояли схожие

задачи, связанные прежде всего с достижением политической независимости и преодолением социально-экономической отсталости, А.Шами начал знакомиться с деятельностью коммунистов в этих странах. Особый интерес у него вызывало революционное движение в Турции, Китае и Индонезии. Вместе с представителями компартий афро-азиатских стран А.Шами непосредственно участвовал в разработке теоретического обоснования деятельности Коминтерна в странах Востока.

В ходе подготовки к VI конгрессу Коминтерна[38] ИККИ поручил А.Шами сделать сравнительный анализ общественно-экономического и социально-политического положения Турции, Сирии, Египта, Палестины с привлечением материалов по Латинской Америке, Марокко, Китаю, Индонезии и дать определение их революционного потенциала. Итогом этой работы стала большая статья «Восток перед конгрессом Коминтерна»[39].

В 1928 г. в «Коммунистическом Интернационале» появилась работа А.Шами «Англия и Аравия»[40], что свидетельствовало о широте его научных интересов. В ней автор рассуждал о степени влияния узкопрагматических интересов таких арабских лидеров, как правитель Неджда Ибн Сауд, шериф Хиджаза Хусейн, его сыновья – правители Ирака и Иордании Фейсал и Абдалла, на характер и направление развития арабского национального движения. Ваххабизм Ибн Сауда А.Шами считал «орудием политической централизации Аравии», не имевшим ничего общего с арабским национальным движением.

Анализ обстановки в Йемене подвел А.Шами к весьма продуктивному выводу о значительной специфике этого района Аравии и особой роли Йемена в арабском национальном движении.

В мае 1929 г. А.Шами обратился к педагогической деятельности. Он был принят на должность доцента в Коммунистический университет народов Востока (КУТВ), где стал читать для советских и иностранных слушателей курсы лекций по истории, экономике и национально-освободительному движению в арабских странах, по истории Коминтерна.

В КУТВе А.Шами работал вместе со ставшими впоследствии известными востоковедами Б.З.Шумяцким (ректором КУТВа), А.А.Губером, Е.Д.Поливановым, Г.Н.Войтинским, И.И.Потехиным, А.М.Дьяковым и др.

В июне 1929 г. А.Шами приняли в Научно-исследовательскую ассоциацию (НИА) КУТВа. Его работы стали регулярно публиковаться в журнале «Революционный Восток». Только в 1929 г. там появилась целая серия статей А.Шами по египетской тематике[41]. Тогда же отдельной брошюрой вышла его работа «Коммунистическая партия Египта»[42].

В своих статьях А.Шами анализировал политическую ситуацию, создавшуюся в Египте после падения 18 июля 1928 г. вафдистского правительства Наххас-паши, когда было сформировано реакционное правительство, возглавляемое лидером либерал-конституционалистов Мухаммедом Махмудом.

По оценке В.Б.Луцкого, подобные работы А.Шами представляли собой «прекрасные очерки социально-экономической и политической жизни современного Египта и служили образцом того, как нужно делать массовую литературу о колониальных странах»[43].

Постепенно научная и преподавательская деятельность превратилась в основное занятие А.Шами. С сентября 1929 г. он начал также публиковаться в издаваемом Международным аграрным институтом (МАИ) журнале «Аграрные проблемы». Здесь А.Шами весьма пригодились знания, полученные в Одесском сельскохозяйственном институте.

В МАИ существенно расширился круг знакомств А.Шами в среде востоковедов. Среди тех, кто стали не только его коллегами, но и товарищами, можно назвать С.М.Дубровского (заместителя директора МАИ), И.М.Рейснера (заведующего отделом Востока и колоний), Р.А.Ульяновского (заместителя заведующего отделом Востока и колоний).

Как вспоминал Р.А.Ульяновский[44], А.Шами всегда был активным участником проходивших в стенах МАИ дискуссий по аграрным проблемам в странах Востока. «Его выступления и статьи отличались четкостью, содержательностью, уникальностью используемого им фактического материала». (Из беседы с Р.А.Ульяновским.)

Статьи А.Шами по аграрному строю арабских стран, основанные на редких и интересных источниках и выполненные на достаточно высоком исследовательском уровне, явились значительным вкладом в теоретическую разработку аграрных проблем на Востоке. Некоторые из этих работ А.Шами не утратили научной ценности вплоть до настоящего времени. В научных кругах в 30-е годы за А.Шами прочно закрепилась репутация «сильного аграрника».

Одной из наиболее интересных работ А.Шами по аграрной тематике, вызвавшей отклики в востоковедной среде, была напечатанная в 1929 г. в журнале «Аграрные проблемы» большая статья «Арабское восстание в Палестине и еврейская сельскохозяйственная колонизация»[45]. Эта работа, как отмечалось в ее введении, ставила своей целью «установить социально-политическую природу еврейской колонизации; показать, как отразилась эта колонизация на экономическом положении туземного

крестьянства; вскрыть социальные отношения, установившиеся между колонистами и феллахами; выявить наше отношение к национально-классовой борьбе в палестинской деревне».

В этой работе, пожалуй, впервые в советской публицистике была всесторонне рассмотрена история еврейской колонизации Палестины, вскрыт ее политический характер. А.Шами убедительно показал экономические и социально-политические корни арабо-еврейского антагонизма. Так, в статье отмечалось, что «арабо-еврейские конфликты в Палестине являлись переводом земельных отношений на язык политики». Антиеврейские настроения и акции палестинских феллахов были, по мнению автора, обусловлены не религиозными чувствами, а тем, что «еврейские колонисты сгоняли их с насиженных земель».

Особое внимание А.Шами уделил характеру и формам связи английского империализма и сионистских колонистов. Показательно, что уже в конце 20-х годов А.Шами выявил наметившуюся в сионистских кругах тенденцию к обособлению своих интересов от английских и стремление к отказу от односторонней ориентации на Англию.

Следует отметить, что в контексте общетеоретической дискуссии о характере и движущих силах национально-освободительного движения на Востоке, проходившей на страницах журнала «Революционный Восток», вопрос о значении палестинского восстания 1929 г. был чрезвычайно актуален. Выводы А.Шами оспаривал Надаб[46].

Возникла полемика. Казалось бы, разногласия между ними касались определения палестинской революции, а по сути речь шла о различных оценках содержания освободительной борьбы в Палестине и расстановки классовых сил в ней. А.Шами доказывал, что палестинское восстание в августе 1929 г. являлось антиимпериалистической и антифеодальной революцией, призванной одновременно решить проблему достижения политической независимости Палестины и вопрос ликвидации феодальных отношений в деревне. Гегемоном этой революции, как считал А.Шами, был палестинский рабочий класс. Что же касается национальной буржуазии, то она, перейдя на позиции «соглашательства с империалистами», предала национальные интересы страны.

Надаб оценивал ситуацию в Палестине несколько иначе. Он полагал, что августовским восстанием руководили палестинские буржуазные националисты и направлено оно было прежде всего на решение насущной задачи – «уничтожение господства английских и сионистских колонизаторов». Решение аграрного вопроса, как считал Надаб, должно было осуществиться после достижения национальной независимости в ходе национально-демократической революции[47].

Интересно, что, несмотря на непримиримость некоторых теоретических позиций А.Шами и Надаба, в жизни они были на редкость дружны. Р.А.Ульяновский, долгие годы знавший обоих, отмечал, что «это был симбиоз двух совершенно разных по облику, характеру и темпераменту людей, которые гармонично дополняли один другого».

«А.Шами был брюнетом с выразительными карими глазами, светящимися голубизной, с прической "ежиком". Он был высоким, худощавым, всегда подтянутым, скромно, но безукоризненно одетым. Его отличала сдержанность, строгость к себе и окружающим. Он являл собой яркий пример партийца, фанатично преданного коммунистической идее».

«Невысокий, полноватый, небрежно одетый и несколько развязный, импульсивный, вечно суетящийся, не в меру словоохотливый Надаб был полной противоположностью А.Шами».

Вокруг вопроса о характере августовского восстания 1929 г. в Палестине А.Шами скрещивал теоретические копья с другим своим товарищем, востоковедом и деятелем компартии Палестины В.Абузямом, который видел в палестинском восстании исключительно антианглийскую направленность[48].

Другой дискуссионной проблемой тех лет, остро волновавшей и А.Шами, был вопрос о социально-экономических последствиях вторжения Запада в страны Востока. Эта проблема обсуждалась в связи с общетеоретической дискуссией об азиатском способе производства[49].

Свой взгляд на воздействие английской колониальной державы на экономику порабощенных стран А.Шами изложил в статье «Аграрный кризис и крестьянское движение в Египте»[50]. В ней на примере Египта были проанализированы катастрофические последствия для египетской экономики начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса.

В статье аргументированно критиковались взгляды ряда буржуазных западных и египетских авторов, объяснявших причины аграрного кризиса в Египте отставанием экономического развития страны от быстро растущего населения, а также естественным падением плодородия почв, дроблением крестьянских хозяйств и т.д.

Той же проблематике была посвящена другая работа А.Шами – «Революционный подъем в Египте»[51]. В ней автор увидел непосредственную связь между мировым кризисом 1929 г. и июльскими волнениями в Египте в 1930 г. «Нерешенность аграрно-крестьянского вопроса, засилье британского империализма во всех сферах египетского общества, усугубленные мировым кризисом, – писал Шами, – вызвали в египетском обществе брожение, чреватое социальной революцией».

Материалы А.Шами по колониальной политике империалистических государств на Востоке нередко помещались на страницах газеты «Правда»[52].

В 1930 г. А.Шами перешел на работу в Московский институт востоковедения им. Н.Н.Нариманова[53]. Там он начал читать лекции по арабской истории и возглавил кафедру арабского страноведения. В МИВе А.Шами работал бок о бок с такими востоковедами, как М.М.Аксельрод, Х.З.Габидулин, В.Б.Луцкий, И.М.Рейснер, Р.А.Ульяновский и многие другие.

Особенно близкие отношения, как отмечалось ранее, существовали у А.Шами с В.Б.Луцким. Оба они были глубоко убеждены, что в целях освобождения арабских народов от колониального и социального гнета советские ученые должны прежде всего заниматься исследованием вопросов освободительного движения в арабских странах[54].

Однако было бы неверным полагать, что взгляды А.М.Шами и В.Б.Луцкого полностью совпадали. Их беседы на политические и научные темы нередко переходили в ожесточенную полемику, особенно когда речь шла о характере и движущих силах национально-освободительных движений на Арабском Востоке. Кроме того, уже в те годы наметились существенные различия в исследовательской методике и научном инструментарии А.Шами и В.Б.Луцкого. Присущий А.Шами приоритет политических соображений над научными неминуемо обусловливал прагматизм и конъюнктурность его воззрений.

В.Б.Луцкого же отличали феноменальная научная интуиция и добросовестность, щепетильное отношение к первоисточникам, глубокое знание мировой востоковедной литературы.

Понятно, что научно обоснованные выводы В.Б.Луцкого далеко не всегда соответствовали взглядам А.Шами. Сам В.Б.Луцкий, благоговевший перед А.Шами и считавший его своим идейным учителем, признавал, что А.Шами не был ученым в полном смысле этого слова[55].

1930 год существенно изменил жизнь А.Шами. Он женился на Софии Эммануиловне Рогинской, с которой уже не расставался до последних дней своей жизни[56]. Они познакомились на пароходе, направлявшемся в декабре 1930 г. из Александрии в Одессу.

Первоначально А.Шами и С.Рогинская поселились в московском квартале для политэмигрантов Лоскотке, недалеко от театра им.Ермоловой[57].

В Москве С.Рогинская училась в КУТВе, куда была принята по рекомендации Восточного секретариата ИККИ. Одновременно она поступила в аспирантуру МИВа.

Супруги жили в согласии. Их отношения отличались взаимопониманием, уважением и предупредительностью. Они никогда не ссорились и не повышали друг на друга голос. Вместе с тем, как казалось А.Л.Львовой, их семейный союз основывался не столько на пламенной любви, сколько на идейном единстве. Оба они были одержимы идеей мировой революции, и политическая деятельность поглощала практически всю их интеллектуальную и эмоциональную энергию.

Ко всему, что не было связано с политикой, они относились с подчеркнутым равнодушием. Это касалось и собственного здоровья. Вместе с тем оба они были на редкость открытыми, располагающими к себе, обаятельными и коммуникабельными людьми. Беседа с ними могла доставить истинное наслаждение. А.Шами был непревзойденным рассказчиком. Он буквально завораживал слушателей тонким чувством юмора, изысканностью и яркостью языка. Говорил он со слегка заметным французским акцентом. Речь его изобиловала латинскими и французскими афоризмами, пословицами и выражениями. Вообще французским языком А.Шами владел блестяще и легко переходил в разговоре с русского на французский и наоборот.

Образ жизни семьи А.Шами поражал и восхищал их ближайших друзей, также отнюдь не отличавшихся склонностью к материальному комфорту. В.Б.Луцкий, старавшийся во всем подражать А.Шами, до конца жизни сохранил нелюбовь ко «всяким буржуазным излишествам», вроде люстры и занавесок на окнах.

Общественная и научная деятельность целиком поглощала интересы А.Шами и С.Рогинской. У них не было хобби. Они практически не читали художественную литературу, не ходили в театры, кино и пр. Показателен случай, о котором рассказала А.Л.Львова. Оставшись как-то ночевать у них, А.Шами наутро имел весьма усталый и разбитый вид. Когда же его спросили о причине этого, то он простодушно ответил, что зачитался до утра безумно интересной книгой и что даже не подозревал о существовании на свете такой интересной литературы. Той книгой были «Три мушкетера» А.Дюма.

Вполне объяснимо, что все, отодвинутое в даль нашей памяти, невольно приобретает несколько возвышенные черты. Желая избежать идеализации такой безусловно незаурядной личности, какой был А.Шами, заметим, что он не был свободен от некоторых качеств, серьезно осложнявших его жизнь.

А.Шами был редкостным спорщиком, нетерпимым к мнению оппонента. Он отличался большим искусством плетения интриг. Если А.Шами вступал в дискуссию, это неминуемо превращало

ее в склоку. Его скандальный нрав стоил ему выговора, вынесенного Интернациональной Контрольной Комиссией в начале 1930 г. «за склоку в палестинской компартии»[58].

В 1931 г. у А.Шами и С.Рогинской родился сын, которого они в честь Мартина Идена назвали Мартыном. Появление ребенка благотворно отразилось на характере А.Шами. В нем открылись такие, казалось бы, невероятные для его склада качества, как заботливость и нежность. Когда речь заходила о Мартышке (так А.Шами называл сына), его суровый, стальной взгляд сразу смягчался, в глазах появлялась «лукавинка» и детская непосредственность. А.Шами любил смешно изображать гримаски и лепетание сынишки.

В конце 1931 г. А.Шами был переведен на работу в Ленинградский восточный институт им. А.С.Енукидзе (ЛВИ)[59]. Сначала он возглавил кафедру колониальной экономики, а с 1932 г. после перехода ректора ЛВИ П.И.Воробьева на работу в Ученый Комитет ЦИК СССР, А.Шами в течение года исполнял обязанности ректора института. Впоследствии он заведовал кафедрой текущей политики.

На новой работе А.Шами основное внимание стал уделять теоретико-методологическим проблемам востоковедения, методике преподавания и составлению учебных пособий. Как отмечал советский востоковед А.Ф.Искандеров, именно «историку-арабисту А.М.Шами принадлежала заслуга разработки периодизации новой истории арабских стран»[60].

Итогом методической работы А.Шами в ЛВИ стал написанный и подготовленный им к изданию «Учебник по введению в изучение арабских стран» объемом в 20 авторских листов[61].

В ЛВИ А.Шами встретил немало востоковедов, знакомых по работе в Палестине и Коминтерне. Появились у него и новые коллеги и друзья. Среди тех, с кем работал А.Шами в Ленинграде, были академик И.Ю.Крачковский, профессора и преподаватели В.М.Алексеев, М.И.Амагаев, А.П.Баранников, Е.Э.Бертельс, Н.Н.Бронштейн, Б.А.Васильев, Н.И.Конрад, Н.Н.Поппе, К.В.Оде-Васильева и др.

Переезд в Ленинград не нарушил научных и политических контактов А.Шами с Москвой. Он систематически выезжал туда для чтения лекций в КУТВе, МИВе, Институте красной профессуры. Кроме того, А.Шами регулярно приглашали на заседания секции КПП в Восточном секретариате ИККИ. В Москве А.Шами, как правило, останавливался у Луцких или Аксельродов.

В Ленинграде А.Шами не оставил исследований по современному Египту. В 1931 г. отдельным изданием вышла его работа «Египет»[62], в которой он попытался подвести итог своим за-

нятиям этой страной. «Египет» А.Шами представлял собой одну из первых в советском востоковедении попыток комплексного марксистского анализа египетского общества. Однако и здесь не могла не проявиться приверженность автора коминтерновским идеологическим схемам, что сказалось на теоретической несостоятельности этой работы.

В 1931 г. к А.Шами обратилась редакция Большой Советской Энциклопедии с просьбой написать развернутый очерк об Египте[63]. В 1932 г. в 24-м томе БСЭ был помещен «Очерк новейшей истории Египта»[64], представляющий собой опыт марксистского анализа истории Египта с конца 70-х годов XIX в. до 1930 г. Эта статья являлась прекрасной иллюстрацией постоянного противоборства в А.Шами ученого и политика. Работа носила противоречивый характер. Объективный анализ социально-экономических процессов в Египте, основанный на исследованиях ведущих востоковедов начала XX в. Ф.Ротштейна и Х.Кона[65], сочетался в ней с оторванными от жизни политическими утопиями.

Историю Египта XIX в. А.Шами изложил под углом зрения национально-освободительного движения. Автор предложил оригинальную периодизацию этого движения.

Начало революционного подъема в Египте А.Шами связывал с именем Салима Наккаша, идеолога движения «Миср ли-ль-Мисриин» («Египет для египтян»), кульминацией которого стало восстание 1882 г. под руководством Араби-паши. Это восстание, по мнению А.Шами, было «первым проявлением борьбы масс за национальное самоопределение... и буржуазно-демократические преобразования».

Подъем национального движения в Египте в конце 90-х годов XIX – начале XX в., обеспечивший наивысшую общественно-политическую активность мелкобуржуазной партии «Хизб аль-Ватан», возглавляемой Мустафой Кямилем, А.Шами выделил во второй этап национально-освободительной борьбы египетского народа.

Ее третий этап начался с первой мировой войной и продолжался до общенационального восстания 1919 г., которое А.Шами называл революцией.

Выход на арену египетской политической жизни партии «Вафд» под руководством Саада Заглула позволил А.Шами выделить четвертый этап национально-освободительного движения, который завершился с превращением «Вафд» в правящую партию в 1924 г.

Начиная с 1925 г., по мнению А.Шами, начался пятый этап египетского национально-освободительного движения, характерными особенностями которого он считал «переход Вафд на ре-

формистские, антинациональные, примиренческие позиции и начало завоевания египетским рабочим классом гегемонии в национальном движении».

Непропорционально большое место в очерке было отведено истории египетского рабочего и коммунистического движения.

Сразу после переезда в Ленинград семья Шами поселилась в малопригодной для жизни комнате, находящейся в здании, одну половину которого занимал ЛВИ, а другую – рабфак народов Севера. Комната была разделена фанерной перегородкой на две части. Как и в московском жилище А.Шами и С.Рогинской, здесь не было никакой мебели, за исключением кроватки Марика. По-прежнему отсутствовали люстра, занавески на окнах, столовые приборы и посуда. Несмотря на убогость жилищных условий, дом А.Шами практически всегда был плотно заселен: помимо хозяев там регулярно проживал кто-то из их многочисленных друзей. Спали на раскладушках и просто на полу.

А.Шами не терпел, когда кто-нибудь из гостей вносил диссонанс в их нарочито аскетическую жизнь. А.Л.Львова вспоминала, что как-то раз кто-то пришел в дом Шами в шубе. Этот факт привел хозяина в неописуемую ярость. Схватив этот «буржуазный пережиток» и бросив его на пол, он долго его топтал, а затем демонстративно улегся на нем спать.

В начале 1934 г. из Палестины в Ленинград приехал сын С.Э.Рогинской от первого брака Соломон. Увеличившаяся семья Шами переехала в дом № 15 в Максимилиановском переулке. Они заняли две комнаты в большой коммунальной квартире. Среди их соседей были семьи профессора философии Ленинградского железнодорожного института Н.Н.Бронштейна, сотрудника ЛВИ А.В.Башкирова и др. Соседи жили дружно, как одна большая семья[66].

Особенно частыми гостями в дома Шами были К.В.Одер-Васильева[67], А.Л.Львова и некоторые другие. Из воспоминаний А.Л.Львовой об этом периоде жизни семьи Шами следовало, что единственной материальной ценностью в квартире были книги, которыми было завалено буквально все свободное пространство.

Исполняя обязанности ректора института, А.Шами немало способствовал его преобразованию. Так, в ноябре 1932 г. он подписал приказ по ЛВИ о введении на 3-м и 4-м курсах общественно-политического факультета и факультета внешней торговли специальных курсов по истории, экономике восточных стран, внешнеэкономическим связям – машиноэкспорту, лесоэкспорту, транспорту, резиноэкспорту, нефтеэкспорту, по международному праву, переводу с восточных языков на русский и наоборот, по планово-экономической деятельности. Вводилась также обязательная производственная практика для студентов[68].

Как вспоминали некоторые востоковеды, учившиеся в ЛВИ в начале 30-х годов[69], А.Шами пользовался авторитетом среди коллег и студентов института. Он был строгим и требовательным к себе и людям человеком. Для молодежи он был почти легендарной личностью. Его считали руководителем компартии Палестины, приговоренным английскими властями к смертной казни.

Хотя в целом отношения А.Шами и С.Рогинской с окружавшими их в институте людьми были ровными, идейно-политическая атмосфера тех лет не могла не внести в них ряд негативных моментов. На памяти студентов был затяжной конфликт А.Шами с проректором института Сокольским, что проявлялось во взаимных публичных обвинениях, восходящих еще к палестинскому периоду их совместной деятельности.

Революционное прошлое А.Шами и С.Рогинской использовалось их недругами в институте для создания атмосферы подозрительности и в отношении их. Так, А.С.Кауфман[70], возглавлявший в 1934–1936 гг. комсомольскую организацию ЛВИ, вспоминал, что среди студентов института ходили упорные слухи об имевшихся якобы в прошлом связях А.Шами с английской разведкой.

Несмотря на занятия административной, учебно-методической и общественной деятельностью, А.Шами находил время для исследовательской работы в области новейшей истории Египта. С 1933 г. он начал планомерно работать над докторской диссертацией на тему: «Империализм и экономическое развитие Египта»[71]. Некоторые выводы, к которым пришел А.Шами в ходе работы над диссертацией, были изложены им в статье «Аграрный кризис в Египте»[72].

В этой работе А.Шами с позиций марксистской методологии постарался вскрыть причины поразившего в начале 30-х годов экономику Египта кризиса. В отличие от западных исследований, объяснявших экономическую катастрофу в Египте временным нарушением на рынке страны баланса спроса и предложения товаров, А.Шами на основе обширного фактического материала попытался показать, что кризис в Египте стал следствием прежде всего зависимого положения страны в системе мирового хозяйствования Англии.

Другим тормозом поступательного экономического развития Египта А.Шами справедливо считал господство крупного феодального землевладения в деревне, вызвавшее колоссальное по масштабам обезземеливание феллахов.

Интересовали А.Шами и военно-политические методы подавления империалистическими державами национально-освободительного движения в арабских странах. Этой теме А.Шами

планировал посвятить специальную монографию, которой также не суждено было увидеть свет.

В 1934 г. А.Шами был избран заместителем председателя Ассоциации арабистов, возникшей в том же году в рамках Института востоковедения АН СССР. В Ассоциации А.Шами работал под непосредственным руководством ее председателя акад. И.Ю.Крачковского. Их отношения строились на взаимном уважении[73].

На первой сессии арабистов[74], проходившей с 14 по 17 июня 1935 г. в Ленинграде, А.Шами выступил с докладом «О периодизации новой истории арабских стран», имевшим значение для дальнейшего изучения арабской истории. При этом А.Шами исходил из констатации неразрывной связи истории метрополий и колониальных стран, полемизируя тем самым с дискуссионным тезисом об особом пути развития стран Востока. В частности, он отмечал: «Историческое развитие колониальных стран, конечно, отличается рядом специфических особенностей от развития капиталистического хозяйства – на то они и колонии, но оно является частью исторического развития капиталистического мира в целом». Исходя из такой посылки, А.Шами счел правомерным применение периодизации европейских капиталистических стран к Востоку.

Механически используя ленинскую периодизацию истории[75], А.Шами выделил три периода в новой истории арабских стран. Первый из них (1789–1871), по мнению А.Шами, характеризовался «частичным подчинением или открытым захватом ряда арабских стран (захват Алжира в 1830 г., оккупация Сирии в 1860 г., частичное подчинение Египта [в 1882 г.]), большим или меньшим разложением феодальных отношений и созданием отдельных элементов капиталистического общества, массовыми стихийными возмущениями крестьянства против все усиливающегося гнета... (восстания в Сирии и Судане против Мухаммеда Али, крестьянская война в Ливане в 50-х годах), общенародным характером движения против иностранных захватчиков (война Абд эль-Кадера против французов)».

Второй период арабской новой истории (1871–1914) А.Шами характеризовал как «полное подчинение арабских стран и превращение их в империалистические колонии или полуколонии», формирование в более развитых странах, таких, как Египет, Сирия, Алжир и Тунис, национального движения, возглавляемого буржуазией, в известной мере уже сложившейся как класс.

Главное содержание третьего периода арабской истории (1914–1930) определяла, как принято было считать в марксистской историографии, Великая Октябрьская социалистическая

революция. Этот период характеризовался «борьбой двух систем, разлагающегося капитализма и побеждающего социализма... неслыханным усилением (в колониальных странах. – *Г.Е.*) национально-революционной борьбы, являющейся естественным союзником и составной частью мировой пролетарской революции». Арабское национально-освободительное движение рассматривалось А.Шами сквозь призму подобной глобальной конфронтации.

Каждый из этих крупных исторических периодов А.Шами, в свою очередь, разделил на ряд этапов в зависимости от характера взаимоотношений арабских стран с Западом. Стремление А.Шами выявить в арабской истории тенденции, аналогичные тем, что наблюдались в странах Запада, предопределило искусственность его построений и суждений. Это проявилось, в частности, в полном отождествлении содержания и значения деятельности Петра I для России и Мухаммеда Али для Египта.

Начало формационного отставания арабских стран, как и всего Востока, от стран Запада А.Шами однозначно связывал с проникновением в эти страны европейских колонизаторов. Он писал: «Ростки самостоятельного развития этих (арабских. – *Г.Е.*) стран были смяты европейским капитализмом, и процесс создания самостоятельных капиталистических государств сменился процессом подчинения и покорения их, задержки и уродования их хозяйственного, социального, политического и культурного развития».

Особое внимание А.Шами в своем докладе уделил изменениям в колониальной политике империалистических держав на Арабском Востоке, вызванным Октябрьской революцией.

Деление послеоктябрьского периода истории арабских стран на этапы в докладе А.Шами полностью соответствовало выводам VI конгресса Коминтерна о трех периодах всеобщего кризиса капитализма[76].

Значительная учебно-методическая и научно-исследовательская работа А.Шами в ЛВИ была оценена его коллегами по кафедре и руководством института. В июне 1934 г. кафедра колониальной экономики ходатайствовала перед Квалификационной комиссией Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР о присвоении А.М.Шами звания профессора[77].

Однако организаторские, исследовательские и педагогические способности А.Шами так и не раскрылись в полной мере. С начала 1935 г. он и его жена стали ощущать, что атмосфера подозрительности и враждебности вокруг них начала сгущаться. На первых порах это выражалось в прекращении практики пригла-

шения А.Шами на общесоюзные и общегородские партийные, профсоюзные и научные мероприятия, в снижении педагогической нагрузки в ЛВИ, в отказе ему в работе в различных учебных заведениях, где он прежде являлся совместителем. В течение года А.Шами и С.Рогинскую неоднократно вызывали в органы НКВД для выяснения их прошлых связей с поалейционистами.

Следует отметить, что аналогичному морально-политическому давлению в рассматриваемый период подверглись многие представители советской интеллигенции.

С возмущением и тревогой восприняла семья Шами известие об арестах по абсурдным обвинениям близких им людей, в партийной честности и человеческой порядочности которых они не сомневались[78]. В создавшейся обстановке А.Шами и С.Рогинская отчетливо почувствовали собственную незащищенность от подобной же трагической участи. Отчаянно пытаясь вырваться из сжимавшихся вокруг них тисков репрессивно-полицейской машины, они разрабатывали планы переезда в различные отдаленные районы страны, вроде Тянь-Шаня. Они предприняли уже первые практические шаги для этого: оформили сдачу квартиры, подали заявления на работе об увольнении и т.д. Однако в последний момент по необъяснимым причинам они отказались от этого замысла. Возможно, А.Шами и С.Рогинская все же в глубине души верили, что их преданность партии, революционной борьбе, «вождю всех времен и народов» защитит их от произвола. А может, напротив, они поняли бессмысленность попыток избежать занесенного над их головами истребляющего меча.

Таким образом, А.Шами и С.Рогинская стали жертвами обрушившейся на страну в 1935 г. после убийства С.М.Кирова новой мощной волны репрессий. Массовым арестам в тот период подверглись прежде всего бывшие идейные противники И.В.Сталина, партийцы, обладавшие большим политическим опытом, чьи позиции, взгляды, высказывания не соответствовали укреплению авторитаризма в стране. По указке сверху органами НКВД были «раскрыты» так называемые враждебные центры: «ленинградский», «московский», «антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский», «параллельный антисоветский троцкистский центр» и др.

Наряду с крупнейшими деятелями ВКП(б) и международного коммунистического движения, работавшими вместе с В.И.Лениным и представлявшими тогда высший эшелон партийно-государственной власти, пострадали многие коммунисты среднего и низшего управленческих звеньев. Массовой чистке подверглись учреждения, имевшие контакты с заграницей. Это прежде всего Исполком Коминтерна, МАИ, КУТВ и ряд других.

В этот период были арестованы практически все товарищи А.Шами по работе в ИККИ. Тот факт, что тогда репрессии не затронули А.Шами, вызвал, как вспоминал Р.А.Ульяновский, недоумение у его арестованных друзей.

Однако отсрочка расправы над А.Шами и его женой была недолгой. Преследования на работе становились все более неприкрытыми и наступательными. Они постоянно ожидали ночного стука в дверь. У каждого был собран чемодан с вещами. А.Л.Львова рассказывала, что С.Рогинская договаривалась с нею и другими близкими людьми о том, чтобы позаботились о детях в случае их ареста. Жизнь превратилась в мучительную психологическую пытку.

В конце 1935 г. в ЛВИ началась очередная чистка, в ходе которой «чужаками, классовыми врагами, обманным путем проникшими в партию», были названы многие коллеги и друзья А.Шами и С.Рогинской по институту. Они были исключены из партии и уволены с работы.

А.Шами и С.Рогинская восприняли этот фарс как зловещую прелюдию к собственным злоключениям, которые действительно не заставили долго себя ждать.

В начале января 1936 г. в газете ЛВИ «За большевистские кадры» была помещена статейка под псевдонимом Сиг «С врагами партии быть беспощадными»[79]. Она призывала к исключению С.Рогинской из партии за ее «контрреволюционное» прошлое. Автора этого пасквиля не смущала полная бездоказательность столь чудовищных обвинений. Он не утруждал себя «неудобными» нравственными критериями.

Вскоре после публикации этой статьи стали раздаваться обвинения в антипартийной деятельности в адрес А.Шами.

В феврале 1936 г. в ЛВИ прибыла специальная комиссия под председательством Пятницкого и помощника заведующего политико-административным отделом ЦК ВКП(б) Пирогова. На рассмотрение этой комиссии были представлены материалы[80], искажавшие политические биографии А.Шами и С.Рогинской. При участии этой комиссии в ЛВИ был разыгран типичный для того времени обвинительный спектакль, в котором ответчик был лишен голоса и права на защиту. Подвижническая жизнь и деятельность А.Шами и С.Рогинской была поставлена им в вину. То, что раньше вызывало всеобщее восхищение и одобрение, теперь осуждалось. Все обвинения прямо или косвенно связывались с фактом принадлежности А.Шами и С.Рогинской в начале 20-х годов к партии «Поалей-Цион». В расчет не было принято самоотверженное служение ВКП(б) и арабскому коммунистическому движению. Их обвиняли в непрекращавшемся сотрудничестве с сионистами и их английскими покровителями.

Комиссия Пятницкого по завершении этой комедии направила отчет в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР Вагнеру. В нем сообщалось о «раскрытии в ЛВИ руководимой А.Шами спаянной группы бывших сионистов, проникших в институт в период ректорства А.Шами».

Творцов этого отчета абсолютно не заботило несоответствие между данной негативной характеристикой А.М.Шами и прошлыми высокими оценками его личных и деловых качеств. А.М.Шами характеризовался как «бесталанный руководитель, разваливший работу института и кафедры, необязательный, бездушно-бюрократический человек». Муссировалось и его мелкобуржуазное происхождение. Научные воззрения А.М.Шами безапелляционно объявлялись оппортунистическими. Для этого была использована обычная рецензия на одну из статей А.Шами, представленная одной из кафедр КУТВа в июне 1933 г. В отзыве, в частности, говорилось о завышении А.Шами степени развития капитализма в сельском хозяйстве Египта и размаха египетского национально-освободительного движения и игнорировании феодальных пережитков[81]. Это замечание, носившее чисто научный характер, было использовано для политических обвинений в адрес А.Шами.

С.Рогинская, в свою очередь, обвинялась в буржуазном происхождении, в участии в 1920 – 1922 гг. в культурно-просветительских еврейских националистических организациях в Харькове. С.Рогинскую также обвиняли в связях с международными сионистскими центрами.

Отягощающим фактом для С.Рогинской являлась рекомендация, данная для вступления ее в ВКП(б) И.Бергером, в январе 1935 г. исключенным из партии и осужденным за «контрреволюционную работу».

На основании подобных «неопровержимых улик антипартийного поведения» А.Шами и С.Рогинская были исключены из партии на партийном собрании ЛВИ, состоявшемся в конце января 1936 г.

Затем последовало их увольнение из института. Согласно приказу от 5 апреля 1936 г. за подписями директора института М.И.Амагаева и ответственного секретаря института Рачковского А.Шами и С.Рогинская освобождались от занимаемых должностей «не столько в связи с исключением из ВКП(б), сколько потому, что их дальнейшее пребывание в институте было нежелательно в связи с их ролью в группировке бывших сионистов»[82].

Симптоматично, что в другой газетной статье под названием «За чистоту партийных рядов» (под псевдонимом Денис), также опубликованной на страницах газеты «За большевистские ка-

ры», содержалась совершенно иная версия причин исключения А.Шами из партии и увольнения его из института.

Подобные газетные «шедевры», неотделимые от общественно-политической атмосферы тех лет, шокируют современного читателя своей идейной примитивностью и подобострастием перед партийными лидерами. Для иллюстрации приведем выдержки из «произведения» «Дениса». «Двенадцать лет тому назад любимый вождь мирового пролетариата тов. Сталин у гроба Владимира Ильича дал пламенную клятву держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии... Шами исключен из рядов ВКП(б) как не оправдавший великого звания члена партии, как не выполнивший авангардной роли коммуниста на тех участках, где он работал»[83]. Далее следовало положение о том, что А.Шами, организаторские и пропагандистские способности которого до этого неоднократно восхвалялись, «не умел вести ясно и четко по-большевистски партийную пропаганду в массах».

Исключение из партии явилось жестоким ударом для А.Шами и С.Рогинской. Ведь ничего более важного, чем партия, для них просто не существовало. Ею они жили, ей служили, во имя ее они готовы были идти на любые лишения и даже смерть. Отлучение от партии было для них равносильно гражданской смерти.

Однако подобно миллионам советских людей А.Шами и С.Рогинская не могли постичь сущность разворачивавшейся вокруг них социально-политической и моральной драмы, имя которой – сталинизм. Чудовищную несправедливость по отношению к себе они пытались объяснить каким-то роковым стечением обстоятельств, происками врагов и провокаторов, окопавшихся в местных органах власти. Сталин и его ближайшее окружение оставались для них высшими символами партии, воплощением справедливости и непогрешимости. Они боготворили Сталина и наивно верили в его неосведомленность о творимых в стране беззакониях. В этом заключался трагический феномен целого поколения коммунистов-сталинистов, которые, даже идя на смерть от рук сталинских палачей, умирали с верой в Сталина.

После январской драмы семья Шами стала вести замкнутый образ жизни. Они перестали общаться со знакомыми, даже с самыми близкими им людьми. Их поддерживала только надежда на то, что в скором времени «наверху» разберутся и пересмотрят позорящее их решение. А.Шами и его жена ходили по различным партийным инстанциям Ленинграда, писали туда многочисленные письма, в которых доказывали абсурдность выдвинутых против них обвинений.

Моральная драма усугублялась материальными трудностями. Лишившись зарплаты, они фактически оказались обреченными

на полунищенскую голодную жизнь, поскольку никаких сбережений и ценностей у них не было. На первых порах они распродали все свои мало-мальски приличные вещи, но вырученных от этого денег хватило ненадолго. Свести концы с концами им помогла их домработница П.И.Крылова. Она не только не оставила семью Шами, но, устроившись работать на завод, отдавала им всю свою зарплату.

Проблеск надежды появился у Шами в марте 1937 г., когда академик И.Ю.Крачковский пригласил его на работу в заведуемый им Арабский кабинет Института востоковедения АН СССР. По ходатайству И.Ю.Крачковского перед директором ИВ АН СССР академиком А.Н.Самойловичем А.М.Шами с 22 марта 1937 г. был зачислен на должность и.о. старшего научного сотрудника Арабского кабинета[84].

А.Шами ухватился за предоставившуюся возможность социального возрождения с отчаянием обреченного. Он с головой ушел в научную работу, возобновил диссертационные изыскания. В библиотеках и архивах он пытался найти убежище от навалившихся на его семью несчастий.

Увы, трагическая участь А.Шами и С.Рогинской уже была предрешена. Сталинско-ежовские приспешники лишь оттягивали момент окончательной расправы над ними.

2 сентября 1937 г. А.Шами был уволен из Института востоковедения. Как и в ЛВИ, формальным основанием для этого послужила сфабрикованная версия о «грубом нарушении трудовой дисциплины». При этом администрация Института даже не сочла нужным предварительно побеседовать с А.Шами и ознакомиться с его письменным объяснением[85].

Потрясенный очередной ложью, А.Шами подал на имя академика В.В.Струве заявление, в котором обстоятельно доказывал абсурдность предъявленных ему обвинений. В заключение он писал, что «приказ не соответствовал действительности и был вызван тем, что кто-то намеренно вводил дирекцию в заблуждение».

Нельзя в этой связи еще раз не воздать должное благородству и гражданскому мужеству академика И.Ю.Крачковского, проявленным в отношении А.Шами.

Прекрасно отдавая себе отчет в бессмысленности и небезопасности для себя протеста против ложных обвинений в адрес А.Шами, он, пожалуй, единственный среди руководителей и сотрудников Института востоковедения выступил тогда публично в его защиту[86]. Понятно, что самоотверженность, принципиальность и невиновность являлись весьма слабым аргументом в тогдашней обстановке тотального террора и надругательства над

человеческим достоинством, возведенных в ранг государственной политики.

Необоснованное увольнение А.Шами из Института востоковедения окончательно убило у него и его жены надежду на восстановление справедливости. Понимая свою обреченность, они с отчаянным напряжением стали ждать трагической развязки.

Это произошло в ночь с 1 на 2 февраля 1938 г. В квартиру Шами бесцеремонно явились два вооруженных существа в сером из тех, которые с леденящей душу привычностью ломали и коверкали жизни миллионов советских людей.

Детские обрывочные воспоминания сына А.Шами и С.Рогинской Мартына запечатлели лишь поспешные, но несуетливые сборы родителей, их быстрое прощание с детьми, последние наставления Прасковье Ивановне, обыск непрошеными визитерами личных вещей родителей и их казенные слова, брошенные на ходу ошеломленному происходящим мальчику: «Учи Ленина, не учи Троцкого». Видимо, это была дежурная фраза, годившаяся в любой аналогичной ситуации.

С тех пор А.М.Шами и С.Э.Рогинскую никто и нигде уже не видел.

Узнав об аресте А.Шами и С.Рогинской, их верные друзья М.М.Аксельрод, В.Б.Луцкий и К.В.Оде-Васильева мобилизовали все имевшиеся у них возможности и связи для выяснения их дальнейшей судьбы. Так, М.М.Аксельрод, долгие годы проработавший в советской разведке, ходатайствовал перед главой НКВД Н.И.Ежовым о более тщательном расследовании дел А.Шами и С.Рогинской. Однако в ответ М.М.Аксельрод услышал нецензурную брань шефа госбезопасности.

В марте 1938 г. арестовали и К.В.Оде-Васильеву. Как она вспоминала впоследствии, в течение ряда месяцев, проведенных в тюрьме, она подвергалась массированному психологическому давлению. Ее склоняли к даче ложных показаний против С.Рогинской, которую необходимо было «изобличить» в связях с сионистскими международными центрами. Но ни уговоры, ни открытый шантаж не заставили К.В.Оде-Васильеву оговорить С.Рогинскую.

Благодаря счастливой случайности К.В.Оде-Васильева была вскоре выпущена на свободу. После освобождения она предприняла новую попытку помочь своим друзьям. Она организовала коллективное обращение востоковедов в Ленинградское управление НКВД в защиту А.Шами и его жены.

После длительного томительного ожидания пришел ответ. В нем безжизненным канцелярским языком сообщалось, что А.Шами и С.Рогинская приговорены к 10 годам заключения в

лагерях строгого режима без права переписки. Надежды на спасение А.Шами и С.Рогинской больше не оставалось. Подобная формулировка, как выяснилось позднее, являлась эвфемизмом расстрела.

Лишь в 1989 г. удалось выяснить в Управлении КГБ по Ленинградской области официальную сторону трагедии. С.Э.Рогинская обвинялась по статьям 58.1(а) и 58.11 УК РСФСР в измене Родине и антисоветской деятельности. Сообщалось, что С.Э.Рогинская признала свою вину. Способы, какими в НКВД достигали подобных «раскаяний», не нуждаются в комментариях. 31 августа Комиссия НКВД СССР приговорила С.Э.Рогинскую к расстрелу. 11 сентября 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

А.М.Шами были предъявлены не менее нелепые обвинения по статьям 58.6 и 58.7 УК РСФСР во вредительстве и шпионаже в пользу английской разведки. А.М.Шами не признал себя виновным. 19 октября 1938 г. постановлением Особой тройки Управления НКВД по Ленинградской области он был приговорен к расстрелу. 30 декабря 1938 г. А.М.Шами не стало.

Репрессии в той или иной степени затронули всех друзей и близких А.Шами и С.Рогинской. Однако вопреки суровым жизненным испытаниям они не были сломлены морально и сохранили веру в неизбежное торжество справедливости и восстановление светлых имен их невинно пострадавших современников.

После XX съезда КПСС, кардинально изменившего общественно-политическую обстановку в стране, В.Б.Луцкий[87] предпринял энергичные шаги для их посмертной реабилитации. Он начал искать людей, хорошо знавших в прошлом А.Шами и С.Рогинскую и готовых официально подтвердить их честность и невиновность[88]. В.Б.Луцкий выступил инициатором их совместного заявления в Прокуратуру СССР и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в котором давалась объективная характеристика А.Шами и С.Рогинской и содержалась просьба о пересмотре их дела. Там, в частности, говорилось, что А.Шами и С.Рогинская были «честными советскими людьми, идейными, преданными партии, принципиальными коммунистами... пострадавшими невинно»[89].

С другой стороны, В.Б.Луцкий занялся систематизацией и подготовкой к изданию отдельной книгой востоковедных работ А.Шами. Он вел изнурительные бесконечные переговоры с руководством Издательства АН СССР и Комиссии по литературному наследию Союза писателей СССР об издании научных работ А.Шами, что, по глубокому убеждению В.Б.Луцкого, стало бы «заслуженным памятником А.Шами и принесло бы непосред-

ственную пользу делу освобождения арабских народов, которому посвятили свою жизнь он и его жена».

Однако в условиях хрущевской оттепели, охватившей далеко не все сферы советского общества, пробиться сквозь бюрократические препоны идеологизированного издательского аппарата было практически невозможно[90].

6 февраля 1957 г. А.М.Шами был реабилитирован Военным трибуналом Ленинградского военного округа (№ 86 Н/853). А 28 мая 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР прекратила дело С.Э.Рогинской за отсутствием состава преступления и реабилитировала ее посмертно. За политической реабилитацией последовала партийная.

Вот и все. Несколько скупых бесстрастных строк постановления. А за ними трагедия и неизбывная боль не только одной семьи, но и целого поколения советских людей, ставших невинными жертвами чудовищных социально-экономических, политико-идеологических и моральных деформаций сталинского периода нашей истории.

2 декабря 1989 г.

СПИСОК ОБНАРУЖЕННЫХ РАБОТ А.ШАМИ

1. Классовая и национальная борьба в Палестине. – Коммунистический Интернационал. 1927, № 8, с.34–40.
2. Военная опасность в арабских странах. – Ком. Интерн. 1927, № 22, с.12–21.
3. Англия и Египет (К итогам англо-египетского конфликта). – Ком. Интерн. 1927, № 29, с.32–44.
4. На имперских путях. – Правда. 05.08.1927.
5. Политическое положение в Египте. – Ком. Интерн. 1927, № 37, с.42–45.
6. Египет. – Революционный Восток. 1928, № 4–5, с.403–407.
7. Восток перед конгрессом Коминтерна. – За партию. Ташк., 1928, № 7 (11).
8. К разрыву англо-египетских переговоров. – Ком. Интерн. 1928, № 13, с.6–9.
9. Из опыта сирийского восстания. – Революц. Восток. 1928, № 3, с.278–290.
10. Англия и Аравия. – Ком. Интерн. 1928, № 17, с.36–41.
11. *Габали А.* В тупике (Письмо из Египта). – Революц. Восток. 1929, № 6, с.146–150.
12. *Габали А.* Партия, которой нечего сказать (Письмо из Египта). – Революц. Восток. 1929, № 7, с.288–291.
13. Письмо в редакцию. – Революц. Восток. 1929, № 7.
14. Коммунистическая партия Египта. М., 1929.
15. Египет после переворота. – Революц. Восток. 1929, № 7, с.279–287.
16. Арабское восстание в Палестине и еврейская сельскохозяйственная колонизация. – Аграрные проблемы. 1929, № 5, с.65–96.
17. Палестинское восстание и Арабский Восток. – Революц. Восток. 1930, № 8, с.25–52.

18. Еще раз к вопросу о палестинском восстании (по поводу статьи т.Надаба). – Революц. Восток. 1930, № 9–10, с.139–159.
19. Против цивилизации. – Революц. Восток. 1930, № 9–10, с.13–50.
20. Аграрный кризис и крестьянское движение в Египте. – Аграрные проблемы. 1930, № 8–9, с.109–125.
21. Колониальное крестьянское восстание в правоопортунистическом освещении (*Абузям М.* Восстание в Палестине. М., Московский рабочий, 1930). – Аграрные проблемы. 1930, № 10–11.
22. Революционный подъем в Египте. – Ком. Интерн. 1930, № 29–30, с.72–80.
23. Египет. М. МОПР, 1931.
24. *Шамми А.* Аграрный кризис в Египте. – Аграрный кризис. Кн.4. М., МАИ, 1933, с.165–182.
25. Учебник по введению в изучение арабских стран, 20 а.л. (в рукописи).
26. О периодизации новой истории арабских стран. – Труды Первой сессии арабистов 14–17 июня 1935 г. М.–Л., 1937, с.51–62.
27. Империализм и экономическое развитие Египта. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1938 (в рукописи).

[1] Историкам открыт доступ в ряд ранее закрытых для них архивов, постепенно стали открываться для исследователей потенциально наиболее важные в этом отношении архивы Коминтерна и КГБ, некоторые партийные архивы. Осенью 1988 г. при Политбюро ЦК КПСС была создана Комиссия по реабилитации. По результатам ее работы 16 января 1989 г. Президиум Верховного Совета издал указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов».

[2] Настоящее имя А.М.Шами было Илья Наумович Тенер. Однако с 1927 г. в общественных и научных кругах он был известен под именем А.М.Шами, которое он взял, по-видимому, во время антиколониального восстания 1925–1927 гг. в Сирии. «Шами» по-арабски означает «сириец». В кругу родных и друзей А.М.Шами звали Яковом. Он нередко также пользовался псевдонимами Гинзбург и Габали.

[3] Скудость и фрагментарность сведений о ранних годах жизни А.М.Шами предопределили краткость изложения этого периода его жизни. Приводимые в статье данные основаны на архивных материалах ГАРФ и Института востоковедения РАН.

[4] Партия «Поалей-Цион» возникла в России в 1901 г. в результате раскола еврейской партии Бунд. В отличие от бундовцев, которые ориентировали еврейских трудящихся на классовую борьбу в диаспоре вплоть до установления диктатуры пролетариата, поалей-ционисты считали, что этому должен предшествовать этап государственного самоопределения евреев, обеспечивающий условия для формирования национального еврейского рабочего класса. В программе партии, принятой в 1907 г. на 2-м съезде в Кракове, говорилось, что «еврейские рабочие в изгнании не могут вести социальной борьбы, потому что в изгнании нет еврейского господствующего класса и еврейской национальной собственности».

В августе 1919 г. «Поалей-Цион» раскололась на две организации: Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион», члены которой противопоставили себя партии большевиков, и Еврейскую коммунистическую партию «Поалей-Цион», сохранившую верность прежней программе партии. При ЕКП «Поалей-Цион» была создана молодежная сионистская организация

Еврейский коммунистический союз молодежи (ЕКСМ). В 1922 г. съезд ЕКП «П-Ц» принял решение о самороспуске партии, а ее члены по решению Исполкома Коминтерна вошли в состав РКП(б). Принятию подобного решения в немалой степени способствовала деятельность так называемых «ликвидаторов» – тайных посланцев РКП(б) еврейского происхождения, активно работавших внутри ЕКП «П-Ц».

[5] Подробнее см.: *Карасова Т.А.* Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля. М., 1988, с.73–75.

[6] Помимо «Поалей-Цион» имелись следующие организации: партия крупной и средней еврейской буржуазии «Альгемейн-Цион» («Общие сионисты»); сионистско-клерикальная организация «Мизрахи» («Восточный»), культурно-просветительские «Тарбут» («Культура»), «Кадима» («Вперед»), «Гехавер» («Товарищ»), «Гдейре» («Барьер»), «Агудат Исраэль» («Союз Израиля»); еврейская физкультурно-спортивная организация «Маккаби» и ряд других.

На сходных с «Поалей-Цион» идейно-классовых позициях стояли некоторые другие не столь многочисленные социал-сионистские организации России. Это прежде всего Сионистско-трудовая партия (СТП) «Цейре-Цион» – филиал мирового сионистского объединения «Гитахдут», Сионистско-социалистическая федерация «Дрор» («Свобода»), Всероссийская трудовая организация «Гехолуц» («Авангард») и др.

В Одессе в начале века популярностью среди еврейского населения также пользовалась просионистская гуманитарная организация «Одесское общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине», агитировавшая за миграцию на «землю обетованную» и выделявшая для этого материальную помощь. (*Бен-видь Б.* О методах еврейской колонизации. СПб., 1899, с.10.)

Все сионистские организации России подчинялись Всероссийскому съезду сионистов, который избирал Центральный сионистский комитет (ЦСК) и Исполком (Мерказ). По уставу, принятому VII Всероссийским съездом сионистов в мае 1917 г., сионистские организации России объявлялись частью Всемирной сионистской организации (ВСО).

[7] Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), один из главных руководителей мелкобуржуазного националистического движения на Украине в 1918–1920 гг.

[8] Среди таких людей были ставшие впоследствии известными общественными и политическими деятелями, учеными-востоковедами А.Авигдор, И.Брагинский, В.Луцкий, М.Ибушиц и ряд других.

[9] Абузям В. (В.В.Авербух, 1893–1941) – с 1922 г. член ЦК КПП, в 1923–1930 гг. – генеральный секретарь партии. В 1931–1935 гг. работал в Восточном секретариате ИККИ. В 1935–1936 гг. был на профсоюзной работе в Пятигорске. Репрессирован.

[10] Бергер И. – видный деятель КПП и международного коммунистического движения. Родился в 1893 г. (?) в Польше,,в 1919 г. эмигрировал в Палестину. В 1924 г. являлся членом ЦК КПП. С 1925 г. работал в ЦК Компартии Сирии. За участие в сирийском народном восстании против французских колонизаторов в 1925–1927 гг. был арестован французскими властями и выслан из страны. С января 1934 г. И.Бергер подвергся репрессиям и был приговорен к 25 годам лагерных работ. Отбывал срок в лагерях Марьинска и Воркуты, работал на лесоповале. После реабилитации в 1954 г. отошел от политики. В 1955 г. переехал на постоянное жительство в Польшу, а в 1956 г. – в Израиль, где стал диктором телевидения. По воспоминаниям соратников и друзей,

И.Бергер был маленьким, щуплым, но удивительно мужественным человеком, убежденным коммунистом-интернационалистом, которого не сломили совершавшиеся вокруг него и непосредственно над ним произвол и беззакония. Его отличали интеллигентность, ясный ум, феноменальная эрудиция, врожденная порядочность и деликатность.

[11] Надаб (Яков Лещинский, 1895(?)–1942(?)) – с 1922 г. член КПП. С 1925 г. работал референтом Восточного секретариата Исполкома Коминтерна, одновременно преподавал в КУТВе и был сотрудником Международного аграрного института (МАИ), созданного при Крестьянском Интернационале. Автор большого числа статей по национально-освободительному движению и аграрным отношениям на Арабском Востоке, печатавшихся на страницах журналов «Революционный Восток» и «Коммунистический Интернационал». Репрессирован.

[12] Гистадрут – Всеобщая федерация еврейских трудящихся в Эрец Исраэль («Земля Израилева»), т.е. в Палестине «в библейских границах», включавших не только британскую подмандатную территорию, но и целый ряд других арабских земель, – была создана в декабре 1920 г. «сверху» по инициативе и под прямым руководством социал-сионистских организаций, прежде всего партии «Ахдут гаавода» («Единение труда»).

Деятельность Гистадрута имела ярко выраженную националистическую направленность: в этот профцентр принимались только евреи, а его «практическая работа» была направлена на колонизацию Палестины.

[13] *Шами А.* Классовая и национальная борьба в Палестине. – Коммунистический Интернационал. 1927, № 8, с.39.

[14] КПП была принята в Коминтерн в 1924 г.

[15] Коминтерн в документах 1919–1932. М., 1933; Правда. 07.04.1989.

[16] Луцкий В.Б. (1906–1962) – выдающийся советский востоковед и педагог, положивший начало комплексной разработке новой и новейшей истории арабских стран как самостоятельной отрасли арабистики. Из рассказа А.Л.Львовой (1909–1990), первой жены В.Б.Луцкого, явствует, что В.Б.Луцкий, поступив в 1923 г. на факультет общественных наук Ростовского университета, подобно многим своим сверстникам, увлекся идеями социал-сионизма. За участие в распространении сионистских прокламаций В.Б.Луцкий в том же году был выслан в Палестину. Как отмечалось выше, там его постигла участь, аналогичная А.Шами. Он безоговорочно порвал с сионистской идеологией и перешел на последовательные интернационалистские позиции. В 1924 г. В.Б.Луцкий вступил в КПП и оставался до конца жизни бескомпромиссным противником сионизма и убежденным пропагандистом арабо-еврейского единения. Пребывание в Палестине предопределило востоковедную специализацию В.Б.Луцкого. После возвращения в СССР в 1925 г. он поступил на арабское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения. В 1930 г. В.Б.Луцкий окончил МИВ и посвятил себя арабистике и преподаванию. Подробнее о В.Б.Луцком см.: *Сейранян Б.Г.* В.Б.Луцкий (1906–1962) – ученый, педагог, человек. – Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988, с.326–343.

[17] Из воспоминаний В.Б.Луцкого, которыми он поделился с сыном А.Шами – М.А.Рогинским.

[18] Коммунистическая партия Сирии и Ливана (КПСЛ) была создана в октябре 1924 г. на основе возникших ранее отдельных марксистских кружков. В 1944 г. из КПСЛ в качестве отдельной выделилась Ливанская коммунистическая партия (ЛКП).

[19] Подробнее см.: Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985). М., 1988, с.24–35; *Луцкий В.Б.* Национально-освободительная война в Сирии (1925–1927 гг.). М., 1964.

[20] British Foreign Office Records. 80/Iraki Police. (Major T.F.Wilkins). File № 1831 on Elie Teper, p.382.

[21] Из воспоминаний сына А.Шами – М.А.Рогинского.

[22] Своими воспоминаниями А.М.Голдобин поделился с М.А.Рогинским.

[23] Т.Э.Лоуренс (1888–1935), известный английский разведчик в арабских странах, один из главных организаторов антитурецкого альянса, оформленного в 1915–1916 гг. как соглашение Мак-Магона – Хусейна.

[24] Новейшая история арабских стран (1917 – 1966). М., 1968, с.50.

[25] Именно во время этого восстания, как уже было отмечено, И.Н.Тепер принял имя А.М.Шами.

[26] *Луцкий В.Б.* Национально-освободительная война в Сирии, с.155.

[27] «Революционный Восток» – орган научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) при Коммунистическом университете трудящихся Востока. КУТВ был основан в 1921 г. на базе «совпартшколы» и представлял собой общеобразовательный вуз с востоковедным уклоном, где обучались представители различных народов СССР, а также левые деятели стран зарубежного Востока. Большое место в учебных программах КУТВа отводилось изучению вопросов развития революционных движений в странах Востока, социалистического строительства в советских национальных республиках. Дискуссии, проходившие на страницах «Революционного Востока», во многом формировали основы советской востоковедной науки. Там постоянно выступали со статьями ученые и практики-востоковеды Б.Фрейтер (по проблемам национально-освободительного движения в Индии), А.Губер (по Индонезии), А.Новичев (по Турции), А.Авигдор, И.Белякевич, Л.Мадьяр, Надаб, В.Старинин (по арабским странам) и многие другие. КУТВ был закрыт в 1938 г., издание журнала «Революционный Восток» прекращено.

[28] Еженедельный журнал «Коммунистический Интернационал» издавался с 1919 по 1943 г. как орган ИККИ на русском, французском, немецком и английском языках. Журнал выходил при участии ведущих деятелей международного коммунистического движения. Значительное место журнал уделял «пробудившейся Азии». На его страницах шла активная полемика о характере и движущих силах освободительных движений на Востоке.

[29] Точки зрения, близкой к изложенной, придерживались В.Абузям, Е.Вейт (Е.Ф.Лудшувейт), В.А.Гурко-Кряжин, П.Китайгородский, К.Трояновский, Ю.Цимринг и др.

[30] *Райтер И.* Два Востока за десять лет. – Революц. Восток. 1935, № 2, с.11; Пробуждение. М., 1968, с.239.

[31] Среди арабистов следует назвать Ф.А.Ротштейна, М.М.Аксельрода, В.Т.Кроткова, Н.А.Подорольского и некоторых других (подробнее см.: *Смилянская И.М.* Некоторые проблемы новейшей истории Египта в трудах советских арабистов. – Арабские страны. История, экономика. М., 1970, с.211–230).

[32] Коммунистический Интернационал. 1927, № 22, с.12–21.

[33] *Трояновский К.М.* Классы и партии современного Египта. – Колониальный Восток. М., 1924, с.212.

[34] КПЕ была основана в 1920 г. До 1922 г. она называлась Египетская социалистическая партия. В 1922 г. партия вошла в Коминтерн. КПЕ была немногочисленной (около 700 членов), состоявшей преимущественно из представите-

лей интеллигенции, получивших образование на Западе. В национальном отношении в КПЕ преобладали евреи, греки, армяне, хотя имелись и арабы. С 1921 г. компартия руководила Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), объединявшей до ста профсоюзов, общей численностью в 60 тыс. человек. Организации КПЕ имелись в Александрии, Каире, Порт-Саиде и ряде других городов.

В начале 1923 г. против КПЕ начались гонения, были арестованы и осуждены на различные сроки тюремного заключения многие руководители КПЕ и ВКТ. Весной 1924 г. деятельность КПЕ и ВКТ была запрещена. В результате повсеместных репрессий против египетских коммунистов КПЕ и ВКТ были практически ликвидированы. В тюрьме от голодовки умер секретарь ЦК КПЕ и организатор ВКТ Антун Марон. В начале 1927 г. КПЕ возобновила свою деятельность в глубоком подполье. Партия начала выпускать свои еженедельники «Аль-Хисаб» («Расчет») и «Аль-Алям аль-ахмар» («Красное знамя»).

Программные требования КПЕ носили общенациональный характер: независимость долины Нила; вывод английских войск из Египта и Судана; национализация Суэцкого канала; изменение Конституции и демократизация общественной жизни; дипломатическое признание СССР; введение прогрессивного рабочего законодательства; предоставление права на создание профсоюзов; равноправие женщин; ликвидация латифундий; отмена крестьянских долгов; создание кооперативных банков для феллахов. (Подробнее см.: Проблемы развития коммунистического движения в освободившихся странах Азии и Северной Африки. М., 1987, с.297–310; Entwicklung und Kampf der kommunistischen Bewegung in Asien und Afrika. B., 1980, S.31.)

[35] О партии «Вафд» см.: *Хуссейн Джамиль Таха*. Партия Вафд и национально-освободительное движение в Египте в 1918–1952 гг. Автореф. канд. дис. М., 1987.

[36] Феодально-компрадорская партия «Ахрар Дустури» (Либерал-конституционалистская партия) была образована в 1921 г. на базе отколовшегося от партии «Вафд» ее крайне правого крыла. Первым ее председателем стал Адли Якуб.

[37] *Шами А.* К разрыву англо-египетских переговоров. – Ком. Интерн. 1928, № 13, с.6–9.

[38] VI конгресс Коминтерна проходил в августе 1928 г. в Москве. Он придал дополнительный импульс сектантско-левацким тенденциям в деятельности коммунистических партий. В частности, в принятых на конгрессе тезисах по восточному вопросу отмечалось, что национальная буржуазия в колониальных и полуколониальных странах уже «не имела значения силы, борющейся против империализма». Отсюда делался вывод, что национально-освободительное движение может развиваться только под руководством рабочего класса, и на повестку дня выдвигался вопрос о его гегемонии. Конгресс рекомендовал компартиям Востока отказаться от блокирования с национал-реформистскими партиями, что противоречило ленинской концепции единого антиимпериалистического фронта, провозглашенной на II и IV конгрессах Коминтерна. (Подробнее см.: Коминтерн в документах 1919–1932. М., 1933.)

[39] *Шами А.* Восток перед конгрессом Коминтерна. – За партию. Ташк., 1928, июль, № 7(11), с.19–42.

[40] *Шами А.* Англия и Аравия. – Ком. Интерн., 1928, № 17, с.36–41.

[41] *Габали.* В тупике (Письмо из Египта). – Революц. Восток. 1929, № 6, с.146–150; *Шами А.* Египет после переворота. – Там же. 1929, № 7, с.279–287; *Габали.* Партия, которой нечего сказать (Письмо из Египта). – Там же. 1929, № 7, с.288–291.

[42] *Шами А.* Коммунистическая партия Египта. М.–Л., 1929.

[43] *Луцкий В.* [Рец. на:] *Шами А.* Коммунистическая партия Египта. – Книга и революция. 1929, № 15–16, с.65.

[44] Ульяновский Ростислав Александрович (1904–1995) – известный советский востоковед-индолог, теоретик национально-освободительного движения, родился 13 марта 1904 г. В 1930 г. окончил Московский институт востоковедения (МИВ) по специальности «история Индии». С 1928 г., еще будучи студентом, он начал преподавать в МИВе и работать в МАИ. С 1929 г. работал заместителем заведующего Отделом Востока и колоний в МАИ. В 1930 г. Р.А.Ульяновский был назначен заместителем директора МИВа. Первые научные труды Р.А.Ульяновского были посвящены исследованию индийского национально-освободительного движения и его идеологии – гандизма. Одним из первых советских индологов он пришел к выводу об антиимпериалистическом характере гандизма (1929 г.). В те годы для подобного утверждения требовалось немалое гражданское мужество. Дело в том, что после «исторического» выступления И.В.Сталина в КУТВе в 1925 г., в котором Ганди был назван «индийским Гапоном», гандизм рассматривался как проимпериалистическое антинародное учение.

В январе 1935 г., во время очередной волны репрессий, последовавшей после убийства С.М.Кирова, Р.А.Ульяновский был арестован и сослан в лагерь в г.Марьинск, где он находился вплоть до реабилитации в 1954 г.

Вернувшись в Москву, Р.А.Ульяновский возобновил научную деятельность в Институте востоковедения АН СССР. Затем он был переведен на ответственную работу в аппарат ЦК КПСС.

[45] *Шами А.* Арабское восстание в Палестине и еврейская сельскохозяйственная колонизация. – Аграрные проблемы. 1929, № 5, с.65–96.

[46] *Шами А.* Палестинское восстание и Арабский Восток. – Революц. Восток. 1930, № 8, с.25–52; *Надаб.* Восстание в Палестине и арабское национальное движение. – Там же, № 8, с.220–234; *Шами А.* Еще раз к вопросу о палестинском восстании. – Там же, № 9–10, с.139–159.

[47] Научная полемика между А.Шами и Надабом трансформировалась в политическую дискуссию, типичную для того времени, и сопровождалась скоропалительными политическими обвинениями. В качестве иллюстрации можно привести высказывания А.Шами по поводу взглядов Надаба. Вот что он писал: «Товарищ Надаб, желая "разгромить" меня, пустился в научно-политические экскурсы в разные области марксистско-ленинской теории, истории и текущей политики и выявил, что он считает революционными отдельные группы прямых империалистических агентов и буржуазию в целом и что, наоборот, рабочие и крестьяне оказываются у него либо совершенно пассивными, либо "фанатическими, реакционными". Оскорбленный... он заговорил об "этике", "морали", о "моих полемических приемах". Знакомые перепевы. Всякий уклонист и оппортунист, когда его разоблачают и бьют, начинает вопить о морали. Тов. Надаб! морали, этики "вообче" нет. Я считаюсь с моралью партийной, которая велит бороться против всяких уклонов от ленинской, коминтерновской линии, разоблачать и бить уклонистов и оппортунистов всякого рода... Больше того, тов. Надаб на базе теоретических ошибок создал стройную правооппортунистическую концепцию» (см.: *Шами А.* Еще раз к вопросу о палестинском восстании. – Революц. Восток. 1930, № 9–10, с.156, 159).

[48] *Шами А.* Колониальное крестьянское восстание в правооппортунистическом освещении. – Аграрные проблемы. 1930, № 10–11; *Абузям М.* Восстание в Палестине. М., 1930.

[49] *Дубровский С.* К вопросу о сущности феодализма, крепостничества и торгового капитала. – Аграрные проблемы. 1929, № 2.

[50] *Шами А.* Аграрный кризис и крестьянское движение в Египте. – Аграрные проблемы. 1930, № 8–9, с.109–125.

[51] *Шами А.* Революционный подъем в Египте. – Ком. Интерн. 1930, № 29–30, с.72–80.

[52] См., например: *Шами А.* На имперских путях. – Правда. 05.08.1928.

[53] Московский институт востоковедения (МИВ) был создан в 1921 г. на базе существовавшего с 1818 г. Лазаревского восточного института. МИВ готовил специалистов-востоковедов со знанием восточного и западного языков для практической работы в партийно-государственных и военных ведомствах. Институт был закрыт в 1954 г.

[54] См.: Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988, с.327.

[55] Из воспоминаний А.Л.Львовой.

[56] С.Э.Рогинская родилась в 1895 г. в г.Харькове в семье лесоторговца. Отец ее был коренным харьковчанином, а мать – родом из Гомеля. Окончив гимназию в 1915 г., С.Рогинская в течение 5 лет работала учителем в еврейской школе в Харькове. В 1920 г. она стала преподавать в Высшей военной школе в Харькове. Она также работала в сионистских культурно-просветительских организациях города.

В условиях фактического разорения семья Рогинских решила попытать счастья на «земле обетованной». В 1922 г. Рогинские эмигрировали в Палестину. Однако там их иллюзии быстро рассеялись.

Разочаровавшись в сионизме, С.Рогинская в числе многих евреев, аналогичным образом оказавшихся в Палестине, вступила в 1924 г. в Коммунистическую партию Палестины. Организаторские и лекторские способности в скором времени позволили ей завоевать авторитет в партии.

За участие в палестинском августовском восстании 1929 г. С.Рогинская была арестована английскими властями и приговорена к длительному сроку тюремного заключения в крепости г.Акка. Вскоре этот приговор был заменен пожизненной высылкой из страны.

В октябре 1929 г. С.Рогинская переехала в Египет, в г.Александрию. По договоренности между Восточным секретариатом ИККИ и КПП С.Рогинская была направлена в Москву.

Суровые жизненные испытания, многолетняя нелегальная партийная деятельность, преследования властей и постоянная угроза ареста сказались как на характере, так и на внешнем облике С.Рогинской. Как рассказывали люди, близко знавшие ее, она была волевой, строгой, властной и даже несколько жесткой женщиной.

[57] Дома у них не было никакого имущества, кроме книг. Быт, одежда их абсолютно не занимали. Одевались они аскетично, хотя и безукоризненно. Обстановка в их комнате шокировала посетителей своей убогостью: за исключением самодельного стола, пары табуреток и этажерки с книгами там не было никакой мебели. На окнах отсутствовали занавески. Не было люстры. Спали на раскладушках. Пренебрежительно относясь к кухне и будучи «выше этого», они почти ничего не готовили. Питались, как правило, всухомятку и чем придется. В доме не было нормальных столовых приборов и посуды, вместо чашек использовали банки.

[58] ГАРФ, ф.7668, оп.1, д.1893, с.65.

[59] ЛВИ был создан в 1920 г. как высшее востоковедное заведение, готовящее практических работников для стран Востока. В 1937 г. институт был упразднен.

[60] *Искандеров А.Ф.* Изучение истории арабских стран в Ленинграде. – Ученые записки Института востоковедения АН СССР. XXV. М., 1960, с.258.

[61] Увы, этому учебнику не суждено было дойти до студентов из-за трагической участи его автора.

[62] *Шами А.* Египет. М., 1931.

[63] Аналогичный очерк о Палестине был написан для БСЭ В.Б.Луцким.

[64] *Шами А.* Очерк новейшей истории Египта. – БСЭ. Т.24. М., 1932, с.377–392.

[65] *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М.–Л., 1925; *он же.* Англичане в Египте. М., 1925; *Kohn H.* Geschichte der nationalen Bewegung im Orient. B., 1928.

[66] В этот период семья Шами пополнилась еще одним новым членом – домработницей Прасковьей Ивановной Крыловой, которая не только помогала им по хозяйству, но довольно скоро стала им очень близким человеком. Особенно П.И.Крылова привязалась к Марику.

[67] Оде-Васильева Клавдия Викторовна (Кельсум Оде, 1892–1965), первая в СССР арабская женщина-профессор, крупный специалист в области арабского языка и литературы. Родилась в Палестине в г.Назарете, окончила назаретскую учительскую семинарию Православного Русского Палестинского общества. Работала учительницей в женской школе в Назарете. В 1914 г. вышла замуж за русского врача Ивана Васильева и переехала с ним в Россию. В 1924–1938 гг. жила в Ленинграде и работала на кафедре восточных языков ЛВИ. Была арестована. Затем преподавала в Ленинградском университете. С 1943 г. и до конца жизни жила и работала в Москве, преподавала в МИВе, МГИМО, других востоковедных вузах.

[68] *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский восточный институт. М., 1977, с.80.

[69] Эти сведения были предоставлены профессором Р.М.Бродским, который учился в те годы в ЛВИ на китайском отделении.

[70] Кауфман Аркадий Семенович (р. 1914), советский востоковед, теоретик национально-освободительного движения на Востоке, доктор исторических наук. Его основные труды посвящены идеологическим и политическим проблемам национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии.

[71] Рукопись этой работы в архиве ЛВИ, к сожалению, обнаружить не удалось.

[72] *Шамми А.* Аграрный кризис в Египте. – Аграрный кризис. Кн.4. МАИ, 1933, с.165–182.

[73] В фондах Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге хранится экземпляр Трудов Первой сессии арабистов 14–17 июня 1935 г. (Труды Института востоковедения АН СССР. М.–Л., 1937, т.XXIV) с теплой дарственной надписью И.Ю.Крачковского.

[74] Ассоциация арабистов провела всего две свои сессии – в 1935 и 1937 гг.

[75] *Ленин В.И.* Под чужим флагом. – Полное собрание сочинений. Т.26, с.142.

[76] VI конгресс Коминтерна. Стеногр. отчет. М., вып.6, 1928, с.56.

[77] ГАРФ, ф.7668, ед. хр. 2924, с.1.

[78] В частности, в январе 1935 г. были арестованы И.Бергер и Р.А.Ульяновский.

[79] За большевистские кадры. 13.01.1936.

[80] На них стояли подписи директора ЛВИ М.И.Амагаева и секретаря парткома И.В.Самыловского.

[81] ГАРФ, ф.7668, оп.1, д.1893, с.65.

[82] Там же, с.63.

[83] Там же, с.66.

[84] Архив ИВ РАН, ф.152, оп.3, ед.хр. 663, с.6.

[85] По решению дирекции Института, оформленному соответствующим приказом, А.Шами 9 июля 1937 г. был откомандирован на неделю в Москву для работы в библиотеках. По возвращении в Ленинград А.Шами обнаружил, что ему в отличие от остальных сотрудников Института был установлен отпуск продолжительностью не в два месяца, а в один (с 15 июля по 15 августа 1937 г.). После того как А.Шами обратился за разъяснением к ученому секретарю Х.И.Муратову, был издан новый приказ. В этом приказе, подписанном академиком В.В.Струве и тем же Х.И.Муратовым, отпуск А.Шами был продлен до 15 сентября 1937 г.

Не дожидаясь окончания отпуска, А.Шами вышел на работу 1 сентября. Там его ознакомили с новым приказом директора, отменявшим предыдущие два приказа и сообщавшим об «отчислении А.М.Шами в связи с грубым нарушением трудовой дисциплины – самовольное продление на две недели отпуска, не имея на то оснований» (Архив ИВ РАН, ф.152, оп.3, ед.хр 663, с.11).

[86] Архив ИВ РАН, ф.152, оп.3, ед.хр. 663, с.13–14.

[87] В.Б.Луцкий в те годы был доцентом Отделения Востока исторического факультета Московского университета. В 1953 г. В.Б.Луцкий сам подвергся гонениям.

[88] Позитивную оценку А.Шами и С.Рогинской дали Р.А.Ульяновский; С.М.Дубровский, научный сотрудник Института истории АН СССР, в 30-е годы работавший заместителем директора МАИ; Х.И.Кильберг, научный сотрудник ИВ АН СССР; И.Бергер и М.Ибушиц, которые знали А.Шами и С.Рогинскую еще по совместной работе в Палестинской компартии; Е.Д.Стасова, возглавлявшая в конце 20-х – начале 30-х годов издательство МОПР, где выходили работы А.Шами; А.Е.Усвяцев, заведующий редакцией Издательства АН СССР, преподававший в 30-х годах в ЛВИ; И.И.Потехин, заместитель директора Института этнографии АН СССР, работавший в 30-е годы в Ленинграде; К.В.Оде-Васильева, доцент МГИМО МИД СССР.

[89] Из письма В.Б.Луцкого М.А.Рогинскому (1956 г.).

[90] После смерти В.Б.Луцкого в 1962 г. машинописный вариант статей А.Шами о Палестине, Сирии и Египте был передан семьей Луцких М.А.Рогинскому.

И.М.Смилянская

МОИСЕЙ МАРКОВИЧ АКСЕЛЬРОД КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ АРАБСКОГО ВОСТОКА

М.М.Аксельрод принадлежал к поколению молодых востоковедов, разрабатывавших вопросы современного ему социально-политического развития Востока. В этой области, как известно, закладывались основы нового, марксистского по теоретическому содержанию, направления отечественного востоковедения. Генетически это направление было связано с революционной большевистской публицистикой и предназначалось служить целям мирового революционного движения. Поскольку идеи коммунистических преобразований для этого поколения олицетворялись в политике Советского государства, то и научно-публицистическая деятельность востоковедов-марксистов была сознательно поставлена на службу государственному политическому курсу. Лучшие представители поколения (а М.М.Аксельрод к ним принадлежал) были людьми, искренне воодушевленными коммунистическими идеями, верящими в возможность посредством классового диктата, осуществлявшегося от имени пролетариата, претворить в жизнь гуманистические идеалы[1]. И хотя Аксельрод обладал способностью к критическому мышлению, прозрение в отношении режима, установленного в стране, пришло к нему лишь накануне его гибели.

Образованность, яркая одаренность, знакомство с живым Востоком выделяли Моисея Марковича среди большинства его коллег. Несмотря на то что судьба отпустила ему едва сорок лет жизни, он сумел оставить след в науке.

Родился М.М.Аксельрод в Смоленске 5 января 1898 г. в семье часовых дел мастера[2]. Четырех лет он начал учиться в хедере, где воспринял первоначальные знания в древнееврейском языке. (Он обладал большими лингвистическими способностями и в 1930-е годы свободно владел арабским, турецким, ивритом,

© И.М.Смилянская, 1997

английским, немецким, французским, итальянским языками.) Среднее образование он получил в смоленской гимназии, в старших классах которой зарабатывал на жизнь репетиторством. К концу обучения в гимназии у Моисея Марковича проявился живой общественный темперамент: за участие в выступлениях, имевших политический характер, ему был снижен балл за поведение, и, лишившись права на золотую, он получил за успехи в учебе серебряную медаль.

В 1916 г. Моисей Маркович поступил на юридический факультет Московского университета. Однако революция прервала его университетские занятия. Возвратившись в Смоленск, он отдается культурно-просветительной работе; вместе с тем он состоит секретарем областного комитета по национальному еврейскому вопросу партии «Поалей-Цион», позже влившейся в ВКП(б). С 1919 по 1921 г. Аксельрод является помощником начальника политотдела Белорусско-Литовской армии[3]. Он женат, его жена – комиссар батальона политработников[4].

По-видимому, в 1921 г. Аксельрод восстанавливается в университете и поступает также в Московский институт востоковедения. Согласно автобиографии Моисея Марковича, с 1922 по 1924 г. он работает помощником заведующего Библиотекой клубных учреждений при ВЦИК им. Я.М.Свердлова в Кремле. Здесь произошло знакомство Моисея Марковича с Верой Васильевной Венедиктовой, которая становится его женой и затем сопровождает его почти во всех трудных и порой опасных зарубежных поездках[5].

Вера Васильевна была на два года старше Моисея Марковича, она родилась в 1896 г. в Вольске в семье «мещанина-служащего» (так записано в ее анкетном листе); трех лет она потеряла мать, а одиннадцати – отца, оставшись на попечении брата и бабушки. К 1914 г. она окончила вольскую гимназию и поступила на физико-математический факультет Петроградских Высших женских курсов. Успев до революции закончить четыре курса, Вера Васильевна возвратилась в Вольск, где с 1919 по 1921 г. заведовала Центральной библиотекой, пережила страшный поволжский голод. При всей мягкости и, я бы сказала, даже кротости (такой она мне запомнилась в старости) Вера Васильевна отличалась прямотой и смелостью. Так, на предложение А.Енукидзе (к кому она обратилась с просьбой помочь выехать из Петрограда в Вольск) остаться работать в Петрограде она ответила отказом, который объяснила своим несочувствием большевикам. В 1921 г. Вера Васильевна приехала в Москву, на этот раз с намерением найти работу в столице, в партию она никогда не вступала. Ей удалось поступить, чему она была до известной

степени обязана тому же А.Енукидзе, в кремлевскую библиотеку, в которой она проработала до 1925 г. – отъезда к Моисею Марковичу в Джидду.

(В 1930-е годы в течение пяти лет Вера Васильевна заведовала библиотекой Н.К.Крупской и исполняла референтские обязанности. На долгие годы у нее сохранились добрые отношения с Марией Ильиничной Ульяновой и Надеждой Константиновной, которая, по воспоминаниям дочери Веры Васильевны и Моисея Марковича, после ареста Аксельрода помогла Вере Васильевне поступить на работу в Большую Советскую Энциклопедию, несмотря на то что сама в эти годы подвергалась преследованиям со стороны Сталина.)

В 1924 г. М.М.Аксельрод оканчивает МИВ (юридический факультет университета он завершает годом раньше); в арабском языке его экзаменует И.Ю.Крачковский и высоко оценивает его знания. Моисея Марковича направляют на работу в Народный комиссариат по иностранным делам. Летом 1924 г. в составе миссии К.Хакимова он уезжает в Джидду, где открылось первое в арабских странах советское генеральное консульство. Осенью 1925 г. в Джидду приехала и Вера Васильевна и была зачислена в штат миссии машинисткой.

Джидда, по воспоминаниям Г.А.Астахова 1928 г., «душный пыльный портовый городишко. Высокие, трех- и четырехэтажные белые дома в полумавританском стиле, с окнами без стекол, две-три улицы, где кипит торговля и под навесом ютятся мелкие, грязные лавчонки, несколько автомобильных гаражей, ряд таможенных зданий на берегу, тюрьма, нижние этажи которой под водой, городская стена с башнями и воротами; за стеной военные казармы, построенные еще турками; развалины "гробницы Евы" (до завоевания Ибн Саудом гробница была еще цела, и ее описала в своем письме Вера Васильевна. – *И.С.*), негритянская деревушка с конусообразными шалашами и домиками из керосиновых бидонов, подальше небольшой пальмовый оазис и широкая, теряющаяся бесчисленными разветвлениями меж песков дорога в Мекку; по ней в месяцы хаджа движутся десятки тысяч паломников, сотни верблюдов, десятки автомобилей. Городок живет лишь хаджем, а когда хадж кончается, застывают тихие улочки, пустеет портовый рейд, все сворачивается и город засыпает...»[6]. В городе отсутствовала хорошая питьевая вода. Тяжелым был влажный и знойный климат красноморского побережья.

Трудной была и политическая обстановка. Верительные грамоты генеральный консул Хакимов вручал еще королю Хусейну. В сентябре 1924 г. султан Неджда Абд ал-Азиз из рода Саудитов начал войну с Хиджазом. Хусейн был принужден передать трон

сыну Али. В декабре 1924 г. Абд ал-Азиз вступил в Мекку. «5 января 1925 г. объединенное войско ихванов появилось под стенами прибрежного города (Джидда. – *И.С.*) и началась осада, которая с перерывами продолжалась почти год»[7]. 22 декабря Джидда сдалась, и 24-го состоялся торжественный въезд Абд ал-Азиза Ибн Сауда в город. Главе генерального консульства и его секретарю-переводчику потребовалось проявить немало дипломатического такта, чтобы обеспечить хорошие взаимоотношения с Ибн Саудом, тем более что державы ставили одним из условий признания его королем Хиджаза удаление из Джидды единственного в те годы официального представительства СССР в арабских странах. Вера Васильевна вспоминала о затаенном волнении, которое испытали члены миссии во время объезда Ибн Саудом иностранных представительств: обеспокоенность сохранялась до тех пор, пока Ибн Сауд не прибыл в советское генконсульство. Затем последовал прием иностранных представителей за городом в шатре Ибн Сауда, на котором Хакимов и Аксельрод отлично справились со своей миссией. Официальное признание правительством СССР 16 февраля 1926 г. Ибн Сауда «королем Геджаза и султаном Неджда и присоединенных областей» и последовавший обмен нотами 19 февраля укрепили положение советского генерального консульства, как, кстати сказать, и самого Ибн Сауда, так как за этим последовало признание и других держав.

В таких условиях начиналась арабистическая деятельность М.М.Аксельрода. Во время пребывания в Джидде Моисей Маркович тщательно собирал материал об Аравии и регионе в целом. Он следил за арабской и европейской прессой, поступавшей в Джидду, внимательно просматривал газету «Умм ал-Кура», официальный орган королевства Хиджаз, основанную в декабре 1924 г. Он собирал помимо политической информации лингвистический и этнографический материал, создал обширный фотоархив[8].

В 1926 г. выходят в свет первые работы М.М.Аксельрода, подготовленные к печати в 1925 – начале 1926 г. в Джидде: научно-популярное описание ритуала хаджа в статье «Мекка» (Красная новь. М.–Л., 1926, № 10, с.197–206), очерк внешнеполитических отношений в Аравии «Борьба за Аравию» (опубликована под псевдонимом М.А. в «Международной жизни» за 1926 г., № 3, с.59–73), анализ внутриполитической жизни Египта «Борьба партий в Египте» (Новый Восток. М., 1926, № 15, с.302–310). В 1927 г. напечатана небольшая заметка этнографического характера «У врат Абиссинии. Праздник "Маскаль" (Письмо из Джедды)» (Новый Восток. 1927, № 16–17, с.329–

333)[9] и небольшой обзор «Экономические очерки Геджаса» (Торговля России с Востоком. М., 1927, № 7–10, стб.18–20). А в следующем, 1928 г. появляется сразу пять работ, по-видимому продуманных и подготовленных в Аравии. (В январе 1928 г. М.М.Аксельрод возвратился в Россию.) Среди них было продолжение и завершение «Экономических очерков Геджаса» (Торговля России с Востоком. 1928, № 1–2, стб. 4–5; № 3–4, стб. 4–6), две статьи о политико-правовых преобразованиях в Хиджазе – «Эволюция Геджаса и его конституция» (Новый Восток. 1928, № 23–24, с.276–282), «Реформы в Геджасе» (под псевдонимом Рафик Муса. Международная жизнь. 1928, № 1, с.44–60), политический очерк «В мятежной Аравии» (под тем же псевдонимом, там же, № 6, с.48–58). Все эти статьи об Аравии вместе с рецензией на книгу Вейсля «Между дьяволом и Красным морем» (Новый Восток. 1928, № 23–24, с.403–405) и небольшим обзором аравийских событий «Аравийский полуостров (Обзор за последний квартал 1928 г.)» (Новый Восток. 1929, № 25, с.290–295) составили до известной степени цельную работу примерно в шесть листов о Хиджазе 1920-х годов.

Труды сотрудников Народного комиссариата по иностранным делам, опубликованные в журнале «Международная жизнь» (органе НКИД), по давней мидовской традиции подписывались псевдонимами. Свою первую работу «Борьба за Аравию» М.М.Аксельрод подписал начальными буквами своего имени и фамилии – М.А., в дальнейшем он избирает псевдонимом арабское словосочетание Рафик Муса, т.е. «Товарищ Муса» или «Товарищ Моисей». Этот псевдоним подчеркивал приверженность его обладателя делу арабского освобождения.

«Экономические очерки Геджаса», вероятно, были служебной запиской М.М.Аксельрода, имевшей целью определить возможности и перспективы развития советской торговли в Аравии, они предназначались для специального журнала – органа Российско-Восточной торговой палаты. В них Моисей Маркович ограничился рассмотрением только состояния внешней и внутренней торговли и путей сообщения. Статья содержала информацию, достаточно обширную для страны, в которой отсутствовали статистические обследования. Раздел же очерков о внутренней торговле вышел за рамки экономической справки. В нем содержится анализ состояния рынка Джидды и его особенностей.

М.М.Аксельрод констатирует господство на этом рынке нескольких крупных оптовых домов (он пишет «фирм», скорее всего, речь идет о купеческих семьях), поставивших под свой контроль деятельность более мелких оптовиков и полностью

подчинивших себе розничных торговцев; общий недостаток капиталов и стремление к их быстрому обороту; слабость комиссионной торговли; почти полное отсутствие мелкого кредита (80% сделок происходит за наличный расчет); широкое развитие ростовщического кредита; резкие колебания цен – «ажиотаж, являющийся на других рынках явлением исключительным и уклоняющимся от средней нормы, в Геджасе, наоборот, является естественным состоянием рынка... Таким образом, кривая цен на геджасском рынке представляет собой всегда нечто вроде кривой температуры лихорадочного больного»[10]. Вместе с тем М.М.Аксельрод отмечает застойные черты рынка: у купцов «нет особых стимулов искать новых центров закупок. Привыкшие к определенным маркам, к определенным стандартам и мерам, геджасские купцы чрезвычайно неохотно переходят к другим»[11].

Он обращает внимание на роль на базаре посредника-маклера – «далляля». Характеристика, данная Аксельродом этой фигуре, типичной для традиционного арабского базара, говорит о личном его знакомстве с жизнью базара (об этом же свидетельствует его фотоархив с изображениями торговцев-разносчиков, владельцев лавок, ремесленников разных специальностей). «"Далляль" знает все цены на все продукты на данный день, знает запасы наиболее крупных купцов, знает, какой спрос на рынке, сколько товаров разгружается, сколько в пути, сколько грузится в портах отправления. Это – живой справочник, без которого даже опытному местному купцу трудно обойтись. "Далляль" в Геджасе бытовое явление, и редкие сделки заключаются без него. Вознаграждение его, установленное обычаем, – 7–8% с суммы сделки»[12].

Заметим, что творческому методу Моисея Марковича было присуще не только стремление дойти до сути явления, но и конкретно его обрисовать, поэтому его описания содержательны, образны и убедительны.

Всего на нескольких страницах М.М.Аксельроду удалось представить характерные черты традиционного арабского базара, находящегося на ранней стадии своей эволюции, происходившей под влиянием постепенного включения Аравии в мировой рынок. По существу, он сформулировал критерии для определения начальных форм эволюции торгового капитала в арабских странах. Кстати говоря, его описание базара Джидды позволяет дать интерпретацию некоторым неясным сведениям о состоянии рынков Ближнего Востока XIX в. Ему очевидны и приметы нового: возникают первые иностранные банковские учреждения, еще ограничивающие свою активность депозитными операциями, утверж-

даются современные средства связи (почта, телеграф, телефон, автомобильное сообщение), создающие новые условия для торговой деятельности, развивается складское строительство и т.п. Иными словами, признаки движения уже наблюдаются и в таком, казалось бы, безнадежно застойном обществе, каким был аравийский социум[13].

Еще больший интерес представляют работы М.М.Аксельрода о реформах в Хиджазе. Ученый получил правоведческую подготовку и хорошо знаком с государствоведческими теориями русской дореволюционной науки, что придает зрелость многим его суждениям.

В отличие от современного историка, М.М.Аксельрод, приступая к изучению хиджазских реформ, был лишен исторической ретроспективы и знания тех форм, в которые выльются преобразования Ибн Сауда. Он мог анализировать содержание реформ и оценивать их значение в момент их провозглашения и первых попыток осуществления, поэтому он предпочитает говорить об «основных мыслях, положенных в основу» конституции, о «первоначальной программе Ибн Сауда»[14]. Он отдает отчет в том, что замыслы преобразователя рождались не только под воздействием внутренних процессов, но и под влиянием правовополитических идей, а также реалий окружающего мира.

Как глава ваххабитского государства Ибн Сауд стремится к восстановлению политического строя, существовавшего при Пророке и его благочестивых преемниках. Впрочем, М.М.Аксельрод оговаривается: «...трудно сказать, насколько Ибн Сауд серьезно задается целью реставрировать Геджас 7-го века в условиях 20-го столетия»[15]. Арабист усматривает влияние древнеисламских традиций в провозглашении ограничения власти короля «нормами высокого шариата» и в конституировании совещательных собраний. Но он склонен полагать, что совещательные советы лишь терминологически связаны с древними учреждениями: ибо «...в современном арабском языке для определения понятия "конституция, конституционный" в смысле представительного строя употребляются слова "достур, достури", в геджасских же "Основных положениях" употребляется термин "шура, шури". Под "шура" имеется в виду законодательный орган наподобие тех "шура", которые имелись при халифах...»[16].

Как и современные исследователи, М.М.Аксельрод рассматривает Ибн Сауда «собирателем земель». Но сопоставляя Ибн Сауда с русским Иваном Калитой, он, таким образом, не видит в Ибн Сауде правителя раннефеодального типа (подобно А.М.Васильеву). Он описывает аравийского короля как создателя централизованного государства, руководствующегося относительно зрелыми принципами государственной политики.

М.М.Аксельрод полагает, что провозглашение «Основными положениями» «единства и неделимости хиджазской территории» свидетельствует о таком отношении к государственной территории, какое было характерно для периода «изживания феодализма» с его патримониальным взглядом на земли государства. («Изживание феодализма», по-видимому, им понималось в духе современной ему периодизации русской истории, когда под влиянием той же теории М.Н.Покровского, «отождествлявшего развитие торгового капитала с развитием капитализма»[17], имело место завышение формационного развития Руси.) Сделав любопытное наблюдение относительно понимания в конституции Хиджаза государственной территории, М.М.Аксельрод не обратил внимания на то, что в обществе еще не сложилось отчетливого представления относительно государственных границ, так как граница между Хиджазом и Неджд не устанавливалась. (Впрочем, подобное понимание государственной территории и государственных границ, по-видимому, присуще традиционному обществу.)

Далее М.М.Аксельрод обращает внимание на то, что объединение султаната Неджд и королевства Хиджаз произошло в виде унии. Он правомерно придает значение созданию в Хиджазе государственного аппарата в формах, ранее этому обществу неизвестных, и делает интересное наблюдение: в новом аппарате управления чиновник должен служить государству, а не являться владетелем управляемой территории.

По мнению М.М.Аксельрода, Ибн Сауд намеревался создать централизованное государство, управление которым должно строиться на современных принципах: в частности, предполагалось ввести разделение функций управления и исполнения. «Личный состав правительственных учреждений крайне незначителен, – пишет он. – В большинстве своем он сосредоточен в функциональных учреждениях (т.е. исполнительных органах. – *И.С.*), а не в управленческом аппарате, который обыкновенно не имеет отделений на местах, а руководит соответствующими учреждениями непосредственно из Мекки. Исключение, по причинам чисто практического характера, составляет финансовое ведомство, которое имеет свои отделы в важнейших пунктах (Джедде, Медине и пр.)»[18]. Таким образом, Ибн Саудом проведены разделение и специализация различных отраслей управления. (Заметим, что в средние века и новое время в большинстве «централизованных» государств Востока такого разделения в сфере управления не существовало: там все функции передавались целиком сверху вниз.) Наконец, М.М.Аксельрод отмечает попытки создания «нечто вроде кабинета министров для согласо-

вания и объединения деятельности правительства»: «Официоз Ибн Сауда "Умм-уль-Кура" сообщает, что Ибн Саудом одобрен проект создания исполнительного комитета, который будет состоять из глав центральных управлений»[19]. Надо заметить, что в странах Востока кабинеты министров возникают поздно, только в период модернизации их государственного устройства под европейским влиянием.

М.М.Аксельрод придает значение созданию совещательных советов, к участию в которых привлечены «именитые» и «лучшие» люди. Он отдает отчет в том, что эти советы не являются представительными органами, но, по его мнению, мероприятия, последовавшие за провозглашением «Основных положений», позволяли надеяться, что уже началась их трансформация в представительные учреждения (мы знаем, что эти надежды не оправдались).

Особое внимание М.М.Аксельрод уделил «Положению о городских самоуправлениях», и это естественно, потому что восточное городское общество не знало городского самоуправления: «Зато имеется обширное положение о городских самоуправлениях (издано в июле 1927 г.), предусматривающее до мельчайших деталей не только функции городских самоуправлений, их "общих советов", управ и городских голов, но также и штаты их и функции отдельных сотрудников. В общем и целом городским самоуправлениям предоставляются довольно обширные полномочия по ведению и упорядочению городского хозяйства, а также и соответствующие права по изданию обязательных постановлений и взиманию городских сборов и налогов»[20]. Ученый полагает, что «Положение о городских самоуправлениях» «шагнуло за рамки» конституции[21]. Впрочем, он отмечает, что в «Положении» остался неясным вопрос о порядке организации городских советов.

Наконец, М.М.Аксельрод отмечает введение Ибн Саудом разделения государственной и личной казны, выделение нотариата из функций суда, а также стремление Ибн Сауда ввести инспекцию и контроль за работой всех учреждений «для обеспечения правильного течения и упорядочения дел»[22]. К числу важных преобразований он относит введение многоступенчатого территориально-административного деления, но добавляет, что это начинание не претворилось в жизнь.

Таким образом, М.М.Аксельрод выполнил очень интересный анализ изменения государственной организации Хиджаза и дал теоретическое осмысление этих государственных преобразований на их раннем этапе. Современному исследователю выводы Аксельрода помогут яснее представить первоначальный замысел

реформаторской деятельности Ибн Сауда. Ученый сформулировал также набор показателей, важных для определения степени продвинутости государственной организации вообще, поэтому его исследование не утратило своего научного значения и сейчас.

Несколько слов следует сказать относительно общих построений. В числе других историков-марксистов Аксельрод отрабатывает марксистские методологические принципы исследования: обращает внимание на экономические и социальные предпосылки преобразований, ищет социальную опору власти, очень осторожно пытается определить самые общие рамки формационного развития общества [Аксельрод, по-видимому, прав, когда полагает, что логика государственных преобразований Ибн Сауда соответствует более развитому (чем раннефеодальное) обществу]. Подобная логика исторического исследования прочно и надолго войдет в науку. Общая неразработанность конкретной истории Аравии, естественно, отразилась в работе, как и влияние теории торгового капитала.

В своей самой ранней работе об Аравии «Борьба за Аравию» Моисей Маркович весьма профессионально рассматривает перипетии англо-хиджазских и англо-неджджских отношений, а также ход хиджазско-неджджской войны. Специалист найдет в ней некоторые не освещенные до сих пор в нашей литературе детали, касающиеся заключения договоров в Бахре и Хадде и аннексии Англией Маана и Акабы.

Последующие работы Аксельрода о Саудовской Аравии[23], касавшиеся внешне- и внутриполитических проблем Хиджаза и Неджда, были менее примечательны: они написаны в Москве, куда новые сведения поступали плохо, к тому же интерес ученого уже переключился на Йемен.

В сентябре 1928 г. М.М.Аксельрод уезжает в составе советской делегации, возглавленной К.Хакимовым, в Йемен для заключения советско-йеменского договора.

Правительство Йемена обратилось к СССР с предложением об установлении дипломатических и торговых связей в тяжелое для своей страны время «непрекращающихся сепаратистских выступлений племен, империалистической агрессии на юге, экономической блокады на море и межимпериалистической борьбы за установление влияния в Йемене»[24]. Оно искало поддержки СССР для укрепления своих международных позиций и разрешения некоторых торговых затруднений. Естественно, что члены советской делегации испытывали чувство причастности к укреплению самостоятельности и независимости Йемена. Уникальность ситуации заключалась в том, что они были едва ли не первыми советскими людьми, получившими возможность позна-

комиться со страной[25]. Делегация находилась в Йемене несколько месяцев (советско-йеменский договор заключен 1 ноября 1928 г.).

Результатом этой поездки было несколько статей о Йемене[26], в работе над которыми Моисею Марковичу помогал своими материалами Н.М.Белкин, ранее, как и Аксельрод, сотрудник генерального консульства в Джидде, а затем – Ближвосгосторга в Ходейде[27]. Совместно с Белкиным Аксельрод выпускает статью «Экономические очерки Йемена». Подобно «Экономическим очеркам Геджаса», статья была написана для того, чтобы способствовать развитию советской торговли в Аравии. Но новые очерки содержали больший фактический материал, хотя с общеисторической точки зрения были менее интересны.

В том же году в журнале «Новый Восток» публикуется рецензия М.М.Аксельрода на две итальянские работы о Йемене – книги Рава и Росси[27а]. В рецензии Моисей Маркович обращает внимание на попытки правительства Италии проникнуть в Южную Аравию. Он невысокого мнения о рассматриваемых работах, образцах «новейшего фашистского востоковедения», и рассматривает их как социальный заказ итальянского правительства. Вряд ли Моисей Маркович мог тогда предположить, что несколько лет спустя он окажется в Италии, где проведет четыре годы и помимо прямых обязанностей будет заниматься там арабистикой и публиковаться в «Ориенте модерно».

Наконец, в том же «Новом Востоке» в 1930 г. появится превосходный труд М.М.Аксельрода «Современный Йемен»[28]. Если не считать более скромную по задачам статью Г.А.Астахова, вышедшую в 1928 г.[29], то работа Моисея Марковича должна быть признана первым в нашей литературе всесторонним описанием Йемена[30]. Профессионально точно, просто, лаконично в ней изложен обширный материал, характеризующий страну, ее население, социально-экономическую структуру и государственный строй. До сих пор она остается важным источником для изучения Йемена 1920-х годов.

Конечно, и эта работа Аксельрода несет печать времени: помимо преувеличения роли торгового капитала в ней содержится и преувеличенная оценка антиимпериалистической направленности внешней политики имама Яхьи и Ибн Сауда[31]. Впрочем, нота малообоснованного революционного энтузиазма, на которой оканчивается статья, контрастирует с трезвым анализом событий; это дает основание предположить, что концовка статьи стала данью в пользу редакционных требований, в свою очередь также продиктованных идейными партийными требованиями.

По возвращении в Москву из Аравии Моисей Маркович деятельно сотрудничает с Всесоюзной научной ассоциацией востоковедов (теперь она именуется НАВ). В 1928 г. его избирают в президиум Ближневосточной секции НАВ[32], а в 1929 г. он – заместитель председателя секции С.К.Пастухова (в числе членов секции были академик А.Н.Самойлович, В.Н.Осетров, Е.Л.Штейнберг, Д.И.Шморгонер, П.В.Китайгородский, Б.М.Данциг). Связи Аксельрода с ВНАВ возникли еще в годы учебы, уже тогда, по воспоминаниям домашних, он бывал у М.П.Павловича. Одну из первых своих работ он направил из Джидды в «Новый Восток»[33] и не изменял этому журналу вплоть до его закрытия. Вообще Моисей Маркович публиковался за редким исключением только в двух, видимо, близких ему по духу печатных органах – «Новый Восток» и «Международная жизнь».

В 1929 и 1930 гг. М.М.Аксельрод печатает в «Новом Востоке» серию рецензий на арабские и советские издания по арабским странам[34]. Надо сказать, что раздел критики и библиографии в журнале был поставлен по тем временам солидно. Среди рецензентов выступали ученые с именем – Б.В.Миллер, Н.И.Радциг, А.Е.Снесарев и др. – и те молодые востоковеды, кто станет известен своими работами в последующие годы, – А.А.Губер, А.Д.Новичев, Б.М.Данциг, Е.А.Беляев, И.А.Генин. Рецензии Аксельрода были строги, объективны, они выдавали в нем арабиста немалой культуры и человека острого ума, не терпящего фальши и революционного фразерства[35].

В 1928 г. Моисей Маркович меняет характер своей служебной деятельности: он переходит из Народного комиссариата по иностранным делам в Иностранный отдел ОГПУ.

По сообщению Г.С.Агабекова[36], в работу по сбору разведывательных данных Аксельрода и Белкина вовлек во время пребывания еще в Саудовской Аравии и Йемене Хакимов. Во второй половине 1929 г. в качестве профессионального разведчика Аксельрод направляется в Египет. Однако распоряжения меняются, он остается на полгода в Константинополе, работая с Агабековым, а затем возвращается в Москву за инструкциями. После его отъезда из Стамбула Агабеков принимает решение оставить службу в ОГПУ и просить политического убежища в Англии. Свой шаг он объяснял разочарованием в методах работы ОГПУ и несогласием с правительственной политикой. Этот акт Агабекова, начальника Восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ (1928–1929) и резидента на Ближнем Востоке (1929–1930), закрывает для Аксельрода дорогу на Арабский Восток. Но и продолжая работать в ОГПУ, он занимается научно-публицистической деятельностью.

По возвращении из Турции М.М.Аксельрод завершает работу над статьей «Современный Йемен», публикует квалифицированный обзор «Трансиордания (Шарк-уль-Урдун)» (Новый Восток. 1929, № 26–27, с. 318–325). Теперь он обращается и к педагогической работе: ведет занятия в МГУ и МИВ, выезжает с лекциями в Ленинград, Тбилиси, Ташкент. У него сохраняется завидная работоспособность – с книгой он не расстается и во время еды. Тем не менее в 1931 г. – и это не поддается подтвержденному самим Моисеем Марковичем объяснению – Аксельрод перестает публиковаться. Это тем более обращает на себя внимание, что все свои работы (их выявлено 21) он выпустил в свет между 1926 и 1930 гг. Начав так интенсивно свою научно-публицистическую деятельность, он вдруг замолкает. Думается, что причину этого следует искать в идейно-политической борьбе, имевшей место в марксистской науке.

Мне уже приходилось обращать внимание читателя на то, что так называемое молодое, т.е. марксистское, востоковедение не было единым по теоретическим установкам, точнее, в оценке социально-политической ситуации в странах Востока[37]. С первой половины 1920-х годов в нем имелось по крайней мере два направления. Одно из них было представлено работами П.В.Китайгородского, К.М.Трояновского, отчасти В.А.Гурко-Кряжина. В качестве основной задачи эти востоковеды ставили перед собой поиск ответа на вопрос, «какие социальные слои можно считать находящимися в объективном и непримиримом противоречии с империализмом»[38]. Согласно решениям II конгресса Коминтерна считалось, что восточные народы стояли перед целями национальной революции, но представители рассматриваемого направления преувеличивали уровень классовых противоречий на Востоке и полагали, что национальное движение уже перерастало в классовое. Отсюда следовал вывод, что национальная буржуазия, испуганная борьбой феллахов и рабочих, не способна бороться с империализмом, поэтому только рабочий класс и компартия смогут освободить страны Востока от империалистического гнета. Внимание арабистов сосредоточивалось на Египте, который, по их представлениям, может стать «центром не только арабского, но и всего мусульманского Востока»[39]. Социально-экономической посылкой всех этих умозрительных заключений было преувеличение уровня развития в Египте капитализма, искусственное завышение численности пролетарских элементов деревни. В работах этого направления количественный анализ придавал выводам лишь видимость математической точности, а на деле был подгонкой показателей под заданную схему.

Параллельно этому течению в марксистском востоковедении существовал иной подход к анализу событий. Руководствуясь той же антиимпериалистической направленностью своих взглядов, его сторонники строили анализ на внимательном рассмотрении политических событий, на изучении изменений экономической конъюнктуры, эволюции политики разных группировок, состоянии общественного мнения, подъемов и спадов революционной активности масс при учете социальной структуры общества в целом. Таким образом, анализ основывался на широком круге оценок, и это позволяло избегнуть бесплодного социологизирования. Востоковеды этого круга, оставаясь приверженцами марксистской теоретической схемы, тем не менее не питали иллюзий относительно скорого завоевания рабочим классом гегемонии в национально-освободительном движении.

В этот круг ученых входили В.Т.Кротков[40], Ф.А.Ротштейн[41]. Так же осмысливал положение в Египте М.М.Аксельрод. Его первая статья о Египте была написана в Джидде[42]; в ней он рассматривал вполне конкретный сюжет – политические столкновения, возникшие вокруг египетских выборов в парламент в 1925 и 1926 гг. Он полагал, что в политической борьбе «Вафд» представляет движение поднимающейся буржуазии, стремящейся освободить Египет от опеки англичан, и был убежден, что, «несмотря на отсутствие в программе партии какого бы то ни было социального законодательства, она все же поддерживается широкими массами мелкой буржуазии и крестьянства как партия, наиболее последовательно защищающая независимость Египта от англичан»[43]. Аксельрод отмечал слабость рабочего класса и компартии Египта.

Во второй половине 1920-х годов для большинства марксистов главным вопросом по-прежнему оставалась проблема расстановки социальных сил в национально-освободительном движении; эту тему они также разрабатывали преимущественно на материалах Египта. К этому времени заметно поднялся профессиональный уровень научных работ: появились новые кадры профессионалов-арабистов (среди них В.Б.Луцкий), в научно-публицистическую деятельность включились практические работники – участники коммунистического движения в арабских странах А.Шами, В.Абузям, А.Авигдор, Надаб, которые вместе с тем внесли в науку приемы и дискуссионные методы партийных функционеров. Лидерство в изучении национального движения теперь переходит к Коммунистическому университету трудящихся Востока с его журналом «Революционный Восток» и образованной при нем Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем. События в

арабских странах шире освещаются на страницах журнала «Коминтерн».

На позиции этого круга ученых-публицистов, продолжавших теоретическую линию Китайгородского и Трояновского, идейное воздействие оказало выступление И.В.Сталина в КУТВе в 1925 г., в котором политические позиции ведущих классов в странах Востока были детерминированы численным соотношением пролетариата и буржуазии, а также тезисы VI конгресса Коминтерна 1928 г. с их негативным отношением к роли национальной буржуазии в революциях на Востоке. В результате усугубляются догматические подходы: еще больше преувеличивается размах самостоятельного движения рабочих и крестьян и отрицается роль буржуазного национализма в борьбе за национальное освобождение. Перед арабскими коммунистическими партиями ставится задача завоевания пролетариатом гегемонии в национальном движении.

Вразрез с этими построениями выступает М.М.Аксельрод. В журнале «Международная жизнь» он публикует под своим старым псевдонимом Рафик Муса статью «Диктатура в Египте» (1929, № 4, с. 37–51; № 5, с. 56–68). В ней он рассматривает причины реакционного переворота в июне 1928 г. (падение кабинета Наххас паши, роспуск парламента) и создавшуюся в Египте новую политическую ситуацию. М.М.Аксельрод полагает, что «основной причиной государственного переворота в Египте было непримиримое противоречие между интересами возглавляющей египетское национальное движение буржуазии, стремящейся своей внешней и внутренней политикой добиться благоприятных условий для своего развития, и интересами английского империализма, желавшего сохранить за Египтом характер аграрной колонии Англии»[44]. Он продолжает утверждать, что «Вафд» остается во главе национального движения, и удерживается от рекомендаций, легко даваемых его коллегами, о необходимости египетскому пролетариату в борьбе за руководство движением стремиться к изоляции буржуазных националистических группировок. Моисей Маркович ограничивается лишь выводом о том, что борьба в верхах является «хорошей политической школой» для масс, способствующей постепенному пробуждению пролетариата и крестьянства[45]. Эта борьба, по его мнению, сопровождается «процессом пересмотра ценностей и формированием новых идеалов, новых взглядов на задачи национального и социального освобождения трудового Египта»[46]. Так прогнозировал Аксельрод будущее Египта в 1929 г., исходя из более реалистического анализа событий и не стремясь выдавать желаемое за действительное.

В 1931 г. подобная оценка расстановки сил в революции становится предлогом для политических обвинений, и М.М.Аксельрод замолкает[47]. По-видимому, на него производит угнетающее впечатление та атмосфера, которая установилась в науке с начала 1930 г.: дискуссии превращаются в публичные проработки, сопровождавшиеся политическими обвинениями, поспешные реорганизации далеко не всегда оправданны и вскоре заменяются новыми. В 1930 г. ликвидируется ВНАВ и закрывается «Новый Восток», прекращается и издание «Международной жизни». Обсуждение современных проблем в вышеуказанном духе сосредоточивается в НИА КУТВ и на страницах «Революционного Востока».

Моисей Маркович обращается к другим сферам востоковедной деятельности: он участвует в обсуждении учебных программ и курсов по новой и новейшей истории арабских стран, не уходит от научных дискуссий, осуществляет, по словам Х.И.Кильберг, редактирование арабско-русского словаря Х.К.Баранова, участвует в составлении «Словаря иностранных слов» (ОГИЗ. М., 1931).

В 1934 г., через десять лет после окончания МИВа, уже серьезно заявив о себе в науке, М.М.Аксельрод уезжает в Западную Европу. Он становится резидентом в Италии, его основная задача – сбор секретной информации о подготовке державами «оси» мировой войны. Через некоторое время к нему приезжает Вера Васильевна с дочерью. От периода пребывания в Италии сохранились письма Моисея Марковича к сестре и ее мужу. Эти письма шли в Москву сложным путем, при их написании соблюдались некоторые правила конспирации, и все-таки они доносят до нас голос М.М.Аксельрода и передают настрой советского человека 1930-х годов, заглушавшего в себе во имя служения высокой идее голос критики режима, установленного в стране, оставшегося верным этой идее и своему долгу тогда, когда несколько крупных политических деятелей и его коллег уже выступили с открытым разоблачением сталинской политики.

М.М.Аксельрод не приемлет официальный образ жизни и государственный строй фашистской Италии (это также влияло на образ его мыслей).

> «Ты просишь сообщить, как прошел у нас 1.V. Серое, серое небо. Мелкий противный моросящий дождь. Гробовая тишина и безлюдье. Не скажу, чтобы на улицах были усиленные наряды полиции – они здесь всегда в таком количестве, что увеличения я себе просто физически не представляю. Никакого оживления. Буднично. Фашизм здесь неплохо поработал, все задавлено и не дышит. Тишина об-

разцовая, как в могиле. Перерывы только во время парадов и патриотических манифестаций. Тогда все орут. Так как свойство человеческой натуры таково, что она должна время от времени прорываться, то для удобства публики парады и манифестации устраиваются как можно чаще. За отсутствием хлеба народ кормят зрелищами» (4.V – 36).

Впрочем, год спустя он лучше осведомлен о состоянии общественного мнения:

«Что об этом (политике империи. – *И.С.*) думает средний человек? Средний человек, сравнивая стоимость жизни до империи и после ее основания, хватается за голову и приходит в отчаяние – и есть от чего! Настроение у большинства подавленное. Предвидят войну, не хотят и боятся. Поражения в Испании произвели очень сильное впечатление. Растет сопротивление. Хотя, по моему впечатлению, неорганизованное. Не так давно произошел следующий случай: на одной автостраде здесь, соединяющей столицу с морем (30 км), имеется на каждые 5 метров пути реклама крупной фирмы готового платья, гласящая: "Ц. (название фирмы) одевает всю страну". Так вот, недавно на многих плакатах было приписано мелом или углем крупными буквами: "а М. (фамилия "вождя") ее раздевает!" Это показательно для настроения страны» (25.V–37).

С юмором описывает он традиционные народные праздники:

«Новый год здесь встречают... шумом. Ломают бутылки о мостовую, взрывают петарды, выбрасывают на улицу старые обветшалые ненужные вещи. Хорошо было бы выбросить за окно весь их гнусный и, несомненно, устарелый режим. Увы! Это тоже от нас одних не зависит.

Теперь остается последний праздник – 6.I. Крещенье. В этот вечер все – большие и маленькие – будут ходить по улицам и трубить друг другу в уши из дудок, гудков и т.п. Общественные приличия требуют, чтобы те, кому трубят в уши, переносили это с христианским терпением и вежливо улыбались. Взамен им разрешается делать то же самое со своими ближними» (3.I–37).

Он страдает от недостатка объективной информации и отсутствия связи с родиной.

«Ужасно поганые здесь газеты – бездарные, нахальные, на 100% лживые» (4.V–36).

«Москвы по радио не слушаем. Забивает! Редко, редко удается поймать, минуту послушаешь, потом начинается треск и грохот атмосферических разрядов, так что с доса-

дой закрываешь радио и говоришь себе: Судя по грохоту, это скорее Мадрид, чем Москва!» (13.XII–36).

Болевой центр сознания – испанские события.

«Вы живете там полной интенсивной жизнью, переживаете испанские события и хотя реагируете на них главным образом резолюциями, но все же так или иначе чувствуете себя частицей мирового рабочего движения.

Мы здесь живем как замкнутые в паровом котле, под давлением в 10 атмосфер. Частью мирового пролетариата мы чувствуем себя в редкие, даже скорей редчайшие минуты, когда читаем газеты (я имею в виду наши газеты), в остальное время мы как отрезанный ломоть... Но все же ломоть от того же теста» (1.XI–36).

И снова об испанских делах в ответ на письмо из Москвы:

«И теперь об испанцах. Дорогие мои, я вовсе не обвинял советскую общественность в равнодушии. Я знаю, что стоит только кликнуть клич, мы в один день будем иметь миллион добровольцев. То, что я писал, было только выражением чувства беспокойства и боли за судьбу испанской революции, чувство, которое особенно испытывается здесь антифашистами, поскольку здесь сильней чувствуется влияние испанских событий на мировую обстановку. Естественно чувство беспокойства – все ли мы сделали, что можно? Быстро ли мы это сделали? Ведь дорог каждый час!» (13.XII–36).

Здесь, вдали от родины, семья сохраняет свои привычки: на Рождество вместо трогательной немецкой рождественской песни (семья считается австрийскими подданными) они «пели марш Буденного. Так нам было приятней, а пели мы вполголоса – беды нет» (3.I–37). М.М.Аксельрода интересуют все московские новости: «как идет метро? чего у вас выстроили?» Его волнует все, что касается строительства и реконструкции Москвы. Взрыв негодования вызывает у него уничтожение бульваров по Садовому кольцу.

«Одно ваше сообщение – об автостраде Крымск[ая] пл[ощадь] – Курский вокзал – меня просто расстроило. Как, сняли все бульвары по кольцу "Б"? Ведь это же невероятно! Повсюду проводится озеленение. Сажаются десятки тысяч чахлых кустиков (из которых 90% не выживает), о чем торжественно пишется в рапортах, а тут, извольте видеть, – достижение... выкорчевали сотни столетних деревьев в центре города! Воля ваша, это – головотяпство! Из всех столиц мира М. – одна из наиболее бедных зеленью. У нас в центре города, кроме бульваров по кольцу "А" и п[

части кольца "Б" зелени почти нет. Кольцо "Б" (в частности, где были бульвары) очень широкое и по европейским понятиям, даже для Парижа, и было бы вполне достаточно запретить движение ломовиков и снять рельсы, а вот нашлись умники – вырубать деревья! Меня не то удивляет, что нашлись головотяпы, чтобы отдать такой приказ, а то, что из 4-х миллионов москвичей не нашлось никого, чтобы поднять этот вопрос в газетах, обратить внимание Булганина, дойти до самого И.В., если нужно. Будь я дома, я бы обязательно протестовал...» (25.V–37). И далее: «Вы пишете о новых стройках. Строятся ли также жилые дома?» (там же).

В той степени, в какой позволяют условия, Моисей Маркович следит за культурной жизнью родины.

«Последний хороший фильм, который я видел в своей жизни, это – "Мы из Кронштадта", но это было в Париже, 3 месяца тому назад. По-моему, он куда сильней Чапаева, который, может быть, идеологически выше, но настолько же и скучней» (1.XI–36).

И снова о том же:

«...она так драматически насыщена, что у меня даже не было времени заметить дефекты, если они есть. Она огромна в целом! А Чапаев, м.б., идеологически или как еще там выдержан на 200%, но скучен, склеен из отдельных эпизодов и не динамичен, а в некоторых эпизодах (беснующийся Чапаев, рвущий с себя рубашку) смешон и неубедителен, хотя, м.б., исторически верен. А в искусстве всякий жанр позволителен, кроме скучного» (13.XII–36).

Самым драматичным письмом был отклик на один из процессов, по-видимому, 1937 г. (письмо не датировано).

«...Истекшие недели и мы здесь жили под тяжким и кошмарным впечатлением этого процесса. Ужасно было тяжело. Люди, которые занимали командные посты, были членами правительства, пользовались доверием, вниманием, некоторые даже любовью, конспирировали, предавали, изменяли во имя "идеологии", которую никто из них не осмелился даже защищать, даже изложить суду». (Не возникло ли у него при этом смутное подозрение в инспирировании судебного процесса? - *И.С.*) В итальянской прессе «по поводу процесса распространяются самые чудовищные и бессмысленные басни, причем, конечно, о том, чтобы свести концы с концами, совершенно не заботятся. С одной стороны, доказывают, что процесс показывает колоссальное влияние оппозиции и слабость режима, а ровно через десять строк

пишут, что весь заговор троцкистов "выдуман" и что вообще ничего этого, о чем говорилось на суде, не было.

Теперь нам удалось почитать наши газеты. Разумеется, чтобы понять правду, нам всего этого не надо было, но были рады возможности получить более отчетливое представление о деталях. Конечно, все это нелегко переживать. И в такие минуты особенно тяжело чувствовать себя оторванным от страны.

Сильно переживаем и испанские события. Кто знает, как это там кончится, а ведь это может иметь решающее значение для судьбы всего человечества на ближайший период времени».

И все-таки Моисей Маркович верит в несфальсифицированность процесса, но интуитивно полагает, что процессы не должны заслонить испанские события.

Небезынтересны его размышления о НЭПе (13.XII.36):

«...что же касается вопроса о НЭП'е, то я или отстал от ваших талмудических методов, или поглупел и не понимаю, в чем дело. Как можно спорить о том, кончился ли НЭП или нет, когда И.В. очень определенно сказал: "Мы сейчас имеем конец НЭП'а". Если я еще не забыл русский язык и русскую грамматику, то "имеем конец" = "кончается", а "кончается" это не "кончился"... Диалектический процесс развития заключается в том, что тезис путем изменений превращается в антитезис, а конечный период НЭП'а является отрицанием начального. И нет такого момента, когда можно сказать: вот до сих пор НЭП, а от сих пор уже не НЭП. Целого ряда признаков, которые были характерны для НЭП'а первого периода, сейчас нет, но это не значит, что НЭП уже кончился, у нас сейчас последний период, конечный период НЭП'а, но это – период, а не момент. А в общем, по-моему, весь этот талмуд ничего не стоит. Ну не все ли вам равно, как это будет называться – "НЭП" или еще как-нибудь, но совершенно ясно, что наша экономика совсем не походит ни на 1919 г. (военный коммунизм), ни на 1924-й (расцвет НЭП'а)».

Как видим, Аксельроду очевиден догматизм всех этих построений, но преодолеть рамки этой идеологии он не может или не решается. Он вполне разделяет большевистский максимализм в некоторых своих суждениях. Так, в том же письме он пишет:

«А теперь насчет Андре Жида. Книжку я его прочел. Жалкая это, пустая и очень поверхностная книжка. Хотя отдельные его замечания (немногие, правда), как это ни горько для нас, верны, но вывод общий, что у нас нет

творческого духа, что мы самодовольны, мыслим по-казенному, что мы большая идеологическая казарма, не обоснован самим Жидом. Жид, скорей всего, искренний человек. Этим, м.б., и объясняется его подпись под приветствием Съезду Советов. Но он не наш человек и никогда не был нашим. Этим объясняется его "разочарование", вылившееся объективно в пасквиль. "Коммунизм" Жида всегда был поверхностным, неопределенным, чисто мозговым, основанным на неясных ощущениях. Достаточно сравнить его с Барбюсом, чтобы сразу понять разницу. Жид – индивидуалист до мозга костей. Он пришел на момент к нам, по закону противоположности, потому, что оторвался от буржуазного общества, а не потому, что шел к нам, как к цели» (иными словами, для Моисея Марковича принятие системы, примирение с ее недостатками – результат веры в коммунистическую идею, воплощение которой в жизнь должно составлять цель общества. – *И.С.*). «И когда он пришел, он ничего не понял: ни стахановского движения, ни колхозного строя, ни комсомола, ни тем более марксизма. Все это вместе с отдельными дефектами, которые он подметил, и привело его к разочарованию. История с Жидом, по-моему, очень печальна не потому, что в нас разочаровался Жид, а совсем по-другому. Для нас это должно послужить уроком. Не цацкаться с первым попавшимся интеллигентом только потому, что он "сочувствует", не превозносить его до небес, не создавать ему рекламы с тем, чтобы он потом с тем большим авторитетом выступал против нас».

Истинное понимание происходящего на родине (а может быть, и идейных основ марксизма) начало приходить с приездом на родину.

В конце 1937 г. М.М.Аксельрод получает указание из центра незамедлительно вернуться в СССР. Снята почти вся советская резидентура в Европе. Это произошло после открытого отказа Рейса сотрудничать с НКВД. На корабле плывут многие коллеги Моисея Марковича. Аресты начались по пути из ленинградского порта в гостиницу. Аксельрод приезжает в Москву. Здесь, дома, он потрясен и подавлен переменой в общественно-политической атмосфере. Он уже понимает значение массовых репрессий: «Не есть ли разгул террора пожиранием революцией своих детей?» – спрашивает он Х.И.Кильберг.

Моисей Маркович пытается противостоять событиям: узнав об аресте А.Шами, он пишет в его защиту письмо и идет на прием к Ежову; тот встречает своего сотрудника грубой бранью и угрозами «стереть в порошок». Между тем в Иностранном

отделе, где работал Аксельрод, продолжаются аресты. Круг замыкается.

У него еще есть научные планы, но работа валится из рук. Его не покидает чувство обреченности. Он думает о самоубийстве, только привязанность к семье удерживает его от этого шага. 16 октября 1938 г. М.М.Аксельрод был арестован прямо на службе. Ночью в его доме на глазах перепуганной семьи произошел обыск. Библиотека, вывезенная Аксельродом из Италии, была опечатана (позже дочь видела в Библиотеке им. В.И.Ленина книги, переплетенные отцом).

Ему предъявлено стандартное обвинение – участие в троцкистско-зиновьевском блоке, шпионаж, попытки установления связей с Троцким. Следствие вел следователь Федюнин. Три мучительных месяца Моисей Маркович отвергал обвинения. После ряда допросов, поняв, по-видимому, безнадежность сопротивления, он подписал обвинительный документ. Несмотря на то что лица, давшие на него ложные показания (это были его коллеги), отреклись от них публично, Военная коллегия Верховного Суда на закрытом заседании 20 февраля 1939 г. вынесла свой приговор. В ту же ночь М.М.Аксельрод был расстрелян.

* * *

Документ Главной военной прокуратуры о реабилитации лаконично гласил: «Сообщаю, что определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 24 сентября 1955 г. дело, по которому был осужден Аксельрод М.М., прекращено за отсутствием состава преступления. Военный прокурор отдела ГВП Иванов»...

март 1989 – ноябрь 1996 г.

[1] К людям такого же склада мыслей принадлежал В.Б.Луцкий, называвший себя учеником М.М.Аксельрода и задумавший написать статью о нем (осуществить свой замысел он, к глубокому сожалению, не успел). Так, 26.V.1943 г. в очень личном письме к Х.И.Кильберг, сообщая о только что постигшем его «самом тяжелом горе» – гибели на фронте единственного брата, Владимир Борисович писал: «Он был на два года моложе меня, и выросли мы с ним вместе, всегда в детстве и юности мы были неразлучно вдвоем, всегда делились друг с другом впечатлениями, знаниями, мыслями, чувствами. Потом, когда мы выросли, мы пошли разными путями, разными в смысле профессий, но конечная цель у нас была одна, и служили мы одному делу, одной идее». Речь шла о служении делу построения коммунизма.

[2] Биографические сведения об Аксельроде почерпнуты мною из рассказов дочери Моисея Марковича – Инны Моисеевны Аксельрод (Рубиной), его

младшей сестры Раисы Марковны Аксельрод и ныне покойной жены Веры Васильевны Венедиктовой. Раиса Марковна любезно предоставила в мое распоряжение итальянские письма брата (1936–1937) и сообщила сведения, полученные ею в архиве КГБ и дополненные Инной Моисеевной после знакомства с материалами «дела» М.М.Аксельрода.

[3] Сведения из автобиографии М.М.Аксельрода, хранящейся в следственном деле в архиве КГБ.

[4] Первая жена Моисея Марковича – Рута Минаевна Хазанова отличалась незаурядной волей, характером и умом. Моисей Маркович сохранил к ней на всю жизнь глубокое уважение.

[5] В письме к сестре, убеждая ее повременить с браком, Моисей Маркович писал в мае 1936 г.: «А я повторяю свою мысль – я против ранних браков. Я сам совершил такую ошибку и поэтому вправе сослаться на свой опыт. Ты знаешь, о чем я говорю. У нашей советской молодежи была в мое время и, я думаю, существует и сейчас такая мысль: брак ни к чему особенному не обязывает. Не сживемся, разойдемся. У нас, слава богу, советский строй! Это – глубоко ошибочная мысль. Брак оказывает на человека колоссальное влияние физически и психически, определяет известным образом, а ломка брака это такая колоссальная травма (выражаясь медицинским термином), которая окончательно не излечивается. Брак очень серьезное дело, и заключать его надо всерьез и надолго, а по возможности навсегда». И далее в качестве аргумента он вводит рассуждения, как ему представляется, убедительные для девушки середины 1930-х годов, студентки исторического факультета: «Идейки о временных браках, о легкости и несущественности брака, которые подносились под видом социалистической морали, на самом деле – не социалистические идеи, а мелкобуржуазные, анархистские. Маркс, Бебель, Цеткин, Влад[имир] Ильич были сторонниками моногамного, продолжительного брака не только на словах, но и на деле».

[6] *Ашарин Г.* (псевдоним Г.А.Астахова). По Йемену. Л., 1931, с. 36.

[7] *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745–1973). М., 1982, с. 292.

[8] В семье сохранились уникальные фотографии тех лет, пронумерованные, но лишенные подписей и инвентарного списка.

[9] Этот очерк был написан под влиянием посещения праздника во время пребывания в Азмаре (столице итальянской Эритреи), где Моисей Маркович, по словам Веры Васильевны, за месяц овладел местным разговорным языком (вероятно, тигринья).

[10] *Аксельрод.* Экономические очерки Геджаса. – Торговля России с Востоком. 1928. № 1–2, стб.4.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Материалы Аксельрода не позволяют безоговорочно признать тезис А.М.Васильева (Указ.соч., с. 320, 321) об отсутствии какого-либо развития аравийского общества между XVIII и первой третью XX в. Работы М.М.Аксельрода, к сожалению, выпали из поля зрения А.М.Васильева.

[14] *Рафик Муса.* Реформы в Геджасе. – Международная жизнь. 1928, № 1, с. 46.

[15] Там же, с. 45.

[16] *Аксельрод М.* Эволюция Геджаса и его конституция. – Новый Восток. М., 1928, № 23–24, с. 280.

[17] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. М., 1970, с. 24.

[18] *Рафик Муса.* Реформы в Геджасе, с. 48.

[19] Там же.

[20] Там же, с. 47.

[21] *Аксельрод М.* Эволюция Геджаса и его конституция, с. 282.

[22] *Рафик Муса.* Реформы в Геджасе, с. 46.

[23] *Аксельрод М.* Аравийский полуостров (Обзор за последний квартал 1928 г.). – Новый Восток. М., 1929, № 25; *Рафик Муса.* В мятежной Аравии. – Международная жизнь. 1926, № 6, с. 48–58.

[24] *Голубовская Е.К.* Революция 1962 года в Йемене. М., 1972, с. 19.

[25] Собственно первым советским представителем был Г.А.Астахов (1897–1942), сотрудник НКИД, посетивший Сана летом 1928 г. для проведения зондажа.

[26] *Аксельрод М.* Современный Йемен. Экономический и политический очерк. – Новый Восток. 1930, № 28, с. 74–98; *он же.* [Рец. на:] *Weisl Wolfgang von.* Zwischen dem Teufel und dem Roten Meer (Fahrten und Abenteuer in Westarabien). Lpz., 1928, S. 318. – Новый Восток. 1928, № 23–24, с.403–405; *Белкин Н.* и *Аксельрод М.* Экономические очерки Йемена. – Торговля СССР с Востоком. 1929, № 1–2, стб. 19–22; № 3–4, стб. 15–20.

[27] И в дальнейшем М.М.Аксельрода и Н.М.Белкина связывала дружба. Белкин был участником войны в Испании. Его служебная карьера во многом напоминала путь Моисея Марковича. В конце 1930-х годов Белкин был арестован.

[27а] *Аксельрод М.М.* [Рец.на:] *Massimo Rava.* Nel cuore dell Arabia Felice (con Jacopo nello Jemen). Roma, 1927, p.75; *Rossi D.B.E.I.* Jemen. Arabia Felix o regio aromatum. Torino, 1927, p. XXXII + 62 + 2 карты. – Новый Восток. 1929, № 25, с. 334–335.

[28] *Аксельрод М.* Современный Йемен. Экономический и политический очерк. – Новый Восток. 1930, № 28, с. 74–98.

[29] *Гастов Г.* (псевдоним Астахова). Аравийские проблемы. Внутреннее и внешнее положение Йемена. – Международная жизнь. 1928, № 9–10, с. 64–75.

[30] Содержание работы таково: географическое положение и границы Йемена, демографические данные, в том числе соотношение городского и сельского населения, его религиозный и этнический состав, сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность, торговля, экономическое и социальное районирование, социальные уклады, система землевладения, городской строй, краткий исторический очерк, характеристика государственного строя, внутренняя политика правительства, расстановка социально-политических сил, внешнеполитическое положение.

[31] «"Подводя итог" всему вышесказанному, мы можем констатировать, что могучий национально-освободительный процесс, захвативший собой весь Восток, докатился и до отдаленной Аравии. На наших глазах "Счастливая Аравия" – страна тысячелетней культуры – преобразуется и переходит к новым формам общественно-политического бытия. На смену отжившему и окостеневшему феодально-племенному объединению идет новое единое национальное государство. Этот процесс трансформации проходит пока под эгидой торгового капитала. Но поскольку он совершается в непрестанной борьбе против империализма, он имеет, несомненно, объективно революционное значение и сам по себе, и по тому влиянию, которое он оказывает на другие арабские страны, еще находящиеся под железной пятой империализма» – так завершается работа «Современный Йемен» (с. 97–98).

[32] См.: Хроника. – Новый Восток. 1928, № 23–24, с. 431, и 1929, № 25, с. 365.

[33] *Аксельрод М.* Борьба партий в Египте. – Новый Восток. 1926, № 15, с.302–310.

[34] *Аксельрод М.* [Рец. на:] Бюллетень хозяйства и политики арабских стран. Под ред. тт. Абузям и Бергера. № 1 от 31.XII.1928 г. Изд. ЦК Палестинской ком. партии. – Новый Восток. М., 1929, № 25, с. 324–325; *он же.* [Рец. на:] Саут эль-амиль (Голос рабочего). Сб. статей по рабочему вопросу. Сост. М.Каплюк. Иерусалим, 1929. – Новый Восток. 1930, № 29, с. 243–245; *Рафик Муса.* [Рец. на:] *Абузиам М.* Восстание в Палестине. М., 1930. – Там же, с. 240–242; *он же.* [Рец. на:] *Фуад-Шимали.* Никабат эль-уммаль (Рабочие профсоюзы). Бейрут, 1929. – Там же, с. 242–243.

[35] Так, Абузям и Бергер в предисловии к «Бюллетеню хозяйства и политики арабских стран» провозглашают, что они, не будучи в состоянии конкурировать с империалистическими газетными трестами и их агентурой, могут тем не менее черпать материал «из живой жизни», имея к тому же такое преимущество, как марксистский метод, с помощью которого можно «видеть многое, что недоступно империалистическим последователям». Моисей Маркович немедленно парирует: «К сожалению, приходится констатировать, что, оправдав опасения относительно невозможности "конкурировать с империалистическими газетными трестами", редакция вместе с тем ничем не доказала, что она, действительно, имеет те преимущества, на которые она ссылается. Ведь нельзя же в самом деле считать "извлечением из живой жизни" те статистические материалы о промышленности и торговле или обзор печати, которые занимают добрую половину всего бюллетеня. В равной мере слабо обстоит и с марксистским анализом: политическая хроника дана в сухих протокольных тонах, обзор египетской прессы не сопровождается комментариями...» (Бюллетень хозяйства, с. 325).

На широковещательное заявление Абузяма о задачах своей работы «Восстание в Палестине» с отсылками на резолюцию ИККИ М.М.Аксельрод не без иронии замечает: «Разумеется, попытку изложить популярным языком решения Коминтерна и сделать их доступными широким кругам читателей нельзя не признать полезной. К сожалению, к своим попыткам набросать широкую картину современного экономического положения Палестины и расстановки в ней классовых сил автор отнесся поверхностно и неряшливо, так что ценность его брошюры, даже в учете отмеченного выше достоинства, становится весьма сомнительной» (*Рафик Муса.* [Рец. на:] *Абузиам М.* Восстание в Палестине. М., 1930. – Новый Восток. 1930, № 29, с. 240).

[36] *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. Изд. «Стрела». 1931, с. 212.

[37] *Смилянская И.М.* Некоторые проблемы новейшей истории Египта в трудах советских арабистов. – Арабские страны. История. Экономика. М., 1970.

[38] *Астахов Г.* [Рец. на:] Колониальный Восток. Социально-экономические очерки, под ред. А.Султан-заде. М., 1924. – Новый Восток. 1924, № 5, с. 329.

[39] *Трояновский К.* Классы и партии современного Египта. – Колониальный Восток. М., 1924, с. 283.

[40] *Кротков В.Т.* Разрыв англо-египетских переговоров. – Вестник НКИД. 1922, № 1–3, с. 59–69.

[41] *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. 2-е изд. М., 1959.

[42] *Аксельрод М.* Борьба партий в Египте. – Новый Восток. М., 1926, № 15, с. 302–310.

[43] Там же, с. 302–303.

[14] *Рафик Муса*. Диктатура в Египте. – Международная жизнь. 1929, № 4, с. 43.

[15] Там же, № 5, с. 68.

[16] Там же.

[17] Косвенным доказательством в пользу изложенных причин молчания М.М.Аксельрода в печати служат его показания, содержащиеся в следственном деле. Они даны 20–22 января 1939 г. В значительной части эти показания представляют собой самооговор, совершенный, по-видимому, под жестоким давлением (во всяком случае, в деле есть свидетельство тюремного врача о повреждении руки у заключенного). Однако в многостраничных показаниях Моисея Марковича содержатся, как думается, достоверные свидетельства внутреннего неприятия и даже его сопротивления новому политическому курсу: признание, что в конце 20-х годов он не смог изжить «мелкобуржуазных предрассудков», что его колебания усилились в период коллективизации, что он был не согласен с партийным «зажимом», что он отказался вести занятия в редакции журнала «Политическая революция» по письму Сталина (1931 г.).

Х.И.Кильберг

ВОСПОМИНАНИЯ О М.М.АКСЕЛЬРОДЕ

Впервые я увидела Моисея Марковича Аксельрода в Арабском кабинете Института им.Нариманова в 1931/32 учебном году. Он читал нам, четырем студентам арабского разряда, курс новой истории арабских стран. Занятия в столь немногочисленной аудитории, естественно, принимали характер обмена суждениями по усвоенному материалу. М.М. предпочитал этот метод, учивший думать его слушателей. Формулируя основные проблемы исторического процесса, он требовал от студентов активного отклика. Запомнилось, с какой молниеносной быстротой М.М. реагировал ироническими репликами на высказывания студентов, «осторожничающих», уклоняющихся от прямого высказывания своих взглядов.

В то время М.М. довольно часто печатал свои статьи в «Международной жизни» и других изданиях (Х.И. имела в виду работы, вышедшие в свет до 1931 г. – *И.С.*). Мы следили за периодикой; случалось, что на занятиях М.М. ставил на обсуждение те или другие спорные положения своих статей и работ своих коллег.

Мне помнится, что М.М. не пользовался конспектами, карточками, но занятия вел по определенному плану. Излагая предмет, он как бы думал вслух, вовлекая тем самым слушателей в свой лишенный какой-либо скованности мыслительный процесс. Слушать его было интересно. Такое же впечатление складывалось от выступлений М.М. и тогда, когда доводилось присутствовать на дискуссиях, которые велись между Моисеем Марковичем Аксельродом, В.Б.Луцким и А.М.Шами в Институте им. Нариманова, в Международном аграрном институте (МАИ) и в других учебных и научных учреждениях. Тогда в этих спорах намечались основные контуры новой истории арабских стран, ведь это было время, когда в нашем востоковедении едва только осмысливались основные закономерности исторического развития арабского мира. В науке еще царила творческая

© Х.И.Кильберг, 1997

атмосфера первого периода революции. На всех этих обсуждениях присутствовали студенты.

Свою кандидатскую работу я готовила под руководством М.М. Тогда диссертанту предоставлялась большая самостоятельность: по поводу кандидатской мы с М.М. встречались всего два или три раза. В библиотеке Института им. Нариманова в те годы существовал свободный доступ к библиотечным стеллажам. Просматривая книгу за книгой по новой истории Египта, я определила выбор темы и представила М.М. свои предварительные суждения, получив его одобрение. По совету М.М. поработала в библиографическом бюро МАИ, отлично снабжавшемся справочной литературой, и стала собирать материал. М.М. просмотрел часть выписок и одобрил отбор, заметив, что все существенное учтено.

Иначе он отнесся к представленной рукописи работы. Помню, что мне стало не по себе от критических замечаний М.М. по поводу композиции и стиля. Отличавшийся всегда завидной прямотой, М.М. сказал, что ждал от меня большего в критическом разборе литературы и полагал, что я лучше владею пером. Заметив мою растерянность, он добавил по-еврейски: «От нышт кайн фарыбл» («не будьте в обиде»).

Вскоре, в 1934 г., М.М. уехал за границу. Как-то после защиты диссертации, состоявшейся в сентябре 1935 г., мне позвонила сестра М.М. и передала его просьбу переслать ему при ее посредстве экземпляр рукописи диссертации, что я и выполнила. Позднее, когда работа вышла в свет, из-под пера М.М. под псевдонимом появилась в Риме статья, оспаривавшая методологические предпосылки моей работы. Статья имела особое назначение.

В 1937 г., вскоре после возвращения М.М. из-за границы, я побывала у него дома. Он задал мне вопрос, полный горестного недоумения, по поводу террора (как бы мы теперь выразились – по поводу сталинщины). Он спросил, не есть ли разгул террора пожиранием революцией собственных детей. Мой ответ был хотя и искренним, но маловразумительным. Я говорила о неправомерности сопоставления французской буржуазной революции с революцией социалистической. Притом я добавила, что у меня такое впечатление, что орудует враг, вероятно, положение в стране широко используется гестапо и англо-американскими разведками. В создавшейся атмосфере страха с людьми можно делать что угодно.

В этот период я несколько раз встречала М.М. на заседаниях арабской кафедры при обсуждении учебных программ. Критические замечания М.М. представляли большой интерес благодаря

своей обоснованности; чувствовалось его превосходное знание источников по средневековой истории и систематическое наблюдение за ходом событий на современном Арабском Востоке. Авторам программ (преимущественно Е.А.Беляеву) трудно было возражать такому оппоненту, как М.М.Аксельрод.

К концу 1937 г. или в начале 1938 г. в Ленинграде был арестован Шами с женой (С.Рогинской). Я сообщила об этом М.М. Он сказал, что напишет Ежову. На мое замечание, что это может повредить автору письма, М.М. возразил: кому, как не ему, писать, ведь это он знает, что речь идет о самоотверженном революционере, кто был в числе тринадцати приговоренных к смертной казни в Сирии за участие в революции 1925–1927 гг. (только лишь широкая кампания «Юманите» спасла тогда жизнь обреченным). М.М. говорил о мужестве и достойном поведении Шами в бытность того в Египте. М.М. написал Ежову. Вряд ли он заблуждался относительно возможных последствий. Надо думать, что к этому времени он уже хорошо ориентировался во всем происходившем в стране. В своих действиях М.М. проявил себя как последовательный и убежденный в своей нравственной позиции коммунист.

Моя последняя встреча с М.М. относится к осени 1938 г. Тогда мне показалось, что он живет с чувством обреченности.

По договору с Издательством Института им. Н.Н.Нариманова Моисей Маркович, Е.А.Беляев и я предприняли перевод с арабского труда Амина Саида об освободительном движении арабов. Будучи заинтересованной в скорейшей сдаче перевода в Издательство, выполнив свою часть перевода, я и поехала к М.М., чтобы справиться о том, как обстоит дело у него. М.М. я застала в широчайшем арабском халате, он просматривал фотографии, собранные в большом продолговатом ящике. На мой вопрос относительно перевода М.М., указав на фотографии, сказал: «Знаете, это, пожалуй, единственное к чему я пригоден теперь...»

Я ушла с тяжелым предчувствием и вскоре узнала об аресте этого бесстрашного и замечательного человека, много сделавшего для страны. Помнится, что в английской печати его именовали русским Лоуренсом. Мне он представляется больше сродни Рихарду Зорге.

Очень значителен вклад М.М.Аксельрода в развитие советско-арабских отношений и арабистики в нашей стране.

И.М.Смилянская

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Х.И.КИЛЬБЕРГ – АВТОРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АКСЕЛЬРОДЕ

Как-то в 70-е годы, собирая сведения о Моисее Марковиче Аксельроде, я спросила Хисю Израилевну Кильберг, не была ли она знакома с Аксельродом. Оказалось, что она хорошо знала Моисея Марковича. При следующей нашей встрече Хися Израилевна протянула мне общую тетрадку, первые странички которой были заполнены текстом воспоминаний.

Хися Израилевна Кильберг была ученицей Моисея Марковича, хотя всего лишь на четыре года была моложе своего учителя. Впрочем, юность каждого пришлась на первую мировую войну и революцию, вследствие чего и это небольшое различие в возрасте отразилось на жизненном опыте и общественном положении. Моисей Маркович успел до революции блестяще окончить гимназию в губернском российском городе и поступить в Московский университет, а в начале 20-х годов он завершил высшее образование в двух учебных заведениях. Хися Израилевна только в 1919 г. экстерном окончила городскую женскую гимназию в уездном городе Липовец Киевской губернии; свои обширные гуманитарные познания она приобрела путем упорного самообразования, к занятиям же Востоком обратилась только в 30-е годы, когда Моисей Маркович имел уже не только систематическое образование, но и опыт работы на Арабском Востоке.

Х.И.Кильберг родилась в апреле 1902 г. в еврейском местечке Ильинцы Липовецкого уезда в семье мелкого торговца. Согласно написанной ею автобиографии, двенадцати лет она «окончила 2-классное училище Министерства народного просвещения и стала обучать ребят первоначальной грамоте. Вскоре поступила в 4-классное городское училище, но не успела его закончить из-за тяжелой болезни матери и последовавшей затем смерти родителей». Поступив в 1917 г. в гимназию, она одновременно преподавала в школе. С установлением советской власти на Украине Хися Израилевна перешла на службу в волостной

© И.М.Смилянская, 1997

исполнительный комитет. Ей пришлось претерпеть немало жизненных перипетий во время деникинского наступления на Киев, куда она была командирована на курсы наркомтруда, а затем из-за «наступления белополяков» она бежала из родных Ильинцев в Одессу к старшей сестре, оказывавшей на нее большое влияние. Сестра, рано порвавшая с замкнутой жизнью еврейского местечка и самостоятельно получившая образование, вовлекла Хисю Израилевну в активную общественно-политическую жизнь: в 1920 г. Кильберг вступила в ряды РКП(б). Ее последующая трудовая деятельность была связана с культпросветом и профсоюзной работой.

В 1921 г., выйдя замуж, Хися Израилевна переезжает с юга России в Ярославскую область, на родину мужа. Она работает в библиотеке уездного городка Мышкин, а затем в Ярославле. В 1924 г. муж поступает на учебу в Москву, куда переезжает вся его семья. Хися Израилевна продолжает работу в структуре профсоюзов и в 1929 г. уже преподает на Центральных курсах ЦК союза сельскохозяйственных рабочих. Весной 1930 г. она переходит на учебу в МИВ, который оканчивает «в ускоренном порядке осенью 1932 г.».

Диплом, выданный Х.И.Кильберг Институтом востоковедения им. Н.Н.Нариманова, гласит, что его обладательница «успешно прошла» курсы по политэкономии, диалектическому материализму, историческому материализму, ленинизму, ленинской теории империализма, истории революционного движения, народному хозяйству арабских стран, аграрному вопросу арабских стран, арабскому языку, английскому языку, «военизации» и выполнила по этим курсам семинарские работы. Иными словами, МИВ давал ограниченные знания собственно востоковедных дисциплин, направляя усилия студентов на изучение достаточно бесплодных, с точки зрения ориенталистической подготовки, предметов. И поначалу особую роль сыграла работа с таким ярким востоковедом, каким был М.М.Аксельрод. К тому же в 1931 г. институт предоставил группе студентов, в их числе и Хисе Израилевне, стажировку в Йемене.

По окончании Института Х.И.Кильберг была оставлена в аспирантуре МИВ и осенью 1935 г. защитила кандидатскую диссертацию, которая вышла в свет в 1937 г. под названием «Восстание Араби-паши в Египте (Антибританское национально-освободительное движение в Египте в 1879–1882 гг.)». Ответственным редактором книги стал И.Ю.Крачковский. После защиты диссертации Хися Израилевна была принята в докторантуру Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Два с половиной года она работала под руководством И.Ю.Крачковского, завершив таким образом свое арабистическое образование.

Однако болезнь одного из сыновей заставила ее возвратиться в Москву и прервать арабистические занятия почти на десять лет: с 1938 по 1941 г. Х.И.Кильберг – заведующая Отделом библиографии, затем заместитель директора Государственной исторической библиотеки, редактор журнала «Историческая библиография», с 1942 по 1946 г. она находится в эвакуации и работает старшим редактором в Совинформбюро. Только в 1947 г. Хися Израилевна вернулась к исследовательским занятиям в Восточном научно-исследовательском институте при ЛГУ. Три года спустя институт был ликвидирован, а Х.И.Кильберг была принята на работу в Институт востоковедения АН СССР, переведенный в Москву. С тех пор вплоть до выхода на пенсию (с перерывом в 1953–1954 гг.) Хися Израилевна работала в этом институте. К сожалению, с возрастом пришли болезни, в том числе тяжелый диабет; в результате работа подчас превращалась в подвиг, и тем не менее Хися Израилевна продолжала трудиться, оставив заметный след в науке.

Х.И.Кильберг оказалась достойным первопроходцем в ряде направлений отечественной арабистики. Ее исследование об Араби-паше, не утратившее своего научного интереса благодаря серьезной источниковедческой основе, стало первым и на долгие годы единственным трудом в советской науке по новой истории арабских стран (если не считать труд Ф.А.Ротштейна, написанный в основной своей части до революции). Перевод с арабского части монографии Амина Саида «Великая арабская революция» (опубликован ротапринтно МИВом в 1940 г.) намного опередил переводы из арабской историографии новейшего времени, появившиеся в нашей науке. Научно-популярная брошюра Х.И.Кильберг «Египет в борьбе за независимость» (Л., 1950) явилась первым монографическим исследованием в области новейшей истории арабских стран, появившимся после 1930 г. Наконец, перевод II и IV томов сочинения египетского историка ал-Джабарти «Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий» наряду с переводом I части III тома И.М.Фильштинского создали традицию публикаций на русском языке трудов арабских историков нового времени.

Хися Израилевна приложила много труда и энергии для выхода в свет избранных сочинений И.Ю.Крачковского. (На экземпляре первого тома избранных сочинений, принадлежавшем Хисе Израилевне, содержится дарственная надпись В.А.Крачковской: «...с горячей благодарностью за попечение о трудах Игнатия Юлиановича от В.Крачковской. Л.16.II.1956».)

По своему духовному складу Хися Израилевна была близка М.М.Аксельроду, как и В.Б.Луцкому, с кем ее связывали долгие годы дружбы. Ей были присущи пылкий общественный тем-

перамент, постоянная готовность бороться за правду даже тогда, когда это грозило ее служебному положению, чувство ответственности за судьбы науки, ученых, стремление поддержать близких по духу людей, верность и бескорыстие в дружбе. До конца дней своих Хися Израилевна остро и заинтересованно реагировала на происходившие события. В 60–70-е годы она смогла критически проанализировать свои общественно-политические взгляды и идеалы. Воспоминания об Аксельроде были ею написаны в период истового отречения от «сталинщины».

Умерла Хися Израилевна летом 1977 г., не успев прочитать долгожданную корректуру осуществленного ею перевода II тома («Египет в канун экспедиции Бонапарта») сочинения ал-Джабарти.

А.О.Тамазишвили

АКАДЕМИК И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ В МОСКОВСКОЙ ГРУППЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР[1]

Зиму 1941–1942 гг. академик И.Ю.Крачковский провел в блокадном Ленинграде. Голод, напряженная работа и болезнь подорвали его здоровье, дальнейшее пребывание там грозило гибелью, и в конце июля 1942 г. он был эвакуирован.

ИВ АН СССР с большей частью сотрудников находился в то время в Ташкенте, но И.Ю.Крачковский считал, что возврат после лечения к научной работе возможен для него только в Москве. «Хотя состояние библиотек и здесь заставит, вероятно, переменить тематику, но все же позволит остаться в сфере моей специальности – арабистики. Переезд в другие центры обозначал бы перерыв работы, что в моем возрасте представляется уже нежелательным», – мотивировал он свое решение[2].

В конце 1942 – начале 1943 г. появилась возможность начала широкой реэвакуации населения, предприятий и учреждений Москвы. В то же время в столицу стремились и многие из оказавшихся в разных городах страны ленинградских востоковедов. Это объяснялось и их желанием быть ближе ко все еще осажденному врагом родному городу, и тем, что в Москве как главном политическом и крупнейшем научном центре страны складывались наиболее благоприятные на тот момент условия для продолжения и развития востоковедных исследований. В качестве одного из таких условий справедливо рассматривалось пребывание в Москве некоторых крупнейших востоковедов, в том числе И.Ю.Крачковского, обладавшего общепризнанным умением и большим опытом организации коллективной научной работы. Уже в октябре 1942 г. в письме к И.Ю.Крачковскому из Ярославля иранист Б.Н.Заходер высказывал надежду: «...м.б., в Москве будет организовываться что-либо востоковедное»[3]. А 30 октября 1942 г. один из ведущих сотрудников ИВ АН СССР Н.В.Пигулевская, жившая в то время в Казани, делилась с И.Ю.Крачковским своими соображениями. Она писала: «На-

© А.О.Тамазишвили, 1997

стоящей и действительной заботой для меня, однако, является одна общая мысль о востоковедении. В Ташкенте или Казани невозможно создать востоковедный центр, это все понятно... Надо было, конечно, весь Институт направить в Москву, и было бы совсем другое дело. Поскольку это не было осуществлено, я стала думать о другой возможности. Если вы останетесь в Москве, наладите там свою жизнь, м.б., было бы возможным собрать вокруг Вас какую-то часть востоковедения – арабистику и семитологию... Вот об этом я все думаю и возвращаюсь к этому мыслью. Пожалуйста, дорогой Игнатий Юлианович, напишите мне, как Вы об этом думаете. Если сейчас начать об этом думать, м.б., к весне что-то и будет возможно осуществить»[4].

В январе 1943 г. она же в очередном письме к И.Ю.Крачковскому отметила: «Здесь (в Казани. – *А.Т.*) академические работники только и говорят о Москве, о возвращении домой, уезжают единицами, пачками, готовят целые институты к переезду. Москвичи мечтают ехать домой, а ленинградцы выбраться ближе к библиотекам и лабораториям. Это настроения бодрящие, всем [кажется], что там можно будет осуществить свои темы и задания»[5].

Сам И.Ю.Крачковский не был настроен столь оптимистично и с самого начала отнесся к идее Н.В.Пигулевской весьма сдержанно. «В Москве кроме меня арабистов в данный момент не имеется, поэтому я решил подождать, выйдет ли что-нибудь из начинаний исторического и филологического факультета по части преподавания востоковедения, и тогда уже посмотреть, могу ли я в чем-нибудь принять участие», – отвечал он Н.В.Пигулевской в письме от 16 ноября 1942 г.[6]. Участники этой переписки оставались на своих позициях еще довольно долго. Вполне понятны настойчивость и нетерпение Н.В.Пигулевской. Но И.Ю.Крачковский переживает в это время душевный кризис, о чем сообщал В.М.Алексееву: «По-прежнему, собственно говоря, не работаю: с отъездом из Ленинграда какой-то нерв у меня вынут, и я все не могу ни на чем сосредоточиться, хотя иногда за разные вещи и хватаюсь» (письмо от 9.08.1942 г.); «Я по-прежнему ничего путного как-то делать не могу... штудирую ряд номеров одного антифашистского журнала за 1942 г. ...Есть кое-что интересное, и следовало бы об этом написать, но чувствуешь, что вся такая работа "ненастоящая"» (письмо от 14.02.1943 г.); «...брать на себя какую-нибудь инициативу я уже устал: из бывших у меня опытов всегда получалось толчение воды» (письмо от 12.03.1943 г.)[7]. Он даже подавал заявление дирекции ИВ АН СССР с просьбой отчислить его, считая, что не может при таких условиях быть полезным Институту[8]. В конеч-

ном итоге И.Ю.Крачковский нашел в себе силы преодолеть этот кризис, остался в ИВ АН СССР, много и плодотворно работал, но сил на все задуманное не хватало, и вполне понятно и естественно его желание сосредоточиться на важнейшей для себя работе над книгами — «Над арабскими рукописями» и «Арабская географическая литература», в недалеком будущем ставшими знаменитыми.

6 апреля 1943 г. Н.В.Пигулевская направила И.Ю.Крачковскому составленный ею проект докладной записки в Президиум АН СССР, в котором предлагалось: «1. Создание научно-исследовательского востоковедного центра в Москве. 2. Просить академика И.Ю.Крачковского, находящегося в Москве, принять на себя организацию такового, предоставив ему привлечь научных сотрудников Академии как из числа находящихся в Москве, так и вызвать туда наиболее необходимых ему для работы лиц». Дальнейшая судьба проекта оставлялась автором целиком и полностью на усмотрение И.Ю.Крачковского[9]. У него проект поддержки не встретил. 12 мая 1943 г. И.Ю.Крачковский отвечает: «Вашу докладную записку в настоящем виде пропагандировать не решаюсь. Неясно для меня, что разуметь под "научно-исследовательским центром в Москве"? Некую параллель к Институту Востоковедения? Едва ли это целесообразно, хотя бы многие здесь были бы рады, главным образом с целью подорвать ИВ. Если бы "центр" возник, во главе его стали бы не те, кого Вы имеете в виду, а здешние деятели, мечтающие создать себе на востоковедении карьеру. Второй пункт для меня неприемлем уже потому, что не умею организовать собственную работу в Москве, где уж браться за организацию работы других. Единственное, что можно было бы сделать в настоящих условиях, — поддержать и усилить востоковедные ячейки, существующие в московских учреждениях АН и вне ее (ИЯП, МГУ и т.д.), но и тут дело не гладко»[10]. И.Ю.Крачковский считал, что не является человеком, сумевшим бы ликвидировать организационный беспорядок в московском востоковедении, но в результате дальнейшего наблюдения за его состоянием и развитием пришел к выводам, сходным с предложениями Н.В.Пигулевской.

1–2 октября 1943 г. в Москве прошло совещание по востоковедению, организованное Отделением истории и философии и Отделением литературы и языка АН СССР. На нем академик-секретарь ОИФ АН СССР В.П.Волгин поставил вопрос о выяснении необходимости организационных перемен в существующих структурах или системах учреждений Академии, занимающихся проблемами востоковедения[11].

Выступивший на совещании И.Ю.Крачковский отметил распыленность востоковедных сил в Москве и высказался за созда-

ние при Бюро ОЛЯ АН СССР особой группы или ячейки востоковедов. Общей ее задачей предполагалось научное объединение востоковедов Москвы, организация исследовательской работы. «Может быть, это в конце концов превратится в какую-нибудь ассоциацию, какое-нибудь общество, какой-нибудь кружок, но мне бы очень хотелось, чтобы она не была загружена какими-то исключительно организационными, административными функциями. Тогда она опять превратится в одну из бюрократических инстанций, которая в конце концов может оказаться даже вредной для существа дела. Я думаю, что она должна в первую очередь взять на себя задачи известной организации оживления научного центра, в данном случае в Москве... И я представляю себе, что, может быть, восстановить традиции когда-то существовавшей в Москве Восточной комиссии бывшего археологического общества было бы очень полезно. Может быть, постепенно эта комиссия и выросла бы в нечто большее, но, во всяком случае, какую-то историческую роль она должна сыграть... Я думаю, что этой группе, этой ячейке... нужно устраивать соответствующие заседания с востоковедными докладами и использовать опыт, который был у Института востоковедения в Средней Азии в смысле опубликования отдельных популярных брошюр. Здесь, в Москве, это дело также до сих пор не движется», – говорил И.Ю.Крачковский[12]. В состоянии московского востоковедения он считал наиболее тревожным распыление сил не формально-организационное, а «...в смысле существа дела, нерва научной работы», которого он, по его словам, в Москве, к своему сожалению, не чувствовал[13].

Участники совещания единодушно одобрили идею создания нового объединительного востоковедного центра в Москве. Директор ИВ АН СССР академик В.В.Струве заявил, что положение, когда «...московские товарищи, среди которых имеются очень крупные востоковеды, не были в такой единой организации, – должно быть прекращено». Он считал создание центра для объединения московских востоковедов тем более желательным и обоснованным, что «...в Москве находится глава нашего востоковедения – И.Ю.Крачковский, который мог бы взять на себя эту организацию»[14]. Кандидатура И.Ю.Крачковского на пост руководителя предполагаемой группы или комиссии оказалась единственной. В заключение В.П.Волгин подчеркнул, что в Москве собралось довольно значительное число людей, интересующихся Востоком с разных точек зрения, и нельзя не иметь в силу этого и востоковедной организации чисто исследовательского характера, которая, по его мнению, помогла бы сплотить вокруг Академии наук московские кадры востоковедов. Будущий

научный центр В.П.Волгин предложил назвать Московской группой ИВ АН СССР[15]. Совещание приняло резолюцию о необходимости организации МГ ИВ АН СССР под руководством академика И.Ю.Крачковского[16]. Сам он, несмотря на свой, пожалуй, решающий вклад в дело создания этой группы, впоследствии справедливо подчеркивал, что МГ ИВ АН СССР возникла отнюдь не только по его инициативе.

21 октября 1943 г. И.Ю.Крачковский участвует в обсуждении Президиумом АН СССР итогов совещания по востоковедению. 22 октября Бюро ОЛЯ АН СССР, заслушав его доклад, принимает решение – ходатайствовать перед Президиумом Академии об организации МГ ИВ АН СССР.

23 октября 1943 г. на свое первое заседание собралось бюро МГ ИВ АН СССР[17]. Оно было создано по предложению И.Ю.Крачковского для руководства группой и организации осуществления ее задач. Бюро МГ ИВ АН СССР первоначально состояло из председателя группы И.Ю.Крачковского, инициатора создания группы Н.В.Пигулевской, чл.-кор. АН СССР Н.И.Конрада и д.и.н. Т.И.Райнова – первого ученого секретаря группы. На этом заседании бюро МГ ИВ АН СССР постановило считать группу образованной и приступить к проведению мер, необходимых для начала ее работы.

28 декабря 1943 г. решением Распорядительного заседания Президиума АН СССР группа была включена в структуру Отделения литературы и языка АН СССР. Группа являлась филиалом ИВ АН СССР, с которым согласовывала свой самостоятельный план научных работ и перед которым отчитывалась в своей деятельности. Группа имела свои смету и штатное расписание, в ее состав входили все научные сотрудники ИВ АН СССР, проживающие в Москве. Впоследствии в группу пришли ранее не работавшие в ИВ АН СССР известные востоковеды, в основном из МГУ, что было свидетельством роста ее авторитета. При организации группы ее задачи были определены следующим образом: заслушивание и обсуждение докладов о плановых и внеплановых научных работах членов группы; содействие находящимся вне ИВ АН СССР московским востоковедам путем предоставления им возможности обсуждать свои научные работы на заседаниях группы; участие в руководстве работой московской части аспирантов ИВ АН СССР; возможное содействие находящемуся в эвакуации в Ташкенте Институту путем выполнения его поручений, предоставления ему научных материалов и сведений, а также подготовки организационных мероприятий по изданию востоковедной литературы. И.Ю.Крачковский был окончательно утвержден председателем группы постановлением

Президиума АН СССР от 9 февраля 1944 г. и на этом посту оставался до 15 августа того же года. 27 августа 1944 г. он возвращается в Ленинград[18].

Существование Московской группы облегчало ИВ АН СССР непосредственную связь с руководством Академии наук, правительственными органами. Большая часть научно-организационных и административных забот легла также на плечи председателя группы. «До сих пор не могу прийти в норму от бесчисленных заседаний или мелких писаний, которые заполняют все время. Особенно много его поглощает теперь Московская группа Института востоковедения, которая сразу задушила мелкими и для меня достаточно противными делами: и карточки, и аспирантские планы, и зарплата, и прописки... Пока не было "группы", люди как-то устраивались, а как она появилась, стараются все это с ней связать. В результате на это уходит больше усилий, чем на организацию научного "руководства". В понедельник еженедельно мы устраиваем доклады, количество которых пока более чем достаточно; стараемся перемежать ближневосточные доклады с дальневосточными... По субботам еженедельно заседаем в "бюро" группы (я, Конрад, Пигулевская, Райнов, Коростовцев, Гордлевский, Дмитриев – три последних бывают редко). Мне приходится еще устраивать "часы приема" по вторникам, и, таким образом, вот уже три дня в неделю ... у меня разбиты», – писал И.Ю.Крачковский 30 ноября 1943 г. В.М.Алексееву. 8 мая 1944 г. в очередном письме ему же И.Ю.Крачковский сообщает: «Группа меня все больше удручает, так как научная работа совершенно задавливается сотней мелочей штатно-карточно-копеечного порядка, около которых развиваются всякие мелкие страсти и жалобы друг на друга. Создать настоящее деловое бюро так и не удается...»[19]. Причиной появления таких оценок работы МГ ИВ АН СССР были жесткая требовательность И.Ю.Крачковского, прежде всего к себе, и сожаление о том, что «... для проведения какого-либо начинания надо затрачивать колоссальное количество энергии»[20]. Но более пристальное знакомство с работой МГ ИВ АН СССР в этот период показывает, что научная работа в группе не только не была развалена, но, напротив, развивалась так успешно, как ни в одном из востоковедных центров Москвы.

МГ ИВ АН СССР сразу же активно включилась в работу Академии. В конце 1943 г. комиссия по подведению итогов соцсоревнования по Отделению литературы и языка АН СССР особо отметила весьма оживленную и плодотворную работу группы[21]. Большое влияние на деятельность МГ ИВ АН СССР оказывало неизменное стремление ее председателя к тесному

сотрудничеству группы со всеми научными и практическими учреждениями, деятельность которых была связана с изучением Востока. Значительная часть рассмотренных группой и ее бюро научно-организационных вопросов в 1943–1944 гг. была поднята именно И.Ю.Крачковским. Его мнения и предложения неоднократно служили основой для решения по обсуждаемому вопросу. Реализация или контроль за нею наиболее важных решений группы, как правило, поручались ему же. На первом же заседании бюро МГ ИВ АН СССР рассматривался вопрос о созыве в 1944 г. расширенного совещания по востоковедению при ИВ АН СССР с участием представителей научных центров союзных республик. Было решено просить И.Ю.Крачковского возбудить соответствующее ходатайство перед ОЛЯ АН СССР. Этим группа принимала на себя большую часть работы, связанной с выполнением рекомендаций совещания по востоковедению, высказавшегося о необходимости проведения его расширенного варианта. Вторично тот же вопрос рассматривался бюро МГ ИВ АН СССР в мае–июне 1944 г. На заседании 8 июня 1944 г. были определены три группы наиболее актуальных, по мнению бюро, вопросов: проблемы связей русского народа и Востока; вопросы, касающиеся состояния крупных синтетических работ по востоковедению; отчеты о работе ИВ АН СССР и его Московской группы. Бюро МГ ИВ АН СССР отмечало наличие подготовленных И.Ю.Крачковским материалов и работ для его обобщающего доклада о влиянии русской художественной литературы на арабскую и желательность постановки этого доклада на планируемом совещании. Предполагалось, что И.Ю.Крачковский сделает также дополнительный доклад о специфике и итогах работы группы за все время ее существования. Но эти проекты не были реализованы.

Неизменно важными и актуальными И.Ю.Крачковский считал вопросы высшего востоковедного образования, повышения уровня подготовки научных кадров, подъема интереса к востоковедным дисциплинам, пропаганды востоковедения. При его активном участии обсуждались на бюро группы проект «Положения об аспирантуре АН СССР», вопрос о положении с кадрами семитологов в СССР и т.д. И, высказав на заседании бюро МГ ИВ АН СССР пожелание об организации цикла популярных лекций, необходимых для московских начинающих востоковедов и для пропаганды научного востоковедения, И.Ю.Крачковский темой своих лекций избрал «Арабский язык в истории культуры».

Бюро МГ ИВ АН СССР обсуждало также вопрос о востоковедных изданиях. И.Ю.Крачковский высказался о необходимос-

ти разработки плана таких изданий, необходимости для ИВ АН СССР добиваться возобновления издания всех видов востоковедной литературы и публикации в первую очередь работ Института, подготовленных к печати до войны, но так и не вышедших в свет, среди которых им назывались сборники «Советское востоковедение»; третий и четвертый выпуски арабско-русского словаря Х.К.Баранова; сборник статей памяти русского арабиста В.В.Розена и др. Кроме того, И.Ю.Крачковский поставил вопрос о возобновлении издания популярных сборников «Восток», посвященных науке, литературе и искусству. У него были особые причины желать продолжения «Востока», закрытого в 1925 г. Весной 1943 г. И.Ю.Крачковский писал В.М.Алексееву: «Заканчиваю довольно большую статью... об арабском журнале, полученном "Интернациональной литературой". Вспомнил "дни древние" и писал примерно в таком стиле, как когда-то для "Востока", но напечатает ли "Интернациональная литература", не знаю: это Вам не "Восток"!»[22]. В свою очередь, В.М.Алексеев оценивал в письмах фрагменты будущей книги И.Ю.Крачковского «Над арабскими рукописями»: «Мы находим все это исключительно интересным, исключительно хорошо написанным, даже, я бы сказал, популярным... Я только не знаю, где Вы будете это печатать. Вот где пригодился бы покойный "Восток"!» – и: «Насколько я понял, это только первые миниатюры, за которыми последуют еще и еще... Как хорошо бы им поместиться в "Востоке"! Доживем ли мы до него вновь?»[23]. 20 ноября 1943 г. бюро МГ ИВ АН СССР постановило «Просить академика И.Ю.Крачковского составить предварительный план издания сборника "Восток"». Но И.Ю.Крачковский плохо верил в возможность возобновления этого издания. 30 ноября 1943 г. он пишет В.М.Алексееву: «По временам подумываю о "Востоке", но при нынешней ситуации как-то руки у меня опускаются. Может быть, для допинга мне составите записку об этом для представления ее в академические и неакадемические сферы, я постараюсь ее амальгамировать со своими мыслями и подумать, куда направлять...»[24].

Решение вопроса публикаций продвигалось своим сложным путем, а новые работы И.Ю.Крачковского становились известны среди востоковедов, как правило, сперва в виде научных докладов и сообщений.

При обсуждении плана научных докладов членов МГ ИВ АН СССР на заседании бюро группы 30 октября 1943 г. И.Ю.Крачковский запланировал себе прочтение для арабистов докладов: «Очерк истории арабистики в России и СССР»; «Арабская литература в Египте»; «Антифашистский арабский журнал

"Ат-Тарик" (Путь)»; «Арабская подорожная с Кавказа 1881 г.»; «Арабская драматическая литература и театр».

Он придавал большое значение систематичности научной работы как отдельного ученого, так и коллектива, считая ее одним из основных залогов успеха работы. Поэтому не случайно одной из особенностей работы МГ ИВ АН СССР стали регулярные открытые научные заседания с чтением и обсуждением докладов самой разнообразной тематики, собиравшие значительную по меркам военного времени аудиторию слушателей из работников научных и практических учреждений. На заседания приходили и временно оказавшиеся в Москве востоковеды-фронтовики. Только за время председательствования И.Ю.Крачковского в МГ ИВ АН СССР были обсуждены доклады и сообщения Н.И.Конрада, В.А.Гордлевского, Б.Н.Заходера, Л.З.Эйдлина, Т.И.Райнова, В.М.Алексеева, А.Н.Болдырева, В.А.Крачковской, Е.Э.Бертельса, Г.Д.Санжеева, И.М.Ошанина, Е.М.Жукова, Е.А.Беляева, А.Е.Глускиной, В.В.Струве, Н.К.Дмитриева и других ученых. Сам И.Ю.Крачковский был активным участником обсуждений многих из этих докладов. На заседании бюро группы 30 октября 1943 г. И.Ю.Крачковский напомнил присутствующим об исполнявшемся в ноябре того же года 125-летии Азиатского музея и предложил отметить эту дату докладом на общем собрании группы. Его доклад «Азиатский музей АН СССР в истории нашего востоковедения. К 125-летию со дня основания» был заслушан на первом в истории группы открытом научном заседании 15 ноября 1943 г. На нем же И.Ю.Крачковский огласил план дальнейших заседаний группы и пригласил всех присутствующих принять участие в ее работе. На заседании МГ ИВ АН СССР 27 декабря 1943 г. И.Ю.Крачковский сделал сообщение «К переизданию работ академика В.В.Бартольда в Киргизии», где выразил пожелание осуществить в интересах всего советского востоковедения публикацию трудов В.В.Бартольда, с необходимыми дополнениями, библиографию его печатных работ и описей его архивов. И.Ю.Крачковский особо подчеркивал значение научных исследований группы, соответствующих плану ОЛЯ АН СССР. Рассказав о своей работе и творческих планах на заседании группы 17 января 1944 г. в докладе «О плане истории арабской литературы», он отмечал: «В параллель к осуществляемым АН СССР сводам Всемирной истории и истории литературы Запада и СССР желательно приступить к подготовке аналогичных трудов по восточным литературам».

29 мая 1944 г. группа заслушивает доклад И.Ю.Крачковского «Истоки арабистики в Московской Руси». 24 июля 1944 г. на заседании, посвященном 40-летию со дня смерти А.П.Чехо-

ва, – доклад «Чехов в арабской литературе». 31 июля 1944 г. И.Ю.Крачковский сделал свой последний перед возвращением в Ленинград доклад на заседаниях МГ ИВ АН СССР под названием «XVIII век в истории русской арабистики». В заключительном слове он указал на необходимость изучения истории отечественного востоковедения и призвал московских востоковедов приступить к выявлению и изучению архивных материалов МГУ по данной проблеме.

Изучение истории отечественного востоковедения, в основном арабистики, являлось в те годы одним из главных направлений научно-исследовательской работы И.Ю.Крачковского, вызывавшим большой интерес у его коллег. В частности, в 1944 г. он вместе с Т.И.Райновым принимает участие в составлении кратких справок, подводящих итоги развития востоковедения в АН СССР за последние 15 лет. Впоследствии по просьбе И.Ю.Крачковского Т.И.Райнов стал рецензентом первых глав «Очерков по истории русской арабистики»[25].

И.Ю.Крачковский был и инициатором ставшей в заседаниях группы традиционной практики так называемых «мелких сообщений» о новых востоковедных изданиях в СССР и за рубежом, персоналиях востоковедов, их печатных трудах и текущих исследованиях, научных экспедициях и т.п. В 1943–1944 гг. им было сделано 15 таких сообщений. Значительную часть материала для них он черпал из переписки, ведущейся им как председателем МГ ИВ АН СССР, а также своей личной переписки с известными советскими учеными – М.С.Андреевым, И.Н.Винниковым, Н.В.Юшмановым, Г.В.Церетели, Е.А.Беляевым, С.Е.Маловым и др.

География переписки была довольна широка. Докладывались сообщения из Кашкадарьинской и Бухарской областей Узбекской ССР, Алма-Аты, Ташкента, Свердловска, Тбилиси, Ленинграда, Ашхабада. Это наглядно доказывало, что война не остановила научную востоковедную работу в стране. И.Ю.Крачковским отмечались любые попавшие в поле его зрения сообщения, так или иначе связанные с востоковедением, а тем более арабистикой. Так, им было доложено о статье профессора С.И.Ванина «О применении древесины в книжном производстве» из сборника трудов кафедры строительной механики и древесиноведения Ленинградской лесотехнической академии, вышедшего в Свердловске в 1941 г. В этой статье было описание Корана XVII–XVIII вв. из Средней Азии, написанного на листках из древесины дикой яблони.

Необычным было и сообщение, посвященное 100-летию со дня рождения композитора Н.А.Римского-Корсакова.

И.Ю.Крачковский отметил ориентальный характер «Шахерезады» и симфонии «Антар», написанной под впечатлением от одноименного произведения русского востоковеда первой половины XIX в. О.И.Сенковского («Барона Брамбеуса»).

В трудных условиях военного времени особое мобилизующее значение имел обмен информацией о проделанной работе между научными коллективами и отдельными учеными, что отлично понимал И.Ю.Крачковский. Им была организована подготовка и публикация сообщений о работе МГ ИВ АН СССР в информационных изданиях «Рабочая хроника ИВ АН СССР». Т.2. Ташкент, 1944, и «Информация о новой научной литературе и деятельности научных учреждений СССР». № 1, М.–Л., 1944 (Издание ФБОН АН СССР).

И.Ю.Крачковским осуществлялась общая редакция аннотаций и рефератов востоковедной, главным образом иностранной, литературы, составляющихся сотрудниками Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР и МГ ИВ АН СССР, всячески содействовавшей этой работе. Крупные партии рефератов и аннотаций, посланных в 1943–1944 гг. в адрес ИВ АН СССР в Ташкент и Ленинград, послужили важным подспорьем в его работе. От имени института его директор В.В.Струве с удовлетворением констатировал большое значение рефератов и обзоров текущей иностранной литературы, докладывавшихся в 1943–1944 гг. на заседаниях МГ ИВ АН СССР.

Далеко не все, планировавшееся МГ ИВ АН СССР в первый год ее работы, было претворено затем в жизнь, но и неосуществленные замыслы группы подчеркивают ведущую роль И.Ю.Крачковского в ее жизни в это время.

Как отмечал В.В.Струве, «группе удалось, в значительной степени благодаря энергии ее руководителя, развернуть значительную научную деятельность. Заседания группы стали привлекать внимание широких кругов московских востоковедов, и группа завоевала себе почетное место среди востоковедных учреждений столицы».

В памяти своих коллег по МГ ИВ АН СССР И.Ю.Крачковский остался чутким, вдумчивым руководителем, воздействующим прежде всего личным примером, умеющим воспитывать и объединять научные силы, считавшим, что востоковедение может двигаться вперед только совместными усилиями ученых многих специальностей. Все торжественные события и юбилейные даты жизни И.Ю.Крачковского неизменно находили теплый, дружественный отклик со стороны МГ ИВ АН СССР.

В 1944 г. в день рождения И.Ю.Крачковского ему был преподнесен в подарок машинописный сборник работ членов МГ

ИВ АН СССР и участвующих в ее заседаниях ученых[26]. 18 декабря 1944 г. состоялось совместное заседание ОЛЯ АН СССР и МГ ИВ АН СССР, посвященное 40-летию научной деятельности И.Ю.Крачковского. На заседании с докладами о юбиляре выступили И.И.Мещанинов, В.А.Гордлевский, Б.Н.Заходер, К.В.Оде-Васильева.

В период 1945–1950 гг. И.Ю.Крачковский продолжает активное сотрудничество с МГ ИВ АН СССР, неоднократно приезжает в Москву и во время этих приездов активно участвует в заседаниях группы и ее бюро. Ему довольно регулярно пересылаются повестки дня и копии протоколов заседаний группы.

По собственному признанию ученого, сделанному им в 1950 г., он очень тронут этим вниманием, а присылаемые документы позволяют ему следить за работой группы, интерес к чему у него не ослабевает[27]. Он консультирует разработку темы «Восточная Европа в средневековой мусульманской письменности», осуществляемую по его инициативе Б.Н.Заходером, является рецензентом и редактором работ сотрудников МГ ИВ АН СССР[28]. Так, И.Ю.Крачковский был ответственным редактором монографии Т.И.Райнова «Аль-Фараби. Его культурно-исторические связи». Работа, посвященная одному из крупнейших арабских ученых IX–X вв., не могла не попасть в поле зрения И.Ю.Крачковского. Нам представляется, что плодотворные творческие взаимоотношения его с Т.И.Райновым установились еще и потому, что И.Ю.Крачковский видел в последнем интересного и перспективного исследователя, могущего внести заметный вклад в отечественную арабистику.

На заседании группы 15 января 1945 г., посвященном 100-летию со дня смерти И.А.Крылова, в отсутствие И.Ю.Крачковского был зачитан его доклад «Басни И.А.Крылова в арабских переводах». Там же 14 апреля 1945 г. зачитывалась статья И.Ю.Крачковского «Востоковедение в Академии наук за 220 лет»[29]. При обсуждении этой статьи МГ ИВ АН СССР высказала пожелание «...внести в назначенный для печати текст юбилейного издания дополнения, касающиеся академиков И.Ю.Крачковского, В.М.Алексеева, Б.Я.Владимирцова и чл.-кор. Н.И.Конрада и В.А.Гордлевского».

Обстоятельства сложились так, что в это время И.Ю.Крачковский практически становится основным историографом ИВ АН СССР. Московская группа, получив срочное задание Президиума Академии составить краткую историческую характеристику института для юбилейного справочника об академических учреждениях, обратилась за помощью в ее написании к И.Ю.Крачковскому «...ввиду невозможности получения к наме-

ченному сроку указанного выше материала от директора института В.В.Струве из-за дальности расстояния (г.Ташкент)».

На специальном заседании 7 мая 1945 г. по поводу выхода в свет первого издания книги И.Ю.Крачковского «Над арабскими рукописями» МГ ИВ АН СССР принимает решение приветствовать выход ее как крупное событие в истории востоковедения и рекомендовать книгу вниманию всех востоковедов.

В 1945 г. лично И.Ю.Крачковским были сделаны на открытых заседаниях группы два доклада: 19 июня – «Значение рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина в истории русского востоковедения» и 20 июня на заседании, посвященном 220-летию АН СССР, – «Арабы и арабская литература в произведениях А.М.Горького».

19 января 1946 г., приехав в Москву для участия в работе Китайской сессии МГ ИВ АН СССР, И.Ю.Крачковский читает на совместном заседании группы и Государственной публичной исторической библиотеки новые главы для второго издания книги «Над арабскими рукописями». После рассказа ученого о работе над нею в годы Великой Отечественной войны, откликах на нее в СССР и за рубежом им впервые были прочитаны циклы очерков «Тени предков» и «Арабские писатели и русский арабист». На этом же заседании зам. директора Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР С.В.Чекрыжев поделился своими воспоминаниями об участии И.Ю.Крачковского в организации кабинета Востока библиотеки и чтении автором в 1939 г. в кабинете Востока первых фрагментов этой книги.

На заседании группы 11 февраля 1946 г. И.Ю.Крачковский делает сообщение об арабском описании России середины XVIII в. в рукописи из библиотеки India Office в Лондоне. Также в МГ ИВ АН СССР 25 ноября 1946 г. им был впервые сделан доклад «Арабская версия повести о Варлааме и Иоасафе и неизданный перевод ее академика В.Р.Розена». Такие московские премьеры работ И.Ю.Крачковского были не случайны. В одном из своих писем из Ленинграда ученый заметил: «...в Москве меня всегда слушали внимательнее, чем здесь»[30].

Кроме того, в 1946 г. И.Ю.Крачковский присутствует на нескольких заседаниях бюро и общих собраниях МГ ИВ АН СССР и активно участвует в обсуждении планов предполагаемых научных сессий, проблемы подготовки кадров в аспирантуре и докторантуре и других научно-организационных вопросов.

В послевоенное время часть ленинградских востоковедов выразила мнение, что дальнейшее существование МГ ИВ АН СССР ведет к распылению научных сил и поэтому ее деятель-

ность должна быть прекращена. Руководство и Ученый Совет ИВ АН СССР не согласились с этим. На заседании Ученого совета института 15 марта 1946 г. И.Ю.Крачковский подчеркнул, что МГ ИВ АН СССР в ходе своей работы доказала свою жизненность и является учреждением с хорошим научным тонусом, фактически средоточием востоковедной работы, ведущейся в Москве. «Если теперь наш Институт вместо того, чтобы поддержать и оказать содействие дальнейшему развитию Московской группы пойдет по линии, о которой здесь говорили, ...то это даст лишний повод сказать... что здесь сидят старые "хрычи", которые боятся нового движения, которые боятся новой жизни», – говорил он. Выступив таким образом против попыток рассматривать существование МГ ИВ АН СССР в послевоенные годы как неоправданное, И.Ю.Крачковский ратовал за всестороннюю поддержку группы, разработку нормативных документов, закреплявших ее статус, ее дальнейшее развитие. Несомненно, что такая его позиция способствовала этому[31].

В конце 1947 г. в ОЛЯ АН СССР рассматривался вопрос о научной квалификации Т.И.Райнова и отчислении его из МГ ИВ АН СССР. Отличный отзыв И.Ю.Крачковского, защищавшего Т.И.Райнова и очень высоко оценившего его как ученого, делу не помог. Т.И.Райнов ушел из МГ ИВ АН СССР.

22 марта 1948 г. МГ ИВ АН СССР провела торжественное заседание, посвященное 65-летию И.Ю.Крачковского. Сам юбиляр не присутствовал на этом заседании, но Б.Н.Заходером был зачитан его доклад «Географические сочинения ал-Масуди», представляющий собой главу из работы Крачковского по истории арабской географической литературы. К.В.Оде-Васильева выступила с докладом «Академик И.Ю.Крачковский и арабская литература XX века». Копия протокола этого заседания была послана И.Ю.Крачковскому в Ленинград. Он так отозвался на это: «От Заходера, который звонил недели две тому назад, узнал, что в какой-то понедельник Вы возглашали мне "мадих" на заседании Московской группы; если это идет на пользу арабистике, то хорошо»[32]. А в начале следующего года в биографии ученого начинается очередной сложный период.

7 февраля 1949 г. на открытом партийном собрании МГ ИВ АН СССР был заслушан и 10 и 24 февраля обсужден доклад А.К.Боровкова «За марксистско-ленинскую историю литературы народов Средней Азии и Кавказа». И.Ю.Крачковский не присутствовал на этих заседаниях, но внимательно изучил присланную ему в Ленинград стенограмму.

А.К.Боровков отметил, что И.Ю.Крачковский «...впервые в мировой арабистике начал изучение новой и новейшей арабской литературы, преодолев косность буржуазной науки, расцени-

вавшей значение арабской литературы преимущественно как хранительницы и передатчицы культурных ценностей из Индии и Греции, ценностей, усвоенных затем "европейской культурой"». Однако он подверг критике приверженность И.Ю.Крачковского теории единой арабской литературы.

Наиболее резкая критика, ставившая под сомнение не только ценность результатов работы И.Ю.Крачковского, но и его общественно-политический облик, исходила от лиц, не работавших вместе с ним в ИВ АН СССР и его Московской группе.

Исламовед Л.И.Климович, давний и самый ярый критик взглядов И.Ю.Крачковского, в своем выступлении 10 февраля 1949 г. обвинил И.Ю.Крачковского среди прочего в космополитическом построении работ, ведущем «прежде всего к отрыву народов Востока от России, к внесению вражды между русским и восточными народами». Он утверждал также, что для работ Крачковского характерно «принижение и игнорирование роли русского языка и литературы при изучении культуры народов Советского Востока». Помимо того, Климович назвал антипатриотичным поступком И.Ю.Крачковского публикацию работ в зарубежных журналах рядом с «белогвардейцами» типа В.Ф.Минорского. В конце выступления оратор патетически вопрошал: «Что это за руководитель, который выводит "на верный путь" и буржуазное и советское востоковедение?.. Руководитель, который в то же время сторонится марксизма?»[33]. Это выступление вызвало резкие возражения, в частности Б.Н.Заходера, заявившего, что критика Л.И.Климовича бьет «...не по определенным направлениям, реакционным позициям, а бьет только по отдельным ученым, бьет по отдельным, изолированным от общей концепции того или иного ученого выражениям и даже словам»[34]. Выступлениям, не имевшим ничего общего с трезвой, объективной критикой, был дан отпор и на заседании 24 февраля 1949 г. А.К.Боровков, К.В.Оде-Васильева, В.Б.Луцкий (все не сотрудники МГ ИВ АН СССР) наряду с критикой некоторых работ И.Ю.Крачковского подчеркивали неоспоримое положительное значение его исследований в области истории арабской литературы, приоритет ученого в разработке истории новой арабской литературы, огромный объем введенного И.Ю.Крачковским в научный оборот материала. «Надо:.. подвергнуть критическому анализу ошибки наших крупных ученых, каким является И.Ю.Крачковский. Надо критиковать этих ученых с принципиальных позиций, а не сводить критику к тому, чтобы к крупнейшим ученым, патриотизм которых несомненен, цеплять ярлыки, которые они не заслужили», – говорил в своем выступлении В.Б.Луцкий.

По своей научной специальности, да и научным интересам и склонностям В.Б.Луцкий был далек от литературоведения. Тем не менее он взял на себя ответственность заявить, что, хотя И.Ю.Крачковский «открыл современную арабскую литературу, открыл для нас, для арабов, для всего мира», в то же время «дать анализ живого содержания этой литературы он не сумел, и не сумел потому, что не пользовался марксистским методом». Его же утверждение, что хотя И.Ю.Крачковский и не является марксистом, но тем не менее он обратил сочувственное внимание на силы демократии и прогресса в арабской литературе, лишь обострило дискуссию*.

«Я удивляюсь, какой это ученый-востоковед, если он не марксист. Я не могу себе представить науку вне марксизма. У нас в мире существуют две идеологии: марксистская идеология и буржуазная идеология. Если академик Крачковский не марк-

---

* К счастью, современный читатель уже не в состоянии понять всех «правил игры», по которым определялось поведение участников дискуссии. В период кампании по борьбе с космополитизмом самым грозным было обвинение в непатриотизме. Рейснер, Луцкий и другие участники дискуссии понимали, что будут обвинены в апологетизме космополитов, если полностью будут солидаризироваться с тем, на кого упала тень обвинения. Именно поэтому В.Б.Луцкому понадобилось после защиты И.Ю.Крачковского от наветов в непатриотизме перевести дискуссию в безобидное для того момента русло литературоведческой критики. Вот как сам В.Б.Луцкий описывает свое выступление в письме к Х.И.Кильберг от 2 апреля 1949 г.: «...не могу не участвовать и в той научно-общественной жизни, которая сейчас так кипит ключом. Хотя внешней необходимости не было, но была внутренняя потребность и в конце концов гражданский долг выступить в дискуссии, проходившей в группе востоковедов. Положение там было сложное – ведь, по существу, абсолютно неоспоримо, что нельзя называть всю арабоязычную литературу арабской, всю персоязычную литературу – персидской, и в этом отношении этот проходимец Климович прав. Если бы он говорил только это, то можно было бы приветствовать его выступление; а я бы вообще мог не выступать по вопросам среднеазиатской литературы, в каковой я специалистом не являюсь. Но к этому абсолютно правильному положению (которое, кстати, принадлежит не Климовичу) Климович припутал много вредной отсебятины: и высокомерно расистское отношение к народам Востока, в частности к арабам, и шельмование ряда советских ученых, в частности Крачковского. Пришлось поговорить на эту тему. В своем выступлении я, указав, что в критике Климовича есть рациональное зерно (которое принадлежит не ему), – в то же время протестовал против его расизма и против его попыток шельмовать советскую науку. Говоря об И.Ю., я указал, что он – не является марксистом, что у него есть ряд идеалистических концепций, которые подлежат критике, но что он – не безродный космополит, а советский патриот, что его советский патриотизм подсказывает ему в ряде случаев правильные прогрессивные решения (в частности, его монография о влиянии Горького на арабов, обзор Тарика и т.д.)» (Архив семьи В.Б.Луцкого). (*Примеч. ред. И.М.Смилянской.*)

сист, то он буржуазный идеолог. Поэтому те товарищи, которые выступают в защиту академика Крачковского с такими доводами, – они его не защищают, а чернят», – подчеркнул М.Турсунзаде. А И.М.Рейснер заявил в своем выступлении: «Когда тов. Климович... орудуя весьма солидной дубинкой, громит идеи "единой" арабской культуры, за которыми скрывалось обкрадывание самобытного развития ряда народов Советского Союза, так и за пределами Советского Союза, – он делает полезное и нужное дело»[35]. Он же, критикуя «...проповедь или потакание, или восприятие единого нераздельного потока арабской культуры», подчеркнул, что стремление И.Ю.Крачковского повысить достоинство и значение арабской культуры, возвеличить ее имеет сегодня совершенно другой характер, чем 35–40 лет назад. В условиях кампании по борьбе с космополитизмом такая расплывчатость формулировки своей мысли И.М.Рейснером открывала возможности для ее трактовки именно в духе этой кампании.

Большинство участников дискуссии не разделило мнение о полезности «критической дубинки» для дальнейшего развития научных исследований 66-летнего И.Ю.Крачковского.

Столкнувшись с осуждением допущенных им перегибов, Л.И.Климович в своем заключительном слове дал понять, что имеет место недоразумение, что он отнюдь не отрицает громадных заслуг перед отечественной наукой академика Крачковского и не стремится уничтожить его как ученого. На заседании Ученого совета ИВ АН СССР 12 марта 1949 г., посвященном обсуждению доклада А.К.Боровкова, где состоялась очная полемика И.Ю.Крачковского с Л.И.Климовичем, В.В.Струве справедливо отметил, что критические выступления последнего повредили, а не принесли пользу общему делу.

Еще раз дискуссия вокруг работ И.Ю.Крачковского развернулась на расширенном заседании Ученого совета Тихоокеанского института АН СССР и бюро МГ ИВ АН СССР 4–6 апреля 1949 г. Заседание это было посвящено обсуждению доклада директора Тихоокеанского института Е.М.Жукова «О борьбе с буржуазным космополитизмом в востоковедной науке». Выступивший одним из первых на этом заседании видный советский индолог А.М.Дьяков сказал: «Наши востоковеды, к сожалению, уходят от современных острых проблем по примеру старых ориенталистов. В этом отношении особенно отстает, особенно грешит литературоведение. В работах наших востоковедов можно найти положения, являющиеся отражением концепции превосходства капиталистического Запада над Востоком, рассматривающих прогрессивные явления на Востоке как результат влия-

ния Запада. Выступает низкопоклонство перед Западом, но что самое важное, что совершенно непростительно, это то, что задача изучения огромного влияния, которое оказали прогрессивные движения в России, русская литература, а затем Октябрьская революция, советская литература, сталинское разрешение национального вопроса, их влияние на культуру и литературу народов Востока, – эта задача выполнена нашими востоковедами лишь в незначительной степени. Интересно, что часто этот вопрос обходится там, где его уж никак нельзя обойти». И «чтобы не быть голословным», Дьяков остановился на брошюре И.Ю.Крачковского «Арабская литература XX века». Трудно сказать, почему объектом критики А.М.Дьякова, также не бывшего ни арабистом, ни литературоведом, стали именно работы И.Ю.Крачковского. Такого вопроса тогда А.М.Дьякову никто не задал*. Эта дискуссия имела иной характер, нежели предыдущие, политические аспекты были заданы в ней как основные. И.Ю.Крачковский не был главным объектом критики, но на этот раз Б.Н.Заходер, заявивший, что никому не будет позволено выбрасывать академика Крачковского из числа выдающихся и уважаемых советских ученых, был практически одинок**. Эта

---

* Заметим, что никто и не посмел бы задать, ибо существовало негласное представление о том, что подобные идеологические кампании направлялись указаниями сверху. (*Примеч. ред. И.С.*)

** Реализуя свое право редактора, я позволю себе и здесь не вполне согласиться с А.О.Тамазишвили. В письме к Х.И.Кильберг от 11 апреля 1949 г. В.Б.Луцкий так передает содержание своего выступления на заседании в Тихоокеанском институте: «В моем выступлении я указал, что упрек, брошенный Дьякову в том, что он хочет "вычеркнуть Крачковского из советской науки", абсолютно не обоснован. Дьяков отметил заслуги И.Ю. Он критиковал его корректно и принципиально. Такая критика не принижает крупных ученых, а, напротив, помогает им. Я указал, что мы ценим и уважаем И.Ю. как советского ученого и патриота, что мы благодарны ему и за то, что он открыл современную ар[абскую] литературу; и за то, что он в своем исследовании "Горький и арабская литература" показал влияние на ар[абскую] литературу Горького и вообще русской передовой культуры и литературы; и за его сочувственное внимание к прогрессивным течениям арабской литературы и общественной мысли; и за его очерки "Истории русской арабистики", утверждающие приоритет русской науки, и за многое другое. Нам, арабистам, как воздух нужна "История ар[абской] литературы". Нас не удовлетворяет ни поверхностный Никольсон, ни библиографический свод Брокельмана, составленный в значительной части по материалам И.Ю., нам нужна полноценная "История ар[абской] литературы" – и среди нас есть большой ученый, который по своей огромной эрудиции может справиться с этим делом: это И.Ю. Мы желаем ему сил и здоровья, чтобы он мог выполнить этот свой долг перед советской наукой и подвести в нем итоги своей многолетней научной деятельности. Но чтобы этот труд был плодотворным, мы желаем ему избежать тех ошибок, которые он допустил в книге

критическая кампания, разумеется, отняла у И.Ю.Крачковского и время и силы. Но не нарушила душевного равновесия. Отстаивать свои честь и достоинство гражданина и ученого ему было не впервой. В его биографии были ситуации и сложнее.

В целом эти дискуссии не повлияли, да и вряд ли могли повлиять на добрые отношения И.Ю.Крачковского с МГ ИВ АН СССР. В 1950 г. он дважды присутствует на заседаниях группы. 13 мая он делает доклад «Об одном из первых исследователей восточных элементов в "Слове о полку Игореве"» и принимает участие в обсуждении вопроса о перспективах работы в области востоковедения в связи с составлением пятилетнего плана на 1951–1955 гг. И.Ю.Крачковский рассказал, как строит свою работу Арабский кабинет ИВ АН СССР, заостряя внимание собравшихся на важности правильной расстановки сил, недопустимости усиления одних областей исследования за счет других. Он обратил внимание сотрудников МГ ИВ АН СССР на необходимость постоянного внимания к таким сложным темам, как «История средневековой арабской Испании» и «История древней Южной Аравии».

Одним из последних, но наиболее ярких научных мероприятий в истории группы была проведенная 16 мая 1950 г. совместно с Отделением литературы и языка сессия, посвященная творчеству турецкого поэта Назыма Хикмета. И.Ю.Крачковский был среди членов инициативной группы, предложившей собранию обратиться к находившемуся в это время в заключении поэту с

"Ар[абская] худ[ожественная] литература XX века", которая, к сожалению, разочаровывает нас. Здесь я отметил, что: 1) в книге не отражены основные проблемы, волнующие арабскую литературу и составляющие ее живую ткань, ее основное содержание: проблема колониального угнетения арабских стран и борьба за их национальную независимость, проблема средневековой отсталости арабских стран и борьба за ликвидацию пережитков средневековья; 2) многим писателям вообще не даны общественные характеристики; другим даны такие расплывчатые и беспомощные характеристики, которые вообще ничего не характеризуют; третьим (напр. Хайкалу и его Сиясе) – неправильные характеристики; 3) приводится искусственное дробление на несуществующие литературные школы либо по географическому признаку (сиро-американская, египетская и т.д.), либо по жанру (проза, поэзия, писатели-профессионалы etc.) – в то время как водораздел между различными течениями проходит по классовой линии, по отношению писателей к национально-освободительной борьбе». Таким образом В.Б.Луцкий, историк национально-освободительного и социального движения в арабских странах, в своей критике исходил из собственного профессионального кругозора, лишь отчасти уловив недостатки работы. Однако на этот раз, выступая перед огромной аудиторией (заседание происходило в зале заседаний на Волхонке), В.Б.Луцкий был осторожен в выборе формулировок, и вопрос о марксистских принципах не ставился. (*Примеч. ред. И.М.Смилянской.*)

письмом в поддержку его мужественной борьбы за национальное и социальное освобождение турецкого народа. Такое обращение было составлено и подписано рядом ведущих советских ученых, в том числе и И.Ю.Крачковским[36].

Организационные формы и принципы работы МГ ИВ АН СССР, внедренные И.Ю.Крачковским, сохранялись вплоть до ликвидации группы в августе 1950 г. и в значительной степени обеспечили ее жизнеспособность и эффективность работы, сравнительную широту круга изучаемых проблем. По оценке Н.И.Конрада, ставшего в 1944 г. председателем МГ ИВ АН СССР, И.Ю.Крачковский был руководителем, всегда находящим «лучшие пути и формы» и умеющим направить «все дело по самому правильному пути». У Н.И.Конрада, вероятно, были основания сообщить в письме В.А.Крачковской: «У нас здесь с отъездом Игнатия Юлиановича все очень побледнело, и поэтому особенно хочется снова увидеть и услышать здесь и его и Вас»[37].

Лично для И.Ю.Крачковского создание МГ ИВ АН СССР и работа в ней, вероятно, не были сколько-нибудь значительным и памятным этапом его творческой биографии. Интересно, что в своих заметках «Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы», написанных в 1948 г., он ни словом не обмолвился о МГ ИВ АН СССР. Все связанное с нею было для И.Ю.Крачковского в первую очередь выполнением долга ученого, которому, по его словам, «...надо было неустанно трудиться на своем поприще, памятуя, что ни на одну минуту ни одно звено в живущем полной жизнью организме в моменты высокого напряжения не может, не имеет права приостановить свою деятельность». И далее в своей статье «Востоковедение в Академии наук за 220 лет» он писал: «Война еще не окончена, и полные итоги подводить рано; однако история наших дней скажет со временем, что востоковедение в Академии наук со всей страной выполнило свой долг». Это полностью относится к самому И.Ю.Крачковскому, бывшему для современников примером в работе по скорейшему залечиванию ран войны и достижению здесь лучших результатов.

[1] Статья написана на основе доклада на Всесоюзной конференции по проблемам арабской культуры памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского 2 декабря 1983 г. Статья подготовлена с широким привлечением материалов архивного фонда МГ ИВ РАН, научно-техническая обработка которого пока не произведена. Сравнение архивных данных о деятельности И.Ю.Крачковского в МГ ИВ АН СССР с опубликованными в сб. «Игнатий Юлианович Крачковский. Материалы к библиографии ученых СССР». М.–Л., 1949, а также в периодических научных изданиях выявило в ряде случаев неполноту и

неточность последних. В статье приводятся уточненные даты и названия докладов и сообщений, сделанных на заседаниях группы. Документы архивного фонда МГ ИВ РАН являются источниками всех данных, сноски к которым не оформлены.

За время, что эта статья вместе со всеми остальными материалами, составляющими данный сборник, ждала публикации, в свет вышла книга А.А.Долининой о И.Ю.Крачковском «Невольник долга», СПб., 1994. В ней частично опубликованы материалы о работе Крачковского в МГ ИВ АН СССР, которыми пользовался и я. Зная это, я тем не менее оставляю все сноски на архивы нетронутыми, что сохраняет статью в том же виде, что и несколько лет назад.

[2] *Крачковский И.Ю.* ...С июля 1941 года до конца июля 1942 года... – Природа. 1974, № 5, с.34.

[3] СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.3, д.376, л.43.

[4] СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.3, д.726, л.41–41об.

[5] Там же, л.50.

[6] СПбФ Архива РАН, ф.1036, оп.3, д.270, л.18об–19.

[7] См.: *Баньковская М.В.* Три года в полувековой дружбе И.Ю.Крачковского и В.М.Алексеева. Переписка военных лет. – Проблемы арабской культуры. М., 1987, с. 356, 359, 360.

[8] См. там же, с. 358–359.

[9] СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.3, д.726, л.59об, 56об.

[10] СПбФ Архива РАН, ф.1036, оп.3, д.270, л.29–29об. ИЯП – Институт языка и письменности АН СССР.

[11] Архив РАН, ф.457, оп.1-а, 1943, д.30, л.4.

[12] Там же, л.50–50об.

[13] Там же, л.51.

[14] Там же, л.63.

[15] Там же, л.64об.

[16] Там же, л.76.

[17] *Тамазишвили А.О.* И.Ю.Крачковский и Московская группа Института востоковедения АН СССР. – Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры. Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1983, с.55.

[18] См.: *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994, с. 345.

[19] *Баньковская М.В.* Три года в полувековой дружбе, с.367, 370.

[20] Там же, с. 370.

[21] Архив РАН, ф.456, оп.1-а, 1944, д.102, л.12об.

[22] *Баньковская М.В.* Три года в полувековой дружбе, с.360. Имеется в виду ливанский журнал «Ат-Тарик».

[23] Там же, с. 362.

[24] Там же, с. 368. В период руководства МГ ИВ АН СССР И.Ю.Крачковским записка об издании «Востока» направлена группой «в сферы» не была. 28 февраля 1945 г. в отдел печати ЦК ВКП(б) было направлено письмо с просьбой разрешить издание журнала «Восток». Письмо подписали директор ИВ АН СССР В.В.Струве, председатель МГ Института Н.И.Конрад и член бюро МГ ИВ АН СССР В.И.Авдиев.

[25] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т.5. М.–Л., 1958, с.11.

[26] Сборник «Академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому от Московской группы Института востоковедения Академии наук СССР и от востоковедов – участников ее работ». СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.107.

[27] *Тамазишвили А.О.* И.Ю.Крачковский и Московская группа, с.56.

[28] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения, с.117.

[29] Фрагменты этой статьи вошли в раздел «Востоковедение» издания: Очерки по истории Академии наук. Лингвистические и литературоведческие науки. М.–Л., 1945. Авторство И.Ю.Крачковского в книге не оговорено.

[30] Письмо И.Ю.Крачковского К.В.Оде-Васильевой от 20.11.48 г. Архив ИВ РАН. Фонд К.В.Оде-Васильевой.

[31] См. также: *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории, с.116.

[32] Письмо И.Ю.Крачковского К.В.Оде-Васильевой от 9.04.1948 г. Архив ИВ РАН. Фонд К.В.Оде-Васильевой.

[33] СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.177, л.138, 144, 146, 147. Минорский Владимир Федорович (1877–1966) – русский востоковед, эмигрировавший в Европу, живший и работавший в Англии.

[34] Там же, л.167.

[35] Приведенной цитатой мы отнюдь не хотим создать впечатление, что И.М.Рейснер полностью солидаризировался с Л.И.Климовичем. Выступление И.М.Рейснера имело несравненно более выдержанный характер. Образность выражений в данном случае сыграла отрицательную роль. Вольно или невольно И.М.Рейснер одобрил «дубинку» как метод критики.

[36] Письмо Назыму Хикмету от участников открытого собрания Отделения литературы и языка и Института востоковедения Академии наук СССР от 16 мая 1950 года. – Вестник Академии наук СССР. 1950, № 5, с.53.

[37] СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.3, д.461, л.12об и д.220, л.1.

И.Ю.Крачковский

ЗАПИСКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА*

Публикуемые впервые три небольшие работы И.Ю.Крачковского посвящены истории и перспективам научной деятельности Российского Палестинского общества (РПО), активным членом и одним из руководителей которого ученый был в течение долгих лет. Бывший в двадцатых годах председателем РПО академик Ф.И.Успенский писал об изучении И.Ю.Крачковским библиотеки и архива Общества: «К каким разнообразным и широким выводам может вести интенсивное занятие Палестиной, доказывает пример И.Ю.Крачковского. По архивам Общества он поставил вопрос о преподавании арабского языка и литературы и о рукописях арабских учебников и словарей. В богатой библиотеке Общества он нашел материал об отражении арабского Востока, специально Палестины в русской беллетристике»[1]. Как видим, интерес к деятельности РПО у И.Ю.Крачковского был далеко не случаен и не был, как показывают «Записки», ослаблен временем[2].

Сегодня прошлое и настоящее РПО привлекает внимание не только специалистов-ученых, но и широких читательских кругов. Однако число современных публикаций о РПО невелико[3].

Публикуемые три «Записки», разумеется, не отражают историю научной деятельности Общества полностью, но в совокупности представляют собой общий обзор ее, сделанный автором чрезвычайно компетентным. Кроме того, они немаловажный источник для изучения научной биографии И.Ю.Крачковского, а также истории отечественной арабистики в целом.

Составлены эти записки в 1930–1950-х годах, причем первую от последующих двух отделяет без малого двадцать лет. Читатель, конечно, обратит внимание на то, что и через двадцать лет И.Ю.Крачковский говорил о тех же проблемах РПО и арабистики и обрисовывал практически те же перспективы развития научной деятельности Общества. Это лишь одно из многих свидетельств тех, порой непреодолимых, трудностей, которые встречало РПО в своей работе после 1917 г.

---

* Публикация, вступительная статья и комментарии А.О.Тамазишвили.

© И.Ю.Крачковский, 1997

Вторая «Записка» не датирована, но анализ ее текста и знакомство с другими материалами архивного фонда И.Ю.Крачковского, отражающими его работу в РПО, дают основания предположить, что время ее составления – самый конец сороковых – 1950-й год. К сожалению, мы не располагаем сведениями, какую роль сыграла она в происходившем в этот же период процессе возобновления деятельности Общества.

Третья из публикуемых работ представляет собой собственно доклад, подготовленный И.Ю.Крачковским для выступления на первом послевоенном Общем собрании РПО. Но из-за болезни он не смог присутствовать на этом собрании, состоявшемся 16 января 1951 г., и доклад был зачитан Ученым секретарем РПО Р.П.Дадыкиным.

Заслушав и обсудив доклад, собрание постановило принять к сведению и руководству выдвинутые в нем положения и задачи[4]. Таким образом, доклад И.Ю.Крачковского в определенной степени представляет собой программный документ нового этапа деятельности РПО, что придает ему дополнительный исторический интерес. Эта работа еще раз показала, что И.Ю.Крачковский внимательно следит за общемировым уровнем развития близких ему по научным интересам отраслей востоковедения и что он надеется на почетную роль в этом процессе отечественной науки.

Все три документа составлялись в такой период истории нашей страны, когда о многом, в том числе и по линии востоковедения, упоминать считалось нежелательным. Помимо этого, И.Ю.Крачковского интересовал в первую очередь научный аспект деятельности РПО. Оба этих обстоятельства, вероятно, и стали причиной того, что в «Записках» есть элемент недоговоренности в отношении некоторых моментов истории Общества. Так, например, не упоминается, что оно создавалось в первую очередь как религиозное, связанное со Святейшим Синодом и МИДом России, что «русские путешественники» в Палестину, которым помогало Общество, – это в абсолютном большинстве своем паломники к святым местам и т.д.

С учетом такой специфики публикуемого материала составлялся комментарий к нему, компенсирующий обтекаемость некоторых авторских формулировок, позволяющий резче прозвучать обозначенным И.Ю.Крачковским акцентам, наконец, расширяющий представление читателя об истории РПО.

Наиболее обширный и информативный комментарий сопровождает последнюю по времени работу.

Транскрипция имен собственных в публикации повторяет данную в источниках. Названия зарубежных научных учреждений и организаций приводятся в основном по изданию «Востоковедные центры зарубежных стран». Ч. 1–4. М., 1984.

В СОВЕТ ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА[5]

Работа Палестинского Общества складывается так, что в ближайшее время едва ли будет возможность войти в непосредственное соприкосновение с основным объектом изучения – Палестиной и предпринять какие-либо изыскания на месте. Это заставляет направить внимание на подготовку и обработку материала по тем вопросам и темам, где центр тяжести лежит в рукописно-книжном материале, доступном и вне Палестины, в особенности же на продолжение работ в тех областях, которые оставили видный след в деятельности Палестинского Общества.

Касаясь наиболее знакомой мне области – Палестины за арабский период, здесь можно наметить целый ряд тем, которые параллельно требуют своего осуществления. На первом месте следует поставить продолжение известной работы Н.А.Медникова «Палестина от ее завоевания до крестовых походов», изданной в период между 1897–1902 годами Палестинским Обществом[6]. О научном значении этой работы распространяться не приходится: опубликованная на русском языке, она тем не менее нашла себе доступ на Запад и может считаться прочно вошедшей в западноевропейскую науку. За тридцать почти лет, протекших со времени опубликования этого труда, отдельные его выводы, конечно, могут быть модифицированы в связи с движением науки, но незыблемым остается сам материал арабских источников, данный в переводе. Именно он и нуждается в дополнениях. Если даже не ставить вопроса о расширении хронологических рамок за период крестовых походов, что может быть своевременно, то дополнения к эпохе, захваченной Медниковым, достаточно значительны. Частью за последние десятилетия появились новые издания тех авторов, которые могли быть использованы им только из вторых рук (как, например, ан-Нувейри), и, что еще важнее, изданы другие, которые не могли быть им привлечены совершенно. Достаточно сказать, что за этот период напечатаны такие капитальные источники, как ал-Калкашанди, и начат изданием ал-Умари[7]. Несомненно, что дополнения, касающиеся только того периода, которым ограничена работа Медникова, займут не менее одного тома такого же формата, как тома, содержащие его переводы. Не предрешая вопроса о печатании, можно было бы начать подготовку этой работы, так как материалы могут сохраняться в архиве Общества. На выполнение ее в случае возможности оплатить труд специалиста, целиком ею занятого, потребовалось бы года два работы с оплатой по сто–сто пятьдесят рублей в месяц, при меньшей оплате соответственно больший срок.

Вторая работа, которая мне кажется чрезвычайно своевременной, – составление сводки материалов по арабскому языку (может быть, и фольклору) Палестины (и частично связанной с нею Сирии). Эта работа представляется мне в виде критической аннотированной библиографии с учетом и рукописных материалов, между прочим представленных в архиве Палестинского Общества и до сих пор не использованных (как, например, большой словарь Н.Фарраджа 70-х годов или набросок Писаревского 900-х). Такого свода до сих пор не существует ни специально для Палестины с Сирией, ни в общем масштабе арабской диалектологии, так как критическая библиография, обещанная G.Kampffmeyer'ом для Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes[8] больше 20 лет тому назад, осталась неосуществленной. В случае завершения работа могла бы быть отпечатана отдельной брошюрой; при невозможности этого – остаться в архиве Общества в виде картотеки или рукописи с соответствующим указателем. Для общего плана работы я мог бы предоставить собранные мной довольно значительные материалы; выполнение этой задачи можно поручить специально подготовленному лицу, труд которого, конечно, потребует оплаты. Работа может быть закончена, вероятно, в течение года.

Есть еще одна сторона жизни Палестины за последний век, на которую Палестинское Общество, к сожалению, обращало слишком мало внимания: развитие здесь арабской литературы и общественности. Конечно, для полного освещения этой области требуется работа на месте, но известный итог имеющимся материалам может быть подведен и теперь. Большим преимуществом является то обстоятельство, что в пределах Союза находится теперь несколько уроженцев Палестины, принимавших (частью и принимающих) участие в культурном развитии своей родины (в Ленинграде – К.В.[Оде]-Васильева, в Киеве – Т.Г.Кезма, в Баку – П.К.Жузе); привлечение их к работе по определенному плану помогло бы восстановить любопытную страницу жизни Палестины за последние 50 лет.

Я сознательно касался только тех вопросов палестиноведения, которые имеют отношение к моей специальности; думаю, что и в других областях могут быть поставлены специалистами аналогичные задачи.

Ленинград, 3.XII.1930 г.

АВ СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.172, л.1–2. Автограф рукой В.А.Крачковской за подписью И.Ю.Крачковского.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛАНА РАБОТ РПО НА ПЕРВЫЙ ГОД И БЛИЖАЙШУЮ ПЯТИЛЕТКУ[9]

Первый год работы Общества представляется мне, естественно, подготовительным. Главной задачей, мне кажется, надо поставить подготовку к печати первого тома или выпуска «Сообщений», согласно тематике, намеченной Уставом Общества[10]. Значительный перерыв в работе по этой области, как в Обществе, так и в Союзе в целом, заставляет обратить особое внимание на подготовку статей обзорного характера, как по линии новых открытий, так и по итогам деятельности зарубежных научных учреждений на Востоке и на Западе. В такой же мере необходимо уделить большое внимание статьям критического и библиографического характера, как типа сводных обзоров, так и отдельных крупных и мелких рецензий. Опыт «Вестника Древней истории» может оказаться здесь полезным, тем более что Востоку журнал уделяет только случайное внимание и восполнить пробел могут «Сообщения» П[алестинского] О[бщества][11]. Из отдельных тем следовало бы осветить исключительное открытие древнееврейских рукописей, сделанное в Палестине и вызвавшее очень большую литературу, выдающиеся находки Финикии, Рас-Шамра (Угарит), археологические исследования в Палестине и Сирии, как за древний период, так в особенности за арабское время[12].

В течение ближайшего года, помимо подготовки «Сообщений», следовало бы обдумать план двух больших предприятий научного характера, которые в известной линии продолжили бы прежние начинания П[алестинского] О[бщества]. Оно, как известно, в своих сериях дало почти полный свод всех древних хождений в Палестину и на Ближний Восток русских людей. Эти издания были обыкновенно выполнены на критической высоте своего времени, вошли в обиход науки и познакомили Европу с рядом выдающихся историко-литературных памятников. Все же издания П[алестинского] О[бщества], с одной стороны, не исчерпали еще всех произведений в этой области, а с другой стороны, за последние десятилетия сделаны новые открытия и исследования, требующие переизданий согласно требованиям современной науки, не говоря уже про то, что почти все эти издания П[алестинского] О[бщества] давно стали библиографической редкостью. Специалисты в течение года могли бы рассмотреть планы издания в целом и выдвинуть те произведения, которые могут [быть] осуществлены в первую очередь. Конечно,

эта серия потребует, вероятно, не одной пятилетки для своего завершения.

Таким же серьезным предприятием, подготовку которого желательно поставить на очередь в течение ближайших двух лет, является продолжение большой работы Н.А.Медникова «Палестина от завоевания арабами до крестовых походов», изданной Палестинским О[бществом] в четырех томах, – одной из тех работ, которые в свое время составили славу и П[алестинскому] О[бществу], и всей нашей науке. Она представляет громадный свод арабских сведений о соответствующей эпохе в критических переводах с научным комментарием. Законченная в начале настоящего века, она, естественно, требует не только поправок и дополнений к тому, что дано, но и расширения вновь обнаруженным материалом, быть может, с расширением хронологических рамок. Можно представить, что работа представит не меньший объем, чем капитальный труд Н.А.Медникова.

Еще одна линия работ выдвигается уставом О[бщества], требующим внимания к современной Палестине и подготовки для этого соответствующих пособий. Трудно было бы предполагать, что в ближайшее время окажется возможным составить хороший серьезный путеводитель по Палестине с сопредельными странами, но стремиться к этому следует. Более осуществимым представляется мне [составление] небольшого словаря современного арабского разговорного языка Палестины и, быть может, соответствующего элементарного учебника.

Несомненно, что представители разных других специальностей выдвинут в рамках, предусмотренных Уставом П[алестинского] О[бщества], еще многие другие темы как на ближайшее время, так и на длительный срок. Совету и Общему Собранию на основе этих данных придется составить уже более конкретный план и принять соответствующие меры к его осуществлению.

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.60–62. Авторизованная машинопись.

РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАБОТЫ

Перерыв в работе Палестинского Общества был настолько длительным, что, прежде чем перейти к рассмотрению организационных дел, выдвинутых самой жизнью, и плана работы на

ближайшие года, необходимо напомнить присутствующим о его истории[13]. Особенно это важно для новых членов, не принимавших раньше участия в деятельности Общества.

Возникло Палестинское Общество в 1882 году, как добровольная организация, стоявшая, конечно, в связи с некоторыми учреждениями прежней России[14]. Средства Общества составлялись не столько из правительственной субсидии, сравнительно незначительной, сколько из членских взносов и различных пожертвований. Интерес к нему с первых же шагов оказался настолько велик, что приток средств позволил Обществу к 90-м годам прошлого столетия превратиться в мощную организацию с большими земельными владениями в старой Турции[15], ближайшим образом в Палестине и Сирии, частично и в некоторых других странах.

Эти средства дали возможность Обществу развить усиленную деятельность как в самой Палестине, Сирии и на Ливане, так и в России, главным образом в Петербурге; в последнем преимущественно в сфере исследовательской и научно-издательской работы. Вся деятельность Общества направлялась с самого начала по трем линиям. В основе ее лежала помощь русским путешественникам в Палестину, главным образом из среды простонародья, и всяческое содействие им как во время путешествия, так в особенности во время пребывания в Палестине. Постепенно Обществом были созданы благоустроенные по тем временам подворья, гостиницы, врачебные пункты. Желавшие остаться на более длительный срок могли получить работу в многочисленных учреждениях Общества, связанных с эксплуатацией недвижимой собственности и земельных участков.

Столь же большую роль в работе Общества заняло распространение начального образования в массах местного христианского населения, главным образом из неимущих слоев. Постепенно Палестина и Сирия с Ливаном покрылись сетью достаточно многочисленных школ Палестинского Общества, дававших первоначальное образование с обязательным обучением, в качестве одного из предметов, русскому языку. Быстро был сделан и следующий шаг: к этим школам присоединились две учительские семинарии для подготовки учителей начальных школ из местного арабского населения; мужская семинария была основана в Назарете, женская в Бетжале около Вифлеема. Большое внимание, уделяемое Обществом школьной работе, иногда вызывало возражения как в среде самого Общества, так и в кругах местного населения; главные замечания возникали в связи с обязательностью русского языка, как не имевшего для питомцев школ на родине практического применения по окончании образования[16].

Некоторая доля истины в этих возражениях в то время была, однако необходимо отметить, что для лучшего понимания русской культуры среди местного населения и вообще в арабских странах эти школы сделали очень много. Лучшие питомцы учительских семинарий Палестинского Общества часто посылались для получения высшего образования в Россию и возвращались на родину обыкновенно педагогами или врачами с серьезной квалификацией. Достижения русской педагогики ценились в Палестине и Сирии очень высоко, и учителя со стажем в школах Общества принимались в другие аналогичные учреждения в большинстве случаев вне всякого конкурса. Нельзя забывать и того, что первые переводчики произведений русской классической литературы с подлинника вышли из питомцев этих школ, а крупнейший критик и писатель современного Ливана, пользующийся почетным признанием во всех странах с арабским языком, после окончания семинарии Палестинского Общества в Назарете учился ряд лет в Полтаве[17].

Научно-исследовательская работа по первоначальной установке Общества не должна была занимать первенствующего положения наряду с первыми характеризованными линиями, однако, отчасти по ходу самой жизни, отчасти благодаря первому секретарю Общества В.Б.Хитрово, человеку с большим организационным даром и с широким пониманием научных задач, она стала быстро развиваться. Ее основным центром сделался Петербург, и в работе приняли энергичное участие почти все крупнейшие ученые своего времени, которые по своей специальности имели какое-либо отношение к исследованию Палестины. Здесь трудились востоковеды, классики, византинисты, слависты, знатоки древней русской литературы, искусствоведы, археологи. Изучение быстро расширилось за пределы Палестины и стало захватывать сопредельные страны Ближнего Востока.

Научная работа тесно связывалась с широкой издательской деятельностью; наряду с серией «Палестинский сборник», которая стала выходить отдельными выпусками одновременно с основанием Общества в самом начале 80-х годов[18], в 1891 г. к ней прибавился ежегодный сборник «Сообщения Палестинского Общества», впоследствии публиковавшийся четырьмя выпусками в год. Предназначенный первоначально главным образом для освещения работы Общества и статей популярного характера, постепенно он стал включать все большее количество научных статей, особенно с начала века, когда по инициативе главным образом нашего известного семитолога академика П.К.Коковцева возникли при Обществе «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними

стран»[19]. Многотомная серия «Палестинского сборника» почти с самого начала заняла видное положение в научной литературе. В ней были опубликованы, между прочим, критические издания и переводы большинства «Хождений» русских паломников в Палестину и на Ближний Восток, до сих пор являющиеся основными источниками при исследовании соответствующих памятников древнерусской литературы как у нас, так и за рубежом. В ней нашел себе место громадный четырехтомный труд профессора Н.А.Медникова «Палестина от завоевания арабами до крестовых походов», до сих пор не имеющий равных в области исследования арабской историографии. Палестинское Общество щедро субсидировало научные издания других учреждений: на его средства Академией Наук были изданы в восьми томах биографические материалы Порфирия Успенского, бывшего одно время начальником нашей духовной миссии в Иерусалиме, чрезвычайно важные для истории Палестины и всего Ближнего Востока в 40–80-х годах прошлого столетия[20].

Научно-исследовательская работа Общества сосредоточивалась почти исключительно в Петербурге; в самой Палестине она не имела постоянного центра, и на самостоятельное археологическое изучение памятников на местах Общество не обращало серьезного внимания. Случайное собрание предметов и памятников, накоплявшееся иногда в различных помещениях Общества здесь, не заслуживало названия музея. Чрезвычайно важное значение, в противоположность этому, приобретали иногда археологические научные экспедиции, организованные полностью Обществом или субсидированные им при участии других научных учреждений, – достаточно вспомнить давшее такие богатые результаты «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине» академика Н.П.Кондакова или экспедицию группы петербургских ученых на Синай для изучения греческих и восточных рукописей[21].

Ходом исторических событий с начала первой мировой войны Палестинское Общество должно было сосредоточить свою работу исключительно в научной области в Петрограде-Ленинграде. Две первые линии его деятельности – содействие путешествиям в Палестину и школьная работа в Палестине и Сирии – отпали, так как Общество на долгие годы оказалось отрезанным от Палестины, а вместе с тем лишилось своей основной материальной базы, представленной здесь разного рода недвижимым имуществом. Совершенно естественно, что внимание активных работников направилось усиленно в эту область, так как развитие событий заставляло искать новые пути организации научной работы. Еще в 1915 году в Особом совещании научных

деятелей обсуждался вопрос о создании при Академии Наук или при Палестинском Обществе Комитета Палестиноведения, в состав которого входили бы лица, занимающиеся или интересующиеся Палестиной и прилежащими к ней областями[22]. Его задачей должно было служить обсуждение общих вопросов, входящих в круг его компетенции, издание печатных трудов и создание соответствующей ученой среды, из которой могли бы вербоваться работники для изучения Палестины. С другой стороны, совещание признавало необходимым при первой возможности организовать в Иерусалиме Институт для изучения Палестины и прилежащих стран. В специальной разработанной о нем записке был учтен долголетний опыт существовавшего до первой мировой войны в Константинополе Русского Археологического Института. По проекту Институт в Иерусалиме состоял из трех непременных членов на правах ординарных профессоров[23] и пяти стипендиатов на положении ассистентов.

Развитие событий мировой истории не дало возможности осуществить разработанный проект в каком бы то ни было виде. В 1918 г. Палестинское Общество было преобразовано в ученое общество при Российской Академии Наук с целью научной разработки вопросов палестиноведения и связанных с ним вопросов востоковедения[24]. Около 1922 года был возбужден вопрос о преобразовании в самостоятельное «Российское общество изучения Палестины и Средиземноморского Востока». Этот проект тоже не получил осуществления, и впоследствии Общество с прежним наименованием было поставлено в административно-организационную связь с бывшей Академией Истории Материальной культуры[25].

Последним активным председателем Общества был академик Ф.И.Успенский, долголетний Директор Русского Археологического Института в Константинополе, прекратившего свою деятельность с началом первой мировой войны[26]. За все это время деятельность Общества выражалась почти исключительно в собраниях большей или меньшей регулярности с учеными сообщениями; издательская работа ограничилась опубликованием только одного выпуска «Сообщений».

Я состоял пожизненным действительным членом Общества с 1915 года, а к его работе, главным образом по вопросам преподавания арабского языка в местных школах, был близок еще со времени поездки на Восток в 1908–1910 годах. С 1921 года я был избран членом Совета Палестинского Общества, а затем и товарищем председателя[27]. По этой должности после смерти академика Ф.И.Успенского мне пришлось исполнять обязанности председателя до ноября 1929 года, когда председателем

был избран академик Н.Я.Марр[28]. К сожалению, его большая перегруженность и начавшаяся вскоре тяжелая болезнь помешали ему оживить деятельность Общества; она продолжала ограничиваться лишь все более редкими научными собраниями до его смерти в 1934 году[29].

Такова картина прошлого Палестинского Общества, в котором были и славные страницы, и периоды затухания. Из нее достаточно ясно, что теперь, когда постепенно начинает вырисовываться возможность восстановить наши сношения с изучаемыми странами, надо серьезно подготовиться к тому, чтобы встретить эту возможность во всеоружии научной основательности, с полной осведомленностью во всей работе, произведенной и производимой на местах.

И объем, и характер этой работы в самой Палестине и сопредельных странах сильно изменился сравнительно с тем временем, когда Палестинское Общество принимало в ней активное участие. В 1912 году один ученый, характеризуя задачи «русской археологии в Палестине», перечислял те учреждения, которые принимали в аналогичной работе участие или в специальных созданных на месте центрах, или действуя при посредстве экспедиций и отдельных командировок[30]. Почти каждая из западноевропейских стран, так же как и Соединенные Штаты, имела своих представителей, иногда уже с давней историей. Немецкое Палестинское Общество[31], Английский Фонд для исследования Палестины[32], французская школа Библейских исследований в Иерусалиме[33] – все они, каждый в отдельности, издавали специальный периодический орган. К ним примыкала в Иерусалиме работа немецкого и американского Археологического Института[34], равно как ряда других меньших организаций. Уже ко времени второй мировой войны соотношение интенсивности в трудах отдельных учреждений стало значительно меняться. Если деятельность немецких ученых ослабела, а временами и почти прекратилась, то американская особенно интенсифицировалась. Американские исследовательские школы востоковедения в Иерусалиме и Багдаде[35] стали систематически выпускать новый орган – «Бюллетени», небольшого объема, но с очень частыми сроками выхода в свет. В Сирии особенно энергичную работу развили французские археологические учреждения, как в области раскопок, захватывавших разнообразные исторические периоды, так и в издательской деятельности.

Едва ли не наиболее характерной чертой нового периода в исследовании Палестины и сопредельных стран оказалось возникновение научных организаций по инициативе представителей местного населения, начавшего выдвигать ученых уже из своей

среды. Еврейский Университет в Иерусалиме[36] имеет специальный историко-археологический факультет с различными комиссиями, причем наряду с преимущественным вниманием, уделяемым древнееврейской истории и археологии, специально исследуются и арабские памятники не только под углом археологических изысканий, но и интересов арабской современности: составляются большие конкордансы к древнеарабской поэзии, издаются арабские историки, публикуются арабские словари. В работе Еврейского Университета принимают участие, конечно, не только уроженцы Палестины, но и западноевропейских стран, равно как Америки. Значительная часть материальных средств связана с последней.

Чисто арабским учреждением является возникшая в начале 20-х годов Арабская Академия в Дамаске[37], которая ставит в своих изданиях задачи почти исключительно гуманитарных исследований и почти исключительно за арабский период. Ей наука обязана опубликованием ряда важных источников по исторической географии Палестины и Сирии. Также после первой мировой войны возник Французский Институт в Дамаске со своим ежегодником «Бюллетень восточных исследований» и серией отдельных изданий[38]. Обращая преимущественное внимание на изучение арабского периода как в археологическом, так и в историографическом отношении, он уделяет значительное место и археологической работе за греко-римский период и современным явлениям в сфере арабской литературы. Благодаря трудам Института за последние годы особенно подвинулось в историческом и археологическом отношении изучение периода мамлюкских султанов, одинаково важного для истории Египта и Сирии.

Ряд новых научных организаций создал в 20–30-х годах Ирак, до этого почти не принимавший участия в работе своими силами. В настоящее время в нем имеется несколько смешанных периодических арабско-американских изданий, печатающих свои статьи как на английском, так и на арабском языке. Важно отметить, что молодая иракская наука за эти годы выдвинула уже несколько солидных ассириологов, а не только арабистов, с работами которых приходится теперь считаться в ходе всех связанных с этими исследованиями областей.

Приведенный перечень в настоящее время ни в какой мере не может претендовать на то, чтобы дать полную картину научной работы в области гуманитарных дисциплин, ведущейся в Палестине и сопредельных странах. Одна черта достаточно резко отличает ее от картины довоенного периода – стремление Соединенных Штатов занять господствующее положение в этой области, вытеснив прежде действовавшие здесь другие госу-

дарства. Эта тенденция ясна не только по всему приведенному списку, но и по теоретическим обоснованиям, которые нередко выдвигаются в различных программных речах американских ориенталистов.

Совершенно ясно, что одной из первых задач, которая встает перед возрождающимся Российским Палестинским Обществом, является полный учет всего того, что сделано за последние десятилетия в области, подлежащий его изучению, и того, что делается теперь. Годы перерыва сношений с Востоком вызвали в наших сведениях большие пробелы, и далеко еще не вся вышедшая научная литература нам доступна. Между тем теперь необходима полная осведомленность не только в том, что опубликовано на Западе, но и в том, что вышло на местах. Необходимые обзоры могут носить различный характер и по хронологическому, и по систематическому признаку, и по странам, и по языкам. Составление этих обзоров – дело нелегкое, и не только потому, что не произведен даже первичный обзор литературы. Если до войны в области палестиноведения и сопредельных дисциплин можно было ограничиться лишь тем, что опубликовано на европейских языках, без особого ущерба для существа дела, то теперь надо учитывать и то, что выходит на местах не только на них, но и на арабском языке, так как появились местные арабские египтологи или ассириологи, и на еврейском, причем на последнем не только по вопросам еврейской культуры и истории или истории Древнего Востока, но и по различным областям арабистики, в частности арабской этнографии. Между тем без такого полного учета научной литературы не могут быть намечены основательно и плодотворно те научные задачи, которые Общество должно поставить перед собой в первую очередь.

Возвращение Общества в ведение Академии Наук в известной мере облегчает решение этих задач, так как большинство их должно изучаться комплексным путем не одними палестиноведами в узком смысле слова, количество которых у нас минимально, но востоковедами, историками античного мира, византинистами, искусствоведами, знатоками древнерусской литературы, представителями всех разнообразных специальностей, которые сосредоточены в Академии Наук. Так было в лучшую пору научной работы Палестинского Общества, и этот опыт надо продолжить с учетом всего положительного в нем, продолжить на новых началах, намеченных всей нашей историей и современной жизнью. Отдельные вопросы тематики уже выдвинуты некоторыми специалистами; к ним присоединятся другие, и со всей внимательностью их надо будет обсудить, чтобы составить реальный план работ.

Помимо научно-исследовательских работ надо, конечно, иметь в виду и археологические исследования с раскопками на местах. Еще в упомянутой статье 1912 года о русской археологии в Палестине справедливо указывалось, что, в частности, ряд земельных владений Палестинского Общества предоставляют для этого большие возможности. Первая мировая война помешала претворить намеченную инициативу в действие, и, быть может, теперь настало время проверить, в какой мере эта возможность сохраняет свою силу.

Несомненно, что почти по всем областям в самых разнообразных специальностях найдется немало начинаний, которые даже когда-то намечались. К ним надо присоединить и ряд новых задач, которые выдвинуты нашей современной историей и ждут своего решения. Вопросов встает очень много, но можно быть уверенным, что ответы на них будут найдены при тех больших возможностях, которые получает теперь Российское Палестинское Общество.

29–30.X.1950[39]

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.74–84. Машинопись.

КОММЕНТАРИИ

[1] Архив востоковедов (АВ) СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.6, л.5.

[2] Однако 5 августа 1950 г. он пишет К.В.Оде-Васильевой: «В этом году ужасно надоедают всякие газетчики, которые пристают преимущественно с "высказываниями" по всяким вопросам, на что я не мастер. Являлся опять один чин из Москвы по поводу Палестинского Общества все с тем же предложением – возобновить научную работу. Стараюсь, чтобы обошлись без меня, что иногда плохо удается». Архив ИВ РАН. Фонд К.В.Оде-Васильевой.

[3] См., например, *Бердников А.Ф.* Российское Палестинское общество. К столетию со дня основания. – Народы Азии и Африки. 1983, № 6, с.88–92; *Мещерская Е.Н., Юзбашян К.Н.* Столетие Российского Палестинского общества. – Палестинский сборник. Вып.28 (91). Л., 1986, с.3–9; Святая земля – далекая и близкая (Интервью с председателем РПО О.Г.Пересыпкиным). – Церковный вестник. № 4 (22), февраль 1990, с.8; *Грушевой А.Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам). – Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 134 – 156.

[4] Архив РПО. Москва.

[5] «Записка» была заслушана и одобрена на заседании Совета РПО. 4.12. 1930. СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.42, л.93.

[6] Работа Н.А.Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» опубликована в т.17 (вып.50) «Православного Палестинского сборника». СПб., 1897, 1903.

[7] Шихаб ад-дин Ахмед ибн Абд ал-Ваххаб ал-Бакри ан-Нувайри; Шихаб ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди; Шихаб ад-дин Ахмед ибн

Йахйа ибн Фадлаллах ал-Омари ад-Димашки – авторы энциклопедий. О них и их трудах см.: *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. – Избранные сочинения. Т.IV. М.–Л., 1957.

[8] Серия научных трудов по исследованию Ближнего Востока, основанная Германским Восточным (Ближневосточным) обществом в 1857 г.

[9] «Записка» имеет авторский гриф: «Не для переписки». Исправления автором отдельных слов в тексте не оговариваются, как не имеющие принципиального значения.

[10] Последним по времени Уставом РПО довоенного периода, утвержденным НКВД РСФСР 20.10.1925, определялось, что Общество имеет целью:

«а) историческое, археологическое и современное культурно-бытовое изучение Палестины, Сирии, Афона, Египта и сопредельных с ним стран Древнего Востока;

б) организацию международных предприятий в Палестине по изучению и охранению памятников искусства и старины или участие в них;

в) содействие научным экспедициям и образовательным экскурсиям отдельных граждан РСФСР».

АВ СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.53, л.[3].

[11] «"Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества" – единственный в России журнал, посвященный вопросам востоковедения в обширном смысле. Его задача – изучение Востока Ближнего в самых разнообразных отношениях и на протяжении всей многовековой его истории вплоть до нашего времени. Палестина, Сирия, Византия, Египет, Афон, Синай – вот страны и местности, подлежащие изучению в журнале, причем преимущественное внимание уделяется Святой Земле...

Цель издания – служить духовному единению между Православным Востоком и Россией путем научного изучения и объективного исследования прошлого и настоящего состояния Востока, а равно их взаимных отношений», – провозглашал редактор СИППО профессор И.И.Соколов. – СИППО. Т.27. Пг., 1916, с. 397–398.

В 1891–1916 гг. вышли тт. 1–27 «Сообщений». В 1917 г. т. 28, но под названием «Сообщения Православного Палестинского Общества». На специальной вклейке в этом номере редакция сообщала: «Вопрос о продолжении издания "Сообщений" остается пока нерешенным и будет зависеть от положения типографского дела в будущем и от судьбы самого общества».

В советское время вышло в свет издание «Сообщения РПО». Т. 29. Л., 1926, ставшее последним в серии.

[12] И.Ю.Крачковский пишет о находке так называемых «кумранских рукописей» (1947) и открытии археологами древнего города-государства Угарита (1929).

[13] 1934–1950 гг. – период постепенного затухания и практически полного прекращения деятельности РПО.

[14] Устав Православного Палестинского общества был «высочайше утвержден» 8 мая (ст. ст.) 1882 г. В разделе «Цель Общества» устава говорилось, что оно «...учреждается с исключительно ученою и благотворительною целями, для достижения которых ему предоставляется:

а) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока;

б) оказывать пособие православным паломникам этих мест и

в) учреждать школы, больницы и странноприимные дома, а также оказывать материальное пособие местным жителям, церквам, монастырям и духовенству».

С 24 марта (ст. ст.) 1889 г. Общество получило право именоваться Императорским Православным Палестинским Обществом.

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.1.

После февральской революции 1917 г. – вновь Православное Палестинское общество; с 1918 г. – РПО.

[15] Т.е. Османской (Оттоманской) империи.

[16] Сам И.Ю.Крачковский считал неоправданным обязательное преподавание русского языка в школах Общества на Ближнем Востоке. В своей «Докладной записке о школьной деятельности Палестинского Общества», составленной в Бейруте 3 декабря (ст. ст.) 1909 г., он, отметив начавшийся кризис в работе школ Общества, сделал вывод:

«В настоящее время наряду с арабским, иногда даже в ущерб ему, одинаковое количество часов уделяется русскому. Трудно не признать, что такая роль последнего обусловлена чисто внешними обстоятельствами, не выдерживающими критики при малейшем внимании к действительности [...] во всяком случае, школы с обязательным русским языком, но без учеников будут гораздо больше вредить престижу (России. – *А.Т.*), чем школа с учениками, хотя и без обязательного русского языка [...]. Выделение русского языка в разряд необязательных предметов тем самым позволяет сделать обязательными один из новых языков (французский или английский)... О реальной потребности и даже прямой необходимости этого, вызываемой местными условиями, распространяться не приходится: она ясна всякому мало-мальски знакомому с положением Сирии».

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.15, 16, 18–18об.

[17] Писатель и литературный критик Михаил Нуайме (1890–1988).

[18] «Православный Палестинский сборник» издавался в период с 1882 по 1914 г. Издание под названием «Палестинский сборник» возобновлено в 1954 г. выпуском 1 (63) и продолжается в наши дни.

[19] «Собеседования» – научные собрания, по оценке В.В.Бартольда, – «одна из немногих попыток образования в России общества ориенталистов со специальными научными задачами». См.: *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. – Сочинения. Т.IX. М., 1977, с.475. Первое заседание – 11 апреля (ст. ст.) 1901 г., последнее – 26 апреля (ст. ст.) 1902 г.

[20] См.: *Порфирий Успенский.* Книга бытия моего. Т.I–VIII. СПб., 1894–1902. Кроме того, РАН были изданы: Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т.1–2. СПб., 1910. Издание осуществлено на средства П.Успенского.

[21] Имеется в виду экспедиция 1891 г., возглавляемая профессором С.-Петербургского Университета, впоследствии академиком, Н.П.Кондаковым и профессором Киевской Духовной академии А.А.Олесницким. См.: *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. В конце XIX – начале XX в. в Палестине работали, помимо указанных в тексте, русские ориенталисты: Ф.И.Успенский, проводивший археологические исследования, а также А.А.Васильев, Н.Я.Марр, А.А.Цагарели и др., изучавшие древние письменные источники.

[22] Материалы совещания см.: Русские научные интересы в Палестине и прилегающих областях. СПб., 1915. На совещании помимо ученых-востоковедов среди прочих присутствовал и юрисконсульт Святейшего Синода М.Я.Дьяконов. Совещание одобрило предложения специальной комиссии под председательством Н.П.Кондакова, в своем заседании от 26 ноября (ст. ст.) 1914 г. признавшей необходимым «...устройство в России научного учреждения по пале-

стиноведению», состоящее «...из двух частей: а) в Петрограде Комитет Палестиноведения при Императорской Академии наук... б) для работы на месте надлежит устроить в г. Иерусалиме научный Институт для историко-археологического изучения Палестины и прилегающих стран».

Задачи Института планировались следующие:

а) изучение исторических и художественных памятников Палестины и прилегающих стран, вообще всех культурно-исторических материалов – вещественных, письменных и языковых (независимо от их происхождения и этнической принадлежности. – *А.Т.*);

б) производство раскопок;

в) охрана памятников, принадлежащих Институту;

г) составление музея и библиотеки;

д) собирание сведений, могущих облегчить изучение Палестины;

е) всяческое содействие русским научным экспедициям и отдельным ученым.

Было также признано целесообразным после окончания первой мировой войны добиваться организации в Палестине «Туземно-международного комитета по охране древностей».

АВ СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.166, л.1–1об, 2об.

[23] Образовывали Совет Института.

[24] 20.01(02.02)1918 СНК РСФСР издал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», который, по сути, касался и Палестинского общества. Декрет гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют», и «Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием».

Декреты советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957, с.374.

Переход РПО в ведение РАН произошел по инициативе А.В.Луначарского – наркома просвещения Союза Коммун Северной области, 24 октября 1918 г. обратившегося к РАН: «Покорнейше прошу Академию Наук немедленно принять меры к ограждению научного имущества Палестинского общества.

Революционные власти благоволят оказывать содействие Академии Наук при исполнении этого поручения». – Протокол Общего собрания РАН от 26.10.1918. § 255. – Протоколы заседаний Общего собрания Российской Академии Наук. 1918. Пг., 1918, с.190.

8 мая 1920 г. Правление Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений РСФСР выдало свидетельство о признании РПО научным обществом и включении его в число членов Совета.

АВ СПбФ ИВ РАН, ф.120, оп.1, д.14, л.1.

[25] 18 мая 1923 г. полпред СССР в Великобритании Л.Б.Красин в ноте, направленной МИД Великобритании, заявил: «Российское правительство считает своим долгом констатировать... что в силу декрета СНК от 23 января 1918 года "Русское Палестинское общество" было ликвидировано и все его имущество, как движимое, так и недвижимое, было объявлено собственностью Российского государства». – Известия ВЦИК. 22.06.1923, № 137.

Это заявление имело самые пагубные последствия для РПО. Дом, занимаемый Обществом, был конфискован и впоследствии так и не возвращен. Само Общество было фактически распущено. Его библиотека, музей и склад изданий переданы РАИМК, а архивы – Ленинградскому отделению Главархива. И хотя распоряжением Ленинградского отделения Главнауки 9 апреля 1924 г. имуще-

ство было возвращено РПО, оно так и оставалось в здании РАИМК, на этот раз по просьбе Общества, оставшегося без помещения. Официально деятельность РПО возобновилась после утверждения Устава 1925 г.

[26] Академик Ф.И.Успенский был избран председателем РПО на Общем собрании Общества 22 мая 1921 г. Ф.И.Успенский скончался 10 сентября 1928 г. Русский Археологический институт в Константинополе, основанный им, действовал в 1894–1914 гг.

[27] И.Ю.Крачковский был избран пожизненным Действительным членом Палестинского общества на заседании Совета Общества 29 мая (ст. ст.) 1915 г., а 22 мая 1921 г. Общим собранием РПО – в члены Совета Общества. На пост помощника председателя Общества его избрал Совет РПО 18 февраля 1928 г. Заместителем председателя РПО И.Ю.Крачковский оставался до своей кончины 24 января 1951 г.

[28] Академик Н.Я.Марр был утвержден председателем РПО Общим собранием Общества 19 октября 1929 г.

[29] Н.Я.Марр скончался 20 января 1934 г.

[30] См. статью М.И.Ростовцева: Русская археология Палестины (Сообщение в Русском археологическом обществе). – Христианский Восток. Т.1. Вып.3. СПб., 1912, с.247–266.

[31] Германский союз по изучению Палестины основан в 1877 г. Кроме него в Германии в 1900 г. был образован Германский евангелический институт по изучению прошлого Святой земли (Немецкий институт Палестины).

[32] Фонд по изучению Палестины. Основан в 1865 г. Издание: «Palestine Exploration Quarterly».

[33] Французская библейская и археологическая школа. Основана в 1890 г. Издания: «Études palestiniennes et orientales», «Revue biblique», «Etudes bibliques» и др.

[34] В черновике работы до исправления фраза читалась: «К ним примыкала работа и немецкого Археологического Института и американского, равно как ряда других меньших организаций».

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.70.

Германский археологический институт (ФРГ) основан в 1859 г. Издает ежегодник «Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Institut» с ежеквартальным приложением «Archäologischer Anzeiger».

Институт археологических исследований Олбрайта в Иерусалиме (Институт археологии им.Уильяма Фоксуела Олбрайта). Основан в 1900 г. Поддерживается организацией «Американские школы восточных исследований». Издания: «Bulletin», «Biblical Archaeologist» и др. См. примеч. 35.

[35] Американская школа восточных исследований в Иерусалиме и Американская школа восточных исследований в Багдаде (действует с 1923 г.). Обе являются филиалами организации «Американские школы восточных исследований» (создана в 1900 г.). Издания: «Biblical Archaeologist», «Bulletin» и др.

[36] Основан в 1918 г. Издания: «Scopus», «News from the Hebrew University» и др.

[37] Академия арабского языка. Основана в 1919 г. Издает: «Majmaa al-Lughah al-Arabiyyah bi-Dimashq».

[38] Французский институт арабистики. Основан в 1922 г. Издает ежегодник «Bulletin d'études orientales».

[39] Дата проставлена от руки на черновике работы.

СПбФ Архива РАН, ф.1026, оп.2, д.208, л.73.

ПЕРЕПИСКА АКАДЕМИКОВ А.Е.КРЫМСКОГО и И.Ю.КРАЧКОВСКОГО 1920–1930-х годов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внутренний мир наших предшественников ученых-востоковедов, стиль их взаимного общения, нравственные идеалы, гражданские позиции, наконец, духовный опыт – это часть отечественной востоковедной культуры, к сожалению плохо изученная. Публикация переписки А.Е.Крымского и И.Ю.Крачковского, думается, внесет свою лепту в заполнение этой лакуны в нашем востоковедении[1].

Почти четыре десятилетия продолжалась переписка между Агафангелом Ефимовичем Крымским и Игнатием Юлиановичем Крачковским. Она началась в 1903 г. с обращения двадцатилетнего Игнатия Крачковского, студента Петербургского университета, к профессору Специальных классов Лазаревского института восточных языков тридцатидвухлетнему Агафангелу Ефимовичу Крымскому с просьбой прислать ему свои учебные пособия. Обращение И.Ю. было вполне естественным, поскольку первые труды А.Е., как признается И.Ю. 7.XI.1929 г., пробудили его

---

* Публикация, предисловие и примечания И.М.Смилянской при участии А.Г.Недвецкого.

[1] В личных архивах обоих академиков сохранилось около сотни писем из этой переписки. К сожалению, немало писем затерялось: в частности, до нас не дошли письма Крачковского 30-х годов, времени активного обмена корреспонденцией. Письма А.Е.Крымского хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф.1026, оп.3, № 504, л.45–218, ф.Крачковского), они дошли до нас с большой полнотой и за 1903–1916 гг. опубликованы в т. V Сочинений А.Е.Крымского (*Кримський А.Ю.* Твори в п'яти томах. Київ, 1973). Письма И.Ю.Крачковского находятся в Рукописном отделе ЦНБ УАН в фонде А.Е.Крымского (I 23185–23205). В настоящей публикации мы издаем их переписку послереволюционного периода.

интерес к арабскому миру, а книга Крымского «Мусульманство и его будущность» (М., 1899) оставила такой след в его сознании, что ассоциировалась с годами давней юности (см. письмо от 6.XII.1928).

Отзывчивый на просьбы студентов, А.Е. отправляет книги И.Ю. Завязывается переписка. Окончив университетский курс, Крачковский, в свою очередь, посылает Крымскому свои первые работы, а будучи в Сирии и Египте (1908–1910), выполняет книжные заказы Крымского. Обмен трудами становится относительно регулярным; как мы видим из писем А.Е., Крымский переплетает оттиски статей Крачковского в специальные тома.

Поначалу тон писем соответствует взаимоотношениям учителя и ученика. Так, перед поездкой на Восток И.Ю. намеревается обратиться за указаниями к А.Е. «как единственному в России строго научному знатоку живого языка», а по возвращении надеется получить его «научное благословение»[2]. Крымский доброжелательно наблюдает за успехами И.Ю. в научных занятиях и в письме от 22 сентября 1908 г., желая душевно поддержать Крачковского, тяжко переживавшего смерть своего учителя В.Р.Розена (а постоянная деликатная взаимная поддержка – важная сторона переписки), пишет ему: «Вам-то я порывался писать не раз – и все как-то откладывал, лишь в душе переживал, не высказывая на бумаге, чувство чрезвычайного удовлетворения от наблюдения (заочного) за Вашей деятельностью. Можно сказать, на моих глазах, хотя заочно, – в ы р а с т а л а новая крупная научная сила – от начинающего, интересующегося талантливого студента до все более и более крепнущего ориенталиста, пока наконец Ваши последние работы мне окончательно не показали, что перед нами вполне сформировалась незаурядная научная сила, которой суждено многое внести в русскую ориенталистику»[3].

С 1910 г. обмен письмами становится оживленней и письма обретают дружеский оттенок: 30 марта 1915 г. Крымский отметит десятилетие их «знакомства и дружбы». Со временем возрастное и профессиональное различие между ними стирается и с 20-х годов вовсе перестает ощущаться. Тем не менее в 1929 г., благодаря за присланное ему Украинской АН поздравление с

---

[2] Рукописный отдел ЦНБ УАН, ф.XXXVI, ед. хр. 319, 320. См. также: *Смилянская И.М.* Переписка между И.Ю.Крачковским и А.Е.Крымским. – Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры. Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1983, с. 49–51.

[3] *Кримський А.Ю.* Твори, т.V, с. 409.

25-летием научной деятельности, Крачковский назовет (впрочем, не без скрытого умысла) уже опального Крымского своим «духовным учителем». В свою очередь, Крымский будет до конца жизни придирчиво прочитывать работы Крачковского и труды, вышедшие под его редакцией, и не пропустит случая, чтобы не указать на мелкие недочеты и вкравшиеся ошибки.

Несмотря на взаимную симпатию, со временем перешедшую в дружескую привязанность («Я вас очень люблю», – не раз признавался более импульсивный Крымский, а Крачковского «особенно потянуло» в Киев после переселения туда А.Е.), обмен письмами между обоими учеными не был регулярным, он развивался толчками. Иногда письма следовали одно за другим, и диалог становился непрерывным, чаще письма приходили один-два раза в год, а нередко возникали длительные интервалы. Аккуратный И.Ю. мягко пеняет «тугому» на письма А.Е.: «...но все-таки думаю, что письма Вы совсем разучились писать» (30.III.1924), он просит занятого административной работой Крымского поручить кому-нибудь ответить (27.IV.1925). Молчание А.Е. как бы обескураживает И.Ю., его письма становятся как будто суше, но со временем он привыкает к долгому молчанию Крымского, для которого письма – исповедь души и «написание письма превращается в какой-то подвиг» (19.VIII.1929).

Между тем письма были основным способом их общения, что, естественно, придавало переписке особую содержательность. За всю свою жизнь они встретились всего несколько раз. Первое свидание произошло только в советское время, когда Крымский, узнав, что у Крачковского имелись материальные сложности с организацией летнего отдыха, пригласил И.Ю. отдохнуть в Киеве от «болотистого петербургского климата». (Скрытый смысл этого определения Крачковский понял и ответил 29 апреля 1924 г.: «Вы – правы... Очень мне хочется уйти хоть на месяц от всей здешней обстановки и сутолоки, которая треплет меня беспрерывно с осени 1917 года».) Летом 1925 г. Крачковские приехали в Киев. О своих впечатлениях от первой встречи с Крымским, изменившей заочно составленный образ, И.Ю. сообщал симферопольскому востоковеду, другу юности В.И.Филоненко в августе: «Крымский произвел на меня значительно более симпатичное впечатление, чем я составил себе о нем. Во-первых, он не такой бука, как о нем все рассказывали – с удовольствием, по-видимому, бывал у нас, странствовал с нами в Лавру, где мы провели почти целый день, а во-вторых, и в смысле украинской политики он значительно толковее, чем большинство местных деятелей. По части же востоковедения, конечно, он единствен-

ный основательный представитель в Киеве»[4]. Общался Крачковский и с молодым востоковедным окружением Крымского, о чем свидетельствуют приписки в последующих письмах. Расставание с супругами Крачковскими А.Е. перенес болезненно: «не могу найти душевного равновесия» (4.IX.1925).

Две следующие встречи произошли в тяжелую полосу жизни А.Е.: тогда он был в Ленинграде проездом по пути к месту заключения его приемного сына Н.З.Левченко (о цели поездки А.Е. в письме не сообщает И.Ю., по-видимому не доверяя тайне переписки), но по тому, что И.Ю. несколько раз ездил на вокзал встречать Крымского, можно полагать, что он понимал, куда едет А.Е., и сочувствовал ему. (Не случаен тревожный вопрос, заданный И.Ю. в письме еще 13 июля 1928 г., – «с Вами ли Левченко?».) «Был недавно проездом на несколько дней Крымский, ездивший (здесь кусочек листа вырван. – *И.С.*) со своим известным и Вам спутником по Крыму. Рассказывал много интересного и про свое трудное житье в Киеве, и про свои работы, которыми все-таки продолжает заниматься. Как всегда, беда только в том, что по слишком разнообразным областям он пишет сразу – тут и история хазар, и новоарабская литература, и азербайджанская литература. Как и когда все это будет кончено и печататься, он и сам не знает. И вид, и настроение его лучше, чем я предполагал по письмам, но, конечно, он... в очень повышенно-нервном состоянии», – написал 29 июня 1932 г. В.И.Филоненко И.Ю.Крачковский[5]. Судя по отдельным репликам, брошенным в последующих письмах, беседы между И.Ю. и А.Е. были достаточно откровенными.

Далее последовали приезды А.Е. в Ленинград для участия в сессиях арабистов 1935 и 1937 гг. Последнее свидание произошло в январе 1941 г., за восемь месяцев до ареста Крымского. Тогда ВУАН и киевская общественность торжественно отмечали семидесятилетие А.Е. – ученого-украиниста, востоковеда, украинского писателя. И.Ю. приехал на чествование друга от имени АН СССР. «В Киев съездил благополучно и Крымского повидал с удовольствием, – написал 18 февраля тому же адресату И.Ю., – за три года он не переменился и все такой же живой»[6].

Переписка между А.Е. и И.Ю. говорит об их глубоком взаимном понимании и доверии друг другу. Что же связывало этих людей?

---

[4] СПб. филиал Архива РАН, ф.1026, оп.3, № 37, л.77. Материалы из переписки И.Ю.Крачковского и В.И.Филоненко любезно предоставлены мне А.А.Долининой, за что я ее сердечно благодарю.

[5] Там же, л.171, 172.

[6] Там же, л.208.

Прежде всего их сближала профессиональная общность, ибо арабистика была главным предметом исследовательской работы каждого. При всей востоковедной и филологической образованности И.Ю.Крачковский был арабистом преимущественно. А.Е.Крымский разделял свои арабистические занятия с тюркологией и иранистикой, однако первым своим делом считал в 1927 г. (24.IV) «окончание обработки собранных мною сирийских этнографических и диалектологических материалов», которые «лежат особенно тяжелым бременем на моей совести»[7]. И в конце жизни, когда, казалось бы, возникла возможность опубликовать что-либо из его больших работ, он думает не о законченной «Истории хазар», но о том, чтобы «продвинуть свой большой сборник простонародных сказок, сирийских и отчасти палестинских» (31.XII.1940). В 30-е годы А.Е. занимался больше всего арабистическими исследованиями и даже историю сасанидской литературы пытался реконструировать по арабским и арамейским источникам.

Сближали Крымского и Крачковского также воспоминания о пребывании в Сирии. Под влиянием сирийских впечатлений родился цикл рассказов «Бейрутські оповідання» и окреп поэтический талант Крымского. «Сирия – родная для меня страна, и с нею связаны самые лучшие воспоминания моей молодости...», – пишет А.Е. 5 октября 1940 г. «Вас тянет в Сирию, – отвечает ему И.Ю., – а меня уже перестало тянуть, и я как-то отупел – лет пять тому назад было еще не то» (13.X.1940).

У обоих востоковедов существовала еще одна обоюдная привязанность – украинская культура. Для Крымского она составляла его родную стихию, белорусу Крачковскому, владевшему украинским языком, украинская культура была близка, новые же украинские впечатления во многом ассоциировались с личностью Крымского, и тогда письма наполнялись особой теплотой: «Под влиянием украинских впечатлений я всегда как-то сугубо Вас вспоминаю» (13.VII.1928). Впрочем, летом 1928 г. Крачковский часто мысленно обращается к А.Е. потому, что знает, как нелегко произошло весною отстранение Крымского с поста непременного секретаря.

В дореволюционное время их могла разделять приверженность к разным, отчасти конфронтирующим направлениям – сугубо научному академическому петербургскому и практическому,

---

[7] Изучение сирийского диалекта и фольклора Крымский начал во время своего пребывания в Сирии в 1896–1898 гг. Об этом см.: *Смилянская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е.Крымского. – *Крымский А.Е.* Письма из Ливана. 1896–1898. М., 1975, с. 319–320.

до известной степени популяризаторскому московскому. В советское время их объединяло сознание того, что они оба принадлежали к старому «эрудитному» востоковедению, хранили и развивали его традиции. Они равно скорбят об уходе из жизни тех ученых, чье творчество развивалось в рамках дореволюционного академического востоковедения. Для Крымского известия о смерти подобных востоковедов звучат как «печальная отходная» (19.IV.1924). Он понимает, что старые ориенталистические силы, уходящие в могилу, «не будут в состоянии заменить ближайшие грядущие у нас ориенталисты» (28.IV.1928). Крачковский создает серию проникновенных некрологов, стремясь утвердить след ушедших в науке и культуре. Оба радуются признакам пробуждения востоковедения. «Русское востоковедение не умирает и оправляется от постигшего его лихолетья», – с удовлетворением констатирует Крымский 19 апреля 1924 г.

Обоих объединяло ответственное отношение к подготовке научной смены. «У Бартольда совсем не было того свойства, которое присуще было незабвенному бар.Розену и которое в самой широкой степени свойственно Вам, – умение любовно обращаться с учениками, создавать учеников-товарищей, формировать так сказать "научную семью"», – писал Крымский 20 мая 1935 г. Он и сам в молодости относился сердечно к своим студентам, и в письме к И.Ю. в 1915 г., рассказывая об ответной к нему привязанности учеников, замечал, что если б он встретился с И.Ю., то имел бы с ним беседу «на тему об отношениях к учащейся молодежи»[8]. Крачковский также полагал, что нравственное воспитание своих учеников входит в его обязанность. Иронично отметив «"борзописание" с бравированием многоязычием», не вызванным «исключительно научными соображениями», молодого Дмитриева, он сообщал: «Я стараюсь на него воздействовать, но так как он не моего "прихода", то влияния мало» (31.I.1927). Естественно, ответственность учителя за нравственный облик ученика совмещалась с серьезным отношением к его научной подготовке: «При моих руководительских принципах (поверхностного отношения я не признаю), взять его (речь шла о Завалинском. – *И.С.*) – значило бы засесть вместе с ним за эту работу, безраздельно отказавшись от всех прочих, и погрузиться с головою исключительно в турецкую историографию» (А.Е. от 8.VIII.1940). Вот отчего в письмах они часто обмениваются впечатлениями о своем молодом научном окружении, ценя в нем жажду знаний и трудолюбие. И, несмотря на достаточно пессимистическую оценку состояния востоковедения, оба верны принципу – «радоваться

[8] *Кримський А.Ю.* Твори, т. V, с. 442.

появлению каждого нового ориенталиста в России» (А.Е. от 17.I.1927).

В 20-е годы взаимоотношения Крымского и Крачковского были укреплены еще и общими научно-организаторскими функциями, ими исполняемыми: А.Е.Крымский – первый непременный секретарь Всеукраинской АН (XI.1918–V.1928) и академик-секретарь Историко-филологического ее отделения; И.Ю.Крачковский – академик-секретарь Отделения общественных наук (IV.1922–III.1929), временами он замещает С.Ф.Ольденбурга в должности непременного секретаря АН СССР. Оба тяготятся своими обязанностями, потому что они отвлекают их от научных занятий. Обоих, по-видимому, равным образом угнетало «насильственное» попрание «элементарных принципов самоуправления» АН со стороны правительственных органов. Оба страдают от происходившего в конце 20-х годов преобразования АН, разрушившего те структуры, которые они заботливо создавали. Именно тогда Крымский с особой болью напишет, что наряду с жаждой отставки его мучит «сверлящая мысль, сверлящее раскаяние, "зачем я десять лет своей жизни употребил не так, как следует?"» (28.IV.1928). Но по-видимому, эти слова не передавали полностью всего отношения Крымского к своей деятельности на посту непременного секретаря, потому что неделю спустя он, несмотря на давление сверху, отказался снять свою кандидатуру на выборах и вновь был избран большинством голосов непременным секретарем. И.Ю.Крачковский, еще не зная, что выборы были кассированы, пишет Крымскому 4 июня 1928 г.: «По слухам, от административной работы Вам не удалось освободиться. Очень сочувствую, так как и сам испытываю то же, хотя в другой пропорции. Мне, вероятно, придется уйти в результате новых выборов» (подчеркнуто мною. – *И.С.*). А 13 июля, запрашивая о здоровье А.Е. «после всех академических передряг», сдержанный Крачковский сообщает, что находится «в обычной летней прострации, когда после нашей "деловой" жизни со всей ее суетой не только писать, но даже и говорить не хочется», и добавляет: «Кажется, и нашей Академии предстоит много неприятного в таком же стиле; уж и теперь я с ужасом думаю об осени». (В феврале 1929 г. И.Ю. подал прошение об отставке в знак протеста против политики государства по отношению к Академии наук.)[9]. Иными словами, и в этой сфере оба понимали друг друга, их жалобы на обременительность административной работы во многом объяснялись условиями, сложившимися в процессе перестройки АН.

---

[9] *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994, с. 206.

Однако главное, что их сближало, таилось в мировоззренческой близости их научных поисков: «Обыкновенно все темы, разрабатываемые Вами, являются наиболее любимыми и у меня», – писал А.Е. в 1912 г.[10], а в 1915 г. замечал: «Иное дело Ваша диссертация, в ней в с е, что я читал, вложилось мне в душу»[11]. Темы становились любимыми и вкладывались в душу оттого, что отражали нравственные и духовные искания. Еще 14 февраля 1910 г. Крымский писал И.Ю.: «Но ведь, собственно, я уже знаю Вас как человека, а не просто как ученого, и знаю притом довольно хорошо, и знаю, к кому пишу. Искание идеала Истины, Добра и Красоты всегда будет играть роль в Вашей жизни»[12]. Действительно, Крачковский превыше всего ценил красоту человеческой личности и единение ученых, сплоченных высокими духовными запросами. «Великая школа последних лет, – писал он в 1922 г., – обнаружила, что эта сплоченность часто оказывалась для нас едва ли не единственно реальным в жизни. Развертывая всю мощь единения, созданного на основе единства высших запросов, она иногда развертывала и всю красоту человеческой личности – высшего, что есть на земле»[13].

То обстоятельство, что труд освещался «высшими запросами», превращало его в радость и наслаждение каждого. «Единственная моя отрада заключалась и заключается в научной работе», – пишет Крымский 3 января 1935 г. Вместе с тем работа «позволяет забыться от ужасов жизни и от своих болезней» (5.V.1932). «Работа доставляет мне огромное наслаждение, совершенно потеряла характер срочной барщины, и если я материально (в смысле получения гонорара) сильно проиграл, то нравственно, для своей души, очень выиграл», – пишет он 21 сентября 1937 г. в связи с написанием «Истории новой арабской литературы». Для Крачковского жизнь без работы означала лишь существование. «Работать в этом месяце не собираюсь и очень хотел бы просто просуществовать», – сообщает 29 апреля 1924 г. все еще не оправившийся от потрясения после ареста И.Ю.

При этом каждому присуща высокая требовательность к результатам своего труда. Письма говорят о том, как тщательно отрабатывал Крымский главы из «Истории новой арабской литературы», заботясь об их художественной законченности, чтобы

---

[10] *Кримський А.Ю.* Твори, т. V, с. 428.

[11] Там же, с. 443.

[12] Там же, с. 421.

[13] *Крачковский И.Ю.* Памяти И.П.Кузьмина. – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т.II, вып.1, с. 177.

увлечь читателя. Он считал своим долгом оценить каждую новую присланную ему работу И.Ю. и не скупился на выражение одобрения – «каждая присланная Вами печатная строчка... наполняет меня радостью» (19.VIII.1929), но и бранил И.Ю., если текст был художественно сух. И.Ю., в свою очередь, высказывал замечания по архитектонике книги А.Е., и тот внимательно прислушивался к его замечаниям. Ревность к успехам И.Ю. не была знакома А.Е.: «Я читаю, и я нахожусь с Вами в общении, я испытываю радость от общения, я испытываю радость и от того, что присланная Вами вещь талантлива, прекрасна, интересна и пр. и пр.» (19.VIII.1929).

Каждому было присуще чувство ответственности перед отпущенным ему судьбою талантом. «Ужасна не мысль о небытии, а сознание, что нужно бы еще сделать многое-многое, и нет на то времени, и тратится время "бош йерé"*», – горько сетует А.Е. (24.IV.1927). А И.Ю., направляя Крымскому библиографию своих трудов, огорчается, что сделано мало. В ответ А.Е. шутливо упрекает друга в кокетстве и утверждает: «След в арабистике Вы оставили надолго». Однако прибавляет: «Вам была дана возможность развернуться в самой малой степени, а самые важные Ваши труды могли увидеть свет лишь за границей». И в иносказательной форме (а к эзопову языку им нередко приходится прибегать, как и пользоваться своим многоязычием) отметил, что развернуться в полной мере И.Ю. помешали арест и общественные условия («...я с горечью думал, что напрасно тут отсутствует das noch zu schreibende Werk**, которому Вы, на манер Сильвио Пеллико, с успехом могли бы дать заглавие вроде "Le mie prigioni"*** с подзаголовком: Aggiunti – due capitoli supplementari: "I miei (e della mia sposa) tormenti dal freddo e della fame"****») (24.I.1937).

Духовная близость Крымского и Крачковского порождала подчас параллелизм их научных занятий, поражала Крымского совпадением его сиюминутной работы с темами присылаемых ему Крачковским сочинений. Такая близость, впрочем, не мешала каждому реализовать себя по-своему в исследовании общих тем, а в работе над историей новой арабской литературы гармонично дополнять друг друга.

Публикуемые письма тематически настолько многогранны, что трудно назвать сколько-нибудь полно их содержание, да и

---

* тур.: впустую.

** нем.: труд, который должен быть написан.

*** итал.: «Мои узилища».

**** итал.: Присовокупление – две дополнительные главы: «Мои (и моей жены) мучения в холоде и голоде».

вряд ли в этом есть необходимость. Наибольшую ценность переписке Крымского с Крачковским, думается, придает возможность заглянуть в их внутренний мир. И.Ю.Крачковский по складу своего характера был сдержан. А.Е.Крымский, поэт и писатель, более открыт, он с большой глубиной воссоздает в письмах свое внутреннее состояние, свои переживания. Поскольку в 30-е годы его личная судьба складывалась драматично – арест, лагерь и гибель приемного сына, отстранение от преподавания и академических дел, «нападки на идеологию», материальные трудности, страдания от голода, то письма этого десятилетия были трагическими. Боль его души усугублялась присущей Крымскому отзывчивостью на общественные беды. Достаточно вспомнить его переживания, вызванные обнищанием интеллигенции, людскими транспортными муками, общим оскудением, а также его ироническую реплику, осуждающую лицемерие официальной идеологии, содержащуюся в письме от 25 мая 1932 г.: «У нас "уведать дурное" нельзя, потому что его и нет в сравнении с Западом. Достаточно взять газету – и мы увидим, что Запад может только завидовать нам».

Письма позволяют представить гражданские позиции А.Е.Крымского. Конечно, свои политические взгляды он открыто не излагал, не полагаясь на неприкосновенность переписки. Но отношение к происходящему можно представить по отдельным репликам.

Следует иметь в виду, что революция застала Крымского и Крачковского со сложившимися мировоззренческими устоями, сформированными под влиянием блестящей философской и научной мысли России, усвоения современной мировой культуры, литературы христианского Востока (а Крымскому была близка и суфийская традиция). Все это благоприятствовало становлению в их сознании устойчивой иерархии ценностей, пониманию подлинного масштаба происходивших событий. Их уже трудно было увлечь классово детерминированными идеалами, не подкрепленными гуманистическими нравственными принципами, идеалами, которые вдохновляли молодых востоковедов-марксистов.

Научная и культурная деятельность Крымского и Крачковского основывалась на глубоком чувстве патриотизма и осознании своего долга в отношении отечественной науки. «Как севастопольские солдаты, которым месяц зачитывался как за год, мы давно выслужили свои сроки и имеем право на отдых, – писал в 1922 г. И.Ю., – но мы – забытые часовые, и не уйти нам со своего поста; а если не подойдет смена, мы на нем и кончим жизнь»[14]. Оба ценили единение отечественных ученых на почве

[14] *Крачковский И.Ю.* Памяти И.П.Кузьмина, с. 180.

России. Крымский печально заметил в 1937 г., что Минорский «совсем пропал для России и не вернется в нее, так же как Ростовцев, Трубецкой и много других ученых талантов» (2.VI.1937).

Оба были обеспокоены падением уровня науки в России («...я...нравственно разбит ввиду торжества безграмотных невежд, – восклицает Крымский 26 января 1937 г. – За русскую науку обидно!»).

Будучи деятелем украинской науки и украинским писателем, Крымский был противником узконационалистической замкнутости ученых. («Для меня, одинаково врага и "истинно-русских", и "истинно-украинских" людей, сеющих рознь и раздор там, где может быть и где должно быть лишь единение, печатание Багалеевского сборника доставляет и не раз еще доставит не одну минуту культурной радости» – 17.I.1927.)

Отношение А.Е.Крымского к идеологической политике партии и правительства в 30-е годы было однозначным. Кампанию против Академии наук, проработки ученых он оценил как «свистопляску»: «...люди не работают, а заняты только разыскиванием "идеологии" в чужих работах. Подвергаются обличению в "идеологии" и математика, и ботаника и пр.» (5.V.1932). Он видит, как, не выдержав жизненных испытаний, опускаются люди: нечто подобное случилось и с некогда любимым учеником, едва ли не членом семьи, П.Лозеевым. А.Е. не осуждает тех, кто ради «совместительств» был готов на публичное саморазоблачение, но он сам игнорирует «все эти радения и беснования» и продолжает работать, даже не зная, по словам Крачковского, «как и когда все это будет... печататься». Такая позиция дает ему чувство независимости, но требует немалого героизма, чтобы переносить муки голода и едва ли не нищету.

«Ужасы жизни», «свистопляска», «сикофантская вакханалия», «хаос» – вот его красноречивые характеристики действительности 30-х годов. И тем не менее Крымского не покидает философский оптимизм, и 5 мая он пишет: «Если я жив останусь, увижу и конец свистопляски: на все – мода... И повторяю себе слова Хафиза:

> Не по сердцу нам кружится колесо судьбы дня два,
> Где круженье, там и мена! Мены жди и не скорби...»

И во имя этого поворота колеса истории он работает. Короткий ренессанс своей славы в 1940 – начале 1941 г. А.Е. воспринимает как круженье колеса фортуны. «Причина фавора мне неизвестна... На судьбе моей это ничем не отразится. И раньше я работал не покладая рук, с утра до поздней ночи, и теперь бу-

ду работать с тем же рвением. Желал бы прожить-проработать хотя бы еще годика три-четыре, чтобы при жизни руководить переизданием некоторых своих работ из тех, что пообъемистее» (8.VIII.1940). Но этой надежде не суждено было осуществиться. Предчувствия на этот раз не обманули А.Е.: «...я редко когда ощущал веяние смерти так близко, как теперь», – написал он 31 декабря 1940 г. В январе 1942 г. Крымского не стало. Он умер в заключении в Казахстане. И.Ю.Крачковский пережил своего старшего коллегу и друга всего лишь на девять лет.

* * *

Жизненные и творческие пути А.Е.Крымского и И.Ю.Крачковского нашли отражение в литературе, в частности монографической[15]. Это позволяет не обращаться в Предисловии к биографиям ученых; необходимые сведения о жизненных и служебных ситуациях и событиях, упоминаемых в письмах, содержатся в комментариях.

Письма, представляющие собою ценнейший документ эпохи, заслуживают интерес широкого круга читателей, поэтому издатели сочли целесообразным сопроводить текст расширенным комментарием, предназначенным не только пояснить востоковедные реалии, но предоставить читателю сведения об обстоятельствах написания тех или иных работ, упомянутых в переписке, о научном окружении академиков – их учителях, коллегах и учениках, о зарубежных ученых, ставших теперь классиками ориенталистики, с большинством из которых и Крымский, и Крачковский находились в переписке. (Несмотря на то, что оба востоковеда в советское время не выезжали за границу, они были органично интегрированы в мировую науку. И.Ю.Крачковский к тому же публиковал на Западе многие свои труды.) В примечаниях издатели старались обратить внимание читателей на сумму библиографических, историографических и культурных сведений, которые были в обиходе ученых, получивших востоковедное образование на рубеже столетий, использовав оценки и характеристики, содержавшиеся в работах обоих академиков. Все это позволяет поместить переписку в определенный историографический контекст.

---

[15] О А.Е.Крымском см.: *Бабишкин О.* Агатангел Кримський. Київ, 1967; *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980; кроме того, на Украине вышло в свет множество статей. Из российских работ см.: *Смиляпская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е.Крымского. – *Крымский А.Е.* Письма из Ливана. 1896–1898. М., 1975, с. 303–338.

О И.Ю.Крачковском см.: *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994.

Подготовка писем к изданию была сопряжена со своими трудностями. Драматические жизненные обстоятельства, неблагоприятная общественно-политическая обстановка не способствовали душевному спокойствию пишущего, и почерк становился нечетким, рассеянность от нервного переутомления порождала описки. Имели место и редкие ошибки, вызванные случайными заблуждениями или аберрацией памяти, что требовало дополнительной перепроверки текста.

Издатели не считали возможным вносить редакционную правку в письма, сохранив не только особенности транскрибирования восточного текста, но и разночтения в транскрибировании, свидетельствующие о колебаниях в этом вопросе или преднамеренной небрежности, воспроизведены также ставшие архаичными формы написания имен и названий, а в известных случаях и правописание того времени. (Это касается, прежде всего, писем Крымского.)

Для получивших классическое образование ученых было совершенно естественным прибегать в письмах к греческим и латинским фразам, ныне почти не употребляемым. Будучи полиглотом и полагаясь на лингвистическую образованность И.Ю.Крачковского, А.Е.Крымский включал в текст крылатые выражения и пословицы на арабском (классическом и диалекте), персидском, турецком, а также на пяти европейских языках; без переводов следовали и выражения на древнееврейском, арамейском, эфиопском языках. Преодолеть указанное многоязычие нам помогли Н.И.Сериков, С.Ю.Завадовская, И.А.Лившиц, Е.М.Сморгунова, Л.П.Галанза, Г.Ш.Шарбатов, Л.А.Колесова и другие, всем им мы выражаем свою признательность, так же как С.Б.Чернецову и О.М.Чунаковой за консультации в области эфиопистики и иранистики.

Редакция переводов и частичный перевод с арабского выполнены А.Г.Недвецким. Им же написаны примечания 5, 12, 29, 35, 46, 47, 85–88, 98, 106, 150, 151, 193, 197, 224, 226–233, 236, 237, 239, 276, 280, 290, 291, 365, 374, 392, 393, 404, 405.

Считаем своим приятным долгом поблагодарить руководство и сотрудников Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Рукописного отдела Центральной научной библиотеки Украинской Академии наук, предоставивших материалы вверенных им хранилищ в наше распоряжение. Помощь в утомительной работе по считке машинописного текста с рукописным оригиналом писем Крымского, представленным по фотокопии, оказала Н.А.Дулина, за что мы ей особенно благодарны.

2.V.1995 г. *И.М.Смилянская*

ПИСЬМА

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ — А.Е.КРЫМСКОМУ

2 февраля 1923 г. [На бланке:] Российская Академия наук, Академик-Секретарь Отделения Исторических наук и Филологии. Петроград

Дорогой Агафангел Ефимович, Вы, вероятно, решили, и притом не без некоторого основания, что в смысле писем я уподобился Вам и привел в исполнение свою угрозу, о которой писал в последнем письме, отправленном чуть не год тому назад с какой-то оказией. Дело объясняется проще и для меня не особенно приятно: с 20 июля до половины января я находился «во узилище» и теперь еще не вполне уверен в дальнейшем нормальном течении своей жизни. Таким образом, и третий томик «Пальмове Гилля»[1] я мог прочесть только недавно, а благодарить собрался лишь теперь. Очевидно, не в добрую минуту пригрозил я больше не писать.

Хотел бы послать Вам некоторые свои оттиски за старое время, но боюсь, что сделаю это вторично. Было бы очень хорошо, если бы Вы нашли минутку мне сообщить, какие последние вещи Вами получены. Авось, тогда удастся несколько рассмотреть свой хаос.

Ничего крупного за все это время печатать не приходилось и даже чисто научного мало. «Записки Вост. Отд.» застряли на 25-м томе[2]. Кое-что вышло во «Всемирной Литературе» под моей редакцией (Ибн-Туфейль, Усама-ибн-Мункыз)[3]. Вышел сборник «Восток», где моя статейка по новоарабской литературе[4]. Экземпляров всех этих изданий, к сожалению, не получаем.

С Запада кое-какие книжки к нам начинают просачиваться. Получен между прочим сборник в честь 60-летия E.G.Browne'a, статьи есть интересные[5]. Июль [1922 г.] застал меня[6] за чтением дивана Зу-р-Руммы в монументальном издании Macartney[7]. За истекшие полгода работать толком не мог и теперь еще плохо прихожу в себя: сердце пострадало довольно сильно. Из полез-

ных вещей составил только указатель к رسالة الغفران Абӯ-л-Алā[8]. Жду вестей от Вас, адресуйте на Академию. Преданный Вам.

И.Крачковский

27 июня 1923, Царское село

Дорогой Агафангел Ефимович.

Спешу Вас поблагодарить за книжки (Персия – вып.I и Хафиз)[9], которые вчера были мне вручены. Второй экземпляр Хафиза я уже отнес в редакцию «Востока»; так как наши ориенталисты не объединяют со знанием персидского и знание украинского, то рецензию придется написать, вероятно, мне[10]. Сделаю я это с большим, конечно, удовольствием ان شاء الله *.

В «Хафизе» я впервые познакомился с Вашими стихотворными переводами на русском языке в большом объеме. Особенно интересны для меня были экскурсы о старом востоковедении, где очень много интересных деталей. В прошлом году я читал в университете курс по истории арабистики в Европе, начиная с раннего средневековья, и тогда приходилось попутно касаться и некоторых из тех лиц, которые упомянуты и у Вас. Интересна сводка русских стихотворных переводов Хафиза: в № 3 «Востока», который должен скоро выйти, помещена статья одного моего ученика об отражении Ближнего востока в русской поэзии, но там о переводах Хафиза речь только в связи с другими литературными явлениями[11].

Издания «The Eclipse of the Abbasid haliphate» все еще нет у нас[12], может быть, оно окажется в книгах, недавно полученных по спискам В.В.Бартольда. С большим нетерпением жду и المفضّليّات в изд. Lyall'я, представляющем, кажется, капитальную вещь[13].

«Восток» № 2 Вы, надеюсь, получили; скоро, вероятно, выйдет и 3-й, где найдете общие сведения о нашем востоковедении[14]. С печатанием у нас дело обстоит в общем неважно: из крупных работ почти ничего не удается выпустить. Цензура не пропустила моего тома (20** листов) о литературе арабских эмигрантов в Америке, который должен был служить продолжением моей книжки о Рейхани[15]. Этот месяц я провожу в Царском Селе в санатории Дома Ученых, пытаясь привести в порядок свое сердце, которое продолжает иногда докучать. Ра-

---

< * араб.: если пожелает Аллах! даст Бог!>

<** Цифра написана неясно – возможно, «10» листов (*ped.*)>

ботаю над окончанием перевода «Калилы и Димны» (по версии Cheikho), оставленным покойным И.П.Кузьминым; если удастся его напечатать, помещу там и некролог[16].

Обложка Ваших новых книг соблазняет меня некоторыми вещами, при моем неравнодушии к украинской литературе: если возможно, очень был бы рад получить – из Записок работу об С.Ефремове, – из Збірника № 1 – Багалій, № 5 – Науменко и, конечно, № 10, если вышло (Ваша Туреччина)[17].

Из моих вещей со времени письма к Вам в январе как будто ничего не выходило.

Шлю свой привет и пожелания всего хорошего

Преданный Вам *И.Крачковский*

8.III.1924, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Сегодня вручили мне присланный по Вашему распоряжению том «Истории Туреччины», за который спешу Вас поблагодарить. В ближайшие дни примусь за его штудирование. Об Истории Персии и Хафизе я давно написал небольшие заметки для № 4 «Востока»[18], который должен выйти на днях и будет Вам отправлен.

Преданный Вам *И.Крачковский.*

30.III.1924, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Спешу Вас поблагодарить за полученного вчера Хафиза[19]. Благодаря Вам у меня образовалось два экземпляра и один – с Вашего разрешения – я передам в Азиатский Музей[20], так как вся серия по общему правилу поступает в общую библиотеку Академии и Музей не имеет Ваших последних работ. Заметку о Хафизе я уже напечатал в № 4 Востока, который Вы скоро увидите, и теперь жалею, что поторопился и не дождался конца.

Не могу утерпеть, чтобы немного не поклянчить: очень бы хотелось получить № 12 Вашего сборника – совместную работу Шахматова и Вашу[21].

Думал было в мае поехать на месяц в Симферополь, чтобы почитать там лекции и вместе с тем и отдохнуть, но, по-видимому, не выйдет по финансовым соображениям Крымского Университета.

За подпись на книге очень благодарю, но все-таки думаю, что письма Вы совсем разучились писать.

Всегда Ваш *И.Крачковский.*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

19 апреля 1924

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я Вам так долго ничего не писал потому, что хотел Вам написать письмо собственноручно, а это для меня, чем дальше к старости, тем труднее делается: уже года два у меня в пальцах так называемая писцовая спазма – spasma scribarum[22]. В конце концов, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, диктую письмо.

Я Вам послал «Нариси з Історії Української мови» в 5 экземплярах. Двумя распорядитесь по своему усмотрению. Имеет ли Азиатский музей мою «Туреччину» и «Історію Персиї»? «Хафиз» у меня готов в рукописи, доведенной до конца, и через полгода я приступлю к дальнейшему его печатанию[23]. А покамест меня запрягли на чрезвычайно утомительное дело – редактирование русско-украинского словаря[24]. Материал прямо подавляет своим количеством, и я над ним работаю не менее 11 часов в день. Словарь будет в 64 листа большой восьмушки убористой печати по 100.000 букв в листе, и требуется каждую неделю выпускать в свет по одному печатному листу.

Я бесконечно Вам благодарен за присылку 4-й книги «Востока»*. Все три предыдущие книги у меня есть (книгу 3-ю по ошибке сдали было во Всенародную Библиотеку, но я ее в конце концов извлек для библиотеки восточного кабинета). Со своей стороны, обещаю вновь прислать редакции «Востока» все наши восточные издания, буде те, которые были раньше посланы, не дошли. Мне кажется, впрочем, что теперь почта достаточно аккуратна.

Не без душевного волнения читал я присланную мне памятную книжку «Востоковедение в Петербурге»[25]. Конечно, многие помещенные там сведения звучат как печальная отходная, но несомненно, что русское востоковедение не умирает и оправляется от постигшего его лихолетья. Добрая половина того, что по-

---

* <Зачеркнуто:> «и тут при сей удобной оказии попрошайничаю: пришлите мне и 3-ю книгу, которой у меня нет».

мещено в «Востоковедении», было для меня прямо откровением, хотя самый факт издания журнала «Восток» уже мне намекал на поворот к лучшим временам.

Вы упоминаете о предполагавшейся Вашей поездке в Крым. Вероятно, кроме учено-учебных соображений Вы имели бы также в виду отдохнуть от болотистого петербургского климата. Если у Вас дело с Крымом не выгорит, я бы Вам предложил провести лето в Киеве. Я, абсолютно без всякого стеснения для себя, мог бы предоставить для жительства Вам и Вашей супруге прекрасную большую солнечную комнату, выходящую окнами в сад (один из моих кабинетов в Академии Наук). Здание Академии Наук, хоть и в центре города, но помещается в чрезвычайно здоровой местности Киева и обращено своими стенами к огромнейшему Ботаническому Саду и еще к 3-м другим садам; а, в частности, тот кабинет, который бы я Вам мог предоставить на целое лето, может произвести полное впечатление южной дачи. Что Вы нисколько меня не стеснили бы, это, повторяю, само собою разумеется. В этом кабинете у меня стоят лишь шкафы с книгами (почти все закрытые). А если бы Вы захотели, я бы мог предоставить Вам комнату в Печерской Лавре, в том корпусе, которым владеет Академия Наук. Это уже несомненнейшая, идеальнейшая дача. Вопрос об обеде, о чае и т.п. теперь в Киеве очень легко уладить, не исключая даже Лавры. И там можно в этом отношении вполне удобно устроиться и, разумеется, значительно дешевле, чем в Петербурге. Очень прошу Вас заранее располагать нашим помещением, как своим собственным, а Лавру рекомендую в особенности. Я хожу в Лавру пешком (35 минут), трамвай же везет совсем быстро.

Крепко пожимаю Вашу руку.

Ваш *А.Крымский*

P.S. Работа над словарем заставила меня привыкнуть к новому русскому правописанию. А то в течение пяти лет я не в силах был писать без ѣ и без і.

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

22 апреля 1924, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Получил сегодня присланные для меня Ваши «Нариси з історії української мови» и спешу поблагодарить; прислано

сверх моего еще два экземпляра, которые, вероятно, для кого-либо предназначаются, а поэтому пока жду разъяснений.

Мне бы еще очень хотелось получить «Записки Історично-Філологічного Відділу», которые меня интересуют, главным образом, характеристиками ученых деятелей и некоторыми Вашими статьями[26]. Четыре тома просить бесплатно неудобно и поэтому подожду того времени, когда соберу деньги.

«Восток» № 4 Вы, надеюсь, получили; им. в сущности, исчерпывается за последнее время моя печатная продукция. Очень хотел бы услышать Ваш отзыв об «Арабской поэзии», где при наличии массы аналогичных очерков на западе мне все-таки не хотелось повторять того, что обыкновенно говорится, и вместе с тем захватить материал с VI по XX век, что обыкновенно тоже не делается[27].

Посылаю изложение моего исследования كتاب الآداب Ибн ал-Му'тазза, которое давно у меня на совести[28]. Может быть, удастся напечатать его в следующем году в упсальском Le Monde Oriental[29].

На май думаю съездить в Симферополь. Шлю пожелания всего хорошего. Не забывайте, если не письмами, то хоть книжками!

Ваш *И.Крачковский.*

29 апреля [1924], Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Я получил Ваше письмо накануне отъезда в Симферополь и, несмотря на полный недосуг, все-таки не могу удержаться, чтобы сейчас же не поблагодарить Вас.

Не нужно говорить, как растрогало Ваше приглашение провести лето в Киеве меня и особенно мою жену. Она прожила ведь там два года и имеет близкие родственные связи: ее сестра замужем за профессором Киевского политехникума. Сам я в Киеве не бывал, но за последнее время часто мечтал туда съездить, особенно после Вашего переселения. Тянет меня посмотреть и на остатки Гиргасовской библиотеки[30], о которой Вы поминали, и на многое другое. Идея поездки в Киев у нас была еще до Вашего письма, и, если бы с Симферополем у меня не вышло, мы, вероятно, были бы там. Теперь я уже связан некоторыми обязательствами и поэтому должен отложить на другое время. На обратном пути финансы едва ли позволят завернуть в Киев.

Из Ваших последних работ Азиатский Музей располагает «Историей Персии» и «Хафизом», так как я передал туда случайно оказавшийся у меня второй экземпляр; «Истории же Туреччины» нет, так как по общему правилу она в составе всей серии пошла в Славянское Отделение Библиотеки. За «Нариси» очень благодарен и свободные экземпляры передам кому-либо из солидных лингвистов-славистов, от имени которых тоже вперед благодарю.

Вы правы – я еду в Симферополь не только для того, чтобы читать лекции. Очень мне хочется уйти хоть на месяц от всей здешней обстановки и сутолоки, которая треплет меня беспрерывно с осени 1917 года, после которой я ни разу не оставлял столицы, если не считать нескольких дней, проведенных в б. Царском. Лекции же дают мне возможность оплатить проезд, хотя сами по себе для меня немалое зло. Работать в этом месяце не собираюсь и очень хотел бы просто просуществовать. Большое Вам спасибо за книги, письмо и его содержание.

Ваш *И.Крачковский*

27.IV.25, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович.

Этим летом мне, может быть, удастся попасть на несколько недель в Киев, и, чтобы не оказаться там в то время, когда все закрыто, я хочу Вас побеспокоить некоторыми вопросами (не практического свойства, так как остановиться мы предполагаем в Политехникуме).

1. Когда-то Вы писали, что Академия приобрела остатки библиотеки Гиргаса. Доступна ли она теперь? Мне было бы интересно познакомиться с ней, как для характеристики арабских штудий в его время, так и для его биографии.

2. Мне давно передавали, что в б. Музее Духовной Академии[31] имелись некоторые арабские рукописи. Так ли это и нет ли рукописей еще и в других местах?

3. В б. Городском Музее был когда-то подбор персидских изразцов, о которых мне рассказывал Иностранцев[32]. Будет ли этот музей открыт летом?

4. Доступно ли собрание Ханенко[33], где было много произведений восточного искусства, интересующих главным образом мою жену?

Если мне удастся вырваться отсюда, я, конечно, постараюсь обойтись без всяких занятий, но, попав к Вам, было бы жалко не ознакомиться с тем, что меня может интересовать.

В какое время будет возможность выехать, пока не знаю, тем более что и самая возможность очень проблематична.

Надеюсь, Вы получили первый выпуск Яхьи[34]; к сожалению, Graffin напечатал, не прислав еще одной обещанной корректуры, и потому опечатки иногда потрясающи. Будем рассчитывать, что следующие (всего их предположительно четыре) будут удачнее. О моих мелочах Вы тоже имеете представление, так как я старался Вас систематически снабжать.

Буду очень благодарен, если найдете минутку для письма или поручите кому-нибудь ответить.

Преданный Вам *И.Крачковский*

Ленинград,
Академия Наук.

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

7 июня 1925 г., Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я долго прожил в Харькове, куда ездил по делам Академии (главным образом добивался денег), когда вернулся в Киев, читал и Ваше письмо и ряд Ваших присылок, которые я поглотил дня в два. Все, присланное Вами, очень интересно, а за Яхъю – не знаю уж, как и благодарить Вас! Он мне пришелся изумительно кстати, потому что «Болгаробойцы» Розена[35] у меня нет (было два экземпляра, но погибли во время переезда из Москвы). Да и книжка 5-я «Востока» – тоже очень и очень приятный дар, редко какое издание приходится читать с таким наслаждением, как «Восток», и я всегда с радостным ожиданием приступаю к чтению каждой книги «Востока».

Буду испытывать «именины сердца», если Вы, наконец, приедете в Киев. Жить в Политехническом Институте, конечно, Вам будет приятнее, чем у нас в Академии или даже в Лавре, все же, если б у Вас дело не выгорело с Политехническим, то faute de mieux* Вы покойно можете остановиться и у нас. Библиотека б.Духовной Академии не тронута никем, и что в ней было, все и осталось, только хозяин – другой (именно мы). Музей Ханенко и Городской Исторический – тоже к Вашим услугам. Есть арабские рукописи и в Укр. Ак. Наук. Единственно, в чем Вам придется испытать désillusion**, это – остатки библиотеки Гиргаса.

<* франц.: за неимением лучшего.>
<** франц.: разочарование.>

По ошибке я (за случайным исключением нескольких брошюр Мерена) всю ее распорядился передать в склады Всенародной библиотеки – вместе с тою кучею книг невосточных, которую я умышленно и сознательно принес Всенародной библиотеке в дар. Когда я хватился, было уже поздно, все, что я передал (в том числе и нечаянно попавшие туда книги Гиргаса), Всенародная Библиотека успела смешать со своими неразобранными книгами, и теперь в этом океане разыскать Гиргасовские книги невозможно, придется подождать с год, пока из залежей, при разборке, все попадет вновь на свет.

Я не перестаю работать по Востоку, но приходится из-за этого просиживать ночи. Секретарство[36] поглощает у меня массу времени, и я с тоскою вспоминаю те блаженные tempi passati*, когда на мне не лежала никакая администрация. От Ромаскевича[37] я узнал, что часть делопроизводства Рос. Акад. Наук лежит на Вас, и потому думаю, что Вы прекрасно понимаете, сколько сил и нервов забирает секретарство. Но у нас дело хуже, чем у Вас, потому что вот уже год у нас кипит интрига самого скверного пошиба. Приехал Грушевский[38] (выписанный из эмиграции, увы, не кем иным, как мною же) – и немедленно внес в мирное наше сожительство полный разлад, атмосферу мелких сплетен, нашептываний и – the last [but] not the least** – политиканства. В ярой ненависти ко всему русскому Грушевский поднял среди сотрудников-украинцев сеть интриг против меня, Ефремова[39], Лободы[40] и Липского[41], т.е. против президии***, проникнутой духом единения с русским элементом нашей Академии, а для лучшего успеха он начал ездить в Харьков и делать на нас лжедоносы, обвиняя в гетманофильстве[42]. По отношению ко мне это оказалось покушением с негодными средствами (в ответ на его доносы всеукраинский съезд советов выбрал меня, непартийного (!), в члены ЦИК'а, чтобы ярко тем выразить доверие мне****), но по отношению к Ефремову ложь Грушевского имела некоторый успех. Мне во время долгого пребывания в Харькове то и дело приходилось случайно узнавать то от одного, то от другого лица из властей предержащих о их беседах с нарочно приходившим к ним Грушевским – и с негодованием разоблачать его ложь. А сколько случаев осталось для меня неизвестных? Ефремов, идеально честная натура, испытывает теперь такое настроение, как будто «жабу проглотил» (его выражение). Я, долголет-

---

< * итал.: прошедшие времена.>

< ** англ.: хотя и последнее, но не менее важное.>

<*** укр.: президиума.>

**** И на этом съезде председатель Совнаркома Чубарь[43] очень определенно выругал Грушевского.

ний анахорет, готов не только от секретарства, но даже из Киева за тридевять земель убежать. Лобода разбит параличом. И вместе с тем благомыслящие элементы нашей Академии требуют, чтобы мы не уходили, а наоборот – вели бы дело, не отступая малодушно перед интригами. В Харькове мне тоже твердо сказали (от властей), что я обязан оставаться на своем посту и что иного секретаря даже не утвердит центральная власть, так что даже в случае моего отказа я все равно принужден буду исполнять должность.

А я испытываю от всего этого самую ужасную усталость. Чтобы соблюдать душевное равновесие, просиживаю ночи напролет над ориенталистикою, хотя и чувствую, что такая жизнь меня сжигает. Все же имел удовольствие на днях закончить свою работу «История персидского театра»[44]. (У Бертельса в его интересной книжице о перс[идском] театре как раз не хватает истории этого явления[45].) К исследованию я привлек и Ибн-Мискавейга[46] (которого наконец имею в руках), но главный материал дается все же Ибн аль-Асиром[47], который положительно делается моим любимым чтением. Вышла книжка ок. 7 печ. листов. Последнюю корректуру я продержал сегодня. Разумеется, сочту за приятную обязанность прислать ее первому – Вам; да и Бертельсу одновременно с Вами пошлю, а Вы уж ему сами будьте добры передать.

Весь Ваш *А.Крымский.*

4 сент. 1925, Звенигородка Киев.губ.

Дорогой Игнатий Юлианович!

Пересылаю Вам фотографию, где мы сняты все вместе[48]. С порядочной тоскою смотрю я на группу. Ваше пребывание в Киеве совершенно нарушило мой душевный покой, и без того не очень прочный, и я до сих пор не могу найти душевного равновесия. Все время меня сверлит мысль, что жизнь моя кончается, а идет она в значительной степени на канцелярщину (хотя бы и с научными интересами), тогда как множество почти завершенных работ по ориенталистике грозят остаться незаконченными. А тут еще и с глазами плохо, – возможно, что последние мои годы пройдут в слепоте и – в горьком сожалении, зачем я не использовал периода, пригодного для ориенталистической работы, а отдавал свои силы и время на деловую переписку. (Научно работаю я главным образом ночью, засиживаясь сплошь да рядом до рассвета.)

Если прибавить к этому сознание той невыносимой мерзости, которую вот уже с год внес в атмосферу нашей Академии Грушевский с его интриганской враждою ко всему, что не принадлежит к его «истинно-украинской» партии или что не дышит враждою к кацапству, то Вы окончательно представите себе мое настроение. Мне осталось пробыть в Звенигородке еще ровно 20 дней, – и я ежедневно подсчитываю и буду подсчитывать ту уменьшающуюся цифру, которая меня отделяет от тяжелого дня отъезда в Киев.

Привет Вере Александровне. Какое симпатичное впечатление произвела она на меня и на М.Левченка![49]

Ваш *А.Крымский.*

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

20.V.1926, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Спешу поблагодарить за полученные сегодня «Вступ до історії Туреччины» и «Турецьке письменства»[50], которые собираюсь проштудировать со вниманием и тщанием. Прочие экземпляры будут переданы по назначению. Поклон всем меня помнящим. Всего хорошего!

Ваш *И.Крачковский.*

6.IX.1926, Лазаревская Черноморской г.

Дорогой Агафангел Ефимович,

Побывал я в этом году в Туапсе и невольно вспомнил вторую часть «Лаговського»[51]. Но quantum mutatus ab illo*. Туапсе теперь типичный курортно-портовый городок, с железной дорогой, со всякими санаториями, распределителями и типичной современной курортной публикой, преимущественно из Москвы, которая, как и в Сочи, одним своим видом приводила меня в ярость. Отдыхать в Туапсе теперь, конечно, невозможно, и поэтому, выбравшись из Ленинграда, я предпочел устроиться верстах в 30 от Туапсе, в Лазаревке. Она-то, вероятно, и напоминает Туапсе времен Лаговського: те же греки, те же выселен-

<* лат.: насколько он отличается от того времени.>

цы из казачьих областей. Недалеко от Лазаревки в одном поселении я случайно услыхал даже ряд старых песен – Ой та на гори... Реве та стогне... Очевидно, и до сих пор все это здесь не забывается. (Пели простые «бабы».) В одном лазаревцы отличаются от жителей Туапсе – не имеют ни одной лодки, и вообще море не играет у них никакой роли.

Существуем мы здесь с 1 августа и чрез два дня двигаемся обратно в Питер. Хотелось бы еще проехаться морем либо до Батума, либо до Одессы, но не знаю, окажется ли в Туапсе какой-нибудь подходящий пароход. Собирался я в этом году на Восток, но «рок судил иначе», и паспорта заграничного не дали. Эти идеи пришлось, таким образом, оставить, и для некоторой компенсации я урвался на Черноморское побережье. Устал за последние года так, что, по приезде сюда, на две недели с лишком впал в полную прострацию: не хотелось даже читать. Потом несколько отошел, но вообще занимался не слишком усиленно. Я и не предполагал здесь работать и захватил с собой только материалы для رسالة الملائكة* Абу-л-Ала, за подготовку которого к изданию берусь уже третий раз (в 1910, 1914 и теперь). До сих пор всякий раз у меня руки опускались от трудности текста и скверных рукописей, не знаю, хватит ли храбрости закончить это теперь. Вещь между тем стоящая, совсем в стиле رسالة الغفران** .

Мелочи мои за этот год, надеюсь, получали аккуратно; в очередном выпуске «Записок», который должен скоро выйти, у меня только два некролога: Д.К.Петрова[52] и И.П.Кузьмина[53].

А кстати, как насчет окончания А.Лаговського? Если Вы не собираетесь печатать, не дадите ли прочесть в рукописи?

Поклон всем добрым знакомым с пожеланием Вам всего хорошего. Не забывайте!

Ваш *И.Крачковский.*

28.XI.1926, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Получил Вашего «Андрія Лаговського», прочитал его в один вечер и спешу поблагодарить. Очень рад, что мои мысли о нем, навеянные той самой Лазаревской, которая поминается во второй части, совпали по времени с Вашим решением его напечатать. Теперь, наконец, мы имеем цельное, законченное произве-

---

<* араб.: «Послание об ангелах».>

<** араб.: «Послание о прощении».>

дение: стержень третьей части я знал и раньше по напечатанным стихам, но никак не ожидал такой обстановки. Мне почему-то вообразилось, что она происходит в Сирии!

На будущей неделе Вы, вероятно, получите от нашей Академии предложение принять участие в фонде, подносимом к 70-летнему юбилею Snouck Hurgronje[54]. Думаю, что индивидуальные взносы здесь едва ли нужны, но если бы удалось раскачать Наркомпрос, которому мы пошлем извещение одновременно с Вашим, было бы хорошо.

Надеюсь, что «Записки Колл. Востоков[едов]», т.II, Вы получили; мои оттиски из него несколько запоздали, но, вероятно, удастся их послать на будущей неделе.

После возвращения с Кавказа опять запрягся в лекции и администрацию: работать совсем не приходится. Изредка только шевелю رسالة الملائكة[55], но до конца все еще далеко; никогда не думал, что это будет так трудно. Появилось египетское сокращенное издание, но оно все трудные места опускает.

Шлю свой поклон всем добрым знакомым в Академии, особенно П.Н.Лозиеву[56] и Н.З.Левченко с просьбой не забывать

преданного Вам *И.Крачков[ского]*

18 декабря 1926, Ленинград

Многоуважаемый Агафангел Ефимович,

Прошу принять и передать Президиуму Академии Наук мою глубокую благодарность за полученные мною через проф. В.Барвинка[57] издания Академии Наук (в количестве 36 номеров). Буду очень благодарен, если и в дальнейшем Академия не откажется пополнять мою библиотеку своими работами в области литературы и истории.

Искренно уважающий Вас *И.Крачковский.*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

17 янв[аря] 1927, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Много раз давал я себе обещание «завтра же» написать обширное письмо к Вам; наступало «завтра» со своими «злобами»: и не мог я урвать двух-трех часов для письма. Всякий раз бывало мне стыдно перед собой, что я не посылаю Вам благодарности

за Ваши очень интересные (все без исключения) присылки, но «стыд, что дым: глаза не выест». Два раза я испытывал сугубое смущение: один раз – когда Вы прислали описание киевских арабских рукописей[58] (по сути, конечно, сделать такое описание был мой долг), и другой раз – когда я получил оттиск работы Вашей супруги о предметах восточного искусства в музее Ханенко[59]. Работу Веры Александровны я, не отрываясь, прочитал смаху, и мне сделалось действительно стыдно-престыдно, что я даже не подозревал до тех пор о существовании ряда интереснейших предметов искусства у себя же, под боком, в учреждении, принадлежащем той Академии, где я – секретарь. При этом я приятно был überrascht* уменьем Веры Александровны писать с такою увлекательностью. Прошу передать ей мой сердечнейший привет.

Летом у меня была просто потребность души написать Вам письмо. И этого не привел в исполнение. Виною явился отчасти В.В.Бартольд[60], сообщивший мне из Константинополя, что вскоре туда приедете Вы. И лишь потом из Вашего кавказского письма, перед моим выездом из Звенигородки, выяснилось, что Вы за границу не поехали. А я поехал в Одессу и Крым, где уже не был 11 лет. Избрал я в очень малой степени прибрежные курорты, вместо того вновь посетил родной для меня Бахчисарай и делал из него Ausflüge** в разные стороны, стараясь «обновиться банею водною» во впечатлениях от малоизменившегося востока (глуби Крыма) и от созерцания всяких развалин.

Вернулся я в Киев на гнуснейшую по своему бесстыдству историю. Воспользовавшись летним отсутствием президии, Грушевский и его два сообщника решили самовольно, без ведома Академии, объявить устройство 40-летнего юбилея Грушевского и самовольно разослали всюду приглашения от имени Академии (!) принять участие в этом самозваном, к тому же фиктивном юбилее. Фиктивном – потому что истекло всего 38 (не 40!) лет со дня первой статьи Грушевского «Жиди на Україні» (в львовской «Правді» 1888 г.). Раньше меня вернулся в Киев Ефремов, и на первом же общем собрании он выступил от имени историко-филологического отделения с протестом против бесстыдства геолога Тутковского[61], ставшего во главе юбилейного комитета. В протоколе, который я прочитал уже по возвращении из Крыма, все внесено: и указание Ефремова на непозволительность праздновать 38 лет деятельности, т.е. несуществующий

< * нем.: поражен.>

<** нем.: поездки, экскурсии.>

юбилей, и указание Ефремова на то, что юбилей устроен тайком даже от президии (не говоря уж об общем собрании). Но общее собрание, не желая делать скандальной огласки, решило не раздувать истории, затеянной Тутковским и самим Грушевским, и постановило все же приветствовать Грушевского как ученого. Самому же Грушевскому и Тутковскому хотелось представить юбилей 1-го как чествование его общественной деятельности. Для меня вышло очень кстати, что я опоздал в Киев. Я приехал после юбилея – и не без нравственного удовлетворения узнал уже результаты. Из 27 академиков на юбилее присутствовало 5 (три – из любопытства), причем от историко-филологического отделения, т.е. от ближайших коллег Грушевского, не явился никто из постоянно живущих в Киеве: из Петербурга счел нужным приехать – правда – Ваш (и наш, конечно) акад. Перетц[62]. Советская власть, которую устроители юбилея хотели пленить величием юбиляра, отнеслась сдержанно: через ГПУ поставлено было требование, чтобы Грушевский оплевал деятельность той Центральной Рады, которую он возглавлял; а так как у него не стало силы воли, чтобы публично ошельмовать себя и он решил отделаться молчанием, то власти почти отсутствовали на чествовании; те же трое представителей, которые пришли, жестоко отчитали Грушевского как политика.

С большим нравственным удовлетворением узнал я, что Союзная Академия, каким-то чутьем, очевидно, восчувствовала дутость юбилея и прислала приветствие самое умеренное.

Я сообщил Вам все эти подробности, чтобы Вы могли нагляднее себе представить, среди какой атмосферы лжи и наглого цинизма приходится тут жить в течение двух последних лет. Мы, российские украинцы, никогда высоко не ставили, в нравственном отношении, галичан, в корне деморализованных польско-австрийской школою жизни. Но только тогда, когда непосредственно приходится сталкиваться с такими галицкими продуктами, как Грушевский, мы воочию увидели, до какой степени мы духовно разъединены с ними. У меня, в продолжение двух лет, неотвязно вертится в голове назойливая мысль: куда мне убежать из Киева? Я подумывал было о Москве; но пребывание мое на съезде тюркологов в Баку[63] и общение с москвичами, приехавшими на съезд, показало мне, что в Москве все переменилось и о науке там не думают, и даже библиотеку Лазар[евского] Института, над созданием которой я так много поработал[64], передали в Эривань. Подумывал я и о том, чтобы остаться в Баку. Там отнеслись к этой мысли с сочувствием; но климатические условия Баку, которые я на своей шкуре испытал, проживши теперь там зимою, меня очень напугали.

(Прелесть же летнего бакинского климата я, увы, испытывал уж и раньше не раз.) Придется, очевидно, мириться с Киевом, где все же есть сносная восточная библиотека, которую я, раз подаривши Укр[аинской] Академии, уже не могу назад отобрать и куда-нибудь с собою увезти. Могу при случае прибавить, что в течение последних полутора лет я ее пополнил, выписавши из-за границы востоковедных книг почти на 5000 рублей. Мечтаю, что вот-вот сумею оставить должность непрем[енного] секретаря, закопаюсь-закупорюсь у себя в кабинете и хоть таким образом убегу от окружающих гнусностей грушевианства. Моя жизнь в Москве, когда я жил полным анахоретом, теперь мне представляется таким счастьем, о котором только и надо мечтать как о невозвратном, золотом времени. И не раз я, закрывши глаза, вижу себя опять в своем московском уединении, куда никто проникнуть не может и где у меня свободного для работы времени хоть отбавляй. О, счастливая пора! هيهات*

Ассоциация идей перенесла меня к моей повести «Андрей Лаговський» (которую, кстати повторить, напрасно Вы считаете автобиографической). Я, получивши Ваше летнее письмо с вопросом об этой книжке, не мог Вам скоро выслать. Потребовалось перешевелить груды всякого бумажного хлама, чтобы как-нибудь подобрать комплектный экземпляр, которого, скажу при случае, и у меня самого не было (я имел лишь старые корректурные листы), обложка не была даже напечатана в свое время, а теперь я о ней и думать забыл, как вообще и о целой книге. Выпускать ее в свет нет охоты, не по сезону она. Пусть лучше выйдет в свет после моей смерти, если, конечно, к тому времени уцелеет и не будет расхищена на макулатуру. Я очень хорошо знаю, что как раз теперь, в период оживления интереса к беллетристике (у нас, по крайней мере, этот интерес – явление резко констатируемое), извлечь ее من العدم الى الوجود** было бы в пору: известный круг читателей она сразу нашла бы. Но одновременно началась бы и критика с залезанием в душу автора, с перенесением на него психологии его персонажей, и т.п., и т.п. Не думаю, чтобы это мне усладило жизнь, а потому предпочитаю забыть о своем произведении и считать его никогда не существовавшим. Меня гораздо больше интересует сейчас восточная литература, и я позволяю себе мечтать, что выпущу, наконец, в свет несколько тех больших работ, которые ждут лишь окончательной отделки. Сюда относится и «Хамâса»[65], уже даже переписанная раз набело, на машинке.

<* араб.: как далеко!>

<** араб.: из небытия.>

Некоторое количество времени отнимает у меня сборник в честь Багалея[66], но тут, к счастью, я имею идеально усердного помощника в лице Левченка, который аккуратно ведет всю техническую, черную часть работы. Печатать мы сборник уже начали, потому что много статей уже имеем в своем распоряжении, а при наличии заглавий остальных нетрудно было наметить приблизительный порядок статей. С удовольствием констатирую ту отзывчивость, которую мы встретили отовсюду, от великорусов на первом месте. Багалей органически связан и с Украиной и вообще Россией. Это не есть ученый чужеядный, оторванный от нашей родной почвы, – напротив, он нам всем близок по духу, он вырастал в одинаковых с нами научных условиях, болел нашими общими болями, радовался нашими общими радостями; и когда теперь в его юбилейном сборнике дружественно встречаются ученые всей России, и Великой, и Белой, и Малой, то это носит прямо символический характер! Для меня, одинакового врага и «истинно-русских», и «истинно-украинских» людей, сеющих рознь и раздор там, где может быть и где должно быть лишь единение, печатание Багалеевского сборника доставляет и не раз еще доставит не одну минуту культурной радости. Вашей статьи ждем[67]. Она – по плану должна войти в число первых, и оттого чем скорее пришлете, тем будет приятнее. Размер не должен Вас стеснять: постановлено, что для академиков не должно быть ограничения в размере (всех остальных просим не переходить 1 листа). Вы осведомились о языке печатания и высказали опасения, не напутает ли переводчик. О переводчике не было бы причины беспокоиться, был бы найден самый надежный, причем я обязательно сверил бы с оригиналом и тщательно проредактировал бы перевод до мельчайшей точности. Следовательно, вопрос сводится не к качеству перевода (оно было бы безупречно), а к самому принципу. Признаюсь, что я, еще до получения письма от Вас, имел в виду – в случае получения Вашей статьи – напечатать ее в подлиннике, но так как Вы сами коснулись вопроса о переводе, то я позволяю себе обратиться к Вам с указанием, что помещение Вашей статьи по-украински имело бы для нас огромное нравственное значение, факт этот засвидетельствовал бы перед нашими отвратительными шовинистами, что члены президии Всесоюзной Академии (против которой Грушевский и наш наркомпрос Шумский[68] развивают узконационалистическую агитацию) относятся вполне терпимо к украинскому языку и к украинской культуре. И это был бы для друзей единения русской и украинской науки крупнейший плюс.

Касательно юбилея Хутсмы (Брокельман учил меня выговаривать «Хутсма», а не «Хаутсма»)[69] я хочу спросить у Вас сове-

та. Тут в Киеве его имя в широких кругах ничего не говорит, по крайней мере не говорит столько, чтобы вносить денежные суммы. Ассоциации Востоковедения я передал приглашение, но там со взносами слабо, люди-то бедные, скорее склонны отделываться приветствиями. Остаюсь, значит, только я лично. Будьте добры, сообщите мне откровенно и не обинуясь, какую цифру записывали наши коллеги в Петербурге, чтобы и я мог с этим сообразоваться.

Далее у меня есть к Вам просьба касательно «Записок Восточного Отделения». Я просил проф. Барвинка взять у Вас, буде Вы дадите, те томы, которых нет у нас в библиотеке, а именно: 23-й, 24-й и 25-й. Барвинок, несмотря на свою дипломированную ученость (он – магистр!), большой руки путаник. Подозреваю, что и с этими томами он нечто напутал. По его словам, в Академии (Вашей или Мат[ериальной] культуры?)[70] ему сказали, что «Записок Вост. Отделения» ему на руки не дадут, – есть, мол, какие-то препятствия, – и вышлют их в нашу Академию не иначе как почтою. Откуда сие? Подозреваю, что этот суетливый человек, по своему обычаю, все переврал. Но كيفما كان* нам крайне желательно получить названные томы, и я прошу Вашего предстательства и распоряжения о высылке их по адресу «Кабинет Арабо-Иранской Филологии». Заодно распорядитесь, чтоб и новый «Византийский Временник»[71] нам высылался. Я видел 1-ю книжку – и она полна арабистики! Пожалуйста! Все наши издания мы будем высылать, куда только прикажете.

Передайте мою благодарность Эберману[72] за присланный оттиск. Как его имя и отчество и точный адрес? Чрезвычайно приятно видеть появление новых имен в нашей ориенталистической науке как раз тогда, когда кажется, что именно ей должен настать конец. Интересно бы знать его биографию. Наследие ли он еще старой науки? – В числе новых имен вижу я и тюрколога, притом как будто отчасти моего ученика – Дмитриева[73]. Откуда он? Но не утаю от Вас, усматриваю я в его работах и легковесность. Ну как можно было искать турецкой этимологии в «лакырды» (сближая с аистом и проч.!), когда существует целое гнездо греческих слов этого корня, означающих «болтовня» [λακερός -- шумливый, болтливый; λακέρυζος – в том же значении (ж.р. λακέρυζα); λακερολογία – болтовня; корень – λακ (глаголы λακέω, λάσκω с аористом ἐλάκησα)]. У Эврипида: τοσαῦτα λάσκεις τοὺς φίλους — «Так вот что ты болтаешь про друзей?» Во всяком случае, верный своему принципу – радоваться появ-

---

<* араб.: как бы то ни было.>

лению каждого нового ориенталиста в России – я желаю Дмитриеву всяких преуспеяний. Из его другой статьи я узнал, что у него нет моих работ по Турции. Сообщите мне его адрес, и ему будет все выслано.

На этом и кончу письмо. Писал я его весь вечер, не отрываясь, сейчас 2 часа ночи. Привет супруге.

Весь ваш *А.Крымский*

P.S. Имеются ли в Академии (resp. Коллегии Востоковедов)[74] какие-либо дублеты для обмена? У нас есть очень редкие старопечатные востоковедные книги, – а у Вас, б.м., нашлись бы поновее для обмена? Я сейчас, напр[имер], штурмую нем[ецких] антикваров, разыскивая Liber cantilenarum Козегартена[75]; я пользовался прежде экземпляром Лазаревского института, а своего не имел. И вдруг, чего доброго, у Вас нашелся бы дублет для обмена!

Кроме того, сообщите мне, пожалуйста, нельзя ли нашей библиотеке приобресть факультетские «Восточные заметки» 1895 г.[76] – за деньги, если нельзя получить бесплатно. В моей библиотеке, пожертвованной в нашу Академию, есть лишь отдельные оттиски, да и то не все нужнейшие (напр., нет статьи Смирнова про Киру-еврейку)[77].

А.Кр.

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

31.I.1927, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Не удосужился сразу ответить на Ваше письмо, так как эти недели занят превыше головы корректурами каждого годового отчета, который должен выйти ко 2 февраля. Только эти два дня вздохнул немного свободнее и берусь за перо.

Статью для сборника Д.И.Багалея я отправил в Издательство 18 января; надеюсь, она получена в свое время. Напечатать ее я прошу все, как и в оригинале. Мое отношение к украинскому языку и украинской культуре хорошо известно и едва ли нуждается в вящих доказательствах; достаточно взглянуть хотя бы на мои рецензии о Ваших работах. Относительно же печатанья ее на родном языке у меня идиосинкразия: я очень не люблю видеть свои работы на тех языках, на которых не могу писать сам (хотя бы и плохо) и проглядеть перевод с возмож-

ностью редакторской чистки. В этом случае совсем теряешь свой лик и приобретаешь бесцветный стиль. Если бы я был математиком или естественником, это, вероятно, меня не особенно бы смущало, но занятие литературой приучило меня к некоторой, может быть и болезненной, щепетильности.

Юбилей Snouck-Hurgronje (и не Houtsma, которого и в Голландии-то плохо знают) близок; если кто предполагает посылать деньги, то надо теперь отправлять их непосредственно в Голландию по адресу казначея. Участие носит, конечно, только характер международной вежливости, и ни на какие тысячи от нас они не рассчитывают. Настоящие суммы составят, конечно, голландцы и американцы, как было и с фондом de Goeje[78]. Через мои руки прошло всего около 300 руб., взносы были самые разнообразные – от 10 до 100 рублей.

Насчет «Записок Восточного Отделения» Барвинок прав: они находятся не у нас, а в Академии Истории Материальной Культуры, куда перешли вместе со всем складом б. Археологического общества[79]. Если они Вам еще не выслали, сообщите: постараюсь надавить. «Византийский Временник» будет Вам выслан, как и «Восточные Заметки» (от Университета). Будет очень хорошо, если по получении последних Вы не откажетесь выслать Ваши востоковедные издания в Восточный Семинарий Ленинградского Университета. Библиотека Университета их получает, но в Семинарии (составившемся, главным образом, из библиотеки бар. Розена[80] – очень хорошей) их нет. Козегартен у нас, к сожалению, отсутствует, и дублетное дело пока еще не организовано как следует. Когда-то я видел, если память меня не обманывает, несколько экземпляров Liber Cantilenarum в библиотеке Учебного Отделения М.И.Д. Она перешла в Румянцевский Музей[81] (кроме рукописей, каковые у нас), но уцелели ли дублеты (да и вообще все книги), не знаю.

Вы обратили внимание на нашу молодежь и спрашиваете о ее происхождении; разная она и, к сожалению, во многом исковеркана последними десятилетиями! Василий Александрович Эберман – сын известного здешнего хирурга, прошел еще хорошую среднюю школу, но в университет попал уже в 1917 году и его проходил «кувырком», побывал и в Красной Армии. Хорошо знает языки и обладает большим литературным вкусом. Уже года три, как он впал в сильнейшую mania religiosa, очень вредно отзывающуюся на его научной работе, и не знаю еще, в какую форму выльется это все окончательно. Служит он в Азиатском Музее и адресовать ему наиболее просто именно туда. В Азиатском же Музее служит и Николай Константинович Дмитриев. Он – коренной москвич, в туркологии ученик Гордлевского[82], в

славистике – Селищева[83]. Судьба его потрепала, может быть, сильнее, чем Эбермана, и физически, и в семейном отношении (на руках у него бесчисленное количество неработоспособных родичей). Человек он тоже способный, но жестоко озлобленный и жизнью, и нравами московского востоковедения (особенно Ассоциации[84], которая его несколько травила). Легкомыслия его не отрицаю, как не отрицаю и некоторого «борзописания» с бравированием многоязычием: только что напечатана его работа по-французски в JA[85], печатаются по-немецки в WZKM[86], по-английски в JRAS[87] и по-итальянски в L'Oriente Moderno[88]. Не думаю, чтобы это вызывалось исключительно научными соображениями! Я стараюсь на него воздействовать, но так как он не моего «прихода», то влияния мало; с туркологами же (кроме Гордлевского) у него отношения натянутые.

В заключение ответов на Ваши вопросы разрешите мне задать один вопрос: не известна ли в Киеве где-нибудь точная дата смерти проф. Гиргаса? Я хочу его помянуть по случаю сорокалетия со дня смерти и наткнулся на курьезное расхождение: в некрологе Русского Биографического Словаря[89] указано 18 марта 1887 г., но бар. Розен помянул о его смерти в заседании Восточного Отделения[90], происходившем 5 марта; в Биографич. Слов[аре] профессоров Университета[91], где некролог составлен бар. Розеном, говорится только о марте без числа. Что значит этот курьез?

Спасибо за письмо. Поклон всем добрым знакомым, Н.З.Левченко в особицу.

Ваш *И.Крачковский*

10.IV.1927, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович.

В последнее время урывками я работаю над рукописным сборником пословиц, который составил Гиргас. Приводить всю уйму изданных параллелей я не собираюсь, но привлечь сирийский и палестинский материал мне бы хотелось; особенно, конечно, я стараюсь использовать весь русский материал. Случайно в каталоге книг Лазаревского Института (Приложение III, стр.404, № 6065) я обнаружил одно Ваше произведение, которого, к стыду своему, до сих пор не знал: «Население и природа Сирии в ее пословицах etc. (Материалы для изучения языка и этнографии Сирии. I. Москва, 1902)». У нас этой вещи нигде не нашлось, я написал в Москву с просьбой достать в библиотеке б. Лазаревского Института, но и там якобы ее не оказалось, не-

смотря на точное указание каталога. Единственным прибежищем остаетесь Вы; что это такое – оттиск или отдельное издание? Не сохранилось ли у Вас хоть одного экземпляра? Я бы вернул быстро в полной сохранности! Меня даже мороз по коже продрал, когда я представил себе, что мог бы издать пословицы Гиргаса без ссылок на такую вещь! Теперь уж я впал в окончательную мнительность; не печатали Вы пословиц еще где-нибудь? Я знаю только отдельные в «Бейрутских рассказах»[92] и в III ч. «Семитских языков и народов»[93]. Дамасские пословицы Гордлевского я тоже привлекаю[94].

Одним словом, так как Вы, вероятно, очень заняты, то, может быть, поручите коротенько ответить тому, у кого не только «ноги собачьи», как Вы характеризовали, но, вероятно, и руки быстрые. Буду очень благодарен.

Преданный Вам *И.Крачковский.*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

24.IV.1927, Киев

المسيح قام*

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я всего лишь пять дней назад вернулся из поездки в Харьков и лишь сегодня, на Пасху, сумел выбрать время для письма Вам. Не могу не поделиться с Вами своей глубокой радостью: я больше не член ЦИКа Украины, мои полномочия кончились! Назначение меня в члены ЦИКа произошло два года тому назад в знак почтения к Укр[аинской] Академии наук и считалось, конечно, величайшей честью для меня. Я, разумеется, не посмел отказаться от этой величайшей чести и аккуратно ездил на все сессии. Всего я таким образом истратил ок[оло] $2^1/_2$ месяцев (10 недель), – и это время всецело отнято было от моей научной работы**. Так как я доживаю последние годы своей жизни, то вычеркнуть из них $2^1/_2$ месяца было, понятно, тягчайшей жертвой для меня; но я безропотно нес ее. Теперь, наконец, я свободен и имею надежду сделать, в ближайшем году, научной работы гораздо больше, чем в прошлом. Если б мои коллеги отпустили меня еще от секретарства (о чем я не перестаю хода-

---

< * араб.: Христос Воскрес.>

** Добавлю, что после каждой поездки я бывал физически разбит и делался неспособен к работе дня на три-четыре сверх прочего.

тайствовать), то я бы себя чувствовал окончательно счастливым и, быть может, сумел бы привести к концу то множество работ, которые требуют теперь лишь последней отделки.

К числу таких «долгов» перед собою я отношу и окончание обработки собранных мною сирийских этнографических и диалектологических материалов. У меня есть большой сборник сказок и тоже большой сборник простонародных пословиц. Пословиц – свыше 5000, и при каждой есть объяснение («шу маʿnâtu»)*. Я их разбил, по содержанию, на 17 отделов, согласно с программами для собирания этнографических сведений о быте. Первые пять отделов (население, климат страны, царство природы) я уже было совершенно средактировал и сдал в набор в типографию Гатцука в 1901 году. Набрано было листов шесть, я продержал корректуру и хотел было распорядиться о сверке, но Вс.Миллер[95] посоветовал мне прибавить французский перевод, если не объяснений к пословицам, то хоть самих пословиц, а Ф.Корш[96] давал совет ввести начертание каждой пословицы не только транскрипцией, но и арабским шрифтом, чтобы лица, знающие лишь классический арабский язык, легче могли разбираться в транскрипции и, следовательно, в диалектических особенностях. Я послушался, оставил набор несверстанным и... принужден был заняться иными работами. Тем временем типография Гатцука была перенесена в другое помещение, набор мой куда-то был ткнут и упрятан, быть может, и рассыпан по кассам; и предположенный 1-й выпуск книги так и не вышел в свет. А между тем все мы (в Специальн[ых] Классах Лазар[евского] Института) были уверены, что 1-й выпуск выйдет в свет в 1902-м году, и потому даже включили его в печатавшийся как раз тогда каталог библиотеки Лазаревского Института.

Это не единственная моя книга, которая была уже набрана и не вышла в свет. В 1917 г. отпечатано было (по-русски) мое исследование о Хафизе, оставалось его только сброшюровать – и это не было сделано, издание совершенно погибло. Во Львове таким же образом погибла моя книга «Іван Франко», и оригинала у меня не осталось. Издательство Гросман и Кнебель (в Москве) напечатало мой этюд о Шевченке (и заплатило мне деньги!), но замедлило с изготовлением портретов поэта, – и издание куда-то исчезло бесследно. Мог бы назвать и еще несколько таких же пропаж**. Habent sua fata libelli***.

< * араб. диалект.: что это означает.>

** Очевидно, и роман «Андрій Лаговський» исчезнет так же, и, быть может, лишь имеющийся у Вас экземпляр останется уникумом.

<*** лат.: И книги имеют свою судьбу!>

Но я, конечно, без всякой горечи вспоминал бы подобные случаи, если бы опять получил возможность удалиться в retraite* и повести ту жизнь, которая единственно свойственна моей натуре, т.е. только сидеть и писать, не пуская людей к себе. Мысль о retraite у меня теперь принимает прямо назойливые формы, я не менее раза в неделю вижу сны, будто я живу в Москве, в своем никому не приступном убежище, и кончаю те работы, которые у меня лежат на душе и угнетают меня. В частности, сирийские мои материалы, на собирание которых я трудолюбиво и любовно потратил два года, два лучших года своей жизни, лежат особенно тяжелым бременем на моей совести. Fugit irreparabile tempus**. Увы, fugit, и подкрадывается смерть. Вы молоды, Вы этого ощущения (ожидания смерти) не понимаете, думаю, а оно ужасно. Ужасна не мысль о небытии, а сознание, что нужно бы еще сделать многое-многое, и нет на то времени, и тратится время «бош йере»***, как говорят турки...

2 мая 1927

Ровно на неделю пришлось прервать письмо, и оно осталось недописанным. Минуты свободной не нашлось у меня в продолжение целой недели! Обострился вопрос о реформе нашей Академии – и всю неделю пришлось писать и писать. Суть реформы, навязываемой нам, сводится к тому, чтобы наша Академия не походила на Российскую. Ваша Академия, по характеристике наших реформаторов, есть лишь одно из учреждений Наркомпроса; наша же должна превратиться в нечто напоминающее «всеукраинский департамент науки»: каждое научное учреждение на Украине превращается в часть Укр[аинской] Ак[адемии] Наук, «как ее сектор», и вне Укр. Ак-ии Наук не будет существовать ни одно научное учреждение. Реформа эта выйдет, конечно, мертворожденным детищем; но так как она создает известные удобные кадры для общения с провинцией, то инициатору (Грушевскому) больше ничего и не нужно: по его мнению (его приспешниками и не скрываемому), эти кадры легко превратить в политические и устроить увязку, которая пригодится в случае изменений власти. Глупые мечтания! – однако они тяжело отражаются на нашей наладившейся жизни: начинается ломка всего созданного за десять лет. Правительство наше, конечно, не знает подлинных тенденций Грушевского и поддерживает его реформаторство, усматривая в нем нечто заманчиво-

---

< * франц.: уединение.>
< ** лат.: Бежит неотвратимое время!>
<*** тур.: напрасно, впустую.>

грандиозное, «широкие перспективы», «отмену идеи прежних буржуазных академий, видевших в себе конклав бессмертных», и пр., и пр. Единственная вещь, которая меня в этом кавардаке утешает, это то, что в новосоздаваемом хаосе я, быть может, окажусь уж не нужен на секретарстве и получу возможность сбросить с себя всякие административные узы и засесть в бест[97], в свой кабинет يا ليت*.

В надежде получить, наконец, время для ничем не стесняемой работы я не перестаю энергично восполнять здесь востоковедную библиотеку, делая огромные приобретения за границей. Один только прошлый месяц я оплатил книг на 1200 р. – Гаррасовицу, Люзаку[98] и др.**. Дни, когда приходит какая-н[ибудь] партия книг из-за границы, это у меня прямо именины сердца. – Таким «именинам» посодействовали и Вы своими бесплатными присылками, за которые не знаю уж как и благодарить Вас! В особенности «Восточные Заметки»... Я на них насмотреться не мог и целый день вновь перечитывал и перечитывал, хотя главнейшие из статей (Жуковского[99], Розена, еще кое-чьи) у меня были уже, от авторов. К тому же пришли и недостающие томы «Записок Вост[очного] Отд[еления]» и новые «Вост[очные] Записки»[100]. Вы, сидя в центре востоковедения, не можете, конечно, себе представить моего душевного состояния, которое я всякий раз испытываю, духовно вступая в общение с востоковедным миром при чтении или новом перечитывании каждой получаемой книги.

Сборник в честь Багалея (печатается уже 39-й лист, т.е. началась вторая половина) отымает у меня немало времени, а кроме того, пришлось туда дать статью свою и написать введение к переводу Кезмы: «Известие о крещении Руси у Абу-Шоджи Рудравердского»[101]. Не могу Вам прислать покамест оттисков, потому что насколько быстро набирают в нашей типографии самый сборник, настолько медленно изготовляют оттиски, хотя и оттиски-то делаются далеко не для всех авторов. Вашего «С.Бустания» отпечатали очень давно, я подписал корректуру цветной обложки тоже очень давно, а добиться ее отпечатания и, следовательно, сброшюрования никак не могу. Оттого Вы и не имеете своей книжечки до сих пор. Платить за отдельные оттиски Вам, разумеется, не нужно.

Очень прошу Вас удовлетворить еще одно мое, от имени библиотеки нашей Академии, попрошайничество. Работая над

<* араб.: О, если бы!>

** Нам, академикам, сразу выплатили причитающуюся еще с 1925 года, но до последнего времени не выплачивающуюся разницу в жалованье.

статьей Кезмы про Абу-Шоджу, я должен был, понятно, привлечь и Яхью Антиохийского. Ваше издание еще не дошло до крещения Руси, и я пользовался диссертацией бар[она] Розена: «Имп[ератор] Василий Болгаробойца». Мой экземпляр остался в Москве, и его присвоила себе библиотека бывш[его] Лазаревского Института. Пришлось пользоваться непереплетенным томом (44-м) «Записок Ак.Наук», принадлежащим у-ту св. Владимира[102]. Но в нем как раз не оказалось арабского текста (книга растрепана, и арабский текст выпал), и я все время имел перед собою только русский перевод бар.Розена. Нельзя, при Вашем предстательстве, заполучить кабинету арабо-иранской филологии или этот 44-й том «Зап. Имп. Ак. Наук» (1883), или одну лишь диссертацию бар.Розена, если она имеется в отдельном оттиске в складе?

Прошу передать горячую мою и моих коллег благодарность С.Ф.Ольденбургу[103] за проведенное постановление о командировании за границу именно Ганцева[104] из числа прочих намеченных кандидатов. Талантливый ученик покойного Шахматова, он действительно настоятельно нуждается в заграничной командировке, чтобы поработать еще под руководством славяноведов западных, а так как это человек трудолюбивый, то использует свою командировку в полной степени, или, как принято теперь говорить, «на все 100%».

О дне смерти Гиргаса пытался я навести справки, но не имею никакой руководящей нити. Б[ыть] м[ожет], Вы назовете хоть одну киевскую фамилию, отмеченную в письмах Гиргаса? В Киеве ли он похоронен? Если да, то это помогло б в разысканиях: знал бы, что где-то д[олжен] б[ыть] след его похорон.

Крепко пожимаю Вашу руку. Привет Вашей супруге!

Ваш *А.Крымский*

P.S. С киевской «Ассоциацией Востоковедов»[105] я вел переговоры о юбилее, конечно, не Гутсмы, а Снук-Гургронье, да и в документальном приглашении, которое я передал в Ассоциацию, стояло надлежащее имя. «Houtsma» у меня в письме к Вам попал на бумагу потому, что как раз в течение последних месяцев я не перестаю очень усердно читать его «Textes... Seldjoucides» в связи с упорной моей работой о начале Турции. Не приступаю к печати, потому что жду появления (с шумом возвещенной) книги Бабингера «Die Geschichtsschreiber der Türken und ihre Werke»[106]. Откровенно говоря, не надеюсь я у Бабингера найти много твердого: наклонность его к гипотезам прямо меня раздражает; но раз его книга вот-вот может появиться, я предпочи-

таю не печатать своей работы, не познакомившись предварительно с бабингеровской.

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

25 мая 1927, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

Не собрался я сразу поблагодарить Вас за письмо от 24 апреля – 2 мая, да так день за днем дотянул до того времени, когда надо ликвидировать старые долги перед отъездом. Предполагаем мы выехать в понедельник 30-го в Евпаторию, где жена пробудет для лечения грязевыми ваннами месяца два, а я — как позволят академические дела. Если бы случайно удосужились туда написать, адрес – Евпатория, дача Аракс.

Диссертацию Розена я просил отправить Вам; отдельным изданием ее больше нет, но весь том еще нашелся. Свою статью о Гиргасе я кончил; составлена она главным образом по факультетским протоколам и архивным делам, но об его личности почти ничего не удалось узнать. Умер он в Киеве; я уверен, что там и похоронен. Еще в начале моего студенчества в Киеве жила одна из сестер Гиргаса, бывшая классная дама Смольного Института, и ей В.А.Жуковский высылал деньги за продажу словаря нам – студентам. Никаких деталей больше у меня, к сожалению, не сохранилось.

С пословицами его я более или менее кончил черновую работу: дал перевод и подобрал параллели по доступным мне изданиям. Этим и думаю ограничиться; количество их в десять раз менее Вашего – около 500 штук. Не знаю только, удастся ли мне осенью вернуться к этой работе, так как неожиданно встало одно препятствие в моих очередных планах. На днях я получил от Философского Факультета университета в Упсале приглашение приехать к ним в октябре—ноябре прочесть несколько лекций по своей специальности. Я очень не люблю публично выступать, а так как не владею немецким языком настолько свободно, чтобы без труда читать на нем лекции, то решил было отказаться. Однако наши «старшие» стали убеждать, что необходимо принять приглашение не только из вежливости, но и в силу целого ряда общих и частных причин. Выдержавши атаку в течение двух дней, я должен был послать принципиальное согласие с указанием тех областей, из которых мог бы предложить темы. Если вопрос будет решен окончательно, тогда, конечно, мне придется

отложить другие работы и взяться вплотную за это довольно тяжкое для меня дело. Между тем суть много более интересна: недавно удалось мне раздобыть из Киля копию с автографа Тантави – описание его путешествия в Россию, до сих пор никому не известного ни у нас, ни на Востоке...[107]

Привет всем молодым Вашим соратничкам и пожелание Вам хоть немного летом отдохнуть.

Ваш *И.Крачковский*

4.VIII.1927, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

По возвращении из Крыма, где я, к сожалению, больше хворал, чем отдыхал, я нашел оттиск Вашей статьи о рассказе Абу Шоджи и спешу Вас поблагодарить. Получил и оттиски своей статьи, о чем сообщаю в Издательство. Спасибо Вам за корректуру и хлопоты о ней. Всего хорошего!

Ваш *И.Крачковский.*

25.VIII.1927, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович,

За мое отсутствие Издательством был прислан пакет с Вашей работой про Абу Шоджу (из сборника Багалея) в 11 экз. На предназначенном мне есть Ваша подпись, прочие же – без указания адресатов. Я ждал сообщения Издательства, но, может быть, оно затерялось. Поручите черкнуть еще раз, кому их раздать. Всего хорошего!

Ваш *И.Крачковский.*

[На бланке:] Академия Наук Союза Советских Социалистических республик, академик-секретарь Отделения Гуманитарных наук

Ленинград *1 октября 1927 г. № 7083*

Многоуважаемый Агафангел Ефимович

У некоторых учеников покойного профессора Петроградского Университета Н.А.Медникова[108] возникла мысль поставить к 10-летию его смерти достойный его имени памятник на могиле в г.Старом Крыму б.Таврической губ. Проект памятника будет составлен одним из крымских художников при участии извест-

ного мусульманского каллиграфа; наблюдение за работой взял на себя ученик покойного – профессор Симферопольского Педагогического Института (б.Университета). Вдова покойного выразила свое согласие на установку памятника и передала в фонд предназначенную ею для этого сумму.

Всех сочувствующих этой цели просят направлять взносы по адресу Михаила Николаевича Соколова[109] в Азиатский Музей Академии Наук СССР. О выполнении этой работы будет сообщено всем участникам.

Искренне Вас уважающий *И.Крачковский*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

28 апр[еля] 1928, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Только сегодня урвал минуту, чтобы поблагодарить Вас за все Ваши присылки. Одно интереснее другого, и особенно мастерски написана у Вас биография Гиргаса – прямое откровение по содержанию, художественная вещь по построению. Я здесь вновь переспросил всех, не знает ли кто чего о Гиргасе, – никого такого нет. Разгон Дух[овной] Академии, где у Гиргаса, несомненно, были знакомства, затер здесь в Киеве всякие следы воспоминаний о нем; не к кому обратиться.

Каждый раз, когда я что-н[ибудь] от Вас получаю, у меня бывает тоскливое чувство на душе: ведь вот же Вы, сплошь да рядом заменяя непрем[енного] секретаря и сами секретарствуя, умудряетесь очень много писать, а у меня продукция по сравнению с московским периодом сократилась на 50%. Кажется, однако, теперь я сумею отделаться от секретарства. Целый год, начиная с апреля 1927 г., я вел систематическую тактику, долженствующую меня сделать одиозной фигурой для нового комиссара просвещения и нового заведующего главнаукой. Не стоит пересказывать всех моих выходок, достаточно сказать, что комиссара я доводил до исступления своими заявлениями, что он проводит своеобразную «украинизацию», которая ведет к ополячению и «искусственно создает преграду между пролетарскими массами Украины и пролетарскими массами Великороссии» (это – из моего официально поданного «особого мнения»). В декабре мне помог Грушевский, пославши в Харьков клеветнический донос на Ефремова, а заодно обвинивший и меня, – и в январе комиссар мне заявил, что будет всеми силами бороться против моей «обрусительной» политики (это я, видите ли, на-

воднил Академию учеными-общерусами). Вы спросите, зачем мне нужно было прибегать к полуребяческой политике дразнения властей вм[есто] того, чтобы прямо отказаться от должности? Прямо отказаться, в силу разных общественных отношений, было мне трудновато, и мне нужно было устроить так, чтобы меня не пустил на должность Наркомпрос. При той избирательной системе (8 назначенных избирателей-коммунистов, связанных партийной дисциплиной), которую провел для Академии Наркомпрос, выбор всецело находится в руках Наркомпроса: коммунисты будут так голосовать, как желает Наркомпрос, а часть наших академиков, чего-н[ибудь] ищущих от Наркомпроса, не придет на выборы, – и большинство голосов упадет на кандидата, которого выставит Наркомпрос. Большинство требуется простое, не абсолютное.

23 апреля ко мне, однако, явился киевский уполномоченный от Наркомпроса и заявил, что, несмотря на личное нерасположение ко мне, все же власти желают видеть меня и в новой президии. Я очень решительно отказался от этого предложения, постарался восстановить свою одиозность для начальства (скучно было бы писать, что именно я отпалил), – и теперь уже я спокоен: 3-го мая назначено переизбрание президии, – и с 3-го мая я буду независимым человеком. Материально это меня, конечно, ударит. Как академик, я получаю лишь 180 р. в месяц, а как непрем[енный] секретарь – еще 210 р. Теперь эти 210 р. отпадут. Но я до того измучился в атмосфере вечной борьбы с доносами и клеветою, что уменьшение жалованья не вызовет во мне ни малейшего сожаления; а сознание свободы, возможности отдаться исключительно научной работе – это такое счастье, что о денежных невыгодах очень легко забыть. Еще четыре дня до дня выборов. Настроение у меня очень напряженное, подавленное; несомненно, и я буду испытывать чувство отвращения, видя, как будут насильственно попираться элементарные принципы самоуправления, без малейшей церемонии. Но мысль о том, что это будет для меня последнее испытание и что затем я буду в состоянии уйти в retraite и ничего больше не знать – не видеть – не слышать, – эта мысль прямо бальзам для меня. И как тот ливанский погонщик, который, решивши бросить свое бессонное ночное ремесло, утешал себя сознанием, что вот-вот наступит для него последняя, уже единственная ночь муки, а дальше будет все хорошо, – я не перестаю себе повторять его слова: «hîîa л-лейлĕ, îâ мкâрi!»*

...И наряду с этим – сверлящая мысль, сверлящее раскаяние, «зачем я десять лет своей жизни употребил не так, как следу-

---

< * араб. диалект.: Скорее б та ночь [подошла], о погонщик ослов!>

ет?» Последние года два это «сверление» никогда меня не оставляло, во время лета угнетало (вдали от Киева) с особенной силой, – и, увы, не оставляет меня и в эти последние дни. Ну, хорошо: я сумел выпрячься из десятилетних секретарских оглобель, – и как же мне вернуть назад те десять лет жизни, которые в научном отношении могли бы быть наиболее производительными у меня!

Я получил за подписью С.Ф.Ольденбурга письмо (официальное) о сборнике в честь Н.Я.Марра[110], но, по несчастию, мой управитель канцелярии куда-то его бесследно приобщил к официальным бумагам, и я его хорошо не помню. Какой размер статьи? Когда окончательный срок? И кто издает? Академия или У-т? Кто редактор?

Я от Вас не могу скрыть, что все последние работы Марра производят во мне, лингвисте, очень смутное впечатление, и я думаю, что если бы Марр возвратился к прежним своим темам, то огромное количество его почитателей возрадовалось бы радостию великою. В новейших его работах ценно лишь искание истины, но едва ли что-нибудь из его достижений войдет в науку как истина. Тем не менее Марр всегда в науке останется Марром, и идея отпраздновать его юбилей – чрезвычайно симпатична. И я, как и каждый российский ориенталист, сочтем своей более чем приятной обязанностью откликнуться.

Однако вместе с тем у меня возникает мысль: каким же образом петербургские ориенталисты пропустили юбилей другого ученого, составляющего украшение русской ориенталистики? Я имею в виду Бартольда. Ведь ясно, что стоит только возбудить идею об издании сборника в его честь – и немедленно откликнется вся Европа, и сборник выйдет не менее импозантен и ценен, чем, напр., сборники в честь Нельдеке, Брауна[111] и т.п. Я получил из Туркестана сборник в честь Бартольда, изданный лишь туркестанским кружком[112], – и у меня сразу же появилось горькое ощущение: почему Петербург не взял на себя инициативы и не поставил празднование в широкие, общеевропейские рамки? Ведь ясно, что такой сборник был бы достойным смотром ориенталистических старых сил и сборным свидетельством (увы, быть может, последним) того, что уходит в могилу и чего не будут в состоянии заменить ближайшие грядущие у нас ориенталисты.

Хотелось бы узнать Ваши мысли об этом и, быть может, узнать также, что моя идея уже в Петербурге предвосхищена.

Привет Вашей супруге.

Весь Ваш *А.Крымский.*

P.S. Просьба к Вам. Мне очень хочется иметь тот том (28-й) «Сборника Отд[еления] Р[усского] Яз[ыка] и Слов[есности]», где помещен Срезневского перевод Клавихо (с текстом)[113]. У меня есть только старое испанское издание, которое в быстром пользовании не очень удобно; да и грех как-то – трепать такую библиографическую ценность[114]. Нельзя ли при Вашем посредничестве мне получить 28-й том «Сб[орника]»? (буде требуется заплатить – ничего против того не имею). Можно выслать наложенным платежом; а то – если к Вам зайдет сотрудник моей кафедры В.К.Демьянчук[115] (он поехал в СПб. работать над грамотами) – можно и через Демьянчука передать.

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

4.VI.1928, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович.

Я очень перед Вами виноват: не успел сразу ответить на Ваше письмо, забитый всякой каждодневной суетой, подоспело составление сметы, совпавшее в этом году с ревизией рабоче-крестьянской инспекции, и только вчера в праздник я мог немного вздохнуть. Надеюсь, не очень посердитесь на мою неаккуратность.

Относительно сборника в честь Марра Ольденбург уверяет, что никакого циркуляра за его подписью не рассылалось. Я тоже получил только одно приглашение, исходившее от Научно-Исследовательского Института Сравнительной Истории литератур и языков Запада и Востока за подписью Н.Державина[116]. Сроком там было указано, кажется, 1 июня. Так как у меня не было ничего готового по вопросам «речевой культуры», как там предлагалось, то я и не собирался написать.

Что касается сборника в честь Бартольда, то я лично исхожу из того, что нельзя делать юбиляру по случаю юбилея то, что ему не нравится. Я же хорошо знаю, что Бартольд (так же, как и Ольденбург) противник больших сборников, где статьи ничем не объединены, кроме фамилии чествуемого. Другое дело, когда есть какой-нибудь основной стержень, как было в Туркестанском сборнике. Я знаю, что Бартольд туркестанскую линию своих работ считает основной в своей деятельности и эта идея была ему, по-видимому, приятна. Ставить же его перед большим сборником как fait accompli*, зная, что он против этого, было как-то

<* франц.: совершившимся фактом.>

неудобно. Поэтому и настоящая идея, несколько раз всплывавшая в нашей среде, осталась пока без осуществления.

Надеюсь, что Клавихо – Срезневского Вы получили: я исхлопотал его в виде исключения для Вашего Кабинета. По слухам, от административной работы Вам не удалось освободиться. Очень сочувствую, так как и сам испытываю то же, хотя в другой пропорции. Мне, вероятно, придется уйти в результате новых выборов. В связи со всякой суетой этот год у меня пропал для работы, и Тантави, который у меня стоит на очереди за Гиргасом, двинулся очень мало. Правда, материал о нем гораздо больший; нужно было бы съездить для этого в Гельсингфорс и Каир, но пути мне отрезаны... Придется ограничиться тем, что удалось собрать здесь.

Всего хорошего! Отдохните летом и не забывайте.

Ваш *И.Крачковский.*

13.VII.1928, Бутова Гора

Дорогой Агафангел Ефимович.

Под влиянием украинских впечатлений я всегда как-то сугубо Вас вспоминаю: так было два года тому назад, когда в воспетой Вами Лазаревке я услыхал неожиданно украинское пение; так происходит хронически теперь, когда я оказался в Полтавщине в двух шагах от того места, где когда-то была усадьба Вернадских[117], от которой теперь осталась только аллея тополей да фундамент погреба... Здесь мы находимся уже с 20 июня, но почти месяц я обретался в обычной летней прострации, когда после нашей «деловой» жизни со всей ее суетой не только писать, но даже и говорить не хочется. Предполагаю, что и Вы теперь находитесь «на отдыхе» в Звенигородке, куда наудачу направляю это письмо. Авось, оно Вас разыщет; хотелось бы узнать, как Вы себя чувствуете после всех академических передряг, о которых кое-что слышал от В.И.Вернадского[118] еще в Ленинграде. Кажется, и нашей Академии предстоит много неприятного в таком же стиле; уже и теперь я с ужасом думаю об осени.

Здесь я начинаю приходить в себя и опять приобретаю способность заниматься. Занимаюсь, правда, не чисто «учеными» трудами: трудно без книг, которых с собой возить невозможно. Кончаю перевод Корана, который пишу урывками с 1921 года, когда стал им усиленнее заниматься для лекций. Привожу в порядок курс по арабской метрике, который в этом году собираюсь прочесть в Университете; не читал я его с 1918 года, и материа-

ла накопилось много. Если хватит материала, приведу в порядок описание рукописей Тантави в университетской библиотеке; взял с собой и написанную начерно его биографию (в стиле статьи о Гиргасе), но думаю, что без книг трудно будет ее продвинуть. В промежутках читаю два тома Disertaciones y opúsculos Julián Ribera, недавно перепечатанных его учениками по случаю 70-летия[119]. Читаю и делаюсь окончательным поклонником испанской школы арабистов нашего времени...

Если меня не извлекут прежде времени в Ленинград, то пробудем здесь числа до 15 августа, а затем заедем дня на два посмотреть Полтаву и через Киев домой.

Жена шлет свой поклон. С Вами ли Левченко? Всего хорошего и просьба не забывать.

Ваш *И.Крачковский.*

Почт.отд.Шишаки Полтавского окр.
Бутова Гора.

6.XII.1928, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович.

Большое спасибо за только что полученную через Академию книжку «До історії вищої освіти у арабов»[120]. Пробежал ее с интересом и вспомнил давние времена своего пребывания в Сирии и еще более давние, когда я учился по Вашему «Мусульманству и его будущности»[121]... Напишите при случае, что печатаете, над чем работаете.

Преданный Вам *И.Крачковский.*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

19 авг[уста] 1929, Звенигородка

Дорогой, хороший Игнатий Юлианович!

Сегодня получил Ваше письмо из Старого Крыма – и сегодня же, возможно, что первый раз в жизни, немед<u>ленно</u> отвечаю. Почему мне письма нелегко даются, трудно объяснить, вероятнее всего, в силу особенной, субъективной причины; – письма мои истекают всегда непосредственно <u>из души</u>, я на них не смотрю как на отписку, а чувствую, как я приближаюсь всем сердцем к адресату. Оттого я очень немногим людям на свете пишу письма, да и тем немногим, кому я пишу, я как-то словно боюсь быть в

тягость. И знаю, что нет поводов бояться быть тягостным, – и все же в душе идет борьба, и написание письма превращается в какой-то подвиг для себя. А может быть, это лишь одна из причин, может быть, есть и другие, более глубокие, которых я сам не умею формулировать, сам не сознаю. Факт – лишь тот, что письма писать мне до боли трудно. Кто меня знает и ко мне хорошо относится, тот мне великодушно прощает. Вы со своей тонкой душевной организацией тоже мирволите мне, инстинктивно понимая, что мое молчание не есть признак неуважения и небрежности к Вам. Дорогой Игнатий Юлианович! Вы принадлежите к тем людям, которых я не просто уважаю, не простую симпатию чувствую, а люблю. За что люблю? За Вашу прекрасную душу, за Ваше чудное сердце? Словом, за то, за что и все Вас любят? Не знаю, только ли за это. Когда любишь человека, тогда искренний ответ лишь один: «Люблю,

Потому что ты есть ты,
Потому что я есть я».

Кажется, лучше и не анализировать таких своих чувств. Анализ – это есть анатомия. Анатомия тела не позволяет познать красу тела, анатомия чувства, быть может, даже разрушает красу чувства. الخلاصة*, дорогой, милый Игнатий Юлианович, будьте и впредь снисходительны, если долго будете не получать писулек от меня. Пишу ли я Вам или не пишу, я Вас одинаково люблю. Каждая присланная Вами печатная строчка (а все, что Вы присылаете, бывает очень хорошо) наполняет меня радостью. Я читаю, и я нахожусь с Вами в общении, я испытываю радость от общения, я испытываю радость и от того, что присланная Вами вещь талантлива, прекрасна, интересна, и пр., и пр. Все это испытываешь, а даже поблагодарить Вас забываешь! Что ж делать! Так уж наша печь печет!

Может статься, что переписке моей с Вами положит конец особая причина – которая всему на свете полагает конец. Я очень болен (может быть, это и на характере письма отражается). Каждый вечер, ложась в постель, я задаю себе вопрос: «проснусь ли утром?» Меня одновременно мучит и астма, и сердечная болезнь (по-видимому, утончение сердечных стенок), и муки, которые я переношу, могут сравниться со всякими пытками. В основе же лежат невыносимые страдания нравственные.

Вы знаете моего приемного сына? Его нет со мной, его у меня отняли, совершенно ни в чем не виновного посадили в ГПУ, хотят куда-то отправить в ссылку. За что – это никто не знает,

---

<* араб.: одним словом.>

просто на основании lettre de cachet*. Месть, конечно, направлена против меня. Я лично неуязвим, оттого ударили по больному месту с другой стороны. Все это отрыжка прошлогодних выборов. Описывать Вам все в подробностях было бы слишком долго. Замечу только, что я, предупрежденный о такого сорта готовящейся мести еще в январе, считал ее за покушение с негодными средствами. Микола с утра до 4 часов дня работал, как вол, в издательстве; потом я приходил, забирал его обедать, и весь конец дня и ночи (до 2–3 часов ночи) он работал возле меня – то для себя под моим руководством, то для меня по моим указаниям или под мою диктовку. Шесть лет он от меня не отлучался, никуда в гости не ходил, знакомств не имел, работал без устали. Зная это, зная его полную непричастность к какой бы то ни было политике, я был уверен, что ничего ему сделать никто не может: нет ни повода, ни даже тени повода к аресту. Действительность показала иное: 5 июля его арестовали.

Мне было бы легче перенесть этот удар, если бы Микола подал хоть малейший повод к аресту. Тогда я бы его, положим, жалел, но знал бы по крайней мере, что человек несет наказание за легкомыслие. Но когда мне с несомненностью известно, что в политическом отношении Микола не провинился ни словом, ни делом, ни помышлением, то ощущение причиненной вопиющей несправедливости прямо жжет меня. Астма достигла страшных пределов, сердечные атаки причиняют рвущую боль, и почти каждую ночь – обыкновенно ок[оло] 2–3 ч. – я на волосок от смерти, от разрыва сердца и удушения. Днем, с несвежей, свинцом налитой головою, я все же ищу отрады и отвлечения в научной работе (хотя какая это работа по своему качеству!) и иногда как будто успокаиваюсь; ночь – агония.

Вы когда-то потерпели через судебную ошибку. Провинился Ваш однофамилец, схватили Вас. Но Вы имели возможность услышать, в чем Вас обвиняют, Вы имели возможность защищаться. А тут все покрыто тайной, человека мучат без всякой вины с его стороны, только потому, что кому-то это угодно. Вот почему я и назвал эту ужасную историю применением lettre de cachet. Я сейчас не в силах покуда ехать, в душном вагоне я несомненно от астмы задохнусь; да и никого из влиятельных людей в Харькове теперь нет, все – в южных местах отдыха. Осенью, когда люди возвратятся по своим местам службы, я (если перенесу все до того времени) поеду в Харьков, попытаюсь вывести дело на чистую воду. Буду взывать к элементарному

<* франц.: по приказу свыше; ист.: королевский указ о заточении без суда и следствия.>

чувству справедливости; хочу верить, что в центре – беспристрастные люди, и они сочтут недопустимым применение lettres de cachet к невиновным людям.

20 авг[уста]

Сверх ожидания, ночь прошла без агонии, без пароксизмов. Может быть, помог тот факт, что я излил перед Вами на бумаге свои боли; иногда, я заметил, это на время успокаивает. Только на груди – словно тяжелые каменные или свинцовые доски лежат и давят так, что вздохнуть нелегко; я, в то время как пишу Вам, избегаю прислониться грудью к столу: легчайшее прикосновение – больно.

Вы пишете, поехали Вы в Старый Крым, чтобы хоть немного пожить впечатлениями востока. Ах, как я это понимаю! Меня тоже за последние годы просто угнетало отсутствие непосредственной связи с арабскими странами. Как раз перед войной я было совсем собрался в научную командировку на Ливан, подготовился было совсем – и, конечно, все это прервалось. Когда в начале 1920-х гг. восстановились сношения по крайней мере между областями СССР, я просто в силу нравственной потребности принужден был обратить значительную силу своей энергии на мир тюркский, с которым можно было иметь общение. Можно наверное сказать, что я не стал бы так внимательно изучать молодые тюркские литературы, как это я сделал, если бы жизнь шла нормально, кончал бы я свои работы по арабской литературе (а их – целые вороха у меня).

При сем случае позволю себе обратиться к Вам с просьбою. Стоя несколько раз на грани небытия, я, естетственно, должен был задуматься: а что будет с моим рукописным научным наследством, если я вскоре умру? Так как Микола схвачен без вины, просто в силу гнусной интриги, то ясно, что раньше-позже он очутится на воле. Поэтому я распоряжаюсь, чтобы после моей смерти мои рукописи были опечатаны и вручены Миколе, а его прошу в восточных вопросах обращаться к Вам за советом. Но предусматривать надо шире. А вдруг и Микола умрет? (Умрет, я понимаю, в заключении.) Не позволите ли тогда, чтобы мое рукописное наследство перешло к Вам, а Вы сами, по своему усмотрению, решите, что с чем делать, куда что направить? Напишите мне свое мнение.

Вы сообщаете, что готовы были приехать в Звенигородку. Это не поздно сделать. Для меня Ваш приезд (очевидно, с Вашей супругою) был бы сущий праздник. Уведомите меня, только заранее, чтобы позаботиться о помещении, чтобы Вы сразу при-

ехали на все готовое. Я убежден, что с первого же момента Вашего пребывания тут же я оживу, а Вы, думается мне, отдохнете тут недурно.

Лишь под конец вспомнил, что надо же Вас поблагодарить за то множество присылок, которые я от Вас все время имел. По-моему, пора б уже Вам свои работы издать собранием. Я их переплетаю сборниками, и пользоваться ими для меня легко. Но для широкой ориенталистической публики удобнее было бы иметь в руках цельный свод, и для дальнейшего движения науки это было бы важно

Ваш *А.Крымский*

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

7.XI.1929, Ленинград

Академику-Секретарю
Историко-Филологического Отделения
Украинской Академии Наук

Прошу принять мою глубокую благодарность за лестное внимание, которым почтило меня Отделение ко дню 25-летия моей научно-литературной работы. С особенным чувством было мною прочитано приветствие Отделения: украинскому востоковедению я обязан очень многим, в среде Отделения находится мой духовный учитель акад. А.Е.Крымский, первые труды которого пробудили мой интерес к арабскому миру.

Академик *И.Крачковский.*

А.Е.КРЫМСКИЙ — И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

[На бланке]: Українська Академія наук, Історично-філологічна кафедра 5/V 1932

Дорогой Игнатий Юлианович! Получил Ваше письмо от 28/IV, вызвавшее во мне ряд недоумений. Но прежде сообщу Вам кое-что по поводу тех недоумений, которые и у Вас могли появиться, когда Вы в 1932 г. получили две мои книжки, датированные еще 1930 г. Причина опоздания – добровольная цензура, которую в Академии завели охотники. Эта добровольная цензура, своя, запретила напечатанный уже 2-й том «Русско-украинского словаря», 120 печатных листов (по 40.000 букв)

под моей главною редакциею. Причина – неподходящие по идеологии примеры словоупотребления: напр[имер], в разбойничьем языке «нож» называется «товариш», на что пример дан из Шевченка: «Ой, выгострю товариша, засуну в халяву». Пример, взятый из Шевченка, показался издевательским и кощунством над святым словом «товарищ» и за подобные примеры решили книгу (120 печ[атных] листов) бросить в котел. Та же участь постигла мой этнографический сборник «Звенигородщина, Шевченкова батьковщина»[122] (ок. 40 печ. листов), в нем есть отдел «Народный календарь», а в этом отделе – описание праздников, как их справляли (напр., Купала) в 1890-х гг. и до 1905 г. Признано, что описание Купала, рождественских святок и т.п. — самая вредная вещь в идеологическом отношении. «Тюрков»[123] и «Крым»[124] постановили в конце концов выпустить (после двухлетних мытарств), потому что политический такт требует выказать внимание к тюркским республикам. Вообще происходит какая-то свистопляска: люди не работают, а заняты только разыскиванием «идеологии» в чужих работах. Подвергаются обличению в «идеологии» и математика, и ботаника, и пр.

Я, разумеется, «свищу», как говорят немцы, на все эти радения и беснования и продолжаю работать в полной уверенности, что рано или поздно работа увидит свет, хотя бы и после моей смерти. (У меня и так есть немало готовых рукописей, легших без движения исключительно по моей вине, напр. «Хамâса», «Хозейлиты»[125] и пр.) По ходу намеченных мною занятий мне теперь надо дать очерк новоарабской литературы как введение к тем переводам, которые отчасти делает, отчасти сделает Т.Г.Кезма. Понятно, для периода 1880–1925 гг. я обираю Вас, как это, впрочем, делает и Европа, и едва ли много нового найдете Вы для себя в этой части моего очерка*. Зато в первой части (19-й в.) я, быть может, сообщу кое-какие мелочи, неведомые и Вам, п[отому] ч[то] я еще с 1889 г. попал в сирийскую обстановку – в Москве, и еще до поездки в Сирию 1896 г. я уже жил в кругу литературных реминисценций 1-й полов[ины] 19-го в. Между прочим, Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать про Хассуна, которым Вы сами внимательно занимались[127], что причиною смертной кары, грозившей ему в Турции, было разоблачение его анонимного авторства для трактата, заглавие которого у Вас дано лишь вполовину. Полное заглавие حسر اللثام عن الاسلام**. Я видел два списка. Один – у Муркоса[128] (он мечтал даже пере-

---

* При случае замечу: все Ваши оттиски у меня имеются, кроме «Абу-Наддара», его Вы мне не прислали, и я им пользуюсь по «Востоку»[126].

<** араб.: Снятие покрывала с ислама.>

вести его на русский язык), другой – в библиотеке, находящейся в ведении бейрутской православной школы اقمار ثلاثة[129] и туда перешедший, сколько помню, от покойного Митрй Шха̂де[130]. В Петербурге был список у Иос. Но̂фаля[131], и если верить злоязычному М.С.Щекину[132] (где он теперь?!), то Но́фаль кое в чем использовал этот трактат Хассуна для своей книги «Mahmet», задержанной по просьбе турецкого посланника.

Работа меня интересует и позволяет забыться от ужасов жизни и от своих болезней. У меня острое воспаление сердца и астма, не перестающая меня мучить вот уже три года с того времени, как у меня отняли сына и неизвестно за что сослали на Белое море в каторгу (рубить лес) без суда. Вероятно, и голод делает свое дело. Я получаю фактически с вычетами, значит, 260 рублей в месяц и отсылаю 200 р. в Звенигородку, где моя семья (5 человек, неработоспособных) не может за эти деньги даже черного хлеба купить сколько нужно: фунт черного хлеба там стоит 4–5 руб[лей], и то с трудом можно купить. Сам я обедаю через день в столовке, беру только второе блюдо. В первые месяцы недоедание очень меня мучило, а потом организм привык обходиться без пищи, и я мучений от голода уже не испытываю. Только организм ослабел, и зрение угасает. Изредка случится литературный заработок, крохотный правда, – его я употребляю на покупку дров. Одежда и обувь – одни лохмотья; только летнее – целее. Но я отношусь к этому очень героически, чувствую себя независимым и нисколько не завидую тем, кто ради спасения своих совмещений по должности принужден выступать с публичной «самокритикою», т.е. наговаривать на себя и каяться в том, чего не совершал, но что инкриминируют. Почти каждую ночь я бываю близок к смерти от приступов астмы, и я вполне свыкся с мыслию, что я обречен. По временам хожу в церковь и, притаившись во тьме, чтобы ничьи глаза меня не видали, остаюсь там с полчаса в созерцательном настроении; после этого появляется бодрость и полная готовность встретить смерть не как врага, а как друга. Сколько месяцев (или лет?) может продлиться это очень голодное существование, совершенно не представляю, но работоспособность не исчезла, и я не перестаю работать. Дали мне технического секретаря, который приходит в 8 час. вечера и уходит в $12^{1}/_{2}$ ч. ночи. Я ему диктую, он пишет, а когда я потом исправлю, он перепишет. Под мою диктовку он написал уже огромную работу о хазарах, причем неотделан остался только последний век (X-й, частью XI), которые известны больше благодаря арабским географам; меня же наиболее интересовала начальная история хазар, и много пунктов из нее я в течение двух последних лет впервые сам себе уяснил. Так как

старохазарскую историю я веду одновременно со старобулгарской, то, быть может, напечатаю работу в Чебоксарах; придется перевести тогда на русский язык. А нет – останется в рукописи, для издания после смерти.

Я когда-то взял у Вас обещание, что после моей смерти Вы возьмете мои рукописи и укажите моей сестре, что с ними делать. Мои присные до такой степени сроднились с мыслию о возможной внезапной моей смерти, что мы говорим о подробностях того, что станется после моего ухода из этой юдоли, совершенно хладнокровно, деловито. Вопрос о рукописях у нас обсужден. Я очень не желаю, чтобы масса моих готовых работ попала в чьи-нибудь хищные руки, напр. Лозеева, который немедленно их пустит в ход под своим именем. Жулье ведь он первостепенное, да и воряга отменный.

Кстати, недавно он трепал Ваше имя. Года два тому назад он сделал переводы нескольких робайат Хейяма[133]. Оставивши в стороне техническую форму его переводов (не поперхнувшись, их нельзя читать), я указал ему, что его переводы показывают полное непонимание персидского текста: ничего общего с оригиналом нет, мысли Хейяма совершенно извращены. Невзирая на мои замечания, Лозеев все-таки напечатал свои, с позволения сказать, переводы в «Східнім Світі»[134], где ему за них заплатили. С месяц тому назад была у нас переверка (бригадою) ориенталистической работы. Я указал на недопустимость таких извращенных переделок. Лозеев громогласно заявил: «А от акад. Крачковского я получил письмо, где он очень хвалит мои переводы из Хейяма!» – «Быть может, он просто поощрял Вас работать, а не касался точности Ваших переводов?» – спросил я. «Нет, нет! именно точность хвалил, качество переводов». Я усумнился все же, и Лозеев обещал принести Ваше письмо и демонстрировать его coram populo*. До сих пор он этого не сделал (быть может, и никакого письма от Вас у него нет), но я, на всякий случай, сообщаю Вам все это. Если он, для получения отзыва, обратится еще к Вам, то мой добрый совет – сличите его «переводы» с персидским оригиналом, а тогда уж отвечайте. На его беду, он очень плохо знает французский язык (об английском и не говорю), а потому не в силах найти себе помощь в европейских обильных переводах робаийят.

Теперь о Ваших личных переживаниях. Все, что Вы лаконически сообщаете, для меня неясно и непонятно. Почему А.Э.Шмидт в Казани, а не Ташкенте?[135] и почему, находясь в Казани, он не может переписываться с Вами? И какие Ваши ученики на севере? От сына я знаю, что на Медвежьей горе на-

---

<* лат.: при всем народе.>

ходится Алявдин[136], но едва ли Вы его считаете своим учеником. И вообще – что такое произошло? Теперь, я знаю, получить удар очень дешево стоит («дарбĕ би-нҷâсé» ضربة بنحاسة*, как говорят арабы), но все же? что случилось? У нас – молва, что в Москве и Петербурге совсем нет той сикофантской (доносительской. – *И.С.*) вакханалии, которая свирепствует у нас и в которой люди публично подвизаются, не прикрывая своих αἰδοῖα** никаким фиговым листком. Против Яснопольского (финансиста)[137] была устроена публичная травля за «идеологию» – он раскланялся, поехал в Москву, и сахартрест принял его к себе на службу, давши 2000 рублей в месяц вм[есто] тех 325, которые он получал тут. Вышел конфуз. Грушевского тут атукают без перерыва, но в Москве, по-видимому, его никто не трогает. (Кстати сказать: «вот злонравия достойные плоды!» Он все время натравливал ЦК партии на Ефремова и меня, добился моего неутверждения при новых выборах, а Ефремова сослали. Теперь Грушевский не может приехать в Киев; все его комиссии разгромлены; обливают его помоями все время.)

Я, abituras***, со спокойной иронией смотрю на происходящее. Интересно, что наиболее рьяно подвизающиеся в сикофантстве далеко не гарантированы от опасности очутиться в ثلاثة احرف****, а затем – в сообществе Макара и его телят. Если я жив останусь, увижу и конец свистопляски: на все – мода, πάντα ῥεῖ***** . И повторяю себе слова Ҳафиза:

Не по сердцу нам кружится колесо судьбы два дня, –
Где круженье, там и мена! Мены жди и не скорби!
Пусть и тягостна дорога, пусть и цели не видать, –
Бесконечной нет дороги в этом свете. Не скорби!

Да, غم مخور****** или, говоря языком Корана: فمهّل الكافرين امهلهم رويدا نصر من الله وفتح قريب*******

Привет Вашей супруге.

Ваш *А.Крымский.*

< * араб. диалект.: удар – медяшка.>
< ** греч.: срамные места.>
< *** лат.: собирающийся уходить.>
< **** араб.: «три буквы».>
< ***** греч.: все течет.>
< ****** перс.: не скорби.>
<******* араб.: Дай же отсрочку неверным, отсрочь им немного! (86:17) Помощь от Аллаха и близкая победа (61:13).>

25.V. 1932, Киев, Малая Подвальная 3, кв.5

Дорогой Игнатий Юлианович!

Письмо Ваше пришло сегодня, а вчера я получил бандероль со статьею про Наиме[138], о присылке которой я сам собирался просить Вас, – до того я чувствовал в ней потребность! Ее высылкою Вы для меня устроили состояние, которое, по армянскому анекдоту, характеризуется словом, содержащим в себе четыре «ы» подряд («ымыныны»), или, по маниловскому выражению, «именины сердца». Как раз для моих материалов не хватало только ее! كانت القدرة ناقصة بتنجانه صارت طافحه ومِتْلانَه •

Но я, вопреки своему обычаю отвечая немедленно, не столько имел в виду поблагодарить Вас, сколько заблаговременно сообщить Вам, что, по всему вероятию, я буду проездом в Петербурге один раз ок. 1 июня, другой раз, на обратном пути, ок. 15 июня. Конечно, время от поезда до поезда будет убито главным образом на приобретение плацкарты, но я постараюсь, à tout prix•• , урвать часок, чтобы повидаться с Вами. Возможно, что на обратном пути я даже переночую в Петербурге. (Остановлюсь, очевидно, у своей двоюродной сестры А.Ф.Чермак, живущей на Забалканском проспекте или, – кажется, это одно и то же, – 7-я Красноармейская, д.5, кв.13. Живет она с дочерьми в тесноте, но на одну ночь, думаю, сумеют потесниться еще больше ради меня.) Дня выезда я определить заранее не могу, потому что получить билет, даже в мягком вагоне, очень трудно из Киева в СПб.(как и в Москву). Зависит это и от того, будет ли ехать со мною попутчик до СПб., один наклевывается. В общем, однако, я имею порядочную уверенность, что удастся выехать. Это я сообщаю Вам на тот случай, чтобы Вы не изумились, получивши от меня телеграмму: буду такого-то числа.

Кезме я вчера же передал 2-й экземпляр статьи о Наиме. Он только немецкого языка не знает, а по-французски и английски смекает, во всяком случае «бйылаттыш»••• (я сам слышал). Рвется он на родину, к своей семье, но его, как Максима Грека[139], все не пускают – «Человек он разумный, уведал наше и хорошее и дурное», – говорили те, кто не пускал Максима Грека. А почему Тауфика не пускают, не знаю••••. Замечу при слу-

---

< • араб.: В котелке было место для одного баклажана, а теперь он переполнился.>

< •• франц.: любой ценой.>

<••• араб.: держится на поверхности.>

•••• У нас «уведать дурное» нельзя, потому что его и нет в сравнении с Западом. Достаточно взять газету – и мы увидим, что Запад может только завидовать нам.

чае, что он – изумительно честный человек, совершенно лишенный того двоедушия, которым, к сожалению, блещут сирийцы.

Покамест до свидания.

Ваш *А.Крымский.*

Телеграмма от 29 [V] 23 ч.12 м. – Ленинград Васильевский седьмая линия два академику Крачковскому

Выезжаю тридцать первого = *Крымский.*

И.Ю.Крачковскому

17.VI.1932. Дорогой Игнатий Юлианович! Одновременно я Вам посылаю телеграмму, в которой уведомляю, что рассчитываю выехать 20 июня в 4 часа дня (по железнодорожному – в 16 часов – кажется, с минутами). Уверяют, что место (мягкое) в этом поезде непременно будет. Следовательно, я приеду в Петербург около 11–12 ч. утра 21 июня (точно тут мне не могут назвать часа прихода поезда, а говорят, что между 10–12 ч.). Весь день 21-го я непременно пробуду в Петербурге, а выеду лишь 22-го. Кроме Вас, мне надо бы повидать акад. Коковцева[140], но с ним легче повидаться, т.к. он живет поблизости квартиры моей сестры. Если его случайно увидите, то, пожалуйста, напомните, что он обещал мне презентовать свою обработку «Оч[ерков] сир[ийской] лит[ературы»][141], работу, украденную у меня во время переезда из Москвы.

Привет супруге!

Ваш *А.Крымский*

И.Ю.Крачковскому

Телеграмма из МГоры[142] от 17 [VI. 1932]

Рассчитываю двадцатого выслать (*выехать. – И.С.*), поезд отходит шестнадцатом часу. *Крымский*

И.Ю.Крачковскому

Телеграмма из МГоры от 20 [VI. 1932]

Поезд 67 приходит Ленинград около восьми часов утра.

3.I. 1935, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Два с половиною года не писал Вам. Почему не писал, самому трудновато сказать. Сверх обычной моей тугости на письмо

прибавилось особое нелюдимое настроение, вызванное, повидимому, в особенности систематическим полуголодным или вовсе голодным состоянием. Когда я был у Вас в гостях летом 1932 г., Вам, несомненно, бросилась в глаза та жадность, с которою я накидывался на пшеничный хлеб и масло, почти недоступные для меня продукты. Но следующий год был для меня ужаснее. Семья моя – шесть человек сверх меня, все – нетрудоспособные. Цена фунта (не кило, а именно фунта) черного хлеба возросла тогда в провинции до 7 рублей. Чтобы семья моя могла иметь хотя бы 4 фунта хлеба в день, я должен был бы ассигновать в день 28 рублей, т.е. 840 рублей в месяц. Такой суммы я не зарабатывал, а надо же было и самому чем-нибудь питаться. Дали, правда, академикам в конце 1932 г. особый усиленный паек. Но цена его была высока (250 р. в месяц), и к тому же моя семья, мои домочадцы, не были признаны за моих иждивенцев, кроме двух, носящих мою фамилию. Стали мне выдавать на меня с семьею 3 кило масла в месяц, что составляло по фунту масла в месяц на человека, – иначе сказать, я смел съесть масла 1 лот[143] в день. Только в 1933 году осенью, когда в провинции открылась продажа хлеба по т.н. «коммерческой» цене, я начал выходить из состояния истощительного голода. Но организм мой был уже подточен, и оправиться я до сих пор не могу. Настроение было все время какое-то тупое, я бы сказал: полусонное. Единственная моя отрада заключалась и заключается в научной работе, которая, при моей замкнутой жизни, могла бы подвигаться недурно. Беда, однако, в том, что час позанимаюсь – а другой час приходится лежать пластом от крайней усталости; ночью же – муки от астмы и эндокардита. Полагаю, именно эти условия и заставляли сосредоточиться в своем «я» и отвращаться от мысли о письме к кому-нибудь. Были, правда, моменты, когда я чуть-чуть не написал Вам. Один раз — когда Вы неслыханно обрадовали меня присылкою II выпуска Яхьи Антиохийского. Он, по ходу моих работ, был мне чрезвычайно нужен, – и вдруг такой сюрприз! Я мог сравнить свою радость разве с моментом получения от Вас биографии Мих.Ноайме как раз тогда, когда я в ней ощущал чрезвычайную потребность. Однако мой порыв письменно поблагодарить Вас за Яхью так и остался порывом. Другой раз – очень хотелось поделиться с Вами печальными своими мыслями после получения сборника, посвященного Ольденбургу[144]. Какая бедность по сравнению хотя бы со сборником, который был посвящен Вам![145] А ведь с того времени, между двумя сборниками, времени уплыло очень немного. И... уже не стало многих представителей русского востоковедения. Гибнет оно. Теперь – умер Марр. Мое отрицательное отношение к его работам последнего времени, когда он был пси-

хически болен, Вам известно; но прежнего Марра, усердно и талантливо поработавшего для ориенталистики и принесшего своею работою честь ей, я высоко ценил и ценю. И вот, нет и Марра! Скоро не останется ни одного из той славной группы учеников бар. Розена, которая преподнесла ему памятную *المظفرية[146], украшение русской востоковедной науки. Вы моложе той группы, но Вы были тесно с нею связаны, и боль, которую я испытываю при мыслях об исчезновении ее, Вы, разумеется, ощущаете еще острее, чем я.

В грустных размышлениях о судьбах нашего востоковедения я, как-то неожиданно для самого себя, взял перо в руки и пишу Вам. Если Вы сердились на мое молчание, то постарайтесь простить меня. Кто-то приехавший из Петербурга и случайно увидевший меня на улице (у меня в доме никто не бывает уже много лет) сообщил мне, что Вы, по слухам, ведете обширнейшую работу по истории новоарабской литературы, рассчитанную на несколько томов. Бесконечно радуюсь. Лучше Вас никто не исполнит этой необходимой задачи. Несомненно, и я очень многое сумею почерпнуть из нее, если доживу до ее выхода в свет. У меня в течение 1932–1933 гг. написана (не особенно длинная) книга про новоарабскую литературу, но едва ли я ее буду печатать, пока будет здесь в Киеве господствовать теория сочинительства, согласно с которою факты не имеют никакого значения, а важна лишь та разработка идеологии, которую автор сумеет провести в книге. Впрочем, одна глава в моей работе осталась даже неотделанной – о лубочных романах (про рыцаря ибн Сину и т.п., которых Вы тоже коснулись в своем очерке арабского романа)[147]. Краткое резюме из моей работы я дал для дополнительного тома на «А» Энциклопедического Словаря Гранат[148]. Том этот не вышел еще в свет, но статья «Арабская литература» уже в его составе отпечатана. Если мне, как я просил, пришлют хоть лишний корректурный лист (оттисков совсем не делают), то я его отправлю Вам. К сожалению, то, что я там отделал, было очень старательно, именно 19-й век, редакция безжалостно окорнала, находя, что и в основном – 1910 года![149] (томе на букву «А») уже есть сведения про 19-й век, и оставила мне нетронутым только период 20-го в., который для Вас, очевидно, большого интереса не представит. Дал я статью «Арабская литература» для «Армянской Советской Энциклопедии»[150]. Там я старую эпоху представил до невероятия сжато, а вместо того налег на новоарабскую литературу. В какой степени меня редакция «Армянской Энц[иклопедии]» сократит, не знаю; быть может, и не сократит, – в таком случае 19-й век в моем

<*араб.: победная, триумфальная.>

кратком изложении авось представит для Вас хоть какой-нибудь интерес.

Теперь я работаю больше всего над историей Южной Аравии. Копенгагенский Handbuch der altarabischen Altertumskunde[151] совсем меня не удовлетворил из-за субъективности авторов (Нильсена в особенности) и из-за невероятной сухости (тут в особенности Хаммеля). Доведена у меня история Юж.Аравии уже до римских времен, т.е. самая тяжелая часть работы уже пройдена. Иногда я и эту работу оставляю, чтобы отделать ту или другую главу в истории хазар. Вероятно, как-нибудь оторвусь от нее и для того, чтобы закончить в истории новоарабской литературы неотделанную главу о лубочных произведениях. Но в общем, если суждено еще мне сколько-нибудь прожить, все мое внимание будет направлено на доисламский Йемен; он у меня теперь в центре[152].

О печатании покамест не забочусь; да и потребности видеть что-н[ибудь] напечатанным не испытываю. Хочется лишь кончить начатое, оставить рукописи в более-менее готовом к печати виде; а после смерти моей, вполне убежден, настанет настроение, когда и старинная история Йемена, и история хазар, и т.п. опять начнет интересовать людей, и мои готовые работы увидят свет.

Жизнь моя течет в гробу, а вокруг себя я вижу (вернее: слышу) много перемен. Колоссальная чистка, которую произвели у нас в Академии над сотрудниками, глубоко поучительна. Изгнаны за скверную идеологию уже и те, кто занимался систематическим оплевыванием и оклеветыванием всех прочих как раз за идеологию. В числе людей, которых постигла Немезида, оказался и один из бесчестнейших на свете людей – Лозеев, специализировавшийся на лжедоносах и клеветах. Слышал я, что он успел вступить в переписку с Вами, но, надеюсь, Вы ничего ему не написали такого, что он сумел бы облыжно извратить и куда-н[ибудь] пустить в донос. Человек этот был способный на всякую гнусность, а во лжи был зачат и во лжи родился. Простите, что я своевременно не предупредил Вас о нем. Однако, б.м., он Вас не оставил, и мое предупреждение не совсем запоздало.

Вы мне что-то перестали присылать оттиски Ваших работ. Значит ли это, что у Вас не было оттисков? или это значит, что Вы на мое длительное молчание обиделись? Если обиделись, то совершенно напрасно. Я Вас не только очень уважаю, но и очень люблю за Ваши личные данные, и мне было бы тягостно, если бы у Вас возникла мысль, что я по небрежности или другой сознательной причине допустил себя обидеть Вас. Просто моя психика голодного человека требовала от меня забиться в свой глухой, никому не доступный уголок и, в вечном борении между

жизнью и смертью, никому не давать о себе вести как об индивидууме. Но научное общение с людьми, которых интересует та же отрасль науки, что и меня, конечно, остается для меня отрадою, и мне больно, что Вы присылку своих оттисков прекратили. Из каталога Гаррасовица в Лайпциге мне стало известно, что Вы поместили статью в «Библиографии Востока». Что это за издание? Продолжение той «Библиографии Востока», первый выпуск которой редактировал несколько лет тому назад Д.Н.Егоров?[153] Или новое непреемственное издание? Сообщите мне, пожалуйста, адрес Издательства. Что Вы не прислали оттиски своей статьи из сборника Ольденбурга[154], я мог бы, пожалуй, объяснить тем, что Вам известна была отсылка того сборника, целого, и ко мне, как участнику. Но я ведь аккуратно собираю все, что Вы пишете, и, когда материал наберется на переплетный том, немедленно переплетаю, даже в нынешнее тяжкое время я не оставил бы оттисков без переплета. Поэтому Вы мне сделали бы удовольствие, прославши и ту статью. Она, при случае скажу, не имеет, впрочем, тех черт, какие всегда отличают каждую Вашу работу, даже самую маленькую. Вы всегда, даже в крохотных статейках и рецензиях, имеете препохвальную и высокополезную привычку давать целую диссертацию широкого, общего характера, хотя бы в энциклопедически сжатом виде, и читатель всегда черпает у Вас, из Вашего обзора предмета, целую уйму подробностей, слагающихся в живую научную картину общего характера. В сборнике Ольденбурга Вы просто дали «привнос» Beitrag*, что меня несколько удивило: такая сухость не слишком-то обычна для Вас. Библиография, предложенная Вами, разумеется, очень ценна для фольклориста, и статья, понятно, заслуживает благодарности. Что касается данного Вами перевода, то там я могу сделать маленькую поправку, или уточнение. Слово مغرز**, отмеченное Вами еще в ДАН как отсутствующее в словарях и переведенное Вами (по Спиро)[155] в сборнике Ольденбурга «шутка», имеет более резкий оттенок: «злая шутка», «злая проделка». Это слово, и тоже с глаголом عمل***, я знаю из живой практики.

Кончая свое письмо, по обычаю очень длинное, я попрошу Вас дать мне несколько справок (сверх вопроса о «Библиографии Востока»).

1) Воспоследует ли и 3-й выпуск Яхьи, с указателем, согласно Вашему обычаю? или издание ограничится тем, что вышло в свет?

< * нем.: взнос, пай.>

< ** араб: трюк, шутка (по Х.К.Баранову).>

<*** араб.: совершить; здесь: проделать.>

2) К кому в Академии я должен обратиться (и притом в Петербург или в Москву?), чтобы получить, хотя бы наложенным платежом, издание «Фердауси», выпущенное в свет по случаю юбилея[156]. Я оттуда имею только отдельный оттиск статьи моего ученика Чайкина об Асадии[157]. Статья, кстати сказать, вся построена на песке: Асадий Младший определенно говорит в послесловии к Гершасп-наме, что до этой поэмы, т.е. до 1064 г., он никаких стихов не писал:

دل من سوی شعر نشنا خته راه*
مرا کرد شاعر سخنهای شاه

Таким образом, запись переписчика на фармакологии в 1055 году должна быть огласована не так, как желал бы Чайкин, и значит она: «Писал Алий, сын Ахмеда Асадийца Тусского, поэта». Себя поэтом назвать, до 1064 г., автор будущей Гершасп-наме (своего первенца стихотворного), очевидно, в 1055 г. еще не мог. Послесловия к «Гершасп-наме» Чайкин, как видите, не прочел, потому что у Эте не нашел ни слова об этом послесловии. Кропотливый, хотя и бездарный, Эте остается неразбитым, и честь отделения Асадия Младшего от Асадия Старшего остается за ним непоколебленной. Мне жаль трудов и усилий Чайкина (очень талантливого и высокосимпатичного моего ученика, в совершенстве владеющего живым персидским языком); но не менее жаль, что в редакции сборника «Фердауси» никто не заметил целого ряда методологических упущений у Чайкина.

3) Вероятно, не без Вашего участия или не без участия Веры Александровны вышло художественное издание, посвященное рукописям Шах-наме[158]. Как его заполучить? К кому обратиться? Доступна ли его цена для кармана ученых людей?

4) В 1924 г. в Ленинграде под фирмою «Брокгауз-Ефрон» выпущен был I т. посмертного труда Б.Тураева «Классический Восток»; редакция Струве и Флиттнера[159]. Напечатан ли был и II том? Он в конце книги отмечен как «печатающийся», и там же обещан III том: «Ассирия и Персия», наиболее для меня интересный. Какой адрес Струве?

5) Пожалуйста, сообщите мне библиографическую справку, хотя бы по Саркисовой библиографии[160]. В каком году напечатан был в Бейруте арабский перевод «Вечного жида» Сю?[161] И кто переводчик? Книгу эту (اليهودى التائه) я привез для библиотеки Лазаревского института, но в печатном каталоге нет ее. Разве что Аттая, умудрившийся поместить «Путешествие Радищева» в отдел «Всеобщей географии», а книгу Вельтмана об

<* перс.: Сердце мое не познало путь к стихам.
Поэтом сделали меня слова шаха.>

Аттиле и «Киевс. метрополии славяне IV—V в.»[162] в отдел «История христианской церкви», поместил и «Вечного жида» Евг.Сю в отдел «Истории классического Востока». Но и в том отделе каталога я не нашел этого интересного арабского перевода, – стало быть, продолжаю не знать его точной даты.

6) Неизвестен ли Вам год рождения багдадского (точнее, месопотамского) поэта Джамиля Сыдкы?[163] Равным образом я не нашел точного указания, в каком году родился Шовкый[164] и в каком году Ибрахим Хафиз[165]. Вы, несомненно, это знаете.

7) Вероятно, Вам известен адрес Минорского[166]. Он мне присылает свои работы то из Парижа, то из Лондона. Где же он живет? Писать он мне перестал, так как семь лет не получал от меня ответа на свои письма. Но до сих пор я вместо писем мог посылать ему хоть книги. А вот уже два года адрес его колеблется. Издал ли он английский перевод حدود العالم[167]?

У меня вот уже два месяца продолжаются, говоря языком Манилова, именины сердца. Я, наконец, имею возможность выписывать нужные мне востоковедные работы из-за границы. Нас, киевских академиков, передали по этому предмету в ведение Карахана[168] в Москве, и двухлетний голод в этой области благополучно для меня прекратился! Физическое, желудочное недоедание не было для меня страшно, и я к нему привык как к чему-то неизбежному. Но отсутствие возможности иметь новую научную литературу меня прямо подавляло. Теперь это кончено! Знакомый Вам представитель «Могиза» Шенько, приехавши в Киев, закупил у меня ненужных мне книг по русской этнографии и т.п. на 750 рублей, и все эти деньги отложены мною на выписку заграничной научной литературы. Радости этой Вы, никогда не знавший перерыва в таком снабжении, быть может, даже и не в состоянии воспринять в полной мере. По словам Са'дия в ملمعات*: «О жажде спроси у скитальца в пустыне, иссохшей от зноя. Как цену воде ты узнаешь, у тока Ефратского стоя?»[169]

Привет Вере Александровне. Она тоже перестала присылать мне оттиски.

Переезжаете ли и Вы в Москву вместе со всей Академией?[170] или же гуманитаристов временно оставят в Петербурге? Чтобы письмо не пропало, я его посылаю как «спешное», а не просто «заказное».

Ваш *А.Крымский.*

Привет Вере Александровне!

<* перс.: пестрые; стихотворения, в которых чередуются стихи на разных языках, например на персидском и арабском.>

20/V 1935, Киев, М.Подвальная 3, кв.5.

Дорогой Игнатий Юлианович,

Ваше письмо в январе и Ваши работы я с благодарностью получил. Меня поразила только перемена Вашего почерка: нервный, дрожащий, вместо прежнего каллиграфически отчетливого. Если мой почерк изменился, то это не удивительно: один глаз у меня совсем перестал работать и буквы ненормально суживаются. Но что с Вами? Здоровы ли Вы?

Пришло Ваше письмо в ужасный момент моей жизни, тяжелее которого я уже ничего испытать не могу. Сын мой еще в прошлом году на Пасхе освободился и приехал ко мне погостить. Убедившись, что в Киеве, при нынешнем воинственно антиукраинском курсе, он не устроится, он не послушал моих увещеваний остаться со мною, хотя бы без должности. К тому же он женился. Поэтому он предпочел вернуться в Карелию, занял там чрезвычайно хорошо оплачиваемую должность директора лесопильного техникума и, со свойственным ему усердием, отдался своей службе самопожертвенно, не щадя своего здоровья. В октябре у него появились симптомы острого переутомления и произошло легкое кровоизлияние в мозгу. Психически больной, он был отправлен ко мне. Лечение мало помогало, однако лучший специалист-психиатр Селецкий[171] обещал, что к маю он будет более-менее здоров. Предсказание не исполнилось. В январе моего сына не стало. Удар этот оказался для меня таким ужасным, что на всех окружающих я стал производить впечатление живого мертвеца. С мыслию о смерти я давно уже так сроднился, что отнесся к предстоящему мне переселению ad patres* вполне апатично – даже скорее желал смерти, как избавления от никогда еще не испытанной мною так сильно душевной удрученности. Оказывается, tempus omnibus medetur**. Я опять в силах работать, и бывают моменты, когда я за работой забываю о своей ужасной потере. Сегодня решил даже принять приглашение на съезд арабистов (подписано оно и Вами) и приеду в Ленинград[172]. Уведомление об этом я сегодня же и написал на имя Искандерова[173] в Академию. (Датировано мое письмо 20/V; письмо к Вам это я тоже начал писать 20/V, но кончаю лишь сегодня.)

За присланные Вами Ваши работы я очень благодарен. Действительно интересны, не только полезны. В «Согдийском сборнике»[174] Ваша статья, конечно, является украшением книги.

<* лат.: к праотцам.>

<** лат.: время всех исцеляет.>

Только в одном месте, на стр.55, в 15-й строке транскрипции, я бы не согласился с Вашим чтением текста, а потому и с переводом на стр.56[175]. По-моему, первое слово 15-й строки есть القمط (тюрбаны, «чалмы», мусульманские). В связи с тем, что اهل القمط («люди тюрбана») является синонимом слова «мусульмане», приходится в предыдущей строке понимать слово قدم не как «сан» (так у Вас, хотя с оговоркою), но как «стопу» (или «стопы», сказали б мы по-русски во мн.ч.). Общий смысл фразы, как я понимаю, есть такой: «Мусульмане (люди тюрбана) все прибегают к стопам "эмира"», – он есть, как говорится по-персидски, عالم پناه, «прибежище людей», что касается символической роли тюрбана при обращении иноверцев в ислам, то на это указаний в истории найдется достаточно. Обряд сбрасывания прежнего головного покрова, шапки скажем, и окутывание головы новообращенного – иногда обставлялись чрезвычайно торжественно. Укажу на известный рассказ Решидеддина (по-франц. у d'Ohsson: Histoire des Mongols, t.IV, p.197)[176], как монгольский хан Газан[177] после принятия ислама должен был еще торжественно надеть тюрбан вм[есто] кругловатой (китайской, думаю) шляпы, и то же сделали все новообращенные монгольские князья, по случаю чего дан был и огромный пир.

Среди прочих Ваших присылок я дважды перечитал оба некролога – и Гофмана, и Бартольда[178]. Гофман предстал передо мною как живой; я, кстати, и не подозревал, что он только теперь умер. Некролог Бартольда чрезвычайно удачен. Для меня было сюрпризом – увидать, что, наконец, дозволено писать о нем и его заслугах. Здесь над ним тяготеет табу. Года три тому назад предложили мне прочитать о нем реферат с обличением его буржуазной, контрреволюционной сущности, а иначе – нельзя. Ясно, что я отказался от этого идиотского предложения; но мне тогда возразили, что и в Петербурге нет по Бартольде научных поминок ввиду его «скверной» идеологии. Ваш реферат датирован годом его смерти, а напечатан только теперь. Значит, произошла перемена в настроениях тех, кто делает погоду? (Тут, в Киеве, как будто перемен погоды нет, всякий боится напечатать статью исторического содержания, чтобы ему не «пришили» неподобающей «идеологии».) Характеризован у Вас Бартольд очень рельефно, причем некролог не обращен в панегирик. Даже неуклюжая тяжесть Бартольдовского стиля отмечена, хотя и в очень «академических» тонах. Одной лишь черты Вы не уловили или, быть может, постеснялись уловить. У Бартольда совсем не было того свойства, которое присуще было незабвенному бар. Розену и которое в самой широкой степени свойственно Вам, – умение любовно обращаться с учениками, создавать учеников-

товарищей, формировать, так сказать, «научную семью». Этого свойства покойный Бартольд, безусловно, не имел. Вы лично могли этого не замечать, но он скорее отпугивал людей от ориенталистики, чем ободрял их. Помню по этому поводу очень поучительную беседу с Мартиновичем[179], которая тогда же мне позволила сделать (тайное, конечно, лишь для себя) предсказание, что кафедра Бартольда не даст широкой жатвы. Он умер – и лакуна прямо зияет. А арабистов, хоть и разгоняют, все же остается достаточно; и «если научному востоковедению суждено у нас развиваться» (говоря Вашими словами), то, наверное, именно эта отрасль легче других оживет.

Сообщение Ваше о смерти Розенберга[180] произвело на меня очень грустное впечатление, чтобы не выразиться сильнее. К тому же с горечью я должен был констатировать вечный у нас факт, что о смертях деятелей науки периодическая пресса никогда не сообщает читателям, разве что покойник будет такой, как Марр, т.е. интересный для прессы с политической точки зрения. От Вас я узнал, что Розенберг не только умер, но давно умер, а это в печати нигде не отмечалось (разве, может быть, в петербургской)... Итак, еще одна утрата в русской ориенталистике! Я убежден, что составленный Вами некролог будет проникнут теплым чувством. А что с Вашим докладом об арабистике Марра? Напечатан ли он?[181] Мне показали несколько строк в московских «Известиях»[182] о заседании в память Марра, но это оказалось чем-то крайне туманным, и я не составил даже малейшего представления о характере Вашего доклада.

Вы мне сообщили, что статью «Arabische Litteratur» переделали по-русски в «Записках»[183]. С нетерпением жду оттиска. То, что Вы дали в «Enz. des Isl.»[184], отличается сухостью и совсем лишено той красочности, какая отличает все Ваши работы по новоарабской литературе, начиная с «Араб[ского] романа». Статья в «Enz. d. Isl.» дает только деловитые справки (многими и я воспользуюсь), но сомневаюсь, чтобы она могла увлечь читателей. Быть может, в русской обработке Вам удалось вернуть свой стиль. А в «Enz. des Isl.» даже такие корифеи, как Джебран Джебран и Рейханий[185], остались не освещены. Читатель, если он слышал, что Дж.Джебран выдержал массу изданий по-английски, абсолютно не поймет из Вашей статьи, в чем же суть Джебрана, и не менее бесцветно вышел в статье «Enz. d. Isl.» Рейханий, для ознакомления с которым Вы лично так много сделали! Лучшая часть статьи – введение, оно оставляет в читателе полное удовлетворение, и тем сильнее делается контраст второй половины статьи. Нет, я ждал от Вас совсем не того. Я был уверен, что после блестящих Ваших этюдов по отдельным

моментам истории новоарабской литературы Вы в энц. статье блестяще же увенчаете здание своих долголетних исследований. А вышло не то. По арабской пословице: «Нам так хотелось поесть всласть курятинки, а пришлось съесть ее с перьями» («Штаһейна д-джâ̂жи, кылнâ-ha б-рî̂ш-ha»). Не сердитесь на мою откровенность, – она, быть может, еще принесет пользу. Если русская обработка еще не пошла в печать, то постарайтесь оживить ее, хотя бы так сжато, как Вы это сделали в коротком, но чрезвычайно выразительном введении к «Образцам»[186].

Ничего зато кроме комплиментов не скажу о Вашем переводе «Калила и Димна». Прекрасная книга, прекрасное введение, умело и выразительно составленная библиография[187]. Но нельзя согласиться с догадкой на стр.10, что индийский оригинал «возник, вероятно, на санскритском языке». Индийские слова в сирийской ли, в арабской ли версии носят определенно не санскритскую, а пракритскую звуковую форму (точнее – палийскую)[188]; думаю, что Щербатский[189], с которым Вы, может, часто встречаетесь, подтвердит Вам истину моих слов. С огромным удовольствием перечитал я и «Ожерелье голубки»[190], впрочем, недоуменно взглянувши на заглавие. По-видимому, Салье, переводя حمامة как «голубка», считал, что ة есть здесь признак женского рода. На деле ж, как Вы сами даже из живой практики знаете, здесь ة есть признак единичности («голубь», «один голубь») при собирательном حمام (которое, по-видимому, Салье понимает в смысле «голубь-самец»). А в примечании на стр.270, № 96 он не считается с женским родом نفاثات (Коран, 113:4)[191] и переводит колдуны, тогда как речь идет о «колдуньях». Мелочи, конечно, а лучше бы их избежать. Дважды (на стр.VII и на стр.258) Салье поясняет название «Андалусия» как страна вандалов. Во-первых, вандалы прожили в Испании очень недолго (411–429), и уж по этому одному видеть в «Андалусии» «Вандалусию» трудновато. А во-вторых, я даже в лекциях для студентов («Ист[ория] арабов», III, 5)[192] указал, что название «Андалусия» старее эпохи вандалов: кому бы ни принадлежала так наз. «Аполлодорова Библиотека»[193], она старее вандалов в Испании. Арабская генеалогия «Андалус, сын Тубала», конечно, поздняя, и ее Зейбольд (Enz.d.Isl., I, 366)[194] имел право отвергнуть; но Зейбольд не знал классического мифа об Атланте и Андалусе.

22/V

На съезд, или сессию, арабистов я приехать думаю, о чем и уведомил Искандерова. У сестры остановиться на этот раз мне

нельзя: все три дочери ее (которые в 1932 г. отсутствовали) теперь дома и одна из них – с мужем и ребенком. Думаю, в доме ученых найдется место. Для меня, при слепоте, трудна только дорога от Царскосельского вокзала до Миллионной. Вас просить о встрече меня на вокзале не хочу (мне и в 1932 г. было совестно, когда Вы напрасно выехали на вокзал), и я просил Искандерова отрядить кого-н[ибудь] молодого на вокзал. Как-нибудь условиться о пункте встречи (напр., у буфета или прямо у киевского вагона) нетрудно. Вас я попрошу только обеспечить эту встречу. Незнакомый меня легко узнает по двум парам очков на мне: можно ручаться, что другого пассажира с шестью слепыми глазами не будет. Б.м., поедет Кезма, но хотя деньги на дорогу я ему могу устроить (как будто в оплату за нечто подготовленное для меня, – уплата не из моего кармана, и его стеснить не может), однако он колеблется, сумеет ли пропитаться в Петербурге за нормальную цену, допускаемую его материальным положением. Вчера он скорее колебался в пользу поездки, чем против нее. Но это не значит, что он решится.

Ваш *А.Крымский*

2/VII 1935, Киев. Малая Подвальная

Дорогой Игнатий Юлианович! Вернувшись, я нашел на столе كتاب البديع[195] и читал ее не отрываясь три дня. Могу от души поздравить Вас с этим прекрасным изданием! Много раз при чтении, сожалел я, что не было у меня в руках этой Вашей книги тогда, когда я обрабатывал биографию Абу Таммама[196] и старался дать пополнее картину багдадского литературного круга, куда он попал, с его литературными вкусами и настроениями. Конечно, я имел возможность широко использовать тот материал, который мне предлагали Âмидий, Хосрий, Ибн Рашйк[197] и мн.др. (они и у Вас фигурируют в примечаниях очень обильно); но насколько было бы приятно мне иметь тогда же и Ибн аль-Мо'тазза, особенно если б он и тогда уже был снабжен от Вас нынешним научным аппаратом! – Проделавши в свое время усердную работу, во многих пунктах аналогичную с нынешней Вашей, я могу теперь вполне сознательно, с полным пониманием дела, высказать свою высокую, очень высокую оценку Вашей книги и высказать радость арабиста по поводу Вашего труда. Мне только очень жаль, что Вы не дали и перевода к тексту, тогда как никто лучше Вас этого не сделает. Полагаю также, что английские читатели посетуют на Вас за недостаточное исчерпание Ваших собственных предыдущих работ об Ибн аль-Мо'тазze:

голая библиографическая ссылка или указание на них, конечно, полезными останутся; но для тех иностранных читателей, которые русского языка не знают, очень удобно было бы получить в одной книге весь repertorium* сведений про Ибн аль-Мо'тазза, чтобы это была всесторонняя монография о поэте. Вероятно, такую исчерпывающую монографию Вы раньше или позже сами захотите дать, как opus completissimum**. Быть может, толчок последует и извне. Я, в беседах с Вашими учениками, подчеркивал им, что одним из хороших способов почтить Ваш юбилей[198] было бы издание Академиею Ваших разбросанных статей в виде хотя бы двух-трех томов. Если моя идея будет принята к исполнению, то Вы поневоле возьметесь за редактирование и сведете свои меньшие работы в одно целое. Конечно, у Вас явится при этом желание делать основательные переработки, но, по-моему, можно в таких случаях последовать примеру Григорьева[199], который, переиздавая свои юношеские вещи, писал: «Я не хочу ничего изменять и казаться перед читателями начитаннее, чем я был в свое время». Полагаю, что те, кому приходится пользоваться «Россией и Азией», ничего кроме одобрения его решимости не ощущают. Ваши статьи во всяком случае не отделены таким долгим промежутком, какой отделял время первого появления работ Григорьева от времени их перепечаток в сборнике.

При чтении كتاب البديع я еще раз обратил внимание на полное умолчание у Ибн аль-Мо'тазза, как и у многих других, про Дйк аль-Джинна[200]. Я о нем собираю всякие возможные крохи, – увы, очень немногочисленные. Приступая к чтению Ибн аль-Мо'тазза, я рассчитывал, что найду у него про Дйк аль-Джинна хоть что-нибудь. Оказалось, ни одной цитаты. И в Вашей работе о Ва'ве Дамасском[201], где затронута масса поэтов, Вам не пришлось привлечь Дйк аль-Джинна к делу. Меж тем ясно, что Дйк аль-Джинна оказывал несомненное литературное влияние на других поэтов. Мне он нужен для заполнения одной лакуны в моей ненапечатанной работе об Абу-Таммâме.

Нечаянно я увез данного мне Вами «Сатыха»[202]: Кезма положил его с прочими книгами в мой чемодан. Разумеется, я его поспешу Вам переслать почтою, причем в бандероль вложу кое-какие издания для Беляева[203] (одного, кстати сказать, из симпатичнейших молодых ученых, которых я увидел теперь в СПб.). На упаковку бандероли пойдет два дня, но, безусловно, она отправлена будет, и Вы не подозревайте во мне желания присвоить книгу.

<* лат.: список.>

<** лат.: полнейшее сочинение.>

Можно ли приобрести по пониженной цене حدود العالم[204]? Экземпляр, которым я пользуюсь, не мой собственный, и я его покрыл карандашными примечаниями на полях. Отдавать назад в библиотеку общего пользования — не хочется, потому что не хочется стирать своих пометок. К кому я должен обратиться с ходатайством?

...Когда-то Коковцев, давая отчет о международном съезде ориенталистов, закончил словами: «Съезд дал большое нравственное удовлетворение, показал воочию, что наша наука (ориенталистика) имеет достаточное количество работников, обеспечивающих ее дальнейшее развитие». Нечто подобное испытал в душе и я, покидая Петербург. Арабистика еще не умерла в СССР; это не то что славистика. К сожалению, все молодые силы, какие мне пришлось у Вас встретить, имеют свои корни еще в предреволюционном прошлом; а среди совсем новых, совсем молодых людей я не мог наметить ни одного лица, сколько-нибудь не тусклого, не заурядного. Некоторые, более многоглаголивые представители молодняка (такого, скажем, типа, как Старинин[205]) произвели на меня совсем меланхолическое впечатление, потому что их многоглаголивость позволила легче проникнуть в их суть. Si tacuisset, philosophus mansisset* – вспоминалась мне латинская пословица, когда я слушал Старинина. Не берусь угадывать, что научное вытанцуется из этого молодняка: думаю, однако, что подлинные таланты могли бы и теперь показать себя, заранее, авансом, еще до приобретения знаний. «Ид-дîк иль-фаṣîḥ мниль-бêда бîṣîḥ»**. Как бы то ни было, общее впечатление от съезда осталось у меня отрадное, наша наука еще в СССР не умерла, какие-то намеки на грядущий для нее просвет очевидны. Впрочем, quien sabe***.

Не с научной, а с чисто личной, субъективной точки зрения я тоже немало получил отрады. Вечная, сверлящая мысль о потере сына, которая хотя к весне и ослабела, но все же ежедневно давала себя ощущать – под влиянием петербургских впечатлений, новых встреч, новых обстоятельств как будто рассосалась: я могу теперь констатировать в себе, что я уже способен по нескольку часов в день не вспоминать своей потери. Эта передышка от назойливой тоски дает, конечно, огромное облегчение, даже как будто возвращает физическое здоровье, не только душевное равновесие. Но отражается это выздоровление больше всего страм-

---

< * лат.: если бы он промолчал, сошел бы за философа.>

< ** араб. диалект.: голосистый петух уже из яйца кричит.>

<*** исп.: кто знает?>

лением уйти от всяких впечатлений живой современности, желанием не видеть и не слышать здешних людей, замкнуться еще сильнее в четырех стенах и только работать и работать. От встреч с людьми на улице, конечно, не уйдешь; но, странное дело, все, что только услышишь (хотя бы и сенсационное, напр. арест того или другого писателя, без пяти минут партийного), оставляет меня безучастным, кажется совершенно неинтересным, и в голове только одна мысль – скорее вернуться домой, к своим начатым, но неоконченным работам и поскорее кончать их, пока опять не наступил упадок сил.

Одна из очередных моих работ, для лета, это – окончить очерк истории Юж[ной] Аравии[206]. Она дает мне повод обратиться к Вам с просьбою: нет ли у Вас случайно оттиска или вырезки Вашей статьи, помещенной в «Библиог[рафии] Востока»?[207] Конечно, у меня нет гнетущей необходимости иметь непременно статью в отдельной вырезке (книга «Библ.Вост.» у меня ведь имеется), но я привык собирать все Ваши работы воедино и переплетать их в виде сборников, что, кстати сказать, теперь у нас представляет почти непреодолимую трудность*.

Кончу письмо тем, с чего бы следовало начать. Позвольте Вас от души поблагодарить за то сердечное отношение ко мне, которое я встретил от Вас и от Веры Александровны. Особенно я рад, что в нынешний приезд мне пришлось побеседовать не только с Вами про общенаучные материи, но и [с] Верою Александровною, достойною Вашею подругою жизни, и оценить ее как человека. Могу про Вас обоих сказать, как говорили старинные арабы وافق شنٌ طبقة**. Надеюсь, что Вы оба еще долго проживете на свете и сообща увидите лучшее будущее, жизнь, наладившуюся по-«настоящему» после того хаоса תוהו ובוהו («тою ва бою», как произносят наши звенигородские старые евреи), который пришлось нам пережить и еще среди которого придется, очевидно, умереть мне, старику, не успевшему дождаться в но-

---

* Переплетчик соглашается переплетать что-либо при условии, что Вы ему доставите картон и столярный клей. Картон я беру из какого-н[ибудь] старого переплета, а столярный клей удается приобрести в Торгсине через того, кто имеет торгсинские боны. Бумагу для переплета приходится брать из каких-нибудь довоенных шпаргалок. Корешок нужно делать холщовый. В конце концов удастся книгу переплесть, хотя бы без кожаного корешка. Думаю, впрочем, что и у Вас в Ленинграде переплетное дело поставлено не лучше. – Кстати, о бумаге. То, что у нас продается в магазинах под названием «бумага для писем», есть нечто, совсем непригодное для писания (чернила из-под пера, зацепляющегося об эту «почтовую бумагу», брызгают). Поэтому я для письма к Вам разыскал страницы из старых тетрадей.

<** араб.: сошлись Шаш с Табакой.>

вом миротворении даже начального момента וַיְהִי אוֹר, «и бысть свет».

Ваш *А. Крымский*

Пробуду в Киеве до 10-го июля со своей семьей, сюда приехавшею. Дальше – моя Звенигородка.

30 окт. 1935 г., Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

Пишу Вам еще из Звенигородки, где я застрял основательно, и не знаю, как выберусь отсюда. Железнодорожное сообщение, можно сказать, исключено. По распоряжению заведывающих дорогами с апреля месяца внимание обращено на грузовой транспорт, а для этого число пассажирских поездов урезано насколько возможно. Вагоны идут, как говорят здесь по-русски, «битками набитые»; сесть в них почти нет возможности; а у меня пересадка на ужасной станции, именуемой Цветково, где сплошь да рядом приходится ждать случая попасть на поезд суток двое! Наслушавшись очевидцев, испытавших железнодорожную поездку на своей шкуре, я вижу, что надо ждать оказии автомобильной. Отсюда, из МТС, иногда ходят грузовики в Киев, и мне обещано, что при оказии «через пару дней» захватят и меня. Терпеливо жду «митл йеллі бйынт[аз]ар ис-самак би-л-баḥр»*. – Это же идеальное расстройство пассажирского движения не позволило мне приехать и в Ленинград на съезд иранистов[207a]. Нарком Бубнов[208] прислал мне две телеграммы, вызывая на съезд, и я готов был рискнуть и отважиться на проезд. Но, по неоспоримым и наведенным справкам, выяснилось, что даже телеграммы наркома не помогут в Вапнярке, – и пришлось отказаться от съезда, несомненно очень интересного хотя бы в силу встреч с иностранными учеными. Я ограничился тем, что послал съезду свои приветствия; но так как я имел нетактичность назвать причину моего неприезда, то более чем вероятно, что мое приветствие не было даже доложено. Сообщите, было ли оно зачитано.

Мне удалось получить дублет последней корректуры (уже и «послеавторской») моей статьи про новоарабскую литературу, писанной три года тому назад. Я Вам ее на днях послал вместе со старыми оттисками 1914 г. («Ар. посл.» Гордлевского, «Макарій»)[209], которые я случайно тут откопал среди хлама. «Пословицы» передайте Виленчику[210] в одном или двух экземпля-

---

<*араб. диалект.: как тот, кто ждет рыбку у моря.>

рах, остальные кому сочтете нужным («Макарій», вероятно, интересен Семенову)[211]. Что касается статьи «Ар[абская] литер.», то я Вам как-то давно писал уже, что ее безжалостно скомкали в редакции. 19-й век урезан почти сплошь; из 20-го в. особенно пострадали братья Теймуры[212], которым я посвятил действительно очень много места. Библиография кончается 1932 г., и поэтому нет, напр., Ваших работ о Tahe Хосейне[213]. Редактор, утешая меня, написал, что все равно моя статья читается с интересом. Так ли это, позволю себе усумниться.

От Кипарисова из Акад. мат. культуры (ГАИМК)[214] я получил в июле письмо с предложением дать свою «Историю хазар» для напечатания. Я ответил согласием, написал оглавление работы, но прибавил, что если ГАИМК думает мою рукопись мариновать, а не сдаст в печать быстро, то я ее не стану переписывать начисто, потому что вм[есто] переписки могу с большим успехом заняться другим исследованием. Ответа от Кипарисова не воспоследовало. Значит ли это, что в ГАИМК нет сейчас возможности немедленно напечатать большую работу (судя по черновику – ок. 20 лл.)? Или же, быть может, оглавление моей «Истории хазар» внушило Кипарисову мысль, что в ней едва ли найдется марризм или выдержанная «идеология»? (хотя, правду сказать, в борьбе хазарского хакана с майордомом-беком наличие массовой классовой борьбы настолько очевидно, что в ее изложении трудно было бы, без злой воли, уклониться от марксистского освещения материала). Кто такой Кипарисов (в ученом смысле)? Был у меня когда-то ученик Кипарисов, с которым я довольно много занимался Са'диевым «Бустаном»[215]. Но тот, кажется, был далек от политики.

В предыдущем письме я сетовал, почему еще не изданы все Ваши статьи в виде одного сборника. Вы ответили, что пришлось бы при перепечатке делать кое-какие пропуски, а это, конечно, вещь нежелательная. Пожалуй, Ваша правда; но мне эта мысль как-то в голову не пришла. Времена, конечно, меняются, и возможно, что через несколько лет придут к убеждению и сознанию необходимости избавить ученую мысль от цензурных тисков, особенно таких глупых и бессмысленных, какие существуют у нас в Киеве. (Кажется, в Ленинграде цензура все же поумнее и поообразованнее.) Более чем вероятно, что в течение ближайших лет руководители советской научной мысли (как уже теперь отчасти Горький и Стецкий)[216] истомятся от той схоластики, которая преподносится под видом «идеологической» науки, а на самом деле необыкновенно напоминает средневековую «науку об изобретении мыслей». По Галятовскому[217], как помните, проповедник, желавший сказать слово в честь св. Хри-

стофора и абсолютно не имевший никаких сведений о жизни и деяниях Христофора, должен был просто разложить или перевести это имя и, когда выходило «носитель Христа», имел облегченную задачу – объяснить, согласно наперед данной формуле, в чем состоит «ношение Христа», которое святой несомненно и исполнил. Нынешние исторические и историко-литературные элаборaты, построенные не на знании фактов, а на «идеологической» эквилибристике (согласно «науке об изобретении мыслей»), раньше или позже должны будут всем надоесть, будут признаны за шарлатанство (карьеристическое притом), и тогда не только спорадически, как у Горького и Стецкого, но хором раздастся наболевший вопль: «Прочь болтовню, прикрывающую свое убожество ссылками на "идеологию"! Давайте нам труды, основанные на эрудитном изучении фактов, первоисточников!» Тогда исследования, которые сейчас пишутся не для немедленного напечатания и поэтому свободны от тенденциозных натяжек, окажутся наиболее желательным материалом для издания, на них будет спрос. Тогда и сборники подлинно научных статей, когда-то давно печатанных, но сделавшихся малодоступными, будут в состоянии появиться в свет без кастрирования. Доживу ли я до этого времени, угадать трудно. Лета мои – почтенные. Мои ровесники мрут один за другим. Нынешним летом – опять две смерти, очень хороших людей. Один – историк зап.-р[имского] права акад. Н.П.Василенко[218], другой – ботаник, директор киев. ботан. сада (устроитель тифлисского ботан. сада) А.В.Фомин[219]. Обоих я очень любил, хотя, по моему обычаю, не бывал у них на дому, как и нигде. Вы помоложе меня, можете рассчитывать, конечно, на еще многие годы жизни. Не скрою, впрочем, что мои впечатления от последней встречи с Вами не отличались особой беззаботностью: наоборот, явно было, что Вы чрезвычайно истомлены и что Вам необходим очень серьезный отдых. Полагаю, что Вера Ал-на сумеет удержать Вас от переутомления.

У Кезмы – несчастье: умер его брат, присылавший ему ежемесячно 10 долларов, которые Тавфика очень поддерживали, но все же позволяли жить только «в обрез». Тавфик чрезвычайно самолюбив, не любит жаловаться, но я-то, из близи, слишком хорошо понимаю, во что должна обратиться его жизнь. В 1932 г., когда я ехал в Ленинград, я видел, что обед его состоял собственно лишь из воды. Я Вам рассказал это, Культум[220] послала ему кое-какую زويدة*, – и что же? он ответил ей, что ни в чем не нуждается! Теперь, конечно, жить стало легче вообще, фунт

< *араб.: провизию.>

хлеба стоит не 6 р., как в 1932 г., а лишь ок. 40 коп.; но, осужденный жить только на одно жалованье (130 р. в месяц), Кезма опять будет питаться преимущественно водою.

Вы, в письме, обещали мне сообщить кое-какие данные о Дик аль-Джинне и об ар.-амер. драме касательно его. Напоминаю Вам Ваше обещание.

Не предвижу, когда получу от Вас ответ. Очень возможно, что Вас нет в Ленинграде и что Вы поехали за границу на международный конгресс ориенталистов. Я газет не читаю, никаких сведений о командировках подобного рода иметь не могу, но полагаю, что после юбилея, на котором раздавались приветствия Вам, благословенные высшими сферами, командировка Ваша должна была бы состояться.

Привет В.А.

Ваш *А.Крымский*

21.III.1936, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович! Письмо Ваше, посланное в ноябре в Звенигородку, я вскоре же получил в Киеве, куда приехал 10 ноября. Меня очень утешил окрепший почерк Ваш, с почти отсутствием дрожания, видно, все же летний отдых пошел Вашему здоровью впрок. Но меня прямо взорвало, от негодования, Ваше сообщение, что Вас не пустили на ориенталистический конгресс. К чему же было лицемерить перед Вами и собравшимися на юбилее! Я под свежим впечатлением Вашего письма хотел было немедленно написать Вам ответ по этому поводу. Жизненные передряги переживаемого нами момента отвлекли меня от моего тогдашнего намерения.

В Звенигородке я долго ждал, пока приедет грузовик и возьмет меня в Киев. Долгожданный, он, наконец, подъехал к моему дому через час после захода солнца... и любезно предложил ехать, чтобы к утру после бессонной темной ночи оказаться в Киеве. Я не поехал: дорога во многих местах полна глубоких рытвин; в Холодном яру (где когда-то «заседали» гайдамаки) и теперь производятся засады бандитами, ехать ночью – безумие. Пришлось прибегнуть к чугунке. И вот... – Intandum, regina, jubes renovare dolorem*, как глаголил некогда Эней Дидоне[221].

Поезд отходил в половине первого ночи. На ст. Звенигородка я благодаря знакомой протекции помещен был в служебный вагон, впрочем тоже переполненный пассажирами, и сравнительно благополучно оказался в $2^1/_2$ часа ночи в пресловутом

<*лат.: Царица, ты приказываешь воскресить несказанные страдания! >

Цветкове, где едущие на Киев должны высадиться для отправки по другой линии. Подъехали. Перрон ревел. Толпы народа, торопясь влезть к нам в вагоны, не давали нам вылезть из вагонов. Я со спутником (один я не езжу) рисковали поехать дальше, а не высадиться; но в конце концов локти, кулаки, тумаки, с соответствующим количеством непечатной брани, расчистили нам дорогу, и мы, наконец, очутились в вокзале. Тут мы попали в густое людское месиво, не имеющее где присесть, расположившееся тесно-тесно друг около друга на грязном бетонированном полу. Воздух, конечно, был насыщен ругательствами. Люди ждали здесь поездов по двое суток – и попасть в поезд не могли. Для едущих в Киев была надежда на плацкартные места: их, предполагалось, будет около 30. Очередь у кассы собралась человек в полтораста. Меня поместили где-то в хвосте, на чемодане с предупреждением, что шныряющие воры могут украсть у меня не только саквояж, но и чемодан из-под меня. Наконец, открылась касса – и раздался крик: «Живая очередь!» Люди, находившиеся сзади, зверски бросились к кассе. Вмиг барьер у кассы был сломан, люди оттягивали один другого от кассира, лупили друг друга. Шла свалка, потасовка, дикие крики, треск ломавшегося ручного багажа, и пр., и пр., – словом, все, что только можете себе вообразить в озверевшей толпе. Наконец, касса закрылась, и масса бросилась на перрон к подходившему киевскому поезду. Новая борьба, новая свалка. Я и не решился испытывать свои силы и покорно остался в вокзале, где на чемодане и просидел до утра, пока пришел следующий поезд. Наняты были заблаговременно два носильщика, которые, сообща с моим спутником, обязались вдавить меня живого или мертвого в утренний поезд; мзду потребовали небольшую, по их словам, 27 рублей (а билет от Звенигородки до Киева стоит 17 руб.). Действительно, благодаря их совместной энергии я был втиснут в вагон, правда с оборванными пуговицами и почти раздавленными внутренностями. Так как вагон вмиг битком был набит, то дверь была прихлопнута на ключ. Толпа рвалась, однако, высадить замкнутые двери. Рев ругани не прекращался. Какая-то баба на перроне вопила, что муж и сын успели влезть в вагон, а она осталась и билет ее – у них. Но, конечно, двери для нее не открыли. Поезд тронулся среди людского воя – и тогда, на ходу, рискуя свалиться под колеса, часть людей бросилась на буфера, чтобы потом, среди пути, все же влезть в вагон.

Могу принести клятву, что расстройство пассажирского движения проведено идеальнейшим образом. Я чувствовал себя лет на двадцать моложе; мне казалось, что я опять переживаю незабвенное движение поездов 1918–1919 года.

В вагоне, среди пассажирских бесед, я узнал, что иначе и быть не может. Нужно поднять грузовой транспорт, перевозку зерна, каменного угля, лесу и пр., а это поднятие несовместимо с хорошим пассажирским сообщением.

В Киеве я попал в новую передрягу.

И у Вас, и у нас отняли академический паек и закрыли распределители, для того чтобы мы впредь покупали все по коммерческим ценам. Фактически это означало сокращение жалованья рублей на 400; но беда усилилась тем обстоятельством, что одновременно вздулись и коммерческие цены (да и продолжают вздуваться). Кое-что, меньше важное, правда, подешевело. Кило сахара вм. 4 р. 20 коп. стало продаваться 3 р. 50 коп., а кило хлеба тоже понижено было в цене на 10 коп. Но главный предмет питания, жиры! Перед отменою пайков кило лучшего масла стоило по коммерческой цене 15 р. Теперь – на 6 рублей дороже: 21 рубль! Я пошел к заведывающему маслопромом и заявил, что по опубликованной в газетах таксе 1-й сорт масла продаваться должен по 15 р., а не по 21 р. – «Да ведь 21 р. стоит масло сверхсортовое, – объяснил он мне, – а 1-й сорт мы продаем действительно за 15 р., как и требует того такса. Вот он!», – и я взял $^1/_4$ ф. «1-го сорта»; но оказалось, что это какая-то строго определенная дрянь, противная на вкус (должно быть, с маргарином) и к тому же горьчащая. Понятно, пришлось брать «сверхсортовое», хотя и оно хуже того, которое перед осенью продавалось за 15 р. Кажется, эта махинация – специальное изобретение Киева: акад. Яснопольский, приезжавший из Москвы на сессию, говорил, что в Москве ничто подобное ему не известно. Та же проделка устроена здесь в Киеве и с мясом: порядочное – объявлено сверхсортовым, а под видом «1-го» сорта продается нечто мясоподобное, чуть ли не дохлятина. Вакханалья дороговизны охватила все. Калоши стоили 15 р., – теперь они же 25 р. – «Но вы мне скажите, почему же до сих пор пара у вас стоила только 15 рублей?» – пытался дознаться я. – «Мы теперь будем выделывать только тот сорт, который стоит 25 р., а 15-рублевого больше выделывать не будем». Пара сапог стоила летом в магазине 220 р. Я тогда не купил, рассчитывая на подешевление. Теперь та же пара – 450 р., т.е. больше чем вдвое. Белье, одежда – все вздорожало сразу на 100% и больше, и это вакханальное взвинчивание цен продолжается. Мне пришлось прибегнуть к несколько комической экономии. Зимнее мое пальто истерлось и прорвалось сплошь, отовсюду лезла вата. Портной сказал мне, что для починки, для заплат, надо купить ок. 2 метров черного сукна. Цена за самый низкий сорт сукна – 110 р. метр. Я, не имея возможности израсходовать такую сумму

(220 р.!), купил 2 метра черного сатина, по 11 р. за метр. Портной очень добросовестно превратил мое пальто в дервишескую хырку, и я теперь в ней щеголяю. Ничего! теплая! ваты подложено достаточно, а внешний вид ее, по-моему, много живописнее так наз. лоскутных одеял с их чрезмерною симметричностью.

Однако как-никак нужно было мне рассчитаться с летней задолженностью и как-то выровнять бюджет. Значит, продать нечто. Ориенталистических книг я, разумеется, продавать до смерти не буду, но нашлись кое-какие издания археологические и общелингвистические, с которыми я решил расстаться (жаль мне было только Толкового словаря русского языка, но я все же и с ним простился). Кроме того, нашлись у меня граммофонные пластинки (Шаляпин, Собинов, Баттистини, Карузо и пр.). Пригласил я фактора (комиссионера), по имени, кажется, т. Айзик, и он мне дело оборудовал. После того я написал домашним, чтобы они урезали свои потребности, т.е. чтобы поменьше ели жиров. Себя, разумеется, тоже посадил на диету, тоже главным образом в смысле уменьшения ежедневной порции масла; но это для меня не лишение, потому что даже в дни изобилия, когда я был аркадским принцем, я все равно частенько морил себя голодом и постом, и это лишь содействовало поднятию моего настроения. – После того я закрыл двери и для т. Айзика, – и начал жить обычною для меня жизнью отшельника, далекой от всех внешних впечатлений. Я спокоен и, если хотите, счастлив.

Совсем укрыться от впечатлений все же невозможно. Не читать газет? – это легко. Не пускать никого к себе? – да это я давно уже установил. Не ходить ни к кому знакомому? – много лет меня никто у себя не видел... Но как избежать выхода на улицу?! От меня до Академии 20 минут ходьбы. Ежедневно я, значит, 40 минут должен пройти по улицам между мною и Академией. И вот, нет-нет – да кто-нибудь меня и опознает на этом пути. Начнется разговор, спросишь: «Ну, а вы как живете?» – и ответ можно заранее угадать. Жизнь за последние годы сделалась необыкновенно тяжелою, жизнь сделалась унылою, чуждою малейшего веселья – вот то, что приходится слышать. Причина для всех одна – материальная недостаточность, полунищенство, на которое в наши времена обречен человек науки или просто интеллигентный работник. Но подробности быта – слышишь обычно такие, которые самого не-нервного человека потрясают. Вернувшись к себе, я после таких встреч (раза два в неделю) обыкновенно сажусь за стол, закрываю лицо руками, облокачиваюсь и, в таком положении, ищу успокоения от горьких мыслей. Инстинкт самосохранения невольно, однако, делает челове-

ка оптимистом, и я начинаю рассуждать. «Ну, в сравнении с теми злополучными я все же живу очень хорошо. У меня вместо зимнего пальто дервишеская хырка; но она заплатана, она с ватою, она греет, а у тех, кого я встретил, и такого одеяния нет, они мерзнут и ходят оборванными. Я мало потребляю жиров – а они, из-за семьи, принуждены себе в жирах вовсе отказывать. Я плачусь, что пришлось ухлопать большую часть жалованья на дрова, – но дрова-то у меня есть, а в комнате если голодно, то уж никак не холодно; а они, те, с кем я разговаривал, принуждены топить не каждый день: тратить три рубля в день на топку не каждый может». После таких эгоистических рассуждений на душе делается спокойно, и я приступаю к занятиям.

Кажется, ни один зимний сезон я так много не работал, как в этом году. Хочется привести некоторые работы в такой вид, чтобы можно было больше к ним и не возвращаться, а отдать для переписки и, связавши шнурком, сделать на обложке пометку: «Готово к печати». Если не теперь, то лет через пять-десять работа свет увидит, после моей смерти. Темы – или сасанидские, или первых двух-трех веков хиджры.

Один из этих опусов почти кончен, и первая половина переписана на машинке. Это – обширный очерк сасанидской литературы, не той, которая сохранилась в пеглевийских недобитках, а той, которую мы знаем через арабские переводы и указания или через сирские свидетельства. Я старался дать opus plenissimum*, а материала за последние лет 20 набралось очень достаточно. Если Кристенсен в своей оповещенной Histoire des Sassanides (вышла ли она! не знаете ли?)[222] даст главу о такой сасанидской письменности, то, быть может, придется вернуться мне к своей теме еще раз, или для оспаривания Кристенсена, или для принятия в расчет того нового, что я от него узнаю. Он четыре года тому назад передал мне через Минорского просьбу прислать ему мою «Історію сасанидовъ» и «Абана Лахыкыя»[223]. Я это сделал, послал даже больше, чем он просил. Думаю поэтому, что он должен был бы мне прислать свою книгу. Но я не получил. Она заказана мною и через Москву (через Карахана), но и от Карахана не пришла. Неужели до сих пор печатается? Пожалуйста, сообщите, что знаете.

Я, ненавистник гипотез, тщился и в сасанидском «Очерке» избежать их. Но не совсем удалось. Вопрос о сасанидском стихотворстве – область неминуемых догадок; иногда, напр., в полемических заявлениях Абу-Обейды Ма'мара[224] кажется найденным несомненный ключ, но и тут трудно питать полную

<*лат.: полнейший свод.>

уверенность. Не мог удержаться от соблазна дать кое-какие догадки и насчет повести об Акире[225]. Параллели с андарджами позволяют с порядочною несомненностью установить существование Акира и в пеглевийской литературе; но отчего нет на нее указания (на ее заглавие) ни в «Фигристе»[226], ни у Масудия[227], ни в антологиях? Заодно – другой вопрос. После работ Nau[227a] и др. едва ли остается сомнение, что арабская литература рано приняла к себе Акира. Но почему же библиографические арабские указания об этом молчат, дают заглавие «Повесть про Ахикара» сравнительно поздно? И вот у меня является подозрение, что надо в арабской ранней библиографии искать повесть об Акире под другим заглавием, напр. «Повесть об отце и неблагодарном злом сыне» или в этом роде. Тогда на всякие догадки наводит «Книга Барсанаса» якобы аршакидского времени. Первое слово «Бар» с полным успехом могло бы быть арамейским или сирийским ܒܪ («сын»); вторая половина заглавия «санас» (не чуждая, вероятно, кое-какого концевого искажения в арабской транскрипции) заставляет подумать о корне ܣܢܐ (ненавидеть), ܣܢܝܐ (ненавистник, враг), ܣܢܝܐ (= ненавистный), ܣܢܐ (в близком значении к предыдущему слову) и т.п. С неохотой, с оговорками, с предупреждениями к читателю я все же рискнул выставить свой домысел; быть может, он кого-нибудь натолкнет на более твердую почву.

Неотделанной осталась у меня в очерке сасанидской литературы глава, посвященная беллетристической повести про Маздака[228]. Материал, собранный у Кристенсена в «Le règne de Kavâdh»[229], конечно, обилен и полезен (мне все же пришлось привлечь и позднего Мирхонда)[230], но начертанные им «filiationis»** явно произвольны. Приходится полемизировать. Лет десять тому назад я написал по поводу «Le règne de Kavâdh» большую статью и вложил в соответствующую папку. Для архитектоники моего «Очерка» статья была бы неуклюже огромной. Приходится ее раз в пять сократить, заменяя целые страницы лаконическою фразою в скобках «(что сомнительно)» и т.п. Карандашом уже изготовлен окончательный вид, остается переписать начисто, и тогда можно поместить в конце целого моего «Очерка» традиционное заключение наших древнерусских писцов: «Яко же радъ заѧцъ, тенета избывъ, такожде радъ писѣць, дописавъ послѣдьнѩѭ строкѫ»***.

< * пехл.: назидания, наставления (ед.ч. андарз, в транскрипции Крымского – андардж).

< ** лат.: родственные ответвления.>

<*** древнерус.: Как рад заяц, избавившись от тенет, так же рад и писец, дописав последнюю строку.>

Другая работа, которую я желал бы в этом сезоне привести в удобопечатный вид, «Влияние сасанидской литературы на халифат в I веке хиджры»[231], т.е при Омейядах. Остова ее у меня нет, вся папка состоит из отдельных выписок и отдельных набросков, а вместо остова написан конспект ее или оглавление. Труда над нею, разумеется, надо положить больше; но я испытываю прямо душевную потребность свести имеющуюся у меня мозаику, накоплявшуюся долгими годами, в цельную картину. Тружусь усердно, хотя иные дни очень и очень устаю. Но... опять пусть вместо меня говорит древнерусский книжник в приписке: «Пиши, окаяньниче, яко загрѣхы твоѧ Бог твой мѫчитъ тебе! пиши, страньниче!». И пишу... ощущая себя теперь более чем когда-либо «страньником» и более прежнего памятуя, что εἰς τοῦ κόσμου τὸ ταξείδι[ον] ξένος ἔτυχα κ'ἐγώ (вирш – новогреческий, оттого ταξείδι и ἔτυχα)*.

Начинать приходится с исторических данных об иранском характере Басры и Куфы (тут для меня и до меня почва уже разрыхлена), но подлинное исследование о литературном персидском влиянии начинается у меня с Хажжажа («кисравій» которого едва ли, однако, писал уже по-арабски) и с дамасского круга Абдальмалика[232]. Центр очерка – царствование Хишама[233], для которого был переведен жреческий элаборат истории Сасанидов, а особое внимание я уделил «секретарю Хишама» Салиму[234], достойному предшественнику Ибн аль-Мокаффы[235]. Не посчастливилось этому Салиму у арабистов. Нельдеке, использовавший касательно Салима не весь материал «Фихриста», преспокойно смешал его с его сыном Джабалей, и ошибка авторитетного Нельдеке пошла гулять по свету. Не заметил Нельдеке (да и не он один), что о Câлиме, кâтыбе Хишама, есть сведения у Ибн Халликана, но не в отдельной главе, а в главе, посвященной его ученику и свояку ختن кâтибу Абдальхамиду (или Абдальхомейду[236], – не знаю, как верно прочитать), приятелю и Ибн аль-Мокаффы. Я постарался из обильно собранной у меня мозаики создать посильно целостный образ Салима. В конце своего очерка я, pour la bonne bouche**, остановился на очень выигрышном для моей цели образе последнего омейяда Мервана, который, с хазарами воюя, возил с собою «Книгу владык», – очевидно, чувствовал аналогию своей борьбы с борьбою старого Ирана против Турана[237]. Неожиданная неприятность вышла у меня только с заключительной чертой моего очерка. На бумажке (на обороте случайно подвернувшегося конверта) я, ок.

<* греч.: В путешествии по миру я был чужаком (странником).>

<** франц.: на закуску.>

1910 г., написал наскоро карандашом: «Последние слова, которые в своей жизни слышал Мерван, были персидские: "Убивайте ж его! убивайте!"» – и после того я прибавил ссылку, которая теперь за двадцать лет совсем стерлась, и прочитать ее нельзя. Видны только (и то едва-едва) том и страница «II, 414», а имя автора безнадежно стерлось. И еще какая-то фраза стерлась. Полагаю, что автор – это Якубий[238]. Но, словно назло, я имел неосторожность дать его историю одному человеку на Кавказ, и от него нет теперь ни слуху, ни духу. У Вас история Якубия, несомненно, есть на полке, под руками. Пожалуйста, раскройте т.II, 414 и, если там окажется персидская фраза (арабской мне не надо), то будьте добры переписать ее буква в букву и указать примечание издателя под строкою, буде таковое издатель сделал. А вызволить обратно с Кавказа мой экземпляр Якубия – дело, вероятно, нескольких месяцев. Хорошо, что по крайней мере большая часть выписок из этого историка, необходимых для меня в самых разнообразных направлениях, была исподволь своевременно мною делаема, и я некоторое время могу без книги обходиться (а не найдется ли у Вас в Петербурге охотника продать свой экземпляр? за хорошую цену, конечно. Быть может, кто-нибудь из Ваших учеников не очень влюблен в свой экземпляр и согласится продать его старому арабисту, зная, что в Петербурге есть много экземпляров этой истории и что, в случае нужды, он, петербуржец, всегда быстро может навести желаемую всякую справку).

Хотел бы поделиться с Вами еще сообщением о третьей моей работе: «Сасанидская литература в арабской оболочке при первых аббасидах[238a]. Она написана; но мозаичных дополнительных вставок в нее накопилось очень много, и я боюсь, что не успею привести ее до лета в такой окончательно редактированный вид, который годился бы уже для отдачи переписчице-машинистке. Кое-какими наблюдениями интересно было бы поделиться с Вами, но это уже как-нибудь в другой раз. Пора кончить длинное письмо.

В заключение я сгруппирую имеющиеся у меня к Вам вопросы:

1) Вышла ли в свет Histoire des Sassanides Кристенсена?

2) Есть ли персидская фраза у Якубия II, 414?

3) Какие последние выпуски Enzyklopädie des Islâm? Карахан давно что-то их не присылает. У меня имеется из III тома последний выпуск: «Lieferung 50: Nafs–Naẓar» 1934 г. Какие же Lieferungen вышли еще в 1934, в 1935 и 1936 г.? И Вам Карахан также опаздывает с высылкою?

Из дополнительного тома у меня есть только «Lief. 1: Ab–Djughrâfiya» 1934.

3) У Вас, вероятно, есть Китâб аль-wозарâ Джахшиярия[239] (мне ее тоже не прислали, хотя я ее заказал). Имеется ли там что-нибудь про Салима, кâтиба Хишâма?

4) Какой адрес Харл. Карп. Баранова?[240] Как имя и адрес вдовы акад. Марра, матери Юр. Марра?[241]

5) Как имя и отчество Н.П.Горбунова?[242]

Пожимаю руку. Привет Вере Александровне.

Ваш *А.Крымский.*

[P.S.] Нет, еще поделюсь двумя гримасами современности.

Когда я обрабатывал главу «Литература в сасанидском Мерве» (и по арабским источникам, и по сирским, в связи с пребыванием еп. Феодора Мервского на кафедре), мне пришла в голову мысль заглянуть в статью «Marw» или «Merw» исламской энциклопедии. Такой статьи не оказалось. Очевидно, писать ее должен был Бартольд, но он умер, и издатели Enzyklopädie des Islâm сочли возможным вовсе обойтись без статьи про Мерв[242a]. Фу, бесстыдники!

Другая вещь – пикантнее. Я, получивши летом академический сборник «Фердовси», внимательно перечел его от доски до доски. Про невежественно-развязную статью Чайкина «Асади Старший и Асади Младший», известную мне через оттиск, я Вам своевременно писал. А теперь я познакомился со статьею Тревера «Сасанидский Иран в Шах-намэ»[243]. Читал я ее с большим интересом, но некоторые ее исторические блестки – верх совершенства, напр. на стр.179: «Шапур II оказывал радушный прием несторианам и другим еретикам, бежавшим из Византии». Шалун Тревер, взявшись объяснять марксистским методом характер религиозных антипатий и симпатий Шапура II, не удосужился ознакомиться с фактом, что Несторий появился только 50 лет спустя после смерти Шапура II! Прошли те времена, когда зоркое око бар. Розена или Бартольда тщательно следило за петербургскими востоковедными публикациями и делало «Записки» образцовым по своей научной безупречности органом русского востоковедения. Кто же теперь редактирует издания? кто должен следить, чтобы не проскользнули lapsus'ы, подобные вышеуказанным? Что Орбели[244] не читал статьи Тревера раньше сдачи ее в печать, можно поручиться. Орбели, разумеется, не допустил бы, чтобы Несторий оказался современником Шапура II. Орбели не допустил бы, чтобы упразднение царства армянского (состоявшееся в 428 г.) совершил тот же Шапур II (стр.178). Орбели не позволил бы Треверу (стр.189) превратить Моисея Каганкатваци в историка, писавшего в VII в., раз историк определенно дает указание, что писал в самом конце X в.;

к VII в. относится повесть о католикосе Виро и благоверном князе Джеваншире, включенная компилятором X в. в свою компиляцию. Закрытие несторианской школы в Эдессе (Тревер, стр.189) Орбели, несомненно, не позволил бы отнести ко временам Хосрова I Ануширвана. Ясно, что никакого контроля над Тревером не было. Кто он такой по своему образованию? где учился и у кого? Юноша или почтенного возраста человек?

P.P.S. Хотел было запечатать письмо, но оказалось, нет конверта. Вышел купить конверт. Меня окликнул букинист знакомый. Я подошел, справился, не попадалось ли что-нибудь восточное, и букинист сообщил неожиданную для меня новость: у него, дня три перед тем, было издание, выпущенное московской «Academia» по случаю съезда ориенталистов – Гафиз в переводе Тардова и Фрейтага[245]. Но он уже продал книгу. Для меня было интересно узнать о существовании такой книжки, но еще интереснее – имена авторов-переводчиков. Тардова я знал во время войны, когда он был военным корреспондентом московских газет, а с Фрейтагом моя жизнь связана была в молодости очень тесно (я был его учителем-студентом и готовил его к дополнительному экзамену по классическим языкам, для получения аттестата зрелости). Бывали иногда у меня в жизни столкновения с ним (на почве чисто общественного свойства), но так как я его из-за воспоминаний детства его очень любил, то кончались столкновения примирением. Вот уже 19 лет прошло, как я видел Фрейтага последний раз, поздней осенью 1916 г. Он из Персии приезжал тогда на побывку в Москву, был много раз у меня, и мы нежно простились, чтобы 19 лет больше не видаться и не переписываться. Очевидно, он теперь в Москве? (едва ли в Петербурге: там у него нет близких людей). В восточном отделе издательства «Academia» Вы состоите редактором. Значит, адрес Фрейтага (и, заодно, Тардова) Вам известен или легко может стать известен. Пожалуйста, сообщите его мне.

В прошлом году, приблизительно ровно год тому назад, в марте, состоялась со мною странная вещь, связанная с Фрейтагом. Я о нем никогда не вспоминал много лет, а трагическая смерть Миколы сосредоточивала все мои мысли только на моей страшной потере. И вот приблизительно в середине марта я, полный тяжелых дум, вышел пройтись. Солнце сильно грело. Горные ручьи текли по крутым улицам Киева не только из-под того снега, который таял на солнце, но даже из-под снега, накопившегося в тени под заборами. Среди этого радостного весеннего журчания, под веселыми световыми потоками еще и солнеч-

ных струй-лучей, мне было необыкновенно грустно, до отчаяния тяжело. Я шел куда глаза глядят, а мысль говорила: «Вероятно, и могила от снега освободилась, скоро на ней прорастет трава и цветы, а я, как Хафиз (твердо помню, что я вспомнил четверостишие Хафиза), с тоскою буду напрасно ждать, что и сын мой вместе с цветами выйдет на свет из-под наваленной на него земли». Я долго шел, устал. Тучи закрыли солнце. Сделалось холодно. Я вернулся домой и свалился на диван, чтобы отдохнуть. Вмиг я крепко заснул. И мне приснился яркий сон: небольшой холм, у подножия стоит Микола с присущим ему печальным взглядом последних его дней, а чуть-чуть выше стоит улыбающийся Фрейтаг и, положивши руки на Миколины плечи и опираясь на него, довольно весело поглядывает на меня. Точно от электрического удара, я вмиг пробудился. Оба образа несколько секунд еще стояли перед моими глазами как живые. Суеверный достаточно, с частыми случаями изумительной телевизии, я начал раздумывать: почему мне приснился Фрейтаг, о котором я много лет не думал, которого совсем не вспоминал? Рационалистически я постарался внушить себе, что четверостишие Хафиза вызвало в моем подсознании невольную, бессознательную мысль о том, кто остался в Персии и был мною до сих пор забыт. А суеверие подсказывало мне мысль, что я должен узнать персидский адрес Фрейтага (где он? в Тегеране или в Энзели?), должен написать ему – и получу от него ответ с личными сообщениями о нем самом и его семье, ответ, который отвлечет меня от моих гнетущих настроений. Конечно, я письма ему так и не написал; да даже если бы мне был известен его адрес, едва ли бы я был в состоянии тогда писать о себе и своем горе. Но сон мне врезался в память. Теперь неожиданно узнаю, что Фрейтаг в Москве и переводит Хафиза! Не значил ли мой сон, что именно год тому назад, когда он мне внезапно приснился, он переводил как раз Хафизову элегию! Или же он беседовал с москвичами именно тогда обо мне?.. Вам, конечно, странно читать такие мои суеверные предположения; но, повторяю, в жизни моей я много раз видел вещие сны и испытывал (потом вполне оправдывавшиеся) предчувствия событий, совсем неожиданных. Законы телепатии когда-нибудь объяснят эти «суеверия» вполне научным образом.

Покамест одна вещь несомненна. Фрейтаг живет уже в России, и я лично могу написать ему. Более чем возможное дело, что он даже состоит с Вами в переписке и сообщить его адрес мне Вы можете в несколько секунд.

31/III 1936. Дорогой Игнатий Юлианович! Недавно я отправил Вам большое заказное, а теперь вдогонку посылаю эту открытку. По поводу Якубия. Наши химики при помощи своего колдовства помогли мне прочитать истертую мою шпаргалку. Шпаргалка, правда хорошо подсохнувши, почти развалилась, но еще до своего развала она позволила прочитать стертую мою пометку «Гибель Мерв. Як.II, 414; выноска к Таб., сер.III, 50[246] (надо чит. "не pehâd"•)».

Судя по характеру этой моей пометки, можно думать, что у Якубия вовсе нет персидской фразы. Поэтому, если Вы, раскрывши Якубия II, 414 и бросивши беглый взгляд на страницу, не найдете там ожидавшейся мною справки, то и не утруждайте себя больше и не перелистывайте соседних страниц.

Ваш *А.Крымский.*

10/X 1936 [Киев]

Дорогой Игнатий Юлианович!

Более полугода прошло со дня получения мною Вашего письма. Оно меня поразило, как громом. Поразило, конечно, не совпадением моего сна о Фрейтаге с его смертью (такие совпадения в моей жизни случались беспрестанно), а поразило известие о смерти Фрейтага, тогда как я рассчитывал получить известие о нем живом. Меня охватил прямо какой-то ужас от такой неожиданности. Не могу сказать, чтобы я испытал ту жгучую скорбь, какую обыкновенно испытываешь при смерти близкого человека: как-никак, а я ведь 19 лет не видал Фрейтага и не переписывался с ним, – следовательно, имел время отвыкнуть от него. Но моя молодость так тесно связана была с личностью Фрейтага и с семьей его отчима, что эта связь никогда не могла быть забыта и искоренена из сознания. Год 1892-й, когда я был приглашен в наставники к Фрейтагу, для меня был очень необычным. Летом я собирался жениться, жениться на женщине, имевшей уже трех детей. Предполагалось, что я (мне было 21 год) увезу ее от мужа, забравши и детей, – увезу тайком, когда мужа не будет в Звенигородке. О наших планах узнал мой отец, перехвативший записку этой дамы ко мне, и сообщил все мужу. Последствия были для жены архиужасны, а я, поссорившись с отцом, решил

<• перс.: «да не спасется, да не освободится». Hă păhād (نرهاد) – форма желательного наклонения с отрицанием от глагола păstăn (رستن), корень păh (ره) – «спасаться, избавляться, освобождаться». Или: «не спасся» – hă pahād от глагола păhādăn (رهادن) в том же значении, 3 л. ед. ч. прош. времени.>

уехать навсегда из Звенигородки, хотя там оставалась горячо любимая мною мать. И вот, когда осенью 1892 г. я приехал в Москву и поступил на ист.-фил. факультет (т.е. уже второй, потому что спец. классы Лазар. Института я закончил), Корш порекомендовал меня в наставники к Фрейтагу, оканчивавшему курс коммерческого училища и желавшего пойти в у[ниверси-те]т. Обязанность моя была подготовить Фрейтага к дополнительному экзамену зрелости по латинскому и греческому языкам (начать с азбуки). Фрейтаг был круглый сирота и жил у своего отчима Шульца. Шульц и отец Фрейтага были в Москве соседи усадьбами*, и оба были крупные биржевые маклеры: отец Фр-га вел сахарные операции Харитоненка[247], Шульц имел учетно-ссудную контору и вел крупные грюндерские дела Мамонтова[248] и др. Тесная дружба их кончилась неожиданным финалом. Мать Фр-га и Шульц страстно полюбили друг друга. Отец Фрейтага, кажется, не успел узнать своего несчастья: он раньше успел тяжело захворать. Но жена Шульца, мать четырех детей, узнала все и, потрясенная, скончалась. Вскоре умер отец Фрейтага. Шульц немедленно женился на вдове, и Фрейтаг (с двумя братьями) вошел в семью, где все с ненавистью смотрели на его мать, виновницу семейной драмы. Счастье новоженов было недолгое, мать Фрейтага умерла в чахотке. Отец Фрейтага оставил на своем текущем счету в банке только 90.000 рублей (которые и составили наследство трех братьев Фрейтагов), а остальные деньги, в том числе 45.000 руб. страховых за жизнь, отписаны были на имя жены, Фрейтаговой матери. Она так нежно любила Шульца, что отдала деньги в его полное распоряжение. Имение Горки (Болшево), где умер Ленин (во дворце, построенном Шульцем) и где теперь имеется дом отдыха для ученых[249], только наполовину было создано Шульцем на свои деньги: другая половина была прикуплена и застроена на деньги, которыми распоряжалась после смерти мужа мать Фрейтага и которые она всецело предоставила Шульцу. Купчая была сделана на имя Шульца, который находил, что если он даст Фрейтагам порядочное воспитание, то этим всецело расквитается за ограбление их. И вот, в этот момент я и сделался учителем К.Фрейтага. Он ко мне страстно привязался и тотчас посвятил в свои семейные обстоятельства, в необходимость быть приживальщиком отчима, который ограбил его и его братьев. Способность к языкам он обнаружил удивительную. Он уже хорошо владел немецким, французским и английским языками; латинский ему давался (со

* Отец Фр-га был немец, но бабка – Депре, француженка из Прованса. Тартаренскую гасконаду Фр-г унаследовал от нее.

мною) прямо с шуточной легкостью, а греческим он через полгода овладел так, что курсорно* мог со мною прочитывать в один вечер по целой песни Илиады или Одиссеи. Трудные переводы с русского языка на классические (для подготовки к экзаменационным extemporalia**) не были для него трудны даже в самой малой степени: он почти не делал в них ошибок. Я был в восторге от своего ученика. Сводные братья и сестры Фрейтага отнеслись ко мне с огромной симпатией. Я им импонировал своим знанием языков (а они все часто ездили за границу и хорошо орудовали европейскими языками), и притом их, миллионеров, поражала моя скромность жизни, подчеркнуто скромный костюм, постоянное стремление сидеть над книгами, органическое отвращение к их роскоши и наслаждениям. Они меня очень полюбили и относились как к оракулу. Одна из сводных сестер Фрейтага была невестою Прове[250], страстного нумизмата и библиомана (потом он был председателем моск. нумизматологического общества), эта пара особенно нежно отнеслась ко мне, и дружба эта сохранилась и впоследствии на много лет. Достаточно для Вас даже этих немногих штрихов, чтобы постигнуть мою психологию того времени. Одинокий, с разбитыми мечтами о личном семейном счастье, порвавший (как мне казалось) навеки все отношения с отцом из-за его бесцеремонного вмешательства в мою личную жизнь, я внезапно попал в круг людей, окруживших меня своею симпатией, и несколько ожил душою. К Косте Фрейтагу они относились неплохо; они понимали, что их отец его ограбил и что он жертва; смерть своей матери, после того как умерла мать Фрейтага, они могли считать в некоторой степени за отмщенную свыше. Словом, мое братское отношение к Фрейтагу не вносило диссонанса в мои отношения с семьею его отчима.

Успешно занимаясь со мною, Фрейтаг начал мечтать уже не просто об у[ниверсите]те, а о научной карьере. Это меня еще теснее связывало с ним. Но... конец оказался самым неожиданным. Фрейтагу исполнилось совершеннолетие. Ему были выданы на руки его 30.000 р. наследства, и он точно с ума сошел. Деньги получил он в январе 1895, а к 1-му апреля все было прокучено! Я, словно в оцепенении, наблюдал этот дикий пароксизм сумасшествия и, потрясенный, нервно заболел. Фрейтаг, конечно, понимал, что его поведение свалило меня с ног, и жалел меня, но прекратить кутежа не мог. Когда он 1-го апреля явился ко мне и, с фанфаронским видом, заявил, что прокучены все

<* Быстро, без подробного разбора.>

<** лат.: письменная работа на время.>

30.000 р. до последней копейки, я сперва подумал, что он мне преподносит poisson d'avril*. Однако оказалось, что это была правда. Я начал уговаривать его приступить, наконец, к университетской науке, обещал свое полное содействие в занятиях; но у Фрейтага явилась новая авантюристская мысль. Из вещевого отцовского наследства ему достались карета, дорогие сани, разная мебель. Все это он решил реализовать. Вышло 4000 р. С этими деньгами он поехал в Монако, уверяя меня, что предчувствие говорит ему: он в Монако выиграет миллионы.

Перед отъездом он совершил преступление. В кутящей с ним компании нашелся жулик, по фамилии Кочетов, который уговорил его купить фальшивые деньги на 100.000 р. за 2000 р. Мне Фрейтаг сообщил об этом за 4 часа до своего отъезда. В ужасе я отговаривал его от его намерений всеми увещаниями. Увещания были напрасны. Я тогда указал ему уж не на безнравственность задуманной аферы, а на крайнюю опасность, на возможную ссылку в Сибирь и т.п. Казалось, эти мои доводы на него подействовали: он пообещал, что не купит фальшивых денег. Попрощался. Потом из Монако, точнее из Ниццы, я получил от него заказное письмо (оно – цело!), где он подробно рассказал, как Кочетов с соучастником его обманули: 2000 р. настоящих взять взяли, а ему вручили чемоданчик с якобы фальшивыми деньгами, подвели к извозчику, заранее приготовленному от них же, усадили его с чемоданчиком; но едва он отъехал на несколько шагов, извозчик грозно был остановлен (мнимым) агентом полиции, который велел извозчику ехать в участок. Фрейтаг быстро выбросил чемоданчик из саней, и тогда «агент полиции» начал вести расспросы, которые выяснили, что ему нужен не Фрейтаг, а кто-то другой, и выскочил из саней. Фрейтаг, одураченный, поехал на вокзал, за границу.

Сколько я перестрадал душою за Фрейтага, за его полное нравственное падение, Вы легко представите. Потом я был откомандирован в Сирию, где пробыл два года[251]. Занятия на Востоке и новые впечатления загладили душевную рану. Однако вычеркнуть из души образ своего ученика и друга, с которым судьба свела меня в тяжелые душевные моменты для нас обоих, я не был в силах. Фрейтаг остался для меня не падшим преступником, а злополучной, пострадавшей жертвой, притом наполовину психопатом, невменяемым.

Три года я не имел о Фр-ге известий. Вернувшись в Москву, я так был занят подготовкою к магистерскому экзамену, что даже не имел времени проведать своих приятелей Прове. Вдруг

<* франц.: букв. – апрельская рыба; первоапрельская шутка.>

Фрейтаг явился. Как ни в чем не бывало. Нежно бросился он мне в объятия и рассказал свои приключения. В Монако он дотла проигрался, бежал, спасаясь от отельных долгов, в Испанию (пешком, в Сан-Себастьян), был в Алжире, долго жил в Севилье, занимая должность переводчика (английского) для контрабандистов. Потом написал покаянное письмо отчиму, вернулся в Москву, служил в биржевой конторе и, как остепенившийся, получил должность помощника директора золотых приисков в Зыряновске на Алтае, куда – сказал – и направляется. Перед отъездом узнал, что я в Москве, и заехал попрощаться, чтобы вести из Сибири переписку: научных стремлений он не бросил и везет с собою целую библиотеку римских и греческих классиков.

Что мне было говорить? Я чувствовал, что этот мой младший брат и друг не перестал быть для меня братом и другом.

Из Сибири Фр. писал мне длиннейшие письма, главным содержанием которых были классические авторы. Он их поглощал одного за другим и заставлял меня отрываться от арабистики для чтения то Петрония, то Марциала, то Эпиктета[252], чтобы давать ему ответы на его запросы, преимущественно лингвистического характера. Я преисполнялся чувства гордости за своего ученика. Все его письма ко мне (иногда чуть не трактаты) целы. Я их недавно перечитал – и просто сам не верил, что были когда-то в России времена тонкого знания классиков в их оригинале и никого тогда те знания не изумляли, считались обыденною вещью.

В 1903 г., в январе, Фрейтаг вернулся ко мне. Золотые прииски Зыряновска обанкрутились, и он решил оставить практическую службу и заняться наукою. Но на этот раз уже не классическою, а ориенталистическою. Он поступил в Специальные классы Лазар. ин-та вост. языков. Был февраль.

Разумеется я занялся с ним privatissime*, не только арабским языком, но и турецким и персидским. Лето он провел у меня в Звенигородке. По моему ходатайству переходные экзамены с 1-го курса на 2-й разрешено было ему держать осенью. Занимался он со мною упорно и, когда осенью предстал перед мирзою Джафаром[253] на экзамен персидской практики, он привел мирзу в восхищение. Я, конечно, был преисполнен гордости за него. Познакомил я его поближе с Коршем, чтобы он мог бывать у него на дому и извлечь из Корша елико возможно больше.

Все шло прекрасно, пока равновесие Ф-га опять не нарушилось. У Корша в семье ежедневно бывáла или даже просто жила

<* лат.: самым частным образом.>

подруга дочери Корша Г.Л.Масленникова. Судьба ее кое в чем была такая, как у Ф-га. Дочь богатого коммерсанта, она осталась рано сиротою, и опекун прикарманил все ее наследство. У Коршей она была на положении воспитанницы. Фрейтаг влюбился в нее и женился. Готовиться к профессуре он перестал: надо было обеспечить семейную жизнь немедленно, а в таких случаях, вопреки Цицерону, scientiae non alunt* . Фрейтаг с женою поехал на службу в Тегеран (1906) на должность чиновника русско-персидского учетного банка. В Тегеране у него родилось двое детей.

В конце концов жена стосковалась от жизни в Персии и потребовала возвращения в Россию. Вернулись. Опять, конечно, ко мне за советами, за поддержкой. Чиновничья служба, по словам Фрейтага, ему претила. Решили, что он будет готовиться к профессуре. Корш обещал уступить ему два часа лекций, как только он чем-нибудь печатным проявит себя. Я чувствовал, что Фр. не перестает быть моим родным,– и не пожалел времени для занятий с ним. Главный изъян у Фр. был тот, что история и литература плохо укладывались в его голову, тогда как чтение текстов давалось ему легко. Арабский он, впрочем, призабыл.

Осенью 1911 г. на повестку професс. совета была поставлена передача двух лекций в неделю от Корша Фрейтагу, как лектору. Обое мирз (Джафар и Абдулла Гаффаров)[254] были, конечно, недовольны появлением неожиданного intrus**, но, как язвительно заметил мирза Джафар, нельзя спорить, если Корш желает передать свою кафедру в качестве поповского прихода мужу своей воспитанницы. Словом, вопрос попал на повестку заседания.

За три часа до заседания ко мне постучался В.Данилов[255]. Я открыл дверь с неприятным предчувствием. И не ошибся. Данилов очень вежливо мне сказал: «Я пришел поговорить с вами как с честным человеком». Начало разговора не обещало ничего хорошего.

Данилов тоже мой ученик***, но оставлен он был не при моей кафедре, а при персидской, главным образом по рекомендации Вс.Миллера, потому что Данилов обнаружил интерес к осетинскому языку. Денег для командировки за границу у нас в Институте не было, но Миллер заявил Совету, что Данилов поедет на собственные деньги, в Страсбург, к Нельдеке и Гюбшману[257]. Он и поехал, но переписывался преимущественно только с Мил-

---

<* лат.: науки не кормят.>

<** франц.: посторонний, втершийся.>

*** Он превосходно писал по-арабски, переписывался с Зайданом[256], переводил его на русский язык.

лером, который от себя давал ему хорошие рекомендации к Гюбшману.

«Я пришел поговорить с Вами, как с честным человеком... Пожалуйста, прочтите письма Вс.Ф.Миллера ко мне в Страсбург».

Я внимательно прочел. Из них я увидел, что Данилов продал все, что осталось от отца, чтобы поучиться два года в Страсбурге. Миллер все время ободрял его, писал, что надо, конечно, потерпеть материальные лишения, но ведь Корш скоро умрет, и, конечно, кафедра достанется не кому как Данилову. – «А сегодня, – сказал Данилов, – намерены отдать два часа Фрейтагу, лицу, близкому к вам. Фрейтаг не больше имеет научных прав, чем я».

«Почему же Вы адресуетесь ко мне с письмами Миллера, а не к самому Миллеру?» – спросил я. – «Я обращался, но Вс.Ф. сказал, что дело идет не о передаче кафедры, а только об уступке двух часов. Часы – Корша, и он вправе распоряжаться ими, как хочет». – «Ну, а я что могу поделать?» – «Я вовсе не прошу, чтобы эти два часа были переданы мне. Я прошу, чтобы это было сделано не келейно. Пусть будет помещено в газетах объявление, как и закон требует, что в Спец. классах есть два свободных часа перс. словесности. По этому объявлению всякий имеет право подать заявление. Подам и я. Я знаю, что профессорский совет может предпочесть Фрейтага мне, это его право, но все же я желаю, чтобы мое прошение рассмотрено было наряду с Фрейтагским. Может быть, и Хашшаб, и Богданов[258], и еще кто-нибудь захочет принять участие в конкурсе. Если Институт предпочтет их, я тоже не буду в претензии. Я прошу только Вашего содействия, как честного человека, в том, чтобы передача лекций состоялась согласно закону, по объявлению в газетах».

Ясно, что мне ничего другого не оставалось сделать, как дать обещание Данилову о несодействии келейности в этом вопросе. Я пошел на заседание и, когда дошло дело до пункта о перс. лекциях, твердо заявил, что предварительно надо напечатать объявление. Изумлению всех не было предела. Лица у обоих мирз сияли. Меня поддержал Веселовский и Хаханов[259]. Тогда Корш заявил, что он передумал: он никому не хочет передавать свои часы. Вопрос был снят.

Я нажил в лице Фрейтага ожесточенного врага, в чем я и был уверен заранее. Я попытался было сказать ему, что надо скорее выдержать магистерские экзамены, и он будет избран единогласно. Он холодно отвернулся от меня, словно не слышал моих слов. И начались с его стороны всевозможные гадости про-

тив меня, старания поссорить других со мною. Внимание Аттаи он обратил на таблицу моих поправок к его «Руководству»[260] и прибавил, что я очень невысокого мнения об арабских знаниях Аттаи. Коршу передал якобы мои слова (которых я, кажется, и не говорил): «Если у Корша знаний бывает на копейку, он сумеет показать товар лицом, так что люди подумают, будто у него этих знаний есть на целый рубль» (слова эти принадлежали Вс.Миллеру, который из-за jalousie de métier* не очень жаловал Корша). Халатянца[261] Фрейтаг восстановил против меня, передавши мой отзыв: «Халатянц в арменистике ученый человек, но он глуп как 40.000 братьев». Сообщил Фр. эти слова в присутствии мирз. Джафар их не понял. Фр. должен был объяснить, что это пародия на слова Гамлета о его любви к Офелии. Разъяснение, в присутствии двух мирз, усугубило обиду. Не оправдалась арабская пословица «ма шатамак иля ман баллатак»**, – Халатянц вскипел не против «баллита», а против меня. Больше всего обозлена была против меня семья Корша. И жена Корша Авдотья и дочь Леля (приятельница Фрейтаговой жены) рвали и метали и называли мой поступок в деле Данилова сумасбродством, бесчеловечностью относительно Фрейтагской семьи, и т.п., и т.п. Слабовольный Корш подчинялся всю жизнь Авдотье и в данном случае тоже стал на стороне их и своей воспитанницы, Фрейтаговой жены.

Мне было очень тяжело. Фрейтага я искренне любил, и его вражда ко мне причиняла мне боль. Каким бы чужим ни был для меня Данилов, я все же сознавал, что я не мог не заступиться за него. Данилов больше меня ничем не утруждал***; он сделался библиотекарем восточного отдела библиотеки Рябушинского, заведовал и целой его библиотекой и оборвал все связи с Лазар. институтом, в том числе и с Вс. Миллером, который в его деле умыл руки. Какая его дальнейшая судьба, я не знаю.

А Фрейтага постигла, как выразился Абд[улла] Гаффаров, «мокафат»****. Гаффаров твердо верил, что неблагодарность получает кару еще на этом свете. и то, что случилось с Фрейтагом, он мне же привел в доказательство истины своего убеждения. Оказалось, что жена Фрейтага встретилась в Москве с прежним своим ухаживателем (племянником директора Худож[ественного] театра) Вл.Алексеевым[262], влюбилась в него и объявила

< * франц.: профессиональная ревность.>

< ** араб.: То, что тебя оскорбило, [возложи] на того, кто тебя обманул.>

*** Правда, он еще принудил меня написать Медникову письмо, удостоверяющее, что зачетная работа, которую подал Медникову Фрейтаг, сделана не Фрейтагом. Но затем он успокоился.

<**** араб.: возмездие (слово «мокафат» в араб. яз. женского рода).>

Фрейтагу о разводе с ним; детей согласилась оставить разведенному мужу. В один миг все настроения Коршей по отношению к Фрейтагу изменились; он перестал быть для них предметом заботы; сам Корш (человек, который, по выражению Щедрина, «способен был "и самому себе в глаза наплевать, и родного отца с кашей съесть"») поплыл по семейному течению и отвернулся от Фрейтага. Льстец Корша Аттая счел нужным немедленно устроить примирение со мною и в присутствии коллегии осыпал меня поцелуями. Халатянц заявил, что Фрейтаг, конечно, налгал о «40.000 братьев» (увы! именно в этом пункте Фрейтаг ничего не приврал). Словом, в Институте началась тишь да гладь да божья благодать. Вдобавок удар постиг Фр-га и со стороны Шульцев-Прове: они за что-то с ним рассорились и не пожелали помогать деньгами (я, натурально, во время выходок Фр-га не бывал у нумизмата и до сих пор не знаю, чем он его от себя оттолкнул). Фрейтаг исчез с горизонта, забравши детей, и никто не знал, куда он делся. Призабыл его и я. Думалось даже, что он умер.

Вдруг однажды вечером кто-то постучал у моей двери, и незнакомый хриплый голос попросил разрешения войти. Вошел – Фрейтаг. Он остановился у дверей и угрюмо сказал: «Я пришел к Вам сказать, что я бесконечно виноват перед Вами. Я наделал Вам массу гадостей, о которых Вы и не знаете. Но я хочу оправдаться, хочу, чтобы Вы меня поняли. Tout comprendre c'est tout pardonner*. Он виновато стоял, не смея подать мне руку. Я встал, взял его за плечи, посадил в кресло и миролюбиво сказал: «А я не хочу слушать никаких оправданий. Если есть Ваши гадости, о которых я не знаю, то лучше мне их и не знать, а смотреть на них как на нечто non avenu»**. Взор Фрейтага прояснился, и он беззаботно расхохотался. – «Да я был уверен, что Вы неспособны на меня сердиться! А все же мне хотелось бы, чтобы Вы выслушали кое-что про коршевскую сволочь». – «Оставьте, Костя! Я не хочу слушать таких выражений о Корше». – «Да я не о Федоре Евгеньевиче говорю. Он просто тряпка. Я имею в виду кухарку Авдотью, законную академика Корша супругу и повелительницу, и всю семью». Я не пожелал и этого слушать. Тогда Фрейтаг весело начал мне рассказывать о своих злоключениях, о материальных лишениях, в которые он попадал. Зарабатывал он деньги картежной игрой в Английском клубе. – «Что же, Вы там шулерничали?» – бесцеремонно спросил я. – «Нет, просто счастливо играл... Если б шулерничал, я

<* франц.: Все понять значит все простить.>

<** франц.: не имевшее место.>

бы от Вас не скрыл. Ведь что бы я ни сделал, Вы мне все равно простите!» – «Ого! какая самоуверенность! за что же я Вас должен так любить, чтобы все прощать?» – «Когда любят, тогда просто констатируют факт. Нас связали наши молодые годы, а ведь дружба создается исторически. Любовь может вспыхнуть быстро и быстро может угаснуть, дружба, создающаяся длинным рядом лет, не так легко гаснет. Да Вы, конечно, любите во мне и своего ученика, который, по Вашему мнению, Вас когда-то прославит. Вы сами как-то сказали, хоть не прямо обо мне: Я люблю тебя, как солнце любит свой восход». И он преспокойно принялся пить чай с вареньем, словно только вчера покинул мою квартиру. Я попытался отыскать в себе хоть зерно вражды к нему и чувствовал, что ее нет. – «Все же, Костя, я хотел бы знать, зачем Вы пришли. По персидской пословице, "мужичок бескорыстно не отвесит поклона" سلام روستائی طمع نیت». – «Да просто пришел помириться. С какой стати из-за Коршевой сволочи мне с Вами ссориться?!» (под этим энергичным термином он сообща разумел и свою женушку, которая его кинула). – «Ну, а нужда во мне у Вас какая? говорите откровенно». – «Да нужда, собственно, очень малая. Я еду опять в Персию и хотел бы получить от Вас полезные научные наставления. Мог бы я обратиться к Жуковскому, но от этого поляка не добьешься ничего полезного: он безучастен к желающим работать не по трафарету». – «А Вы науки бросать не хотите?» – «Ну да. Но будьте уверены, я в Лазар. Институт навязываться не хочу. Через несколько лет из меня в Персии выработается иранист, которого Институт будет упрашивать принять кафедру, а не я буду проситься в Институт».

Так просто возобновились наши отношения. Фрейтаг довольно скоро после того уехал в Персию. Последний раз я его видел в конце 1916-го г., когда он получил отпуск из Тегерана в Москву. Мы очень дружественно опять свиделись, и прощание было самое сердечное. Потом 19 лет я не имел о Фрейтаге ни слуху, ни духу. Весною прошлого года он мне приснился. Весною нынешнего года я узнал от Вас, что Фрейтаг умер.

Меня охватил суеверный ужас, когда я узнал о его смерти. Хотя он был моложе меня всего на несколько лет, на три-четыре года, я твердо был убежден, что он, беззаботный крепыш, намного переживет меня. И началось у меня странное психическое состояние. Мне все казалось, что он меня зовет, тихо, кротко, жалобно. И не только он, – меня начали нежно звать все мои умершие родные, и мать, и Микола. Зов был шепот, словно веяние ветра, словно шелест листьев. Когда-то Житецкий[263] гово-

рил мне, что он в течение нескольких месяцев слышал беспрерывный гул погребального колокола, стоило ему начать заниматься, стоило задуматься, – его мысли прерывал похоронный звон, отдаленный, но выразительный. У меня то же явление связано было с ласкающим шумом весенней природы: пока я слушал внимательно, я слышал только обычные весенние звуки, шелест молодой листвы и т.п. Стоило погрузиться в занятия – голоса природы переходили в тихий, приветливый зов близких мертвых людей, иногда над самым ухом. Шепот Фрейтага и родных был не единственный. Часто я слышал грустный зов М.С.Грушевского. Как человека, я Грушевского глубоко презирал: это был изолгавшийся интриган, клеветник и лицемер. Как ученого, я Грушевского и ставил и ставлю чрезвычайно высоко: заслуги его в создании украинской науки беспримерны. Смерть его в 1934 г. я искренно оплакивал и жалел от души, что ему пришлось умереть так плачевно. Теперь и его шепот: «пора и тебе!» я тоже начал слышать отчетливо.

Этот очень нервирующий, хотя и ласковый, зов мертвецов продолжался в моих ушах более трех месяцев. Только в августе все это исчезло. Инстинкт самосохранения подсказал мне, что надо взяться за абсолютно новую работу. Я сразу отложил обработку готовых материалов на тему «Сасанидские литературно-культурные влияния в омейядском халифате», а взялся работать над очерком «Башкирская литература»; область эта была для меня неизвестна. К началу июля очерк был готов, для него пришлось массу перечитать и синтезировать. Результатом я очень остался доволен и, вероятно, вскоре же постараюсь «Башкирскую литературу» напечатать[264]. Потом я бросился писать вступительные главы к истории хазар, так сказать, их предысторию. Эта работа кончается уже. Результат получился хороший тем, что опять душевно успокоился. По возвращении в Киев возьмусь за арабистику. Нежному зову мертвецов я, видите, не поддался.

Вместе с тем я опять в состоянии вести переписку и для обновления, как видите, посылаю не письмо, а целый фолиант.

Я получил два Ваших оттиска – о Розенберге и Френе[265]. Некролог Розенберга производит прямо потрясающее впечатление, до того он ярко написан. Ярко очерчен научный облик покойника, и потрясает вопиющий факт, что такого крупного ученого не сумели поддержать и сберечь и, в конце концов, поступили с ним прямо по-свински. Вышел у Вас не некролог, а мартиролог. А сколько еще таких мартирологов придется написать! Статья о Френе очень поучительна. По поводу мимоходного Вашего замечания о Кере сообщу Вам, что огромную связку

бумаг Кера дал мне для доклада Вс.Миллер (откуда он их взял, не помню; кажется, от Залемана)[266]. Доклада я не сделал, и бумаги остались среди той части моей библиотеки, которую я не сумел увезти из Москвы в Киев в 1918 г. Из справок, которые в 1923 г. наводил в реформированном Лазар. Институте проф. Барвинок, я узнал, что все, не увезенное мною, было перевезено с моей квартиры (она помещалась в здании Института) в библиотеку Института для сохранения, но так как я не возвращался, то все это влилось в общую библиотеку. Уцелела ли пачка Керовых работ или ее сочли старым негодным хламом и выбросили, не знаю. Быть может, Вам как-нибудь придется иметь дело с нынешним моск. Институтом, – так имейте в виду, на всякий случай, и это мое сообщение. На стр.14 Вы отметили мою заметку о Шанфаре в «Араб[ской] поэзии». Прибавлю, что в 1930 г. я в моск. Энц. Слов. Граната поместил статью «Шанфара», где больше всего остановился на Сенковском, Мицкевиче и Боровиковском (его «Фарис» – первая ориентальная вещь в украин. литературе)[267].

Хочу у Вас спросить совета. У меня готова статья, ок. 1 печ. листа, «Асадий Старший и Асадий Младший», где я, с возможной деликатностью, показываю вздорность статьи моего ученика К.И.Чайкина в сборнике «Фердовси». Куда мне ее направить? в «Библиогр[афию] Востока»? или в иранистическое отделение Инст. Востоковедения? или куда? Мне хотелось бы знать, в чьи руки она попадет в каждом из отдельных случаев. Опасаюсь при этом, что разобидится и тот, кто пропустил статью Чайкина; но не знаю, кто он – Орбели? Бертельс? или еще кто? А оставить статью Чайкина без внимания тоже не дело: не следует поощрять в нем развитие шарлатанских приемов и разухабистости в тоне при незнании элементарных фактов.

Касательно съезда арабистов в 1937 г.[268], я посылаю официальный свой ответ, или совет. Если мой совет не будет принят, то, конечно, обижаться мне нечего. Семеро одного не ждут.

Так как Ваша сестра интересуется моими стихотворениями, то прошу передать ей одно написанное на отдельном листе. Привет и ей и Вере Александровне.

Ваш *А.Крымский.*

[P.S.] В Киеве я буду около 24 октября. Со страхом помышляю о переезде в условиях нынешнего пассажирского движения, возвратившегося к нормам 1919 года.

P.P.S. Имеются ли уже в Ленинграде «Сасаниды» Кристенсена?

В ленинградскую Ассоциацию Арабистов

Только теперь имею возможность ответить на Ваше приглашение участвовать во II сессии арабистов. Я мог бы прочитать доклады на такие темы:

а) древние:

1) Культурные воздействия в древнем Йемене.

2) Мелкие глоттологические заметки касательно йеменской географии (Хым'яр и т.п.).

б) новые по новоарабской литературе:

1) Социально-экономические причины упадка средневековой арабской литературы под владычеством османских султанов.

2) Пункты европеизаторского воздействия в Сирии XVII–XVIII вв.

Что касается созыва сессии, то, по-моему, удобнее всего созвать ее в конце мая или начале июня. Про себя лично я должен наперед оговориться, что я совершенно не мог бы приехать в период от второй половины июня до середины октября. Но, разумеется, личная для меня невозможность приехать в эти месяцы не должна стеснять остальных участников сессии, которая, конечно, превосходно может обойтись и без моего присутствия.

С искренним уважением акад.
А.Крымский

Киев, вул.Малая Подвальная 3, кв.5.
15/X 1936.

18/X 1936, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я недавно послал Вам длинное письмо, а сегодня мне, с оказией, привезли из Киева два Ваших письма – открытку касательно вопроса В.Ф.Минорского и приглашение к работе по новоарабской литературе.

Книга «История хазар» не вышла. Случайно я узнал, что и Кипарисова, который предлагал мне напечатать мою работу, турнули. Во время поздней весны и лета я отделал еще и пре-историю хазар, о чем Вам уж писал.

Что касается «Очерка новоарабской литературы», то кроме чувства отрады я от Вашего предложения ничего больше испытать не могу. Начинается моя работа картиною упадка старой арабской литературы при османах ввиду общего тяжелого поло-

жения людей (пера в особенности) в Османской империи XVI–XVIII в.; тут у меня источники, конечно, не только арабские, но и турецкие (Кюнх уль-ахбар; Селяники; Рисале Кочубея Герчинского и пр.)[269], равно как польские и зап.-европейские. Отбросить эту вступительную часть мне очень не хотелось бы, потому что от нее естественный переход – к европейскому влиянию. Все остальные части работы, думаю, уж не вызовут возражений. Присылать ее к Вам не лучше ли было бы по частям? Этот прием, вероятно, и для выплаты гонорара был бы удобен. Впрочем, материальные условия предоставляю наметить всецело Вам.

Вы спрашиваете, нет ли у меня еще желательной темы в области арабистики. Такая тема, дорогая для меня, это «Очерк сасанидской литературы», весь основанный на арабских данных, с привлечением, конечно, греческих и сирских. По сути, это есть глава из истории литературы и науки арабской, а не персидской. Но пустить эту свою работу в печать я бы считал возможным лишь после ознакомления с Кристенсеновой историей Сасанидов, где, б.м., имеется и отдел о литературе, могущий, пожалуй, иногда модифицировать то или другое мое суждение. Я уже спрашивал Вас, пришла ли эта книга в Ленинград. Мне кажется, Geuthner преждевременно рекламировал ее выход в свет, и, пожалуй, она еще не кончена.

В заключение, нужно ли мне высказывать всю мою благодарность Вам? Думаю, письмо не выразит ее.

Ваш *А.Крымский*

12/XII 1936, Киев, Мал.Подв. 3, кв.5.

Дорогой Игнатий Юлианович! Подробное письмо напишу дня через два, а сейчас уведомляю, что одновременно я отправляю заказным письмом договор в трех экземплярах, подписанных мною. Отправляю, согласно указанию, по адресу Института Востоковедения (Биржевая, 1). Почта в Киеве – отвратительна. Из штемпелей видно, что текст договора был мне выслан 7/XII, а я его получил вчера 11/XII! (Из провинции, из Звенигородки, письмо приходит в Киев на 6-й день!)

Ваш *А.Крымский*

Самое задушевное спасибо!

23/XII 1936, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Задержка в переписке между нами произошла в силу некоторых материальных неудач, постигших меня. Вы знаете, что Киевщина пострадала от неурожая. Хлеба и круп в Звенигородке нет. В Киеве, как столице, все это продается без затруднения, и провинция, вместе с соседней Курщиной и даже Белоруссией, принуждена совершать паломничество в Киев за хлебом. Пришлось и мне для семьи закупать здесь хлеб, сушить сухари, покупать муку и крупы и пересылать это все в Звенигородку с «оказиями», т.е. с теми звенигородцами, которые постоянно наезжают в Киев. Приходится и платить им за их услугу. Так как осенний ремонт обуви, одежды, белья заставил меня втянуться в долги, то я пошел на тот заработок, которого под старость и ждать не мог: взял «урок». Собственно, это не «урок» в точном смысле, а научные занятия с аспирантом, желающим изучить арабскую филологию и историю литературы вдобавок к имеющимся у него основательным познаниям по древнееврейскому и арамейскому языкам, и все время надо вести занятия в духе строгой семитской сравнительной лингвистики (Брокельмана; даже Kurz vergl. Gramm.[270] он без меня постигнуть не может, я должен и тут быть его ментором). Плата за вечер (не за час) занятий – 4 р. 50 к.; за месяц – 45 руб. (каждые три дня – урок). Вперед, авансом, мне выплачено 90 р., и это дало мне возможность оплачивать пересылку хлеба к своим. В занятиях этих можно найти порядочный интерес, особенно когда приходится сравнивать оттенки семасиологии* в трех языках, такие, как значение для «амар» в еврейском языке «сказать», а в арабском «приказать» и пр., и пр., и я мог бы забыть про неслыханно низкий гонорар: ведь репетитор средней школы – и тот получает больше. Но плохо то, что десять отнятых у меня вечеров в месяц отражаются не только на моей собственной работе, но и на здоровье: я устаю каждый раз порядочно. Это и была главная причина, почему Вы не получили от меня письмо еще в ноябре. А теперь я еще и простудился. Читал лекцию Грозный о хетах[271], и я был на ней, чтобы поговорить о некоторых вопросах лично с ним. Для меня, напр., совершенно неясен тезис Грозного, что индоевропейцы пришли в М.Азию из Украины ок. 2500 года. Как будто надо такую возможность перенести на более позднее время. На Украине в это время процветала так наз. трипольская культура, конец которой, как показывает присут-

---

<* Отдел языкознания, изучающий значение слов и изменение этих значений.>

ствие бронзовых находок, должен быть отнесен уже к 1800–1700 гг. (после того трипольцы из Украины исчезают). Но если Грозный твердо стоит за то, что хетское население М.Азии констатируется за 2500 лет до Р.Х., то не значит ли это, что пришло оно не из Украины? Чтобы потолковать с ним, я досидел до конца его трехчасовой лекции в таком месте, где дуло мне под ноги. Беседа моя с Грозным не дала мне удовлетворения. Он лучше умеет читать клинопись и хетские иероглифы, чем строить общие теории, и мог мне ответить лишь: «Das ist zu erforschen»*. А простудился я, ради такого малоинтересного заключения, изрядно и взяться за перо, при тумане в голове, было тяжело. Только сегодня отвечаю.

Договор я подписал и отослал. Согласно договору мне вышлют аванс 25%. Это меня облегчит от урока, т.е. можно будет его свести к меньшему числу часов в месяц, а может быть, и совсем свалить с шеи, насколько позволит элементарная порядочность. Примите мою благодарность и еще раз услышьте от меня, что ساعى الخير كفاعله**. Насчет гипертрофии вступительных глав можете не опасаться. Шя'раний[272] заявляет [в] الانوار القدسية, что «наука среди людей исчезла с 923-го года». А это – тот год, когда Селим Грозный завоевал Египет. Для пояснения этих слов Шя'рания историческими фактами я и собрал много данных из разных источников. Но держался я правила: non multa, sed multum***, – места мои факты много не занимают, и в архитектонике работы не будет диспропорции. Впрочем, я урежу все, что только сумею урезать. Да, если Вы захотите внести сокращения, буду считать, что Вам дело виднее, чем мне – автору. Больше грозит опасность, что при окончательной обработке разбухнут не первые, а последние листы работы – о самых новых писателях. Кажется, однако, что этого Вы в вину не поставите. Впрочем, затягивать обработку на долгий срок нельзя, а потому, вероятно, отпадет и эта опасность.

У меня к Вам просьба. Вы забыли мне прислать «Абиссинские хроники»[273], полагая, должно быть, что это для меня не интересно. Напротив, очень интересно. В 1915 г., собираясь издавать III ч. «Семитских языков» уже печатно, я составил для нее довольно объемистый очерк эфиоп. литературы, куда успел включить и Ваши «Fragm. geogr. Aeth.»[274]. Потом я не переставал вносить в свой очерк дополнения и переделки, причем опять, в вопросе о Джусто да Урбино, остановился и на Вашей работе,

---

< * нем.: Это должно быть еще исследовано.>

< ** араб.: Желающий (сделать) добро подобен делающему его.>

<*** лат.: не много, но многое (т.е. глубокое содержание в немногих словах.) >

наряду с Conti Rossini и более поздним Mittwoch'ом (1934)[275]. Но первые хроники освещены у меня достаточно, между прочим благодаря и Corpus'у[276]. Однако для старейших хроник я, кроме Дильмана и Перрюшона, ничего не имел[277]. Зная Вашу аккуратность, я убежден, что и тут Вы внесли немало ценного. Или, быть может, «Абисс[инские] хроники» еще в свет не вышли? Тогда не забудьте меня после выпуска их в свет.

На этом покамест и кончу. Привет В.Ал.

Ваш *А.Крымский*

При случае, заговоривши об эф. историографии, справлюсь у Вас, когда именно, поточнее, жил «Абу-Шакир» (эф. версия – катал[ог] Дильмана № 38)?[278]

24/I 1937, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Вы не ошиблись, предположивши, что я не рискну зимою уезжать к себе в Звенигородку. Когда-то, живши в Москве, на расстоянии более 1200 верст от Звенигородки, я аккуратно мог ездить к себе и на Рождество и на Пасху, ездить с огромным комфортом и быстро, в течение менее 36 часов. Теперь, когда я, живя в Киеве, отделен от Звенигородки пространством в 189 верст, я, разумеется, лишен возможности сколько-нибудь часто предпринимать тяжелое путешествие, особенно после расстройства пассажирского движения, произведенного года два тому назад. С 1-го же января нового года новое расписание пассажирских поездов вообще уничтожило возможность для жителей Киевщины ездить по железным дорогам Киевщины. Из Киева идет на Екатеринослав и Ростов только один поезд. Я, положим, сяду в него. Доеду до Цветкова, чтобы пересесть на Звенигородку, – мне там сообщат, что согласно новому расписанию поезд на Звенигородку уже ушел час тому назад, и надо прождать 23 часа на станции Цветково. Станция – просто в степи; села поблизости нет; просидеть 23 часа надо в тесной, грязной комнате, где из-за множества народа яблоку упасть некуда. Сидеть можно только на своем собственном чемодане, наблюдая, чтобы не украли саквояжа. Отлучиться нельзя. Неудивительно, что самые неприхотливые бывалые люди – и те поняли, что путь из Киева по Киевщине – закрыт. Конечно, голь на выдумки хитра. Люди теперь ездят в Киев кружным путем, через три соседние губернии. Вместо того, чтобы из Звенигородки проехать 189 верст по территории Киевщины, люди направляются на во-

А.Я.Борисов

А.М.Шами

М.М.Аксельрод

Сотрудники миссии Хакимова в Джидде и члены их семей

Пильщики досок в Джидде (из архива М.М.Аксельрода)

Торговля вразнос в Джидде (из архива М.М.Аксельрода)

А.Е.Крымский

И.Ю.Крачковский в президиуме Ассоциации арабистов

Ф.М.Маркин на практике с товарищами в 1925 г.
(сидит на полу справа)

Сотрудники отделения Русскербанка в Ширазе и обслуживающий персонал
Начало 1930-х годов (из архива Ф.Маркина)

сток, к Днепру; у Черкас переезжают Днепр по железнодорожному мосту, въезжают в Полтавщину и достигают той дороги, которая от южных морей ведет в Москву. Садятся в московский поезд, но до самой Москвы не доезжают, а высаживаются на той узловой станции, откуда линия ведет в Черниговщину. Через Черниговщину вновь переезжают Днепр и въезжают в Киев с севера. Иные предпочитают направиться из Звенигородки на Запад, в Подолию, к Днестру, но немного не доехавши до Днестра, садятся в Вапнярке на тот поезд, который через Винницу, и Жмеринку, и Волынь доставит их в Киев с западной, польской стороны. Конечно, при этом приходится делать по три пересадки, но как-никак объездное круговое сообщение с Киевом установилось, и я уже отправляю хлеб и крупы в Звенигородку этим новым путем, так что семья не рискует умереть с голоду. Но лично для меня этот путь зимой невозможен.

Тоскливо делается на душе, но утешаю себя мыслию, что скоро придется совершить последнее путешествие туда ὁποῦ οὐκ ἔστι οὔθ' ἡ νόσος οὔθ' ἡ λύπη οὔθ' ὁ στεναγμὸς οὔθ' οἱ τῆς κιοβίας σιδηροδρόμοι καὶ «εὐθεῖαι» ἀμαξοστοιχίαι οὔθ' ὁ ἐν Ἴξβεταίβ φοβερὸς σταθμός*.

Вы мне доставили чрезвычайно приятный сюрприз, прислав список Ваших работ. Прежний, при V томе «Записок»[279], не был maniable** из-за большого размера «Записок». Но я жалею, что составители опять прибегли к хронологическому, негодному реестру, а не дали систематического списка по отделам. Систематический реестр был бы и для пользования более удобен, а кроме того, выразительнее очертил бы Вашу работу, воочию показал бы всем с рельефностью те несколько зданий, которые Вы возвели и в которых каждый кирпич на своем месте. Возможно, что и Вы лично, взглянувши на систематический список своих работ, не решились бы скромничать и (думаю, не без известного кокетства) не отважились бы уверять меня или кого, что Вами мало сделано. Нет, сделано очень много, и след в арабистике Вы оставили надолго. У меня грустные мысли о Вас при просмотре списка тоже мелькали, но не в том направлении, как у Вас. Глядя на работу Вашу 1920-х гг., я с горечью думал, что напрасно тут отсутствует das noch zu schreibende Werk***, которому Вы, на манер Сильвио Пеллико[280], с успехом могли бы

< * греч.: «где несть ни болести, ни печали, ни воздыхания» (Литургия Иоанна Златоуста), ни киевских железных дорог, ни «прямых» проездных билетов, ни ужасной станции в Цветково.>

< ** франц.: удобный в работе.>

<*** нем.: труд, который должен быть написан.>

дать заглавие вроде «Le mie prigioni»* с подзаголовком: Aggiunti – due capitoli supplementari: «I miei (e della mia sposa) tormenti dal freddo e della fame»**. Этого сочинения Вы, конечно, уж не напишите, и эти части Вашей автобиографии забудутся... Puo darsi dal resto, dopo la di Lei morte si troverà un teste oculare (fors'un discipolo qualcuno) che avendo preso nella mano una penna acutamente tagliata descriverà con veracità tutte le torture inaudite che Ella avea sofferte***.

С горечью смотрел я и на реестр Ваших печатных работ от первого юбилея до второго. Казалось бы, это был самый удобный период для печатного проявления себя там, где Ваши юбилеи были отпразднованы. На деле ж Вам была дана возможность развернуться в самой малой степени, а самые важные Ваши труды могли увидеть свет лишь за границей. И на международный конгресс ориенталистов Вас не откомандировали.

С увлечением прочитал я и «Абиссинские хроники». Своеобразный язык Тураева, полный архаизмов, придает им особую прелесть и вновь заставляет вспомнить самого Тураева, одного из симпатичнейших ученых, каких я видел, с иконно-египетским обликом, который к нему так шел. С печалью увидел я, однако, что Тураев не успел перевести двух хроник, лично для меня самых интересных: Сарса Денгеля и Сусенйоса. Сусенйоса было в Киеве (в переводе Перейры)[281] три экземпляра; но когда я в позапрошлом году просил мне эту хронику разыскать, разыскать почему-то никак не могли. Быть может, зачитали те, кто работал над одновременной унией на Украине и черпал параллели из истории иезуитской деятельности в Эфиопии. Ваши вступительные статьи, удобочтимые для широкой публики, мне лично на этот раз ничего не дали. Корректура далеко не безупречна. Когда-то Шахматов мне писал: «Корректур можете держать семь, восемь, сколько нужно, чтобы ошибок не было». По-видимому, типографские рабочие этот хороший академический обычай отменили. Едва я взглянул в оглавление (на стр.188) и захотел отыскать «хронику» Зара'а Якоба, показанную по оглавлению на стр.35, я сейчас же поймал опечатку: «надо стр.55». В вашем

< * итал.: «Мои узилища».> Впрочем, больше в духе Сильвио Пеллико было б заглавие: I miei freddori, le mie affamazioni. <Мои страхи, мои переживания.>

< ** итал.: Присовокупление – две дополнительные главы: «Мои (и моей жены) мучения от холода и голода».>

<*** итал.: Но может так статься, что после Вашей смерти найдется живой свидетель (может быть, какой-нибудь ученик), который, взяв в руки остро отточенное перо, правдиво опишет все неслыханные превратности, которые Вы претерпели.>

предисловии к Амда Сиону (стр.11) есть невинная опечатка «митропилит», но во вступительном предисловии на стр.5 вкралась очень неприятная опечатка: год смерти Зар'а Якоба показан «1458» (вм.1468)*. Попадаются и другие (на стр.116 Rasset вм. Basset)[282], которые, впрочем, не мешают чтению; на стр.148 в сноске «см.пред.» – сбивчиво, надо было полностью «Предисловие». Незаконченность, вызванная смертью переводчика, несомненно, сказывается на тексте даже после Ваших дополнений. В то время как в других местах Тураев аккуратно указывает пояснительные параллели из Библии, на стр.132 осталась необъясненной «жертва гумна Орны»; думаю, не каждый обязан помнить «Книгу Царств» (II, 24), и это место безусловно нуждалось в объяснении. На той же 132-й странице Тураев объяснил «сирийскую книгу небесной сферы» как «Книгу Эноха»[283]. Правильно ли это? С таким же, если не большим, правом можно было бы тут видеть намек на эфиоп. перевод первой части Агапия Манбиджского из сев. Сирии, отрывок из которого имеется в Вашем издании. – На стр.150, примеч.6, ссылку Аввакума на то, что эфиопы владеют свв. местами в Иерусалиме, Тураев пояснял: «может быть, потому, что в Иерусалиме пребывает коптский епископ». Нет, не потому, а потому, что копты с абиссинцами действительно имели в руках часть свв. мест, и «место пения петуха» (обличившего Петра) оставалось в их руках даже до последнего времени. На стр.167 (ссылка 1) Тураев признается, что ему непонятно выражение: «или считать мне его (= день гибели Клавдия) вышедшим из числа, как два дня месяца сабата?» Тут Вы лично от себя имели б право сделать ссылку на известное Вам, конечно, арабское выражение: «митл йомейн мин шбат»**; речь идет о двух последних днях февраля месяца, которые логически должны бы существовать, но на деле являются не существующими в природе. Среди арабов (а Аввакум и был араб) это выражение вовсе не необычное, и, наверное, Вы его лично слышали. – На стр.166 (ссылка 1) читаем: «память аввы Такла Махбара, учителя царей, второго Аргония», с примечанием Тураева: «неизвестное, вероятно, искаженное имя». Думаю, едва ли может быть сомнение, что речь идет о «втором Аристотеле» [ارسطو, ارسطا][ليس], учителе Александра Македонского***. Как он превратился в эфиопской рукописи в «Аргония»,

---

*Едва я написал эти слова и взял книгу в руки, вдруг мне на стр.55 попалась аналогичная ошибка (конечно, опечатка) и у Тураева. У него Зар'а Якоб царствует до 1478 г.

<** араб.: подобно двум [последним недостающим] дням февраля.>

*** Аввакум, надо помнить, сугубо занимался историей Александра Македонского. К тому же (гл.75) он прямо сравнивал Галавдевоса[284] с Александром

не берусь решить (у меня в комнате нет даже текста Галавдеоса под рукою), но полагаю, что араб Аввакум мыслил معلم الملوك ارسطا الثانى * и воспроизвел эфиопскими буквами Аристотелево имя как-нибудь вроде አርሰጥ... а копиист сделал из этого አርጉኒ. Может быть, конечно, придется придумать другой графический путь (палеография тут поможет больше), но, повидимому, имеется так или иначе в виду Аристотель.

Я читал «Абиссинские хроники», разумеется, не как рецензент, а как обычный средний читатель, желающий просто получить научное удовольствие от курсорного чтения хороших работ. Поэтому мои замечания – беглые, случайные. Поделился я ими с Вами на всякий случай: б.м., Вы, как редактор-издатель «Хроник», еще вернетесь к этому предмету, и мои замечания натолкнут Вас на некоторые мысли.

С «Абу-Шакиром» дело обстоит не совсем благополучно. Вы, ссылаясь на Баумштарка и Шейхо[285], повторяете обычное утверждение: «умер в конце XIII в.». В этом утверждении основа, как полагаю, может быть только одна: существует сочинение, подписанное именем (того же?) Бутроса и датированное 1282 годом, – отсюда и заключают, что Бутрос «Абу-Шакир», начавши писать свою историю в 1257-м г.**, прожил после того еще 25 лет, а умереть мог «в конце XIII в.». Так как историю писал он, вероятно, уже в пожилом возрасте, то у меня возникло подозрение, ему ли или другому лицу*** принадлежит канонический трактат 1282 г., и оттого я задал Вам вопрос, не известны ли Вам данные поточнее насчет года кончины «Абу Шакира». Повидимому, придется мне остановиться в вопросе о годе смерти на том, что общепринято. – Второе неблагополучие – имя историка. И Ecchelensis и Assemanius[286] читали его имя без «ибн», просто «Petrus Rahebus». Был ли это результат известной прюдности? коробило ли их имя: «сын монаха»? или же на самом деле они нашли в рукописях отсутствие «ибн»?**** Но с этим «ибн» или «не-ибн» успокоиться легко. Большую неуверенность вызывает во мне кунья «Абу Шакир». Если не ошибаюсь, более или менее широко утвердил ее эф. каталог Брит. Муз. Дильмана (№ 36). Но у арабистов имя искони читалось «Абу Шюкр», и так вошло оно в историю арабской литературы; срв. Вюстенфельд № 360 (стр.345), Броккельман [Geschichte] I, 349; Huart: Litt. arabe, стр.208; понятно, Пицци, стр.226[287]. Броккельман в очерке

< * араб.: учитель царей – второй Аристотель.>

** Так выходит из предисловия. Год 1259 – завершение.

*** сыну?

**** Или же историк был ар-Рâhиб, а канонист ибн ар-Рâhиб?

христианской араб. литературы, составленном четыре года спустя после издания Шейхо, совсем избежал кун'и, у него просто «Бутрос ибн ар-Рâгиб», без прибавки «Абу Шюкр» (или «Абу Шâкир»), и Вы в своем переводе (стр.7) тоже не сочли нужным давать обозначения с «Абу...». В настоящее время, как я могу заключить из Вашего письма, имя «Абу Шâкир» является для Вас уже не именем в кавычках, а полноправным.

Мне было бы очень желательно знать, почему для Вас кун'я «Абу-Шакир» сделалась предпочтительнее, чем Абу-Шюкр.

Оставил ли бар. Розен перевод всего текста бомб. изд. «Варлаама и Иоасафа»[288] или только притч?

Привет Вашим. Не думал, прощаясь с Вами в 1935 г., что придется еще когда-нибудь свидеться; а вот же, кажется, придется, раз съезд арабистов утвержден.

Ваш *А.Крымский*

26/I 1937. Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Не могу не поделиться с Вами чувством глубочайшего возмущения по поводу нового оскорбления Всесоюзной Академии наук, нанесенного книгою «Абиссиния»[289], с Лукницким в центре.

Книга эта получена в библиотеке у нас, оказывается, давненько, но находится она в так наз. «обработке». На дом взять я ее из «обработки» не мог, а потому проглядел ее в самой библиотеке, истративши на это дело часа $1^1/_2$. Но и этого времени было достаточно, чтобы распознать такое «добро».

Прежде всего я бегло просмотрел (кажется, вполне приличную) статью Юшманова о языках. Правда, в общем это болтовня, un quazzabuglio di parole*, и перевод статьи Cohen'a в сборнике «Les langues du monde»[290] принес бы читающей русской публике, конечно, много больше пользы. Но, сколько я мог заметить из чрезвычайно беглого просмотра, у Юшманова нет ничего возмущающего. Гораздо неприятнее – впечатление от статьи Проскуряковой о литературе. В ее глазах – эф. литература представлена вполне прилично записями народного или полународного этнографического материала (с газетными воззваниями включительно); а ту эф. литературу, которая составляла духовную пищу страны полуторы тысячи лет, Проскурякова предпочла смазать, обойти общими местами, причем обнаружила и свою

< * итал.: букв. нагромождение слов; болтовня.>

историко-литературную безграмотность. В ее понимании, рассказы о чудесах «могли бы послужить хорошим сюжетом для рассказов Боккачьо» (стр.294), но они «знакомят нас с бытом и нравами монастырей и духовенства абиссинского», и для примера приводится «сложившийся в абиссинской монастырской среде» рассказ о том, как папа римский Пахомий «ограбил свою церковь». Взяла Проскурякова этот рассказ из «Мелких текстов» Тураева[291], но не заметила, что сборник, источник этого рассказа (я разумею «Таâмра Денгель»), сложился никак не «в абиссинской монастырской среде», а имеет основу западноевропейскую, оттого и повествует про Испанию, Италию, о-ва Средиземного моря и пр. Кто бы его ни составил, Ильдефонс Толедский или кто иной, сборник не переставал быть источником вдохновения для крупных европейских талантов. Проскурякова, советуя покойному Боккачьо использовать «абиссинские м[онасты]рские» темы для «Декамерона», вероятно, и не подозревает, по своему невежеству, что даже в наше время сборник «Чудес Марии» способен вдохновлять мощных писателей. Наглядный пример – драма «La soeur Béatrice» Метерленка о монахине, которая бежала с возлюбленным, а Богородица ее замещала в обители несколько лет. Это ведь та самая тема, которая в «Таâмра Денгель» является под № 158 (по описанию спб. рукописей Аз. Музея Тураева)[292]. Вместо того, чтобы использовать подобный случай для освещения связей эф. литературы с мировой, Проскурякова пустилась на глупые зубоскальства. По невежеству, разумеется.

Все же и Проскуряковой статья может еще быть читаема. Сплошной позор – шарлатанская статья Лукницкого по эф. истории.

Кто он такой, этот Лукницкий? Занятная фигурка!

Я прежде всего остановился на стр.359, где Лукницкий дал таблицу абиссинских негусов с XIII в. Беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться, насколько Лукницкий незнаком даже с элементарными вещами касательно востока, и в частности Абиссинии. Он даже имен абиссинских в европейской транскрипции не в силах прочитать. Некогда вершитель и повелитель востоковедения в СССР Вельтман-Павлович[293], умерший лет десять тому назад, считал нужным читать французское ch за «х», и оттого название парижского органа турецких конституционалистов Павлович передавал через «Мехрутиет» (La Méchroutiette), Лукницкий решил наоборот – читать, где только можно, звук «ш», а так как европейская транскрипция «ṣ» для абиссинских букв ጸ и ፀ оказалась похожа на «ṣ» в унифицированном латинском алфавите советских республик, то Лукницкий зап.-евр. «ṣ»

читал за «ш»*. Таким образом, у него на стр. 359 оказались негусы: Иеш̲ак (сам Лукницкий живой ишак!), Ашрар Сагад, Дшахай Сагад, Ашма Георгис, Баала Шегаб, Шезкеяс (с пояснением: Иезения). Простое «s» между двумя гласными Лукницкий транскрибирует как «з»: Анбаза, Мазих. А имя Сусенйоса у него и на стр. 359, и 362–363, и везде пишется не иначе как «Сусейнос».

Излагая историю Абиссинии при помощи двух-трех зап.-европ. трудов, Лукницкий делает ссылки не на них, а на их источники, якобы он сам их читал. Но самый способ цитирования тех книг, которых он не видел, выдает его с головою. Он ссылается (стр.323) на Людольфову Historia Aethiopica с добавлением места ее напечатания: Francfurt am Main, 1681; но кто держал историю Людольфа в руках, тот знает, что на титуле напечатано по-латыни (а не по-немецки!): «Francoforti ad Moenum»[294]. Упоминая португальцев XVI в., Лукницкий делает ссылки на их старопечатные издания, будто бы он их видел; но взгляните (стр.387) [на] слепо передранный португальский текст («Historia Dar Cousas» и пр.)[295], и Вы усумнитесь, понимает ли Лукницкий по-португальски вообще. Сомнение подкрепляется и передачею португальских имен (стр.391): Нуньонц, Родригец и Диас. Сомнительно, читал ли он что-нибудь из работ Schlumberger'a, если он даже фамилию его процитировать правильно не может и называет его «Шлюмберг» (стр.317). На аналогичные подозрения наводит форма имени «Перрушон» (стр.319) и, пожалуй, «Лагарде» (стр.341).

Храбро ссылается Лукницкий на никогда не виденные им греческие тексты. Он отсылает читателя (стр.325) к 18-й книге географии Страбона, не ведая, что всех книг у Страбона только 17. Государство парфян титулуется у Лукницкого «Парфой» (стр.342). Не боится он сослаться и на Афанасия Великого[296], благоразумно, впрочем, отметивши на этот раз и Бента, но тут же проявляет свою темноту, сообщая, что Афанасия не желали представители «арийского толка» (стр.351); вероятно, «арийский толк» рисовался Лукницкому чем-то вроде гитлеровского учения о расовости.

Арабские источники (явно из вторых-третьих рук) с не меньшей развязностью привлекаются у Лукницкого. Особенно, по уверению его, помогли ему осветить события «Макризи и

---

* Искать другое объяснение, фонетически-диалектологического характера, не приходится ввиду элементарной неосведомленности Лукницкого. Тут же ⲥⲛⲁⲁ:ⲁⲃⲥ фигурирует у Лукницкого как «Анбаза Бацар», а ⲁⲥⲃ как «Сарса». Использованы разные транскрипции.

Эн-дин Ахмед» (стр.322). Догадайтесь, кто это «Эн-дин»! вероятно, Шиһâбеддîн. Мамлюкский султан Египта 1325 г. назван у Лукницкого «ан-Назир» (стр.379). «Черная река» по-арабски, говорит он (стр.402), называется «Бар эль-Асват». С таким явным незнанием элементов арабского языка Лукницкий пускается и в арабскую, притом даже южноарабскую, этимологизацию. Вот это прекрасное лингвистическое место (стр.327): «Южной Аравии абиссинцы обязаны самим названием "Абиссиния", которое произошло от арабского (южного!) слова «Хабеш», собственно "Эль-Хабеш"». Это южноарабское «эль» меня растрогало даже, свидетельствуя о неустрашимости Лукницкого. – Кстати сказать, на стр.352, связывая историю Абиссинии VI в. и Йемена, Лукницкий даже словечком не обмолвился о персидском сюзеренстве над Йеменом, о возможности культурных иранских влияний и т.п.

Если бы я дальше перелистывал мазню Лукницкого, я бы, наверное, нашел в ней еще много «добра» (ах, да! случайно раскрывши конец статьи на стр.422, я неожиданно узнал от Лукницкого, что в 1899 г. был убит Иоанн IV, и негусом Абиссинии сделался Менелик). Но и того, что я нашел при беглом перелистывании, достаточно было для меня, чтобы опознать в элаборате Лукницкого лепет гимназиста, не больше, непристойный, конечно, в академическом издании и куриозный. Но я не мог читать без возмущения наглые отзывы этого невежды о тех ученых-абиссиноведах, из которых он почерпал свою премудрость! Он ругает Беджа[297] (стр.315) за «беспомощность системы и метода», хотя как раз из Беджа и черпает преимущественные сведения (это иногда видно и из ссылок на Беджа). Наглее его развязность – в отзыве об истории Эфиопии Конти Россини, которая, по словам Лукницкого, вышла в свет в 1928 г. в двух томах (стр.316). Вы и я, долго еще после того обращаясь с запросами за границу, получали насчет II тома неизменный ответ: «e in preparazione»* и принуждены были довольствоваться только I томом, доведенным лишь до XIII в. А шарлатан Лукницкий недвусмысленно дает понять, что у него, в 1928 г., уже были в руках оба тома Конти Россини, доведенные до «современной Абиссинии», но критикует Лукницкий Конти Россини [за то, что] мы из двухтомной истории Конти Россини почти ничего не узнаем о «материальном производстве» Абиссинии, «древней, средневековой и современной». Шарлатан не боится давать отзыв о той части, которая была только in preparazione.

С омерзением читал я у Лукницкого (стр.317–318) строки, посвященные Тураеву, украшению русской науки. Мизинец Ту-

---

< * итал.: находится в подготовке.>

раева (да что мизинец! ноготь на мизинце Тураева!) больше понимал историю Эфиопии, чем весь Лукницкий, со своею головою, руками и ногами. А Лукницкий с глупой усмешечкой упоминает «маститого» Тураева, который не мог пойти далее «житий абиссинских святых»; и в выноске (стр.318) Лукницкий отмечает в качестве «жития абиссинского святого» известные исследования «Зара Якоба» (пожалуйста, взгляните сами в книгу – иначе не поверите!) и тут же к разряду «житий абиссинских святых» причисляет «Варлаама и Иоасафа». Очевидно, этот невежда даже не подозревает всемирного значения аналогов сборника «Варлаам и Иоасаф» и считает Варлаама и Иоасафа за абиссинских местных святых.

Не знаю, шарлатанством, невежеством или бесцеремонностью и фальсификаторством надо объяснить подпись под картинкой на стр.361. Это – в отделе о средневековой Абиссинии с XIII в., и Лукницкий сообщает в тексте о разных преступлениях царей амхарской Соломоновой династии; картинка, значит, должна относиться к их же периоду. Подпись: «Царь пронзает ногу певца» – очевидная параллель к тирану Иоанну Грозному и Ваське Шибанову. Оригинал – в музее ИАЭ. Знал ли Лукницкий, что на деле мы имеем сцену не из XIII в., а из VI-го и что царь (Габра Маскал) вместе с певцом Яредом, увлекшись вдохновенным пением,даже не заметили, что копье попало на ногу певца? Если знал, то переделка двух этих святых в Иоанна Грозного и Шибанова является сознательным подлогом исторических фактов. А если не знал, то это лишний раз свидетельствует о его полном невежестве в той области, о которой он дерзнул по-шарлатански писать.

Я держал книгу «Абиссиния» не более $1^1/_2$ часа в руках – и на душе, после чтения всех беззастенчивых гнусностей шарлатана Лукницкого, осталось невыразимое омерзение, словно я побродил по сорной свалке, среди смрада и экскрементов. Но ведь «Абиссиния» – это ж академическое издание и имеет марку: «Академия Наук СССР» на самом видном первом месте, Игнатий Юлианович! Дорогой Игнатий Юлианович! да неужто не было никого в Академии, чтобы разоблачить эту возмутительную антинаучную стряпню?! Неужели каждый нахал, по пословице «кто палку взял, тот и капрал», имеет возможность представлять для напечатания «по распоряжению Академии Наук» всякие архибезграмотные издания?! И никто не смеет его одернуть?!

Кто он такой, этот Лукницкий? Чувствует ли он себя безнаказанным в качестве партийника (я о таком не слыхал), имеющего за собою крепкие плечи? Или он не партийник, а просто нахал, рассчитывающий на безнаказанность просто в силу своего нахальства?

Сейчас, когда я пишу Вам, поздняя ночь. Может быть, устал я просто за поздним временем. Но внутреннее ощущение говорит мне, что я не просто устал, а нравственно разбит ввиду торжества безграмотных невежд. За русскую науку обидно!

Ваш *А.Крымский*

11/IV 1937. Киев

Дорогой Игнатий Юлианович! Ваше заказное письмо [от] 2 января я своевременно получил. Но я там не нашел ответа на интересовавший меня вопрос: как же мы должны величать Бутроса ибн ар-Рâхиба? «Абу Шюкр» или «Абу Шакир»? Если Вы стоите за «Шакир», то почему? Или и для Вас, как для меня, этот вопрос не ясен. Поделитесь своими мыслями со мною.

Некролог Тураева Вы мне не присылали, и я прямо жажду его прочитать[298]. Да и много, что указано в списке Ваших работ, я не имею. У меня нет № 328 (статья в Enz.d.Isl. о Фархате), № 332 (о Джусто да Урбино, 1935) и др. Сию минуту, когда я пишу это письмо, принесли мне Ваши присылки (Культ. Андалусии, и пр.)[299]. Спасибо!

Аванс от Института я получил, – благодаря, конечно, Вам. От ученика избавиться вполне – дело уже нелегкое. Он официально уже прикомандирован ко мне. Платить за занятия с ним мне будут 180 р. в полугодие. Цифра, конечно, смешная, но отказаться от занятий нельзя ввиду официального обращения ко мне от Наркомпроса и у-та. Все же число часов с ним я сократил, потребовавши, чтобы мне дали помощника, который бы натаскивал моего аспиранта в грамматике, переводах и т.п. После некоторых колебаний согласились на мои требования пригласить Кезму, и теперь он уже штатный доцент у-та. (Его труд, конечно, лучше оплачивается, чем мой.) Я был очень рад восстановлению попранных его прав.

Работаю над «Новоар. литературой» с огромным удовольствием и увлечением, и на душе приятное настроение не прекращается. Работа идет производительно, однако не производственно, не так, как требовал бы стахановский метод. Стахановец стремится к идеалу – работать скорыми темпами и производить побольше, не заботясь о качестве, т.е. давать определенную дрянь и брак. Меня этот идеал абсолютно не пленяет, и я работаю медленно, хотя тружусь с утра до поздней ночи, забывая об отдыхе. Но, как Вы из личного опыта знаете, чем внимательнее Вы занимаетесь, тем больше находите недочетов в себе. Кроме того, многое невольно разрастается больше, чем это для задачи

было бы нужно. Два года тому назад я получил книгу «Зикрâ ш-шâ'ырейн» о Шовкые и Хафизе Ибрахиме[300]. Еще до заключения контракта с Институтом я этот материал широко использовал, и получилась очень большая, думаю интересная, статья. Для «Очерка новоар. лит.» статья по своим размерам не подходит. Пришлось посидеть над нею порядочное время, чтобы сократить ее, без ущерба для живости стиля, в размере, пригодном для простой главы. Много непрактичнее вышло у меня дело с главою о народных романах, которая вовсе не была еще написана, но для которой подобран был у меня годами очень обильный материал. Как все, что связано с фольклором, тема меня чрезвычайно увлекла, захвативши собою чуть не два месяца труда. В конце концов получилась и не глава, и не статья, а чуть не целая книга. Я решил было отдать ее переписчице для переписки, чтобы сокращать уже прилично переписанный экземпляр. Она, образованная и знающая языки[301], повозившись с моими клочками бумаги, унизанными крайне мелким бисером письма, принуждена была мне заявить, что не в силах понять моего черновика, с помарками и надстрочными вставками и т.п. Пришлось не переписывать того, что я уже составил, а взяться за составление конспекта из него, обескровливая свое исследование насколько возможно. Это уже сделано, однако делал это я с огромным сожалением, понимая все же неизбежность такого кастрирования. В иных случаях, как со страницами о М.Абду, шла и идет у меня работа в двух противоположных направлениях. С одной стороны, я уж сократил многое в очерке деятельности Абду, свел его биографию до минимума; а с другой стороны, нахожу желательным остановиться на его полемике с Ганото об исламе[302] и на его влиянии в литературной деятельности русского татарина И.Гаспринского[303], с которым я очень близко был знаком, даже дружен. Наиболее затруднения причинили мне лично Вы, своими исчерпывающими работами об отдельных авторах и моментах. После Ваших работ, напр. о Тахе Хосейне[304], что́ мне осталось сделать, как не обворовывать Вас, повторять Вас? В широких размерах производить такое обворовывание, в платной (!!) работе, я постеснялся; и в тех случаях, где у Вас все нужное уже сказано, я был краток, отсылая русского читателя прямо к Вам. Но от этого, как мне теперь ясно, получилась у меня то там, то сям архитектурная несоразмерность: подлинным корифеям литературы, которых Вы осветили достаточно, иногда у меня оказалось посвящено меньше страниц, чем тем писателям, на которых Вы не останавливались. Придется, очевидно, произвести и тут уравновешение, подбрасывая разновески на более легкую чашку весов и снимая кое-что с другой чашки.

Вот так идет у меня работа, очень для меня приятная, очень для меня самого поучительная. Собственно, Вы принесли крупную жертву, отдавши эту работу мне: Вы ее бесконечно лучше исполнили б. Замечу при случае, что Ваше, по скромности сделанное когда-то, замечание о Гиббе как об исследователе, который в данной области ушел якобы дальше Вас (так Вы мне когда-то написали), – безусловно неправильно[305]. У Гибба, конечно, интересно рельефное понимание гражданственности течений, свойственное каждому англичанину (вспомните и сравните историю Греции у Грота – и у Курциуса)[306], но он лишен художественного чутья, помогающего интуитивно разбираться в литературных явлениях. Я абсолютно не имею сведений и представлений о личности Гибба, но на меня, издали, он производит впечатление, во-первых, еще совсем молодого исследователя, во-вторых, по временам скоропалительного. Может быть, я в обоих случаях ошибаюсь (Вы-то Гибба хорошо знаете, и, если окажется, что мое подозрение о «молодости» Гибба резко неправильно, Вы лишь развеселитесь), но во всяком случае чрезмерно возвышать этого англичанина я лично не стал бы.

Если Вы видаете Салье, пожалуйста, напомните ему о его обещании как-нибудь облегчить мне приобретение «1001 ночи»[307]. Он мне подарил т. VI, я имею возможность пользоваться томами I–II; но тт. III, IV, V (а быть может, уже вышел и т. VII) мне недоступны. Я, в благодарность, могу ему подарить Юбилейный сборник Всев.Миллера[308], где половина статей востоковедная; а все издание сгорело ок.1905 г. во время пожара склада в Политехническом московском музее.

Привет Вашим. Пожимаю руку

А.Крымский.

Не отменен ли съезд арабистов? Если нет, то установлена ли для него уже дата?

2/VI 1937, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович! Как видите из даты, я в Звенигородке. Прибыл без особых приключений, если не считать чудовищной переплаты за проезд, вызванной расстройством железнодорожного сообщения. Обычно билет из Киева по ближайшей линии стоил 17 р. 50 коп.; за два билета (я ведь должен ехать со спутником) – 35 рублей. Теперь пришлось проехать сперва в Подольскую область, до Вапнярки (цена двух билетов 130 рублей – пришлось взять мягкие места), а от Вапнярки –

назад на Киевщину до Звенигородки (40 р. без 19 копеек); итого 170 рублей вместо нормальных 35-ти. Утверждают, что почти полное уничтожение пассажирских поездов сделано для упорядочения грузового транспорта. Но мы в Звенигородке (и вообще в провинции) и этого не ощущаем. Звенигородка, как и прочие пункты Киевщины, сидит без хлеба: нет привоза муки. На пекарню отпускается мука в количестве тридцати хлебов; очередь устанавливается еще до рассвета, но, когда начинается выдача этой несчастной цифры хлебов, очередь превращается в «живую», со свалками, потасовками и т.п. Я привез из Киева два пуда муки, и мы печем хлеб дома; в дальнейшем придется выписывать муку опять-таки из Киева, через знакомых. Тут в рабкопах продают муку только в размере одного кило, да и то – самых дорогих сортов. У колхозников купить муки нельзя, потому что они еще осенью должны были уступить зерно государству, в качестве излишков, по «устойчивой» цене, т.е. 89 копеек за пуд, и теперь для продажи ничего не имеют. Если добавлю, что нет в продаже керосина, нет досок для поправки падающего забора, нет гвоздей, нет краски, то Вы сами легко дорисуете картину нашего провинциального убожества.

Я сперва очень тяжело перенес первые впечатления экономической здешней разрухи, но затем, в научной работе успокоился и работаю с очень хорошим настроением духа. Начисто переписано у меня довольно немногое. Я все больше обрабатываю, вразброс, не в хронологическом порядке, те главы, для которых нет материала в Ваших работах. Последний, тщательно (и, кажется, вполне интересно) отделанный у меня автор – Мохаммед Осман Джаляль[309], о котором есть несколько строк и у Гибба, но с довольно обычною у него неряшливостью. Мелочь, но характерная. Гибб счел возможным отбросить его имя «Джаляль»* и систематически титулует его: «Osman Galal» (Studies I, 748; IV, 2–3); его пример бессознательно сбил и Кампфмейера, вообще-то аккуратного, но в данном случае доверчиво невнимательного (Mitteilungen, XXXI, 174, в рецензии на Гибба). Не менее характерна для «pête-en l'air»**-ства Гибба мелочь: в Study IV, специально озаглавленной The Egyptian Novel[310] и обязанной очень тщательно считаться с хронологией изданий, Гибб считает достаточным датировать появление «Поля и Виргинии» в Джалялевой обработке самым неопределенным образом: «before*** 1892» (стр.2). Но ведь в автобиографии Мохаммеда

< * По-видимому, описка, читай «Мухаммед».>

< ** франц.: неряшливость.>

<*** англ.: до.>

Джаляля мы имеем определенное показание 1285 (=1868); разница в четверть столетия. Я готов отдать должное некоторым наблюдательным замечаниям Гибба, но меня раздражает постоянная необходимость держаться по отношению к нему начеку. Ставить на одну доску Кампфмейера и Вас – и Гибба (как это Вы скромно делаете сами) я никак не могу. Да и с Кампфмейером я не желаю принять Вашего о себе сравнения. Кампфмейер – чрезвычайно симпатичный собиратель всяких «Beiträge»*, за которые и я, и многие дальнейшие исследователи новоарабской литературы всегда будем ему признательны; но он все же только собиратель сырого материала. А Вы действительно историк литературы и, как верно охарактеризовал Вас Кампфмейер, создатель истории новоарабской литературы. И притом у Вас есть дар, которого нет ни у нагромодителя материалов Кампфмейера, ни у хаотического прыгуна Гибба – художественность изложения. У Вас есть и умение быть исчерпывающим собирателем сухих данных в такой системе, что сухие мелочи теряют свою сухость, будучи вставлены в надлежащее место и не утруждая читателя: читатель их усваивает «по́ходя», и не утомляется его внимание. Не скрою, художественная содержательность всех Ваших, даже коротких статей иногда заставляет меня беспомощно разводить руками и юмористически сердиться: «Ну, что нового могу я здесь сказать после Крачковского?!» У меня еще не отделана оставленная напосле статья «Хассун и Фâрис аш-Шидйак». Шидйак будет у меня освещен много подробнее, чем у Вас, потому что Вы его вообще касались лишь мимоходом. Но Хассун? Пускай прибавлю я две-три полезные библиографические черточки, – но все нужное, все существенное, полностью сказано уж Вами, и даже сократить Вас без ущерба для дела нельзя сильно. Придется заимствовать Вас не в виде обкусанных кусочков со ссылками «см. Крачк. – стр. №», а просто, богослужебным чином, извлечь Вас в виде целой паремии**, по крайней мере отдельные страницы. Читатель, конечно, будет видеть, что автор – Вы и что мне не хочется в чужие перья рядиться.

Впрочем, Хассуна я откладываю покамест в сторону. Ближайшее мне дело – переписать начисто вступительные главы, которые, собственно, совсем готовы, но в которые я хочу вставить еще сведения о театральных школьных представлениях, принесенных миссионерами XVII–XVIII в. на Восток, с неминуемыми интерлюдиями d'el genero picaresco***. Кажется, я Вам

< * нем.: вклады, части.>

< ** греч.: притча, изречение.>

<*** итал.: в шуточном жанре.>

уже писал, по крайней мере хотел написать, что сюда я привлек и сведения о иезуитских представлениях в Абиссинии XVII в. (не без комизма описанных у Брюса)[311], и данные украинской школьной драмы, насажденной иезуитскими коллегиумами. Первоначально я предполагал предпослать эти данные – Наккашу; но, кажется, уместнее будет заговорить об этом в более раннем обзоре европейских влияний. Кое-что о ваххабитстве, внесенное мною в главу о Рейхание и нарушающее так стройность изложения, я вижу, лучше будет перенести тоже во введение. Из-за подобных соображений я до сих пор не удосужился переписать начало своей работы и, как собирался, прислать его Вам. Большое предстоит у меня затруднение еще с переписчицей. Те две грамотные, которых я знаю и у которых есть пишущие машинки со вставочным латинским шрифтом, вечно завалены официальною работою и не могут приступить к переписке моих скриптов немедленно. Надо, следовательно, поторапливаться с доставкою им оригинала поскорее, чтобы они могли переписывать его исподволь.

От Минорского «Худу̂д эль-'âлем» я получил еще до выхода книги в свет, в последних корректурах. Превосходный труд! Можно, конечно, во многом не соглашаться с его толкованиями (для меня, напр., болотная Русь никогда не будет ладожскою, как находит Минорский на основании Идрисия), но всякому придется с ним считаться. Больше всего вредит ему вежливость по отношению к бесцеремонным домыслам Маркварта, но и Марквартово фантазирование он в значительной степени сумел распутать, хотя бы с реверансами перед этим отчаянным фантазером. Так как теперь Минорский утвержден штатным профессором, то, надо с грустью полагать, он уж совсем пропал для России и не вернется в нее, так же как Ростовцев, Трубецкой[312] и много других ученых талантов.

От Института я получил, как знаете, формальное уведомление, что съезд арабистов в Ленинграде все же состоится, только не в июне, а в октябре. Буду ли я лично? Собственно, препятствий для меня нет: конец октября для меня уже приемлемое время. Боюсь только, что очерк новоарабской литературы как раз в октябре потребует от меня массу технической работы: перечитать две копии, делая в них поправки описок, чтобы копии вполне годились для типографского набора, это – дело нешуточное, медлительное. Ехать в Ленинград надо с совершенно изготовленною работою: لكى لا يسودّ وجهى*. Разве что преодолеть стыдливость и, «позичивши очей у Сірка»**, все-таки явиться на

<* араб.: букв. чтобы не почернело мое лицо; в грязь лицом не ударить.>

<** укр.: букв. одолжив глаза у Серого; отбросив стыд.>

съезд? Впрочем, ان شاء الله*. вся работа моя будет к тому сроку не только закончена, но и переписана на машинке и мною вновь просмотрена. Тогда – можно будет приехать без конфуза.

Как Ваше здоровье? Вы только намекнули в письме, что грипп вызвал осложнения. Хочу надеяться, что Вы уже в вожделенном здравии.

Ваш *А.Крымский.*

Привет всем Вашим

P.S. Для Фараха Антуна («Образцы», стр.XIII)[313] Вы приняли дату рождения – «1873». Находите ли Вы, что есть несомненные основания переменить ее на «1874»?

21/IX 1937, Звенигородка Киев. обл.

Дорогой Игнатий Юлианович!

Немножко прихворнул и оттого не писал к Вам, хотя, собственно, давно следовало написать. Стараясь использовать все lucida intervalla** для работы над своей темой, я все откладывал и откладывал письмо. Сегодня берусь за перо.

Первый вопрос: состоится ли съезд арабистов в октябре или откладывается на иной срок? Если откладывается, то приблизительно на когда? Для меня этот вопрос очень важен, потому что я, в зависимости от ответа на него, должен установить время своего отъезда отсюда в Киев. Ехать прямо в Ленинград отсюда немыслимо (в Вапнярке можно не попасть на ленинградский поезд дней трое), и приходится сперва совершить трудный переезд в Киев, откуда начинается путь следования поезда. В Киев же придется ехать, очевидно, через Полтавщину: путь – круговой, но сносный. Уезжать мне из Звенигородки очень не хочется. Здесь у меня исстари накоплена дублетная библиотека, которая всегда остается здесь; а сверх того я в мае перевез сюда из Киева тоже целую библиотеку, нужную для работы по новоарабской литературе. Условия для занятий – превосходные. Тишина, спокойствие. Погода самая идеальная: крайне жаркие дни, но зато вполне прохладные ночи, позволяющие трудиться без духоты, без обливания себя потом и т.п. (простуживаюсь я, конечно, вполне по своей вине. Мы ужинаем на террасе, – и после горячего дня как-то забываешь надеть на себя что-нибудь сверх дневного белого костюма. В результате – простуда).

<* араб.: если пожелает Аллах! Даст Бог!>

<** лат.: светлые промежутки.>

Второй вопрос. Я затрудняюсь подыскать подходящее русское слово для فرونة, в заглавии повести Никулы Хаддада: «Фирawнет эль-'Араб 'ында т-Тюрк»[314].

Третий вопрос – по поводу истории 1782–1841 Михаила Дамасского. Кто мог бы быть автором? Печатно высказанное Вами мнение мне известно («Христианский Восток», т. II, I, стр.159)[315]. Оно сводится к «ignoramus»*. А у меня мелькает подозрение, что неизвестный автор компиляции почерпнул старейшую свою часть из Михаила Câббага[316], которого он назвал «Михаил Дамасский», а от себя добавил повествование о 1810–1830-х годах. Вы когда-то в письме ко мне, еще из Бейрута, высказывали догадку, что изданная мною «Бейрутская церковная летопись»[317] может в основе иметь историю Мих. Câббага. Не подходит ли эта догадка и к «Истории Михаила Дамасского»? Вероятно, Вы много более меня поработали над выяснением взаимоотношений разных исторических компиляций, православных, униатских и маронитских, XVIII–XIX вв., и составили себе определенное мнение. Прошу им со мною [поделиться].

В связи с этим еще один вопрос. У меня нет в руках «Истории шейха Дâхера» Мих. Саббага, которая издана два года тому назад на Ливане. По какой рукописи она издана. В каком отношении к ней находится та «История шейха Дâхера», которою пользовался Лямменс в рукописи у-та св. Иосифа и которою он в «La Syrie» (т. II, 1921, стр.104)[318] называет «une vie anonyme de Ḍâhir»**?

После этих «запросов» доведу до Вашего сведения кое-что о моей работе, о ходе ее.

В материальном отношении я и тут показал себя непрактичным до самой высокой степени. Следовало бы (как и предполагалось) начать работу начисто с XIX в., представить переписанных листов пять к Вам в Институт и получить дальнейший аванс. Я вместо того оставил XIX в. на конец, справедливо рассчитывал, что он у меня вчерне уже написан с такою подробностью, с какою еще никто об этом периоде не писал. Занялся я вместо того отделкою глав XX в., которые по временам превращались у меня в небольшие монографии, а не «главы»; такой, напр., у меня отдел о Мовейлихии[319] и о целом ряде последующих макам-утопий. Работа доставляет мне огромное наслаждение, совершенно потеряла характер срочной барщины, и если я материально (в смысле получения гонорара) сильно проиграл,

---

<* лат.: мы не знаем.>

<** франц.: «Анонимное жизнеописание Дахира».>

то нравственно, для своей души, очень выиграл. Во время лета я, наконец, сделал то, с чего практический человек начал бы: я уже кончаю чистовую отделку XIX века, и часть сделанного переписана уже на машинке. Успею ли я представить к сроку всю историю новоарабской литературы – сомневаюсь. Отдел «Драма XX в.», который мне представлялся составленным у меня сносно, я нахожу теперь, после работ Barbour'а[320], очень недостаточным. Отдел о литературных явлениях послевоенной Сирии тоже должен быть пополнен. То, что я представлю в Институт к сроку, будет по объему больше ориентировочного 16-листного объема; но конец работы заставит себя ждать.

Юридически я имею право на отсрочку в два месяца. По контракту Институт должен был выслать мне аванс (1/4) немедленно после подписания контракта; а на деле деньги были высланы с двухмесячным опозданием. Полагаю, что Институт (имею в виду не Вас, а воротил его финансовой части) учтет это обстоятельство и примирится с опозданием, допущенным и с моей стороны. Вопрос об общем размере гонорара разрешится очень просто. Работа доставила мне столько удовлетворения и настолько скрасила мои настроения в течение года, что я не только не буду спорить, но и внутренне не буду недоволен, если Институт сочтет нужным уплатить мне не по числу листов, а по своему усмотрению. Интересаном я никогда не был – и не буду.

Привет всем Вашим.

Ваш *А.Крымский*

P.S. Вот одна из мелочей у Гибба (Studies IV, 8) про Мухаммеда Антаблы: «Muhammed Sâdiz al-'Antabli – apparently a Syrian Christian»*.

P.P.S. Не можете ли Вы попросить у Артамонова[321] для меня оттиск его статьи о хазарах?

3/X 1937, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

Письма от Вас еще нет, но я получил Вашу телеграмму о съезде (18–25/X), и такую же телеграмму привезли мне из Киева вместе с письмом от Кезмы. В прошлый раз Институт оплатил дорогу Кезме, и, как помню, Вы даже авансом переслали ему деньги по телеграфу. Теперь такой оплаты из телеграммы

<* англ.: Мухаммед Садиз ал-Антабли, очевидно сирийский христианин.>

не видно, а у Кезмы, натурально, денег на проезд нет. Если его присутствие на сессии желательно, то надо прежде всего быстрее выяснить денежный вопрос. Помещение оплачивать ему не придется: я, как и прошлый раз, оплачу в Доме ученых два места. Прописаться — не трудно: как раз теперь я устроил ему платную единовременную работу, которая дает ему ок. 200 рублей. Вся материальная трудность, значит, заключается в оплате проезда.

Другая трудность – вопрос об отпуске. Кезма летом использовал свой отпуск. Буде его присутствие на сессии желательно, придется Вам послать телеграмму от Акад. Н. СССР приблизительно такую: «Киев, Андреевский спуск 34 квартира 32 Кезме для представления начальству по службе: Союзная Академия Наук рассчитывает на ваше присутствие на сессии арабистов. Подтвердите свое участие телеграфно». Подпись – с каким.-н. официальным титулом.

Ничего этого Кезма мне не написал, а просто попросил: «Сообщите в Вост. Инст. мой ответ, что я благодарю за честь приглашения, но участвовать в съезде лишен возможности». Кратко он, только для моего сведения, добавил: «И денег нет на дорогу, и отпуск уже использован». Но по-видимому, эти слова должны дополняться подразумеваемою пословицею: العاقل يفهم بالاشارة* – и оттого я позволил себе расшифровать перед Вами совершенно ясный для меня смысл лаконического отказа. А уж Ваше дело решать.

Я лично думаю приехать. Выеду из Звенигородки в Киев числа 13/X, б.м., даже 12/X. Деньги на командировку мне были устно обещаны еще перед летом, когда съезд предполагался в мае или июне, и я рассчитываю, что устное обещание, данное в мае, сохранило свою силу и на осень, хотя как раз нет того в президии, кто мне сказал: «Письменно оформлять осеннюю командировку еще в мае – нет смысла».

Привет Вашим!

Ваш *А.Крымский*

P.S. Официальное сообщение вышлю в Институт завтра.

4/X 1937. Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович! Вчера я Вам послал ответ на телеграмму и сообщил, ка́к стоит дело с приездом Кезмы, а сегодня посылаю содержание своего предполагаемого доклада, т.е.

<* араб.: разумный поймет и по намеку.>

вступительных глав (или частей I главы) моей «Новоарабской литературы». Сегодня же пришло Ваше письмо от 30/IX. Хотя из него видно мне, что я мог бы отсрочить свой отъезд из Звенигородки в Киев на несколько дней, но я все равно решил выехать отсюда в тяжелый звенигородско-киевский путь 12/X или 13/X, чтобы быть в Киеве 14-го или 15-го октября. Да и погода нарушает мое «занимательное» настроение здесь: небо, конечно, ясное, чистое; солнце греет и производит иллюзию лета; но по временам начинает дуть с севера очень холодный ветер, заставляющий надевать пальто (покамест не осеннее, а летнее) и зловеще напоминающий, что осень может закончиться рано, и мне в таком случае придется совершать тяжкий путь в Киев по холоду. Около Покрова ведь довольно часто возможны даже утренники (которых покамест мы еще не знаем). Следовательно, если Вы будете посылать телеграфное сообщение о дне открытия сессии, то едва ли придется Вам телеграфировать в Звенигородку.

Очень Вы меня опечалили своим сообщением, что на интересующие меня вопросы новоарабской историографии нет ответа и у Вас. Но один вопрос, быть может, Вы мне все же поможете разрешить, именно о слове فرونة. Надо ли его читать «firawne» или, пожалуй, «farwane», для меня не ясно, но судя по общему контексту, я склонялся к мысли перевесть это слово как «беженцы», даже «диаспора» (слово «диаспора», не в применении к еврейству, теперь пошло в ход у русских эмигрантов в применении к самим себе). Если мое толкование правильно, то надо полагать, что в египетском наречии существует четырехбуквенный корень «frwn», по смыслу сходный или близкий к общеизвестному فرّ*. Тут у меня под рукою только большие классические арабские словари да бейрутский Бело[322]. Там и намека нет на √ «frwn»**. Но у Вас, конечно, имеются в изобилии специально-египетские словарчики. Быть может, в одном из них найдется если не самое слово فرونة (создавшееся, по-видимому, в связи с обстоятельствами мировой войны), но хоть вульгарный корень فرون.

Что за статья в № 7 «Под знаменем марксизма»?[323] Направлена против ориенталистики вообще? или имеет в виду личность?

Сборы к отъезду, выборка книг, которые непременно надо отправить в Киев и нельзя оставить здесь (а их много), отнимают у меня изрядно времени и прервали на несколько дней мою, утешающую меня, работу. Все, что было переписано начисто, я отправил вчера в Киев переписчице, хотя отдел не был за-

---

<* араб.: бежать, убегать.>

<** корень «farwn».>

кончен. На настроении это отражается скверно: выбит из колеи для ненужной, казалось бы, возни, однако неизбежной.

Привет Вашим.

Ваш *А.Крымский.*

12/X 1937, Звенигородка. Дорогой Игнатий Юлианович! От Кезмы я сию минуту (утром) получил телеграмму, что билеты (в мягком вагоне) взяты на 17-е и что в Ленинград поезд прибывает 19-го в 12 часов дня. На 16-е, значит, все билеты были проданы, и оттого мы немного опоздаем: заседание уже начнется. Недоумеваю, как поступить с вещами. В Дом ли Ученых отвезти их сперва? Или же тот посланный, которого Вы, вероятно, вышлете нам навстречу с автомобилем, свезет нас прямо в Институт, а вещи сам отвезет в назначенное для нас помещение? Пожалуйста, отдайте какое-нибудь распоряжение.

Я завтра еду в Киев, а если удастся купить билет, то выеду сегодня.

Ваш *А.Крымский*

8/XII 1937, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович! Наконец, урвал минуту (точнее – час-два) написать Вам. Я по дороге из СПб. в Киев изрядно простудился. Одно место, откуда нестерпимо дуло, было непритворенное окно; другое – из-под дверей. Я приехал в Киев в очень угрюмом настроении духа от этих дорожных прелестей. Но и помимо физических причин я кое-какую malinconia испытал от самого съезда в силу контраста с 1935 г. Тогда – был один сплошной праздник арабистики, задушевно сопровожденный и Вашим юбилеем. Теперь... – конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет, она все же не умерла, а напротив, кое в чем даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный. Лично для меня очень приятно было увидеть А.Э.Шмидта после 37 лет не-встречи и ближе разговориться с симпатичной Пигулевской[324], с которой в 1935 г. не пришлось даже перемолвиться словом. Все такие впечатления – плюсы. А минусов, «мелких» минусов – разве мало? Начать с того, что сессия состоялась как бы навязчиво; она оказалась не в положении радостно приветствуемой, а только терпимой, какой-то

intruse*. Потом – выступления мелких вшей, клопов, всякой гадины, Ungeziefer**, от них же первый – Майзель[325], а перед сессией – Климович[326]. Я точные выражения Климовича узнал только от возмущенного Коковцева, и надо полагать – не все (он цитировал на память). Возможность напечатания такой статьи, как Климовича, свидетельствует о поразительном упадке научно-литературного элементарного приличия. Да и бороться Вам было нельзя, не унижая себя. По часто вспоминающемуся мне выражению Гейне в «Atta Troll»:

das schrecklichste auf Erden
ist der Kampf mit Ungeziefer
Dem – Gestank als Waffe dient:
Das Duell mit einer Wanze***.

«Мелочи это!» – добродушно скажете Вы. А Щедрин в своих бессмертных «Мелочах жизни» прекрасно замечает, что мелочи могут отравить жизнь хуже, чем крупные неприятности. Истертые стебельки соломы, соломенная труха – это, разумеется, мелочь, но когда эта мелочь назойливо лезет вам в нос, в глаза, в рот, в уши, за шею, она, конечно, может самого спокойного человека довести до белого каления.

Ну, да об этом можно писать много. Хорошо, что сессия дала и свои несомненные позитивы, позволяющие забыть непристойное поведение тех, кто не умеет держать себя в приличном обществе. Не обидьтесь за мое непрошеное участие, но я прямо скажу, что если la position oblige****, то Ваше position уж слишком к большим испытаниям oblige, и Вам, несомненно, приходится изрядно напрягать силу воли, чтобы, ради успеха научного дела, с презрением относиться ко всяким Wanzen и житейским мелочам-соломинкам.

بو قدر!***** Перейду к другой теме, к своей большой работе по истории новоарабской литературы. Я вижу, что мне, не дожидаясь конца ее, придется скорее перечитать то, что переписано на машинке, и отправить Вам. У меня имеются, как я Вам сообщал, переписанные главы и из второй половины моей работы, напр. о Шовкые, Хафизе, Мовейлихие и др., но я их покамест

< * франц.: втершейся, затесавшейся.>
< ** нем.: паразиты.>
< *** нем.: Самое страшное на свете –
борьба с паразитом,
ему зловонье служит оружием:
дуэль с каким-нибудь клопом.>
< **** франц.: положение обязывает.>
< ***** староосман.: довольно! хватит!>

не трону, а пошлю Вам в три-четыре приема только первые отделы, кои в печатном виде (на машинке) заняли собою на сегодня почти 400 стр. (398); да в течение ближайших двух недель переписчица – очень хорошая, но копотунья – берется переписать около 100 страниц еще. Выйдет для высылки в декабре 500 стр. Эту рукопись Вы будете в состоянии показать денежным воротилам Института и удостоверить их, что данный мне аванс (1300 рублей روكسورا*) я добросовестно отработал. Замечу при случае, что страница, переписанная на машинке, оплачивается у нас переписчице по 1 рублю, – следовательно, из полученного мною аванса (в 1300 р. с лишним) 500 р. ушло на оплату переписки, а мне осталось 800 р.

Моей чистовой рукописи, вполне готовой, но задерживаемой у переписчицы, имеется много больше, чем она успеет переписать в декабре. Я боюсь искать еще вторую добавочную переписчицу. Эта хорошо знает западные языки, даже латинский, и переписывает вполне сознательно, не искажая смысла оригинала. Из-за этих ценных ее качеств я принужден мириться с ее медлительностью, которая вызывается главным образом ее служебною перегруженностью.

Несмотря на мои прихварывания (простуды и ревматизм), я среди работы все забываю и чувствую большое нравственное удовлетворение. Забота о хлебе насущном (ἐπιούσιος** quotidianus***), которая могла бы отравлять ощущение научного довольства, устранена прибавкою жалованья. Прибавка, разумеется, не настолько велика, чтобы я мог также одеть и обуть семью, но panis quotidianus**** в точном смысле этого слова, безусловно, обеспечен. Иногда я бываю поставлен в затруднение, когда из дому придет просьба, например, раздобыть фунт гвоздей для прибивки досок у забора. В Звенигородке гвоздей вообще не бывает; в Киеве, как оказывается, заборных гвоздей тоже нет, ни в советских магазинах, ни в подпольной продаже. Ну, что ж! приходится вздохнуть и написать своим, чтобы не просили меня достать того, что не существует в природе. Но расстраиваться из-за отсутствия всякого птичьего молока, конечно, не приходится. Иногда в Киеве по целым неделям не бывает масла, – я разумею не из птичьего молока, а из коровьего. Я и тут не горюю: пью чай просто с хлебом насущным и обращаюсь с письмом в Звенигородку, чтобы мне с оказией прислали фунта

< * араб.: с лишним.>
< ** греч.: насущный.>
< *** лат.: ежедневный.>
<**** лат.: хлеб ежедневный.>

два коровьего масла. Нужны калоши. Они не существуют в природе ни Киева, ни Киевской области в нынешнее время года (калоши появляются только летом, когда земля вполне суха). И тут нечего волноваться. У меня есть семья сестры в СПб., и там в состоянии найти требуемый № калош сравнительно легко – и пересылают нам по почте. Подтверждаются слова Якута: «Ничего нет невозможного ввиду всемогущества Творца и изворотливости твари». Как-то устраиваемся, и общее всеоскуднение не отражается на настроении.

Вылезаю из комнаты крайне редко, и людей почти не приходится видеть. Но если встретишь кого на улице и разговоришься, всегда узнаешь такие новинки, от которых только руками разведешь: тот арестован, тот – арестован, тот – арестован – все враги народа. А известны были до сих пор эти враги народа как специалисты по обличению врагов народа! «Есть от чего в смущение прийти». Кому ж теперь верить? Один из последних разоблаченных врагов народа – комиссар народного просвещения Затонский[327], которого я считал самым непоколебимым столпом большевизма. Сидит. لا حول ولا قوة الا بالله* или: Ἀπὸ Θεοῦ ἦν ταῦτα, κ' οὐ θαυμαστά ἐστιν ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν**.

У меня вопросы к Вам:

1) Можно ли цитировать: «Образцы ново-арабской литературы под редакцией акад. И.Ю.Крачковского»? Или надо формулировать цитату иначе? Если иначе, то как именно?

2) В 1896 г. или в начале 1897-го я слушал в бейрутской женской школе «Бакурат эль-ihсан» на акте воспитанницу Ṣâиг, лет не более двенадцати с виду. Она, превосходным литературным арабским языком, произнесла речь на тему об общественной христианской благотворительности. Все изумлялись, что ребенок так хорошо владеет литературной речью. Имя ее мне осталось неизвестно. Могла ли это быть Сельма Ṣâиг?[328] У Вас год рождения Сельмы показан «1889». Эта дата твердо установлена?

3) Как Кюльтум и Александр Николаевич?[329]

Передайте, как я уже устно просил, мою записку о «миндер» Дмитриеву. Записке этой – $2^1/_2$ года. Арабская этимология «миндер» от √ ندر*** для меня не подлежит сомнению, а появление звука И после М (مندر) состоялось, пожалуй, на почве уж тюркской, под влиянием многих своих аналогий, да отчасти и общеизвестного арабского же «минбар», «минбер». Из живой

< * араб.: нет мощи и нет силы, кроме как у Аллаха.>

< ** греч.: От Бога это было все, и посему неудивительно это в очах наших.>

<*** араб.: корень «надара», т.е. быть редким, малочисленным.>

арабской речи я огласовки «миндер» не знаю, знаю только «мандара»*.

Ваш *А.Крымский.*

Искренний привет всем Вашим اهل البيت**.

28/XII 1937

Дорогой Игнатий Юлианович!

21/XII я выслал рукопись стр.1–113а, половину на имя Веры Ал-ны, половину на Ваше; обе – заказными бандеролями. Сегодня, тоже заказною бандеролью, высылаю Вам стр.114–163. До конца 2-й главы осталось немного больше 20 страниц (о сборниках анекдотов XVI–XVIII вв., Ширбини, Хиджази)[330]. Эту оставшуюся тетрадь я долго не задержу, и у Вас дня через два будет в руках 185 стр. рукописи (с выносками – много больше). Вторую главу мне, при перечитывании, пришлось кое в чем remanier***; оттого и задержка. Да сверх того только позавчера кончилась длинная и утомительная сессия, не оставлявшая для работы двух часов в день (сессия, в добрый час сказать, отличалась большою предупредительностью к старым ученым. Часть состава, с объявлением, что они враги народа, была анатематствована и исключена, а к остальным проявлено самое внимательное отношение).

Чтение дальнейшего переписанного оригинала пойдет, по-видимому, у меня быстрее.

О получении стр.1–163 (или, пожалуй, уже 1–185) будьте добры черкнуть открытку, что у Вас займет лишь несколько минут времени. Я не очень полагаюсь на аккуратность почты. Кажется, на первом месте по неаккуратности стоит московская; но второе место, не сомневаюсь, принадлежит почте киевской.

Привет всем Вашим!

Ваш *А.Крымский*

Винников[331], которому я вручил распоряжение В.В.Струве выдать мне сборник «Абиссиния» из Антроп. Инст., обещал этого добиться для меня обязательно. Пожалуйста, напомните ему по телефону его обещание, а вручит книгу он пусть Вам: она у

< * араб.: комната для приема гостей; гостиная.>

< ** араб.: домочадцы.>

<*** франц.: перерабатывать.>

Вас может полежать до «оказии». Напомните Винникову, что انجز الحر ما وعد*.

28/XII 1937. Дорогой И.Ю.! Два часа тому назад я отправил Вам заказную бандероль (стр.115–163 просмотренной рукописи), а сейчас получил Вашу открытку с уведомлением, что стр.1–114 Вами получены. Завтра я вышлю конец 2-й главы до стр.185. Эта глава была мне для просмотра самая трудная. Глава III (о проникновении европейских веяний раньше XIX в.) занимает стр.186–302; она велика, потому что затрагивает и жизнь Ливана. Глава IV – стр.303–396 – это уж XIX в., Египет Мухаммеда Алия. Глава V – стр.396 и сл. (переписана до стр.434) представляет собою обзор эпохи хедива Исмаила; тут и Абу-Наддâра, и Алий Мубâрак. Переписчица обещала кончить эту главу на днях и даже взяла оригинал главы VI – о литературе эмигрантов типа Хассуна, да и Фâриса Шид'яка[332]. Глава VII, где начинается Сирия, находится у меня еще, не у переписчицы. Если б я нашел переписчицу другую, такую же грамотную, как первая, я бы ускорил переписку. Впрочем, и без этого Вы, как я раньше писал, будете иметь в своих руках 500 страниц в самом коротком времени. Сдавать их в Институт, по-моему, лучше будет тогда, когда у Вас в руках окажутся все 500 страниц. Впрочем, если кто-нибудь хватится, что я опаздываю, можно будет показать то, что я прислал.

Ваш *А.Кр.*

2/I 1938. Дорогой Игнатий Юлианович! До сих пор я Вам выслал рукопись до стр.273 (из них стр.114–163, 164–185 на Ваше имя, стр.185–230 на В.А., стр.231–273 на Ваше), а сегодня посылаю стр.274–321 опять на Ваше имя. Все бандероли заказные. Кончается текст уже Мухаммедом Алием, огромною главою, продолжение которой (от стр.322) я, вероятно, задержу на день, потому что хочу внести частичное изменение в одном ее месте. Далее задержки не будет, т.е. вставок не будет; отдел 4-й этой главы – более подробный обзор деятельности Рифаа-бея, а отдел 5-й (стр.364–395) – вероятно, наименее интересный для Вас: «Тантавый»[333], потому что это τὰ σὰ ἀπὸ τῶν σῶν**. Литературное время хедива Исмаила переписчица, по-видимому, закончила, потому что запискою попросила оригинал шестой главы

< * араб.: Благородный человек исполняет, что обещает.>

<** греч.: своя от своих.>

(эмигрантов); но оригинал седьмой главы, чрезвычайно большой (Сирия XIX в. до 1880-х гг.), остается у меня на руках. В южнославянских языках о выходе произведения в свет торжественно говорится, что оно уже «излази[т]». Глагол этот (honny soit qui mal y pense)* вполне приложим к моему творению.

Ваш *А.Крымский*

4/I 1938. Дорогой Игнатий Юлианович! Одновременно посылаю заказной бандеролью стр.322–363 (от 4-й главы остается на руках у меня Тантавый). Из присланного материала Вам уже делается виден общий закрой моей работы, и, думаю, Вы уж не найдете, что 2-я глава (Народные романы) выпячивается в общем корпусе непозволительною громоздкостью. Нет, асимметрии не будет, – вся моя работа одинакова в своей разбухлости, и каждую главу без исключения можно критиковать за ее размеры; главу 7-ю (Сирию XIX в.) даже особливо. Что ж делать! не умею иначе писать. Как говорит поэт:

وكل اناء بالذى فيه ينضح **

или по вульгарной пословице, «ыд дарф ма бйындаʒ илла мин йелля фih»***. Хорошо ли это, не мне судить. Вы, вероятно, написали бы очерк XVI–XIX вв. совсем по-иному; но, как известно, se duo faciunt idem, non est idem****. Я буду доволен и тем, если моя работа способна будет заинтересовать малоподготовленного читателя, а таких, надо полагать, в СССР найдется достаточно. Ради них я изменил и своему обычаю засыпать нижние этажи обилием библиографических ссылок. А Вы, вероятно, испытываете от моего творения еще немало désillusions*****. По пословице: «штаһейна джâже – кӹльнâ-ha б-ріш-ha» — «Так нам хотелось поесть курицы, пришлось есть ее неощипанную».

Ваш *А.Крымский*

8/I 1938. Дорогой Игнатий Юлианович! Одновременно посылаю главу «Ṭанṭâвый», в которой я рукописно распространил «Описание России» для проведения читателем лучшей параллели к «Описанию Парижа». В самом начале моей главы опреде-

---

< * франц.: позор тому, кто дурно об этом подумает.>
< ** араб.: из каждого сосуда вылиться может лишь то, что в нем есть.>
< *** араб.: конверт может вместить только то, что в нем есть.>
< **** лат.: если двое делают одно и то же, получается не одно и то же.>
<***** франц.: разочарований.>

ленно говорится, что она есть только простое изложение результатов Вашего исследования. Но боюсь, что Вы останетесь недовольны и обратите ко мне, мысленно по крайней мере, все те проклятия, которые Джâхыз произнес своему [неразб.]. Действительно, я, имея в виду чисто литературную задачу, опустил много ценнейших у Вас данных, которыми освещается история русского востоковедения и которые я не считал необходимым вносить в историко-литературный очерк. Я очень прошу Вас сообщить мне, не обинуясь, Ваше впечатление от моего использования Вашей книги.

Глава «Литературное движение в Египте при хедиве Исмаиле» вся уже в моих руках, переписанная на машинке (стр.396–445). Задержу отправку на денек, потому что вижу, надо будет прибавить две-три выноски. А дальнейшая глава, об эмигрантах (где, кстати сказать, Хассун опять есть τὰ σὰ ἀπὸ τῶν σῶν κατὰ πάντα καὶ διὰ πάντα*) все еще остается у переписчицы без движения или с очень малым движением вперед.

Почему Вы идете в санаторию? Что у Вас такое? Я, кривая береза, что два века скрипит, и то бодрюсь, а Вы ж много моложе меня.

Привет всем Вашим с праздниками и наступающим новым годом.

Ваш *А.Крымский*

P.S. Чернила отвратительны, бумага скверная, – все расплывается!

12/II 1938, Киев

Дорогой Игнатий Юлианович!

Пишу к Вам в достаточно унылом настроении духа. Моя переписчица, которая и без того имела мало свободного времени для неказенной переписки, теперь совсем перестала для меня переписывать. У нее тяжелое семейное несчастие, она совершенно подавлена в своем настроении. Чувствует себя совсем разбитой, – и моя рукопись новоарабской литературы осталась у нее без движения! Был я у нее третьего дня – и в этом убедился.

كانت لها اخت تحبها والاخت شابة فانها ضبطت حديثا ونعيت لا يدرى احد الى اين حتي يخفي ايضا اطيبة هي الساعة ام قد ماتت. حكت لي الكاتبة سيرتها ثم قالت:

<* греч.: своя от своих по всему и из-за всего.>

"ادر بالك لعلهم يأتون كذلك الي بيتي للتفتيش ونسختك يعني مسودتك بين يدى فربما يأخذونها مع كونها علمية خالصة. أ تستطيع بعد ذلك ان تقلع خطك من مخالب الزبانية النازعين غرقا؟ افصح انا لك ان تأخذ كراستك من منزلى الى منزلك لك فلتبق عندك مدة شهر واحد او شهرين حتى تعرف ان كل خطر قد مضى وفات." فقلت لها: "بئس ما نطقت من فصيحة لا يجوز ذلك فيّ لانى مستعجل جدا فى تبييض تأليفى فلو خلص الامر كما افترضت انما رأيت ان العدل يقع على رقبتى لا على رقبتك؟ فلا بئس عليك. دعى الكراسة تبقى عندك بشرط ان تنسخى لى اياها بكل سرعة ممكنة. " قالت: "انى فسرت لك احوالى وما فيها من الاخطار لنسختك فمن حيث انت ما عدت تخشى فى تضييع خطك الفريد الوحيد فسمعا وطاعة افعل جميع ما فى طاقتى كما شئت فانتهز من اقل فرصة لكى اكتب لك ثم عندما فرغت من الشغل جئت به اليك شخصيا فاذا طول روحك واصبر مجيئى اليك وارجوك ان لا تزورنى." قلت: "تكرمين" فخليت مقالتى عندها وانصرفت. والان انا لا ابرح استنظر اتيانها فاصبحت كالصياد على ساحل البحر الذى ينتظر السمك فى البحر ولا يرى شيئا فى اللجج شهرا او شهرين.*

Я подожду еще некоторое время, конечно не شهرا او شهرين.**. Если мой черновик не будет переписываться, то, как ни жаль

<* араб.: У нее была сестра, молодая девушка, которую она горячо любила. На днях она была арестована и увезена, и никто не знает куда. Неизвестно даже, в добром ли она сейчас здравии или уже мертва. Переписчица поведала мне свою историю, а затем и говорит: «Берегитесь, возможно, они явятся также и ко мне для обыска, а Ваша рукопись, т.е. черновик, находится у меня. Они могут забрать ее, хотя она и чисто научная. Сможете ли Вы после этого вырвать Вашу рукопись из когтей этих дьяволов? Я рекомендую Вам забрать Вашу тетрадь из моего дома к себе, и пусть она побудет у Вас месяц или два, пока Вы не убедитесь, что всякая опасность миновала, ушла». Я сказал ей: «Хотя говорите Вы весьма красноречиво, мне это не подходит, ибо я очень тороплюсь с перепиской моего сочинения. Если же дело обернется таким образом, как Вы предрекаете, то виноват буду я, а не Вы. Так что не бойтесь! Пусть рукопись остается у Вас при условии, что Вы будете переписывать ее для меня с максимально возможной скоростью». Она ответила: «Я раскрыла Вам свои обстоятельства и то, какие опасности подстерегают Вашу рукопись. Но если Вы все же не боитесь утраты Вашей драгоценной и уникальной рукописи, то я готова! Я сделаю все, что в моих силах, как Вы желаете. Я буду использовать малейшую возможность, чтобы переписывать для вас. Когда я закончу работу, я сама принесу ее Вам. Наберитесь терпения и ожидайте моего прихода, а я прошу Вас не посещать меня». — «Вы весьма великодушны», — отвечал я. Я оставил свою статью у нее и удалился. И вот теперь я с нетерпением ожидаю ее прихода. Я уподобился рыбаку на бреге морском, ожидающему рыбу в море, но уже месяц или два не видящему в своих сетях ничего.>

<** араб.: месяц или два месяца.>

мне, поищу другую переписчицу, хотя бы и не такую образованную, как эта (эта знает несколько языков, в том числе латинский, переписывает сознательно, и я после нее ничего почти не правлю, только подвожу карандашом неудавшиеся буквы). Мне уж посоветовали одну, якобы внимательную и аккуратную и образованную, но без знания языков; каретка ее машинки для латинского шрифта вставляется всякий раз в машинку в случае латиницы, отчего, конечно, получаются при печати всякие неровности, непопадания на надлежащую строку и т.п. Пришлось согласиться и на такую. Вчера я даже отдал ей следующую главу, о пробуждении Сирии в 19-м веке (а та, которая знает иностранные языки, должна переписать Хассуна, Шидьяка и др.). Сегодня я отнес новой бумагу. Она мне заявила, что прочитала вчера же рукопись, и все – разборчиво. Тут же она прибавила мне комплимент: «Читала – и увлеклась. Это же настоящий роман! так интересно читается!» Признаюсь, я остался польщен ее отзывом – и вспомнил слова Христа перед входом в Иерусалим: «Ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαξόντων κατηρτίσω αἶνον»*. Если арабисты, быть может, и Вы во главе их – осудите мой чересчур беллетристический слог, то я буду утешать себя тем, что по крайней мере хвалу мне Бог устроил из уст νηπίων καὶ θηλαξόντων**.

То, что я отдал ей переписывать, это не есть еще характеристика отдельных писателей (Николая Тюрка, молодого Языджи и др.)[334], а картина школьной деятельности миссионеров, внедряющих европеизм в Сирии, в связи с экономическим опутыванием страны французским капиталом. Тут у меня гораздо больше обрисованы сцены сеяния и насаждения европеизма, чем самые всходы его. Рассмотрение всходов и созревания их – это уже дальнейшие главы. Они у меня в большей части совсем отделаны, но некоторые страницы нуждаются еще в ретушевке. К недостаточно ретушированным относятся у меня и первые два-три десятилетия 19-го века, именно не совсем отчетливо представлен круг эмира Бешира II Шхэба[335]. Правда, Николай Тюрк с его очень жизненной стихотворной перебранкой по поводу недоданного ему от эмира рису и с его не менее жизненной «макамой у зимнего очага», где эмир режется в картишки (وريقات), как будто удался мне. Но Караме, как индивидум, для меня неясен, и мне очень хочется знать Ваше мнение о его психологии. Имеющиеся у меня православные источники обрисовы-

---

<* греч.: Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу? (Мф. 21:16).>

<** греч.: младенцев и грудных детей.>

вают его как фанатического врага православных сирийцев. Но религиозный ли это фанатизм? против арабов ли он направлен или против хищного всетупящего греческого духовенства? Какое у Вас впечатление?

Вторая у меня беда – не решаюсь сделать идентификацию остроумного эпиграммиста, врача Шâкира Хурия[336]. Я о нем записал в Сирии много анекдотов на простонародном языке (визит его к эмиру Саиду, к Мельхему Фâрису, к патриарху и др.), и почти все они кончаются его эпиграммами на недурном литературном языке. Жизнь из этих эпиграмм так и бьет ключом. Если макама Н.Тюрка своей жизненностью заткнет за пояс лишенные живой почвы поздние макамы مجمع البحرين*, то и бойкие эпиграммы Шâкира Хурия, «ḥакӣма», которые сумели войти в фольклор, не должны быть упущены мною без внимания. Но куда я реально должен поместить этого врага Шéкира? Семья Хуриев имела огромное влияние у Бешира II Шхэба, но ведь «Хуриев» в Сирии и Палестине как нерезаных собак. Обращаюсь к Вашему благоутробию за споспешествованием, сообщите, что Вы знаете о нем.

Привет Вашим домашним!

Ваш *А.Крымский.*

P.S. Выуживая из своих колоссальных сирийских записей все анекдоты о Шâкире Хурии, я обратил внимание, что очень большой сборник сказок у меня в сущности уже проредактирован и начисто переписан, но только в русском переводе. Можно ли было бы пустить это в свет без арабского текста? т.е. согласилось ли бы издательство напечатать мой сборник как фольклор, а не как лингвистический материал? Чтобы пустить в свет и транскрибированные тексты, у меня нет времени.

P.P.S. Перечитал письмо, кое-где подвел буквы, и все же прочитать трудно, до того все написанное расплылось لا تؤاخذنى**. Лучшей бумаги и лучших чернил купить негде.

2/III 1938

Дорогой Игнатий Юлианович!

Хотел было начать письмо извинением за плохую бумагу, на которой расплываются чернила, и отвратительное качество са-

---

<* араб.: «Слияние двух морей» – название сборника макам Насифа Язиджи (1800–1871).>

<** араб.: не взыщите.>

мих чернил и объяснить, что иных у нас в Киеве и достать нельзя. Но посмотрел на чернила Вашего письма, – тоже неперворсортные, бледные. А бумага на присланной Вами бандероли – из старых обоев. Видно, и у Вас такая же беда с письменными принадлежностями, как и у нас. По еврейской пословице, всеобщее бедствие – половина утешения, «цу́рес рабі́м – хеці́ нехо́ме», как произносят эту пословицу у нас в Звенигородке бану Израиль (полагаю, что искаженное произношением слово «цу́рес» есть мн.ч. женского рода от צַר* в смысле арабского ضرارات**).

Статья Ваша об арабских географах написана очень интересно и, полагаю, должна всех неарабистов увлечь, даже своею формою, не говоря уж о содержании, которое является знакомо (так в тексте. – *И.С.*) только арабистам, да и то, пожалуй, не всем. Я мог лишь пожалеть, что Вы не сказали несколько больше о Якуте, о степени его критичности. – Что касается статьи Вашей о Захави, то нечего и говорить, с какою радостью получил я ее. У нас в Киеве нет того выпуска «Enz.d.Isl.», в котором она помещена[337].

С перепиской «Новоар. литературы» дело у меня как будто наладилось. Старая переписчица принесла мне половину статьи об эмигрантах XIX в. до 1880-х гг. и обещала принесть конец через несколько дней. Новая переписчица тоже вручила мне порядочный кусок главы о Сирии. Через несколько дней Вы начнете опять получать от меня бандероль за бандеролью. Плохо только, что сам я прихварываю. То у нас начинается солнечная весна с полным таянием снега, то опять подует холодный ветер, – а я расклеиваюсь. Появляются ревматические боли, ломит шею и поясницу (Drachenschuss***) и т.п., и в результате приходится много лежать с затуманенною головою. Больше думаешь, чем пишешь.

За справки о Ша̂кире Хури приношу Вам благодарность. Но... в результате мне стало еще труднее сделать идентификацию героя моих фольклорных записей. Умер известный литератор Ш.Х. в 1913 г.? А мои записи начинаются словами (записи 1890-х гг.!): «Ка̂н-фи ḥакі̂м би Бейрут, исму Ша̂кир-ль-Хури»**** и т.д. Для сознания тех, от кого делались записи, этот «хаким» в 1890-х гг. был мертв. Ну, допустим, что это еще полбеды, что они могли в 1890-х гг. не знать о его благополучней-

---

< * арамейск.: беда.>

< ** араб.: беды, потери.>

< *** нем.: прострел, боль в пояснице.>

<**** араб.: «Жил врач в Бейруте по имени Шакир-ль-Хури».>

шем здравствовании. Хуже для меня то, что в моих записях есть указания на сатирическую деятельность Шакира в переходное время после 1841 г., из которых выходит, что он в это время был взрослый человек. Когда же он должен был родиться? Полагая жизнь обыкновенного порядочного человека в 70 лет и вычитая из цифры 1913 цифру 70, получаем: 1843. Ясно, что по крайней мере некоторые из моих записей не могут относиться к человеку, который в 1840-х гг. еще под стол лазил.

Вы меня спасете, если укажете год рождения отмеченного Саркисом[338] вполне ему известного Шâкира Хури. Если он, Шâкир (что бывает), прожил не 70, а 90 лет, то родился, значит, в 1823 г. – и это меня вполне устраивает. Не то придется предположить, что у меня записаны литературные анекдоты о двух лицах, из которых одно – не возбуждающий сомнений Шâкир Хурий, а другое – какой-то иной остряк, б.м. Абу-Шâкир.

Помогите мне библиографически разобраться еще об одном Хури, на этот раз бразильском. У Вас, конечно, есть под руками изданный в иезуитской типографии сборничек Харфуша المنتخبات العامية* (1904). Были эти «Монтахабат» и у меня, но я их сдал в акад. библиотеку, и теперь не могут их там разыскать. А моя очень давно сделанная выметка гласит: «На стр.18–33 перепечатан Финйâнос из книги Зейда, т.е. Шюкри ль-Хури: التحفة العامية**, изданной в Саṇ-Паоло 1902 г.»[339]. Ясно, что на 15 страницах весь Финйâнос не мог быть перепечатан, и мне интересно было б установить, какую приблизительно часть Финйâноса мог перепечатать Харфуш? Одну четверть или больше? Утруждать себя длинной справкой, конечно, нет смысла, потому что я Харфуша упомяну только вскользь. Поэтому бросьте, пожалуйста, лишь самый беглый взгляд и напишите мне: «около четверти» (или нечто в этом роде). Кажется (если я не забыл), Харфуш опустил начало рассказа.

Свой сборник сирийских сказок я перенумеровал: оказалось 186 №№, цифра очень приличная. Кроме того, имеется штук восемь сказок непереведенных, только в записи. Не перевел я их (хотя и следовало бы), потому что они – варианты, – правда, с большими отличиями. Так как сборник, в русском переводе, уже совершенно редактирован и переписан на машинке, то я его преспокойно перевяжу бечевкой и сделаю (для наследников) надпись: «К печати готово». А к Азадовскому посылать не хочется[340]: я его не знаю.

<* араб.: «Избранные народные сочинения».>

<** араб.: «Народный подарок».>

اولا لا دراية لى عن هيئته العلمية هل هو استاذ حقيقى لا شك له؟ ام يمكن انه استاذ بين الهلاليين؟ ثم اجهل اعتقاداته السياسية. يبان لى (بالتخمينات فقط) ان "الاستاذ" الموتي اليه الاشد الافخر هو من اهل الحزب. ولقد علمنا ان رجلا حزبيا هو اشقى المخلوقات. تراه اليوم في عنفوان مجده وفخره وشدته وربما يعلن احدهم غدا ان الفلاني انعطف عن الصراط المستقيم كذا وكذا فاذ هو ردّ اسفل سافلين (كما قال عزّ وجلّ). كل هذا – واحسب اني ارسلت اليه مجموعة الحكايات من متاعي. فيا ويل يا سوء حظها. لان حالها حينئذ اوضح من القمرين: سوف تستولي عليها الايدى فتذهب تحريراتي كل مذهب... كلا. رويدك. من احترق في الماء السخنة ينفع في اللبن البارد فانا الان ماشي على المثل السائر: "ما بنام بالقبور ولا تشم الريحة المكروهة (او: الجائفة).

والسلام العام على كلكم

الداعى

لكم

اغاتنجلوس

كريمسكي

Думал найти лучший кусок бумаги (из старой бухгалтерской книги), но оказывается, чернила и на этой бумаге одинаково расплываются. Что же делать! لا تؤاخذنى".

P.S. Хотел было запечатать письмо, как получил уведомление от своей сестры из Ленинграда, которую я просил купить кое-какую мануфактуру для моей семьи. Она пишет, что мануфактуру и в Ленинграде трудно достать и что даже жизненные

<* Во-первых, мне неизвестна его научная физиономия: действительный, несомненный ли он устаз (доктор)? Или же он «устаз» в кавычках? Далее, мне неведомы его политические убеждения. Мне кажется (это лишь догадки!), что «устаз», которому пристали эпитеты «выдающийся», «самый-самый», – из партийных. А мы уже знаем, что партиец – это несчастнейшее из созданий. Сегодня видишь его в расцвете сил, славы, успеха. Назавтра же кто-нибудь из них заявляет, что имярек отклонился от «дороги праведной» [Коран, 1:5/6] так-то и так-то и что он вдруг отнесен к «худшим из худших» [Коран, 95:5] (как сказал Великий и Всемогущий). В добавок к этому я принимаю в расчет, что послал ему несколько своих рассказов. О, горе им, о, беда! Ибо теперь их положение яснее ясного: он приберет их к рукам! И пойдут мои сочинения любым путем... О, нет! Берегитесь! Обжегшись на молоке, дуешь и на воду. Я же сейчас следую поговорке: «Не спи в могиле и не будешь обонять дурной (или – трупный) дух».

Общий привет всем вам.

Ваш покорный слуга,

Агафангел Крымский.>

<** араб.: не взыщите.>

продукты надо покупать, стоя в очередях. Вероятно, речь идет о масле, которое у нас в Киеве давно исчезло из продажи, и о мясе, которое перестали продавать не так давно. Прочитал, – и, право, легче на душе стало – узнать, что мы здесь переживаем лишь то, что и все: «Цу́рес рабім – хеці нехо́ме!»

6/III 1938. Дорогой Игнатий Юлианович! Посылаю открытку вдогонку к своему позавчерашнему заказному письму. Там я Вас просил навести справку у Саркиса (буде возможно), в каком же году родился Шакир Шqейр, умерший по Саркису в 1913 г. Но я забыл присовокупить просьбу – чтобы Вы сверх того бегло взглянули в ист[орию] лит[ературы] Зейда̂на, т.IV, с.245 и сопоставили бы сведения Саркиса с Зейдановскими[341]. Об одном ли и том же лице, что у Зейдана, говорит Саркис? По-видимому, о разных, потому что Зейдановский Шакир Шqейр умер в 1896 году. Или не спутал ли он, Саркис, Шакира Шqейра с его братом Фарисом Шqейром? (ни года рождения Фа̂риса, ни года смерти его Зейдан не указывает). – Сейчас принесен мне конец главы о Шидьяке. Приступлю к просмотру немедленно и брошу ту работу, над которой сидел, а именно Бутроса Ка̂раме, – отложу ее напосле. Мне хотелось перевести ту его отвратительную касыду, где слово خال фигурирует приблизительно в двух десятках разных значений («родинка», «дядя», «сомнение» и т.п. и т.п.); перевод труден; т.е. выходит бесцветным, и у меня уже мелькнула мысль: стоит ли овчинка выделки?[342]

Ваш *А.Крымский.*

[25/VI 1938, Звенигородка]

Дорогой Игнатий Юлианович!

Уж тогда, когда я Вам писал последний раз, я был болен, а с тех пор болезнь усилилась и приняла очень сериозный характер. В основе – обычная моя астма и сердечные схватки, сопровождаемые удушьем, которое вот-вот задавит. Но осложнилось дело полным истощением и упадком сил. Приблизительно с февраля, когда началась оттепель, я потерял аппетит, ничто в горло не лезло. Утром я пил чай с двумя тончайшими ломтиками французской, некогда пятикопеечной (теперь 68-копеечной) булки; в $3^1/_2$ часа полз в академическую столовую «на обед», но первого блюда не ел, а второе выбирал самое легкое, напр. порцию шпинату; в $5^1/_2$ часов пил чай с вареньем, но уже без кусочка хлеба. И на этом ограничивалось все мое питание (ужина не бы-

ло) в течение более трех месяцев. Наступил полный упадок сил, большую часть времени я, одетый, лежал в постели, а вокруг меня все кружилось, и в глазах был туман. Пришлось в начале мая обратиться к медицинским знаменитостям. Прописали, во-первых, отправиться в Кисловодск и претерпеть полный курс нарзанных ванн, а после того – один месяц Nachkur* в полном бездействии. Насчет Кисловодска я наотрез сказал, что воздух и климат Звенигородки для меня целительнее, чем Кисловодск, а на запрещение занятий я ответил молчанием. Я хорошо знал, что если у меня не будет физической возможности или способности заниматься (напр., из-за головокружений и темени в глазах), то я и без докторского предписания буду бездействовать; а если явится малейшая возможность писать, я обязательно возьмусь за перо, чтобы не испытывать гнетущей тоски от бездействия. 20 мая я уехал в Звенигородку. Живу месяц и два дня. Необыкновенно тихая обстановка моей патриархальной семьи, нарушаемая только шалостями моего мальчика (перешедшего в III класс), возвращает мне и здоровье и способность нечто съедать. Утром я без отвращения выпиваю чашку молока, в полдень съедаю пару яиц всмятку, в 3 часа ем обед из двух блюд и запиваю послеобеденным чаем. Этого мало, конечно, но все же возвратились силы, и я опять работаю, пусть и с сильными интервалами, во время которых я меньше лежу, а больше сижу в саду. Ночные удушья сократились, и многие ночи я спал спокойно.

Последний отдел первого тома новой арабской литературы, т.е. картина литературной жизни Сирии до 1880-х гг. и исхода сирийцев в Египет, по объему представляет, как теперь ясно видно, приблизительно $^1/_4$ тома, т.е. в три раза меньше той части оригинала, которая имеется у Вас в руках. Если бы я позволил себе тезкиратный способ изложения, Вы бы имели сирийскую литературу XIX в. в своих руках еще в феврале. Но я совсем не желаю дать житийно-словарный справочник, а наоборот – поставил себе целью нарисовать связную картину развития литературной жизни в Сирии XIX в., и притом непременно в художественном изложении. Поэтому я не перестаю переделывать и редактировать свой материал наново и наново. Некоторых глав я, конечно, уже больше трогать не стану, напр. этюд свой о Никӯле Тюрке (который, быть может, и для Вас представит кое-какие новые ноты; я считаю этот этюд очень удавшимся мне) или же главу по истории театра в Сирии, начиная с миссионерских мистерий еще до XIX в. и кончая Мāрӯном и Никӯлою Наккāшами (продолжение – уже́ в главе о 1870-х гг.).

< * нем.: дополнительное лечение.>

Но главы из 1860-х и 1870-х гг. меня совершенно не удовлетворяют, и я их подвергаю и буду подвергать переработке значительной. Да и вступительная глава, о наличии литературных сил в Сирии нач. XIX в., хотя с виду совершенно отделана и, кажется, содержательна, мне еще не нравится: первые две страницы не имеют того захватывающего, скажу прямо, пикантного интереса, который сразу бы заставил читателя читать и не отрываться. Много мне здесь помог оживить картину Сенковский своим пребыванием на Ливане, особенно у шейха Арыды[343], но он появляется уже на 3-й странице: а первые две (шейх Хут в Бейруте, учитель западнической мусульманской семьи Бейхумов)[344] – тусклее. Придется перед ним дать какую-нибудь заманчивую نكتة*.

Вы, пожалуй, читаете мои эти строки, улыбаясь. Но для меня очерк литературной жизни Сирии XIX в. своего рода point d'honneur**. Здесь все для меня – родное, здесь я для многих являюсь несомненным первоисточником (как Вы для Египта XX в.), и я хочу, чтобы даваемая мною картина была художественно увлекательна. Предыдущий отдел, миссионерский культурно-просветительный фон XIX в., мне более или менее удался в смысле изложения: желаю, чтобы и дальнейший отдел читался не с меньшим интересом, а со значительно большим. Удастся ли? судить не мне. Но ut desint vires, tamen est laudanda voluntas***.

Извиняюсь за бесконечные справки для меня в библиографии Саркиса. Последнее письмо я писал больной, и оттого, вероятно, не пояснил, зачем мне понадобился شقير****. Это, так сказать, с горя–отчаяния, что я ухватился за него. В трех анекдотах, которые в Сайде записал от горца мой глуховатый слушатель Лобасов, герой назван в диковатой транскрипции «аль-хаким Шэкэр». Я всегда был уверен (и это, конечно, правильно), что в Лобасовской орфографии «Шэкэр» скрывается «Шâкĕр». Но он не отличал ك и ق, и теперь, когда мне надо было разъяснить автора острот, относящихся к 1850–1860-м гг., мне пришла в голову мысль о «Шqейре», или «Ш[е]qĕр»е. После Вашей полной выписки из Саркиса для меня ясно, что о Шкейре и думать нечего: остряк, несомненно, есть Шâкир эль-Хурi, поздний писатель.

بو قدر***** Но вот опять приходится просить Вас о библиографии Саркиса. В тех пособиях, которые есть у меня, я не могу ничего

< * араб.: шутка, анекдот.>
< ** франц.: дело чести.>
< *** лат.: Хотя не хватает сил, но самое желание похвально.>
< **** араб.: Шақĭр.>
<***** тур.: хватит, довольно!>

найти про Абд аль-Бâкы-эфендия ‘Омария багдадца, который составил касыду «халiйе»[345]. Напечатана она в хрестоматии Салима Сâдира: هدية الاحباب* (Бейрут, 1886), на стр.13–14. Личность автора мне интересна потому, что его «халiйе» есть pendant** к «халiйе» Ботроса Керâме, рассмотренной у меня. Жил или живал этот Абдальбâкый, как видно по крайней мере из касыды, не в Багдаде, и прозвище البغدادى*** указывает только на его происхождение. Отождествлять ли его с ‘Абдом Фâрӯḳыем?

Кроме того, у меня еще один вопрос к Вам, лично к Вам. Дело идет о Салiме Наккâше. Во всех моих пособиях он назван племянником Маруна Наккаша, так он назван и у Barbour'a (1936), так он был назван и у Вас в статье об Абу Наддâре (1924)[346]. Но в той Вашей же статье, которая помещена в Enz. des Isl. в дополнит. томе (русск[ий] перев. в «Записках», 1935), Вы его назвали братом Маруна. Раз Вы отказались от своего собственного определения, значит, у Вас были солидные основания для того. Я хотел бы знать эти основания.

Шâкира Хурия Зейдâн, действительно, удачно упрятал в предыдущую рубрику, что его приходится «открывать».

Не догадываетесь ли Вы, почему Зейдâн умолчал в IV т. ист[ории] лит[ературы] об Абу Наддâре? Нарочно умолчал? или не нарочно?

Привет Вашим. Письмо это я мучил два дня. Сил мало. Но над историей литературы, сколько мог, тоже работал. У меня нет ни малейшего подозрения о смерти. Наоборот, я твердо убежден, что через какой-нибудь месяц буду здоров. А Ваше здоровье как?

Ваш *А.Крымский*

25/VI 1938, Звенигородка

Муратову[347] на приглашение участвовать в журнале я не отвечал еще. Но, конечно, готового материала у меня хватило б на много томов.

< * араб.: «Приятельский подарок».
< ** франц.: пара.>
<*** араб.: Багдадский.>

2 августа 1938, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

Ваше письмо пришло около месяца тому назад, но меня в Звенигородке не было. Я, двумя официальными приглашениями, вызван был в Киев для участия в сессии Академии. Гуманитарных заседаний в программе не предвиделось, но (это я давно знал) имелось в виду исключить нескольких членов, партийцев, которые и в академики попали посредством партии, а теперь ею же были осуждены. Отсутствовать на анафематствовании было бы мне неприлично, и я поехал. В Киеве я узнал от одного из Ваших членов-корреспондентов, что у Вас тоже состоялось исключение Самойловича, Селищева, Насонова[348] и еще кого-то, да, кроме того, угроза висит над Алексеевым[349]. Но Ваши отлученные – не партийцы. Насчет Насонова у меня подозрение: точно ли расслышал его фамилию член-корреспондент? Мне под 70 лет, а он, б.м., на четверть столетия старше меня?

Пребывание в Киеве я отчасти использовал для арабской литературы – обработал эскиз про муфтия Ас'ада-эфенди[350], которого я, кстати сказать, не стал бы касаться, если бы он не был другом Насыфа Языджия. Но затем пришла мне в голову злополучная мысль – отдохнуть на Днепре, проехаться пароходом среди речной свежести до Херсона, из Херсона заглянуть морским путем на один день в Одессу и вернуться домой тем же Днепром до Черкас, откуда три станции до Звенигородки. Рассчитывал я осмотреть кое-какие музейные эллино-скифские древности, которые упомянуты у меня в составе большой работы о хазарах (во введении), – в Одессе, Херсоне, Днепропетровске. Сопровождать меня – полуслепого, должен был мой дядька. Через четыре дня был я в Херсоне, но тут оказалось, что в Одессу проехать нельзя: требуется разрешение военной комендатуры. Я этого новшества не предвидел, не запасся командировочным листом в Киеве, и потому пришлось в Одессу не ехать и, очутившись в Херсоне, ограничиться осмотром местного музея. Но и тут для меня неприятный сюрприз: золотые и серебряные изделия оказались сданы из Музея в сейф банка, а осмотру, следовательно, не подлежали. То же я потом встретил и в Днепропетровске: интересные для меня золотые и серебряные вещи – все в банковских сейфах. Хорошо, что я осенью успел осмотреть эллино-скифский отдел в Эрмитаже и сделал для себя необходимые нотатки!.. Итак, научная часть путешествия моего от Киева до Херсона оказалась совсем неудачной. Но это было бы полбеды: к скифам я все равно не возвратился бы письменно, но [ ]

окончивши работы об арабской литературе, яко же днесь едина ми есть на потребу*.

Хуже вышло с чисто дорожными впечатлениями. Ради прохлады я все время не сидел ни в своей жаркой каюте, ни в не менее жаркой кают-компании, а проводил дни на палубе, где встречный ветер обвевал меня очень приятно. Вокруг меня сменялись палубные пассажиры, разный простой люд, колхозники и т.п., и я не мог не слышать их интимных бесед, сам обращенный к ним спиною без малейшего внешнего проявления какого-либо интереса к их беседам. То, чего я в течение десяти дней наслушался, совершенно истомило меня. Разговор – один: общая жалоба на то, что негде купить материи для одежды и негде достать обуви и что все мучаются и страдают. Тема, конечно, для меня не новая: и у нас в Звенигородке колхоз и не-колхоз ходит в отрепьях и босой; и сам я при всех стараниях купить для себя пару сапог за какую угодно цену в Киеве (я готов был заплатить даже 500 рублей) не мог обуть себя даже через «спекулянтов»; и со спичками у нас бывает такой же перебой, как и в Днепропетровске; и керосина у нас в Звенигородке нет так же, как на всем пространстве Украины от Киева до Черного моря**. Но когда знаешь это оскудение только в одном месте, в своей Звенигородке, то относишься к этому явлению с некоторою индифферентностью, особенно при моем отшельническом образе жизни со стремлением избегать всякого человеческого лицезрения. Когда же приходится, при глубоком молчании с моей стороны, в течение десяти дней сплошь слушать голо-босые ламентации самого разнообразного человеческого элемента, душа устает, и в сердце делается тоскливо. На обратном плавании от Херсона до Черкас я только и думал: скорее, скорее добраться домой, забыть эти картины сплошного оскудения и, пожалуй, водворить в себе душевный покой при помощи молитвы, шутливо придуманной Щедриным: «Ей, Господи-царю! даруй мне не зрѣти ничѣго же, ниже слышати, ниже чувствовати, ниже разумети чьто!»

Я, отшельник, прямо изнервничался от своего путешествия. Сверх того с едою было плохо. Пароходная кухня во всех трех пароходах, на которых я ехал, оказалась омерзительной, и к тому же от кушаний несся душок падали. Слыша общие жалобы пассажиров, я и не покушался что-н[ибудь] съесть, а вместо того мой дядька сходил на пристанях на берег, покупал белый хлеб, абрикосы и огурцы, а запивали мы все это чаем. Десять дней тянулся наш такой режим. Когда я приехал домой, все тут ахну-

---

< * старослав.: потому что ныне она – единственное, что мне необходимо.>

** В самом Киеве керосин имеется.

ли, глядя на мое крайнее истощение: на мне лица не было. Зной, вероятно, тоже содействовал изнеможению. А у нас здесь зной – похуже, чем на Днепре! Я приехал в Звенигородку 20 июля, сегодня – 2-е августа, а я еще не восстановил сил. Дней десять я большей частью лежал, мог очень мало работать. Только позавчера взялся за отделку страниц, посвященных докладу Б.Бостâния 1859 г.[351] о культурных достижениях Сирии, в котором для меня наиболее интересны отдельные passages, содержащие осторожное осуждение мертвых литературных тем Н.Языджия и его преславных маḳâм. Знойный ветер, вроде شلوق *, изрядно мешает работе, но по моим деревенским метеорологическим приметам дней через семь-восемь пройдет ильинская гроза с ливнем, и ночи станут прохладнее и сноснее.

Спасибо Вам за сообщение о том, что у Фâрӯкыя, несомненно, есть «хâлійе» и что, следовательно, 'Абдельбâкый-эфенди, названный в هدية الاحباب, есть несомненно не кто иной, как Фâрӯкый, о котором сведений достаточно. Из названной Вами библиографии мне недоступен Саркис; но покамест он мне и не нужен, потому что останавливаться на Фâрӯкые придется мне очень не скоро. Когда-то я еще дойду до Ирака! Быть может, и не дойду вовсе, потому что ручаться за третью Парку в моих летах трудновато уже. Жизненности во мне, конечно, много, и среди всяких хворостей и недугований как-то теперь не приходит в голову мысль о близкой смерти, но все же дни бегут и бегут.

Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет мосй...

Мне сообщено было в Киеве, что напечатан Ваш доклад о востоковедении в России и что Бертельс и другие опубликовали свои доклады об Авиценне[352]. Бертельса Вы, конечно, не скоро увидите и передать ему мою просьбу о присылке опубликованного Вы едва ли будете иметь случай, а Ваш доклад, надеюсь, Вы мне пришлете в Звенигородку.

Приветствую Ваших, желаю и Вам поправляться, – Вы ведь помоложе меня.

Ваш *А.Крымский*

P.S. Не помните ли Вы, к какой национальности принадлежал Дâуд-паша, при котором начал создаваться لبنان** (1867)?[353] Тут в Звенигородке у меня с собою нет пособий о Ливане, кроме чисто статистических (Кюине и пр.). Однако нет и Петковича[354]. Все в Киеве.

< * араб.: шлук (сирокко).>
<** араб.: Любнан (Ливан).>

21/IX 1938, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

Я Вам очень благодарен за присылку Ваших работ. Как бы ни были кастрированы «Итоги арабистики»[355], они от этого не потеряли ни своей содержательности, ни увлекательности изложения, и я бы на Вашем месте не стеснялся рассылать их всем заинтересованным... Работа Ваша ясно показывает, что, несмотря на все невзгоды, русской арабистике не грозит опасность остаться пустым местом и приятным воспоминанием. Вот боюсь только (и желаю, чтобы известие оказалось ложным), не упадет ли удар теперь на Восточный институт. Один из киевских археологов, вернувшись недавно из Ленинграда, сообщил, что Восточный институт не то закрывается (что совсем неправдоподобно), не то подвергается какой-то разрушительной перестройке. Он же передал сплетню, будто одна из сотрудниц арабского кабинета, исчезавшая и вновь появившаяся, теперь опять исчезла. О ком речь? قد حبس الخواجة توفيق منذ ثلاثة اسابيع ولا احزر لماذا الا انه بر الشام وله اقارب هناك يكاتبهم احيانا فلعله منه *

По моему темпераменту я не принял бы так близко к сердцу, как Вы, невозможности печатать то, над чем работаешь. Вы, конечно, ощущаете это болезненнее, имея вокруг себя коллектив учеников и сотрудников, которому несвоевременное опубликование трудов ставит изрядные препятствия для дальнейшей работы. Но личная Ваша исследовательская работа может, по-моему, вестись спокойно без печатания в течение ряда лет – в уверенности, что рано или поздно она свет увидит и что Вас будут еще и просить о позволении напечатать ее. Про себя лично я скажу, что нисколько не жалею о том труде, который мною потрачен, напр., на Историю хазар, на Очерк сасанидской литературы (очень большой!) и т.п., как не жалею труда, очень упорного, потраченного мною на новоарабскую литературу. Увидит ли она свет, и в каком состоянии увидит, этот вопрос совершенно заглушается ощущением того удовольствия и наслаждения для себя лично, какое я испытал и испытываю от этой работы. Мне жить осталось, несомненно, крайне малый срок, но меня не огорчает мысль, что книга моя будет напечатана после моей смерти, а не при моей жизни. Впрочем, иногда мода внезапно может потребовать издания ее скорее, чем рассчитывал автор. Quien sabe**. Чайкин как-то написал мне, что его «Селяман и

<* араб.: Арестован хаваджа Тауфик вот уже три недели назад, и я не знаю почему, разве что он из Сирии и у него там близкие, с кем он по временам переписывается, а может быть, из-за него самого.>

<** исп.: Кто знает?>

Эбсаль», конечно, никогда не получат разрешения выйти в свет ввиду мистического настроения Джамия. И что же! прошел всего какой-нибудь год – и поэма в переводе Чайкина с благодарностью была принята в издательство и даже дала ему материальный хороший заработок, о котором Чайкин, работая над Джамием, даже не помышлял[356]. Πάντα ῥεῖ*.

За выписку насчет Дауд-паши от души благодарю. Я и «Enzyclopädie des Islam» не привез с собою в Звенигородку, кроме того выпуска, в котором есть Ваша статья «Yazydjy». Теперь у меня к Вам просьба сделать справку у Саркиса насчет издателя حديقة الاخبار** Халйля Хурия, именно о годе его рождения[357]. Имеющиеся у меня данные не совпадают одна с другой. Моя личная запись со слов Салима Шхаде похожа на правду: «вероятно, в 1837 или 1838 году»; но эта прибавка: «вероятно (تخمينًا)***» и подрывает авторитетность сообщения. Саркис – последний, кто должен был проверить этот вопрос, и потому для меня очень любопытно именно его датирование.

Другой вопрос, о котором тоже, пожалуйста, справьтесь у Саркиса, – это дата первого года выхода в свет бейрутского ثمرات الفنون****. В этом пункте тоже показания расходятся[358]. А Вы лично – на каком году остановились бы?

И еще будьте добры посмотреть у Саркиса (или, быть может, прямо в «Моктатафе»), в какой книге «Моктатафа» ʻIcâ Maʻлуф напечатал свой некролог Халиля Хурия (ум.1907)[359]. Что такой некролог действительно был Maʻлуфом написан, я довольно твердо помню, но справку я где-то затерял.

Приветствую появление Вашего очерка «Daghestan et Yémen»[360]. Bahnbrechend*****. Но теперь на Вас же лежит обязанность дать очерк литературных сношений Дагестана с Азхаром[361] и опубликовать дагестанских арабоязычных писателей-азхаритов. Тогда вопрос осветится резче. Когда-то Каспарьян, бывший недолгое время инспектором в Лазаревском институте и (при своем армянском вероисповедании) считавшийся за черкеса, уверял меня, что существует какая-то черкесская литература на арабском языке. Я тогда отнесся к его сообщению без интереса. Быть может, он имел в виду арабские работы тех черкесов, которые бежали в Турцию и Египет при завоевании их родины русскими. А быть может, он знал о существовании арабо-черкесских сочинений, писанных на самом Кавказе? Черкесы заме-

---

< * греч.: все течет.>
< ** араб.: «Сад известий».>
< *** араб.: предположительно. >
< **** араб.: «Плоды искусств».>
<***** нем.: прокладывающий новый путь.>

нили христианство на ислам в XVII и XVIII вв., т.е. в то же время, в которое Вы установили существование арабской литературы в Дагестане. Вероятно, придется когда-нибудь писать историю арабской литературы на целом Кавказе? Каюсь, впрочем, что я хожу в этой области, как в темном лесу, потому что, к стыду своему, мало этим интересовался, хотя кавказская арабская литература, можно сказать, не раз сама мне в уши и в нос лезла. Однажды даже кандидатская работа была мне подана на эту тему оканчивавшим студентом-дагестанцем; но я ее рассмотрел с точки зрения проверщика правильности или неправильности перевода на русский язык, и только.

Начисто переписываю в истории арабской литературы Сирии уже 1860-е годы. Вплотную подошел к газете и журналу Б.Бостáния 1870–1880 гг. и к характеристике сотрудников; но еще этого отдела не редактирую, потому что даю перевод отрывков из драмы «Кайс и Лейла» Салúма Бостáния, разыгранной в «Научном Обществе» 1868 г. (об этом возобновленном Обществе у меня сказано довольно много). Хочется также охарактеризовать драму «Абу-Зейд Саруджский» Рамадáна[362]. Потому никак еще не могу расстаться с 1860-ми гг. Возможно, что к отъезду моему из Звенигородки 1-й том (до исхода литераторов в Египет) будет закончен, если я здесь задержусь больше чем на месяц.

Но мне очень мешает состояние моего здоровья. Поработаешь пером – и приходится прилечь для возобновления сил. Беда мне и с питанием: организм отказывается от пищи и оттого слабеет*. Авось наступившие более прохладные дни (надолго ли?) позволят несколько оправиться после невыносимого зноя последнего месяца; ночи, впрочем, были уже не знойные, сносные и тогда.

В общем, понятно, нечего закрывать глаза, что отшествие мое ad patres** приближается. Но работа скрашивает все; и смерть, которая подкрадывается فى جنح ليل خاطفا كالذئب***, вероятно, схватит меня незаметно для меня самого.

Огромное счастье для меня в Звенигородке – что я здесь абсолютно ни с кем не знаком. Понятие «пришел гость» тут мне неизвестно. В Киеве я тоже не знаю прихода гостей, там тоже my home is my castle****, но там я встречаю знакомые лица на улице, в Академии, нет-нет, да и перебросишься двумя-тремя словами. Тут я и на улицу редко выхожу (есть свой сад), а если и

---

* Показательно, что в случаях ухудшения температура у меня не выше, а ниже нормальной.

< ** лат.: к праотцам.>

< *** араб.: захватывая, точно волк под покровом ночи.>

<**** англ.: мой дом – моя крепость.>

выйду, то знакомых лиц не встречу, никого не знаю! ни с кем раскланиваться не надо*.

Ваш *А.Крымский*

Привет всем Вашим!

P.S. Жив ли Гордлевский? Состоит ли он редактором в «Academia»? Или его убрали? Перед летом я от кого-то слышал, что издательство «Academia» сильно свертывается.

Будут ли печататься сборники в честь Марров, отца и сына? Моя вступительная статья к «Хазарам» сдана была для сборника Марра-сына. Который из сборников больше имеет шансов на выход в свет? или, может быть, пора просить о возвращении данных статей назад к автору?

5/VII 1939, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович!

После нескольких месяцев молчания беру перо в руки.

От Кезмы я перед отъездом из Киева получил сведения касательно Вас, т.е. Вашего здоровья. Кезма теперь вольная пташка; боюсь, впрочем, что и в квартирном отношении ему придется напоминать собою вольную пташку, которая «в долгу ночь на ветке дремлет», кажется, и в вопросе о manger et boire** придется ему походить на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но питаются тем, что перескакивают с одной кучки навоза на другую и ищут там какого-нибудь зернышка. Во всяком случае он не ропщет на судьбу и, порядочный охотник переписываться, уже корреспондирует с теми, кто его не забыл. Культум ему написала, что Вы до сих пор не можете

---

* И тут же иногда не без внутренней улыбки раздумываю я про своего рядом идущего сына, ученика III класса[363]. Этот не только перекликается со всеми проходящими мальчишками, но оказывается хорошо знаком со всеми собаками и титулует их по именам, хотя, по всем признакам, репутация многих из этих собак крайне сомнительна. Он же смущает меня вопросами, ответа на которые я, конечно, не находил ни в «Ḫадйқат аль-аḫбар», ни в «Лисан аль-ḫаль»[364], вроде «Что лучше? Эм-один или Зис-два?» – и авторитетно начинает мне объяснять, что это за дядюшки (это оказываются автомобили) и какие преимущества того и другого... Так новая жизнь, которой я не знал бы за своими старыми книгами, невольно делается знакомою и отшельнику. А из соседнего сада слышится песенка детей: «Если завтра война», напоминающая о чем-то более сериозном, чем «Эм-один». Но так как это «завтра» наступит, безусловно, уж после моей смерти, то, полагаю, мне нечего над этим das Gehirn trocknen <(нем.: иссушать мозг)>. Ведь, après nous le déluge <(франц.: после нас хоть потоп)>.

<** франц.: есть и пить.>

оправиться от болезни. От какой болезни? неужели все еще от длительных последствий карбункула?! А о здоровье Вашей сестры[364a] ничего Кезме не написано. Меня Ваше известие о грозящей ей опасности очень взволновало. Не забывайте сообщать о состоянии ее здоровья.

Теперь – о себе. Несколько месяцев моей жизни наполовину потеряны из-за тяжелой болезни.

Все знают о полном расстройстве железнодорожного пассажирского сообщения за последние четыре года. Каждую осень переезд мой из Звенигородки в Киев сопровождался несколькими днями хворания от ужасных условий дороги*. В последнюю осень я после переезда получил острое воспаление легких и бронх. Воспаление легких прошло через месяц; бронхи – даже теперь среди лета, не совсем оправились. Писать что-н[ибудь] научное мне во время болезни было немыслимо, в силу быстро возникавшего тумана в голове. Читать после выздоровления было легче, и я, лежа, поглотил бесконечное число самых мелких сообщений о Сирии и св[ятой] земле XVIII–XIX в., хотя бы они, с виду, не имели никакого отношения к моей задаче, т.е. истории арабской литературы. Вновь пересмотрел я, но уж повнимательнее прежнего, также редкие издания путешествий по Сирии с конца XVI в., напр[имер], князя Радзивилла[365], Быковского и пр. Само собою понятно, что я обрел огромное количество фольклорно-этнографического материала, который до сих пор ускользал от внимания ориенталистов; но делать выписки была бы вещь длительная, и я ограничился краткими библиографическими выметками, которые и приложил к своим богатым личным записям из Сирии. Только единственный раз я не устоял от соблазна: ксендз Головинский в 1839 г.[366] записал в Жбейле сказку на тему о Турандот, – а я тоже в Жбейле записал ту же сказку, но в гораздо более скомканном виде; я и не выдержал, и переписал лучший вариант Головинского целиком. Вариант, несомненно, ближе к Годдзи, чем к Низамию[367]. Гораздо ценнее оказались для моей текущей задачи разные мелкие неожиданные شذرات**, которые мне удавалось извлекать оттуда, откуда и не думал. Кое-что заинтересует и непосредственно Вас. Вашу исчерпывающую работу о Хассуне я считал, и справедливо, за opus completissimum*** относительно этого писателя; если мне

---

* Quid ea memorem quae nisi iis, qui viderunt, nemini credibilia sunt! – так (или приблизительно так) выразился некогда Саллюстий, помнится, в «Катилине». <(лат.: Зачем мне рассказывать то, что не может показаться вероятным никому, кроме тех, кто это видел!)>

<** араб.: мелочи.>

<*** лат.: полнейший труд.>

(в том материале, который я уже сдал Вам) посчастливилось прибавить пару мелких штрихов, то источником оказывались мои личные записи, а не печатная литература, которая у Вас использована всесторонне. Но там у Вас есть признание, что насчет преподавания в Бзоммаре[368] во время обучения там Хассуна мы сведений не имеем. И что же оказывается? Ксендз Головинский (будущий митрополит всех католических костелов России и профессор богословия в Вильне и Киеве) посетил Бзоммар как раз тогда, когда там учился Хассун. Головинский очень выразительно описал Бзоммар, постановку и программу обучения в нем и, что ценнее всего, изложил свои беседы с воспитанниками, среди которых был и Хассун. Очень небезынтересными считаю я также те страницы у аббата Мишона 1850 г.[369], на которых он излагает свои встречи с иерархом Хассуном, дядей Ризкаллы, в Константинополе. Оба мечтали о соединении всех церквей, и иерарх Хассун рассчитывал, что к единению можно привлечь и российскую церковь, с условием, чтобы это состоялось в духе взаимной любви, а не в виде подчинения римскому престолу (кстати напомнить, Мишон был старокатолик и, потом, решительно выступил против догмата о непогрешимости папы). Для тех частей моего труда, которые были уже готовы, но Вам не посланы, я тоже насбирал во время болезни много ценных дополнений, напр[имер] по истории театра мистерий в Сирии и Палестине XVIII–XIX в.*. Несколько оправившись от хворобы, я начал перерабатывать, т.е. расширять, написанные мною главы. Работа изрядно росла вширь, но от этого выигрывала в качестве.

Но вот, в конце ноября стряслось надо мною новое несчастье.

Я уж начал выходить из дому, считаться якобы здоровым. И тут оказалось, что этого момента лишь ожидали, чтобы запречь меня в совершенно неориенталистическую телегу, в работу по сравнительному (индоевропейскому) языкознанию и по подготовке профессорско-аспирантских кадров для истории украинского и русского языка. Атака пошла и со стороны Наркомпроса, и со стороны историко-филологического факультета, который успел оценить результаты моих занятий с аспирантом-арабистом в высшей степени для меня лестно. Наркомпрос предложил мне взять на себя должность консультанта для готовых уже профессоров украинской и русской филологии: занимая уже кафедры в разных вузах Украины, они, оказывается, не раз испытывают затруднения при разрешении филологических вопросов, которые

---

* Очень интересно пасхальное «Осмеяние сатаны», которое со школьной сцены сошло в гущу народа и смешалось с одной из сцен карагёза[370].

встают перед ними уже в процессе преподавания в студенческой аудитории. Такие профессоры должны откомандировываться ко мне для консультаций, в течение двух-трех дней. Согласиться на предложение мне было не тяжело: командировки ко мне для занятий, сказано мне было, будут эпизодическими, не чересчур частыми. Но с аспирантурою дело было грознее: я имел заниматься с ними как руководитель, обязательно раз в каждую шестидневку, а если понадобится, то и чаще. Я попытался было отнекиваться ссылкою на то, что лет шесть-семь тому назад совершались выступления с нападками на мою идеологию. Мне было отвечено, что мои критики – разоблаченные враги народа, все уж потерпевшие наказание. После того отказываться — значило б быть саботажником и идти против лозунга пятилетки: «подготовка кадров». Пришлось согласиться. Потом я узнал, что вопрос о поручении мне аспирантов (комсомольцев, коммунистов) для подготовки молодых профессоров истории украинского и русского языков был обсужден предварительно в ЦК партии и решен был в том смысле, что я непременно должен быть привлечен к делу.

Я попросил две недели отсрочки якобы для окончательного выздоровления. На самом деле я ощущал внутреннюю потребность освежить все свое настроение в предлагаемой мне области и почувствовать себя в ней полным хозяином, который, словно хозяин виноградника, должен, по испанскому выражению, знать все виноградинки на лозе, conoser las uvas de su majuelo. Семь лет я уж не раскрывал санскритской книжки; грамматика, конечно, неизгладимо держится в памяти, но орудование языком, текстами могло в течение семи лет и пострадать. Не мешало мне освежить себя также чтением готских и литовских текстов.

Я приступил к делу.

Взялся я читать «Наля и Дамаянти», но особенно охотно «Хитопадешу»[371]. Не то восемь, не то девять дней употреблено было мною на чтение этих санскритских текстов, и, признаюсь, «Хитопадеша» доставила мне на этот раз даже прямое наслаждение: все время я как бы имел перед собою «Калилу и Димну», и чудилось, что я работаю для арабистики[372]. Удобное издание М.Мюллера с переводом en regard* позволяло не задерживаться в разборе. Как-никак, однако, истрачено было дней восемь-девять. Библию Вульфилы[373] почитал я всего два дня: уж слишком она близка. Два дня читал литовские песни, из которых, кстати сказать, я многие знал на память еще со студенческой скамьи; оказалось, и в этой области я не растеряха. Для очистки совести

<* франц.: параллельно.>

пробежал три песни Илиады, хотя греческий язык для меня, как и для Вас, есть язык, слишком и слишком внедрившийся в нашу природу. Заучил я когда-то, еще студентом бывши, греческий текст четырех евангелий для того, чтобы при изучении церковно-славянских памятников не заглядывать всякий раз в греческий оригинал для справок, а сразу ощущать отличия и особенности славянского текста. Проверил себя и в этой области. Оказалось, и тут все обстоит благополучно.

Так у меня из моей кончающейся жизни вырвано было еще две недели не на то дело, которым я сам хотел бы заняться, а на то, которое на меня возлагали другие. Пока текли эти две недели, я как-то меньше ощущал их потерю. Кончились – и мне сделалось необыкновенно тяжело на душе. Ведь несомненно же, что мой жизненный путь кончается, что вот-вот придется soltar la maleta* и исчезнуть. А сколько еще хочется сделать! но – такого, что по душе самому, а не того, к чему призывают другие. Однако Roma locuta – causa finita**. Завтра во всеоружии профессора старого типа, московской школы филологов, приступить к занятиям!

Оказалось, однако, что не по коню корм.

Мне для аспирантуры дали лучших, окончивших пятилетний курс историко-филологического факультета. Но с первого же часа филологической беседы с ними я, с изумлением и даже с ужасом, убедился, что это люди, абсолютно ничего не смыслящие в филологической науке, не знающие даже того, что когда-то знали гимназисты средней руки. Церковно-славянский язык им неведом; даже тех практических знаний, которые некогда каждый получал в церкви, нет у этих комсомольцев, и для них церк.-слав. текст много непонятнее, чем, скажем, польский. Истории русского языка, хотя бы в пределе лекций Соболевского[374], они не изучили: знакомы им были только избранные страницы. Из сравнительного языковедения они усвоили только клочки введения (разделение языков на семьи и т.п.) и не получили знания хотя бы элементарных принципов сравнительной фонетики. Санскрит, готский и литовский языки – для них terra incognita***. Из греческого и латинского лизнули только первоначатки, приблизительно в объеме знаний аптекарских провизоров по латыни, если не меньше. И т.п., и т.п. Единственный позитив – страстное желание поучиться и воспринять хотя бы небольшую часть того, что я знаю.

< * исп.: букв. развязывать чемодан, котомку.>

< ** лат.: Рим высказался, и дело кончено; высказалась сторона, которой нельзя возражать.>

<*** лат.: незнакомая область.>

По закону об аспирантуре я должен был бы заниматься с ними час в шестидневку. Я вместо часа стал работать с ними пять часов, семинарским методом. Читать указываемые мною книги они не были в состоянии, не понимали их. Я взялся разбирать с ними славяно-русские памятники XI в. и, на разборе текстов, учить их филологическому мышлению, лингвистическому анализу слов, сопоставлению со звуками и формами родственных языков и прочим приемам. Все было для них откровением. Результаты к февралю оказались блестящими, из сырья они начали превращаться в лингвистически мыслящих начинающих ученых и славословили меня «въ тимпанѣхъ и гуслѣхъ» на всех перекрестках. Тогда в феврале последовала новая атака на меня. Сперва у меня испрошено было разрешение еще для нескольких человек молча присутствовать на моих семинарских занятиях, а вскоре эти восхищенные свидетели начали слезно молить меня, чтобы и с ними я поработал. Под давлением vom Oben* я должен был согласиться. Образовалась вторая группа аспирантов. И первая и вторая группа приходят ко мне каждый раз в шестидневку около 8 часов вечера и уходят около часу ночи, а кроме того, поочередно я жертвую добавочный вечер то той, то другой группе. Итак, три вечера в шестидневку идут у меня на аспирантов. Справедливость заставляет меня сказать, что жажда знания и у другой группы необыкновенная; это, собственно, и служит для меня утешением в моей барщине и заставляет меня самого вести с ними занятия как можно добросовестнее, частенько забывая даже, что я несу барщину, а не добровольно избранный труд. Уважение и полная симпатия со стороны аспирантов к моей личности также скрашивают мою работу с ними.

В мае я объявил, что до октября приостанавливаю свои занятия с ними, п[отому] ч[то] еду в Звенигородку. Споров, конечно, не было: все заранее были предуведомлены, что на летние месяцы Крымский обязательно исчезает из Киева, хотя учебный год тянется до июля. Но тут нависла надо мною, над моею свободою, новая гроза.

Ко мне явилась депутация из Азербайджана: Микаэль Рафили[375], Расул Риза и Сулейман Рустам, с убедительной просьбой составить книгу «Низамий и его современники», листов в десять печатных, чтобы она была издана к торжественному юбилею Низамия, который будет отпразднован в 1941 году. После долгих отнекиваний я имел малодушие согласиться**. Едва я при-

---

<* ием.: сверху.>

** Сама по себе работа была бы очень заманчива и приятна, а уйма накопившегося у меня материала, разумеется, позволила бы дать труд, достойный юбилея и представляющий много нового для иранистов. Но меня мучила тоска по Сирии, и оттого я пытался отказываться от несомненно приятной (да и прибыльной) работы.

ехал в Звенигородку, я уже застал присланный из Баку текст договора на эту заказанную книгу, причем официальным заказчиком считался не Союз азерб[айджанских] писателей (как сперва мне говорилось), а бакинский филиал Академии Наук: подпись – Хусейнов. Очевидно, центром фестиваля будет академический филиал, он же «Институт им.Низамия». Я несколько приуныл, видя, что меня связывают письменным договором: тут уж не отвертишься от работы! Вдруг к моей невыразимой радости я увидал пункт договора: «Книга должна быть представлена к 20 октября 1939 года». Я немедленно послал в Баку твердое заявление, что срок для меня физически невозможен: я в состоянии давать только один печатный лист в месяц, т.е. представить книгу только к апрелю 1940 года, не раньше. Довольно грубовато прибавил я, что шарлатански спешить я не способен. Хотел было написать им греческую пословицу: «Ἡ κύων ἀπὸ τῆς σπεύσεως τὰ τέκνα τυφλὰ τίκτει»*, но убоялся, что в Баку по средневековому скажут: «Graecum est, non legitur»**, и ограничился словами Саадия: «В Китае мастер работает над вазою целый год. У нас на ширазском базаре гончар лепит по сто горшков в день. Но ведь ты знаешь, какая им цена». Прибавил им и еще пару «кислых» слов.

К моему счастию, отказ мой был принят, и я от заказа освобожден. Sic me servavit Apollo***, как говорит Гораций в известной сатире.

Итак, лето – мое, и оно будет посвящено исключительно арабской литературе. В Киеве болезнь и упорные занятия с аспирантами немало отняли у меня времени, однако арабская работа продолжалась, пусть и не в тех темпах, какие были для меня желательны. Сегодня, в Звенигордке, я дописал последние строки I тома: «Началась повальная тяга писателей из Сирии в Египет, и наступила новая, чрезвычайно плодотворная полоса в истории развития новоарабской литературы»[376]. Только написавши эти строки, я взялся за письмо к Вам, которое все откладывал и откладывал до окончания I тома.

С перепискою на машинке дело обстоит плоховато, но сносно. Хуже всего – что бумага отвратительна: сероватая и с шероховатостями. Лучшая, знающая языки переписчица переписала мне стр.787 – 1008-а и еще перепишет около 100 страниц. Худшая, но быстро работающая переписчица получила моего оригинала не менее чем на 500 страниц машинных и, как уведомляет

< * греч.: собака от спешки рожает слепых щенков.>

< ** лат.: «Это по-гречески, это не читается»; нечто непонятное.>

<*** лат.: Так меня спас Аполлон!>

меня, скоро все перепишет. Не сдана для переписки только последняя, заключительная глава (или отдел) о сирийской журналистике 1860-х и 1870-х гг. вместе с характеристиками главнейших тогдашних молодых литераторов. Ее я сегодня и закончил. Пока перепишу ее начисто, для машинки, обе переписчицы пришлют то, что у них имеется в моем оригинале. Тогда начну читать и корректировать переписанные ими страницы и стану систематически отсылать к Вам. Неотделанного текста у меня почти нет. Думаю только, если будет настроение, заменить прозаический перевод بسمت النيل* Варды Языджи стихотворным (это – уже в переписанной части работы)[377]; кроме того, во время собственноручной переписки оставшейся у меня последней главы изложу несколько подробнее «Мешок курда» (1870)[378], чем он у меня изложен, и отделаю повнимательнее одну из элегий Фр.Марраша[379], перевод которой готов был у меня еще в прошлом году. В общем, однако, смею говорить, что I том у меня приведен в окончательный вид.

Теперь несколько вопросов или замечаний о мелочах.

1) Вы как будто меня упрекнули, почему я сомневаюсь иногда в показаниях Тарразия. Но беда в том, что Тарразий все же араб, и если я у Хартманна нахожу другую дату, то невольно склоняешься верить немцу, а не арабу[380]. В вопросе о ثمرات الفنون** сомнение было тем уместнее, что Хартманн сам находился в Сирии, когда Тамарай начало издаваться.

2) Второе мое сомнение имеет аналогичные основания, но на этот раз касается Зейдана. Зейдан дважды (т.IV, 246 и 247) указывает год смерти Жебр. Делляля: 1899 и ссылку делает на Костаки Хомского[381]. У Вас («Хассун», стр.24) принята для года смерти цифра 1892. Мне очень хотелось бы знать, почему Вы отбросили дату, указанную у Зейдана.

3) Опять ощущаю недостачу библиографии Саркиса у себя под руками. У меня есть книжонка с надорванным заглавием فكاهة العشاق ونزهة الاحداق تأليف اسحاق الدمشقي*** (Бейрут, 1874)[382]. Пожалуйста, справьтесь у Саркиса, кто автор этого تأليف-а****. Не верится прямо, чтобы это мог быть Адиб Исхак. Книжонка навела меня на целый ряд размышлений.

4) В моем старом черновике в рубрике об الهدية***** (на этом органе я останавливаюсь долгонько)[383] имеется в числе прочих

< * араб.: «Улыбка Нила».>

< ** араб.: «Плоды искусства».>

< *** араб.: «Утеха влюбленных и услада очей». Сочинение Исхака ад-Димашки.>

< **** араб.: сочинение.>

<***** араб.: «Дар».>

ссылок и такая приписка: «Рукоп.Публ.Библ.». Когда давно я ее писал, я ее понимал, а теперь для меня ясно только, что ссылка относится к одной из Ваших работ. Тот том (recueil factice)* Ваших произведений, который у меня собран в одном общем переплете под заглавием «Рукописи», оставлен мною в Киеве, и до осени я не могу его раскрыть. Полагаю, что речь идет о собрании рукописей Григория IV патриарха Антиохийского, где Вы, очевидно, что-то сообщили о начале издания الهدية. Будьте добры, взгляните в свою статью и черкните мне ее заглавие и суть того, что Вы могли сообщить в ней про издание «Хедійе»[384]. Полагаю, что это составит строчку-две: сообщение, конечно, было мимоходное, иначе я его запомнил бы.

5) Не можете ли Вы указать с максимальною точностью, когда именно прекратилось издательство «Хедійе»? И неизвестна ли Вам подлинная причина, приостановившая издание? Мой неотступный собеседник, шувейрский поп о.Ханна Мжа'ас[385] (надоедал он мне вечным своим присутствием до невероятия), лаконически дал объяснение, что виною была «подлость» арабов: «нáḥна, улâд Араб, дȳн»**; но я, к сожалению, не записал своевременно, в чем заключалась «арабская подлость».

6) В картинках умственной дамасской жизни после резни 1860 г. я несколько раз цитирую Ваш перевод «Эндимиона»[386]. Но Вы мне прислали в свое время только первую половину. А из библиографии Ваших работ (1936, стр.20) оказывается, что был напечатан и конец («Совр[еменный] мир», 1918, 1,5–83). Полагаю, что и там я нашел бы для себя жатву. Если у Вас случайно найдется лишний экземпляр, пожалуйста, пришлите мне для ознакомления. Имейте в виду, что я к зачитыванию чужих книг отношусь отрицательно. Я, напомню, никогда не забываю, что 1-й выпуск N.Barbour'a ссужен Вами мне лишь временно и что я обязан Вам возвратить его.

7) Я не получал в течение целого года ни одной Вашей новой публикации. Прошу вспомнить меня и прислать все, что подобралось.

Привет Вашим! От харьковцев я узнал, что Вы лишились помощника, А.П.Ков.[387]. Какая его судьба?

Ваш *А.Крымский.*

<* франц.: имеющееся собрание.>

<** араб.: мы, арабы, низкие.>

8/VIII 1940, Звенигородка Киев. обл.

Дорогой Игнатий Юлианович! Прежде всего приношу запоздалую благодарность за поздравление меня с получением ордена. Прибавлю, что это не единственная оказанная мне почесть. Недели две назад мне, особым декретом Совнаркома, присвоено звание «заслуженного деятеля науки». Помимо того – ряд хвалебных статей, с портретом, с преувеличенными комплиментами. Предложено переиздание некоторых моих произведений. И пр. и пр.

Причина фавора мне неизвестна. Применяя обычное медицинское объяснение: post hoc – ergo propter hoc*, могу только догадываться, что одна из причин – самоубийства двух моих врагов: наркомпроса Скрипника[388] и председателя совнаркома Любченка[389], оказавшихся шпионами. Приблизительно шесть лет (1929–1935) велась ими против меня травля. Их смерть принесла опалу и даже гибель тем, кому они покровительствовали, и реабилитацию тем, кого они травили. Довольно вероятно, что данные мне после того аспиранты много содействовали своими блестящими успехами моей популярности. Я не жалел ни времени, ни труда, чтобы сделать из них подлинных ученых, а дан был мне в их лице невежественный сырой материал. Знаменательно, что мотивировка для дарования мне ордена трудового знамени гласит: «за выдающиеся заслуги в области филологии». Эта вещь довольно необычная. Она, конечно, свидетельствует об общем повороте правительственных воззрений на значение гуманитарных наук. Впрочем, каковы бы ни были причины, верным остается факт: лживой, клеветнической травле против меня был положен конец в 1935 году, а в 1940 г. наступила полная реабилитация.

На судьбе моей это ничем не отразится. И раньше я работал не покладая рук, с утра до поздней ночи, и теперь буду работать с тем же рвением. Желал бы прожить-поработать хотя бы еще годика три-четыре, чтобы при жизни руководить переизданием некоторых своих работ из тех, что пообъемистее. Не рассчитываю увидеть в печати ту свою огромную работу, которая мне доставила много наслаждения в последние годы,– историю новоарабской литературы. Но питаю надежду, что отредактирую ее до конца и вручу Вам всю полностью, не только готовый I том, но вообще всю.

С историей арабской литературы XIX в. произошла у меня заминка, довольно неожиданная для меня. Я Вам писал летом прошлого года, что Аполлон спас меня от составления книги для юбилейного комитета «Низамий и его современники». Но оказа-

---

<* лат.: после этого, следовательно, вследствие этого.>

лось, Клио сочла нужным посадить меня за эту работу. Я получил из Баку телеграфный аванс в 4000 р. с телеграфным уведомлением, что мне дается на составление книги срок – один год. Отказаться было нельзя, я взялся за работу и, как и следовало ожидать, увлекся. В первой главе, точней, в 1-й части или отделе я дал самый обстоятельный обзор и критику как источников для биографии Низамия, так и всей литературы о нем, начиная с глухого сообщения Тейхейры конца XVI в. и очень сомнительного сообщения Олеария[390]. Один только этот первый отдел занял у меня 160 страниц, переписанных на машинке. Второй отдел – очерк политической истории XII в. в разлагающейся империи сельджуков – оказался, разумеется, еще объемистее (он переписан уже на машинке), и каждое слово в нем оправдано ссылкою на первоисточники. Далее – все еще не отделанный по-настоящему обзор персидской и арабской-иранской литературы XII в. Тут я, к сожалению, увлекся превыше всякой меры. Достаточно Вам будет узнать, что для характеристики религиозных течений я не сумел ограничиться такими мыслителями, как Газалй[391] (он-то у меня проанализирован изрядно), но использовал житейские картинки из деятельности очень многих богословов, в том числе типа дон-Базилио, и не удержался от внесения в общую картинную галерею даже таких менее известных, зато замечательно иллюстративных профессоров богословия, как Рокн Абдесселям[392] в Багдаде. Для того чтобы обычный читатель мог читать даже отдел о богословии словно беллетристическую книгу, подобные типы мне очень пригодились*. Но ясно, что объем моей работы разросся из-за них очень сильно. Хочу верить, что за два-три месяца я все завершу и опять обращусь к истории новоарабской литературы.

Первый ее том, как я Вам писал, совершенно готов и даже на машинке переписан. Но чтобы отослать к Вам эту большую по объему работу, мне надобно все перечитать подряд, не отрываясь ни на день для избежания возможных повторений или иных неприятных стилистических изъянов; да, быть может, при таком сплошном чтении станет мне ясна и какая-нибудь недоговоренность, требующая небольшой вставки, примечания или чего-нибудь подобного. Сверх того надо тщательно поправить описки машинисток, из которых только одна переписывала сносно, а прочие валяли на бумагу что попало (в одном месте мое «šaḥ-namé» обратилось у переписчицы в «Шан-пале»).

---

* Кстати сказать, я рад был бы для «беллетристичности» изложения отыскать побольше данных не о доктрине, а о жизни Абдесселяма. Но в этом отношении я имел в своем распоряжении только ибн аль-Асира (бар-Гебрея я не считаю) и Кыфтыя[393]. Не будете ли Вы в данном вопросе осведомленнее меня?

Кладу на такое сплошное перечитанье три недели. Но ввиду срочности моей книги «Низамий и его современники», с которою у меня и так произошла задержка, я не могу теперь урвать для перечитки рукописи новоарабской литературы потребные мне три недели, которые бы никакою другою работою не прерывались и позволили бы мне сосредоточить все свое внимание только на одном. Вот почему Вы до сих пор не имеете рукописи в руках.

По временам я и теперь отрываюсь от Низамия, чтобы сделать одну-другую поправку к «Новоар. лит.». Один вопрос давно меня занимает, но я не успел посовещаться с Вами. В историях восточных литератур мы не раз встречаем مجمع البحرين*, но там почти всегда ясно, что суть – в слиянии двух сборников или сводов в один. Почему такое же заглавие избрал для своих макам Языджий? Мой экземпляр макам дефектен. Мне его подарил, как непутную вещь, Ибрахим Бехазий[394], и в нем оторваны начальные страницы. Только этот растрепанный экземпляр и остался у меня в руках; целые – в библиотеке Лазаревского Института. Не указал ли сам Языджий, на слияние каких двух «морей» намекает его заглавие?

У меня к Вам есть еще огромная просьба об одолжении. Среди всего множества рассмотренных мною даже мельчайших заметок о Низамии отсутствует статья Nizâmî в Энциклопедии ислама. Тот 3-й том, в котором она, очевидно, помещена, кончается у меня выпуском «Nafs» (конца тома мне Карахан не прислал). Будьте добры, поручить кому-нибудь из Ваших сподручных переписать для меня эту статью. За труд, разумеется, я заплачу. Очень неприятно мне, что в огромном критическом разборе всей литературы о Низамии отсутствует как раз эта справочная статья, и я не был в состоянии дать ей оценки. Не знаю даже, кто ее составлял и велика ли она.

После этих вопросов научного характера перейду к личным делам.

Мой аспирант Каплан, который был у Вас весною, сообщил мне, что Вы как будто здоровы. Но от одного нашего сотрудника я слышал, что, кажется, Вы прихварываете; он, бывши в Ленинграде, узнал нечто подобное в Публичной библиотеке. Что тут правдивого?

Какая судьба Ковалевского? В Киеве возвращены и восстановлены в правах сравнительно многие из тех, кто был захвачен во время вредительского хозяйничания разоблаченных и теперь удаленных деятелей НКВД.

< * араб.: «Слияние двух морей».>

Поправился ли А.Э.Шмидт?

Мне дали аспиранта из Львова, по фамилии Прицак[395]. Он окончил восточный факультет во Львове, причем его главным учителем-практиком в арабском языке был один из просвещенных азербайджанцев[396]. Я, находясь во Львове, экзаменовал его часа два. Материал – сыроватый, но хороший. Легко читает также тексты латинские, греческие, свободно орудует тремя европейскими языками. В востоковедной литературе, однако, плохо начитан. Он очень молод и трудолюбив. Передо мною поставлена задача подготовить его к скорейшему занятию кафедры во Львове, где факультет восточных языков не будет упразднен. Его учителя по тюркологии, Котвича[397], я не видел: он счел уместным покинуть Львов и переселиться за Вислу. На три года Прицак переезжает в Киев. Несколько наивно, он шикнуть хотел передо мною и своим знанием османского языка и написал письмо по-турецки. Но в письме прорвались у него ошибочки против синтаксиса (اونك معلم вм[есто] معلمى даже совсем нехорошо! вероятно, влияние не Котвича, а учителя-азербайджанца, способного игнорировать так наз. турецкий изафет). Я, педагогически, подчеркнул ему его ошибки, даже немного пожурил, но, в сущности, остался очень доволен в душе. Кажется, я, наконец, получаю аспиранта, начинать с которым приходится не с азов и не с отъучки от средневековых йешиботских[398] приемов.

Навязывали мне еще одного аспиранта, уже года три преподающего турецкую словесность. И в арабском и в турецком языке он ученик Т.Ковальского[399]; имеет печатные работы. Фамилия его – Завалинский[400]. Оказалось, он хочет пройти со мною всех турецких историков, чтобы под моим руководством написать диссертацию: «Польша и Украина у турецких историков». При моих руководительских принципах (поверхностного отношения я не признаю) взять его – значило бы засесть вместе с ним за эту работу, безраздельно отказавшись от всех прочих, и погрузиться с головою исключительно в турецкую историографию. Я решительно отказался: Низамий и новоарабская литература гораздо для меня ценнее. Я посоветовал Львовскому университету и нашей Академии направить Завалинского к Вам в Ленинград. Не знаю, кто будет его там направлять, но самая обстановка Института востоковедения должна отразиться на нем благоприятно.

Привет всем Вашим. Что вышло у Вас в свет нового, не забудьте прислать мне.

Ваш *А.Крымский.*

5/X 1940, Звенигородка

Дорогой Игнатий Юлианович! Приношу свою благодарность за оба письма. Но всякие personalia, которые я из них узнал, наполнили меня глубочайшей грустью. Итак, не стало А.Э.Шмидта. Вы уже успели, благодаря течению времени, таксяк примириться с этой потерей, – для меня ж это свежая новинка – и свежая боль. По-стариковски я вспомнил дни своего магистерского экзамена в 1899 году, когда приходилось долго и сердечно говорить с А.Э., еще совершенно молодым человеком; а по ассоциации идей вспомнился и весь тогдашний восточный факультет. Где они, где они, все эти крупные люди! اهيهات!*.

Тяжело я воспринял и Ваше сообщение о Вашем личном прихварывании и о болезнях Ваших близких. И к Вашей супруге, и к Вашей сестре я почувствовал самую глубокую симпатию с первого же знакомства. Судьба Вам послала чудную подругу жизни, истинное счастье; но судьба же Вас обидела тем, что не даровала дополнительного счастья, детей. И я представляю себе, до чего тесно должны Вы оба быть связаны своими существами друг с другом и каким кошмаром должна казаться мысль, что одного из Вас могла бы похитить болезнь. Вы оба в сравнении со мною, конечно, еще очень молоды, и надо думать, что оба проживете еще очень долго. Но болезни, эти Todesboten**, не могут иногда не наводить на беспокойные мысли, и вновь я себе ясно представляю, что́ способны переживать Вы и Вера Александровна, когда какой-нибудь Bote des Todes начинает о себе напоминать в виде недуга близкого существа. Простите, если я неделикатно прямо с сапогами лезу в Ваши сердца. Пусть извинением служит для меня тот факт, что мои слова продиктованы самыми лучшими чувствами.

بو قدر***. Перейду к другим темам, менее личным. Ваше соображение, что заглавие مجمع البحرين указывает на макамы Харирия и Хамадания[401], доставило мне большую душевную удовлетворенность, потому что и сам я склонялся к такой же мысли. Теперь вижу для себя поддержку и не считаю нужным подыскивать других объяснений. За переписку статьи Nizami в Enc. de l'Isl. чрезвычайно Вам благодарен, но очень прошу сообщить мне, сколько Вы заплатили переписчице. Я намерен возвратить Вам расход, иначе мне будет совестно тревожить Вас в будущем аналогичною просьбою, буде случится нужда.

Статья Бертельса поразила меня. Она ниже всякой критики, и он не постеснялся послать ее в Enzyklopädie des Islām!

< * араб.: Как далеко!>

< ** нем.: вестники смерти.>

<*** тур.: довольно, хватит!>

В 1871 г. вышло исследование Бахера о Низамии[402]. В нем оказалось много ярких ошибок фактического характера, и они через несколько лет были обнаружены и исправлены в каталоге Брит. музея Рьё и в каталоге Бодлеевской библиотеки Захау и Этé, потом в 1895 г. Эте подвел результаты в соответствующем месте Grundriss der iran. Phil.[403]. Однако, когда Эдв. Браун в 1906 г. писал о Низамии в своей истории перс. литературы[404], он пересказал только Бахера 1871, а крупные исправления Рьё и Эте ушли от его внимания. Разумеется, промах Брауна был замечен каждым, кто пользовался страссбургским Grundriss'ом, и даже ученик Брауна Леви в своем очерке перс. литературы, предназначенном для студентов (Оксф. 1923; 2-е изд. 1928)[405], молча поправил недосмотры своего учителя, т.е. привлек к делу и Рьё, и Эте. Что же сделал Бертельс в 1935 году? Он не потрудился взглянуть если не в описат. каталоги рукописей, то хотя бы в Grundriss, и преспокойно пересказал соответствующие страницы из A literary history of Persia Брауна. И это для справочной энциклопедии, для «последнего слова науки»! Прямо позор и компрометирование для русского ориентализма перед европейской публикой! Ни Бартольд, ни Вы не решились бы дать статью, всесторонне ее не пересмотревши, не проверивши, не дополнивши, и за это петербургская ориенталистика пользовалась заслуженным уважением в глазах Европы. А теперь, на десятки лет, пока люди будут пользоваться Энциклопедией ислама, они при чтении таких статей, как Nizami, будут пренебрежительно говорить: «писал русский», влагая в эту фразу тот же оттенок, что в «писал татарин! чего же вы хотите?».

Теперь с юбилеем Низамия Бертельс, безусловно, уж сам стыдится своей статьи (в его этюдах о Низамии в «Литер. Азербайджане» нет уже благоглупостей, допущенных в «Энц. ислама»). Но читателям «Энциклопедии» разве это известно? Я, в своем обзоре истории Низамиевских студий в Европе, не упомяну, что статья в Enz. d. Isl. 1935 г. подписана «E.Berthels», ограничусь безымянной критикой. Сделаю это не потому, что хочу щадить самолюбие Бертельса, а потому, что не хочется подчеркивать перед широкою публикою факты, которые могут разных невежд вызвать на мысль: «С петербургской ориенталистикой (= со старой научной школой) нечего особенно считаться!»

Я еще не читал ни одной статьи Якубовского в Enz. des Isl. Боюсь, что при бесшабашности этого заместителя В.В.Бартольда возможны казусы вроде Бертельсовских. Эх! pâḥêt ин-нâс – у ма даллём илля н-наснâс!*

< * араб.: Бездеятельность людей – вот что ведет к бессилию!>

С отрадою прочитал Вашу статью про ибн-Хафâджу[406]. Пахну́ло «дыханием свежей ветки Андалусии». На стр.1474 у Вас несомненная неточность в переводе слова – «хирійе». Вы предложили, по смыслу очевидно, перевод «ночная фиалка». Но ведь «ночною фиалкою» принято называть определенную породу Hesperis. Между тем «хирійе» – это Cyclamen. Его иногда тоже называют у нас «фиалкою», но с эпитетом: «альпийская фиалка» (не «ночная»). У христиан Сирии в ходу для цикламена изящное название: «ладан св.Мариам» – «бахур Марии» = «бахур Марйам», но обычное мусульманское (да и вульгарное христианское) – это именно «хирійе», достаточно неопрятное (= cacans)*. Имя происходит оттого, что, когда хорошо встряхнете цветок, из его спущенного вниз круглого рыльца сыплется обильная желтая пыльца, quasimodo flos cacat**. Дети часто этим забавляются, вытряхивают пыльцу на руку и говорят: «сіді – хи́рі іді»*** – dominus meus или (herus) manum meam percacavit****. Эта фраза, хоть и длинная, может служить и названием для самого цветка; напр., могут Вас спросить: «Бимḫёбб, лӹмли́мяк сіді хи́рі іді?» – «Хотите ли, чтобы я Вам сорвал цикламен?» Но, разумеется, «хирійе» более сериозное имя. Пахнет цикламен вечером и ночью.

Написал все это – и тяжело на душе стало. Сирия – родная для меня страна, и с нею связаны самые лучшие воспоминания моей молодости, когда я жил в гуще народа, хорошего, неиспорченного народа. В последние три года меня все чаще и чаще охватывают воспоминания о Сирии, все жгучее и жгучее ощущается щемящая потребность еще раз повидать дорогую мне страну перед смертью. Но конечно, и мечтать об этом нельзя, хотя даже чисто научные соображения заставляли бы отправиться в командировку и еще раз на месте проверить обильный собранный этнографический материал: сказки, пословицы, песни, диалектологические записи. Вы, как более молодой, чем я, можете иметь надежду, что нынешняя мировая война закончится еще на Ваших глазах, что наступит длительное спокойствие и что Вы поедете на восток. Для меня, старика, эти мечты отрезаны. Как говорит персидский поэт, «моя жизнь минула, и сам я минул, и все, что должно было быть, уже было»:

گذاشتیم وگذشتیم وبودنی همه بود

< * лат.: какающий.>
< ** лат.: подобно какающему цветку.>
< *** араб.: мой господин, покакай мне на руку.>
<**** лат.: мой господин обкакал мне руку.>

В первых днях января собираются меня почетно похоронить, т.е. отпраздновать семидесятилетие моей жизни*, после чего порядочные люди поспешно сходят в могилу и не доживают до возраста обитателей Лапуты. Memento mori, obliviscitor vivere...**

Я лично, впрочем, хоть и сохраняю полную свежесть головы, не раз уж и теперь ощущаю старческую усталость от жизни. Бывают моменты, когда я, сидя в саду на лавочке и глядя на увядающую, но красивую осеннюю природу, вспоминаю слова, которые когда-то слышал от одного итальянца: ho perduto il gusto da vivere...***

А из Киева – письмо за письмом. Тоскуют по мне аспиранты. Были дожди, автомобильная дорога размылась, и машину прислать за мною нельзя (о проезде по железной дороге нечего и думать). Поэтому покамест сижу в Звенигородке и работаю вовсю. Но в первые же дни, когда дорога подсохнет, меня не забудут, und ich muss dahin****.

Ваш *А.Крымский*

Приветствуйте Ваших и выскажите мои благожелания.

И.Ю.КРАЧКОВСКИЙ – А.Е.КРЫМСКОМУ

13.X.1940, Ленинград

Дорогой Агафангел Ефимович

Получил Ваше письмо и бандероль. Мой оттиск напрасно возвращали – их у меня непочатый край, ибо, когда они вышли, было уже некому презентовать такие сюжеты, и почти все лежат у меня до настоящего дня. О расходах за переписку не думайте; объем их таков, что можно было безболезненно погасить из канцелярских сумм. Статья Бертельса, как я и ожидал, Вас не очаровала. Увы! он – человек способный, но несколько легкомысленный и поверхностный. Якубовский – несколько глубже, и у него бывают самостоятельные исторические взгляды, но небрежен в деталях. В Enz.d.Isl. у него, по счастью, только одна

---

* Питаю, впрочем, надежду, что в вихре событий как-нибудь меня забудут. Мне, тихому, скромному старику, юбилеи не нужны.

< ** лат.: помни о смерти, забывши о жизни.>

< *** итал.: я потерял вкус к жизни.>

<**** нем.: и я должен туда.>

статья о Мерверруде, тоже слабая[407]. Так мне и не удалось, несмотря на все просьбы Венсинка (тоже, увы! покойного)[408], найти русских авторов для статей по территории Союза. Насчет хырии Вы, конечно, правы. Я цветы очень люблю, но названия их плохо ассоциирую даже по-русски. Здесь я шел в общем за Peres'ом[409], но у него в данном случае идентификации нет; так мне и приходилось гадать.

Сирию я вспоминал особенно как раз на этих днях: получил из Бейрута извещение, что 13 сентября умер у себя в Фрейке Амин Рейхани. Он один из немногих, кого я знал лично, а не только по переписке, и с ним как-то связался у меня целый период занятий новой литературой[410]. А вообще за последний год я почти ничего не получаю ни с востока, ни с запада. Вас тянет в Сирию, а меня уже перестало тянуть, и я как-то отупел – лет пять тому назад было еще не то. Не знаю, лучше это или нет, но, может, и здесь est modus in rebus*.

Наши шлют поклоны, сестра все хворает. Будьте здоровы.

Ваш *И.Крачковский*

А.Е.КРЫМСКИЙ – И.Ю.КРАЧКОВСКОМУ

14/XII 1940

Дорогой Игнатий Юлианович! Адресую к Вам т.Завалинского, тюрколога-львовянина, о котором я Вам писал летом. Пожалуйста, дайте ему указание насчет его научной командировки. Надеюсь, что все Вы صاح وسالمين** иншалла.

Ваш *А.Крымский*

А от юбилея в середине января я так-таки и не убегу. Составлена комиссия по сему поводу! Что ж! Я очень этого не хотел, но le vin est tiré, il faut le boire***.

Если можно передать мне через него новые востоковедные издания Академии (особенно Записки и Библиографию), то очень прошу посодействовать. Не имею ничего после последней сессии арабистов.

< * лат.: «есть мера вещей» (афоризм Горация).>

< ** араб.: здоровы и благополучны. >

<*** франц.: вино разлито, надо пить; взялся за гуж, не говори, что не дюж.>

31/XII 1940. С Новым Годом, дорогой Игнатий Юлианович! Обращаюсь к Вам не по личному делу. Львовский доцент Завалинский, которого я рекомендовал Вам, живет на жалованье, выплачиваемое ему из Львова. Половину его (287 р. 89 к.) университет переслал на мое имя, чтобы я уж от себя отослал Завалинскому. Но его адрес мне неизвестен. Поэтому я отправил деньги моей сестре А.Ф.Чермак (7-я Красноармейская, 5, кв.13), а Вас попрошу – при встрече с Завалинским сказать ему, пусть он зайдет к Чермак и получит свое жалованье; оно ему, надо полагать, очень необходимо.

Полагаю, что занятия его в Ленинграде идут плодотворно. Он из молодежи не нашего типа, которая не любит зарываться в разные فروع*: он, напротив, ищет знаний повсестороннее и не любит терять времени. Я ему был бы очень полезен, но я уже не человек досуга, а всецело загруженная ломовая лошадь, которая вот-вот в запряжке среди оглобель свалится и больше не поднимется. Надеюсь, что Вы в более благоприятном положении, и приветствую Вас с этим, а своего положения перегруженного ломовика не пожелаю никому. Я уж и бессоницей страдаю; а к тому же землетрясение разбило мне стены, и из всех щелей дует нестерпимо, не выхожу из вечной простуды. В вознаграждение хотят мне устроить 16 января несколько парадный юбилей (70 лет жизни, 40 профессуры, полстолетия литературно-научной работы). На мои отчаянные просьбы о помиловании обещано юбил[ейным] комитетом (и такой есть!), что постараются отпраздновать «по возможности семейно», без парада. Но так как я нечаянно получил сведения, что к делу юбилея привлечен и львовский университет, то для меня ясно, что «семейность» едва ли будет соблюдена и что чествование изрядно утомит меня. Плюсы затеи все же имеются. Во-первых, из Совнаркома предложено мне и Академии немедленно возобновить восточную комиссию при Академии (на должность платного секретаря я временно возьму Кезму, пока выяснится положение Завалинского, более подвижного деятеля). А во-вторых, поставлен вопрос о создании востоковедного института, что, по словам ЦК, выйдет нечто вроде именинного подарка мне. Из-за этого одного, я, скромный Bücherwurm**, готов перенести процедуру всяких приветствий, на которые, кстати сказать, я смотрю в душе как на свои похороны; я редко когда ощущал веяние смерти так близко, как теперь. Но если будет что-н[ибудь] востоковедное учреждено, то смерть моя на судьбе его не отразится: مات محمد

< * араб.: отрасли.>

<** нем.: книжный червь.>

ما تعطلت امته*. Статьи обо мне появляются в газетах последнего месяца одна за другою; по радио тоже обо мне вещают. Все, по-моему, очень смахивает на некрологи.

باطل الاباطيل كل باطل**

Сообщено мне (конечно, «по секрету»), что юбил. комитет имеет в виду издать в этом же году нечто готовое из моих больших работ. Для издателей интереснее было бы, конечно, нечто вроде «Истории хазар»; я же, если это от меня будет зависеть, постараюсь продвинуть свой большой сборник простонародных сказок, сирийских и отчасти палестинских***. Боюсь, однако, что отсутствие бумаги парализует все добрые издательские намерения: la plus jolie femme ne peut donner plus qu'elle n'a****.

Передайте мой привет всем Вашим. Хочу верить, что все здоровы, и Вы в частности.

Ваш *А.Крымский*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Пальмове гілля» («Пальмовые ветви») – поэтическая книга А.Е.Крымского, состоящая из трех частей. Она была создана под влиянием пребывания Крымского на Востоке. Книга содержала также переводы из мировой поэзии на украинский язык.

Ч.I (1898–1901) была опубликована впервые в 1901 г. во Львове. (Как известно, в России с 1863 по 1907 г. запрещалась издательская деятельность на украинском языке. Во Львове – центре Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, подобного запрета не существовало.)

Ч.II (1903–1908) вышла в свет в Киеве в 1908 г.

Ч.III (1917–1920), о которой идет речь в письме И.Ю.Крачковского, была издана в Киеве в 1922 г. Она открывается циклом «В Трапезунті», созданным в память о лете 1917 г., когда Крымский находился в занятом русской армией Трапезунде (совр. Трабзон). В этот район Турции ученый был направлен Российской Академией наук для изучения, охраны и приведения в порядок памятников древней письменности, хранившихся в монастырях и мечетях Трапезунда и его окрестностей. Эта часть поэтической книги Крымского содержит многочисленные переводы из персидской классической поэзии на украинский язык (см.: *Крачковский И.Ю.* [Рец. на:] *Крымський А.* Белетристичні писання. IV. Пальмове гілля. Екзотичні поезії. Частина третя (1917–1920). Київ, 1922. – Восток. Журнал литературы, науки и искусства. 1923, кн.2, с. 148).

< * араб.: Мухаммед умер, но не прекратилась его умма.>

< ** араб.: суета сует и всяческая суета.>

*** Увы, только в переводе. Издать арабский текст, даже в самой приблизительной транскрипции, покамест тут нельзя: надобно отлить шрифты.

<**** франц.: самая красивая женщина может дать не более того, что имеет.>

[2] Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV (1917–1920). Пг., 1921. В «Записках» помещены статьи и заметки Н.Я.Марра, В.В.Бартольда, В.А.Гордлевского, А.А.Ромаскевича, И.А.Орбели и др., а также некрологи Н.И.Веселовского, В.А.Жуковского, Н.А.Медникова.

[3] См.: *Ибн Туфейль*. Роман о Хайе, сыне Якзана. Пер. Ив.Кузьмина под ред. И.Ю.Крачковского. Пг., 1920, 108 с.; *Усама ибн-Мункыз*. Книга назидания. Пер. М.А.Салье под ред. и со вступ. статьей и примеч. И.Ю.Крачковского. Пг.–М., 1922, 208 с.

[4] *Крачковский И.Ю.* Возникновение и развитие новоарабской литературы. – Восток. 1922, кн.1, с. 67–73.

[5] A volume of Oriental Studies presented to Edward G.Browne on his 60th Birthday (7 february 1922). Ed. by T.W.Arnold and Reynold A.Nicholson. Cambridge, 1922.

Э.Г. Браун (1862–1926) – английский востоковед. О его шестидесятилетнем юбилее см. заметку Крачковского: Восток. 1922, кн.1, с. 112.

[6] Эта фраза еще раз свидетельствует о глубине пережитого Игнатием Юлиановичем потрясения. Не случайно, находясь в заключении, он написал стихотворение, начинавшееся строкой:

Я пленник собственной отчизны.

Об обстоятельствах ареста см.: *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994, с. 166–171.

[7] Зу-р-Руммa (ум. ок. 735) – арабский поэт, по словам И.Ю.Крачковского, «последний представитель бедуинской поэзии». К творчеству Зу-р-Руммы ученый неоднократно возвращался, и прежде всего в связи с характеристикой арабской рукописи, приобретенной Азиатским музеем Академии наук в 1915 г. в Бухаре, представляющей собою комментированный сборник Зу-р-Руммы (см.: *Крачковский И.Ю.* Новая рукопись стихотворений Зу-р-Руммы. – Известия Российской Академии наук (далее: ИРАН). VI сер. 1918, т.XII, с. 369–380).

В письме речь идет об издании Дивана Зу-р-Руммы английским арабистом К.Х.Х.Макартни (ум. 1925) – The Dīwān of Ghailān ibn 'Uqbah known as Dhu'-r-Rummah, edited by C.H.H.Makartney. Cambridge, 1919, XL + 676 с. Английский ученый в 1919 г. не был знаком с упомянутым сообщением Крачковского о рукописи Азиатского музея. Спустя несколько месяцев после написания этого письма И.Ю.Крачковский опубликует свой критический обзор работы Макартни 1919 г. (см.: *Крачковский И.Ю.* Диван Зу-р-Руммы и петроградская рукопись. – ИРАН. VI сер. 1923, т. XVII, с. 149–156), в котором объяснит свой интерес к труду Макартни: «с понятным нетерпением я ждал издания, выпущенного в 1919 г., но дошедшего до Петрограда только в 1922-м; я надеялся проверить выводы и предположения, высказанные мною в упомянутой статье [1918] относительно редактора дивана и комментария» (*Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т.II. М.–Л., 1956, с. 230).

[8] Речь идет о «Рисалат ал-гуфран» («Послание о прощении») арабского поэта-философа Абу-л-'Ала ал-Маарри (979–1057). В августе 1924 г. Крачковский напишет работу «К вопросу о возникновении и композиции "Рисāлат ал-гуфран" Абу-л-'Алā'», которую опубликует первоначально на немецком языке (Zur Entstehung und Komposition von Abū-l-'Ala's Risālat al-gufrān. – Islamica. 1925, I, с.344–356. На русском языке см.: Избранные сочинения, т. II, с. 297–308).

Творчество ал-Маарри привлекало к себе внимание Крачковского на протяжении нескольких десятилетий. Впервые он обратился к нему в начале второ-

го десятилетия XX в. (см.: *Крачковский И.Ю.* Мутанабби' и Абӯ-л-'Алā'. – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1910, XIX, с. 1–52; *он же.* К истории и критике الرسالة الغلاحية Абӯ-л-'Алā'. – Там же. 1913, XXI (1911–1912), с. 0131–0137 и др.). В 1932 г. Крачковский опубликует «Послание об ангелах» ал-Маарри (см. примеч. 55).

[9] Имеются в виду: *Крымський А.Ю.* Історія Персії та її письменства. І. Як Персія, завойована арабами, відродилася політично (IX та X вв.). Київ, 1923, вип. І, 132 с. (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 3); *он же.* Хафіз та його пісні (бл. 1300–1389) в його рідній Персії XIV в. та в новій Європі. Київ, 1924 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 9), с. 1–192.

[10] Рецензии на обе упомянутые (см. примеч. 9) работы А.Е.Крымского Крачковский поместил в журнале «Восток», 1924, кн.4, с. 187–188 и 188–189.

[11] Речь идет о: *Эберман В.* Арабы и персы в русской поэзии. – Восток. 1923, кн.3, с. 108–125.

[12] The Eclipse of the 'Abbasid Caliphate. Original Chronicles of the Fourth Islamic Century. Ed., transl. and elucid. H.F.Amedroz and D.S.Margoliouth. Vol.I–VI. Oxf., 1920–1921.

[13] «Ал-Муфаддалиййāт» – антология древней арабской поэзии, составленная ал-Муфаддал ад-Даббӣ (ум. в 784).

Ч.Ляйел (1845–1920) – английский арабист, по словам Крачковского, «крупнейший знаток арабской поэзии, особенно интенсивно развернувший свою деятельность с 90-х годов». «Едва ли не половина его ученой жизни» была посвящена работе над изданием «Ал-Муфаддалиййāт» (см.: *Крачковский И.Ю.* Об издании «The Poems of 'Amr son of Qami'ah of the clan of Qais son of Tha'labah a branch of the tribe of Bakr son of Wā'il». Ed. and transl. by Ch.Lyall. Cambridge, 1919. – Избранные сочинения. Т. II, с. 290).

[14] См.: Восток. 1923, кн.2, с. 126–136: Раздел «Востоковедение» с сообщениями В.Алексеева, В.Котвича, И.Крачковского (в том числе статья «Арабская академия в Дамаске и ее члены»); кн.3, с. 160–168 с сообщениями А.Фреймана, В.Котвича, И.Крачковского и др.

[15] Имеется в виду: *Амин Рейхани.* Избранные произведения. Пер. и примеч. И.Ю.Крачковского. Пг., 1917, 128 с.

Цензурой был запрещен сборник «Арабские эмигранты в Америке», так и оставшийся в архиве И.Ю.Крачковского неопубликованным. По словам А.А.Долининой, он имел объем 15 листов и распадался на три части: «статьи, речи и верлибры Амина Рейхани, стихотворения в прозе и отрывки из трех повестей Джебрана; юмористическая повесть "Народный подарок" бразильца Шукри Хури; публицистика и литературная критика Сулеймана аль-Бустани, Луиса Шейхо, Амина аль-Грейййба и Насиба Арыды» (*Долинина А.А.* Невольник долга, с. 183; там же см. подробное изложение перипетий, связанных с цензурным запретом сборника).

В конце 20-х годов статью «Литература арабских эмигрантов в Америке (1895–1915)» И.Ю.Крачковский опубликовал на немецком языке (Die Literatur der arabischen Emigranten in Amerika (1895–1915). – Le Monde Oriental. 1927–1928, XXI (1927), p.193–213). На русском языке статья под тем же названием вышла в свет в 1928 г. в «Известиях Ленинградского Государственного университета» (I, с. 1–27).

[16] Некролог см.: Памяти И.П.Кузьмина (ум. 28 мая 1922 г.). – Восток. 1923, кн.2, с. 164. Более пространный текст был опубликован Крачковским три года спустя: *Крачковский И.Ю.* Памяти И.П.Кузьмина. – Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее АН СССР. 1926, т. II, вып. 1, с. 175–180.

Перевод «Калилы и Димны» увидел свет только в 1934 г.: Калила и Димна. Пер. с арабского И.Ю.Крачковского и И.П.Кузьмина. Статья и примеч. И.Ю.Крачковского. М.–Л., 1934. (Завершение работы помечено июнем 1923 г.)

Л. Шейхо (1859–1927) – ливанский арабист.

[17] Речь идет о двух изданиях Историко-филологического отделения Всеукраинской АН – «Записках Істор.-філол. відділу ВУАН» и «Збірниках Істор.-філол. відділу ВУАН». Между 1919 и 1930 гг. вышло в свет 28 томов «Записок», а между 1923 и 1930 гг. – 104 тома «Сборников».

В «Записках Історико-філологічного відділу ВУАН», кн.2–3 (1920–1922), Київ, 1923, помещены: *Кримський А.* Життепис і літературна діяльність С.О.Єфремова; Спис праць С.О.Єфремова.

О С.А.Ефремове см. примеч.39.

В «Сборнике» № 1, вип. I–II, 1923–1925 см.: Акад. *Багалій Д.* Нарис української історіографії.

О Д.И.Багалее см. примеч.66.

В «Сборнике» № 5, 1924 см.: *Науменко В.* Нові матеріяли до історії початків української літератури XIX ст.

Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – украинский филолог, историк и журналист. В 1893–1906 гг. был редактором журнала «Киевская старина», а с 1907 г. – сменившего его журнала «Украина», издававшегося на украинском языке. С 1917 г. принимал участие в украинском национальном движении и в 1919 г. был расстрелян.

В «Сборнике» № 10, 1924 см.: *Кримський А.Ю.* Історія Туреччини, з 13 малюнками, що їх узято побільше із стародруків XVI–XVII вв. Звідки почалася Османська Держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своєї слави й могутності.

[18] См. примеч. 9 и 10.

[19] *Кримський А.Ю.* Хафіз та його пісні (бл. 1300–1389). См. примеч. 9.

[20] Азиатский музей являлся главным востоковедным учреждением Академии наук до революции и оставался центром востоковедной академической деятельности после 1917 г. вплоть до 1930 г., когда Музей влился в Институт востоковедения АН СССР.

Основанный в 1818 г. после выделения из кунсткамеры Петра I азиатской коллекции, Музей превратился к концу XIX в. в важнейшее в России хранилище литературы по Востоку, архива русских востоковедов, нумизматических, эпиграфических и археологических материалов. Одной из крупнейших в мире была коллекция восточных рукописей и книг, изданных на Востоке. В 1920-е годы Музей располагал штатом научных сотрудников из крупных востоковедов, оставивших свой след в науке. (Об Азиатском музее см.: Азиатский музей Российской академии наук. 1818–1918. Пг., 1920, а также: Азиатский музей и Коллегия востоковедов. – *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970.)

[21] См.: *Акад. Шахматов О. і акад. Кримський А.* Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської староукраїщини XI–XVIII вв. Київ, 1924 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 12).

И.Ю.Крачковский поместил на эту работу рецензию в журнале «Восток», 1925, кн.5, с. 269.

[22] Писчий спазм – мышечный спазм, возникающий при длительной работе определенной группы мышц кисти рук, бывает у писцов, скрипачей, машинисток.

[23] А.Е.Крымский, по-видимому, больше не вернулся к публикации своего труда о Хафизе.

[24] Речь идет о: Російсько-український словник. Т. 1. К., 1924.

Вып. 1-й тома 2-го вышел под ред. Крымского в 1929 г., вып.2 – в 1932 и вып.3 – в 1933 г.

Кроме того, в 1926 г. Крымский осуществил редактирование «Російсько-українського словника правничої мови» («Русско-украинский словарь языка юриспруденции»).

[25] См.: Востоковедение в Петрограде 1918–1922. Памятка Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Российской АН. Пг., 1923.

Работа содержит перечисление научных подразделений, учреждений, общественных, учебных заведений, библиотек, музеев, в которых изучался Восток, и список лиц, работавших в востоковедении в 1918–1922 гг. или умерших в эти годы.

[26] См. примеч.17.

[27] Речь идет о: *Крачковский И.Ю.* Арабская поэзия. – Восток. 1924, кн.4, с. 97–112.

На эту работу откликнулись своими рецензиями Кампфмайер, Менцель, Гибб.

[28] Ибн ал-Му'тазз (861–908) – арабский поэт и филолог-теоретик. Творчеством Ибн ал-Му'тазза Крачковский занимался главным образом между 1914 и 1935 гг. Часть исследований была первоначально издана на французском и английском языках в зарубежных изданиях. Полностью труд Крачковского «Ибн ал-Му'тазз» был опубликован только в 1960 г. (Избранные сочинения. Т.VI. М.–Л., 1960, с. 7–330).

Упомянутый в письме раздел Крачковский издал в 1926 г. в «Le Monde Oriental» (XVIII, с. 56–121) под названием «Le kitab al-ādāb d'Ibn al-Mu'tazz».

[29] «Le Monde Oriental. Archives pour l'histoire et l'ethnographie, les langues et litteratures, religions et traditions de l'Europe Orientale et de l'Asie» – востоковедный журнал, издававшийся в Упсале с 1906 г.

[30] Гиргас Владимир Федорович (1835–1887) – русский арабист. В 1858 г. закончил Восточный факультет Петербургского университета. В 1861–1864 гг. находился в Сирии, Ливане, Палестине и Египте. По возвращении в 1865 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Права христиан на Востоке по мусульманским законам». Спустя 8 лет, в 1873 г. представил докторскую диссертацию – «Очерк грамматической системы арабов». С 1865 г. доцент, с 1873 г. профессор Петербургского университета. Широкую известность приобрел изданием совместно с В.Р.Розеном «Арабской хрестоматии» (СПб., 1876) и составлением «Словаря к хрестоматии и Корану» (1881). Интерес И.Ю.Крачковского к Гиргасу – учителю В.Р.Розена вылился в написание статьи «В.Ф.Гиргас (К сорокалетию со дня его смерти)». – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1928, т.3, вып.1, с. 63–90. О судьбе библиотеки Гиргаса см. письмо А.Е.Крымского от 7 июня 1925 г. Снова к личности «тихого» Гиргаса И.Ю.Крачковский обратился в августе 1945 г. (см.: Над арабскими рукописями. – Избранные сочинения. Т.I. М.–Л., 1955, с. 127–132).

[31] Киевская духовная академия восходит к Киевской братской школе 1589 г., преобразованной Петром Могилой в Киево-Могилянскую коллегию, переименованную Петром I в Академию. С 1837 г. Академия издавала журнал «Христианское чтение», а с 1868 – «Труды Киевской академии». В 1872 г. при Академии образовалось археологическое общество, создавшее Музей духовных древностей. С закрытием Академии ее библиотека перешла во Всенародную библиотеку Украины (с 1965 г. – Центральная научная библиотека АН УССР, с 1988 г. ей присвоено имя В.И.Вернадского).

[32] Иностранцев Константин Александрович (1876–1941) – историк культуры Ближнего Востока, специалист в области арабо-иранских связей, «большой знаток материальной культуры эпохи халифата» (*Крачковский И.Ю.* Очерки из истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т.V. М.–Л., 1958, с. 169). Он окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1899 г., в арабистике был учеником В.Р.Розена. В 1908 г. защитил докторскую диссертацию «Сасанидские этюды». С 1902 г. – главный хранитель этнографического отдела Русского музея, преподавал в Петербургском-Петроградском университете*.

[33] Ханенко Богдан Иванович (1848–1917) – украинский коллекционер-меценат и археолог; выпускник Московского университета (1871), член Петербургской Академии художеств (с 1910). На его средства осуществлялись археологические раскопки; на основе его коллекции произведений искусства в 1919 г. создан Музей искусств ВУАН (Киевский музей западного и восточного искусства).

[34] Речь идет о: Histoire de Yaḥya-ibn-Sa'id d'Antioche continuateur de Sa'id-ibn-Bitriq. Editée et traduite en français par I.Kratchkovsky et A.Vasiliev. – Patrologia Orientalis. 1924, XVIII, fasc.5, c. 699–834. Продолжение публикации см. там же, 1932, XXIII, fasc.II, c. 141–312; fasc.III, c.349–520.

[35] Имеется в виду: Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон В.Р.Розен. СПб., 1883.

В.Р.Розен обнаружил «Историю Яхьи Антиохийского» еще в конце 1870-х годов, занимаясь арабо-византийскими отношениями. Он не успел осуществить свое намерение опубликовать ее целиком (в «Императоре Василии Болгаробойце» издано лишь 70 с. арабского текста). Полностью текст был издан в 1909 г. в Бейруте под ред. Л.Шейхо.

[36] А.Е.Крымский был непременным секретарем Украинской Академии наук с момента ее образования, т.е. учредительного собрания 14 ноября 1918 г., когда был избран президиум во главе с В.И.Вернадским, вплоть до выборов на общем собрании Академии 3 мая 1928 г., в ходе которых Наркомпрос не утвердил Крымского в этой должности вопреки тому, что за него было подано большинство голосов.

[37] Ромаскевич Александр Александрович (1885–1942) – иранист, выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1909), между 1911 и 1930 гг. – преподаватель (с 1919 г. профессор) Петербургского (затем Петроградского и Ленинградского) университета. В 1920-е годы был научным сотрудником ряда институтов, а в 1936–1942 заведовал Рукописным отделом Института востоковедения АН СССР.

[38] Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – выдающийся историк Украины и украинской литературы; общественный деятель. В 1890 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета; в 1894 г. занял кафедру истории Восточной Европы Львовского университета. С 1897 г. был

---

* Сведения о востоковедах 20–30-х годов нами почерпнуты главным образом из «Биобиблиографического словаря отечественных востоковедов» (М., 1995) С.Д.Милибанд, работы Я.В.Василькова, А.М.Гришиной, Ф.Ф.Перченка «Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы» (Народы Азии и Африки. 1990, № 4 и 5) и «Биобиблиографического словаря отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1989) А.Н.Кононова.

председателем Научного товарищества им.Шевченко, активным членом киевской Громады – культурно-просветительной организации украинской интеллигенции. В 1899 г. состоял в числе организаторов Национально-демократической партии в Галиции. В 1908 г., переселившись в Киев, становится руководителем Товарищества украинских прогрессистов – организации, политически близкой российской конституционно-демократической партии. После ареста в 1914 г. был выслан в Симбирск, а по возвращении примкнул к партии украинских эсеров и вошел в Центральную Раду. В апреле 1917 г. возглавил Малую Раду – исполнительный орган Центральной Рады. (Одним из его заместителей был С.А.Ефремов.) В начале 1919 г. Грушевский эмигрировал в Австрию, где создал венский Украинский социологический институт.

В 1924 г. Грушевский возвратился на родину, был избран академиком Украинской АН (с 1929 г. – действительный член АН СССР), руководил рядом научных подразделений: так, в 1929 г. под его руководством работало около десяти различных комиссий по истории, археологии, историографии, культуре Украины. В 1930 г. переведен (фактически выслан) в Москву для участия в работе АН СССР.

Вышел в свет «Ювілейний збірник на пошану акад. М.Грушевського» (Вип. I–III. Київ, 1928–1929).

[39] Ефремов Сергей Александрович (1876–1939?) – филолог, историк украинской литературы, общественных движений на Украине, общественный деятель. В 1901 г. окончил юридический факультет Киевского университета. Играл активную роль в Центральной Раде. Академиком Украинской Академии наук избран в 1919 г., с этого года по 1928-й был секретарем Историко-филологического отделения Украинской АН, главою которого являлся Крымский. С 1922 г. – вице-президент. В 1929 г. был арестован по инсценированному делу «Союза освобождения Украины», приговорен к смертной казни, заменённой десятилетним заключением.

[40] Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) – этнограф и фольклорист, член Украинской АН с 1922 г., член-кор. АН СССР. Окончил в 1894 г. Киевский университет, с 1904 – профессор у-та. Один из основателей Высших женских курсов в Киеве.

[41] Липский Владимир Иполитович (1863–1934?) – ботаник, член Украинской АН с 1919 г., между 1919 и 1928 гг. состоял секретарем Естественно-математического отделения Украинской АН, а с 1921 по 1928 г. был ее президентом. Окончил в 1886 г. Киевский университет; 1894–1917 гг. – сотрудник Ботанического сада в Петербурге-Петрограде. С 1928 г. – директор Ботанического сада в Одессе.

[42] Имеется в виду обвинение в сочувствии режиму гетмана Скоропадского, пришедшего к власти после разгона Центральной Рады немцами, оккупировавшими Украину. Гетман П.П.Скоропадский (1873–1945) находился у власти на Украине с апреля по декабрь 1918 г., в это время была учреждена Украинская Академия наук и прошли выборы ее президиума. Накануне выборов по предложению Комиссии, разрабатывавшей проект создания УАН и возглавлявшейся В.И.Вернадским, академиком Российской Академии наук, гетман утвердил первых 12 академиков, среди которых были А.Е.Крымский, В.И.Вернадский, Д.И.Багалей, М.И.Туган-Барановский и др.

[43] Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939) – партийный и государственный деятель. С 1923 г. Председатель СНК УССР, с 1934 г. – зам.председателя СНК УССР.

[44] А.Е.Крымский имеет в виду свою работу: Перський театр, звідки він узявсь і як развивавсь. Київ, 1925 (Збірник Істор.-філолог. відділу ВУАН, № 6).

[45] Бертельс Евгений Эдуардович (1890–1957) – иранист. Окончил юридический (1914) и восточный (1920) факультеты Петербургского университета. Преподавал в ЛГУ (1924–1941), был сотрудником ряда исследовательских институтов, в том числе Азиатского музея–Института востоковедения АН СССР (1920–1957), в 1939 г. стал членом-кор. АН СССР.

В письме речь идет о работе Бертельса «Персидский театр» (Л., 1924).

[46] Ибн Мискавайх (ум. 1030) – арабский историк, перс по происхождению, «видный чиновник в администрации буидской династии» (*Крачковский И.Ю.* Новая рукопись пятого тома истории Ибн Мискавайха. – Избранные сочинения. Т.VI. М.–Л., 1960, с. 373), автор шеститомной истории «Опыт народов», изданной в 1921 г. (*Miskawaihi.* The Experience of the Nations. Ed. and transl. by H.A.Amedroz and D.S.Margoliouth. L., 1921).

[47] Ибн ал-Асир (1160–1234) – арабский историк, продолжавший арабскую историографическую традицию составления сводов всемирной истории. Безусловно, имеется в виду его труд «Камил фи-т-тарих».

Об Ибн ал-Асире имеются статьи Крымского в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона (т.18) и Крачковского в «Русской энциклопедии», т.VIII (Русское книжное товарищество «Деятель», 1915).

[48] Речь идет о групповой фотографии, сделанной во время пребывания И.Ю. и В.А.Крачковских в Киеве, на которой помимо Крачковских сняты А.Е.Крымский и Н.З.Левченко.

[49] Левченко Николай Захарович (1900–1934) – украинский фольклорист и востоковед, директор Издательства Украинской АН и личный секретарь Крымского. Был арестован по делу «Союза освобождения Украины», отбывал заключение в лагере Медвежьегорска, работал на строительстве Беломорканала. Заболел психически и покончил с собой.

[50] Имеются в виду: Вступ до історії Туреччини. Вип.3. Європейські джерела XVI в. Київ, 1926 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 10), с. 81–114; Історія Туреччины та її письменства. Т.2, вип.2. Письменство XIV–XV вв. Київ, 1927 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 10), с. 65–124. В 1926 г. Крымский, видимо, прислал корректуру статьи.

[51] Роман А.Е.Крымского «Андрій Лаговський», вызвавший различные толкования о степени его автобиографичности, состоял из четырех частей. 1-я часть – «Не порозуміються» – вышла в свет в составе его книги «Повістки і ескізи з українського життя» в Коломые и Львове в 1895 г. В 1905 г. во Львове же были опубликованы вместе и 1-я и 2-я («Туапсе») части: *Кримський А.Ю.* Андрій Лаговський. Повість. Львів, 1905.

В 1919 г. А.Е.Крымский предпринял не увенчавшиеся успехом попытки издать роман полностью с 3-й – «За святим Єфремом Сіріним», и 4-й – «Порозумілися», частями. От этого времени сохранились у него лишь корректурные листы. Полностью роман был опубликован в Киеве в 1972 г. (*Кримський А.Ю.* Твори в п'яти томах. Т. 2. Київ, 1972, с. 5–304).

[52] См.: *Крачковский И.Ю.* Д.К.Петров – арабист. – Записки Коллегии востоковедов. 1926, т. II, вып. 1, с. 163–170.

[53] См.: *Крачковский И.Ю.* Памяти И.П.Кузьмина. – Там же, с. 175–180.

[54] Снук Хюргронье Христиан (1857–1936) – голландский арабист, один из основателей научного исламоведения. Ученик крупнейших европейских востоковедных авторитетов М. де Гуе (1836–1909) и Т.Нёльдеке (1836–1930). Один из немногих европейских ученых, посетивший под видом паломника-хаджи Мекку. Долгие годы сочетал научную деятельность с практической службой на посту советника по восточным языкам и мусульманскому праву в

администрации голландской Ост-Индии. В 1927 г. избран почетным членом АН СССР.

В 1927 г., когда Снук Хюргронье выходит в отставку, «по инициативе голландских ученых в качестве юбилейного подарка собирается ему в международном масштабе денежный фонд, в котором принимает участие и Академия наук СССР с рядом советских ученых. Размеры этого фонда дают возможность Снуку Хюргронье обеспечить существование небольшого самостоятельного учреждения (Oostersch Instituut), посвященного изучению вопросов исламоведения, арабской филологии и ост-индских проблем» (*Крачковский И.Ю.* Памяти Хр.Снука Хюргронье (8.II.1857 – 26.VI.1936). – Избранные сочинения. Т.V, с. 391).

[55] Речь идет о сочинении Абу-л-Ала ал-Маарри (см. примеч.8) «Послание об ангелах», которое Крачковский завершил и издал только шесть лет спустя. См.: *Абӯ-л-'Ала' ал-Ма'арри*. Рисāлат ал-малā'ика. Изд. текста, пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. – Труды Института востоковедения АН СССР. Т. 3. Л., 1932. Арабский текст был подготовлен И.Ю.Крачковским к изданию в результате работы над несколькими рукописями «Послания», одна из которых находилась в Ленинграде.

[56] Лозеев (Лозиев) Павел Никифорович (1894–?) – иранист, ученик Крымского по Специальным классам Лазаревского института, в 1917 г. сопровождал своего учителя в командировку в Трапезунд. Был сотрудником кабинета арабо-иранской филологии, возглавлявшегося Крымским, а также членом правления Всеукраинской ассоциации востоковедения, директором курсов востоковедения в Киеве.

[57] Барвинок Владимир Иванович (1879 – ?) – литературовед, византинолог, осуществлял связь Украинской АН с АН СССР.

[58] Очевидно, речь идет о: Отчет о командировке в Киев летом 1925 года. – ИРАН. VI сер. 1925, т. XIX, с. 996–1005.

[59] См.: *Крачковская В.* Мусульманское искусство в собрании Ханенко. – Записки Коллегии востоковедов. 1926, т. II, вып. 1, с. 1–50.

[60] Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – востоковед широкого профиля, специалист по истории, филологии и этнографии Средней Азии, Кавказа, Ирана, арабских стран (по словам Н.Я.Марра, «востоковедов-историков калибра Бартольда на Западе не было ни одного»). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1891 г., два года провел в востоковедных центрах Европы. С 1892 г. оставлен при кафедре истории Востока, с 1896 г. – преподаватель в звании приват-доцента Петербургского университета, с 1901 г. – профессор. В 1913 г. стал членом Академии наук. В советское время сотрудничал в ряде научных учреждений, в том числе в Государственном Эрмитаже. И.Ю.Крачковский посвятил Бартольду несколько статей и в их числе «В.В.Бартольд в истории исламоведения» (Избранные сочинения. Т.V, с. 348–360).

Что касается несостоявшейся поездки Крачковского в Константинополь (Стамбул), то известно, что с 1925 г. власти постоянно отказывали Игнатию Юлиановичу в поездках за рубеж (в 1926 г. – в арабские страны, в 1927 г. – в Швецию и, как видно из письма, в Турцию). Об этом см.: *Долинина А.А.* Невольник долга, с. 232–234.

[61] Тутковский Павел Аполлонович (1858–1930) – геолог, директор Института геологии ВУАН. Избран академиком Украинской Академии наук в 1919 г. Между 1919 и 1930 гг. был главою Естественно-математического отделения ВУАН.

[62] Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – крупнейший специалист в области древнерусской литературы. Окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета (1893). Был профессором Киевского университета, где создал свою школу. С 1919 г. – член Украинской Академии наук. Академик АН СССР. В 1934 г. арестован и сослан в Саратов.

[63] Речь идет о Первом всесоюзном тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. Центральной проблемой, рассматривавшейся на съезде, было введение нового тюркского алфавита; кроме того, обсуждались вопросы научной терминологии, орфографии тюркских народов, методы преподавания тюркских языков и т.п. Были намечены задачи в изучении истории и этнографии тюркских народов СССР. Помимо А.Е.Крымского академическую науку на съезде представляли В.В.Бартольд, С.Ф.Ольденбург и др.

[64] Преподавательская деятельность А.Е.Крымского началась в Лазаревском институте в 1898 г. В 1899 г. он сдал магистерские экзамены на Восточном факультете Петербургского университета, что позволило ему познакомиться с В.Р.Розеном и петербургскими востоковедами. С 1900 г. Крымский уже был экстраординарным профессором; профессором Лазаревского института он пребывал вплоть до 1918 г. Вместе с тем долгие годы он фактически выполнял функции заведующего научной библиотекой Института (официальным главою был М.О.Аттая). Это объяснялось не только любовью Крымского к книге и огромной библиографической образованностью, но и житейскими обстоятельствами: московская квартира ученого находилась в полуподвальном этаже институтского здания, что позволяло ему постоянно держать в поле зрения состояние библиотеки.

Основанием для утверждения о передаче библиотеки в Ереван, по-видимому, послужило постановление президиума ВЦИК от 29 сентября 1921 г. о переименовании бывшего Лазаревского института в «Дом культуры Советской Армении» с передачей правительству Армении помещения и всех культурных и материальных ценностей института. В процессе ряда преобразований Лазаревского института – в 1918 г. в Лазаревский Переднеазиатский, в 1920 г. в Армянский институт и Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ), а в 1921 г., после слияния ЦИЖВЯ и Восточного отделения Московского университета, в Московский институт востоковедения (МИВ), который пребывал в здании Лазаревского института (Армянский переулок, дом 2) до 1924 г., – владельцем учебной библиотеки, по-видимому, оказался МИВ.

[65] Судьба этой рукописи неясна. Очевидно лишь то, что исследование Крымским «Китаб ал-хамаса» («Книги доблести») – поэтического сборника, составленного знаменитым поэтом IX в. Абу Таммамом из лучших арабских поэтических произведений от эпохи джахилийи до IX в., – продолжало его работу 1912 г. (См.: *Крымский А.Е.* Арабская литература в очерках и образцах. Т.2. «Хамаса» Абу-Теммама Тайского (ок. 805–846). Ч.1–2. М., 1912 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 36).

[66] Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк Украины, Белоруссии, Великого княжества литовского, допетровской Руси, занимался историей декабристского движения на Украине, польским восстанием 1863–1864 гг., исследователь наследия Т.Г.Шевченко, Г.С.Сковороды, В.Б.Антоновича. Член Украинской Академии наук с 1918 г.

Окончил Киевский и Харьковский университеты. В 1887 г. защитил в Московском университете докторскую диссертацию. В 1906–1910 гг. был ректором Харьковского университета. В 1906, 1910–1914 гг. – член Государственного

Совета, а в 1914–1917 гг. – глава Харьковской городской думы. Один из основателей Украинской АН.

[67] См.: *Крачковский И.Ю.* Сулейман аль-Бустани (1856–1925). – Ювілейний збірник на пошану академика Дмитра Івановича Багалія. Київ, 1927, с. 140–151. Работа была издана также отдельным оттиском (Київ, 1927).

[68] Шумский Александр Яковлевич (1890–1946) – нарком просвещения УССР.

[69] Хаутсма М.Т. (M.Th.Houtsma) (1851–1943) – голландский арабист.

[70] А.Е.Крымский имеет в виду две академии – Академию наук СССР («Вашу», преобразованную из Российской АН) и Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК), созданную в 1919 г. на базе Российской государственной археологической комиссии, воспринявшей до известной степени функции Русского Археологического общества. РАИМК (с 1926 г. ГАИМК) в июне 1937 г. вошла в состав АН СССР как Институт истории материальной культуры (с 1959 г. Институт археологии).

[71] Журнал-ежегодник «Византийский временник» («Byzantina chronica») был основан в 1894 г. при Петербургской Академии наук. В 1927 г. издание было прервано на 25-м томе и возобновилось только в 1947 г. Крымский именует его «новым», по-видимому, потому, что издание журнала перешло в ведение АН СССР, а руководивший им с 1914 г. академик Ф.И.Успенский (1845–1928) был вновь назначен редактором издания.

[72] Эберман Василий Александрович (1899–1937) – арабист-филолог, специалист в области арабской и персидской поэзии, ученик И.Ю.Крачковского. Окончил факультет общественных наук Петроградского университета в 1921 г. Работал в Азиатском музее. Дважды подвергался арестам (1930–1933 и 1933–1936), находился в лагере на Колыме, отбывал ссылку в Орле, где утонул, купаясь в реке. О нем см. статью Т.А.Шумовского в настоящем сборнике.

[73] Дмитриев Николай Константинович (1898–1954) – тюрколог. Окончил в 1920 г. историко-филологический факультет МГУ, в 1922 г. – МИВ. С 1925 по 1938 г. преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков (с 1927 – Ленинградский восточный институт), с 1926 г. – в ЛГУ. С 1943 по 1954 г. преподавал в МГУ, заведуя кафедрой тюркской филологии и возглавляя восточное отделение филол. фак-та, одновременно между 1935 и 1947 гг. заведовал кафедрой тюрко-монгольской филологии ЛГУ, а также сотрудничал в ряде научных учреждений, в частности в Азиатском музее (1926–1930). С 1938 по 1954 г. заведовал тюркским сектором Института языкознания АН СССР. В 1943 г. избран чл.-кор. АН СССР.

[74] В июне 1920 г. на факультете общественных наук Петроградского университета, созданном в результате объединения историко-филологического, юридического и факультета восточных языков, было организовано объединение востоковедов – Коллегия востоковедов, которая в мае 1921 г. перешла в ведение Азиатского музея. В Коллегию востоковедов, председателем которой стал Н.Я.Марр, была переключена деятельность ликвидированного в 1924 г. Восточного отделения Русского археологического общества. Между 1925 и 1930 гг. Коллегия издала пять томов «Записок Коллегии востоковедов при Азиатском музее». Это издание было по существу продолжением «Записок Восточного отделения Русского археологического общества», оборвавшихся на т.XXV в 1921 г. Т.I «Записок Коллегии востоковедов» подготавливался к публикации как XXVI том «Записок Восточного отделения».

Коллегия востоковедов приняла активное участие в организации Петроградского института живых восточных языков. Как самостоятельная организа-

ция Коллегия востоковедов прекратила свое существование в октябре 1930 г., будучи подвергнута резкой критике за занятия «чисто научными схоластическими проблемами», а именно – филологией в области древних и классических языков Востока.

Образцом вульгарно-социологической критики была статья С.Майзеля «13 лет академической арабистике (Обзор статей в I–II и IV томах "Записок Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР" за 1925, 1926 и 1930 г.)», помещенная в журнале «Советская этнография», 1931, № 3–4, с. 254. Ополчившись на работы Крачковского, Эбермана, Петрова, задав риторически вопрос, «не пора ли положить конец этому литературному тлению "чистой науки"?!», С.Майзель писал: «Разоблачена вконец легенда об "аполитичности" науки, о возможности какой бы то ни было области науки сохранить "нейтралитет" в грандиозных сегодняшних классовых боях. Эмиграцию в старину в сочетании с упорным пренебрежением к марксистской методологии следует квалифицировать как глубоко политический акт, как отвлечение горячо поддерживаемых и оберегаемых пролетарской диктатурой научных сил от служения делу пролетариата и – тем самым – делу всего человечества. Отсюда ясно, что авторы и редакторы "Записок" продолжают вплоть до сегодняшнего дня работать на старого заказчика, политическое и экономическое господство которого было навсегда уничтожено в 1917 г.». А.Е.Крымский называл подобного рода критику «сикофантством» (доносительством).

Из слияния Коллегии востоковедов, Азиатского музея, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета был создан в октябре 1930 г. Институт востоковедения АН СССР.

[75] Козегартен И.Г.Л. (1792–1860) – немецкий историк-востоковед. Профессор в Йене и Грейфсвальде с 1824 г. В письме упомянут его историко-литературный свод Alii ispahanensis Liber Contilenarum magnus. Gryfiswaldiae, 1840–1846. О Козегартене см. статью А.Е.Крымского в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 22, 1915, стб.95.

[76] См.: Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1895.

Сборник выпущен к столетнему юбилею Специальной школы живых восточных языков в Париже, в него вошли статьи Н.Я.Марра, В.Р.Розена, П.К.Коковцова, С.Ф.Ольденбурга, В.А.Жуковского и др. Тираж сборника – 322 экз.

[77] Имеется в виду статья В.Д.Смирнова «Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры» (Восточные заметки, с. 35–78).

[78] Де Гуе М.Я. (M.J. de Goeje) (1836–1909) – голландский востоковед, специалист в области средневековой географической литературы. Занимал кафедру арабского языка в Лейденском университете.

[79] Императорское Русское археологическое общество в Петербурге возникло в 1846 г. В 1880-е годы оформились три его отделения: славяно-русской археологии; классико-византийское и западноевропейское; восточное. В 1924 г. было ликвидировано и вошло в состав Академии истории материальной культуры (см. примеч. 70). С 1855 г. издавало «Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества».

[80] Розен Виктор Романович (1849–1908) – арабист, основатель петербургской школы арабистов, к которой, в частности, принадлежали В.А.Жуковский, Н.Я.Марр, В.В.Бартольд, А.Э.Шмидт, И.Ю.Крачковский. Выпускник

факультета восточных языков Петербургского университета, В.Р.Розен был с 1893 по 1902 г. деканом этого факультета. С 1885 г. Розен возглавил Восточное отделение Русского Археологического общества и создал еще один печатный орган общества – «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», том первый которых вышел в свет в 1886 г.

[81] Румянцевский музей и библиотека – собрание книг, рукописей, картин, научных коллекций. Основан в Петербурге в 1831 г. из собраний древнерусских рукописей и книг, переданных государству канцлером Н.П.Румянцевым. В 1861 г. музей был переведен в Москву и размещен в здании бывшего дома Пашкова. В 1862 г. в музее была основана библиотека. Музей и библиотека продолжали пополняться из частных коллекций. В 1922 г. музейные экспонаты были переданы в различные музеи, в здании же Румянцевского музея и библиотеки остались книги и рукописи. В 1924 г. Румянцевская библиотека была преобразована в Государственную Публичную библиотеку СССР им.В.И.Ленина.

[82] Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956) – тюрколог, действительный член АН СССР с 1946 г. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1899 г. и Лазаревский институт восточных языков в 1904 г. Преподавал в Лазаревском институте с 1907 г., затем в Московском институте востоковедения до 1948 г. Сотрудничал в ряде исследовательских институтов, в частности в Институте востоковедения АН СССР с 1938 по 1956 г.

И.Ю.Крачковский посвятил ему статью: Владимир Александрович Гордлевский (К 70-летию со дня рождения). – Труды Московского института востоковедения. М., 1947, № 4, с. 3–6.

[83] Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – языковед-славист, занимался сравнительно-исторической грамматикой славянских языков. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Окончил Казанский университет в 1911 г. Был профессором Иркутского (1918–1920), Казанского (1920–1921) и Московского (с 1921) университетов.

[84] Речь идет о Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. Образованная как Всероссийская НАВ при наркомате по делам национальностей в декабре 1921 г. (переименована во Всесоюзную и передана в ведение ЦИК СССР в апреле 1924 г.), ассоциация предназначалась служить «лабораторией для выяснения основных моментов современной жизни стран Востока, базой подготовки практических деятелей для Востока и тем органом, откуда государственные учреждения могли бы черпать нужную информацию и работников» (см.: *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967, с. 20–21). Члены ВНАВ занимались разработкой на марксистской основе исторических вопросов. Хотя, по идее основателей ВНАВ, организация должна была соединить усилия в востоковедных исследованиях ученых академической школы и молодых востоковедов-марксистов, отношения между этими группами ученых были напряженными. Публицистический характер изданий ВНАВ (ее периодический орган – «Новый Восток»), низкая востоковедная культура большинства членов ВНАВ дискредитировали их в глазах ученых академического направления. В свою очередь, ученые-марксисты резко критиковали идейные посылки и проблематику исследований «старых» ученых. В конце 1920-х годов ВНАВ, как и Академия наук, подверглись критике в правительственной и партийной печати. В 1930 г. ВНАВ была закрыта, а Академия наук пережила тяжелые организационные перемены, лишившие ее идейной и административной автономии.

[85] JA – Journal asiatique – французский востоковедный журнал, издаваемый Азиатским обществом в Париже. 1-й том вышел в 1822 г.

[86] WZKM – Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes – востоковедный журнал, издаваемый Востоковедным институтом Венского университета с 1887 г.

[87] JRAS – The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland – востоковедный журнал, издаваемый в Лондоне с 1834 г.

[88] L'Oriente Moderno – итальянский востоковедный журнал, издаваемый в Риме Институтом Востока с 1921 г.

[89] См.: Русский биографический словарь. [Т. 5]. М., 1916, с. 229–230.

[90] См.: Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1887, т. II, вып. 1–2, с. 111.

[91] Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Пб. Университета 1869–1894. Т. I. СПб., 1896, с. 185–186.

[92] См.: *Кримський А.Ю.* Бейрутські оповідання. – Нова громада. 1906, № 6, с. 1–23; № 7, с. 28–52; № 8, с. 1–26.

«Бейрутські оповідання» – прозаическое сочинение А.Е.Крымского, написанное на материалах его бейрутских впечатлений 1896–1898 гг. Выдержало несколько изданий, в частности см.: Белетристичні писання А.Кримського. Київ, 1919.

[93] См.: *Крымский А.Е.* Семитские языки и народы. Очерки и обработки. Ч.3. Изд. 2-е. М., 1909–1912 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып.V, № 3).

[94] См.: *Гордлевский В.А.* Арабские пословицы, записанные в Дамаске. – Древности восточные. 1913, т. IV, с. 103–109.

[95] Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) – филолог, фольклорист, лингвист, этнограф широкого профиля (кавказовед, иранист, индолог, славист). Окончил Московский университет в 1870 г., с 1884 г. – профессор. В 1911 г. избран академиком Петербургской АН. С 1897 г. – председатель Восточной комиссии Московского археологического общества, чьим печатным органом были «Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества» (секретарем этой комиссии и редактором издания с 1901 г. стал Крымский). В.Ф.Миллер был также председателем Этнографического отдела Общества любителей естествознания (1881–1913) и одним из основателей журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916). Он был директором Лазаревского института между 1897 и 1911 гг. (Некролог В.Миллера, написанный А.Е.Крымским, см.: Голос минувшего. М., 1913, № 12, с. 310–323.)

[96] Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – лингвист-полиглот, филолог. Окончил историко-филологический факультет Московского университета по классической филологии (1865), которую преподавал в Московском и Новороссийском университетах до 1892 г. С 1892 г. читал персидскую литературу в Лазаревском институте. С 1900 г. – академик Петербургской Академии наук. Был одним из организаторов Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества и ее председателем между 1887 и 1897 гг. (Некролог Ф.Е.Корша, написанный А.Е.Крымским, см.: Национальные проблемы. 1915, № 1, с. 19–22.)

[97] Бест (перс.) – неприкосновенное место, убежище.

[98] Харрассовиц Отто (Harrassowitz) и Люзак (Luzak) – издатели востоковедной литературы соответственно в Лейпциге и Лондоне. Отто Харрассовиц возглавлял ведущую немецкую букинистическую фирму, которая уча-

ствовала в издании «Энциклопедии ислама» (1913–1936) и вместе с тем издавала наиболее ценные библиографические каталоги книг, имеющихся в продаже, эти каталоги редактировали лица со специальной востоковедной подготовкой. Между 1910 и 1933 гг. фирма выпустила не менее пяти каталогов, посвященных христианскому Востоку (*Крачковский И.Ю.* Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955, с. 22–23). Новое издание «Энциклопедии ислама» (с 1960 г.) осуществляли Бриль и фирма Люзак.

[99] Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918) – иранист широкого профиля, специалист в области языка, литературы, фольклора, истории, этнографии. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1880 г. Восемь лет спустя, в 1888 г., защитил докторскую диссертацию – «Материалы для изучения персидских паречий. Ч.I». В 1889 г. стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и профессором Петербургского университета.

В письме, вероятно, имеются в виду статьи Жуковского «Песни Хератского Старца» (Восточные заметки. СПб., 1895, с. 79–113) и Розена «К вопросу об арабских переводах Худай-Нāмэ» (там же, с. 153–191). См. примеч.76.

[100] Речь идет о «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее» (см. примеч. 74).

[101] В сборнике в честь Д.И.Багалея А.Е.Крымский поместил две свои работы: «"Волосова борода". З учено-кабінетної міфології XIX віку» (Ювілейний збірник, с. 74–91) и «Два слова од редактора [про арабського історика Абу-Шоджа Рудраверського і відношення його літопису до праць історика Гиляля ас-Сабія та Ях'і Антіохійського]» (там же, с. 383–388). См. примеч. 66 и 67.

Кезма Тауфик Гаврилович (1882–1958) – арабист, по происхождению палестинец. Окончил в Киеве духовную семинарию и Академию, после 1918 г. преподавал в учебных заведениях, был сотрудником Кабинета арабо-иранской филологии ВУАН. С Крымским познакомился в 1915 г.

[102] Киевский университет (бывший св.Владимира) – одно из ведущих высших учебных заведений в дореволюционной России. Основан в 1834 г.

[103] Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, один из основателей русской индологической школы. В 1885 г. окончил Петербургский университет, профессором которого стал с 1894 г. С 1903 г. – член Петербургской Академии наук, непременным секретарем которой состоял с 1904 по 1929 г. С 1916 по 1930 г. возглавлял Азиатский музей, с 1930 по 1934 г. был директором Института востоковедения АН СССР.

В 1917 г. в качестве министра просвещения входил во временное правительство (товарищем министра был академик В.И.Вернадский).

[104] Ганцов (Ганцев) Всеволод Михайлович (1892–1979) – славяновед, филолог, диалектолог. Возглавлял Комиссию по составлению словаря живого украинского языка при ВУАН. Арестован по делу «Союза освобождения Украины», приговорен к смертной казни, замененной восемью годами заключения.

[105] Имеется в виду киевская секция Всеукраинской научной ассоциации востоковедов (ВУНАВ). Ассоциация была научно-исследовательской организацией при Наркомате просвещения УССР. Основанная в 1926 г. в Харькове, ВУНАВ имела отделения в Киеве и Одессе. В организации и работе ассоциации участвовали А.Е.Крымский, А.П.Ковалевский; И.Ю.Крачковский был членом-корреспондентом ВУНАВ. Ассоциация имела своим печатным органом журнал «Східний світ». В 1931 г. ВУНАВ вошла во Всеукраинскую ассоциацию марксистско-ленинских институтов.

[106] Речь, очевидно, идет о: *Babinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz., 1927.

[107] Работа шейха Мухаммеда ат-Тантави (1810–1861) – египетского ученого, преподававшего в Петербургском Университете и Учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел и умершего в России, называлась «Подарок смышленым с сообщениями про страну Россию». Она сохранилась в двух рукописях: одна из них, обнаруженная А.Я.Борисовым, находится в Санкт-Петербурге, другая – в Стамбуле, копию последней и получил Крачковский (см.: *Крачковский И.Ю.* Неизвестное сочинение шейха ат-Ṭанṭāвӣ. – Избранные сочинения. Т.I, с. 166–170; *он же.* Новая рукопись описания России шейха ат-Ṭанṭāвӣ. – Там же, с. 171–174). В 1929 г. И.Ю.Крачковский написал специальную работу о шейхе Тантави: «Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810–1861)» (Избранные сочинения. Т.V, с. 229–299).

[108] Мелников Николай Александрович (1855–1918) – арабист. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1887 г. С 1890 г. начал преподавать в университете (в 1903 г. получил звание профессора). Известен своим капитальным четырехтомным трудом «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам», т. 1–4 (Православный палестинский сборник. Т. XVII, вып. 2, ч. 1–4. СПб., 1897–1903).

И.Ю.Крачковский посвятил Мелникову статью «Памяти Н.А.Мелникова (ум. 26 октября 1918 г.)» (Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV. Пг., 1921, с. 423–438; см. также: Избранные сочинения. Т. V, с. 195–210).

[109] Соколов Михаил Николаевич (1890–1937) – гебраист, сириолог, арабист. В 1920-е годы работал в Азиатском музее, преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете и Богословском институте. С 1930 г. – сотрудник Института востоковедения. В декабре 1933 г. арестован и отправлен в Бамлаг (г.Свободный Амурской обл.), где был расстрелян 10 октября 1937 г.

[110] Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – востоковед, лингвист, филолог. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1888 г., доктором словесности стал в 1901 г., в 1912 г. избран в академики Петербургской Академии наук. Н.Я.Марр преподавал в Петербургском (Ленинградском) университете с 1891 по 1934 г. С 1930 г. он был вице-президентом АН СССР. Марр возглавлял Государственную Академию истории материальной культуры. (См. примеч. 70.)

Специальный юбилейный сборник, посвященный Н.Я.Марру, был издан в 1935 г. под названием «Академия наук – академику Н.Я.Марру» (М.–Л.), под редакцией И.И.Мещанинова. Статьи Крымского в сборнике не было. В.А.Крачковская и И.Ю.Крачковский опубликовали в сборнике статью «Из арабской эпиграфики в Ани (надпись на мечети Манучехра)», с. 671–695. В 1938 г. была выпущена в свет книга «Памяти акад. Н.Я.Марра (1864–1934)». М.–Л. В ней опубликована статья А.Е.Крымского «Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки», с. 369–384. И.Ю.Крачковский поместил в книге работу «Дагестан и Йемен», с. 358–368.

[111] Сборник, приуроченный к семидесятилетию известного немецкого ориенталиста Теодора Нёльдеке (1836–1930), вышел в 1906 г. В него вошли статьи ведущих востоковедов Германии, Франции, Голландии, Великобритании. Россия была представлена работой В.Бартольда «Zur Geschichte der Saffariden» (Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag (2.März 1906). Giessen, 1906). О сборнике в честь Брауна см. примеч.5.

[112] Имеется в виду: В.В.Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.

[113] *Рюи Гонзалес де Клавихо*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И.И.Срезневского. СПб., 1881 (Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. XXVIII, № 1).

[114] *Ruy Gonzales de Clavijo*. Historia del Gran Tamorlan. Sevilla, 1582. Было еще издание 1782 г.

[115] Дем'янчук Василий Клементьевич (1897–1942) – славяновед-филолог, сотрудник Комиссии истории украинского языка ВУАН. Арестован в 1933 г.

[116] Державин Николай Севастьянович (1877–1953) – славяновед-филолог, историк. С 1922 по 1925 г. был ректором Петроградского университета. В 1931 г. избран академиком АН СССР, между 1931 и 1934 гг. – директор Института славяноведения.

[117] Основная усадьба, полученная В.И.Вернадским от отца, профессора политической экономии и статистики И.В.Вернадского (1821–1884), находилась в Моршанском уезде Тамбовской губернии, где проходила и земская деятельность В.И.Вернадского. Часть усадебной земли была передана Вернадским под железнодорожную станцию (ныне Вернадовка Куйбышевской железной дороги). В 1913 г. Вернадские приобрели усадебную землю на Бутовой Горе в Шишаках Полтавской губернии. Они построили двухэтажный дом в украинском стиле из 11 комнат. Здесь особенно плодотворно работалось Владимиру Ивановичу; сюда приезжали на отдых друзья – историк Гревс с семьей, востоковед Ольденбург и др. В 1918 г. хозяйство в Шишаках, ведомое членами семьи, поддержало жизнь Вернадских.

[118] Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – естествоиспытатель, мыслитель, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии, создатель учения о биосфере и ноосфере. Избран академиком Петербургской АН в 1912 г. Вернадский вместе с тем был активным общественным деятелем – членом бюро конституционно-демократической партии, членом Государственного Совета (от университетов и Академии). В 1917 г. он – товарищ министра народного просвещения, в это время он участвовал в обсуждении вопроса об организации Академии наук на Украине. После Октябрьской революции, когда возникла угроза ареста, уехал из Петрограда на Украину. Был избран первым президентом Украинской Академии наук (см. примеч. 42). Позже, в 1921 г., возвратился в Петроград.

В.И.Вернадского и А.Е.Крымского издавна связывали дружеские отношения, долгая переписка. Портрет Крымского висел в кабинете В.И. среди фотографий близких друзей.

[119] Julián Ribera y Tarragó. Disertaciones y opúsculos. Edición colectiva que en su jubilación del profesorado ofrecen sus discípulos y amigos (1887–1927) con una introducción de Miguel Asín Palacios. T. I–II. Madrid, 1928.

Хулиан Рибера и Тарраго (1858–1934) – испанский арабист. О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Полвека испанской арабистики. – Избранные сочинения. Т.V, с. 300–328.

[120] См.: *Кримський А., Боголюбський О.* До історії вищої освіти у арабів та дещо про арабську Академію наук. Київ, 1928 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН. № 83).

[121] *Крымский А.Е.* Мусульманство и его будущность. Прошлое ислама, современное состояние мусульманских народов, их умственные способности, их отношение к европейской цивилизации. М., 1899, 120 с.

[122] См.: *Крымський А.Ю.* Звенигородщина, Шевченкова Батьківщина, з погляду етнографічного та діалектологічного. Ч.1, вип.1. Київ, 1930 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 71).

[123] См.: *Крымський А.Ю.* Тюрки, їх мови та літератури. І. Тюркські мови. Вип.2. Київ, 1930 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 105), с. 113–214.

[124] Речь идет об отредактированном Крымским сборнике: Студії з Криму. Київ, 1930 (Збірник Істор.-філол. відділу ВУАН, № 89). В сборнике были опубликованы три работы А.Е.Крымского: «Сторінки з історії Криму та кримських татар», «До історії теперішніх 25% татарської людності в Криму», «Література кримських татар».

[125] О судьбе этих рукописей нам ничего не известно.

[126] См.: *Крачковский И.Ю.* Шейх Абу Наддара – основатель арабской сатирической прессы в Египте (1839–1912). – Восток. 1924, кн.4, с. 165–168.

[127] См.: *Крачковский И.Ю.* Ризкаллах Хассун (1825–1880), переводчик басен Крылова на арабский язык. – Восточный сборник (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде). Серия V, вып.1, 1926, с. 13–36.

Ризкаллах Хассун – арабский литератор, журналист, политический деятель.

[128] Муркос Георгий Абрамович (1846–1911) – арабист, профессор Специальных классов Лазаревского института восточных языков, член Восточной комиссии Московского археологического общества. Родился в Дамаске, первоначальное образование получил в Греции, окончил Петербургскую духовную семинарию и факультет восточных языков Петербургского университета. Был профессором Специальных классов Лазаревского института, где преподавал до 1900 г.

[129] Православное училище Трех Святителей в Бейруте, возникло в 1866 г.

[130] Шхаде Дмитрий – православный церковный деятель в Бейруте, владелец большого рукописного собрания, с которым Крымский познакомился во время своего пребывания в Сирии (1896–1898). Семья Шхаде была во второй половине XIX в. связана с сирийским культурным возрождением.

[131] Нофаль Ириней Георгиевич (Селим) (1828–1902) – арабист, профессор арабского языка и мусульманского права Учебного отделения восточных языков при МИД. По происхождению – араб-сириец из Триполи. В Россию приехал в 1860 г. Нофаль обладал большой коллекцией арабских рукописей. (О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. – Избранные сочинения. Т. I, с. 115–118. По словам Крачковского, Нофаль «был страшным исламофобом» и в своих сочинениях допускал иронические замечания относительно пророка Мухаммеда, из-за чего турецкий посланник требовал конфискации его книжек.)

[132] Щекин Михаил Сергеевич – иранист, окончил Лазаревский институт в 1892 г., служил в Министерстве иностранных дел. Был членом Восточной комиссии Московского археологического общества, публиковался в «Древностях восточных».

[133] Четверостишия персидского поэта Омара Хайяма (1040–1123) были опубликованы П.Лозевым в его переводе в статье: Омар Хейям – вільнодумець (1040–1123). – Східній світ. 1928, № 2, с. 238–255.

[134] «Східній світ» (Восточный мир) – орган ВУНАВ (см. примеч.105), выходил в Харькове между 1927 и 1931 гг. (с 1929 г. переименован в «Червоний схід»). В 1927 и 1928 гг. (№ 1–5) в редколлегию журнала входили А.Е.Крымский и А.П.Ковалевский.

[135] Шмидт Александр Эдуардович (1871–1939) – арабист, исламовед. В 1894 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета;

с 1898 по 1920 г. преподавал в Петербургском университете (с 1918 г. профессор). С 1920 по 1939 г. жил в Ташкенте и преподавал в Среднеазиатском университете. В 1925 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

[136] Аляв дин Анатолий Павлович (1885–1965) – сириолог, специалист в области культуры христианского Востока. Был сотрудником Азиатского музея (1924–1929), преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете с 1919 по 1929 г., а также в Богословском институте (1920–1923) и Высших богословских курсах (1926–1927). Арестован в марте 1929 г., находился в Беломоро-Балтийском лагере; после освобождения в 1932 г. вновь подвергся репрессиям (1945–1954).

[137] Ясно польский Леонид Николаевич (1873–1957) – экономист, специалист в области финансов, был членом АН Украины с 1925 г.

[138] Речь идет о немецкой публикации «Автобиографии М.Нуайме» с предисловием И.Ю.Крачковского: Miḫā'il Na'imah's Autobiographie. – Die Welt des Islams. 1931, XIII, с.104–110.

Нуайме Михаил (1889–1988) – ливанский писатель, поэт, критик и драматург, окончивший Духовную семинарию в Полтаве (1911), долгие годы живший и работавший в Америке. Крачковский уделяет место Нуайме в своих работах «Новоарабская литература» (1935), «Арабская литература в XX в.» (1946), «Дж.Х.Джебран. Его жизнь и смерть, литературное и художественное творчество. Сочинение М.Ну'айме» (1941) (см.: Избранные сочинения. Т.III. М.–Л., 1956). В этом же третьем томе впервые на русском языке опубликована и «Автобиография Михаила Нуайме», написанная в форме письма Крачковскому (с. 223–228).

[139] Максим Грек, в миру Михаил Триволис (ок. 1470–1556) – писатель-публицист. Родился на побережье Ионического моря, образование получил в Италии. В 1518 г. по приглашению Василия III прибыл в Россию для исправления переводов церковных книг. За поддержку взглядов нестяжателей подвергся гонениям. Последние годы жизни провел в Троице-Сергиевом монастыре, где и умер.

[140] Коковцов (Коковцев) Павел Константинович (1861–1942) – семитолог, член АН с 1919 г. Окончил еврейско-арабско-сирийский разряд факультета восточных языков Петербургского университета. С 1894 г. – приват-доцент (с 1912 г. профессор) этого университета.

[141] Имеется в виду работа: *Райт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы. Пер. с англ. К.А.Тураевой. Под ред. и с доп. проф. П.К.Коковцова. СПб., 1902.

[142] МГоры – сокращенная форма Медвежьегорска, города в Карелии. Место отправления телеграммы говорит о цели поездки А.Е.Крымского, о чем он в письме Крачковскому не сообщает: он навещал находившегося в лагере Н.З.Левченко.

[143] Лот – нем., мера веса, применявшаяся до введения метрической системы. 1 лот = $^1/_{32}$ фунта.

[144] Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934.

В сборнике, посвященном Ольденбургу, содержатся, в частности, статьи А.Е.Крымского «Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании) [г.Кабала]», с. 289–305 и И.Ю.Крачковского «К истории арабских версий сказки про женскую хитрость», с. 279–287.

[145] А.Е.Крымский имеет в виду т. V «Записок Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР». Л., 1930, который содержал 38 работ и был посвящен 25-летнему юбилею научной деятельности И.Ю.Крачковского.

[146] Имеется в виду книга: المظفرية. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября. 1872–1897. СПб., 1897 (тираж – 261 экз.). В сборник вошли работы В.Бартольда, Н.Медникова, С.Ольденбурга, Н.Марра, В.Жуковского и др.

См. также примеч.80.

[147] Речь идет о работе Крачковского «Исторический роман в современной арабской литературе», написанной в Бейруте в 1909 г. и напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения» (новая серия), т.XXXIII, 1911, с. 260–288. В немецком переводе с дополнениями автора статья была переиздана в: Die Welt des Islams. 1930, т.XII, 1–2, с. 51–87 (см. также: Избранные сочинения. Т.III, с. 19–46).

[148] См.: Арабская литература. – Энциклопедический словарь Русского библиографическ. института Гранат. 1-й доп. том. Том вышел в 1936 г. В дальнейшем издание словаря Гранат влилось в БСЭ.

[149] См.: Энциклопедический словарь Гранат. Под ред. проф. В.Я.Железнова и др. 7-е, совершенно переработанное изд. Т. 3, стб. 324–339.

[150] Армянская советская энциклопедия. Т. 1. Ер., 1935.

[151] См.: Handbuch der altarabischen Altertumskunde. In Verbindung mit Fr.Hommel und Nik. Rhodokanakis hrsg. von D.Nielsen mit Beiträgen von A.Grohmann und E.Littmann. Kopenhagen, 1927.

[152] К сожалению, в архиве А.Е.Крымского нам не удалось обнаружить следов этой работы. Между тем древняя история Южной Аравии давно интересовала Крымского, накануне первой мировой войны он опубликовал раздел «Старинная история Аравии Южной, от древневавилонских времен до подчинения страны пророку Мохаммеду» (Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. М., 1913, т. IV, отд.2, с. 1–30).

[153] Библиография Востока. Вып.1. История (1917–1925). Под общей редакцией проф. Д.Н.Егорова. М., 1928. Этот выпуск издан ВНАВ при ЦИК СССР (см. примеч.84), содержал обзор книг и статей по истории Востока на русском языке, вышедших с 1917 по 1925 г. С 1932 г. Институт востоковедения АН СССР начал выпускать свою «Библиографию Востока», издание которой прекратилось в 1937 г., было опубликовано 10 выпусков. Почти во всех выпусках И.Ю.Крачковский публиковал свои статьи, заметки, рецензии.

[154] См. примеч.144.

[155] Речь идет о: *Крачковский И.Ю.* Одна из арабских версий сказки про женскую хитрость. – Доклады Академии наук СССР. Серия В. 1926, с. 23–26.

По-видимому, имеется в виду работа: *Spiro S.* Arabic-English Dictionary of the Modern Arabic of Egypt. Cairo, 1895.

С п и р о С. (XIX – нач. XX в.) – арабист-диалектолог.

[156] Речь идет о: Фердовси. 934–1934. Л., 1934.

Сборник, посвященный тысячелетию со дня рождения персидского поэта Фердоуси, включал статьи И.А.Орбели, Е.Э.Бертельса, А.Ю.Якубовского, К.В.Тревер, К.И.Чайкина и др.

[157] *Чайкин К.И.* Асади старший и Асади младший. – Фердовси. 934–1934, с. 119–159. Надпись 1055 г. Чайкин переводит (с. 122): «И написал Али сын Ахмеда Асади Тусский, поэт...»

Чайкин имеет в виду следующую работу немецкого иранист Германа Эте (1844–1917): *Ethé.* Über persischen Tenzonen. – Verhandlungen des V. Internationalen Orientalisten Congresses. II. B., 1882.

Исследования последних десятилетий подтвердили, как отмечают издатели книги Крымского «Низами и его современники» (Баку, 1981), концепцию К.И.Чайкина.

«Гершасп-намэ» – персидское поэтическое произведение, написанное в 1064–1066 гг. в Нахичевани и поднесенное его правителю.

Чайкин Константин Иванович (1889–1939) – иранист-филолог. В 1916 г. окончил Лазаревский институт, в 1921–1926 гг. работал переводчиком в посольстве СССР в Тегеране, с 1927 г. преподавал в Московском институте востоковедения, был научным сотрудником Коммунистического университета трудящихся Востока и Института мировой литературы АН СССР. Арестован в 1937 г., погиб в заключении.

[158] Надо полагать, Крымский имел в виду: *Гюзальян Л.Т.* и *Дьяконов М.М.* Рукописи Шах-намэ в ленинградских собраниях. Л., 1934 (цена – 4 руб.).

Год спустя эти же авторы опубликовали «Иранские миниатюры в рукописях Шах-намэ ленинградских собраний» (М.–Л., 1935).

[159] См: *Тураев Б.А.* Классический Восток. Посмертный труд. Под ред. и с примеч. В.В.Струве и Н.Д.Флиттнера. Т.1. Л., 1924. Предисловие к работе выдержано в духе глубокого почтения учеников к учителю. Обещанные последующие тома не вышли, так как издательство было ликвидировано, а второй том с дополнениями Флиттнера затерялся.

«Классический Восток» представлял собою дополнение к напечатанному в 1913 г. курсу лекций Тураева под заглавием «История древнего Востока». В 1935 г. В.В.Струве и И.Л.Снегирев объединили в новом издании «Классический Восток» с курсом лекций 1913 г. и издали работу, которой предпослали в духе времени резкое критическое предисловие, без которого, по-видимому, работа не могла увидеть свет. См.: *Тураев Б.А.* История Древнего Востока. Под ред. В.В.Струве и И.Л.Снегирева. Т. I–II. Л., 1935.

В 1938 г. эта работа Тураева вышла на украинском языке: *Тураев Б.А.* Історія стародавнього сходу. За ред. В.В.Струве і І.Л.Снегірьова. Т. II. Переклад з російського третього стереотипного видання. Київ–Харків, 1938.

Струве Василий Васильевич (1889–1965) – историк древнего Востока. В 1911 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914–1933), преподавал в Петроградском-Ленинградском университете (1916–1934). В 1935 г. избран академиком АН СССР. Между 1937 и 1941 гг. был директором Института языка и мышления; с 1941 по 1950 г. – директором Института востоковедения АН СССР.

[160] *Sarkis J.* Dictionnaire encyclopédique de bibliographie arabe. Le Caire, 1928–1929.

Саркис Юсуф Илйан (ум. в 1932) – арабский библиограф.

[161] Полного ответа на эти вопросы Крымский не получил, поэтому в «Истории новой арабской литературы» он осторожно пишет, что роман французского писателя Эжена Сю (1804–1857) «Вечный жид», написанный в 1845 г., был переведен на арабский язык Наджибом Ибрахимом Традом (1859–1911) между 1888 и 1890 гг. (Ю.Саркис не сообщал об этом переводе). См.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы. XIX – начало XX века. М., 1971, с. 290–291.

[162] Вельтман Александр Фомич (1800–1870) – русский писатель и археолог, член-корреспондент Петербургской АН, директор Оружейной палаты с 1852 по 1870 г., автор многих исторических и фантастических романов, в том

числе «Аттила и Русь IV–V века» (М., 1858) и «Метрополия Великой и Малой Руси на Дону с IV до IX века» (М., 1866).

[163] Джамиль Сидки аз-Захави (1863–1936) – иракский поэт, один из представителей нового направления в арабской литературе, названный Крачковским «величайшим арабским поэтом в современном Ираке» (см.: *Крачковский И.Ю.* Al-Zahawi. – Enz. Isl. Erg. Bd., Lief. 5, 1938, с. 282–283. На русском языке см.: Избранные сочинения. Т.III, с. 251–254).

[164] Ахмед Шауки (1868–1932) – один из «характерных и выдающихся поэтов мусульманского Египта» (А.Е.Крымский). О нем Крымский пишет в сохранившейся главе второго тома своей «Истории» – «Двое египетских поэтов-корифеев» (История новой арабской литературы, с. 663–689). См. также примеч. 300.

[165] Ибрахим Хафиз (1872–1932) – второй из «египетских поэтов-корифеев» (см. там же). И.Ю.Крачковский называет дату рождения Хафиза 1871 г. (см.: Арабская литература в XX в. – Избранные сочинения. Т.III, с. 100–101).

[166] Минорский Владимир Федорович (1877–1966) – иранист. Окончил юридический факультет Московского университета в 1900 г. и Специальные классы Лазаревского института в 1903 г. По линии МИД работал в Иране и Турции. В 1919 г. из Ирана эмигрировал во Францию, где преподавал персидский язык, по временам ради преподавания жил в Лондоне. В 1930 г. переехал в Англию, с 1937 г. – профессор Лондонского университета. По завещанию похоронен в Москве. (О нем см.: *Базиянц А.П.* Параллели, которые сходятся на родной земле (Гордлевский и Минорский). – Восток. 1991, № 1, с.102–110.)

[167] «Худуд ал-алем» – анонимное сочинение X в. на персидском языке. Рукопись обнаружил в 1882 г. в Бухаре Туманский. В Азиатском музее хранилась фотокопия рукописи из архива В.Р.Розена. Заметку об А.Г.Туманском, написанную И.Ю.Крачковским, см.: Восток. 1922, т.1, с.112.

В переводе В.Ф.Минорского «Худуд ал-алем» вышла в свет в 1937 г.: Ḥudūd al-ʿĀlam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. Transl. and explained by V.Minorsky. L., 1937 (Gibb Memorial Series. London, New Series, XI). См. также примеч. 204.

[168] Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1899–1937) – дипломат, с 1918 г. член коллегии Наркоминдела, заместитель наркома (1918–1920). В ранге полпреда, затем посла выполнял дипломатическую службу в Китае, Иране, Турции.

[169] Это стихи из книги «Пестрые касыды» персидского поэта Саади (род. между 1203–1210 -- ум.1292). Перевод Крымского содержит более точный образ, чем, скажем, перевод И.Сельвинского:

О родине спроси того, кто знал пустыни желтый ад,
А ты что знаешь о воде, когда перед тобой Евфрат?

(Антология таджикской поэзии. М., 1951, с. 369.)

[170] С 1927 г. началась коренная перестройка Академии наук СССР, сопровождавшаяся проверкой состава Академии, принятием нового устава (1930), «который подчинил всю академическую работу интересам Советского государства... В течение последующих лет деятельность Академии наук неоднократно обсуждалась в ЦК ВКП(б) и в СНК. В 1934 г. Академия была передана в ведение СНК СССР и переведена в Москву» (*Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970, с.71). Этот процесс сопровождался давлением правительства на ход выборов в состав Академии, публичной проработкой ее членов.

Перед И.Ю.Крачковским не стояла альтернатива переезда, так как Институт востоковедения АН оставался в Ленинграде.

[171] Селецкий Владимир Васильевич (1868–1955) – доктор медицины, профессор Киевского медицинского института, специалист в области нервных заболеваний.

[172] А.Е.Крымский имеет в виду Первую сессию арабистов, состоявшуюся 14–17 июня 1935 г. в Ленинграде. Сессия была организована создавшейся в 1934 г. при Институте востоковедения Ассоциацией ленинградских арабистов. Обзор работы сессии см.: *Искандеров А.Ф.* Первая сессия арабистов. – Вестник АН СССР. М.–Л., 1935, № 9, стб. 57–64.

В 1937 г. были изданы под редакцией И.Ю.Крачковского «Труды Первой сессии арабистов 14–17 июня 1935» (М.–Л., 1937, 134 с.). В Трудах опубликованы доклады И.Ю.Крачковского, А.Ю.Якубовского, А.М.Шами, В.Б.Луцкого, Г.В.Церетели, А.Я.Борисова, В.А.Крачковской. Сессия отметила тридцатилетие научной деятельности И.Ю.Крачковского, среди приветствовавших был египетский поэт, арабист и медик Хамди Селям (1904–1966).

[173] Искандеров Азиз Фатуллович (1911–1960) – историк арабских стран. Окончил Ленинградский восточный институт. С 1931 г. – сотрудник Института востоковедения АН. В 1936 г. защитил диссертацию на тему «Национальное движение в Египте конца XIX – начала XX века и партия "Хизб ал-Ватан"». Между 1937 и 1945 гг. находился в заключении. С 1947 г. преподавал в Тбилисском университете, с 1956 – сотрудник Института востоковедения в Ленинграде.

[174] См.: *Крачковская В.А., Крачковский И.Ю.* Древнейший арабский документ из Средней Азии. – Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийской культуры, найденных на горе Муг в Тадж. ССР. Л., 1934, с. 52–90.

[175] Речь идет о реконструкции плохо сохранившегося текста. Первое слово 15-й строки Крачковский предположительно читает как لعط[ا] , что не поддается переводу. Вся фраза в переводе Крачковского – «Ведь Аллах сделал сан эмира для семьи... помощь и милость».

[176] *d'Ohsson C.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan. T.I–IV. La Haye et Amsterdam, 1834–1835. См.: T.IV (1835), с. 197.

[177] Газан-хан Махмуд (1271–1304) – монгольский правитель Персии (1295–1304), при котором монголы окончательно подчинились влиянию ислама и мусульманской культуры.

[178] См.: *Крачковский И.Ю.* Георг Гофман. 1845–1933. Некролог. – Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. Л., 1933, № 4, с. 273–283 (также: Избранные сочинения. Т.V, с. 337–347); *Крачковский И.Ю.* В.В.Бартольд в истории исламоведения. – Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. Л., 1934, № 1, с. 5–18 (также: Избранные сочинения. Т.V, с. 348–360).

На смерть Бартольда Крачковский отозвался через день после кончины ученого в ленинградской «Красной газете» (вечерний выпуск) 21.VIII.1930.

[179] Мартинович Николай Николаевич (1883–1939) – тюрколог. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1907 г. Служил в МИД, преподавал в Петроградском университете и Петроградском институте живых восточных языков до 1922 г. С конца 1922 г. находился в Западной Европе, затем в США.

[180] Розенберг Федор (Фридрих) Александрович (1867–1934) – иранист, специалист по «Шах-наме», литературе парсов, иранскому искусству. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1890 г.

Был научным сотрудником Азиатского музея – Института востоковедения с 1902 по 1934 г. и ряда других научных учреждений. В 1924 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

Крачковский написал проникновенный некролог Розенберга, приложив к нему список работ Ф.А.: Ф.А.Розенберг (1.III.1867 – 5.VI.1934). Некролог. – Известия АН СССР, серия VII. Отд. обществ. наук. 1936, с. 895–908 (также: Избранные сочинения. Т. V, с. 372–385).

[181] На протяжении 1934–1936 гг. Крачковский прочитал несколько докладов и сообщений, посвященных Н.Я.Марру: в Ассоциации арабистов 29.XII.1934 г. «Памяти Н.Я.Марра»; в Институте востоковедения 13.I.1935 г. «Н.Я.Марр и памятники арабской письменности» и в Институте языка и мышления АН 22.XII.1935 г. «Н.Я.Марр и новая арабская литература». Два последних были опубликованы лишь в 1937 г.: *Крачковский И.Ю.* Н.Я.Марр и памятники арабской литературы. – Библиография Востока. М.–Л., 1937, вып. 10, с. 7–15; *он же.* Н.Я.Марр и новая арабская литература. – Язык и мышление. 1937, № 8, с. 183–188.

[182] Известия, № 70 (5623) от 22.III.1935 содержат объявление об открытии сессии АН СССР 21.III и сообщение о предстоящем вечернем заседании, посвященном памяти акад. Н.Я.Марра, на котором с докладами должны были выступить В.М.Алексеев, А.М.Деборин, И.И.Мещанинов, И.А.Орбели. Имени И.Ю.Крачковского не упоминалось.

[183] *Крачковский И.Ю.* Ново-арабская литература. – Записки Института востоковедения АН СССР. 1935, т. III, с. 159–182. Этот русский вариант статьи в Энциклопедии ислама (см. примеч. 184) имел две новые главы и изменения в тексте.

[184] Neu-arabische Litteratur. – Enzyklopaedie des Islām. Erg. Bd., Lief. 1, 1934, с. 27–35.

[185] Джебран Джебран (1883–1931) – ливанский писатель, лидер сиро-американской литературной школы.

Рейхани Амин (1879–1940) – ливанский писатель, представитель сиро-американской школы. См. примеч. 15.

[186] *Оде-Васильева К.В.* Образцы ново-арабской литературы (1880–1925). Под ред. и с предисл. И.Ю.Крачковского. I. Текст. Л., 1928. Предисловие, с. I–XXV; II. Словарь. Л., 1929. Предисловие. с. III–VIII.

[187] Калила и Димна. Пер. с араб. И.Ю.Крачковского и И.П.Кузьмина. Статья и примеч. И.Ю.Крачковского. М.–Л., 1934, 374 с.

См. также примеч. 16.

[188] Санскритский язык был литературным языком древней и средневековой Индии, пракритский – обозначал группу североиндийских народных языков, а пали – один из среднеиндийских языков, ставший священным языком южных буддистов.

[189] Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) – индолог, специалист в буддологии. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1889 г. В 1918 г. избран академиком Российской АН. С 1901 по 1930 г. преподавал в Петербургском-Ленинградском университете, с 1930 г. вплоть до конца жизни заведовал индо-тибетским кабинетом в Институте востоковедения АН СССР.

[190] *Ибн-Хазм.* Ожерелье голубки. Пер. с араб. М.А.Салье. Под ред. И.Ю.Крачковского. Предисл. Е.Э.Бертельса. М.–Л., 1933.

[191] А.Е.Крымский имеет в виду суру «Рассвет», айат 4: ومن شرّ النفاثات في العُقَد, согласно переводу Саблукова, «от злоправности женщин, дующих на узлы», а в переводе Крачковского, «от зла дующих на узлы».

[192] *Крымский А.Е.* История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.). Изд. новое, перераб. Ч.3, М., 1913 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып.XV, ч. 3), с. 5.

[193] «Библиотека» – свод античных мифов, автором которой считается Аполлодор Афинский (не позже II в. до н.э.). См.: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Подгот. изд. В.Г.Борухович. Л., 1972.

Впервые переведена на русский язык и издана в Москве в 1725 г. Заметим, что в этом сочинении название Андалус не упоминается.

[194] Зейбольд Хр.Ф. (1859–1921) – немецкий арабист («единственный в Германии арабист, близко знакомый с cosas de España – "испанскими делами"; он был когда-то секретарем Дон Педро Бразильского и вместе с ним переводил "1001 ночь" на португальский язык». – *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. – Избранные сочинения. Т.I, с. 101). Гипотезы Зейбольда придерживался и французский востоковед Э.Леви-Провансаль (1894–1956), изложивший ее в статье «Andalus» в новом издании «Энциклопедии ислама» (Т. 1, Leiden, 1960, с. 486–487).

[195] Kitāb al-Badi' of 'Abd Allah ibn al-Mu'tazz. Edited from the unique Ms. in the Escorial, with introduction, notes and indices, by Ignatius Kratchkovsky, Member of the Academy of Sciences, Leningrad. L., 1935, XXIII+31+143 с.

Китаб ал-бади' – «Книга о новом» (или «Книга о поэтических тропах») – литературный труд Ибн ал Му'тазза (861–908). См. примеч. 28.

[196] Имеется в виду: *Крымский А.Е.* Арабская литература в очерках и образцах. Т.2. «Хамаса» Абу-Теммама Тайского (ок. 805–846). 1–2. М., 1912 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып.36). См. примеч. 65.

[197] Абу-л-Касим ибн Бишар ал-Амиди (ум. 981) – арабский филолог.

Ал-Хусри (ум. 1061) – арабский филолог.

Ибн-Рашик ал-Кайравани (род. ок. 995 – ум. 1070) – арабский историк, филолог и поэт.

[198] Имеется в виду тридцатилетие научной деятельности И.Ю.Крачковского. См. примеч. 172.

[199] Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) – востоковед-историк, ученик Сенковского и Френа. Окончил Петербургский университет, с 1838 по 1844 г. состоял профессором восточных языков в Ришельевском лицее в Одессе, с 1863 по 1878 г. – профессор, возглавлял кафедру Востока при факультете восточных языков Петербургского университета. В 1853 г. избран чл.-корром Академии наук. Занимался и историей науки. Между 1851–1862 гг. служил в российской администрации Оренбурга.

[200] Дик ал-Джинна, псевдоним Абд ас-Саляма б.Рахбана (778–849), – арабский поэт, сочинял риҷā' (элегии) на убийство Хусейна.

[201] *Крачковский И.Ю.* Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'вā Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества. Пг., 1914, XII+378+154 с.

[202] По-видимому, речь идет об одной из работ арабского просветителя и педагога Саты ал-Хусри (1880–1968).

[203] Беляев Виктор Иванович (1902–1976) – арабист-филолог. В 1925 г. окончил этнолого-лингвистическое отделение Факультета общественных наук Ленинградского университета. Ученик Крачковского, Бартольда. В 1926–1929 гг. работал в Азиатском музее, был научным сотрудником ряда исследовательских институтов; с 1934 г. преподавал в ЛИФЛИ, с 1938 г. – на филфаке ЛГУ; 1951–1975 гг. – зав. кафедрой арабской филологии Восточного фак-та ЛГУ; 1936–1959 гг. – сотрудник Института востоковедения АН СССР.

[204] Речь идет о: Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В.Бартольда. Л., 1930. См. примеч. 167.

[205] Старинин Всеволод Павлович (1903–1973) – арабист-лингвист. В 1927 г. окончил арабское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения, с 1927 г. был библиотекарем, преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. С 1938 по 1942 г. преподавал в МИВ. С 1942 по 1955 г. – в Высшей дипломатической школе МИД СССР, с 1955 г. работал в ИВАН.

[206] Сведениями о судьбе рукописи этой работы не располагаем.

[207] Видимо, речь идет о рецензии И.Ю.Крачковского: Итальянская книга о Йемене. *Ansaldi C.* Il Jemen nella storia e nella leggenda. (Collezione di operi del Ministerio delle Colonie, № 17). Roma, 1933. – Библиография Востока. 1935, вып. 7, с. 117–118.

О близости интересов Крымского и Крачковского говорит и то обстоятельство, что в 1938 г. И.Ю.Крачковский поместит обзор: Новое пособие в области южноарабских древностей. Les noms propres sud-sémitiques, par G.Ryckmans, professeur à l'université de Louvain. T. I–III. Louvain, 1934–1935. – Вестник древней истории. 1938, № 2(3), с. 145–149.

[207a] Речь идет о III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии, проходившем в сентябре 1935 г. в Ленинграде в здании Государственного Эрмитажа, где была развернута выставка.

[208] Бубнов Андрей Сергеевич (1883–1940) – государственный и партийный деятель, историк-публицист, автор работ по истории Коммунистической партии. В 1918–1919 гг. был в составе украинского советского правительства, в годы правления Центральной Рады – на подпольной работе. В 1929–1937 гг. – нарком просвещения РСФСР. Репрессирован.

[209] Из «старых оттисков» Крымский имел в виду следующие: *Городецкий В.А.* Арабские пословицы, записанные в Дамаске (см. примеч. 94). Крымский ошибается: это оттиск из «Древностей восточных» за 1913 г. В том же 1913 г. было опубликовано несколько заметок Крымского об антиохийском патриархе Макарии (ум. 1672): Мелкие сообщения, могущие способствовать выяснению личности патриарха Макария и автора его путешествия. – Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. 1913, т. 4, отд. 2, с. 34–35; О неисследованном, и притом старейшем, списке путешествия на Русь антиохийского патриарха Макария в XVII в. – Там же, с. 95–96; Предварительное замечание [к статье А.А.Олесницкого: О неисследованном, старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года. Из рукописного собрания А.Е.Крымского]. – Там же, с. 1–4.

[210] Виленчик Яков Соломонович (1902–1939) – арабист, диалектолог, специалист в области диалектов Переднего Востока. В 1924 г. окончил факультет общественных наук Ленинградского университета, работал в АН СССР, с 1933 по 1939 г. был научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

[211] Семенов Даниил Владимирович (1890–1943) – арабист. В 1912 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Был преподавателем Российского Палестинского общества в Назарете (1914–1918). С 1923 по 1943 г. был сотрудником Института востоковедения АН СССР.

[212] Мухаммед Теймур (1892–1921) и Махмуд Теймур (1894–1973) – «самые выдающиеся бытовые новеллисты XX в., второй брат сверх того – автор талантливых бытовых комедий» (*Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 528).

[213] Прежде всего речь идет о: *Таха Хусейн*. Дни. Пер. с араб., вводная статья и примеч. И.Ю.Крачковского. Л., 1934, 127 с.

Таха Хусейн (1880–1973) – египетский писатель и филолог.

[214] Кипарисов Федор Васильевич (1886–1936) – историк материальной культуры античного мира, музеевед. Он был заместителем директора ГАИМК и председателем Комитета по планированию археологических работ при Секторе науки Наркомпроса. Был репрессирован. О ГАИМК см. примеч. 70.

[215] «Бустан» – поэтическая книга 1257 г. персидского поэта Саади.

[216] Стецкий Алексей Иванович (1896–1938) – партийный деятель. В 1921–1923 гг. учился в Институте красной профессуры; с 1930 по 1938 г. заведовал агитпропом ЦК ВКП(б).

[217] Галятовский (Голятовский) Иоаникий (ум. 1688) – украинский писатель и проповедник. В 1640-х годах окончил Киево-Могилянскую коллегию (см. примеч. 31), преподавал в ней, а между 1659 и 1664 гг. был ее ректором, с 1669 г. – архимандрит Елецкого монастыря в Чернигове. Галятовский сочинил более 20 книг, среди которых и «Наука, албо способ зложеня казаня» (Киев, тип. Печерской лавры, 1659).

[218] Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) – историк права, академик Украинский АН с 1920 г., а в 1922 г. избирался, но не был утвержден президентом УАН. В 1924 г. подвергался аресту по делу «Центра действий». Между 1922 и 1924, а также в 1925 и 1928 гг. был академиком-секретарем Социально-экономического отделения УАН. В 1930–1931 гг. подвергался жесткой необоснованной критике как за буржуазный национализм, так и великодержавный шовинизм.

[219] Фомин Александр Васильевич (1869–1935) – ботаник, член УАН с 1919 г. Окончил Московский университет в 1893 г. С 1896 г. – ассистент Юрьевского (Тартуского) университета, с 1902 г. – ботаник Тбилисского ботанического сада. Между 1914 и 1935 гг. был профессором Киевского университета, а с 1921 г. стал директором Киевского ботанического сада, ныне носящего его имя. 1930–1935 гг. – академик-секретарь Естественно-математического отделения ВУАН.

[220] Оде-Васильева Клавдия Викторовна, Культум Оде (1892–1965) – арабист-филолог. Родилась в Палестине, в 1908 г. окончила учительскую семинарию Русского Палестинского общества в Назарете. В 1920-е годы была преподавателем Ленинградского института живых восточных языков – Ленинградского восточного института (1924–1938) и Ленинградского университета (1928–1932). С 1943 по 1965 г. преподавала в высших учебных заведениях Москвы.

[221] Слова Энея, героя Троянской войны, скитавшегося по свету после победы греков и разрушения Трои, сказанные царице Карфагена Дидоне в ответ на ее просьбу рассказать о гибели Трои («Энеида», песнь 2-я).

[222] Вероятно, Крымский имеет в виду: *Christensen Arthur*. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936. Первое издание: L'Empire des Sassanides. Le Peuple, l'Etat, la Cour. København, 1907.

[223] *Крымский А.Е.* История сасанидов и завоевание Ирана арабами. Изд. 2-е. М., 1905, 416 с. (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып.21).

Крымский А.Е. Абан Лахыкый, манихействующий поэт (ок. 750–815 г.). Очерк из истории арабской повествовательной литературы индо-персидского характера VIII–IX вв. – Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. 1913, т.4, с. 1–44.

[224] Абу Обейда Ма'мар (ум. 825) – арабский филолог из Басры, собиратель стихов домусульманских поэтов.

[225] «Повесть об Акире» (Ахикаре) возникла в VII в. до н.э. в Месопотамии ассиро-вавилонской эпохи и получила распространение на Востоке, в Византии и Руси. И.Ю.Крачковский придерживался того мнения, что «арабский перевод связан с сирийской обработкой и относится все к тому же классическому для арабской литературы IX в.» (Очерки по истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т. V. с. 26).

[226] «Фихрист» или «Китаб ал-фихрист» («Перечень») 988 г. – библиографический справочник X в., принадлежащий перу Абу-л-Фараджа Мухаммеда ибн Исхака ан-Надима (Ибн ан-Надим). Издан немецким арабистом Г.Флюгелем (1802–1870): Kitâb al-Fihrist mit Anmerkungen hrsg. von Gustav Flügel. T.I–II. Lpz., 1871–1872.

[227] Масуди (ум. 956) – знаменитый арабский средневековый историк и путешественник, автор многотомных исторических и географических сочинений. В его наиболее известном труде – историческом трактате «Промывальни золота» («Мурудж аз-захаб») – встречаются сведения биобиблиографического характера, а также образцы поэзии. *Al-Maçoudi.* Les Praires d'or. Texte et traduction par C.Barbier de Meynard. I–IX. P., 1866–1877.

[227a] *Nau F.* Histoire et sagesse d'Ahikar l'Assyrien. Traduction des versions syriaques avec les principales différences des versions arabe, arménienne, grecque, neo-syriaque, slave et roumaine. P., 1909.

[228] Маздак (убит в 529) – вождь народного движения и религиозный реформатор. Его жизнеописанию была посвящена «Книга про Маздака», по словам Крымского, «нечто вроде исторического приукрашенного романа» (История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Т.1. М., 1909, с. 150).

[229] Речь идет о работе: *Christensen A.* Le Règne du roi Kawadh I et le communisme mazdakite. København, 1925.

[230] Мирхонд (или Мирхванд) (1433–1498) – персидский историк, живший в Герате. Его главный труд – «Сад чистоты о жизни пророков, царей и халифов» является компиляцией из сочинений более ранних историков.

[231] О рукописи этой работы сведений не имеем.

[232] Ал-Хаджжадж (660–716) – наместник омейядских халифов в Ираке.

Абд ал-Малик (ум. в 705) – омейядский халиф, правивший в Дамаске в 685–705 гг. и оказывавший покровительство ряду крупных поэтов.

[233] Хишам (ум. в 743) – омейядский халиф, правивший в 724–743 гг.

[234] Салим – катиб (секретарь) халифа Хишама, перс по происхождению. По поводу его переводческой деятельности А.Е.Крымский еще в 1900-х годах высказал следующее предположение: «Мне думается, что те псевдо-Аристотелевы послания к Александру Македонскому, которые перевел на арабский язык еще в омейядскую эпоху перс Салим, "катиб Хишама", представляют собою перевод из пехлевийской "Аин-наме" и что более поздною форму их мы имеем в знаменитой домостройной энциклопедии "Тайна тайн", которая попала и на Русь под именем "Аристотелевых Врат"» (*Крымский А.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии).

[235] Абдаллах ибн ал-Мукаффа (721–757) – басрийский перс, писатель и переводчик с пехлевийского языка на арабский. По свидетельству Масуди, он был настолько почитаем, что для привлечения внимания к какому-либо произведению достаточно было приписать его Ибн ал-Мукаффе. Ибн ал-Мукаффа перевел с пехлевийского «Калилу и Димну», «Книгу владык», а также «Книгу [про] Маздака».

[236] Ибн Халликан (1211–1282) – арабский филолог, составитель обширного словаря «Некрологи (кончины) знаменитых людей» («Вафайат ал-а'йан»), т.е. жизнеописаний правителей, сановников, ученых, литераторов и т.п. Арабский текст в Европе впервые полностью издал немецкий арабист Ф.Вюстенфельд (1808–1899): Ibn Challicani Vitae illustrium virorum. Ed. F.Wüstenfeld. I–XIII. Gottingae, 1835–1850. На английский язык перевел английский арабист де Слэн (1801–1878): Ibn Khallican's Biographical Dictionary. Transl. by Mac Guckin de Slane. Vol. 1–4. P., 1842–1871.

Абд ал-Хамид ал-Яхья, по прозвищу ал-Катиб (ум. 750), – арабский литератор, создатель арабского эпистолярного жанра, иранец по происхождению, секретарь омейядского халифа Мервана II. Он является автором ряда посланий, в том числе «Послания чиновникам-секретарям», представляющих собой ранние арабские дидактические сочинения.

[237] Мерван II (ум. 750) – последний омейядский халиф, правил в 744–750 гг. После разгрома халифских войск отрядами повстанцев под предводительством Абу Муслима бежал в Каир, где был убит.

«Книга владык» («Ходай-наме», – свод сказаний об иранских богатырях и царях, собранный при Хосрове I Ануширване (531–579), переводился на арабский язык Абдаллахом ибн ал-Мукаффой (VIII в.) и Мусой Кисрави (IX в.). До нас дошел в стихотворной переработке Фердоуси («Шах-наме») и в исторических сочинениях Ибн Кутейбы (ум. в 889) и Табари (ум. в 923).

Туран – территория, расположенная севернее и восточнее р.Оксус (Амударьи), мир кочевников, противостоящий в культурном сознании иранцев миру иранской оседлой цивилизации.

[238] Абу-л-Аббас Ахмед ибн абу Йакуб ал-Йакуби (ум. в 897 или 905) – арабский историк и географ. Его «Историю» («Тарих») издал Хаутсма (Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, Historiae. Ed. M.Th.Houtsma. Pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens. Lugduni Batavorum, 1883). Персидская фраза в т.II, с. 414 отсутствует.

[238a] О судьбе рукописи нам ничего не известно.

[239] Ал-Джахшийари (ум. в 942) – арабский историк, автор «Китаб ал-вузара» («Книга о везирах»).

[240] Баранов Харлампий Карпович (1892–1980) – арабист-лингвист, автор Арабско-русского словаря (1-е изд.: вып.1–2, М., 1940; вып.3–4, М., 1946). Окончил Лазаревский институт в 1915 г., ученик А.Е.Крымского. С 1919 г. – на преподавательской работе: в Московском институте востоковедения (1920–1952), военной Академии РККА (1919–1932), Коммунистическом университете трудящихся Востока (1932–1935) и др.

[241] Марр Юрий Николаевич (1893–1935) – иранист, сын Н.Я.Марра. Окончил факультет восточных языков Петроградского университета в 1917 г. Был научным сотрудником Азиатского музея (1922–1925), преподавал в ряде высших учебных заведений Ленинграда, а с 1928 по 1935 г. – в Тбилисском университете.

Вдова Н.Я.Марра, мать Ю.Н., Александра Алексеевна Марр, была сестрой иранист В.А.Жуковского (см. примеч. 99); совместно со своей сестрой Марией Алексеевной (женой В.В.Бартольда) составила «Указатель к томам I–X "Записок Восточного отделения Русского императорского археологического общества". 1886–1896» (СПб., 1897).

[242] Горбунов Николай Петрович (1892–1937) – советский государственный деятель, один из организаторов науки, академик с 1935 г. В 1917 г. окончил Петербургский технологический ин-т. С ноября 1917 г. был личным секретарем В.И.Ленина, в 1918–1919 гг. как зав. Научно-техническим отделом

ВСНХ проводил работу по привлечению Российской АН и других научных учреждений к сотрудничеству с советской властью. В 1923–1929 гг. – ректор МВТУ, в 1932–1935 гг. возглавлял комплексную Таджикско-Памирскую экспедицию, с 1935 г. – непременный секретарь АН СССР.

[242а] Статья о Мерве, написанная А.Ю.Якубовским, была помещена в Дополнительном томе «Энциклопедии ислама». См. также примеч. 407.

[243] *Тревер К.В.* Сасанидский Иран в Шах-наме. – Фердовси. 934–1934. Л., 1934, с. 177–196.

Тревер Камилла Васильевна (1892–1974) – иранист, историк материальной культуры. Окончила историко-филологический факультет Женского педагогического института в 1914 г. Между 1913 и 1918 гг. преподавала на Высших женских курсах, с 1926 по 1931 г. – в Ленинградском университете. Была сотрудником Археологической комиссии (1913–1918), Государственного Эрмитажа (1921–1928), Института археологии АН. В 1939 г. – доктор наук, в 1943 г. избрана членом-корреспондентом АН СССР.

[244] Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) – армяновед и иранист, археолог. В 1911 г. окончил историко-филологический и восточный факультеты Петербургского университета. С 1914 г. был ученым секретарем Восточного отделения Русского археологического общества, преподавал в Петроградском–Ленинградском университете. Являлся одним из создателей Академии истории материальной культуры (1919 г.). С 1920 г. – научный сотрудник, а в 1934–1951 гг. – директор Государственного Эрмитажа. Между 1956 и 1961 гг. был заведующим Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР. Сотрудничал в ряде других научных учреждений, в 1943 г. был избран первым президентом АН Армянской ССР. Академик АН СССР с 1935 г.

С К.В.Тревер Орбели связывали долгие годы дружбы.

[245] Тардов В.Г. – иранист, в 20-х годах служил консулом в Исфагане; в конце 20-х занимался аграрными отношениями в Иране; в 30-е годы – средневековой персидской поэзией и движением Маздака.

Фрейтаг Константин Андреевич (1874–1934) – иранист, ученик Крымского по Специальным классам Лазаревского института. В 1890-е годы своими средствами поддерживал издания И.Франко. О нем см. письмо Крымского от 10/X 1936.

[246] Речь идет о странице труда Йакуби «Тарих», где повествуется о гибели халифа Мервана II (см. примеч. 238). Персидская фраза содержится в труде Табари (сер. III, т.1, с. 50): Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, ser. III, t.1, 1879.

[247] Харитоненко – семья украинских сахарозаводчиков и землевладельцев середины XIX – нач. XX в. Возможно, речь идет об Иване Герасимовиче Харитоненко (1820–1891) – одном из главных членов синдиката рафинадных сахарозаводчиков.

[248] Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – крупный промышленник и меценат. Он был главным акционером Общества Московско-Ярославско-Архангельской ж.д. Мамонтов объединил вокруг своей усадьбы в Абрамцеве крупнейших художников, музыкантов, артистов; в 1885 г. основал Московскую частную оперу.

[249] Крымский ошибается: Горки и Болшево – разные усадьбы. В Горках, где умер Ленин, в числе владельцев усадьбы Шульц не числится. Болшево, где расположен был дом отдыха ученых, находится неподалеку от деревни Костино, где по совету врачей в декабре 1921 – январе 1922 г. отдыхал В.И.Ленин (быть может, это обстоятельство породило ошибку).

[250] Провс Федор Иванович – коллекционер-нумизмат; с 1898 по 1904 г. был председателем Московского нумизматического общества.

[251] А.Е.Крымский находился в Сирии с октября 1896 по май 1898 г. для совершенствования своих знаний в арабском языке и арабской словесности. Об этом см.: *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975.

[252] Гай Петроний (ум. 66 г. н.э.) – римский писатель, приближенный императора Нерона; его авторству приписывают сохранившийся в отрывках «Сатирикон».

Марк Валерий Марциал (род ок. 40 – ум. после 102) – древнеримский поэт, знаменит своими эпиграммами.

Эпиктет (род ок. 50 – ум. ок. 138) – греческий философ-стоик.

[253] Мирза Джафар Ризаев – иранист, преподаватель персидского языка, словесности, каллиграфии в Лазаревском институте. Он подготовил несколько учебных пособий, в том числе «Грамматику персидского языка, составленную Мирзою Джафаром при участии академика Ф.Корша». М., 1901 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып.6). Состоял членом Восточной комиссии Московского археологического общества.

[254] Мирза Абдулла Гаффаров (Мирза Абдаллах бен Абд ал-Гаффар Тебризи) (род. ок. 1868 – ум. после 1927) – иранист, тюрколог. До 1915 г. сохранял персидское подданство. Образование получил в медресе в Египте. С 1901 г. преподавал в Лазаревском институте азербайджанский, персидский языки. Издал несколько учебных пособий, а также: Персидско-русский словарь. Т.I. Под ред. акад. Ф.Е.Корша. М., 1914 (Труды по востоковедению, издаваемые при Лазаревском институте восточных языков. Вып. 42); т.II. Под ред. Л.Жиркова. М., 1927 (Труды Московского института востоковедения им. Н.Нариманова). В 1974 и 1976 гг. словарь дважды выходил репринтным изданием. Состоял членом Восточной комиссии Московского археологического общества.

[255] Данилов В.В. – иранист, член Восточной комиссии Московского археологического общества, где выступил с докладом памяти иранистов Г.Гюбшмана, П.Хорна – профессоров Страсбургского университета. Лазаревский институт, по-видимому, окончил в 1905 г.

[256] Джирджи Зейдан (1861–1914) – арабский писатель, историк. Филолог. Автор «Истории арабоязычной литературы» – تاريخ آداب اللغة العربية (Т.1–4. Каир, 1911–1922).

[257] Гюбшман Генрих (1848–1908) – иранист, армянист, осетиновед, профессор сравнительного языкознания Страсбургского университета. Состоял почетным членом Лазаревского института.

[258] Хашшаб (Хащаб) Антуан Ф. (1874–?) – преподаватель арабского языка в Петербургском университете с 1904 по 1919 г. Уроженец Триполи (Ливан). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Издал ряд учебных пособий: Образцы современной арабской письменности. СПб., 1908; Грамматика арабского языка. Ч.1. Этимология классического языка. СПб., 1910.

Богданов Л.Ф. – иранист, ученик К.Г.Залемана по факультету восточных языков Петербургского университета (см. примеч. 266).

[259] Всеволовский Алексей Николаевич (1843–1918) – историк западноевропейской литературы. Окончил Московский университет и с 1881 г. преподавал русскую словесность, а затем и всеобщую литературу в Специальных классах Лазаревского института. Был также профессором Московского универ-

ситета и Высших женских курсов. Лазаревский институт отметил 70-летие А.Н.Веселовского выпуском: الشرقيات. Восточный сборник в честь А.Н.Веселовского. М., 1914 (Труды по востоковедению, издаваемые при Лазаревском институте восточных языков. Вып.43). Среди публикаций в Восточном сборнике были переводы Мирзы Джафара Ризаева (см. примеч. 253), Мирзы А.Гаффарова (см. примеч. 254), статья А.Е.Крымского и М.О.Аттая «Художественные представители пограничной Сиро-Месопотамии времен византийского героя X века Дигениса Акрита: поэт-витязь Абу-Фирас и панегирист Мотанабби» (с. 17–82).

Хаханов А.С. (1864–1912) – грузиновед, филолог, историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1889 г. преподавал в Лазаревском институте, а с 1900 г. и в Московском университете. Некролог, составленный Крымским, см.: Древности восточные. М., 1913, т. 4, с. 133–145.

[260] Аттая Михаил Осипович (1852–1924) – арабист, сириец по происхождению, образование получил в Бейруте. С 1873 г. преподавал в Лазаревском институте, в 1920 г. избирался директором ЦИЖВЯ, далее преподавал в Московском институте востоковедения. Аттая заведовал библиотекой Лазаревского института (1874–1918) (см. также примеч. 64). В советское время он преподавал также в ряде других учебных заведений. Аттая является автором нескольких учебных пособий, в их числе: Руководство для изучения разговорного арабского языка (сирийское наречие). М., 1923 (Институт востоковедения. Стеклогр. изд.).

[261] Халатянц Григорий Абрамович (1858–1912) – армяновед. Окончил Гимназические классы Лазаревского института и историко-филологический факультет Московского университета. В 1882 г. занял кафедру в Лазаревском институте. Г.А.Халатянц оставил след в науке как издатель памятников древнеармянской письменности.

[262] По-видимому, речь идет о старшем брате К.С.Станиславского – Владимире Сергеевиче Алексееве (1861–1939).

[263] Житецкий Павел Игнатьевич (1836–1911) – украинский филолог и этнограф, член-корреспондент Петербургской АН с 1898 г. Окончил Киевскую духовную академию и Киевский университет (1864). 1880–1882 гг. – приват-доцент Петербургского у-та. В 1880-х годах преподавал в коллегии Павла Галагана и оказал большое влияние на взгляды А.Е.Крымского, у него учившегося в коллегии. Впоследствии учителя и ученика связывали дружеские отношения.

[264] Работа не была опубликована; рукопись «Башкирский язык и литература» хранится в фонде А.Е.Крымского в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки АН УССР (ф.1, 25503, 26 листов).

[265] О Розенберге см. примеч. 180.

Френ Христиан Даниилович (1782–1851) – востоковед, арабист, нумизмат. Образование получил в Германии. В 1807–1817 гг. занимал кафедру арабского языка в Казани. С 1818 г. возглавил Азиатский музей (см. примеч. 20), оставаясь его директором до 1842 г.

Имеется в виду: *Крачковский И.Ю.* Первое издание арабских стихотворений в России (Библиографическая справка из казанского периода деятельности Френа). – Библиография Востока. 1936, вып. 8–9, с. 5–14.

[266] Кер Г.Я. (1692–1740) – арабист и нумизмат. Образование получил в Германии. В 1732 г. был приглашен переводчиком Коллегии иностранных дел; с 1735 г. по предложению Академии наук занялся составлением каталога нумизматической коллекции. О нем см.: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т. V, с. 35–38 и др.

Залеман Карл Германович (1849–1916) – иранист. Окончил арабо-персидско-турецко-татарский и санскритско-персидский разряды факультета восточных языков Петербургского университета в 1871 г. С 1876 г. преподавал в Петербургском университете, среди его учеников были Ф.А.Розенберг, А.А.Ромаскевич, А.А.Фрейман и др. С 1890 по 1916 г. был директором Азиатского музея. Академик Петербургской АН (1895).

[267] *Крымский А.Е.* Арабская поэзия в очерках и образцах с приложением арабского текста переведенных образцов. М., 1906.

См.: Энциклопедический Словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 49, стб.85. Статья подписана А.Крымским. «Шанфара ("губастый", мулат), характерный доисламский поэт – разбойник аравийской пустыни (вер., 560–610)». С его наследием Европу познакомил Сильвестр де-Саси. «На основании де-Саси О.Сенковский дал свою полуфантазию "Смерть Шанфария, с арабского" в "Альбоме Северных Муз на 1828 год" – и с этой обработкой Сенковского познакомился Мицкевич, который как раз тогда прожил год в Петербурге (до мая 1829 г.). Несмотря на свою неприязнь к "ренегату" Сенковскому, Мицкевич на основании его "Смерти Шанфария" написал в Петербурге свою польскую поэму "Фарис". С польского языка Л.Боровиковский сделал немедленно стихотворный перевод на украинский язык "Фарыс, зъ Мицкевича", и его напечатал М.Каченовский в своем "Вестнике Европы", 1830 (I, 177–183; переизд. в "Киевской Старине", 1900, XI). Лет десять позже в погодинском "Москвитянине" (1841, ч.IV, № 7, ст. 15–21) был напечатан и русский перевод с польского: "Фарис. Арабская кассида", Н.Иконникова».

И.Ю.Крачковский заметил: «Прототип "Фариса" Мицкевича, граф В.Ржевусский (1765–1831), дядя Эвелины Ганской, жены Бальзака, в это самое время (1817–1821) провел ряд лет на арабском Востоке, поражая арабов своей роскошью, щедростью и бесстрашием» (Очерки по истории русской арабистики. – Избранные сочинения. Т. V, с. 63). Добавим, что Вацлав Ржевусский, встретив в 1820 г. О.И.Сенковского в Стамбуле, во многом направил его занятия на Востоке.

Боровиковский Лев Иванович (1806–1889) – украинский поэт, филолог и этнограф; окончил около 1830 г. Харьковский университет, с 1829 г. публиковал свои поэтические произведения в «Вестнике Европы», собирал памятники украинского фольклора, переводил сонеты Мицкевича и стихи Пушкина на украинский язык.

[268] Вторая сессия ассоциации арабистов происходила 19–23 октября 1937 г., она была созвана по постановлению Сессии 1935 г. Обзор работы сессии см.: Вестник АН СССР. 1938, № 1, с. 38–43, в нем отмечался более широкий состав участников (до 200 человек). На сессии было заслушано и обсуждено 18 докладов.

А.Е.Крымский прочел доклад «Причины упадка средневековой арабской литературы в эпоху владычества османских султанов». Как отмечалось в обзоре работы сессии, «в развернувшихся прениях (по докладу Крымского. – *Ред.*) наряду с признанием большой значимости данной работы был отмечен ряд неточных формулировок докладчика и некритический подход его к некоторым источникам».

Были изданы «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г.», М.–Л., 1941 (Труды Института востоковедения АН СССР. Вып.36, 175 с.), в которых были опубликованы статьи-доклады И.Ю.Крачковского, А.Э.Шмидта, И.И.Гинцбурга, Н.В.Пигулевской, В.И.Беляева, А.Н.Генко, С.Л.Волина, А.П.Рифтина, Г.В.Церетели, Н.В.Юшманова. В Предисловии

И.Ю.Крачковского указывалось, что доклад А.Е.Крымского «составляет главу подготовляемой им к печати книги по истории арабской литературы в XIX–XX вв. и поэтому в "Трудах" не публикуется».

269 «Кюнх уль-ехбар» – сочинение турецкого историка Али-челеби (1541–1599).

Мустафа Селяники (1566–1599) – турецкий историк.

«Рисале Кочи-бея» – произведение турецкого писателя XVII в.; было переведено на русский язык известным русским тюркологом В.Д.Смирновым: «Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции» (СПб., 1873).

270 Брокельман Карл (1868–1956) – немецкий востоковед, занимался историей арабской литературы, семитологией. Наибольшее значение имеет: Geschichte der arabischen Litteratur. Bd.I–II. 2. Aufl. Leiden, 1943–1949; Supplementbände. 1–3. Leiden, 1937–1942. Крымский имеет в виду: *Brockelmann C.* Kurzgefasste vergleichende Grammatik der semitischen Sprachen. B., 1908.

271 Грозный Бедржих (1879–1952) – чешский хеттолог, исследователь истории народов и языков древнего Востока. В 1897 г. начал заниматься в Венском университете теологией, семитологией и санскритом. С 1919 г. – профессор Пражского университета.

272 Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани (1491–1565) – египетский писатель, шейх-суфий, филолог, богослов. Имеется в виду работа: كتاب الانوار القدسية فى بيان آداب العبودية لعبد الوهاب الشعرانى، مصر، ١٣٧٧ (см.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 23).

273 Речь идет о: *Тураев Б.А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. Пер. с эфиопского под редакцией И.Ю.Крачковского. – Труды Института востоковедения АН СССР. Вып. XVIII, 1936, 188 с.

Тураев Борис Александрович (1868–1920) – историк древнего Востока, абиссиолог. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1918 г. избран академиком. Преподавал в Петербургском университете с 1896 по 1912 г. Заведовал египетским отделом Музея изящных искусств (1912–1920).

274 Имеется в виду: *Крачковский И.Ю.* Из эфиопской географической литературы. – Христианский Восток. 1912, т. 1, с. 127–145. Работа вышла отдельным оттиском: Памятники эфиопской письменности. XI. Fragmenta Geographorum Aethiopicorum. Изд. текста и пер. И.Ю.Крачковского. СПб., 1912, с. 1–19. Это была одна из ранних работ Крачковского из истории эфиопской литературы, которой он начал заниматься в студенческие годы у проф. Б.А.Тураева.

275 Джусто да Урбино, в миру Якопо Куртопасси (1814–1856), – итальянский миссионер-францисканец. В 1846 г. был направлен в Абиссинию. Существует версия, что «Исповедь» Зара Якоба – подделка Джусто да Урбино (см.: *Крачковский И.Ю.* Зара-Якоб или Джусто да Урбино. – ИРАН. VI сер. 1924, т. XVIII, с. 195–206).

Конти Россини Карло (1872–1949) – итальянский абиссиолог, автор ряда работ по истории, этнографии, языку Эфиопии. Он откликнулся рецензией не только на «Абиссинские хроники» Б.А.Тураева (Bibliografia Ethiopica. Milano, 1936, с. 506), но и на статью Крачковского «Из эфиопской географической литературы» (см. примеч. 274).

Митвох Э. (1876–1942) – немецкий арабист. Вероятно, Крымский имеет в виду его работу: *Mittwoch E.* Die angeblichen abessinischen Philosophen des

17. Jahrhunderts. – Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. B., 1933, Bd. XXXVI (Westasiatische Studien, 1–18), на которую Крачковский поместил рецензию в «Библиографии Востока» (1935, вып. 7 (1934), с. 121–122).

[276] Имеется в виду: Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Aethiopici, 2, series altera, t. VIII, 1909–1910.

[277] Дильман А. (1823–1894) – немецкий семитолог, абиссинолог.

Перрюшон Жюль (1853–1907) – французский абиссинолог.

[278] Абу Шакир – Абу Шукр Бутрус б. ар-Рахиб (вторая половина XIII в.) – арабский историк; монофизитский диакон церкви Приснодевы (Моаллака) Марии в Старом Каире. Автор хронографа, доведенного до 1259 г.

Dillman A. Catalogus Codicum Manuscriptorum Orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars tertia: Codices Aethiopicos amplectens. Londini, 1847. См. также примеч. 277.

[279] См.: *Виленчик Я.С., Беляев В.И.* Библиография печатных работ академика Игнатия Юлиановича Крачковского (К 30-летию научной деятельности). М.–Л., 1936, 62 с.

Предшествующий список работ И.Ю.Крачковского был напечатан в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее» (Л., 1930, т. V).

[280] Пеллико Сильвио (1780–1854) – итальянский писатель. См. о нем: *Briano G.* Della vita e delle opere di Silvio Pellico. Torino, 1854.

[281] Сарца Денгели (Сарса Дангель) (1563–1597) – царь Эфиопии, хронику правления которого Крачковский считал одним из лучших произведений абиссинской литературы.

Сусениос (Сисиний) (1604–1632) – царь Эфиопии. Имеется в виду хроника «История Сисиния». *Pereira F.M.Esteves.* Chronica de Susenyos, Rei de Ethiopia. Lisbon, 1882.

Э.Перейра (1854–1924) – португальский абиссиновед.

[282] Зара Якоб (1399–1468) – царь Эфиопии с 1434 по 1468 г. Помещенная в «Абиссинских хрониках» Б.А.Тураева «Хроника царя Зара Якоба и его преемников» (с. 38–111) составлена, по-видимому, несколькими авторами на рубеже XVI в. Перевод сделан по изданиям: *Perruchon.* Les Chroniques de Zar'a Yâeqôb et de Ba'eda Mâryâm, rois d'Ethiopie de 1434 à 1478. P., 1893 (Bibl. de l'Ecole des Hautes Etudes. Fasc. 93, P., 1893); *Perruchon.* Histoire d'Eskender d'Amda-Seyon II et de Nâ'od, rois d'Ethiopie. – J.A. 1894, mars–avril.

Амда Сион (1314–1344) – правитель Эфиопии, внук основателя Соломоновой династии; автор его хроники неизвестен, по мнению И.Ю.Крачковского, – это духовное лицо. Создана хроника в первой половине XIV в. Это «первое по времени в абиссинской литературе сочинение большого объема». Издана с французским переводом Ж.Перрюшоном в 1889 г. – *Perruchon Jules.* Histoire des Guerres d''Amda Syon, roi d'Ethiopie, trad. de l'éthiopien. – J.A. VIII ser., 1889, t. 14, sept.–oct., с. 271–363; novembre–decembre, с. 381–443. Имеется в виду Предисловие И.Ю.Крачковского к переводу «Сказание о походе царя Амда Сиона», выполненному Тураевым (см. «Абиссинские хроники», с. 11–14).

Basset R. Etudes sur l'histoire d'Ethiopie. Chronique éthiopienne d'après un manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris. – J.A. 1881, t.XVIII, с. 315–434.

Бассе Рене (1855–1924) – французский абиссиновед, арабист, берберолог.

[283] «Жертва гумна Орны» – библейский сюжет (Книга царств II, XXIV, 16–25), согласно которому царю Давиду во время моровой язвы было указание свыше соорудить жертвенник Богу в Иерусалиме на горе Мориа, где располагалось гумно Орны Иевусеянина. Не желая приносить жертву даром, Давид

купил у Орны гумно и волов. По совершении жертвоприношения моровая язва среди израильтян прекратилась. Позже это место Давид предназначил для построения Иерусалимского храма.

Енох (Энох) – по библейской традиции был одним из патриархов допотопного мира, седьмым после Адама. Прожив 365 лет, он, не изведав смерти, был взят Богом на небо. Согласно ветхозаветной и новозаветной традициям это было одно из трех «переселений на небо» (Еноха, Илии и Христа). «Книга Еноха» признавалась церковью апокрифической.

[284] Аввакум (XVI в.) – йеменский купец, переселившийся в Абиссинию, крестившийся и достигший высокого церковного сана. Покровительствовал развитию эфиопской литературы и переводам с арабского.

Галавдевос (Клавдий) (1540–1559) – царь Эфиопии. Хроника его царствования издана американским абиссиноведом В.Конзельманом (1856 – ок. 1900): *Conzelman W.El.* Chronique des Galawde'wos (Claudius), Roi d'Ethiopie. P., 1895 (Bibl. de l'Ecole pratique des Hautes Etudes, fasc. 104).

[285] Баумштарк А. (1872–1948) – немецкий востоковед.

О Шейхо см. примеч. 16.

[286] Абрахам Ecchelensi и Иосиф Симон Ассемани (1687–1768) – маронитские ученые, которые перевели на латинский язык хронику монофизитского диакона Абу Шукра Бутроса б. ар-Рахиба: Chronicon orientale nunc primum Latinitate donatum ab Abr. Ecchelensi. Paris, 1651; Chronicon orientale Petri Rahebi Aegyptii primum ex Arabico latine redditum ab Abr. Ecchelensi, nunc nova interpretatione donatum a Jos. Sim. Assemano. Venet., 1729.

[287] Вюстенфельд Ф. (1808–1899) – немецкий арабист, автор биобиблиографического справочника по арабской литературе (*Wüstenfeld F.* Die Geschichtsschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen, 1882).

О Брокельмане см. примеч. 270.

Хюар К. (1854–1927) – французский востоковед. Имеется в виду: *Huart Cl.* Littérature Arabe. P., 1902.

Пицци И. (1849–1920) – итальянский востоковед, автор сочинения об арабской литературе (*Pizzi I.* Letteratura araba. Milano, 1903).

[288] Издание полного арабского текста «Балавхара и Будасафа» осуществил в 1889 г. Ибн-Джавахан в Бомбее. См.: *Крымский А.Е.* Абан Лахыкий, из истории арабской повествовательной литературы индо-персидского характера VIII–IX вв. – Древности Восточные. М., 1913, т.4.

[289] См.: Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. Изд. АН СССР. Ред. Д.А.Ольдерогге. М.–Л., 1936.

Сборник содержит следующие статьи: *Каратаев Н.М.* Географический очерк; *Ольдерогге Д.А.* Население и социальный строй; *Лукницкий К.Н.* Экономика Абиссинии; *Юшманов Н.В.* и *Проскурякова Т.В.* Языки и литература Абиссинии; *Лукницкий К.Н.* Абиссиния с древнейших времен до эпохи империализма; *он же.* Борьба империалистических держав за Абиссинию (до 1914 г.); *он же.* Итало-абиссинская война.

[290] Имеется в виду книга: Les langues du monde. Par un groupe de linguistes. Sous la dir. de A.Meillet et M.Cohen. P., Champion, 1929.

Коэн М. (1884–?) – французский лингвист, семитолог-хамитовед.

[291] Речь идет о статье Б.А.Тураева «Эфиопские мелкие тексты» (Христианский Восток. Т. I, вып. 1. СПб., 1912, с. 50–61).

[292] «Таамра Денгель» (букв. «Чудеса Девы»), или «Таамра Марьям» («Чудеса Владычицы нашей Марии»),– эфиопский сборник сложного происхождения. Крымский ссылается на рукопись «Чудес», хранившуюся не в Азиатском

музее, а в Институте восточных языков при МИД и описанную Б.А.Тураевым в работе «Эфиопские рукописи в С.-Петербурге» (Записки отделения Русского археологического общества. СПб., 1906, Т.XVII, вып. II–III, раздел 2: Институт восточных языков при МИД, № 4, с. 149–157).

Согласно описанию Тураева, в рукописи «Чудес Владычицы нашей Марии» под № 158 следует текст: «На одном из островов Средиземного (?) моря был женский м-рь, одна из монахинь которого, чтившая Божью Матерь, бежала со священником. Через четыре года она раскаялась, и Божья Матерь незаметно вернула ее в ея келью, покрыв "от злых языков людей"». Сюжет о римском папе Пахомии следует в рукописи под № 171.

Ильдефонс (607–669) – архиепископ Толедо, канонизирован. Ему приписываются чудеса, вдохновленные Девой Марией. Их описание собрано и опубликовано в Париже (1576 г.).

293 Павлович Михаил Павлович (Вельтман Михаил Лазаревич) (1871–1927) – востоковед-политолог, государственный деятель. Был ректором и преподавателем Московского института востоковедения с 1921 г., председателем Научной ассоциации востоковедов (с 1921 г.), основателем и редактором журнала «Новый Восток».

294 Речь идет о: *Ludolf I.* Historia Aethiopica, sive brevis et succinta descriptio Regni Habessinorum quod vulgo male Presbiters Johannis vocatur... Francoforti ad Moenum, 1681.

Лудольф Иов (1624–1704) – немецкий абиссиновед.

295 См.: *Castanhoso M.* Historia Dar Cousas que o muy esforçado capitão Dom Christovão da Gama fez nos Reynos do Preste João, com quatrocetos Portugueses. Lisboa, 1564.

296 Афанасий Великий (298–373) – религиозный писатель; архиепископ александрийский.

297 *Budge E.A.W.* A history of Ethiopia, Nubia and Abyssinia (according to the hieroglyphic inscriptions of Egypt and Nubia and the Ethiopian chronicles). Vol. I–II. L., 1928.

298 Вероятно, А.Е.Крымский имеет в виду статью И.Ю.Крачковского «Памяти Б.А.Тураева» (Литература Востока. Вып. 2, 1920, с. 169–174). И.Ю.Крачковский посвятил Б.А.Тураеву еще две свои работы: «Б.А.Тураев и христианский Восток» (Пг., 1921, 16 с.) и «Посмертные работы академика Б.А.Тураева» (Восток, 1923, кн. 3, с. 166–167).

299 См.: Farḥāt, Djarmānūs. – Enzyklopaedie des Islam. Erg. Bd. (Lief. 2), 1936, с. 79–80.

О Джусто да Урбино см. примеч. 275.

Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. Л., 1937, 31 с.

300 Речь идет о работе: *Хусейн-бей Хайкаль.* Памяти двух поэтов: Хафиза и Шауки. Дамаск, 1933 (١٩٣٣ ,دمشق ,ذكرى الشاعرين حافظ وشوقى ,حسين بك هيكل). См. также примеч. 164, 165.

301 По-видимому, речь идет о вдове Н.П.Василенко (см. примеч. 218) Наталье Дмитриевне, много печатавшей для Крымского. Скончалась в 1946 г. в США.

302 Мухаммед Абдо (1849–1905) – египетский исламский реформатор. Габриель Аното (1853–1944) – французский политический деятель и историк. В 1900 г. Мухаммед Абдо выступил против тезиса Аното о том, что причиной отсталости мусульманских народов является консервативность ислама.

303 Исмаил Гаспринский (1851–1914) – российский мусульманский общественный деятель, исламский реформатор, по происхождению крымский

татарин. Разработал для мусульман России новую школьную систему – усул аль-джедид. В 1883/84 г. стал выпускать в Бахчисарае газету на турецком языке «Терджюман» («Переводчик»).

[304] См.: *Крачковский И.Ю.* Ṭāhā Ḥусейн о доисламской поэзии арабов и его критики. – ИАН. Отд. обществ. наук. 1931, с. 589–626 (а также: Избранные сочинения. Т.III, с. 189–222); *он же.* Ṭāhā Ḥусейн и его хроника «Дни». – *Таха Хусейн.* Дни. Пер. с араб., вводная статья и примеч. И.Ю.Крачковского. Л., 1924, с. 3–12 (а также: Избранные сочинения. Т.III, с. 237–243).

[305] Гибб Х.А.Р. (1895–?) – английский востоковед. А.Е.Крымский имеет в виду исследование Гибба в области истории новой арабской литературы (*Gibb H.A.R.* Studies in contemporary Arabic Literature. – Bulletin of the School of Oriental Studies. L. IV, 1928; V, 1929; VII, 1933).

[306] Грот Джордж (1794–1871) – английский историк античности, автор монументальной истории Греции: *Grote J.* History of Greece. 1–12, Lpz., 1846–1856.

Курциус Эрнест (1814–1896) – немецкий историк античности, автор «Истории Греции»: *Curtius E.* Griechische Geschichte. Bd. 1–3. B., 1857–1867. Рус. пер.: М., 1880–1883.

[307] Книга тысячи и одной ночи. Пер., вступ. статья и коммент. М.А.Салье, под ред И.Ю.Крачковского. Т. 1–8. М.–Л., 1929–1939.

Салье Михаил Александрович (1899–1961) – арабист-филолог. В 1923 г. закончил Петроградский институт живых восточных языков, в 1926 г. – восточный факультет Ленинградского университета. Член Союза писателей СССР с 1934 г. Между 1939 и 1943 гг. был сотрудником Публичной библиотеки УзбССР, а между 1943 и 1961 гг. – научным сотрудником Института востоковедения УзбССР. Переводом «Тысячи и одной ночи» занимался с 1927 г.

[308] См.: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. См. примеч. 95.

[309] Мухаммед Осман ал-Джеляль (1829–1898) – египетский писатель, переводчик комедий Мольера на арабский язык. А.Е.Крымский посвятил ему раздел в незавершенном втором томе своей «Истории новой арабской литературы» (см. с. 629–641).

[310] См.: *Gibb H.A.R.* Studies in contemporary Arabic Literature. I. The Nineteenth Century. – BSOAS. 1928, vol. IV, c. 745–760; IV. The Egyptian Novel. – BSOAS. 1933, vol. VII, c. 1–22.

Кампфмейер Г. (1864–1936) – немецкий арабист, специалист в области современной арабской литературы и диалектологии. Речь идет о его статье: *Kampfmeyer G.* Die Anfänge einer Geschichte der neueren arabischen Literatur. – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. Westasiatische Studien, XXXI, 2. Abt., 1928, c. 170–179.

[311] *Bruce J.* Travels to discover the sourse of Nile in the years 1768–1773. Book III–V. Edinburgh, 1790.

Брюс Дж. (1730–1794) – шотландский абиссиновед.

[312] Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности и археолог. Получил образование в Киевском и Петербургском университетах. В 1898 г. – приват-доцент, в 1901 г. – профессор Петербургского университета, где преподавал до 1918 г. Эмигрировал и преподавал в университетах США. С 1928 по 1937 г. возглавлял раскопки эллинистического города на Среднем Евфрате – Дура-Европос.

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – лингвист. Окончил в 1913 г. Московский университет, в том же университете был приват-доцентом в

1915–1916 гг., а в 1918 г. – профессором Ростовского университета. Эмигрировал. Был членом Венской академии наук (с 1930), одним из теоретиков пражского лингвистического кружка, исследовал историю славянских языков и занимался сравнительно-историческим анализом кавказских языков.

313 См.: *Оде-Васильева К.В.* Образцы ново-арабской литературы (1880–1925). Под ред. и с предисл. И.Ю.Крачковского. Т.I. Л., 1928.

314 Никула Хаддад – египетский журналист, сириец по происхождению. Начал публиковаться с 1906 г. Его повесть «Фираиет ал-араб инда т-тюрк» была переработана в «Джамийат ихван ал-ахд» и представляла историю национального движения арабских офицеров, служивших в турецкой армии.

315 См.: *Крачковский И.Ю.* [Рец. на:] Al-Machriq. Revue Catholique Orientale Mensuelle. Sciences-Lettres-Arts. Sous la direction des Pères de l'Université St. Joseph. Beyrouth. 1912. – Христианский Восток. 1914, т. II (1913), с. 156–160.

А.Е.Крымский высказал впоследствии подтвердившееся (см. примеч. А.Б.Халидова на с. 213 «Истории новой арабской литературы») предположение, что автором «Тарих хавадис аш-Шам» («История событий Сирии и Ливана с 1782 по 1841») был Михаил Мишака. «Тарих хавадис аш-Шам» была издана о. Льюисом Маалюфом в журнале «Ал-Машрик» (1912, № 15).

Михаил Мишака (1800–1888) – врач, публицист, историк. О нем см.: История новой арабской литературы, с. 423–428 и др.

316 Михаил Саббаг (ок. 1780–1816) – араб-сириец, внук Ибрахима Саббага, врача и управляющего шейха Дахира ал-Омара (убит в 1775). Его перу принадлежит «История шейха Дахира ал-Омара аз-Зейдана» (издана о. Константином ал-Баша в Ливане в 1927–1928).

О Михаиле Саббаге см.: История новой арабской литературы, с. 209–213.

317 См.: *Крымский А.Е.* Из рукописной бейрутской церковной летописи XVI–XVIII в. (Рукопись «Мохтасар târix эль-асâqыфе» из собрания А.Е.Крымского). – Древности восточные. Т. III, вып. 1, 1907, с. 25–89.

318 *Lammens H.* La Syrie, Précis historique. Vol. 1–2. Beyrouth, 1921.

Лямменс А. (1862–1937) – бельгийский востоковед.

319 В черновом плане второго тома «Истории новой арабской литературы» (раздел «Общепризнаваемые за поэтов-корифеев Египта XIX–XX вв.») Крымским помечено: «Мовсейлихий (1858–1930). Цей розділ уже написано». Однако текст главы не сохранился (*Крымский А.Е.* История новой литературы, с. 698).

320 *Barbour N.* The Arabic theatre in Egypt. – BSOAS. 1935, vol. VIII, с 173–187, 991–1012.

321 Артамонов Михаил Илларионович (1898–1971) – археолог, историк. С 1935 г. был профессором Ленинградского университета, с 1938 по 1943 г. – директором ИИМК АН СССР, с 1951 по 1964 г. – директором Государственного Эрмитажа. Интересам Крымского была близка его работа «Очерки древнейшей истории хазар» (Л., 1936).

322 См.: Vocabulaire arabe-français à l'usage des étudiants par J.B.Belot. Beyrouth, 1883.

Бэло Жан Батист (1822–1904) – французский арабист.

323 Речь идет о: *Климович Л.* О «Трудах первой сессии арабистов» и «Списке работ академика И.Ю.Крачковского». – Под знаменем марксизма. 1937, № 7, с. 178–184. (Имеется в виду: Список работ академика И.Ю.Крачковского. Библиография печатных работ (К 30-летию научной деятельности). М.–Л., 1936, 62 с.)

Л.Климович обрушился на И.Ю.Крачковского с грубой критикой его работ вплоть до утверждения «о политической и научной неправильности того направления, по которому пошел крупнейший представитель советской науки» (с. 184). Если учесть, что статья вышла накануне 2-й сессии арабистов, то угрозой для работы этой сессии прозвучали слова Климовича о том, что программные доклады «Трудов первой сессии арабистов» (речь шла о статьях И.Ю.Крачковского «История арабской литературы и ее задачи в СССР» и В.А.Крачковской «Задачи арабской эпиграфики в СССР») «не могут явиться руководящими для дальнейшей работы советских арабистов».

[324] Пигулевская Нина Викторовна (1894–1970) – историк-востоковед, сириолог и византинолог. Окончила в 1917 г. Высшие женские курсы. Между 1921 и 1928 гг. была хранителем восточных рукописей Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. С 1928 по 1934 г. находилась в заключении на Соловках и в ссылке в Архангельске. С 1934 по 1936 г. работала научным сотрудником Института истории науки и техники, а с 1937 по 1970 г. – Института востоковедения АН СССР. В 1946 г. была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

[325] Майзель Соломон Сергеевич (1900–1952) – тюрколог. Окончил в 1926 г. Московский институт востоковедения, работал библиографом в этом же институте, а также сотрудником торгпредства и ТАСС в Турции и Иране (между 1928 и 1942 гг.), преподавал в ряде учебных заведений. См. также примеч. 74.

[326] Климович Люциан Ипполитович (1907–1989) – исламовед. Окончил Ленинградский университет в 1929 г., преподавал в высших учебных заведениях Казани и Москвы (профессор с 1933). См. также примеч. 323.

[327] Затонский Владимир Петрович (1888–1939) – нарком народного просвещения УССР.

[328] Сельма Саиг – сирийская писательница, два рассказа которой К.В.Оде-Васильева поместила в своих «Образцах ново-арабской литературы (1880–1925)». По-видимому, и составитель «Образцов», и редактор сомневались в датах жизни Сельмы Саиг. Во втором издании «Образцов» (Л., 1947) дата рождения Сельмы Саиг опущена. В «Письмах из Ливана» А.Е.Крымского (с. 141) речь шла о Розе Саиг.

[329] Культум – Клавдия Викторовна Оде-Васильева. См. примеч. 220. Александр Николаевич – друг дома К.В.Оде-Васильевой.

[330] О египетских писателях XVII – нач. XVIII в. Юсуфе Ширбини и Хасане ал-Хиджази см.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 86–88.

[331] Виппиков Исаак Натанович (1897–1973) – семитолог, арабист. Окончил в 1925 г. этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета, был учеником И.Ю.Крачковского, П.К.Коковцова; преподавал в ЛГУ, был научным сотрудником Института этнографии (1929–1943) и Института востоковедения (1943–1953). Известен своими исследованиями арабов Средней Азии.

[332] Абу Наддара – псевдоним Якуба Сануа (1839–1912) – драматург («египетский Мольер») и журналист. О нем см.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 193–196. Также см. примеч. 126.

Али Мубарак (1823–1893) – «один из самых выдающихся культурных деятелей и писателей времени хедива Исмаила» (там же, с. 190). О нем см. там же, с. 196–202.

Ризкалла Хассун (1823–1880) – арабский писатель и политический деятель. О нем см. там же, с. 220–233. См. также примеч. 127.

Фарис Ш и д й а к (1804–1887) – арабский филолог, писатель, журналист. О нем см. там же, с. 234–244.

[333] Т а х т а в и Рифаа-бей (1801–1873) – египетский писатель и переводчик. Большую известность получило его сочинение «Описание Парижа».

О Мухаммеде Тантави см. примеч. 107. О нем у А.Е.Крымского см. указ. соч., с. 171–185.

[334] Никола ибн Юсуф Т ю р к (1763–1828) – ливанский поэт и историк при дворе эмира Бешира II. О его сатирических стихотворениях см.: История новой арабской литературы, с. 353–354, а о «Макаме зимних месяцев» (или «Макаме у зимнего очага») – с. 355–357.

Насиф Я з и д ж и (1800–1871) – арабский филолог и поэт. О нем см. там же, с. 374–390 и др.

[335] Эмир Б е ш и р II Ш и х а б (1768–1850) – правитель Горного Ливана с 1788 по 1840 г., провел мероприятия по централизации управления эмирата. При своем дворе оказывал покровительство поэтам и историографам.

[336] По-видимому, вопрос о фигуре хакима-врача Шакира ал-Хури остался для Крымского невыясненным. В «Истории новой арабской литературы» он не упоминается.

[337] Речь идет о: *Крачковский И.Ю.* Арабские географы и путешественники. – Изв. Государственного географического общества. 1937, т. LXIX, с. 738–756; *он же.* Al-Zahāwī. – Enzyklopaedie des Islām. Erg. Bd. (Lief. 5), 1938, с. 282–283.

Я к у т (1179–1229) – арабский географ и библиограф. Его основной труд издан Вюстенфельдом: Yacut's geografisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F.Wüstenfeld. Bd. I–V. Lpz., 1866–1873.

[338] О Юсуфе Саркисе см. примеч. 160.

[339] Шукри ал-Х у р и (род. 1871) – ливанский писатель; «уроженец центрального Ливана, он в начале текущего столетия эмигрировал в Бразилию, где и занимается до настоящего времени [1929] литературной деятельностью» (*Крачковский И.Ю.* Предисловие. – *Семенов Д.В.* Хрестоматия разговорного арабского языка (сирийское наречие). Под ред. и с предисл. И.Ю.Крачковского. Л., 1929). В хрестоматии Д.В.Семенова помещен отрывок «из его первого и едва ли не лучшего произведения "Народный подарок. Начертан пером Зейда, содержит разъяснение путешествия Финйа̄нӯса в Сирию, последнее завещание Абӯ-л-'Аджра̄на, обозрение товаров Финйа̄нӯсом, рассказ об арабских газетах и портреты их редакторов". Оно издано в Сан-Паоло в Бразилии в 1902 г., до войны находилось под запретом турецкой цензуры и представляет библиографическую редкость» (там же, с. XIV). Творчеством Шукри ал-Хури с лингвистической точки зрения занимался Я.С.Виленчик.

Интерес А.Е.Крымского к «Финианосу» связан, быть может, с тем, что рассказ переводился Т.Кезмой. (В архиве Крымского – ф. I, 25230 – хранится рукопись с названием «*Зайда* (псевдоним) *Шукри аль-Хури*. Фенианос. Рассказ арабский, юмористич. в переводе на рус. яз. Т.Кезмы», л. 1–26.)

Х а р ф у ш (ум. 1921) – профессор арабской диалектологии Бейрутского университета.

[340] Вероятно, А з а д о в с к и й Марк Константинович (1888–1954) – фольклорист, этнограф, литературовед. Окончил в 1913 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в Иркутском, Томском, Ленинградском университетах. Руководил фольклорным сектором Пушкинского дома. Его главный труд: История русской фольклористики. М., 1956.

[341] Шакир Шкейр (Шукер) (1850–1896) – ливанский писатель; сотрудник в энциклопедии Бутруса ал-Бустани.

О Джирджи Зейдане см. примеч. 256.

[342] Бутрус Карамe (1774–1851) – поэт, секретарь, учитель детей эмира Бешира II. О нем см.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 362–372 и др. Частичный перевод, пересказ и анализ касыды Бутруса Караме см. там же, с. 369–372.

[343] Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – востоковед, писатель, журналист. В 1819 г. закончил Виленский университет, между 1819 и 1821 гг. посетил Ближний Восток. В 1820 г. семь месяцев провел в Горном Ливане, занимаясь, в частности, в коллегии в Айн-Туре у профессора Венского университета, в прошлом священника при эмире Юсуфе Шихабе, Антуна Арыды (1736–1820). О своем пребывании в Сирии О.И.Сенковский оставил повесть «Воспоминания о Сирии» (Собрание сочинений Осипа Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. 1. СПб., 1858).

[344] Шейх Мухаммед ал-Хут (1794–1859) – мусульманский богослов, учитель Хуссейна Бейхума (ум. 1881), деятеля сирийского культурного возрождения.

[345] Халийа – стихотворное произведение, имеющее рифму в виде слова «хал» в разных его значениях. См. примеч. 342.

Абд ал-Баки-эфенди ал-Омари ал-Фаруки (ок. 1790–1862) – по характеристике Крымского, «крупный псевдоклассический поэт Ирака» (История новой арабской литературы, с. 372).

[346] Салим Наккаш (ум. 1884) – сирийский драматург, упоминается у Крымского как племянник Маруна (История новой арабской литературы, с. 547).

Крымский имеет в виду работы Крачковского: Шейх Абу Наддара. Основатель арабской сатирической прессы в Египте (1839–1912). – Восток. 1924, кн. 4, с. 165–168; и Ново-арабская литература – Записки Института востоковедения АН СССР, 1935, т. 3, с. 159–182. См. также примеч. 184.

[347] Муратов Хасан Исхакович (1867–1941) – тюрколог, ученый секретарь Института востоковедения.

[348] Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) – тюрколог. Окончил в 1903 г. факультет восточных языков Петербургского университета, ученик И.М.Мелиоранского, занимался у В.Д.Смирнова, В.В.Бартольда, В.Р.Розена. С 1907 по 1938 г. преподавал в Петербургском–Ленинградском университете, с 1911 г. был хранителем Восточного музея факультета восточных языков и преподавателем Практической восточной академии. После 1917 г. активно участвовал в реорганизации учебных и научных учреждений, с 1922 г. стал ректором Петроградского института живых восточных языков, был главою этнографического отдела Государственного Русского музея. В 1929 г. был избран академиком и до 1933 г. был академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук. Между 1934 и 1937 гг. являлся директором Института востоковедения АН СССР. Арестован и расстрелян.

Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – языковед-славист. Окончил в 1911 г. Казанский университет, был профессором Иркутского (1918–1920), Казанского (1920–1921), Московского (с 1921) университетов. Член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Занимался сравнительно-историческими исследованиями грамматики славянских языков, а также македонской диалектологией.

Насонов Николай Викторович (1855–1939) – зоолог. Академик Петербургской АН с 1906 г. Окончил Московский университет в 1879 г. В 1889–

1906 гг. был профессором Варшавского университета, 1906–1921 гг. – директором Зоологического музея, с 1921 по 1931 г. заведовал лабораторией экспериментальной зоологии АН СССР.

[349] Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – китаист. Академик АН СССР с 1929 г. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета в 1902 г.; с 1910 по 1951 г. преподавал в Петербургском-Ленинградском университете, с 1913 г. работал в Азиатском музее, затем в Институте востоковедения АН СССР.

[350] О муфтии Асад-эфенди см.: История новой арабской литературы, с. 439–442.

[351] Бутрус ал-Бустани (1819–1883) – сирийский просветитель. О нем см.: *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, с. 396–409 и др. Здесь речь идет о докладе Бустани «Литературное просвещение у арабов», опубликованном в 1859 г. в Бейруте (см. там же, с. 451–454).

[352] См.: *Крачковский И.Ю.* Арабистика и история народов СССР. – Вестник АН СССР. 1938, № 5, с. 52–61.

Бертельс Е.Э. Авиценна и персидская литература. – ИАН, 1938, № 1–2, с. 75–94. Из «других» А.Е.Крымского мог интересовать доклад А.Я.Борисова «Авиценна как врач и философ» (см. там же, с. 51–73).

[353] Дауд-паша (Давуд-паша) (1816–1873) – губернатор автономного Горного Ливана в 1861–1868 гг. Происходил из армяно-католической стамбульской семьи, образование получил во французском учебном заведении Галаты (Стамбул) и в Берлине. Занимал ряд должностей в турецкой администрации, участвовал в выработке Органического статута Ливана в 1860 г. Статью о нем Крачковского см.: Русская энциклопедия. VI, 1914.

Газета «Ал-Любнан» была основана Дауд-пашой в 1867 г. как официальный орган Ливанской мутасаррифии.

[354] См.: Сирия, Ливан и Палестина по В.Кюпне. Вып. I–V. СПб., 1899–1903. Имеется в виду вып. I. Бейрутский вилает. СПб., 1899.

Петкович Константин Дмитриевич (1827–1897) – российский дипломат и историк. Родился в Македонии в болгарской семье, с 1843 г. – в России. Образование получил на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Находился на русской дипломатической службе на Балканах, между 1869 и 1892 гг. был российским генеральным консулом в Бейруте. Среди его трудов имеется исследование «Ливан и ливанцы» (СПб., 1885).

[355] *Крачковский И.Ю.* Итоги изучения арабистики в СССР за двадцать лет. – ИАН. Отд. обществ. наук. 1937, № 5, с. 1255–1279.

[356] См.: *Джами.* Селаман и Эбсаль. Пер., коммент., вступит. статья К.И.Чайкина. – Восток. Сборник второй. Литература Ирана X–XV вв. М.–Л., 1935, с. 419–462, 486–487.

О Чайкине см. примеч. 157.

[357] Халиль ал-Хури (1836–1907) – деятель сирийского культурного возрождения, редактор первой арабской газеты в Сирии «Хадикат ал-Ахбар». См.: История новой арабской литературы, с. 481–497.

[358] «Самарат ал-фунун» («Плоды искусств» или, как переводит Крымский, «Плоды научных отраслей») – орган консервативных слоев мусульманского общества Сирии, выходил в Бейруте между 1875 и 1908 гг. См.: История новой арабской литературы, с. 609–610.

[359] Некролог Халиля ал-Хури, написанный Исой Искандером Маалюфом, был помещен в египетском журнале «ал-Муктатаф» за 1908 г., с. 993 и 1909 г., с. 12. См.: История новой арабской литературы, с. 504–505.

[360] Очерк И.Ю.Крачковского был опубликован в 1938 г. по-русски: Дагестан и Йемен. – Памяти академика Н.Я.Марра (1864–1934). М., 1938, с. 358–368; и по-французски: Daghestan et Yémen (Un épisode de la littérature arabe au Caucase du Nord du XVIIIe siècle). – Mélanges de géographie et d'orientalisme offerts à M.E.F.Gautier. Tours, 1938, с. 288–296.

[361] Ал-Азхар – мусульманский университет в Каире, центр мусульманской учености.

В 1903 г. А.Е.Крымский в соавторстве с Б.В.Миллером опубликовал статью об ал-Азхаре: Всемусульманский университет при мечети Азхар в Каире, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная деятельность. – Древности восточные. 1903, т. II, вып. 3, с. 169–199.

[362] Изложение драмы сирийского драматурга Салима ал-Бустани (1848–1884) «Кайс и Лейла» см.: История новой арабской литературы, с. 551–554.

О «Саруджийских плутнях» (1867 г.) Абдалгани Салима Рамадана см. там же, с. 550.

[363] Речь идет о приемном сыне А.Е.Крымского Николае, сыне Н.З.Левченко, родившемся в год ареста Левченко и тогда же усыновленном Крымским. Впоследствии Н.А.Крымский (род. 1929) стал флотским авиационным штурманом.

[364] «Лисан ал-хал» – бейрутская газета, основанная в 1877 г. зятем Бутруса ал-Бустани Халилем Саркисом.

[364a] Снитко Юлия Юлиановна (1874–1942) – сестра И.Ю.Крачковского, писала стихи и выполняла для И.Ю. поэтические переводы арабских поэтов. Брата и сестру связывала большая дружба; с 1929 г. до своей кончины в ленинградскую блокаду Ю.Ю. вместе с мужем С.К.Снитко жила в семье брата.

В письмо от 10.X.1936 г. А.Е.Крымский вложил для Юлии Юлиановны следующее свое стихотворение, относящееся к по существу неизвестному периоду его поэтического творчества:

Нова́ весна!.. Нове́ життя – и проду,
...Ти не мінї.
Минув мій вік. Не я складу вже оду
Новій весні.
Бабуся – смерть мінї шепоче втішно
Про инчу путь:
– Ходи до ме́не! в ме́не так затишно!
Тебе всі ждуть.
Всі ждуть тебе́ – і батько, й мати, й дру́зі,
Кого любив.
Хіба не чуєш? мов вітрець у лузі
Їх тихій спів:
«До нас пора!.. Покинь життя недуже!
«Покинь ярмо!
«Ждемо́ тебе, наш сине, брате, друже!
«Ждемо́!.. Ждемо!..»

А.Кримський

И вновь весна! Жизнь новую подарит
...Она не мне.
Минул мой век. И оду не сложу я –
Младой весне.

Старуха-смерть мне в утешенье шепчет,
Про новый путь:
– Иди ко мне! Здесь так покойно!
Тебя все ждут!
Все ждут тебя! – Отец, и мать, и други,
Кого любил.
Не слышишь разве? Словно ветер в поле
Их тихий зов:
«Пришла пора! Оставь больную жизнь!
Ярмо забудь!
Мы ждем тебя, о сын наш, брат наш, друг наш!
Мы ждем!.. Мы ждем!..»

Пер. М.С.Смирянской

[365] Радзивилл Николай Христофор (1549–1616) – автор «Peregrynacya do ziemi świętej» (Kraków, 1628). Книга была переведена на русский язык в XVIII в.: Путешествие к святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивилла. На иждивении Петра Богдановича. СПб., 1787.

[366] Головинский Игнатий Петрович (1807–1855) – богослов, историк церкви, профессор римско-католического богословия в Киевском университете. С 1842 г. был ректором Петербургской духовной академии. В 1839 г. посетил Сирию, оставил книгу: Pielgrzymka do Ziemi Świętej. T. I–II. Wilno, 1842–1845.

[367] В вопросе о влиянии на итальянского драматурга Карло Гоцци (1720–1806) творчества Низами или «тех старинных иранских сюжетов, которыми воспользовался и Низами в XII в.», Крымский следует за И.Пицци (*Pizzi Italo*. Storia della Poesia Persiana. T. I–II. Torino, 1894). При этом он замечает, что Гоцци заимствовал сюжет для «Турандот» не из «Семи красавиц» Низами, а из персидской сказки сборника «1001 день». «Туран-дохт» – дочь русского (вместе с тем «туранского») государя, задающая трудные загадки (см.: *Крымский А.Е.* Низами и его современники. Баку, 1981, с. 62–63).

[368] Бзоммар – селение в Горном Ливане, где была расположена армяно-католическая духовная семинария. О ней см.: История новой арабской литературы, с. 221, 222.

[369] См.: *Michon J.H.* Voyage réligieux en Orient. T.1. P., 1853, с. 225–228.

[370] Карагёз – «главная фигура в народной турецкой (и арабской) комедии марионеток или теней. Это – черноглазый мужчина, плутоватый ловелас, представляющий значительное сходство с Петрушкой или Полишинелем... Карагезовские представления составляют любимое зрелище турецкого простонародья; принято водить на них женщин, девушек и детей, несмотря на крайне циническое содержание пьес... После венгерского ученого Куноша, издавшего с мадьярским переводом несколько пьес карагеза (1886), европейцы усердно занялись карагезом с 1900-х гг. По-немецки важны работы Г.Якоба (1899–1910); по-русски – В.Миорского ("Константинопольские увеселения", Тифлис, 1903), Вл.Гордлевского, Н.Мартеновича (тексты с переводами, СПб., 1910)». (Ст. А.Е.Крымского в т. 20, стб. 879 «Нового Энциклопедического Словаря». Издание Акционерного Общества «Изд. дело бывш. Брокгауз–Ефрон»).

[371] «Наль и Дамаянти» («Рассказ о Нале») – один из популярных эпизодов древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата». На русский язык переведена В.А.Жуковским.

«Хитопадеша» («Дружеское наставление») – индийская дидактическая повесть, созданная на санскрите между X и XIV вв. Большинство сюжетов заим-

ствованы из «Панчатантры». Неоднократно переводилась на русский язык. При жизни Крымского вышел перевод в 1911–1913. (Хитопадеша. Полезные наставления. Собрание древнеиндийских нравоучительских рассказов. Ч. 1–4. СПб.)

[372] «Калила и Димна» восходит к индийской «Панчатантре», которая в VI в. была переведена на пехлевийский, затем сирийский языки. Арабский перевод и обработку осуществил в VIII в. Ибн ал-Мукаффа'. В XI в. переведена на греческий и с него на древнеславянский под названием «Стефанит и Ихнилат». (См. примеч. 16, 187, 235.)

[373] Вульфила (Ульфила) (ок. 311 – ок. 383) – церковный деятель вестготов, распространял христианство в форме арианства среди германских племен. Считается создателем готского алфавита, автором перевода Библии на готский язык. Сохранившиеся фрагменты этого перевода являются древнейшим памятником готского языка.

[374] Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) – филолог-славист, профессор Киевского и Петербургского университетов, академик Петербургской АН с 1900 г. Темой его докторской диссертации были «Очерки из истории русского языка» (СПб., 1884). В «Лекциях по истории русского языка» (1888) Соболевский привлек материалы памятников древнерусской письменности, характеризующие звуковые и морфологические особенности языка в разные периоды его истории.

[375] Рафили Микаил Гасан-оглы (1905–1958) – азербайджанский тюрколог. В 1928 г. окончил факультет литературы и искусства 1-го МГУ. Сотрудничал в Азербайджанском филиале АН СССР (1933–1935), Институте русской литературы АН СССР (1935–1936), преподавал в Азербайджанском государственном университете (1935–1950), с 1946 г. – профессор. Работал в области средневековой литературы Азербайджана, написал несколько работ о Низами.

[376] В окончательном варианте это заключение было несколько развито (см.: История новой арабской литературы, с. 626).

[377] Варда Язиджи (1838–1924) – сирийская поэтесса, дочь Насифа Язиджи. Ее касыда «Бисмат ан-Нил» («Улыбка Нила») была стихотворным посланием египетской поэтессе Аише Теймур. Свое намерение дать стихотворный перевод «Бисмат ан-Нил» Крымский не осуществил и ограничился лишь краткой характеристикой поэмы (см.: История новой арабской литературы, с. 528).

[378] «Повесть о мешке курда» – арабская сказка, один из вариантов которой записал Крымский во время пребывания в Сирии в 1896–1898 гг. (см.: История новой арабской литературы, с. 586–587).

[379] Френсис Марраш (1836–1873) – сирийский литератор, деятель литературного возрождения. О нем см.: История новой арабской литературы, с. 591–595.

[380] Филипп Тарразн (1865–1956) – ливанский филолог. Имеется в виду его труд: Тарих ас-сахафа ал-арабийа («История арабской журналистики»). Т.1–4. Бейрут, 1913–1933.

Хартман М. (1851–1918) – немецкий арабист, находился в Сирии в 1877–1887 гг. А.Е.Крымский имеет в виду: *Hartmann M.* Reisebriefe aus Syrien. B., 1913.

О «Самарат ал-фунун» см. примеч. 358.

[381] Ал-Химси, Костаки (1858–1941) – сирийский филолог, автор сочинения «Удабā' Халаб» («Алеппские литераторы»). Халеб, 1925.

[382] Фукахат ал-'ушшак ва нузхат ал ахдак («Утехи для влюбленных и услада для очей»). Бейрут, 1874. А.Е.Крымский относит эту работу к ранним

сочинениям Адиба Исхака. См.: История новой арабской литературы, с. 555–556.

[383] «Ал-Хадиййа» («Дар») – церковно-православная газета, основанная бейрутским архидиаконом Григорием в 1883 г. См.: История новой арабской литературы, с. 619–622.

[384] См.: *Крачковский И.Ю.* Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского (Краткая опись). – Избранные сочинения. Т.VI, с. 423–444. Впервые напечатана в не вышедшем в свет т. VII (1921–1924) «Христианского Востока» (Л., 1924, с. 1–20). Сохранились оттиски.

[385] Об отце Ханне Мжаас, православном священнике горного ливанского селения Шувейр, А.Е.Крымский часто упоминал в своих ливанских письмах (см.: Письма из Ливана, с. 155, 158, 161–180 и др.). С ним, в частности, Крымский совершил восхождение на Саннин.

[386] См.: Эндимион. Роман Вернера фон Хейденстама. Пер. с шведского А.И.Шишманова, под ред. и с предисл. проф. И.Ю.Крачковского. – Современный мир. 1917, № 7–9, с. 81–150; 1918, № 1, с. 5–83. По словам Крачковского, цитируемым Крымским, роман Хейденстама – «поэма Дамаска, в которой прорываются трагические ноты отходной арабскому миру».

К роману Хейденстама Крымский обращается в «Истории новой арабской литературы» (см. с. 563–566).

[387] А.П.Ков. – арестованный в феврале 1938 г. арабист Андрей Петрович Ковалевский (1895–1969), бывший студент Лазаревского института и выпускник Харьковского университета. Ковалевский был сотрудником Института истории украинской культуры (1924), состоял во Всеукраинской научной ассоциации востоковедов, а в 1927–1928 гг. входил в редколлегию журнала «Східний світ» (см. примеч. 134). С 1934 по 1938 г. Ковалевский был сотрудником Института востоковедения АН СССР. Между 1938 и 1944 г. находился в заключении и ссылке. С 1947 по 1950 г. он продолжал работу в том же институте, а в 1947 и 1948 гг. преподавал на восточном факультете Ленинградского университета. С 1947 по 1969 г. был преподавателем (с 1958 г. профессором) Харьковского университета.

В 1939 г. И.Ю.Крачковский издал перевод путешествия Ибн-Фадлана и комментарии, выполненные Ковалевским (естественно, без упоминания запретного имени арестованного переводчика). См.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. под редакцией акад. И.Ю.Крачковского. М.–Л., 1939.

[388] Скрыпник Николай Алексеевич (1872–1933) – государственный и партийный деятель. В 1900 г. учился в Петербургском технологическом институте. Избран академиком АН УССР в 1929 г. С декабря 1917 г. находился на партийной и советской работе на Украине, с 1919 г. занимал высшие посты в правительственном аппарате УССР. В 1922–1927 гг. был наркомом юстиции и генеральным прокурором, а с 1927 по 1933 г. – наркомом просвещения.

[389] Любченко Панас Петрович (1897–1937) – государственный и партийный деятель. Окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве в 1914 г. В 1918 г. – член киевского подпольного ревкома. С 1922 г. выполнял работу в исполнительных советах Украины. С 1927 по 1934 г. – секретарь ЦК КП(б) Украины, с 1934 г. – председатель Совнаркома Украины.

[390] Педро Тейхейра, XVI в., испанский путешественник, посетивший Иран.

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., перев., примеч. и указатель А.М.Ловячика. СПб., 1906.

Адам Олеарий – секретарь Голштинского посольства, посетивший Московию и Иран в 1633, 1636 и 1639 гг.

[391] Абу Хамид Мухаммад ал-Газали (1059–1111) – арабоязычный мусульманский теолог и философ, перс по происхождению. А.Е.Крымский посвятил ему в книге «Низами и его современники» (Баку, 1981) II и III разделы (с. 187–201) третьей главы: «Усиление набожных религиозных течений в литературе Ирана в XII веке».

[392] Рукн Абдасселям (ок. сер. XII – 1214) – персидский философ. О нем см.: *Крымский А.*Е. Низами и его современники, с. 206–208.

[393] Ибн ал-Ибри (Бар Эбрей), Абу-л-Фарадж – сиро-арабский писатель XIII в., филолог и богослов.

Ибн ал-Кифти (1172–1248) – арабский историк науки.

[394] Бехази Ибрахим – по-видимому, общий знакомый Крымского и Крачковского по Бейруту. В «Письмах из Ливана» Крымский упоминает братьев Бехази.

[395] Прицак Омельян Осипович (род. 1919) – востоковед-филолог, тюрколог, алтаист. В 1939 г. окончил Львовский университет, где занимался у Вл.Котвича. В 1948 г. защитил докторскую диссертацию о Караханидах в Гёттингене. С 1948 г. – преподаватель этого университета, с 1952 г. – доцент Гамбургского университета (с 1957 г. профессор), с 1960 г. – профессор Гарвардского университета. В 1991 г. возглавил Институт востоковедения АН Украины.

[396] Речь идет о Садик-бее Агабек-заде (Агабекове) (1865–1944) – выпускнике офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. В 1920 – 1930-е годы преподавал в Львовском университете арабский, турецкий (староосманский), персидский языки, мусульманскую палеографию, эпиграфику и каллиграфию.

[397] Котвич Владислав Людвигович (1872–1944) – тюрколог, алтаист, монголист. В 1895 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета. С 1900 г. преподавал маньчжурский и монгольский языки на том же факультете. Был одним из организаторов и первым ректором (1920–1922) Петроградского института живых восточных языков, являлся сотрудником Азиатского музея (1916–1923), в 1923 г. был избран чл.-корр. РАН. В 1923 г. репатриировался в Польшу, где занимался педагогической деятельностью как профессор кафедры филологии Дальнего Востока в Львовском университете. Исследовал проблемы сравнительно-исторического изучения алтайских языков. Умер в Вильнюсе.

[398] Йешиботские (от древнеевр. ешибот – религиозные школы для юношества, в которых изучались юридические и религиозные памятники) – здесь: догматические, схоластические приемы.

[399] Ковальский Тадеуш (1889–1948) – польский востоковед, арабист, тюрколог.

[400] Завалишкий Евгений (род. 1911) – тюрколог; окончил Львовский университет в 1935 г.; с 1939 по 1941 г. – доцент Львовского университета. После войны находился в Западной Европе, затем уехал в Австралию и отошел от востоковедения.

[401] Ал-Харири (1054–1122) и ал-Хамадани (Хамазани) (969–1007) – арабские средневековые литераторы, авторы плутовских макам – новелл, написанных рифмованной прозой со стихотворными вставками.

[402] См.: *Beacher W.* Nizami's Leben und Werke. Lpz., 1871.

[403] См.: *Rieu Ch.* Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. I–III. L., 1879–1883; Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian library, begun by Ed. Sachau, continued,

completed and edited by H.T.Ethé. Pt 1. Persian Mss. Oxf., 1889; Grundriss der Iranischen Philologie unter Mitwirkung von Chr. Bartholomae, H.Ethé, K.F.Geldner, P.Horn... Strassburg, 1895.

Рьё Ш. (1820–1902) – швейцарский востоковед, работал в Англии.

Захау К.Э. (1845–1930) – немецкий востоковед.

[104] См.: *Browne E.G.* A Literary History of Persia. Vol. II. From Firdawsi to Sa'di. Cambridge, 1906.

[105] См.: *Levy Reuben.* An Introduction to Persian Literature. N.-Y. – L., 1969.

[106] Имеется в виду: *Крачковский И.Ю.* Черты андалусской природы в стихах арабского поэта «Садовника» XI–XII в. – Известия Государственного Географического общества. 1939, т. LXXI, [вып.] 10, с. 1466–1479 (а также: Избранные сочинения. Т. II, с. 524–542. О хирийе см. с. 535).

Ибн Хафаджа ал-Андалуси (ум. 1139) – испано-арабский поэт.

[107] Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953) – ориенталист-медиевист широкого профиля. Окончил в 1913 г. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1924 г. – восточный разряд Петроград. ун-та. Член-корреспондент АН с 1943 г. Работал в ГАИМК, Гос. Эрмитаже.

[108] Венсинк А.Я. (1882–1939) – голландский арабист, профессор Лейденского университета.

[109] *Pérès H.* La poésie andalouse en arabe classique au XI-e siècle. Ses aspects généraux et sa valeur documentaire. P., 1937.

Рецензию на этот фундаментальный труд И.Ю.Крачковский опубликовал в «Советском востоковедении», т. III, с. 288–291 (см. также: Избранные сочинения, т. II, с. 575–579).

Пэрэс Анри (род. 1900) – алжирский арабист.

[110] См. примеч. 185.

«ВЕНОК СОНЕТОВ» АРАБИСТА В.А.ЭБЕРМАНА*

Сердце сжимается. Тени учителей не заслоняют рядом стоящих учеников, отошедших ранее нас... Все они близко прикоснулись к науке, и все были зачарованы ею.

И.Ю.Крачковский

Повитые скорбью и гордостью, эти слова основателя нашей послеоктябрьской арабистики относятся прежде всего к ее юным первостроителям – Ивану Кузьмину, Рогнеде Эрлих, Ксении Кашталевой, Василию Эберману... Эти имена, как и ряд более поздних, вечно хранят память отзывчивого сердца науки.

Последнего из названных история востоковедения первых лет революции видит в тесном кругу ближайших учеников Игнатия Юлиановича Крачковского. Ищущий глаз ученого еще в 1919 году отметил третьекурсника Петроградского университета Василия Эбермана среди его товарищей, твердая рука учителя привела юношу в Азиатский музей Академии наук – нынешний Институт востоковедения. Еще далеко не покинув студенческой скамьи, Василий Александрович стал научным сотрудником. Достижения в стенах Академии принесли ему в 1923 году, всего через два года после окончания университета, должность сотрудника 1-го разряда – старшего. Это время застает В.А.Эбермана за напряженной работой. Журнал «Восток» 1923 года (кн.3.) опубликовал два его труда: статью «Арабы и персы в русской поэзии» и переводы стихов средневекового западноарабского поэта Ибн Хамдиса. Чуть позже увидели свет описание очередной коллекции арабских рукописей, поступивших в Ази-

---

* Публикация, вступительная статья и заключение доктора исторических наук Т.А.Шумовского.

За долгие годы пути настоящего сборника к изданию поэма В.А.Эбермана «Венок сонетов» увидела свет в журнале «Восток», 1993 г., № 2, в котором публикацию сопровождали помимо введения Т.А.Шумовского предисловие А.Алмазовой о судьбе рукописи Эбермана и филологический комментарий И.М.Фильштинского о месте поэта Валлаха в арабской поэзии.

атский музей, и сообщение о новых арабистических исследованиях отечественных ученых. Два последних свершения, выполненные в силу служебной необходимости, когда после избрания И.Ю.Крачковского академиком-секретарем одного из отделений Академии наук Эберман в течение некоторого времени единолично представлял арабистику в Азиатском музее, не должны нарушать в нашем представлении той четкой линии научных интересов молодого сотрудника, которая была главной в его творчестве. Первой и постоянной любовью Эбермана в науке проходит через всю его жизнь средневековая арабская поэзия. Эта любовь привела его к серьезным занятиям историей мусульманского искусства и арабской материальной культуры, связав его ради этого с Эрмитажем и нынешним Институтом археологии. В области изучения поэзии он помимо работ, обнародованных «Востоком», осуществил такие крупные исследования, как «Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов» (1926) и «Ал-Хурайми, арабский поэт из Согда» (1930). В «Очерках по истории русской арабистики» И.Ю. Крачковского (М.–Л., 1950, с. 202) к автору этих публикаций отнесены слова: «тонкий исследователь арабской поэзии и миниатюры». Оценка, данная сдержанным академиком, звучит как высокая похвала; она подводит блистательный итог целеустремленной деятельности ученика и всей его жизни, вместившей в себя неполные тридцать восемь лет (19 ноября 1899 – 27 июня 1937).

* * *

Где корни успеха Василия Александровича Эбермана? В семейной обстановке его детства и юношеских лет.

Три петербургские семьи – Брюлловых, Крамских и Эберманов были связаны дружбой, переходившей от одного поколения к другому; прекрасный портрет хирурга Александра Александровича Эбермана, отца будущего арабиста, принадлежит кисти Надежды Крамской, дочери художника. Тщательно подобранная домашняя библиотека, задушевные беседы за столом воспитывали любовь к прекрасному; сила влияния старшего из Эберманов на младшего продолжала сказываться и в позднее время, когда молодой арабист с определившимся влечением к изящному и точному слову поэзии неожиданно выступил со статьей «Медицинская школа в Джундишапуре» (1925).

Скудость уцелевших данных не позволяет решительно назвать книгу или разговор, обратившие именно к арабистике стремление подростка узнавать и творить прекрасное. Можно, однако, твердо предполагать, что серьезный толчок был дан зна-

комством с шестнадцатью стихотворениями А.Федорова, представляющими свободное изложение произведений дамасского поэта X века, чье творчество исследовал И.Ю.Крачковский около 1914 года. Стихи Федорова были напечатаны в начале 1917 года; спустя несколько месяцев юноша Эберман поступил на арабское отделение Петроградского университета. Это сопоставление хорошо обосновывается наличием среди немногих сохранившихся бумаг Василия Александровича пожелтевших листков со старательно переписанным его рукой федоровским текстом.

Если согласиться с тем, что именно восточная поэзия, нашедшая отклик во впечатлительной душе, привела сына хирурга на отделение арабской филологии в университете, то это решение представляется естественным: поэзия и филология – родные сестры; как наука о слове подлинная филология художественна и как торжество силы емкого и точного слова – подлинная поэзия научна.

* * *

Следующий вопрос: что показывает разбор творчества Эбермана, каковы его главные черты и приемы? Налицо стремление предельно приблизить арабскую поэзию к русскому читателю, показав ее не только изнутри, со стороны содержания, но и внешне, в блистательных одеждах легко скользящего звука. Во-вторых, предприняты попытки показать историю через отображение ее в поэзии.

Зреющего филолога его поэтическая душа привела к спору с укоренившимся способом перевода арабских стихотворений и произведений рифмованной прозы. Издавна было принято передавать стихи арабских поэтов буквально, т.е. при помощи прозаического изложения, и переводчиков, подчас крупных ученых, не останавливало то, что из-под их пера выходили, говоря строго, не переводы, ибо спокойные предложения академического языка не могли волновать так, как это делала изящная и глубокая поэзия подлинника. Эберман же еще студентом поставил своей задачей приблизить русский перевод к арабскому источнику. Едва начав заниматься на четвертом курсе, он представил своему учителю И.Ю.Крачковскому полное отображение первой суры Корана; работа помечена 12 октября 1920 года. Здесь перевод последовательно выдерживает рифму подлинника: «н», чередующееся с «м» (в арабском стихосложении рифму образует согласный, замыкающий каждую строку поэмы). Бережно переписанный рукой Крачковского, этот первый опыт Эбермана воспроизведен в книге «Коран» (М., 1963, с. 504).

Спустя всего несколько месяцев, 15 июня 1921 года, арабист-поэт свершает следующий шаг. Обратившись к одному из образцов творчества доисламского поэта Сабита ибн Джабира, он передает в русском переводе уже не только рифму, но и размер арабского стихотворения. Чуть позже (в журнале «Восток», кн.3 за 1923 год, с. 26–30) этот прием распространен им уже на пять стихотворений сицилийско-испанского поэта XI–XII веков Ибн Хамдиса.

Насыщенная научно-литературная деятельность Василия Александровича Эбермана приводила его ко все более зрелым и крупным свершениям. Работа над страницами задуманного в ранней молодости труда «Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов» (1926) значительно расширила его исследовательский кругозор и обогатила опытом. Отражением некоторого смещения пристального внимания в сторону востока халифата явилась большая статья об ал-Хурайми (1930). Среднеазиатский поэт начала IX века предстает здесь в любопытном освещении как свидетель распри между сыновьями знаменитого халифа Харуна ар-Рашида и связанной с этим кровавой смуты в Багдаде — все это запечатлено в его приведенной поэме.

Однако, при всей своей значительности, не эти выступления были главным делом для молодого ученого. В статье «Омар ибн Абу Рабиа» И.Ю.Крачковский пишет в связи с рассмотрением творчества этого поэта: «Исследование дошедших до нас фрагментов дивана Ваддаха ал-Йемени, современника Омара, уже давно подготовленное В.А.Эберманом к печати, может быть, прольет на этот вопрос (о корнях любовной поэзии Омара ибн Абу Рабиа. – *Т.Ш.*) новый свет» (Избранные сочинения. Т.II. М.–Л., 1956, с. 460). Статья написана в 1934 году, слово «давно» возвращает нас к той же полной творческого горения заключительной части 1920-х годов.

Ваддах ал-Йемени... За сто лет до Эбермана, в 1822 году, Стендаль ввел это арабское имя на страницы своей книги «О любви»; несколько позже, в середине XIX века, образ йеменского поэта бросает отблеск на известное стихотворение Гейне о юном невольнике из исторически южноарабского племени Узра, где люди, «полюбив, умирают». Острое любопытство, которое возбуждала личность Ваддаха, объяснялось прежде всего известиями о его близких отношениях с прекрасной женой халифа и об ужасной расправе царственного рогоносца со счастливым соперником.

Издание, подготовленное В.А.Эберманом, до нас не дошло: его не упоминают ни «Очерки по истории русской арабистики» И.Ю.Крачковского (М.–Л., 1950), ни «Биоблиографический словарь отечественных востоковедов» С.Д.Милибанд (М., 1995).

* * *

Причина утраты сложного востоковедного исследования достаточно прозрачна, если вспомнить о времени его создания. Эберман пал одной из первых жертв нараставших гонений против ученых и науки. Начало 30-х годов застает его в ссылке, и скитания длятся уже до конца жизни. Судьба отпустила раннему советскому арабисту всего одно десятилетие деятельного научного творчества.

Но в страдающем теле упрямо билась мысль, беде противостояло призвание – и вот перед нами цепь стихотворений Эбермана, объединенных названием «Ваддах» с подзаголовком «Венок сонетов». Здесь отражены знания и чувства, пришедшие к ученому-поэту за годы изучения творчества давнего арабского пленника любви. Стихи о Ваддахе помечены словами: «1933, Медвежьегорск»; сохранившая их машинопись 11 мая 1935 года подарена автором в Магадане случайному ученику; в поле зрения науки произведение попало в 1985 году.

Не следует удивляться появлению этих стихов, если помнить сказанное выше о неразрывной связи и даже взаимной обусловленности филологии и поэзии. Веком ранее Эбермана, в 1828 году, знаменитый Сенковский, работая над переводами, составившими сверкающее ожерелье «Восточных повестей», создал в духе волновавших его тогда образов сказку «Антар», которая спустя сорок лет вдохновила Римского-Корсакова. Но высокое творчество униженного невольника – знак торжества человеческого мужества.

Подлинность машинописного экземпляра «Венка сонетов» несомненна: он имеет дарственную надпись автора, но главное – язык и дух машинописи и печатных работ Эбермана тождественны. После этих необходимых замечаний читателю может быть представлено само произведение.

ВАДДАХ

Венок сонетов

1

Жену халифа в праздничной Медине
В торжественных и чувственных стихах
Воспел красавец юноша Ваддах.
Она любовь дарит ему отныне.

В Дамаск его увозит в паланкине.
В сундук зеленый спрятан он впотьмах,
Внесен в дворец рабами на плечах,
Скрыт для любви на женской половине.
Но от халифа тайн в гареме нет.
Он просит в дар зеленый тот сундук,
Велит к себе нести и, не открыв,
Сундук хоронит и его секрет.
И ни жене, и никому из слуг
Мук ревности не открывал халиф.

2

Жену халифа в праздничной Медине
Народ встречает пестрою толпой
На пыльных улицах, в полдневный зной.
Ее верблюд колышет в паланкине,
Под пестрою чадрою сизо-синей
Ее глаза сияют красотой.
Народ кругом стоит, как лес густой,
Мединцы шлют привет Умм-аль-Бани́не[1].
Властитель – муж ее, он строг, ревнив.
Он предварил ее приезд фирманом[2],
Внушив поэтам перед нею страх:
«Вали́д – поэтам» – так писал халиф[3]:
«Не воспевайте женщин каравана
В торжественных и чувственных стихах».

3

«В торжественных и чувственных стихах
Да не рискует стихотворец дерзкий,
Внимая джиннам[4] рифм, Аллаху мерзким,
Воспеть тех жен в паломничьих плащах.
Пускай его удержит смертный страх:
Да не падет глава с улыбкой зверской,
Как пали главы в войске иноверском,
Окрасив тысячу песчаных плах».
Шел хадж[5]. Умм-аль-Бани́на поутру
У камня черного сняла чадру.
Она сияла в утренних лучах,
Лобзая камень. И народ, и свита
Ее увидели. Жену Вали́да
Воспел красавец юноша Ваддáх.

4

Воспел красавец юноша Ваддáх
Жену халифа. Мальчик-арапчонок,
Чей волос вьется, стан и голос – тонок,
Спешит к дворцу, держа динар[6] в зубах.
За золотой несет привет в стихах,
И льется стих его, прекрасен, звонок.
Обласкан черный во дворце ребенок,
Письмо несет рабыня впопыхах.
Он призван ей читать в часы досуга.
Поэт-красавец вот вступил в дворец,
Плащом покрыв лицо, грозу сердец.
Снимают чадры. Смотрят друг на друга.
Взор встретил взор. «Ваддáх!» – «Умм-аль-Банúна!»
Она любовь дарит ему отныне.

5

Она любовь дарит ему отныне.
Он был прекрасен, молодой поэт.
От шейхов[7] мудрых он хранил завет
Скрывать лицо на улицах Медины,
Чтоб взоры женщин не смущать картиной
Младой красы во цвете юных лет...
Он во дворце женой переодет,
Причтен к прислужницам Умм-аль-Банúны.
Он любит, он любим... Текут признанья
Из уст его... Лишь стоит раз дерзнуть!
Они звучат на улицах Медины.
Но кончен хадж. И в пышном караване
Она через пустыню держит путь,
В Дамаск его увозит в паланкине.

6

В Дамаск его увозит в паланкине.
Молва о нем меж тем бежит быстрей...
Халиф услышал, что слагал о ней
Ваддáх в далекой солнечной Медине.
Скрывая гнев от глаз Умм-аль-Банúны,
Гонцов он посылает и коней,
Напрасный труд! Ваддáх уж много дней
В Дамаске. Снова он одет мужчиной.

И бродит у мечети он ночами,
И ждет письма он, не сомкнув очей...
Служанка входит. «Радуйся, Ваддах!»
Гласит письмо: «Ты будешь завтра с нами,
Купцом Махмудом, старшиной ткачей,
В сундук надежный спрятанный впотьмах!»

7

В сундук надежный спрятан он впотьмах
Купцом Махмудом, посвященным в дело.
Три сундука в тот день вносили смело,
В ее гарем. В одном из них Ваддах.
«Стой! Тише вы! Что в этих сундуках?»
Кричит евнух... Несчастье налетело...
Ваддах, увы, тут обмочился. Телом
Мы слабы. Так порой влияет страх.
Махмуд кричит: «Не дам смотреть! Ты ткани
Испортил, ты сломал мне в чемодане
Фиал с духами, как велел рабам
Груз опустить... Ступайте, эй вы там!»
Вот дальше двинулась. Так был Ваддах
Внесен в дворец рабами на плечах.

8

Внесен в дворец рабами на плечах,
Ваддах стал тайным жителем гарема.
Халиф послал однажды диадему
С рабом жене. Закрытый впопыхах
В сундук, рабом замечен был Ваддах.
«Дай эту вещь. Молчать я буду немо».
«Как! Эту вещь? Пускай тебя экзема
Покроет! Прочь!» – кричит она в сердцах.
Халифу шепчет раб: «Зайдя случайно
В гарем, я там набрел сейчас на тайну:
Любовник скрыт в зеленом сундуке.
Халиф, спеши! Он – твой, в твоей руке!
Любовник-баловень Умм-аль-Бани́ны
Скрыт для любви на женской половине».

9

«Скрыт для любви на женской половине!?
И смеешь ты так нагло врать, злодей,

На мой гарем? Что? Ты еще? Не смей!
Умри ж, злой пес, умри, умри же ныне!»
Кинжалом он убил его, весь синий
От злости. Кликнув слуг из-за дверей,
Велел убрать он труп раба скорей
И, тотчас встав, пошел к Умм-аль-Бани́не.
Прическу поправляла ей рабыня,
И зеркало она в руках держала.
«Эмиру правоверных мой привет!» —
«Алейкум ас-селям[8], Умм-аль-Банина».
Он на сундук зеленый сел средь зала,
Ведь от халифа тайн в гареме нет.

10

«Хоть от халифа тайн в гареме нет, –
Сказал он, – не могу постигнуть цель я,
Зачем сюда от резвого веселья
Моих наложниц ты бежишь, мой свет?»
Она с улыбкой молвила в ответ:
«Здесь я могу ковры, меха газельи
И лисьи, кость слонов и ожерелья
Перебирать весь день – вот в чем секрет».
Ее прервал он манием руки:
«Так подари мне эти сундуки,
Шкаф закажу я, убранный слюдою».
«Мне сундуки удобней, милый друг».
Она в смятенье: кончится бедою,
Он просит в дар зеленый тот сундук!

11

Он просит в дар зеленый тот сундук!..
«Аллах! Он – муж мне, этот грузный, старый...
Ваддáх же быстр, как страус степной, поджарый,
Прохлада глаз моих, мой юный друг...
Аллах! Голодным дам пшено, урюк,
Холодным я раздам плащи, шальвары,
Безродных в тюрьмах я спасу от кары...
Аллах! Е г о избавь от смертных мук!» –
«Итак, ты медлишь? Этот лишь прошу я,
Зеленый. Все же золотом червонным
Я возмещу тебе». – «Он – твой, халиф».
Зовет он знаком слуг толпу большую,

Она в отчаянье: сундук зеленый
Велит к себе нести он, не открыв!

12

Велит к себе нести и, не открыв,
Велит ковры снимать он в тронном зале
И яму рыть. Уста его припали
Тут к сундуку. И вымолвил халиф:
«Греха не совершаем мы, зарыв
Сундук один, когда мы лжи внимали.
Но корень зла мы вырвем без печали,
Когда его донос был справедлив».
Сундук на дно глубокое могилы
Он на канатах опустить велит.
Ни слова тут не проронил поэт.
Сундук зеленый скроет тайну милой,
Он молча примет гибель. Так Валид
Сундук хоронит и его секрет.

13

Сундук хоронит и его секрет,
И труп раба бросает в ту могилу,
И скоро пестрота ковров покрыла
Ваддаховой могилы свежий след.
Валид один. Роскошно он одет.
Молва о нем полмира огласила.
Страшна для румских[9] войск арабов сила,
Валида хвалит чуть не целый свет:
Владеет он Испанией, Ираном,
Египтом, Индией и Туркестаном...
Какой же червь его утробу режет?
Зачем покой гарема будит скрежет?
Но не откроет сердца скрытых мук
Он ни жене и никому из слуг.

14

Он ни жене и никому из слуг
Не скажет, что готов лишиться власти,
Чтобы, подобно золоту запястья,
Обвить одну из этих стройных рук,

Иль, как чадра – чела высокий круг,
Обнять, как пояс – стан, прекрасный в страсти,
Быть с ней, жить в ней... А он, халиф... несчастье!
Он не любим женой, он ей не друг!
Лишь ночь, его объемлет страсти трепет:
Из воска он его фигуру лепит,
В огонь бросает, мысли устремив
К геенне: «Ад, пожри же тень злодея!»
И хоть не спит, бледнеет и худеет,
Мук ревности не открывал халиф.

15

Мук ревности не открывал халиф,
И во дворце Ваддáха тень видали.
Умм-аль-Банúна тает от печали.
Однажды ночью, обо всем забыв
И повторяя страстный свой призыв,
В одном плаще, без чадр и без сандалий
Идет и умирает в тронной зале...
Он сам не свой, ее похоронив...
Из года в год уходят в хадж арабы,
Из года в год идут коснуться Каабы,
Верблюды движутся в песчаной дáли...
Но в этой пестрой торжества картине
С тех пор муслúмы[10] больше не видали
Жены халифа в праздничной Медине.

Медвежья Гора 1933 г.

[1] Имя жены халифа.
[2] Приказом, эдиктом.
[3] Валид – омейядский халиф VIII в.
[4] Духи, обитающие в пустыне, вдохновляющие поэтов наподобие наших муз.
[5] Обряд паломничества.
[6] Золотая монета.
[7] Старцев.
[8] «И тебе мир» (араб.) – обратное приветствие.
[9] Византийских, греческих.
[10] Мусульмане.
(Примечания 8 и 10 внесены нами, остальные принадлежат В.А.Эберману. – *Т.Ш.*).

Последняя строка в каждом предыдущем сонете (кроме первого – вводного) повторяется первой строкой последующего – таким образом, перед нами как бы звенья, образующие единую стихотворную цепь. Этим подчеркивается последовательность развития общего для всех частей содержания.

Легкий, непринужденный, хотя и не всегда искусный стих, стремительно раскрывающий за картиной картину, искупает некоторые шероховатости: недостаточную чистоту рифмы; случаи неудачного подбора рифмующего слова (по одному в пяти сонетах); нарушение размера (один случай). Содержание исторического события, которое, как и у других творений подобного рода, просится на музыку, представлено полно, полузабытые частности выписаны тщательно и достоверно.

Стихи ссыльного востоковеда, оставшегося верным предмету своих исследований и в тяжкую пору лихолетья, достойно венчают его короткую и яркую жизнь.

Краткий список печатных работ В.А.Эбермана приведен в упоминавшейся выше книге С.Д.Милибанд «Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов» (Кн. II, М., 1995, с. 673).

Е.А.Дорошенко

ОБ АРХИВЕ Ф.М.МАРКИНА

В первые годы советской власти молодое правительство столкнулось с острой нехваткой квалифицированных дипломатов и чиновников, которые могли бы заменить бывших царских послов, советников и специалистов по внешней торговле. Перед ним встала задача подготовки молодых кадров, владеющих восточными языками, обладающих знаниями в области истории, экономики и культуры стран зарубежного Востока. Для этого было необходимо срочно открыть соответствующие учебные заведения. Постановлением Президиума ВЦИК от 27 октября 1921 г. в Москве Лазаревский институт восточных языков был преобразован в Московский институт востоковедения (МИВ).

В течение 20-х годов в этом институте происходила ускоренная подготовка кадров практических работников для выезда за рубеж. В МИВ принималась молодежь в основном по классовому принципу: рабочие, крестьяне, значительно меньше представители интеллигенции, проявившие при вступительных экзаменах незаурядные способности. Большое значение при поступлении имела партийно-комсомольская характеристика с места работы.

Настоящий обзор посвящен рассмотрению небольшого личного архива одного из работников Народного комиссариата по иностранным делам, кто с середины 20-х годов входил в твердый костяк профессиональных кадров этого учреждения, занятых в странах Востока. Речь идет об архиве Федора Матвеевича Маркина, долгие годы работавшего в Персии, в городах Бушир, Шираз, Исфахан, Тегеран. Читателям предоставляется возможность познакомиться с документами, любезно предоставленными нам сыном Федора Матвеевича – Евгением Федоровичем Маркиным.

Судьба Федора Матвеевича Маркина незаурядна. Он происходил из потомственных рабочих, родился в 1901 г. в Брянской губернии. Свой рабочий путь начал подростком в 14 лет на Брянском машиностроительном заводе учеником слесаря. В 1920 г. был призван в армию, служил в спецбригаде по фор-

© Е.А.Дорошенко, 1997

мированию и ремонту бронепоездов, а потом был направлен в Сибирь в 81-й стрелковый полк 27-й дивизии. После демобилизации Маркин возвратился на брянский завод и стал обучаться в школе рабочей молодежи. Закончив школу в 1923 г., по комсомольской путевке Ф.М.Маркин был направлен в Москву для учебы в институте им. Плеханова.

Однако в Москве Федор Матвеевич подал документы в Институт востоковедения, куда и был принят. Он учился в группе персидского сектора и со второго курса был отправлен в краткосрочную командировку в Тегеран, а в 1927 г., после окончания института еще до защиты диплома, он направляется на работу в Русско-персидский банк, отделения которого находились в Бендер-Гязе, Барфоруше, Исфахане и Ширазе. В Персии в течение пяти лет Маркин прошел путь от стажера, осваивавшего профессию счетовода в Бендер-Гязе и Барфоруше, затем старшего бухгалтера в отделении Русперсбанка в Исфахане до управляющего отделением Русперсбанка в Ширазе. С 1931 по 1934 г. Внешторг откомандировывает его снова в Иран (с 1934 г. по указу Резашаха Персия переименована в Иран).

В Иране Ф.М.Маркин занимает должность управляющего одним из отделений Русперсбанка в Тегеране и Тебризе, а позднее становится заведующим оперативным отделом правления, временно исполняя обязанности председателя правления Русперсбанка. В мае 1937 г. Маркин с семьей возвращается в Россию. Он – член правления Госбанка СССР, а позднее начальник финансово-планового отдела НКИД, член ревизионной комиссии правления Госбанка. Накануне войны Ф.М. Маркин получает распоряжение отправиться в командировку в США. 22 июня 1941 г. он вступает добровольцем в ряды народного ополчения и 2-го июля уходит на фронт в составе 2-й ополченческой дивизии, которая, сражаясь под Вязьмой, понесла тяжелые потери. Последняя весточка, полученная семьей от Маркина, датируется 2 октября 1941 г.

Тематически материалы рассматриваемого архива образуют несколько разделов.

Раздел «Личное дело», куда входят биографические заметки, личные документы, в том числе студенческий билет Ф.М.Маркина за 3-й год обучения в институте, в котором обозначены предметы, которые он сдал как экзамены и зачеты; имеется заявление о переносе срока сдачи дипломной работы на декабрь 1928 г. Здесь же имеется текст так называемой живой газеты «Синяя блуза» за 1924 и 1925 годы, поставленной в советском посольстве в Тегеране, а также заметка в стенгазету под названием «Мы строим», имеющая подзаголовок «Советско-пер-

сидская быль». Эти материалы дают представление о деятельности и образе жизни советской миссии.

2-й раздел включает сведения исторического характера: выписки из консульских донесений за 1902 г. управляющего генеральным консульством России в Бендер-Бушире Г.Овсеенко, перевод указа Мохаммед Али шаха от 1906 г. по поводу открытия меджлиса 1-го созыва, а также обзор событий в Тегеране и в персидских провинциях за декабрь 1907 г., в котором обращается внимание на образование многочисленных «энджоменов мелли» с целью оградить население от произвола властей. Дан перевод иранской конституции 1906 г. и текст телеграммы русского поверенного гофмейстера Гартвига, в которой говорится, что шах отвергает требования столичных энджоменов изгнать из Тегерана ряд реакционных деятелей. В том же разделе приведен список кабинетов министров с перечислением всех министров поименно с 1907 по 1923 г. включительно.

3-й раздел содержит материалы об экономике Персии. Здесь помещены выписки из коммерческих бюллетеней торгпредства о торговле Советской России с Персией за 1925–1930 гг., приводятся таблицы, составленные Ф.М.Маркиным, о среднерыночных ценах на сельскохозяйственные продукты на ширазском рынке, документ о внешнеторговых операциях Советского Союза с Ираном, подписанный представителями валютно-финансового сектора Наркомвнешторга и кредитно-планового сектора Внешторгбанка М.М.Руденко, А.Я.Беленьким, Ю.Ю.Чаговым, П.Д.Разгильдяевым. В документе расписан экспорт советских товаров, отправляемых в Персию, за который несет ответственность торгпредство и Русперсбанк. Документы свидетельствуют, что выручка наличными и векселями от реализации проданных товаров, осуществляемая торгпредством, поступает в Русперсбанк, который полученную сумму откредитовывает правлению Внешторга. Выплата, связанная с персидским импортом, производится Русперсбанком только по аккредитивам или переводами из Москвы.

4-й раздел архива можно условно назвать экономической географией Персии. Сюда относятся заметки и записки Маркина об иранских провинциях Хузестан, Керман, Фарс, Исфахан, Гилян.

В отдельный,5-й раздел входят записки и прогнозы по экономике Ирана, а также большая работа Ф.М.Маркина о финансах страны.

6-й раздел содержит фотоматериалы, в которых коллективные снимки сотрудников Русперсбанка в Ширазе и членов их семей, прием персидских купцов членами Русперсбанка в Шира-

зе, пятничная молитва, церемония празднования шиитского праздника Мохаррама и др.

В 7-м разделе помещены подробный доклад И.Фонштейна о «банковском деле в Исфахане», а также очерк А.Атаяна «Армяне в Новой Джульфе» (указанные материалы в печати не опубликованы).

Имеющиеся в архиве маргиналии, записки, заметки, рукописи говорят о характере практических и научных интересов Ф.М.Маркина. Они же явились серьезным подспорьем для написания работы, тема которой ему была подсказана известным ученым-экономистом Шморгонером, специалистом в области внешней торговли СССР с Ираном и другими странами Востока. Тема называлась «Финансовое положение и бюджет Персии». В плане-проспекте говорилось, что в первую очередь Маркин должен обратить внимание на экономику (сельское хозяйство и промышленность), торговлю и финансы страны, познакомиться с системой землепользования в провинциях (преимущественно тех, где он будет находиться), узнать о наличии обрабатываемых и пустующих земель, соотношении зерновых и технических культур, водоснабжении, участии иностранного капитала в сельском хозяйстве Ирана. Указывалось на необходимость составить представление о налоговой системе, характере взимаемых податей, социальных отношениях, получить сведения об особенностях государственных и частных предприятий. Ф.М.Маркину рекомендовалось познакомиться с рабочей статистикой и рабочим законодательством, кустарными промыслами, проникновением иностранного капитала в эти отрасли иранского производства, узнать, что представляют собой коммерческие и смешанные общества и кооперативы, характер экспорта и импорта Ирана, попытаться спрогнозировать будущее транспорта страны.

Архив Ф.М.Маркина позволяет составить представление о разных формах его работы в Иране: написание служебных и критических записок по ряду вопросов, составление прогнозов, отправляемых, по-видимому, в соответствующие директивные инстанции. Одновременно видно, что автор архива на основании вышеприведенной программы писал работу, посвященную бюджету и финансам Персии.

В архиве имеются материалы, относящиеся к внешней торговле Персии с Советской Россией и другими странами за 1922–1924 гг. Кстати, данные персидской таможни показывают известную пассивность торгового баланса с СССР. Первое место в экспорте Ирана занимала Англия, прежде всего за счет Англо-иранской нефтяной компании и торговли нефтью, и только второе – Советский Союз (Ф.М.Маркин отмечал, что СССР в эти годы впервые после войны и революции восстановил русско-

персидскую торговлю), третье – США, а четвертое – Египет (Германию Ф.М.Маркин не упоминает).

Несмотря на то что Ф.М.Маркин прибыл на постоянную работу в Персию не раньше 1925 г., в архиве имеется аналитическая записка за январь 1923 – март 1924 г., составленная им же и связанная с анализом перспектив советско-иранской торговли в связи с открытием в Ширазе отделения Русперсбанка. Шираз, лежащий на перекрестке торговых путей, связывающих юг страны с центром и северными провинциями, являлся перевалочным пунктом товаров, шедших из Индии, Франции и Англии. Из местных ширазских товаров в Тегеран, Исфахан и другие города ввозились цитрусовые, перец и свечи, из Калькутты и Бомбея – свинец, из Франции и Англии – мануфактура. Шираз осуществлял посредничество между иностранными компаниями и местными купцами по экспорту персидских ковров в европейские страны и Индию, а также опиума, который шел в Китай, Японию и Индию; по мнению Маркина, после введения правительственной монополии на опиум, в ширазском районе, вполне вероятно, могло получить развитие хлопководство, распространению которого могли способствовать средства, выделенные Национальным банком.

Как полагал автор справки, Национальный банк Ирана, как и местное купечество (имеется в виду, по-видимому, ширазское и исфаханское купечество), находился в сильной зависимости от английского капитала. Составитель справки отмечает, что открытие филиала Русперсбанка в Ширазе приветствовалось народом, но с ним «связано незначительное число купцов». В то же время, боясь конкуренции, англичане начинают более внимательно относиться к запросам местных купцов.

Маркин сетует на то, что основная масса товаров направляется в Бушир, где нет отделения Русперсбанка и «было бы желательно открыть там наше отделение для развития торговых операций». Автор справки отмечал отсутствие постоянных связей с Тегераном и Мешхедом, хотя торговля с Мешхедом, по мнению Маркина, была выгодна. Он обращает внимание на то обстоятельство, что кредитование ширазских купцов в Русперсбанке на 50–60% происходит под залог опиума. К записке приложен подробный список купцов Шираза, Бушира и Исфахана, занимающих солидное положение, говорится о связях с ними отделений Русперсбанка, приводятся транспортные возможности Шираза, количество частных машин и гаражей.

В рассматриваемом архиве имеется «Предварительный обзор заготовительного рынка провинции Фарсистана». Ф.М.Маркин считает «непростительным пренебрежением» к операциям по вы-

возу в Россию продукции местного кустарного производства южных провинций Персии, что, по мнению (далеко не бесспорному) автора обзора, явилось причиной неразвитости русско-персидской торговли на юге Персии до первой мировой войны. Им же отмечено, что в этих районах чувствуется господство на местных рынках Англии, Германии, Японии, Индии, Китая. Согласно Ф.М.Маркину, если царская Россия в свое время могла использовать ряд экспортных возможностей Ирана, то для Советской России таких возможностей нет, ибо у нее пока отсутствуют широкие связи с сетью местного купечества. В обзоре приводится экспортная номенклатура товаров провинции Фарсистан и данные о возможностях экспорта ряда иранских товаров в СССР.

В разделе «Экономическая география Персии» нам представляется интересным описание провинций и областей Хузестана (юго-западный Иран), Кермана (юго-восточный Иран), Фарсистана или Фарса (южный Иран), Исфахана (центральный район), Хамадана (северо-западный Иран), Гиляна (северный Иран) и др. Описание провинций и районов сопровождается критическими замечаниями Ф.М.Маркина. Так, говоря о южных портах, в том числе о Бушире, давая описание экономического положения Кермана как центра по производству персидских ковров, автор считает, что как Бушир, так и Керманская провинция в целом обслуживают в основном английские и германские фирмы, в то время как возможности торговли с Советской Россией минимальные, поскольку иранские купцы испытывают постоянное сильное давление со стороны Англии. Как подчеркивает автор, советским торгпредством ведется работа по выяснению возможностей сбыта советских товаров в Кермане. Уже поступили заказы на советские сельскохозяйственные орудия: плуги, бороны, сеялки и др. Маркин отмечал также, что в Кермане хорошо реализуются советские нефтепродукты, вытесняя бензин компании «Стандард ойл». В то же время Ф.М.Маркин указывал на то, что в начале–середине 20-х годов происходит упадок коврового производства в Иране вследствие сильного падения мировых цен за границей и прекращения ввоза из Германии специальных красок.

Не остается вне поля зрения Ф.М.Маркина город Хамадан, лежащий на торговых путях в Тегеран и на юг Ирана. С начала 20-х годов Хамадан, по мнению Маркина, испытывал сильное экономическое и политическое влияние Англии, США и Франции, поскольку их главного конкурента – царской России – больше не существовало, а Советская Россия была экономически еще слаба. Вместе с тем Маркин выяснил, что хамаданское ку-

печество по-прежнему испытывало симпатии к России и в случае появления в Хамадане русских товаров оно готово было «порвать с Лондоном». Другие сведения касались нефтяных ресурсов этого района, заметно увеличивавших значение Хузестанской провинции Персии, роли Англо-иранской нефтяной компании. Маркин писал и о структурных изменениях в торговле, о привнесении капиталистических элементов в экономику данного района. Он обратил внимание на торговые города и порты Хузестана: Ахваз, Мохаммера, Дизфуль и др. Что касается перспектив экспорта советских товаров в Хузестан, то Советская Россия, как пишет Ф.М.Маркин, в силу ряда причин, в том числе значительной иностранной конкуренции, «пока (речь идет о середине–конце 20-х годов) в торговле с Хузестанской провинцией не участвует», хотя некоторые советские товары «могли бы найти на местном рынке хороший сбыт», в том числе текстиль, сахар, стекло, а также лес и металл (в случае установления советских морских рейсов до порта Мохаммеры).

В архиве имеются записки Ф.М.Маркина о проекте постройки североперсидской железной дороги. Он пишет о необходимости прокладки в Персии железных дорог, и в первую очередь в районах добычи полезных ископаемых (нефти, металлов и т.п.), а также в районах развития агрокультур. «Наличность же в конечном пункте примыкания таких железных дорог к водному пути и портам Каспийского моря и русских транзитных путей для товарообмена с Европой, – писал Маркин, – делает северную персидскую дорогу самым рентабельным предприятием в схеме других железных дорог». По мнению автора записки, в проекте должны быть оговорены тип дороги (одноколейная), ее протяженность, грузоподъемность и пропускная способность. Ф.М.Маркин особое внимание обращает на железную дорогу Джульфа – Тебриз с мостом через реку Аракс и ее ветку на Урмийское озеро. Отмечая, что эта дорога была по советско-иранскому договору 1921 г. отдана Ирану безвозмездно, он подчеркивает чрезвычайно важное стратегическое значение этого железнодорожного объекта, соединяющего СССР с Иранским Азербайджаном. Эта дорога занимает важное место в общей торговле Советской России с Персией. Касаясь немного истории, Ф.М.Маркин упоминает о том, что во время первой мировой войны и революции в России торговые железнодорожные связи между двумя соседними странами были нарушены, дорога разгромлена, несколько подвижных составов было угнано в Закавказье и только после окончания революции между Персией и Россией возобновились железнодорожные перевозки грузов. Однако попыткам укрепления дороги Джульфа – Тебриз сильно

препятствовала, как пишет Маркин, деятельность американских советников в Иране.

Имеется материал о ремесленном производстве изделий и разной утвари из желтой и красной меди, а также из жести в Исфахане. Маркиным составлена и подробно разработана программа по изучению кустарных промыслов в Исфахане, которая сама по себе представляет интерес. В ней указывается, что надо обратить внимание на число мастерских и их категории, мастеров, подмастерьев и учеников, их заработную плату, стоимость оборудования, характер продукции, а также систему приобретения сырья, роль оптовых закупок, трудовые объединения ремесленников, тенденции развития или упадка ремесла и т.п. При исследовании этого вопроса Ф.М.Маркин установил, что в Исфахане имелось не менее 200 мастерских (середина–конец 20-х годов XX в.), в которых было занято около 1000 кустарей, из которых 600 являлись учениками от 8 до 17 лет. Работа тяжелая, зарплата низкая. Отсутствует охрана труда. Производятся самовары из желтой и красной меди, наиболее ценятся самовары из желтой меди. Отмечается, что медь и никель привозятся в основном из Англии купцами-посредниками и покупаются в кредит из расчета 12% годовых. Сбыт изделий в другие города происходит при посредстве местных купцов.

В аналитической записке «Признаки экономического возрождения Персии», относящейся, по-видимому, к концу 20-х – началу 30-х годов, Ф.М.Маркин делает вывод, который может быть оспорен, что все иностранные концессии, за исключением Англо-персидской нефтяной компании, в течение 50 лет не способствовали развитию экономики в Персии, будучи заинтересованными исключительно в рынках сбыта своих товаров. Как писал автор записки, в эти годы Персия занялась развитием железнодорожного и шоссейного транспорта, без которого «немыслимо проектировать развитие промышленности Персии». Депутаты парламента внесли законопроект о постройке железных дорог на севере и северо-западе Персии. Для изыскания средств на постройку дорог предусматривалось обложение дополнительным налогом некоторых ввозимых товаров. Эти налоги предполагалось взимать также за импортируемый чай и сахар. Как предполагал Маркин, роль иностранного капитала должна была, очевидно, выявиться в форме предоставления Персии иностранной технологии, оборудования, инженеров и т.п. Автору записки удалось ознакомиться с наиболее интересными предложениями немцев, которые предлагали построить узкоколейку от Тегерана, возвести плотину электростанции, соорудить подвесную дорогу, построить цементный и кирпичный заводы, кожевенную и шелкомотальную фабрики.

В архиве Ф.М.Маркина содержатся материалы, связанные с его работой о бюджете, финансах и налоговой системе Персии. Первоначально эта тема планировалась как дипломная работа, но впоследствии она имела свое продолжение, поскольку Маркин занимался ею в течение того времени, когда находился в Иране. Предварительно одна из важных частей рукописи «Налоги Персии» обсуждалась 4 февраля 1928 г. в Исфахане в специальном кружке из числа советских экономистов. Во время обсуждения автору был сделан ряд критических замечаний Ивановым, Лактионовым, Фонштейном и др.

Обращает на себя внимание рукопись Ф.М.Маркина под названием «Материал к финансовому положению Персии», объемом в 174 страницы. Первая историко-обзорная часть рукописи, в которой говорится о финансовом положении Персии, начиная с династии Сефевидов (XVI в.) и кончая серединой 20-х годов XX в., носит в основном описательный характер.

Вторая часть рассматриваемой работы посвящена налогам и финансам Персии XX в.[1]. Эта часть снабжена многочисленными таблицами доходов от обложения акцизным сбором культуры табака (1922/23 г.), опиума (1921 г.), спиртных напитков, показан рост поступлений от таможенных сборов (1898/99–1922/23) и от поступлений на средства передвижения; говорится о паспортных сборах на въезд и выезд, за убой скота, даны некоторые данные о содержании шахского двора и расходах министерств, указывается и на государственные долги Персии. Анализируются 1-й и 2-й золотые займы, выданные Персии царской Россией в 1900 г. Даны таблицы займов и авансов России за 1900–1924 гг. Подробно рассматриваются авансы по 100 тыс. ф.ст., полученные за тот же период времени Персией от Англии и России, погашение которых должно было производиться за счет свободных остатков от дохода южных таможен.

Оценки Ф.М.Маркина деятельности Англо-персидского банка в Персии однозначны и соответствуют духу советской публицистики. Он видит только кабальный ее аспект, хотя банк сумел привести в порядок расстроенные финансы страны и сконцентрировать в своих сейфах торгово-денежный капитал местных купцов и предпринимателей. Он обвиняет американского советника Мильспо в расстройстве иранских финансов и вообще критически оценивает его деятельность, обосновывая свою позицию лишь ссылками на газету «Михан» от 16 ноября 1923 г.

Рассмотрев аграрные отношения в Иране[2], Ф.М.Маркин делает вывод о том, что крестьянство Персии не может серьезно участвовать в активном накоплении капитала. Только в тех районах, где культивируют хлопок, имеются сады и другие товарные культуры, положение дел лучше.

Сообщая общий торговый баланс Персии с начала 20-х годов, Маркин заключает, что иранское правительство имело от торгового оборота 8% годовых, что составляло 30% государственного бюджета, а доходы купечества были в два с лишним раза больше, из чего становится ясно, что при благоприятных условиях именно купечество Ирана может иметь накопления.

Говоря об огромных внутренних ресурсах Персии, автор обращает внимание на «случайное и бессистемное отношение» к собственным лесам на севере страны (по-видимому, в провинции Гилян).

Анализируя иранский бюджет, Ф.М.Маркин останавливается на некоторых его особенностях. Во-первых, он составлен на основе лишь ожидаемых поступлений доходов; во-вторых, преобладает уверенность, что в дальнейшем положение финансов улучшится за счет увеличения налогов и сокращения расходов; в-третьих, расходная часть бюджета «почти полностью» идет на содержание двора, правительства, чиновников и армии. «Только нация, – писал Ф.М.Маркин, – должна установить бюджет, благодаря которому она сможет стать сильнее и устойчивее. Средний класс: буржуазия, коммерсанты и студенты – требуют проведения реформ и установления народного контроля над расходуемыми средствами». В то же время автор констатирует: «Для нас, работающих в Персии и имеющих возможность наблюдать за общественной жизнью, ясна бесплодность этой затеи в условиях полного самоуправства».

Рукопись Маркина «Материал к финансовому положению Персии», думается, может стать источником для знакомства с некоторыми вопросами экономики Ирана, однако полное отсутствие ссылок на первоисточники и литературу до некоторой степени снижает ее значение.

Ф.М.Маркин находился в Иране в тот период, когда глава государства Реза-шах и его правительство начали искать новые пути и выход за счет внутренних ресурсов и освобождения страны от колониальной зависимости.

Материалы архива до известной степени отражают характер подготовки кадров, взгляды, кругозор, методы работы советских экономических представителей на Востоке, и в этом заключается значение рассмотренного архива.

[1] Автор отмечает, что в средние века и в новое время в Персии «отсутствовал истинный бюджет», а финансовый режим знаменовался «беззастенчивыми поборами населения, носившими разные формы». В то же время существовали традиционные мусульманские налоги – хумс, закат, а также светские налоги – малиат или харадж, которые взимались с крестьян чаще всего натурой

в виде доли урожая от 15 до 20% его. На содержание знати, войска и чиновников крестьяне также облагались различными сборами, поставляли фураж и провиант войскам, несли повинности по строительству кяризов и канатов и т.п. Крестьяне-райаты были обязаны ежегодно подносить «пишкеш» помещикам и властям. С «неверных», т.е. немусульман, брался налог «джизийа».

[2] Как очевидец Маркин свидетельствует, что иранские крестьяне не были крепостными. Одни имели небольшие наделы, другие арендовали земли у помещиков, третьи работали на землях «халесе» (государственные земли). Подсчитывая число рабочих рук в крестьянской семье, рабочий скот, земельный надел (хотя земельного кадастра не было), Маркин считал, что бесконечные налоги и были причиной того, что крестьяне Персии не в состоянии стать капиталистами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (архивы)

Архив ИВ РАН	–	Архив Института востоковедения Российской академии наук.
ГАРФ	–	Государственный архив Российской федерации.
СПбФ Архива РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
СПбФ ИВ РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И.М.Смилянская) 3

К.Б.Старкова. Андрей Яковлевич Борисов 8

Г.М.Емельянова. Александр Моисеевич Шами (Илья Наумович Тепер. 1893–1938) 39

И.М.Смилянская. Моисей Маркович Аксельрод как исследователь социально-политических проблем Арабского Востока 82

Х.И.Кильберг. Воспоминания о М.М.Аксельроде 108

И.М.Смилянская. Несколько слов о Х.И.Кильберг – авторе воспоминаний об Аксельроде 111

А.О.Тамазишвили. Академик И.Ю.Крачковский в Московской группе Института востоковедения АН СССР 115

И.Ю.Крачковский. Записки о деятельности Российского Палестинского общества (Публикация, вступительная статья и комментарии А.О.Тамазишвили) 137

В Совет Палестинского общества 139

Предположения относительно плана работ РПО на первый год и ближайшую пятилетку 141

Российское Палестинское общество и перспективы его работы 142

Переписка академиков А.Е.Крымского и И.Ю.Крачковского 1920-1930-х годов (Публикация И.М.Смилянской) 155

Предисловие (И.М.Смилянская) 155

Письма 168

Примечания (И.М.Смилянская и А.Г.Недвецкий) 320

«Венок сонетов» арабиста В.А.Эбермана (Публикация Т.А.Шумовского) . 369

Е.А.Дорошенко. Об архиве Ф.М.Маркина 381

Список сокращений 392